

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1970 ГОД

Основан в 1957 г.
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

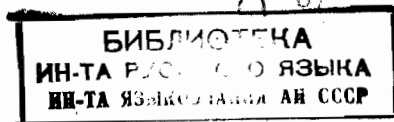
«Археографический ежегодник за 1970 год» включает статьи и материалы по вопросам археографии и источниковедения, обзоры и публикации архивных документов.

Ряд статей посвящен выявлению и публикации ленинских документов (первому советскому тематическому сборнику произведений В. И. Ленина, методике обнаружения ленинских материалов в архивах). Публикуются статьи о проблемах собирания и использования письменных источников в советских архивах, о предмете, методе и источниках изучения истории государственных учреждений, о публикаторской деятельности Н. И. Вавилова, о занятиях И. К. Кирилова и В. Н. Татищева русской историей, статья акад. Б. А. Рыбакова «Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в.», доклады И. Л. Андроникова «О современных коммуникациях в сфере археографических поисков», В. Б. Павлова-Сильванского «М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций» на «Тихомировских чтениях 1970 года».

В «Ежегоднике» печатаются материалы, дающие представление о дальневосточных и центральноазиатских фондах Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, архиве Теймураза Багратиони, фондах историков (А. Е. Преснякова, В. И. Семевского, В. И. Шункова), публикуются документы по истории Италии X в., материалы библиотеки Соловецкого монастыря и др.

Редколлегия:

С. О. Шмидт (отв. редактор), Ю. В. Андрушайтите, С. Н. Валк,
Н. А. Долдобанова (отв. секретарь), Б. Г. Литвак



66141.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

М. С. Веселина

О МАНДАТАХ, УДОСТОВЕРЕНИЯХ, ПОЛНОМОЧИЯХ, ПОДПИСАННЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ

**(К составлению сводного списка разысканных работ
и документов В. И. Ленина)**

Списки разысканных работ В. И. Ленина были подготовлены и опубликованы дважды: в приложениях к томам третьего издания Сочинений и Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Список, помещенный в приложениях к Полному собранию сочинений, гораздо больше предыдущего по объему (свыше 900 названий) и шире по составу: в него включены сведения не только о работах В. И. Ленина, но и о написанных и отправленных письмах, телеграммах и других документах; названы даже целые группы документов (например, «Переписка», «Переписка с родными» и др.).

Дополнительные данные для розыска дают в обоих упомянутых изданиях Сочинений списки документов, в редактировании которых принимал участие В. И. Ленин, и списки работ, возможно принадлежащих В. И. Ленину.

В процессе работы по розыску ленинского литературного и документального наследия в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) накопился большой справочный материал, свидетельствующий о том, что назрела необходимость составления сводного списка, в котором в соответствии с «Положением о границах и составе фонда документов В. И. Ленина» (ф. 2) должны войти все разысканные работы и документы, над которыми в той или иной степени работал Владимир Ильич¹.

Уже давно исследуются несколько групп источников, дающих ценные сведения для поиска. Так, изучение переписки В. И. Ленина дало возможность установить, что часть ленинских документов еще не разыскана. В произведениях В. И. Ленина упоминаются документы, книги, статьи, ранее им написанные, но до сих пор не найденные или отсутствующие на хранении в Центральном партийном архиве ИМЛ (ЦПА ИМЛ). В воспоминаниях соратников В. И. Ленина, опубликованных в самых разнообразных изданиях — от газет до сборников документов, не только рассказывается о встречах с Владимиром Ильичем, но часто приводятся и тексты его писем, записок, телеграмм и т. д. Упоминания об отправленных В. И. Лениным письмах имеются также в делопроизводственных документах Совнаркома и Народных комиссариатов тех лет.

¹ «Фонд документов В. И. Ленина». М., 1970, стр. 178.

Необходимость поиска ленинских документов заставляет расширять круг источников, выяснять фамилии лиц, у которых они могли сохраниться. В этом отношении ощутимые результаты дало изучение протоколов СНК, Совета Обороны (с 1920 г. Совета Труда и Обороны — СТО) в ЦПА ИМЛ (ф. 19).

Известно, что, будучи председателем этих государственных органов, В. И. Ленин участвовал в заседаниях, в подготовке целого ряда материалов, редактировании многих постановлений, подписывал подлинные протоколы и постановления, направляемые в другие учреждения, выдаваемые мандаты и удостоверения, писал тексты резолюций, делал пометки на повестках заседаний. В ходе заседаний он часто переписывался по различным вопросам с присутствующими.

В текущем делопроизводстве СНК и СТО до 1924 г. эти ленинские документы, за исключением той их части, которая была разослана в другие учреждения или выдана на руки, хранились вместе со всеми другими материалами в протоколах. Когда протоколы поступили в архив Института Ленина, из них ленинские рукописи и документы с правкой и подписью В. И. Ленина были изъяты и включены в состав бывшего Основного фонда (позже в ф. 2), а на их место положены машинописные копии. Подлинники были отреставрированы и помещены для лучшей сохранности в сейфы.

До середины 50-х годов на машинописных текстах не были указаны шифры, отсылающие исследователей к номерам подлинников этих документов в ф. 2, а также и к публикациям. Это обстоятельство затрудняло работу научных сотрудников ИМЛ и исследователей. После того, как в конце 50-х годов эта кропотливая работа была закончена, стало ясно, что часть ленинских документов, разосланных в 1917—1922 гг. в другие учреждения или выданных на руки, отсутствует в ф. 2.

Особенно наглядно это несоответствие обнаружилось, когда были проставлены шифры на отпусках мандатов и удостоверений, выданных по Постановлениям СНК и СТО за подписью В. И. Ленина².

Выше уже говорилось, что в процессе работы выявляются новые источники, указывающие направления более успешного поиска ленинских документов. Такой группой документов, не использованной в ранее опубликованных списках неразысканных работ В. И. Ленина, являются отпуски мандатов, удостоверений. В данной статье речь идет о процессе выявления этих документов в материалах ЦПА ИМЛ и ЦГАОР СССР, их значении для составления сводного списка неразысканных работ и документов В. И. Ленина, а также для дальнейшего поиска.

Из протоколов СНК и СТО все 366 отпусков мандатов и удостоверений, подлинников которых не оказалось в ф. 2, автором данной статьи были переписаны на карточки³. Анализ картотеки показывает большую ценность этих лаконичных документов.

Мандаты и удостоверения ярко иллюстрируют одну из особенностей работы Советского государства. В труднейшее для республики время, выдвигавшее то одну острейшую проблему, то другую, приходилось прибегать к чрезвычайным мерам и средствам их решения. Совет Народных Комиссаров и Совет Труда и Обороны в целях быстрого и четкого ис-

² Документы СНК и СТО, подписанные В. И. Лениным, имели исходящие номера с литером «а» и регистрировались в отдельных регистрационных журналах. Отпуски, как правило, представлены машинописными текстами. В некоторых случаях в качестве отпуска откладывался ленинский рукописный текст с подписью Ленина (такие отпуски сразу учитываются в ф. 2), а подлинник мандата, выданный на руки, печатался на машинке и вторично подписывался В. И. Лениным.

³ Картотека была составлена в 1961 г. С тех пор, за 10 лет упорной работы по розыску, 30 подлинных мандатов и удостоверений поступили в ЦПА (об этом см.: «Пополнение фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС». — «Вопросы истории КПСС», 1963—1966, 1968).

полнения общих постановлений вынуждены были посылать еще и чрезвычайных уполномоченных. Именно с этими целями в большинстве случаев и выдавались мандаты и удостоверения. Удостоверения выдавались преимущественно при назначении на должности; мандаты — для выполнения особых разовых поручений, заданий. Но в делопроизводстве резкой разницы между этими документами не было. Идентичные по форме и содержанию документы назывались то мандатом, то удостоверением. Подлинные подписи Председателя СНК и управляющего делами СНК, печать, дата и номер регистрации по исходящему журналу придавали и тому и другому документу одинаковую юридическую силу.

Основная часть 366 отпусков этих документов в упомянутой картотеке ЦПА ИМЛ относится к 1919—1922 гг., лишь немногие к 1918 г. Мандаты и удостоверения за 1918 г. в большинстве случаев свидетельствуют о назначении на должность заместителей наркомов, членов коллегий Наркоматов, членов Реввоенсовета, Всероссийской комиссии эвакуации имущества и других учреждений. В 1919 г. большинство такого рода документов выдано для выполнения отдельных заданий чрезвычайным уполномоченным по ремонту железнодорожного транспорта, экстренной эвакуации дров и лесных материалов, подвозке хлеба, организации санитарного дела на фронтах, созданию особых продовольственных комиссий по снабжению Красной Армии, уполномоченным по делам нефтяного и грузового транспорта на Каспии и многим другим.

Мандаты и удостоверения 1920—1922 гг. говорят об исполнении Постановлений СНК и СТО, направленных, в основном, на восстановление народного хозяйства: об организации комитета по всеобщей трудовой повинности, о назначении председателей трудовых армий, о создании комиссий по учету убытков России от блокады Антанты, об обследовании санитарного дела и восстановлении курортов южного берега Крыма; об организации заготовок продовольствия, о борьбе с голодом. Некоторые документы рассказывают о том внимании, которое В. И. Ленин уделял приему представителей крестьянства. Например, 21 марта 1921 г. он вызвал в Москву «для беседы и совета по важному делу, касающемуся крестьянского хозяйства», трех крестьян села Бекетово Уфимского уезда Уфимской губернии. Черновики удостоверений, судя по тексту, были написаны В. И. Лениным, но они не обнаружены. Один подлинник удостоверения был найден у владельца его, А. Р. Шапошникова, в конце 1940 г. и получен на хранение в ЦПА ИМЛ⁴. Подлинники двух других отсутствуют, отпуски их хранятся в делах протоколов СНК⁵.

Надеемся, что изучение мандатов и удостоверений с привлечением других источников займет в будущих исследованиях свое место. Ценность их несомненна. Это показала работа с одним из таких документов. В 1963 г. из Государственного музея революции СССР поступило сильно потертое и разорванное удостоверение № 17453 от 9 сентября 1920 г., выданное Васильеву. По своему оформлению оно отличается от большинства удостоверений: подписано кроме Председателя СНК В. И. Ленина еще председателем ВЦИК М. И. Калининым, заместителем наркома продовольствия Н. П. Брюхановым и председателем Верховной комиссии Наркомпочтеля А. М. Любовичем, секретарем ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинским. Заверено удостоверение печатями всех пяти организаций. Говорилось в нем, что т. Васильев командирован «в Симбирскую губернию для ответственного руководства заготовительной кампании 1920—1921 г.» в качестве председателя Симбирского губпродсовещания. Ему было предоставлено «право делать распоряжения по объе-

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 105.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 414, лл. 116—118.

динению работ всех местных органов Советской власти, направленные к усилению заготовительной деятельности продорганов». Он мог требовать от всех органов исполнения «всех его (Васильева) распоряжений, касающихся области продовольственного дела», мог мобилизовывать всех местных работников, отменять постановления местных органов, «которые противоречат продовольственной политике центра», отстранять от должности и предавать суду дезорганизаторов работы продорганов. «Всем учреждениям, организациям... оказывать т. Васильеву незамедлительное всяческое содействие при исполнении возложенных на него поручений»⁶. Этим Васильевым оказался один из старейших членов партии товарищ Михаил Иванович Васильев-Южин, участник революции 1905 г., Великой Октябрьской социалистической революции. В 1919—1921 гг. он — член коллегии НКВД, один из организаторов советской милиции.

«В 1920 году я был командирован ЦК и ВЦИК в Симбирскую губернию», — писал он позднее в своей автобиографии⁷. О выполнении этого задания М. И. Васильев-Южин, к сожалению, больше ничего не сообщал.

Другие документы помогли раскрыть одну из сторон работы ЦК РКП(б), ВЦИК и Совнаркома. Центральный Комитет РКП(б), обращаясь 4 сентября 1920 г. к губернским комитетам, разъяснял положение с продовольствием и требовал «особого внимания к продовольственной заготовительной кампании текущего года»⁸. В письме подробно излагалось, каким образом должны действовать советские организации и все население, чтобы избежать последствий засухи.

Для помощи местным советским и партийным организациям и был послан М. И. Васильев в Симбирскую губернию; такие же представители, с такими же документами в сентябре 1920 г. поехали в Тульскую, Орловскую, Уфимскую, Гомельскую, Челябинскую, Екатеринбургскую, Тамбовскую губернии и в Сибирь. Пока удалось установить только эти губернии, но, возможно, уполномоченные посылались и в другие губернии.

Из опубликованных воспоминаний известно, что все они побывали у Владимира Ильича. Так, Н. А. Милютин, получив «обширный мандат», почти не отличающийся от удостоверения, выданного М. И. Васильеву, выехал в Орловскую губернию. Позднее он написал о своей работе⁹, рассказав, как при встрече Владимир Ильич интересовался и настроениями крестьян, и работой местных партийных и советских органов, и количеством заготовленного хлеба. Так самые лаконичные документы первых лет Советской власти — мандаты и удостоверения — в комплексе с другими источниками обогащают наши представления о ранее известных фактах.

Благодаря составленной в ЦПА ИМЛ картотеке отпусков мандатов и удостоверений (по ф. 19) облегчается работа по розыску их подлинников. А среди них могут быть мандаты не только подписанные, но и написанные Лениным. Вместе с тем анализ текста этой группы документов, ряд делопроизводственных признаков (указание на то, что это копия, особая нумерация, заранее отпечатанная на бланке должность — «Председатель Совета Народных Комиссаров» или «Председатель Совета Труда и Оборона» и др.) или дополнительные косвенные данные

⁶ «Ленин и Симбирск». Документы, материалы, воспоминания. [Саратов], 1970, стр. 155. Подробнее об удостоверении см.: М. С. Веселина. За подписью Ленина.—«Огонек», 1964, № 4, стр. 17.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 316, л. 16.

⁸ «Известия ЦК РКП(б)», 4 сентября 1920 г.

⁹ Н. А. Милютин. По заданиям Ленина.— В кн.: «Воспоминания о В. И. Ленине» в 5-ти томах, т. 4. М., 1969, стр. 200—202.

могут дать основания для включения в ф. 2 отпусков мандатов и удостоверений, подписанных Лениным, даже при отсутствии ленинского автографа¹⁰.

Таким образом, отпуски мандатов и удостоверений должны быть включены в сводный список неразысканных документов В. И. Ленина: во-первых, как его составная часть (поскольку тексты отпуска и подлинника, как правило, идентичны) и, во-вторых, как источник, устанавливающий факт авторства В. И. Ленина, указывающий пути дальнейшего поиска ленинских рукописей и документов, подписанных Лениным, прежде всего через выявление фамилий лиц, с которыми Ленин был связан и у которых они могли сохраниться¹¹.

Дальнейшая работа по розыску документов В. И. Ленина натолкнула на мысль сверить записи некоторых журналов регистрации исходящих бумаг СНК, хранящихся в ЦГАОР СССР, в фонде Совета Народных Комиссаров, с документами из ф. 2 в ЦПА ИМЛ. Вместе с сотрудниками ЦГАОР СССР был проверен «Журнал регистрации удостоверений, выданных СНК за период с 3 ноября 1917 г. по 26 января 1918 г.»¹² Первое удостоверение было выдано 3 ноября 1917 г.: «т. Адриановской о данном ей поручении обойти все военные отделы Смольного института и собрать сведения о газетах...»¹³

Этого документа нет пока на хранении в ЦПА ИМЛ, и мы ничего не знаем об исполнении задания. Из этого журнала регистрации узнаем, что 11 ноября Н. И. Подвойскому было выдано удостоверение о назначении его заместителем народного комиссара по военным делам. Есть запись о выдаче 14 ноября Н. П. Горбунову удостоверения «о действительном несении им обязанностей секретаря СНК»¹⁴.

12 декабря 1917 г. М. С. Кедров, член партии с 1901 г., получил удостоверение о том, что он назначен товарищем народного комиссара по военным делам. «Множество раз я держал перед глазами этот документ,—вспоминал Михаил Сергеевич,—вглядывался в драгоценную подпись, каждую букву ее, каждую черточку. Изучал всякую мелочь удостоверения. И бумага, и чернила, шрифт, печать, подпись начинали говорить и лучше всяких слов повествовали о давно минувшей эпохе»¹⁵.

Мы привели лишь некоторые примеры записей мандатов и удостоверений первых дней Советской власти, подлинников которых в ЦПА ИМЛ не имеется.

Из 134 зарегистрированных в журнале и выданных удостоверений и мандатов подлинников, подписанных В. И. Лениным, в ЦПА ИМЛ найдено только 40. Фамилии владельцев остальных были взяты на учет для дальнейшего поиска. Однако на этом выявление фамилий лиц, у которых были в свое время ленинские документы, не закончилось.

Позднее сотрудниками ЦГАОР СССР была составлена картотека на отпуски мандатов и удостоверений, подписанных Лениным, которые хранятся в делах переписки Управления делами СНК с Наркоматами, губернскими Советами и другими организациями.

¹⁰ Примеры установления авторства В. И. Ленина в составлении мандатов на основании текста их отпусков см.: Т. Ф. Авраменко. Мандаты, подписанные В. И. Лениным.— «История СССР». 1970, № 2, стр. 138—139.

¹¹ При составлении такого перечня фамилий по всем другим источникам, которые могут дать сведения для поиска, прежде всего приходится отбирать фамилии тех лиц, о которых известно, что ленинские документы у них были. С этой целью может быть использован и указатель имен из приложений к Полному собранию сочинений В. И. Ленина.

¹² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, ед. хр. 58.

¹³ Там же, л. 1.

¹⁴ Там же, л. 1—1 об.

¹⁵ М. С. Кедров. Два удостоверения.— В кн. «Воспоминания о В. И. Ленине» в 5-ти томах, т. 3. М., 1969, стр. 156.

Закончив работу, сотрудники ЦГАОР СССР проанализировали картотеку, привлекая воспоминания и другие документы. Т. Ф. Авраменко опубликовала очень интересный обзор документов. Основное внимание она сосредоточила на том, что отпуска мандатов и удостоверений — ценный исторический источник, обойденный вниманием исследователей. В подтверждение этого тезиса она привела яркие примеры по выяснению и уточнению фактов, дат и других сведений биографии Ленина¹⁶, датировки некоторых событий, связанных с его деятельностью.

Картотека, составленная в ЦГАОР СССР, включала сведения на 800 человек. В результате сравнения каждого из документов с подлинниками, хранящимися в ЦПА ИМЛ, выяснилось, что более половины подлинных документов уже имеется в ЦПА. Конечно, по отпуску не видно, какую работу провел тот человек, которому был выдан документ. Подлинник, не раз побывавший в руках регистраторов разных учреждений, часто сильно потертый, может дать большее представление о делах, которые были совершены его владельцем. Сравнение картотеки ЦПА ИМЛ, составленной по протоколам СНК и СТО, и картотеки ЦГАОР СССР, составленной по делам переписки СНК и СТО, дало возможность установить следующее: почти половина картотеки ЦГАОР СССР дублировала картотеку ЦПА ИМЛ; другая часть картотеки ЦГАОР СССР была представлена отпусками, сведений о которых в ЦПА ИМЛ не было.

В результате этой работы выяснилась такая деталь системы делопроизводства СНК и СТО — мандаты и удостоверения готовились в трех экземплярах: один — подлинник, который подписывался В. И. Лениным, а иногда и им самим составлялся, выдавался на руки; второй — проходил регистрацию в исходящей книге рассылки копий, выписок из протоколов, получал номер и дату, прилагался по этим номерам к материалам протоколов (это делалось в целях облегчения поиска документа для текущих справок); третий экземпляр получал тот же номер и дату и подшивался в дело, которое по теме командировки было заведено в Управлении делами. Например, мандаты и удостоверения с командировками по продовольственным вопросам отложились в делах переписки СНК с Наркомпродом, документы о решении топливных вопросов — в делах переписки СНК с Главтопом, ВСНХ и т. п.

Выяснились и еще некоторые важные детали о выданных мандатах. Например, на отпусках, хранящихся в делах переписки Управления делами СНК, иногда встречаются пометки о получении подлинников. Так, на отпуске мандата, выданного М. И. Астрахан, командированному 25 октября 1919 г. Советом Обороны в Минск, Витебск, Смоленск и Гомель для эвакуации дров и лесных материалов, имеется надпись: «Мандат получил для передачи 25.X.1919 г. А. Парамонов»¹⁷. На отпуске мандата, выданного 16 августа 1919 г. Бурцеву, командированному в составе особой комиссии СО для руководства операциями по экстренной вывозке дров и лесоматериалов из Минской, Гомельской и Смоленской губерний, написано, что мандаты на имя Бурцева, Каписа (так в тексте. — М. В.), Хорохорина получил С. М. Хорохорин¹⁸. Подлинники мандата С. М. Хорохорина и Каписа были получены еще в 30-е годы и хранятся в фонде документов В. И. Ленина в ЦПА ИМЛ. Такая же пометка о получении мандата имеется на отпуске документа, выданного 3 июля 1919 г. П. С. Сорокину — уполномоченному по эвакуации продовольственных грузов Московского Совета, сделанная самим владельцем на день позже — 4 июля¹⁹.

¹⁶ Т. Ф. Авраменко. Указ. статья, стр. 136—140.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 378, лл. 80—82.

¹⁸ Там же, л. 69.

¹⁹ Там же, ед. хр. 381, л. 613.

Работа по сравнению отпусков мандатов и удостоверений с подлинниками этих документов дала возможность выявить еще одну, подобную им группу. В ЦПА ИМЛ, в ф. 2 хранятся документы (в виде подлинников или фотокопий), которые называются полномочиями, хотя по содержанию и оформлению они очень похожи на мандаты и удостоверения. Полномочия выдавались лицам, выполнявшим поручения дипломатического характера.

Практика собирания документов В. И. Ленина показывает, что нередко мандаты, удостоверения и полномочия выдавались и без оставления отпусков в делах СНК. В последние годы, например, Институтом марксизма-ленинизма был разыскан и получен интересный мандат, выданный работнику системы Наркомата путей сообщения В. А. Новикову²⁰. Как видно из документа и как рассказывал сам В. А. Новиков, мандат был заготовлен в НКПС, подписан наркомом В. Невским и уже с ним Василий Андреевич пошел к Владимиру Ильичу. Ленин подписал мандат и дал самые точные указания о выполнении задания по отправке хлебных маршрутов из Тамбовской губернии в Москву. Иногда мандаты готовились в аппарате ВЦИК, НКВТ или НКИД. В. И. Ленин подписывал подлинник, и он выдавался на руки. Если подлинник такого документа не найден, то найти его отпуск в делопроизводстве других учреждений очень трудно, но искать необходимо. Некоторые подлинные документы, в подтверждение полномочий, передавались их владельцами соответствующим учреждениям тех государств, куда командированы были наши представители.

Сопоставление отпусков мандатов и удостоверений, хранящихся в протоколах СНК и СТО, отпусков аналогичных документов, хранящихся в делах переписки Управления делами СНК и СТО и журнала регистрации, дало возможность в картотеке ЦПА ИМЛ увеличить количество известных отпусков мандатов, удостоверений, полномочий (поскольку большинство отпусков полномочий отсутствует в материалах СНК, полномочия учитываются не по отпускам, а по фотокопиям с подлинников, хранящихся в архивах других государств) почти до 700 документов²¹. Соответственно увеличился список лиц, в архивах которых надо искать подлинники. В двух картотеках встречается целый ряд одних и тех же фамилий. Поэтому общее число фамилий лиц, архивы которых нужно разыскивать и изучать, оказалось гораздо меньше, чем количество отсутствующих документов. Во многих случаях у одного и того же лица может быть до 5—8 документов. Так, только по картотеке ЦПА ИМЛ, в архиве В. А. Аванесова должно быть три документа; три удостоверения — у М. К. Владимирова, у Я. С. Ганецкого и др. Самым главным обстоятельством, требующим внимательного отношения к этим документам, является то, что часто кроме мандатов в личных архивах их владельцев хранятся и другие документы В. И. Ленина, характеризующие его деятельность и в большинстве случаев теснейшие связи со своими соратниками.

Три года назад, например, от родственников Павла Ильича Попова — первого управляющего ЦСУ — были получены подлинные удостоверения, которые известны нам были только в виде отпусков. Очень интересным оказалось подлинное удостоверение о командировке на Украину. Документ датирован 22 июля 1921 г., известен был по машинописной копии, сохранившейся в архиве В. И. Ленина — Председателя СНК. Постановлением СТО П. И. Попову поручалось войти в соглашение с правительством Украинской республики по вопросам помощи в деле учета урожая. Полученный подлинник этого удостоверения истерт,

²⁰ В. Ярошенко. Хлеб и революция. — «Московский комсомолец», 22 апреля 1969 г.

²¹ «Фонд документов В. И. Ленина», стр. 115.

имеет отметки о пребывании П. И. Попова в Харькове и других городах. Сравнение картотек мандатов, составленных в ЦПА ИМЛ и ЦГАОР СССР, показало, что в картотеке ЦГАОР СССР значатся еще два отпуска удостоверения П. И. Попова. Одно выдано 3 июля 1918 г. и удостоверяет, что Постановлением СНК от 30 июня он назначен управляющим ЦСУ. Второе удостоверение — от 8 марта 1919 г. — о делегировании П. И. Попова на Украину с целью участия в работе по организации украинской статистики и для согласования статистических работ РСФСР и Украины²². Их подлинники еще не найдены.

Кроме удостоверений из архива П. И. Попова его родственниками в 1968 г. переданы письма Владимира Ильича. Среди них машинописный текст за подписью В. И. Ленина давно разыскиваемого письма в ЦСУ от 6 июня 1921 г., автограф записки И. И. Скворцову-Степанову и другие документы²³.

Можно предположить, что имеются и другие документы В. И. Ленина, посланные П. И. Попову, так как ко всем таблицам или книгам, которые В. И. Ленин направлял в ЦСУ на проверку, он прилагал сопроводительные письма, записки. Необходимо провести тщательную сверку всех писем В. И. Ленина с полученными от него в ЦСУ материалами и установить, какие ленинские документы до сих пор не найдены.

В заключение можно сделать следующие выводы. Изучение мандатов, удостоверений, полномочий в комплексе с другими источниками позволяет выявить новые интересные и важные подробности по отдельным вопросам истории первых лет Советского государства, особенно о деятельности В. И. Ленина, его соратников, рядовых борцов за социализм. Как на группу материалов на эти документы В. И. Ленина исследователи обращали мало внимания до настоящего времени. Между тем отпуски отсутствующих в ф. 2 мандатов, удостоверений, полномочий, выданных по Постановлениям СНК и СТО и подписанных В. И. Лениным, являются неоценимыми источниками для сводного списка неразысканных работ и документов В. И. Ленина, а также, пожалуй, одним из главных указателей фамилий лиц, в личных архивах которых могли сохраниться ленинские документы.

На этом основании они должны войти в состав сводного списка неразысканных работ и документов В. И. Ленина.

²² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 365, л. 271; оп. 3, л. 384, л. 238.

²³ «Ленинский сборник», XXXVII. М., 1970, стр. 299—300; М. С. Веселина. Поиски и находки. — «Вестник статистики», 1970, № 4, стр. 65—66.

Е. А. Луцкий

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Среди различных видов изданий трудов В. И. Ленина важное место занимают тематические сборники его произведений. Первый сборник— «Экономические этюды и статьи»— был издан в Петербурге в 1899 г. В него вошли некоторые работы В. И. Ленина, написанные в 1897—1898 гг. В. И. Ленин внимательно относился к изданию сборников его произведений: писал для многих сборников предисловия, выправлял транки или верстку, отмечал опечатки. Он пользовался ими в дальнейшей работе.

Значение тематических сборников произведений В. И. Ленина особенно возросло после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда произведения В. И. Ленина стали оказывать все большее влияние на общественные процессы в нашей стране и во всем мире. Первым был выпущен небольшой сборник «Материалы по аграрному вопросу», характеристике которого посвящается настоящая статья.

Сборник вышел из печати в конце 1917 г. Предисловие к нему В. И. Ленин написал 27 ноября 1917 г.¹ Для того чтобы понять соображения издателей и объективное значение издания сборника, необходимо рассмотреть, как обстояло тогда дело с решением аграрного вопроса в нашей стране.

Прошел уже месяц после издания декрета «О земле». В стране шла напряженная борьба вокруг декрета. Аппарат министерства земледелия еще находился в руках правых эсеров, которые старались сорвать осуществление декрета «О земле», противопоставив ему законопроект С. Л. Маслова, частью принятый Временным правительством на последнем заседании 24 октября 1917 г.² Через аппарат министерства товарищ министра земледелия Н. Ракишников разослал 20 ноября циркуляр всем губернским и уездным земельным комитетам, который сводился к тому, чтобы оставить имения в руках помещиков, поставив их под охрану земельных комитетов³. Только что закончившийся Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов одобрил декрет «О земле»; открывшийся 26 ноября Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов также должен был обсуждать аграрный вопрос и определить свое отношение к декрету «О земле». В деревне же

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 119—120.

² О законопроекте С. Л. Маслова см. статью В. И. Ленина «Новый обман крестьян-партий эсеров» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 428—433).

³ Подробнее см.: Е. Луцкий. Борьба вокруг декрета «О земле» (ноябрь—декабрь 1917 г.).—«Вопросы истории», 1947, № 10, стр. 15—39.

развертывалась борьба за конфискацию помещичьих имений. Аграрная революция нашла отражение и в идейно-теоретической борьбе, заполнившей публицистику того времени.

Идеологи русской буржуазии уже тогда, в конце 1917 г., выступили в печати с концепцией, признававшей известную закономерность революции в России, но революции буржуазной. П. Б. Струве писал 23 ноября 1917 г., что русская революция «является как бы прандиозными народными судорогами, в которых должен родиться в России режим, основанный на личной собственности (прежде всего земельной) широких народных масс. Революция эта буржуазная...»⁴

Лидеры правых эсеров — идеологи крестьянской буржуазии со своей программой социализации земли и тактикой соглашения с буржуазией, в сущности, вели крестьянство к осуществлению перспективы, о которой мечтал Струве, а затем П. Н. Миллюков, Н. В. Устрялов и другие сменовеховцы. Но, разумеется, правые эсеры не могли открыто присоединиться к такой буржуазной программе. IV съезд партии правых эсеров, заседавший с 26 ноября по 5 декабря 1917 г., объявил, что революция в России — не буржуазная и не социалистическая, а «народно-трудовая»⁵. Правые эсеры по-прежнему считали, что аграрный вопрос может быть решен только Учредительным собранием. В резолюции об Учредительном собрании съезд правых эсеров указал, что Учредительное собрание должно провозгласить законом начала, определенные эсеровской программой социализации земли⁶.

В газетах правых эсеров и других антисоветских партий и через месяц после Октябрьской революции продолжали писать, что большевики, составив декрет «О земле», «украли» эсеровскую программу⁷. Но некоторые правые эсеры стали понимать, как невыгодно выступать против декрета «О земле», заявляя в то же время, что в основе его лежит программа эсеров. В эсеровской печати появилась критика крестьянских наказов. Характерной в этом отношении является большая статья П. Вихляева, опубликованная в трех номерах центрального органа партии эсеров. Автор, не стесняясь, писал, что декрет якобы направлен «против интересов наиболее обездоленных классов — городского рабочего класса, безземельных и малоземельных крестьян» и называл его «контрреволюционным». «Невольно возникает вопрос, — продолжал автор, — каким образом мог появиться столь враждебный трудовому народу законодательный акт, если в его основании лежит сводка 242 местных крестьянских наказов?

Объяснение и находится в том, что за основу общегосударственного «законодательства» было взято механическое объединение местных чаяний. Местные пожелания не были переварены в правовом котле государственности...»⁸

Левые эсеры, хотя и поддержали Советскую власть и заключили правительственный блок с большевиками, но в понимании аграрного вопроса остались на идейно-теоретических позициях эсеровской программы социализации земли. На I Всероссийском съезде партии левых эсеров, происходившем 19—28 ноября 1917 г., один из докладчиков — Б. Д. Камков — говорил, что именно партия эсеров сумела правильно наметить и разрешить аграрный вопрос⁹. В резолюции по земельному

⁴ Петр Струве. В чем революция и контрреволюция? Несколько замечаний по поводу статьи И. О. Левина. — «Русская мысль», 1917, кн. XI—XII, стр. 59.

⁵ «Дело народа», 5 декабря 1917 г.

⁶ «Дело народа», 7 декабря 1917 г.

⁷ Евг. Лукашевич. Украденная программа. — «Труд», 14 (27) ноября 1917 г.

⁸ П. Вихляев. Что дает трудовому народу декрет о земле. — «Дело народа», 30 ноября 1917 г.

⁹ «Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов)». М., 1918, стр. 15.

вопросу, предложенной левыми эсерами и принятой Чрезвычайным Всероссийским съездом крестьянских депутатов, наряду с присоединением к декрету «О земле», подтверждалось постановление о земле I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, составленное эсерами. Свой блок с большевиками левые эсеры объясняли крестьянам тем, что большевики, «у которых аграрной программы не существует», как писал один из левых эсеров¹⁰, перешли к программе эсеров и, как писал другой левозероветский автор, «должны были отказаться от старых своих предрассудков, они должны были признать за крестьянами те же права, что и за рабочими». Большевики, по их мнению, отказались от лозунга «диктатуры пролетариата», который левые эсеры понимали как лозунг «Вся власть только рабочим», и согласились с лозунгом «Вся власть единой воле трудового народа! Вся власть союзу трудящихся — вся власть рабочим и крестьянам!»¹¹. Из приведенных положений видно, какие путаные, теоретически и политически неправильные представления были у левых эсеров.

Некоторые члены партии большевиков, более всего — перешедшие из других партий, также не разобрались в ленинском, большевистском разрешении аграрного вопроса и тактике партии по отношению к крестьянству. Ю. Ларин (М. А. Лурье) в декабре 1917 г. написал предисловие к издаваемому сборнику своих статей по аграрному вопросу, в котором утверждал, что «по основному земельному вопросу пролетариат принужден был отказаться от своей программы и подчиниться «социализации», всегда неутомимо обличавшейся нами в экономической реакционности»¹². Он считал возможным переход к социализму в сельском хозяйстве лишь по пути урбанизации. Накануне Октябрьской революции он писал, что «крупные капиталистические сельские хозяйства должны быть переданы после конфискации (в интересах пролетариата) городским самоуправлениям или их союзам, областным или общегосударственному»¹³. Крестьянам Ларин считал возможным передать лишь земли, ранее сдававшиеся помещиками в аренду крестьянам. Вероятно его (и В. П. Милютину) проект декрета «О земле» был составлен на подобных основаниях, почему и был отклонен на заседании ЦК партии большевиков ночью 24—25 октября¹⁴. Позже, во время дискуссии конца 1918 — начала 1919 г. о формах социалистического строительства в сельском хозяйстве, Ларин выступал за так называемую совхозизацию, видя в совхозах единственный путь к созданию социалистического сельского хозяйства. В своих заблуждениях по аграрному вопросу Ларин не был одинок. Почти одновременно, в декабре 1917 г., Е. А. Преображенский выступил с проектом новой аграрной программы большевистской партии, показывавшей непонимание автором ленинского отношения к аграрной программе крестьянства и переходу крестьян к социализму.

Партия большевиков должна была дать отпор всем этим антимарксистским и антисоветским представлениям по аграрному вопросу, раскрыть их враждебность интересам рабочего класса и широких масс трудящегося крестьянства, окончательно разоблачить эсеров, завоевав тем самым руководство Советами крестьянских депутатов, развертывать дальше аграрную революцию, доведя до конца ликвидацию поме-

¹⁰ С. Рудаков. Итоги и перспективы. (К крестьянскому съезду). Статья первая. — «Известия Чрезвычайного Всероссийского крестьянского съезда», № 5, 26 ноября 1917 г.

¹¹ А. Ш. Власть рабочих и крестьян. — Там же, № 12, 3 декабря 1917 г.

¹² Ю. Ларин. Крестьяне и рабочие в русской революции. Пг., 1918, стр. 2.

¹³ Ю. Ларин. Война и земельная программа. Пг., 1917, стр. 15.

¹⁴ Подробнее см.: Е. А. Луцкий. Подготовка проекта Декрета о земле. — «Октябрь и гражданская война в СССР». М., 1966, стр. 238—243.

щичьего землевладения и открыв дорогу для постепенного перехода трудящегося крестьянства к социализму. Все эти взаимосвязанные задачи можно было решить только на основе проведения аграрной программы большевизма, разработанной в трудах В. И. Ленина. Между тем его произведения по аграрному вопросу, созданные в 1917 г., вышли отдельными изданиями и не были собраны. Если резолюцию по аграрному вопросу, принятую Апрельской конференцией, и отдельные статьи В. И. Ленина можно было найти в изданных брошюрах, то другие остались на страницах газет и стали практически недоступными для партийных и советских работников не только местных, но и центральных учреждений. Сборник «Материалы по аграрному вопросу» должен был облегчить изучение трудов В. И. Ленина и важнейших документов партии большевиков и Советского государства.

Предисловие к сборнику, написанное В. И. Лениным, показывает, как сам автор понимал назначение данного издания. «Взятые в целом, эти документы и статьи дают точную картину развития взглядов большевизма,— писал В. И. Ленин, имея в виду взгляды по аграрному вопросу,— за полгода революции и применения этих взглядов на практике»¹⁵. Автор предисловия называет в нем два документа, включенные в сборник: резолюцию Апрельской конференции и декрет «О земле». По-видимому, он хотел обратить внимание именно на них. Связь этих документов, или, можно сказать, диалектическое единство, отмечается указанием на авторство. В. И. Ленин обычно не подчеркивал свое авторство тех или иных произведений. Когда на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов он читал проект декрета «О земле» и слышались реплики с мест, что декрет и наказ составлены эсерами, то он не стал доказывать свое авторство, а ответил на эти реплики: «Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен...»¹⁶ Но теперь он написал со всей определенностью: «Тексты обоих этих документов в их первоначальном виде (т. е. проекты) были написаны мною»¹⁷. Из всех статей, помещенных в сборнике, он назвал лишь одну—«Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие», выделяя ее как важнейшую веху в развитии взглядов большевизма по аграрному вопросу: «...указанная статья разъясняет необходимость «изменить основную линию речей рабочего к крестьянину»»¹⁸.

Сказанное о предисловии позволяет сделать вывод, что оно не только служило руководством для изучения содержания сборника современниками его издания, но должно служить руководством для археографического изучения сборника и теперь, а В. И. Ленина с полным основанием можно считать первым советским археографом¹⁹.

В предисловии к сборнику отмечается, что он подготовлен по инициативе не автора, а одного из большевиков²⁰. Кто именно был инициатором издания сборника, нам выяснить не удалось. Нет сведений и о процессе издательской работы над сборником, выпущенным большевистским партийным издательством «Прибой»²¹.

Сборник «Материалы по аграрному вопросу» был выпущен изда-

¹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 119.

¹⁶ Там же, стр. 27.

¹⁷ Там же, стр. 119.

¹⁸ Там же, стр. 120.

¹⁹ О В. И. Ленине как авторе и составителе первого советского сборника документов см.: Е. А. Луцкий. Первый советский сборник документов.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 153—161.

²⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 119.

²¹ См. последнюю работу об издательстве, выпускавшем сборник: О. П. Калекина. Большевистские книгоиздательства «Прибой» и «Волна» в 1917 г.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 9, стр. 116—119.

тельством в виде небольшой брошюры, вышедшей из печати в декабре 1917 г. Вот полное библиографическое описание этой брошюры:

Ленин Н. Материалы по аграрному вопросу. Петербург, изд. «Прибой», 1917 г., 32 стр. (Российская социал-демократическая рабочая партия). 50 к. 24 см.

Тираж брошюры не указан. В верхней части титульного листа (он же служил и обложкой) ниже надзаголовочных данных напечатан лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Оглавления в брошюре нет. В брошюре помещены следующие материалы²²:

«Открытое письмо к делегатам Всероссийского Совета крестьянских депутатов». [К заголовку имеется подстрочное примечание: «Первого, бывшего в мае 1917 года». После текста письма следует подпись: «Н. Ленин»].

«Речь товарища Н. Ленина, произнесенная 22-го мая 1917 года на Всероссийском Совете Крестьянских Депутатов».

«Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие». [После текста этой статьи следует подпись: «Н. Ленин»].

«Проект резолюции по аграрному вопросу. Представленный Н. Лениным на Всероссийском Совете Крестьянских Депутатов от имени социал-демократической фракции».

«Резолюция о земельном²³ вопросе, принятая на Всероссийской конференции РСДРП (большевиков) 24—29 апреля 1917 года».

«Декрет о земле Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов (принят на заседании 26 октября в 2 ч. ночи)».

Последние три названия — документы, помещены в брошюре как бы в виде приложения, хотя и без соответствующего заголовка такого раздела брошюры. Но в предисловии есть указание: «К статьям добавлены...» и далее названы резолюция Апрельской конференции и декрет «О земле». Кроме того, они набраны с большим отступом от верхнего края страницы, чем статьи.

Статьи и документы расположены в разделах в хронологическом порядке. Исключение сделано, вероятно, по ошибке, для проекта резолюции, предложенной Всероссийскому Совету крестьянских депутатов, т. е. Всероссийскому съезду крестьянских депутатов. Проект должен был бы следовать за открытым письмом делегатам того же съезда.

Очевидно, брошюра была уже напечатана, когда типография получила предложение о включении в нее еще одной статьи, которая и была напечатана на вкладном листе под заголовком: «Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. (Письмо в редакцию)» и с подписью: «Н. Ленин». Статья (письмо) заняла обе страницы вкладного листа, причем страница на обороте была занумерована цифрой 2. Внизу последней страницы брошюры (32-й) было дополнительно напечатано: «См. вкладной лист на стр. 25». Следовательно, эта статья помещалась хронологически правильно как последняя из статей, за которыми печатались документы. Но вкладной лист не был закреплен (подклеен) в типографии и поэтому легко терялся или вкладывался не на место²⁴.

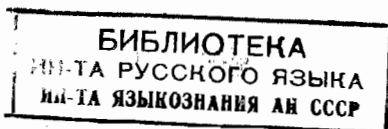
Как видим, брошюра в техническом отношении была несовершенна.

²² Заголовки материалов приведены в той редакции, в какой они напечатаны в брошюре, но по современной орфографии с сохранением заглавных букв и знаков препинания текста брошюры.

²³ В брошюре ошибочно напечатано: земельным.

²⁴ Из хранящихся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина экземпляров брошюры один (инв. МК I 18875) не имеет вкладного листа, а в другом (инв. МК I 149123) он вклеен между стр. 2 и 3, вероятно потому, что первые две страницы брошюры (титульный лист и оборотная сторона) не нумерованы, а страница, на которой начинается текст открытого письма к делегатам крестьянского съезда, нумерована как 3-я, оборотная же сторона вкладного листа нумерована как 2-я.

66141



В этом сказались состояние издательского и типографского дела в первые месяцы Советской власти.

Рассмотрим содержание статей и документов сборника в хронологическом порядке их происхождения независимо от порядка их расположения в сборнике.

Начнем с резолюции по аграрному вопросу, написанной В. И. Лениным и принятой VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП(б) 28 апреля 1917 г. (в брошюре она названа «Резолюцией о земельном вопросе...» и напечатана на стр. 27—29)²⁵.

Задача партии большевиков в аграрном вопросе в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции была подчинена основной стратегической задаче партии — борьбе за социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата. В деревне необходимо было разрешить прежде всего противоречия, определявшиеся наличием пережитков феодально-крепостнических отношений. Они связаны были более всего с помещичьим землевладением.

В резолюции делалось глубокое научное обобщение: «Существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России, крестьянство, на нищету, кабалу и забитость, а всю страну на отсталость во всех областях жизни».

Конференция, как было записано в пункте 1-м резолюции, постановила: «Партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.)»²⁶

Резолюция обобщила положение о крестьянском землевладении и раскрыла объективное экономическое содержание крестьянских требований о земле: «Крестьянское землевладение в России, как наделенное (общинное и подворное), так и частное (арендованная и купчая земля), снизу доверху, вдоль и поперек опутано старыми, полукрепостническими связями и отношениями, делением крестьян на разряды, унаследованные от времен крепостного права, чересполосицей и т. д. и т. п. Необходимость сломать все эти устаревшие и вредные перегородки, необходимость «разгородить» землю, перестроить все отношения землевладения и земледелия заново применительно к новым условиям всероссийского и всемирного хозяйства составляет материальную основу стремлений крестьянства к национализации *всех* земель в государстве»²⁷.

Как отмечал В. И. Ленин на Апрельской конференции, «никакой идеи национализации крестьяне не имеют»²⁸. Наивные представления крестьян о том, что «земля—ничья, земля—божья», были использованы эсерами при построении реакционно-утопической программы «социализации земли». Эсеры внушали крестьянам, что «социализация земли», т. е. обращение земли во всенародное достояние и уравнительное землепользование на основе общинных порядков, сама по себе избавит крестьянство от эксплуатации и нужды.

Разрабатывая аграрную программу большевиков в период буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин считал необходимым возможно точнее установить, какова была экономическая подкладка всех аграрных программ нашей эпохи, из-за чего собственно шла великая историческая борьба. С этой экономической основой действитель-

²⁵ Проект В. И. Ленина и поправки, внесенные им во время конференции, см.: «Ленинский сборник», XXI. М., 1933, стр. 48—51.

²⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7-е (далее — «КПСС в резолюциях...»), ч. I. М., 1954, стр. 339—341.

²⁷ Там же, стр. 339—340.

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 423.

ной борьбы надо сопоставить идейно-политическое отражение ее в программах, заявлениях, требованиях, теориях представителей разных классов. Партия большевиков и в условиях борьбы за социалистическую революцию различала наивные крестьянские и реакционно-утопические идеи эсеров о земельных преобразованиях от объективного экономического содержания их требований. В резолюции Апрельской конференции говорилось: «Каковы бы ни были мелкобуржуазные утопии, которыми все народнические партии и группы облекают борьбу крестьянских масс против крепостнического помещичьего землевладения и против всех крепостнических путей всего землевладения и землепользования в России вообще,—сама эта борьба выражает собой вполне буржуазно-демократическое, безусловно прогрессивное и экономически необходимое стремление к решительной ломке всех этих путей»²⁹.

Апрельская конференция большевиков потребовала национализации всех земель в государстве. В резолюции конференции говорилось, что, означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжения землей в руки местных демократических учреждений.

Аграрная программа большевиков с требованием национализации земли и в период революции 1905—1907 гг. была непосредственно связана с теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В условиях борьбы за социалистическую революцию в 1917 г. национализация получила новое содержание по сравнению с периодом борьбы за буржуазно-демократическую революцию. Резолюция Апрельской конференции указывала, что национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике «могучий удар частной собственности на все средства производства вообще». В послесловии к новому изданию книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», подготовлявшемуся в сентябре 1917 г., В. И. Ленин писал: «...Национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»³⁰.

Апрельская конференция большевиков обобщила данные о развитии капитализма в крестьянском хозяйстве. «...Зажиточное крестьянство России,—говорилось в резолюции по аграрному вопросу,—давно уже создало элементы крестьянской буржуазии, и столыпинская аграрная реформа, несомненно, усилила, умножила, укрепила эти элементы. На другом полюсе деревни столь же усилились, умножились сельскохозяйственные наемные рабочие, пролетарии и близкая к ним масса полупролетарского крестьянства»³¹.

Новый лозунг партии большевиков по крестьянскому вопросу, выдвинутый в связи с курсом на социалистическую революцию — союз с беднейшим крестьянством, нейтрализация среднего крестьянства и борьба с деревенской буржуазией — имел, таким образом, прочную основу в экономическом развитии крестьянского хозяйства. Пролетариат вел борьбу за социалистическую революцию в союзе с деревенской беднотой против буржуазии города и деревни, при нейтрализации среднего крестьянства, стараясь преодолеть его колебания в сторону буржуазии и привлечь на свою сторону. Поэтому Апрельская конференция высказывалась за организацию Советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих и полупролетарского крестьянства или организацию пролетарских групп в общих Советах крестьянских депутатов³².

²⁹ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 340.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 413.

³¹ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 340.

³² См. там же, стр. 341.

Разбор строения сельскохозяйственного производства помогает понять глубокие экономические основы положений аграрной программы партии большевиков о порядке хозяйственного использования конфискованной помещичьей земли и имений.

Ввиду того, что основой сельскохозяйственного производства в России было мелкое крестьянское хозяйство, партия решительно выступала за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократические организации³³.

Решение Апрельской конференции большевиков о передаче всех земель крестьянству должно было довести до конца разрешение задач буржуазно-демократической революции в деревне и открыть дорогу для крестьян к социализму через производственное кооперирование крестьянских хозяйств. Но как начать переход к товарищеской обработке земли? Призыв к организации артелей и товариществ тогда, весной 1917 г., был бы неправильным. Существовавшие до революции артели и товарищества приносили выгоду кулацким и зажиточным группам, руководились ими и ничего не давали бедноте. Конкретные формы перехода к товарищеской обработке земли партия большевиков искала в опыте крестьянского движения, развернувшегося после Февральской революции.

В докладе по аграрному вопросу на Апрельской конференции В. И. Ленин обратил внимание партии на решение крестьян Пензенской губернии о помещичьем инвентаре и общественном использовании его³⁴. Опыт крестьян Пензенской губернии В. И. Ленин обобщил в новом пункте резолюции Апрельской конференции по аграрному вопросу:

«8. Партия должна поддержать почин тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий, живой и мертвый, инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественно-регулируемого использования по обработке всех земель»³⁵.

В дальнейшем, уже в первые месяцы после победы Октябрьской революции, появились объединения трудящихся крестьян для ведения коллективного хозяйства: коммуны, создававшиеся преимущественно на базе конфискованных помещичьих имений, новые артели и товарищества социалистического типа, создававшиеся на базе объединения земли и инвентаря крестьянских хозяйств.

Что же касается помещичьих капиталистических имений, где велось крупное хозяйство, то резолюция по аграрному вопросу поставила задачу образования из помещичьих имений крупных хозяйств, которые велись бы Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих³⁶. Поскольку Советы должны были стать органами пролетарской государственной власти, то осуществление этого требования означало организацию крупных государственных социалистических хозяйств, получивших в 1918 г. название советских хозяйств (совхозов), которые вместе с колхозами стали основной формой социалистического сельского хозяйства.

Апрельская конференция по докладу В. И. Ленина о пересмотре партийной программы приняла предложенную им резолюцию, в которой признавалась необходимость пересмотра программы и указывалось, что аграрная программа должна быть переработана сообразно резолюции по аграрному вопросу. В брошюре «Материалы по пересмотру партий-

³³ См. «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 341.

³⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 420—421.

³⁵ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 341.

³⁶ См. там же, стр. 341—342.

ной программы», подготовленной В. И. Лениным в мае 1917 г., был изложен проект новой аграрной программы партии. Этот проект повторяет почти дословно первые три и два последних пункта резолюции Апрельской конференции³⁷.

Как известно, к VI съезду партии разработка программы не была закончена, и секция съезда по пересмотру партийной программы признала невозможной выработку нового текста программы на данном съезде. Съезд партии с вопросом о партийной программе, намечавшийся на 17 октября 1917 г., был отложен в связи с подготовкой вооруженного восстания для установления Советской власти. Таким образом, резолюция (Апрельской) конференции по аграрному вопросу была важнейшим программным документом партии по аграрному вопросу в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Резолюция по аграрному вопросу была впервые опубликована 30 апреля 1917 г. в «Правде», затем в 18 других большевистских газетах и журналах. Она вошла в сборники резолюций Апрельской конференции, изданные в 1917 г. в Петрограде, Самаре, Тифлисе и Муроме. Тексты, опубликованные в «Правде» и в приложении к «Солдатской правде», следует считать авторизованными изданиями³⁸. Издательство «Прибой» имело достаточно точный текст для публикации в брошюре «Материалы по аграрному вопросу». Резолюция печаталась во всех изданиях Собрания сочинений В. И. Ленина³⁹.

Три произведения В. И. Ленина, содержащиеся в брошюре, связаны с I Всероссийским съездом крестьянских депутатов, который происходил в Петрограде 4—28 мая 1917 г.

Открытое письмо к делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов (в брошюре «Открытое письмо к делегатам Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов», см. стр. 3—5 брошюры) написано В. И. Лениным 7 мая 1917 г. Оно было опубликовано в петроградской большевистской газете «Солдатская правда» 11 мая 1917 г., а затем еще в 17 газетах в 1917 г. и в нескольких брошюрах, тогда же изданных. Одновременно оно печаталось листовкой (известны пять изданий в разных городах)⁴⁰. Петроградское издание листовки было роздано делегатам крестьянского съезда. Издание в «Солдатской правде» считается авторизованным.

В письме В. И. Ленин изложил политику партии большевиков по вопросам о земле, о войне и об устройстве государства, указав кратко на разногласия, которые разделяют по этим вопросам партию большевиков с эсерами и меньшевиками. Политика по аграрному вопросу была изложена в соответствии с резолюцией по этому вопросу, принятой на Апрельской конференции. Новым моментом здесь было указание по вопросу о том, следует ли крестьянам немедленно брать всю землю у помещиков, не платя никакой арендной платы. «Наша партия думает,— отвечал В. И. Ленин,— что следует, и советует крестьянам на местах тотчас брать всю землю, делая это как можно более организованно, никоим образом не допуская порчи имущества и прилагая все усилия, чтобы производство хлеба и мяса увеличилось, ибо солдаты на фронте бедствуют ужасно»⁴¹.

³⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 161.

³⁸ «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина», ч. 2, М., 1962, стр. 33—34.

³⁹ См. Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч., т. XIV, ч. 1, 1921, стр. 122—124; 1923, 1924, 1925, стр. 124—126; В. И. Ленин. Соч., изд. 2—3, т. XX, стр. 608—609; изд. 4, т. 24, стр. 257—260; Полн. собр. соч., т. 31, стр. 425—426.

⁴⁰ «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина», ч. 2, стр. 44—45.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 43.

Письмо печаталось во всех изданиях Собрания сочинений В. И. Ленина⁴².

«Проект резолюции по аграрному вопросу. Представленный Н. Лениным на Всероссийском Совете Крестьянских Депутатов от имени социал-демократической фракции», как он назван в брошюре (стр. 25—26), является единственным произведением, напечатанным в брошюре, авторская рукопись которого сохранилась до нашего времени⁴³. В 1917 г. она была опубликована сначала только листовкой для раздачи делегатам съезда, позже напечатана в брошюре «Материалы по аграрному вопросу». Листовка и брошюра воспроизводят заглавие и текст рукописи. Графологический анализ автографа позволяет сделать вывод, что рукопись предназначалась именно для печатания листовки. Проект резолюции был написан В. И. Лениным не позже 17 мая, так как в этот день он уже готов был выступить с речью на заседании крестьянского съезда и должен был мотивировать и отстаивать свою резолюцию⁴⁴.

В проекте резолюции В. И. Ленин развивал положения открытого письма. По сравнению с предыдущими произведениями по тому же вопросу, он еще более усилил положение о связи социалистической, пролетарской революции с борьбой крестьянства за землю с помещиками.

В проекте говорилось об этом следующее: «Против перехода к крестьянству всех помещичьих земель без выкупа борются и будут бороться всеми средствами не только помещики, но и капиталисты... Поэтому переход всех помещичьих земель к крестьянству без выкупа не может быть ни проведен до конца, ни упрочен без разрушения в крестьянских массах доверия к капиталистам, без тесного союза крестьянства с городскими рабочими, без перехода всей государственной власти полностью в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и др. депутатов»⁴⁵.

Проект резолюции печатался во всех изданиях Собрания сочинений В. И. Ленина⁴⁶.

Речь В. И. Ленина по аграрному вопросу 22 мая на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов была впервые опубликована в петроградской газете «Голос солдата» и московской — «Пролетарий», а в следующие дни в 11 других газетах и в пяти брошюрах. В одной из брошюр, находящейся в библиотеке В. И. Ленина в Кремле, есть пометка и подчеркивание, сделанные В. И. Лениным⁴⁷. Источниковедческий анализ текстов всех публикаций данной речи В. И. Ленина, проведенный Р. Е. Щегольковой (Плаховой), показал, что наиболее точно текст речи передан в петроградских газетах «Солдатская правда» и «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов» в номерах от 25 мая 1917 г.⁴⁸ В основе публикаций этих газет лежит расшифрованная, но плохо выправленная стенограмма, размноженная на рота-

⁴² См. Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч., т. XIV, ч. 1, 1921, стр. 149—153; 1923, 1924, 1925, стр. 153, 156; В. И. Ленин. Соч., изд. 2—3, т. XX, стр. 350—353; изд. 4, т. 24, стр. 334—339; Полн. собр. соч., т. 32, стр. 43—47.

⁴³ «Хронологический указатель произведений В. И. Ленина», ч. 2, стр. 47.

⁴⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 126.

⁴⁵ Там же, стр. 165—166.

⁴⁶ См. Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч., т. XIV, ч. 1, 1921, стр. 170—171; 1923, 1924, 1925, стр. 174—175; В. И. Ленин. Соч., изд. 2—3, т. XX, стр. 401—402; изд. 4, т. 24, стр. 445—447; Полн. собр. соч., т. 32, стр. 165—167.

⁴⁷ Н. Ленин. Речь по аграрному вопросу. Б/м., изд. Московского подрайон[ного] ком[итета] печатников РСДРП [1917]. В некоторых указателях мест издания брошюры названа Москва, по нашему мнению им был Петроград, где в 1-м Городском районе находился Московский подрайон («Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог». М., 1961, стр. 100).

⁴⁸ «Московский государственный историко-архивный институт. Материалы научной студенческой конференции. Май 1970 г.», вып. 1. М., 1970, стр. 1—6.

торе, выявленная Щегольковой (Плаховой). Редакции названных газет самостоятельно отредактировали и опубликовали эту стенограмму. В брошюре «Материалы по аграрному вопросу» (стр. 6—19) речь была напечатана по тексту «Солдатской правды». Текст брошюры после новой редакции перепечатывался в Собрании сочинений В. И. Ленина⁴⁹.

В речи на крестьянском съезде В. И. Ленин разъяснил основы аграрной программы большевиков, изложенной в резолюции Апрельской конференции по аграрному вопросу⁵⁰.

Участники съезда рассказывают, что делегаты особенно внимательно выслушали обоснование В. И. Лениным проекта резолюции с предложением крестьянам организованно, через Советы крестьянских депутатов немедленно брать всю землю. В конце речи В. И. Ленин остановился на вопросах о том, как лучше использовать общенародную землю, когда не будет помещиков, как обеспечить интересы сельскохозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян. Он говорил о необходимости организации сельскохозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян и необходимости общей обработки земли. Задачу перехода от мелкого хозяйства к крупному, товарническому партии большевиков разъяснял трудящимся крестьянам уже в период подготовки социалистической революции. С исключительной силой говорил об этом В. И. Ленин на заседании съезда крестьянских депутатов: «Если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель...»⁵¹

Статья В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие» в брошюре (стр. 20—24) занимает особое место, что отмечал автор в предисловии. Статья была написана, вероятно, 19—20 августа 1917 г., когда В. И. Ленин скрывался в Гельсингфорсе. Немного позже эту статью опубликовали некоторые местные большевистские газеты: кронштадтская, тифлисская, красноярская, владивостокская, нижегородская. В конце октября — начале ноября 1917 г. Северо-Западный областной комитет РСДРП(б) опубликовал в Минске эту же статью (вместе со статьей В. И. Ленина «Как обеспечить успех Учредительного собрания (О свободе печати)») в виде брошюры⁵².

В. И. Ленин, разобрав в статье Примерный крестьянский наказ⁵³ о земле, пришел к выводу, что земельные требования Примерного наказа неосуществимы без самой решительной борьбы с классом капиталистов и свержения их господства. Он показал, что помещичья, частновладельческая собственность на землю и крупное капиталистическое хозяйство, ведущееся на этой земле, связаны со всей системой капиталистического хозяйства. «...Конфискация всей частновладельческой земли,— писал В. И. Ленин,— означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли большею частью заложены»⁵⁴. Автор обращал особое внимание на то, что «речь идет о наиболее централизованном, банковом капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важ-

⁴⁹ См. Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч., т. XIV, ч. 1, 1921, стр. 153—170; 1923, 1924, 1925, стр. 156—173; В. И. Ленин. Соч., изд. 2—3, т. XX, стр. 403—418; изд. 4, т. 24, стр. 448—467; Полн. собр. соч., т. 32, стр. 168—169.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 169.

⁵¹ Там же, стр. 187.

⁵² Подробнее см.: Е. А. Луцкий. Статья В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие». — «Вспомогательные исторические дисциплины», сб. II. Л., 1969, стр. 5—33.

⁵³ «Примерный наказ, составленный на основании 242 наказов, доставленных с мест депутатами на I-й Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 году» был напечатан в «Известиях Всероссийского Совета крестьянских депутатов» от 19 и 20 августа 1917 г.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 110.

нейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны...»⁵⁵ Конфискация же высококультурных хозяйств, конских заводов, инвентаря и т. п. — это прямые удары по частной собственности на средства производства. Осуществить их в интересах трудящихся может только пролетарское революционное государство. Но тогда это будут «не только еще и еще гигантские удары по частной собственности на средства производства. Это — шаги к социализму...»⁵⁶

В условиях социалистической революции формулы крестьянских наказов получают новое значение. ««Недопущение наемного труда», — писал В. И. Ленин, — это значило раньше *только*: пустая фраза мелкобуржуазного интеллигента. Это значит теперь в жизни иное: миллионы крестьянской бедноты в 242-х наказах говорят, что они хотят идти к отмене наемного труда, но не знают, как это сделать. Мы знаем, как это сделать»⁵⁷.

В. И. Ленин показал и изменение содержания требования уравнительного землепользования при победе социалистической революции: «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано, — то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой»⁵⁸.

В результате анализа крестьянских требований и отношения к ним меньшевиков и эсеров, В. И. Ленин сделал важные выводы об изменении тактики партии большевиков в борьбе с эсерами за крестьянство и об отношении к аграрной программе крестьянства, т. е. Примерному наказу. «... Вопиющая, практическая, непосредственная, осязательная измена эсеров интересам крестьянства»⁵⁹ требовала изменить тактику большевиков. В. И. Ленин считал, что «нельзя ограничиваться теоретическими разоблачениями мелкобуржуазных иллюзий «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда» и т. п.»⁶⁰ «...Центр тяжести в пропаганде и агитации против эсеров, — писал В. И. Ленин, — надо переносить на то, что они изменили крестьянам»⁶¹.

В статье был сделан вывод, что только революционный пролетариат и его авангард — партия большевиков — могут выполнить и будут выполнять программу, изложенную в 242 наказах⁶². Этот вывод предопределил предложение В. И. Ленина положить Примерный наказ в основу первого акта аграрного законодательства социалистической революции.

Статья печаталась во всех изданиях Собрания сочинений В. И. Ленина.

Следующим документом, если придерживаться хронологического порядка, в брошюре был напечатан декрет «О земле» (стр. 31—32). По вопросу о происхождении и публикации декрета появились специальные исследования, к которым мы и отсылаем читателя⁶³. Здесь достаточно

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 110—111.

⁵⁶ Там же, стр. 111.

⁵⁷ Там же, стр. 114.

⁵⁸ Там же, стр. 115.

⁵⁹ Там же, стр. 113.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 114.

⁶² См. там же, стр. 114—116.

⁶³ См. Е. А. Луцкий. Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях. — «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., 1963, стр. 3—45; он же. Подготовка проекта Декрета о земле. — «Октябрь и гражданская война в СССР». М., 1966, стр. 233—248; М. П. Ирошников. О тексте ленинского декрета «О земле». — «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 90—99.

сказать, что в брошюре помещен текст декрета, взятый из газеты «Правда», где он был опубликован, как и в других петроградских большевистских и советских газетах, 28 октября 1917 г. Брошюра воспроизвела структуру декрета по «Правде», напечатав текст наказа (под заголовком «О земле») после остального текста декрета, после текста ст. 5-й, т. е. как бы в виде приложения к декрету. Поскольку брошюру составлял В. И. Ленин, то казалось бы, что такую структуру и вообще текст «Правды» можно считать авторизованным. Но более вероятно, что В. И. Ленин лишь дал указание о включении текста декрета вготавливаемую брошюру, выполненное сотрудниками издательства. Если бы он сам выбирал текст декрета и читал его, то, конечно, он выправил бы явные опечатки, которые имеются в газете «Правда». Например, в «Правде» во втором абзаце ст. 6-й наказа: «При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности на этот срок прийти к нему на помощь, путем общественной обработки земли» (вместо «до восстановления» ошибочно напечатано «по восстановлению») ⁶⁴.

Статья 5-я декрета в «Правде» и брошюре напечатана в следующей редакции: «Земля рядовых казаков и крестьян не конфискуется». Невозможно представить, что В. И. Ленин мог забыть, как месяц тому назад, 26 октября 1917 г., на заседании фракции большевиков II Всероссийского съезда Советов происходило обсуждение проекта декрета и по предложению И. Х. Бодякина была изменена редакция этой статьи ⁶⁵. В публикациях декрета в органах Советского правительства — «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства» и «Известиях Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» в ст. 5-й вместо «крестьян» было напечатано «рядовых крестьян» ⁶⁶. Если бы В. И. Ленин работал над текстом декрета при публикации его в разбираемой брошюре, то, надо полагать, он выправил бы и редакцию статьи 5-й.

Декретом устанавливалась отмена частной собственности на землю и обращение ее во «всемирное достояние» (ст. 1-я наказа), переход ее «в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов» (ст. 2-я декрета), становящихся органами Советского государства, с распределением земли органами самоуправления между трудящимися (ст. 8-я наказа), то есть в Советском государстве тоже Советами — органами государства. Все это означало, в сущности, установление права исключительной собственности Советского государства на землю, а также недра и воды (ст. 2-я наказа), то есть национализацию земли.

Декрет ликвидировал без выкупа помещичье землевладение, как и другие виды землевладения феодально-крепостнического происхождения (ст. 1-я декрета и ст. 1-я наказа), и провел конфискацию всего хозяйства на помещичьей и т. п. земле с живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками, запасами продуктов и «всеми принадлежностями» (ст. 2-я и 3-я декрета). Таким образом, было конфисковано все крупное земельное капиталистическое хозяйство. Конфискация помещичьих имений со всей землей и другими средствами производства оз-

⁶⁴ «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 17—20; «Правда», 28 октября (10 ноября) 1917 г.

⁶⁵ И. Бодякин. Из недавнего прошлого (публикация и предисловие М. Ирошниковой). — «Новый мир», 1966, № 11, стр. 160, 163; он же. На II Всероссийском съезде Советов. — «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 3. М., 1969, стр. 16.

⁶⁶ «Декреты Советской власти», т. I, стр. 20. Вопрос о структуре декрета и редакции ст. 5-й и всего текста в «Правде» требует особого изучения. Поэтому, предположения, сделанные М. П. Ирошниковым и мною в названных выше статьях, требуют уточнения.

начала и конфискацию капитала в 3989 млн. руб. золотом, выданного земельными банками помещикам за заложенные частновладельческие земли. Поскольку крупные конфискованные хозяйства переходили в распоряжение органов государства, «всему народу», «к народу», «в исключительное пользование государства» (ст. 2-я и 3-я декрета; ст. 3—5-я наказа), то это означало превращение их в собственность Советского государства, то есть социалистическую национализацию.

Декрет передал конфискованные земли (за небольшим исключением земельных участков с высококультурным, крупным хозяйством, конских заводов, т. п. предприятий) в пользование трудящегося крестьянства, завершив многовековую борьбу за землю русского крестьянства с феодалами-помещиками. Декрет установил порядок землепользования крестьянского хозяйства как мелкого трудового хозяйства, последовательно проводя принцип обеспечения его интересов (ст. 4-я и 5-я декрета; ст. 5—8-я наказа). Тем самым декрет создал экономическую основу союза рабочего класса, стоящего во главе Советского государства, и трудящегося крестьянства.

Декрет не только до конца разрешил революционным путем все задачи буржуазно-демократического характера, но и создал земельный строй, наиболее гибкий для перехода к социализму. Декрет создал правовые основы для создания крупного государственного социалистического хозяйства (ст. 3-я декрета; ст. 2—5-я наказа), ограничения капиталистического кулацкого хозяйства и постепенного перехода крестьянского хозяйства к социализму путем социалистического кооперирования. В статьях 2—7-й наказа говорилось о возможности коллективного использования мелких рек, лесов, питомников и других культурных хозяйств, об обработке земли в товариществе, об артельной форме землепользования. Одним из важнейших условий этого была социалистическая национализация земли. Социалистические мероприятия, вытекавшие из норм декрета, содействовали строительству социализма в Советской стране.

Нам осталось рассмотреть еще статью В. И. Ленина «Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами», которая напечатана в брошюре на вкладном листе между стр. 24 и 25. Статья была опубликована в «Правде» 19 ноября 1917 г. как письмо в редакцию «Правды». При публикации в брошюре почему-то выпало указание, что оно адресовано именно в редакцию «Правды».

Об обстоятельствах появления статьи автор писал в ее начале. Известно об этом и из газетных отчетов о вечернем заседании 18 ноября 1917 г. Чрезвычайного Всероссийского съезда крестьянских депутатов. В статье В. И. Ленин более подробно изложил свой ответ на вопрос об отношении большевиков к закону о социализации земли, когда он будет обсуждаться в Учредительном собрании. В сущности же речь шла об отношении большевиков к аграрной программе крестьянства, изложенной в Примерном крестьянском наказе, который вошел в декрет «О земле». В. И. Ленин писал об этом в статье «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие». Но тогда, в августе 1917 г., это был научный прогноз и политическая программа. Теперь, через месяц после Октябрьской революции, исторический опыт подтвердил правильность выводов, сделанных В. И. Лениным в августе 1917 г., и давал возможность более определенно сказать об условиях осуществления аграрной программы крестьянства для перехода его к социализму.

В. И. Ленин писал, что, соглашаясь с мерами, предлагаемыми крестьянами, например, с уравнительным землепользованием, переделами земли и т. п., «большевики ни капельки не изменяют своей программы. Ибо, при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание

высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при таком условии рабочие *обязаны согласиться* на переходные меры, предлагаемые мелкими трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами, если эти меры *не вредят* делу социализма»⁶⁷. При таких условиях, продолжал В. И. Ленин, «уравнительное землепользование было бы лишь одной из *переходных мер* к полному социализму»⁶⁸.

Данная статья также была напечатана во всех изданиях Собрания сочинений В. И. Ленина⁶⁹.

Рассмотрение брошюры «Материалы по аграрному вопросу», которая была первым советским тематическим сборником произведений В. И. Ленина, показывает, что изданием брошюры была не только выполнена задача, поставленная автором в предисловии. Собранные в ней материалы показывали развитие взглядов большевизма по аграрному вопросу в течение 1917 г., года Великой Октябрьской социалистической революции. Особо выделяется работа В. И. Ленина «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие», определившая поворот в тактике борьбы партии большевиков с эсерами за крестьянство. Материалы брошюры научно обоснованно раскрывали сущность аграрной политики партии, как политики, подчиненной задачам социалистической революции, такой политики, которая обеспечила пролетариату поддержку широких масс трудящегося крестьянства в борьбе за победу социалистической революции и в то же время определила пути перехода крестьянства к социализму в формах, соответствующих объективным социально-экономическим условиям страны и идеологическим воззрениям крестьянства.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 103.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ См. Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч., т. XV, 1922, 1923, 1924, стр. 37—39; В. И. Ленин. Соч., изд. 2—3, т. XXII, стр. 89—91; изд. 4, т. 26, стр. 298—300; Полн. собр. соч., т. 35, стр. 102—104.

С. В. Житомирская

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

В числе источников, по которым изучается прошлое, письменные источники (документальные материалы и рукописные книги) по объему и значению извлекаемых из них сведений несомненно занимают первое место. Чем ближе к современности изучаемый период, тем больший круг источников открывается историку и должен быть им исследован. Это объясняется не только сохранением бóльшей доли документов, но, главным образом, все возрастающим объемом самой документации, создающейся в действительности.

На первый взгляд кажется, что историк современности и недавнего прошлого обеспечен наилучшей теоретически возможной источниковедческой базой. Однако реальные трудности, встающие перед ним, нисколько не меньше (хотя и иные), чем трудности историка древности, реконструирующего прошлое по разрозненным и случайным документам, сохранившимся в превратностях исторической судьбы.

Приступая к исследованию темы, ученый начинает со сбора, или, точнее, отбора фактов; иными словами, он начинает с отбора для исследования части из всего круга сохранившихся источников, прямо или косвенно относящихся к данной теме. Как правильно было замечено, исследователь на этой стадии занят «отбором, активным поиском, селекцией материала в свете своей научной гипотезы и теории, которой он неизбежно руководствуется еще до того, как вплотную приступил к исследованию»¹.

Очевидно, что для такого отбора фактов исследователю необходимо знакомство со всеми известными фактами; если же он знакомится с частью фактов, отобранной кем-то до него, то он должен быть убежден в их безусловной репрезентативности для суждения о совокупности существующих. Только в этом смысле, на наш взгляд, можно понимать известное ленинское положение об обязательности привлечения к исследованию всех фактов, «без единого исключения»². Толкование этого положения как идеи достаточности выборочных фактов для достоверных выводов противоречит всей методологии Ленина как ученого³.

Таким образом, отбор и определение репрезентативности используемых фактов (а, следовательно, и источников) является одной из важней-

¹ А. Я. Гуревич. Что такое исторический факт? — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 78.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351.

³ Об этом см.: Б. Г. Литвак. О путях развития источниковедения массовых источников. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 109—110.

ших, ответственных функций исследователя и частью неповторимого, только ему свойственного творческого процесса. И если неисчерпаем исторический факт, то в этом же смысле неисчерпаем и исторический источник.

Признав это, мы неизбежно должны признать, что в принципе ученый должен отбирать требуемую ему часть источников, имея перед собой целое или объективные данные о нем. Кроме того, это целое должно быть сохранено для будущего исследователя, который подойдет к нему с иной точки зрения, возникшей в ином обществе, с его объемом знаний и системой взглядов. Между тем ни для нынешнего, ни для будущего ученого это целое фактически не сохраняется.

Современные источники, как и документы далекого прошлого, пострадали от стихийных бедствий и исторических обстоятельств, вызвавших в ряде случаев их массовую гибель. Однако не меньшую роль играет сознательная деятельность людей, определяющих объем и границы сохраняемых и уничтожаемых источников.

Между совокупностью документов, создаваемых в жизни общества и служащих источниками для ее изучения, и исследователем стоят по крайней мере два отборочных барьера — экспертиза научной и практической ценности документов и информация. Первый из них — отбор сохраняемого — необратим.

Объем документации, создающейся современным обществом, так велик, что делает, по-видимому, неизбежным существование отбора⁴. Очевидно, что отбор этот, предшествующий процессу исследования и его предвосхищающий, должен основываться на строго научных теоретических критериях, обеспечивающих всестороннее и исчерпывающее отражение в сохраненных источниках всей совокупности реальных исторических фактов. Обладаем ли мы такими критериями?

Централизация архивного дела, впервые в истории осуществленная в нашей стране с ее огромными масштабами, не только открыла возможности научно организовать дело сохранения исторических источников, — она потребовала принципиально нового методологического подхода, угрожая превратиться в противном случае в гигантскую машину формальной селекции исторического прошлого.

Именно поэтому Ленинский декрет от 31 марта 1919 г. позволял уничтожать только документы, «не имеющие значения для изучения истории дипломатических сношений, политической, общественной, экономической и вообще каждой жизни в разных ее проявлениях...»⁵ При всей обобщенности этой формулировки, вполне объясняемой историческими обстоятельствами ее создания, в ней заложено главное — необходимость сохранения документальной фиксации «каждой жизни в разных ее проявлениях», которое только и может обеспечить впоследствии тот «фундамент из точных и бесспорных фактов», о котором говорил Ленин в статье «Статистика и социология».

Ленинские декреты, теоретическая и практическая работа архивистов 1920-х гг. заложили наиболее общие принципиальные основы экспертизы, принятые в советском архивном деле — исторический подход и всестороннюю оценку материалов с точки зрения их сегодняшнего и будущего значения. Естественно, однако, что этих общих понятий оказалось совершенно недостаточно для повседневной практики. Между тем ряд причин, тормозивших дальнейшее развитие теории вопроса, привел к преоблада-

⁴ Возможно, впрочем, что современная техника, лишь начинающая проникать в управление и документацию, вскоре совершит такой переворот в деле фиксации исторических фактов, последствия которого коренным образом изменят этот взгляд.

⁵ «Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 — июнь 1941 гг.)». М., 1961, стр. 16.

нию практических решений, часто диктуемых административными задачами и далеких от науки. Краткий обзор истории вопроса, приведенный в одной из недавних обобщающих работ, убедительно показывает и эмпирический характер практики экспертизы и устойчивое отставание теории⁶. Естественно, что эмпирические приемы и методы менялись и в 1920-х гг. дали одни результаты, в 1940-х — другие, сегодня — третьи. Таким образом, для разных периодов истории советского общества наука уже фактически располагает разной совокупностью источников.

Новая попытка внести научное начало в проблему отбора документов на государственное хранение была сделана в конце 1950-х и начале 1960-х гг., когда в связи с изданием новых методических документов по комплектованию государственных архивов⁷ развернулась довольно широкая дискуссия, продолжавшаяся в течение нескольких лет⁸. Дискуссия эта, несомненно, внесла ряд плодотворных изменений в архивную практику отбора документов, направив, в частности, внимание архивистов прежде всего на отбор сохраняемого, а не на уничтожение ненужного, как это было до тех пор. Однако теорию отбора того, что необходимо сохранить для объективных представлений обо всей совокупности документов, она, на наш взгляд, продвинула недостаточно. Спор сосредоточился по существу только на правомерности признания «функции» учреждения как главного критерия отбора.

Не вдаваясь в существо этого спора, отметим лишь, что признание или отказ от этого или любого другого единственного критерия вряд ли могут быть решением этой трудной проблемы.

Отбор документов, которые должны полно и точно отразить документацию, реально возникающую в такой сложной системе как человеческое общество, не может не требовать целого комплекса взаимосвязанных и дополняющих друг друга критериев. Разработка их — задача чисто научная и может решаться только в результате исследований, которые, как кажется, пока не начаты. Между тем, на наш взгляд, дальнейшая работа должна идти в следующем направлении. Изданию методических документов должен предшествовать исследовательский эксперимент, при котором каждый предлагаемый критерий ряд лет проверяется на практике отбора, а затем его результаты в подопытной и контрольной группе материалов подвергаются серьезному источниковедческому анализу. Это долгий и трудный путь, но он не труднее пути биолога-селекционера. А разве значение поставленной задачи меньше, чем выведение нового вида растения или животного? Не став на этот путь, теория экспертизы не выйдет за пределы умозрительных априорных рассуждений, а практика, определяемая опирающимися на эту теорию методическими документами, будет по-прежнему возмещать их недостатки «опытом», «здоровым смыслом» и «культурой» архивиста. Неудовлетворительность этой ситу-

⁶ А. В. Елпатьевский, Т. Г. Коленкина, В. В. Цаплин. Научные основы экспертизы ценности документальных материалов советской эпохи и комплектование ими государственных архивов. — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. 1. М., 1965.

⁷ «Правила экспертизы научной и практической ценности документальных материалов в государственных архивах». М., 1957; «Методические указания по комплектованию государственных архивов документальными материалами и организации экспертизы их ценности». М., 1961.

⁸ См., например: А. В. Елпатьевский. О некоторых вопросах экспертизы ценности документов. — «Исторический архив», 1958, № 2; К. Г. Митяев. О принципах и критериях научной экспертизы ценности документальных материалов и их применении. — Там же, 1958, № 3; В. А. Кондратьев. Экспертизу ценности документов нельзя проводить упрощенно. — «Вопросы архивоведения», 1961, № 2; М. С. Селезнев. О некоторых вопросах теории экспертизы ценности документальных материалов. — Там же, 1961, № 4; В. В. Цаплин. Теоретические и практические вопросы экспертизы документов. — «Советские архивы», 1966, № 3.

ации усугубляется, кроме того, широко вошедшим в оборот привычным набором понятий и формулировок, содержание которых только кажется ясным, а в действительности это совсем не так. Проиллюстрируем эту мысль примером. Авторы теоретического доклада, анализирующие ленинский декрет от 31 марта 1919 г. с его требованием фиксации «каждой жизни в разных ее проявлениях», пишут: «В дальнейшем следовало бы определить, какие проявления жизни характерны для соответствующего исторического периода и являются основными для конкретной «жизни», а в соответствии с этим и какие документы, фиксирующие данные проявления, представляют наибольшую ценность и должны быть сохранены»⁹. На первый взгляд, это общее место, не вызывающее никаких сомнений. Но стоит лишь вдуматься в предлагаемую задачу — «определить» наиболее характерное и ценное в данном историческом периоде, — как станет ясной ее неосуществимость. Нельзя забывать, что современник всегда ограничен в своем обобщении текущей действительности и что отбор документов в соответствии с его суждением неизбежно приводит к фиксации прежде всего старого, привычного или же внешней стороны фактов и к отбрасыванию возникающего или подспудного, что непонятно и чуждо еще современнику, но за чем, как учит марксизм-ленинизм, будущее.

Примером, отчетливо демонстрирующим уровень, на котором подобная задача сегодня может осуществляться на практике, является статья об отборе редакционной переписки с читателями — одна из немногих статей, где сделана попытка предложить приемы отбора конкретного круга документов¹⁰. Рассмотрев 20 000 писем, поступивших за год в редакцию газеты «Молот» (Ростов-на-Дону), авторы предлагают сохранить из них 1000. По какому же принципу? Прежде всего те письма, где поднимаются важные народнохозяйственные вопросы, вопросы рационализации и механизации. Налицо мнимая ясность привычной формулировки. Остается лишь определить, какие из поднятых трудящимися вопросов важны. Очевидно, что такими покажутся вопросы, уже освещавшиеся в прессе, рассматривавшиеся в государственной деятельности и, следовательно, широко известные. А неизвестные, пока непонятные и газетчику и архивисту? Представим себе на миг, как должны были бы отнестись с этой точки зрения к письму глухого учителя из Калуги, обращающегося в «Московские ведомости» с идеей послать ракету на Луну.

Далее авторы предлагают «произвести критический отбор» писем о «трудовых буднях советских людей» «с акцентированием внимания на наиболее значительных поступках»¹¹, а к письмам с критикой недостатков подойти еще строже: «Если факты, изложенные в письмах, находят подтверждение (что видно из последующей переписки), то... небольшая часть таких писем заслуживает дальнейшего хранения в архиве»¹². Кроме того, что факт должен подтвердиться (как будто авторы статьи не знают, что критикуемые усердно опровергают критику в их адрес), из писем надо еще отобрать лишь «небольшую часть». Какую? По какому принципу? Методологическая беспомощность такого подхода совершенно ясна. А между тем речь идет о важнейшем массовом источнике сведений «о каждой жизни», о письмах разных людей, о документах, создающихся самим народом, не поглощаемых и не отражаемых никаким другим документом официального делопроизводства.

⁹ А. В. Елпатьевский, Т. Г. Коленкина, В. В. Цаплин. Указ. соч., стр. 46—47.

¹⁰ К. С. Захарова, М. Я. Левина, С. Ш. Мишель. Об отборе на хранение переписки (на примере редакции газеты и журнала). — «Советские архивы», 1969, № 2.

¹¹ Там же, стр. 69.

¹² Там же, стр. 68.

Все сказанное до сих пор относилось к принципам отбора деловой документации, возникающей в деятельности органов государственной власти, предприятий, колхозов, общественных организаций и подлежащей систематической концентрации в государственных архивах, то есть касалось той области, где накоплен максимальный практический опыт и сосредоточены основные теоретические усилия архивной науки.

Но даже и здесь напрашивается вывод: назрела необходимость коренной перестройки исследовательской работы в этом главном вопросе всего архивного дела. Необходимо создать крупные научно-исследовательские группы, состоящие из источниковедов советского общества, архивистов, социологов, специалистов, владеющих современными математическими методами, и предоставить им возможности для разработки системы критериев, с помощью которых удастся сохранять на будущее круг источников, отражающих документацию, реально существовавшую в данный исторический период.

Если же теперь перейти к той массе богатейших источников, которая обычно сухо именуется «документальные материалы личного происхождения», то за много лет их отбору были посвящены лишь две статьи¹³, и только в первой из них автор попытался на многочисленных примерах показать сложность и своеобразие проблемы отбора этой группы документальных источников. Нет ни одной работы, которая могла бы претендовать хотя бы на постановку проблемы экспертизы личных фондов.

Практика же отбора, хотя и имеющая в ряде хранилищ давние традиции, складывается до сих пор в значительной степени стихийно. В течение многих лет собиранием личных архивов занимались стелдальные библиотеки, музеи, научные учреждения. Поворот государственных архивов к собиранию этой группы материалов начался только в прошедшем десятилетии, и нельзя еще сказать, что оно стало неотъемлемой частью их работы. В результате гибель этого рода источников носит в прямом смысле слова массовый характер. Прежде всего они являются личной собственностью, и государство не обладает (и не может обладать) правом их обязательного отчуждения у владельцев и передачи на государственное хранение. На их сохранность влияет все — от стихийных бедствий до жилищного строительства или литературной полемики в прессе. Собрание их — сложная, кропотливая, важная работа, не располагающая, однако, даже теми теоретическими посылками, которые выдвинуты в комплектовании официальной документации; это работа, требующая от ее участников высокого сознания ответственности перед будущим, отбрасывания личных и конъюнктурных соображений, столь частых при решении вопросов персонального характера, и субъективных оценок; она требует также больших и разнообразных знаний, широкой культуры, такта и, наконец, очень часто значительных государственных расходов.

К сожалению, в государственных архивах, библиотеках и музеях это сложное дело не подкреплено пока ни нужными средствами, ни кадрами. Молодое поколение архивистов вступает в жизнь все с меньшими историческими знаниями и общей культурой, так как в последние годы обнаружилась угрожающая тенденция сокращать общеисторические дисциплины в объеме архивного образования, подчиненного функциям делопроизводства и управления.

«Основными правилами работы государственных архивов», изданными в 1962 г., предусматривалось собирание личных фондов «выдающих-

¹³ Ю. А. Красовский. Об экспертизе материалов личных и издательских фондов. — «Исторический архив», 1959, № 1; А. А. Новикова. О комплектовании государственных архивов фондами личного происхождения. — «Вопросы архивоведения», 1959, № 2.

ся» деятелей. Термин этот, кладущий в основу отбора принцип оц е н к и деятельности фондообразователя, очень сомнителен. Вряд ли есть необходимость доказывать изменчивость подобных оценок посмертно или даже в течение жизни фондообразователя. Нельзя забывать, кроме того, что в условиях общественной борьбы, свойственной всякой исторической действительности, понятие «выдающийся» становится идентичным положительной оценке и поэтому из числа «выдающихся» часто исключаются противники — политические, научные, эстетические.

В. И. Ленин придавал огромное значение документам, исходящим из разных политических лагерей, отражающим события с точки зрения всех общественных группировок¹⁴. Признаваемая теоретически, эта ленинская мысль далеко не всегда применяется на практике. Архивист при этом берет на себя не свойственную ему роль арбитра в спорах, обнимающих собой иногда значение целой эпохи, не сознавая своей естественной неподготовленности к этому и тем большей ответственности, что приговор его не может быть отменен и лишит науку будущего источников для истории нашего настоящего.

Несомненным шагом вперед в этом вопросе явились недавно изданные «Методические рекомендации по комплектованию Государственного архивного фонда СССР документальными материалами личных фондов», снявшие термин «выдающийся» в качестве главного критерия отбора и попытавшиеся сформулировать, какие виды документов отбираются из каждого фонда. Однако и они, не располагая необходимой теоретической основой, дают лишь сумму практических советов, достаточно общих, чтобы не сковывать инициативу архивиста, но далеких от принципиальной постановки вопроса.

Трудность отбора небольшого круга личных архивов из всех существующих возвращает архивиста на деле к этому снятому критерию. Укажем на некоторые последствия этого. По традиции в наших хранилищах собраны личные фонды представителей сравнительно узкого общественного слоя: интеллигенции, руководящих партийных, государственных и хозяйственных деятелей. А как быть с сохранением материалов широкой демократической среды — рабочих, крестьян, солдат, служащих. Как на чудо смотрит современный читатель на тетради крестьянина Егора Королева — портретную летопись подмосковного села Никольского¹⁵, — а много ли мы сохраняем крестьянских документов для будущего?

Частная переписка как массовый источник дошла до нас, главным образом, от XVIII и XIX вв. Приобретение архивом частной переписки XVII в. — огромное событие для историка и лингвиста, а найденные археологами берестяные письма рядовых людей XII—XIII вв. совершили переворот в некоторых фундаментальных представлениях науки. Между тем совершенно реальна опасность того, что будущий историк, изучая нашу эпоху с ее великим значением для судеб человечества, будет беднее письмами XX в., чем мы письмами XVII в. Не пора ли поставить вопрос о необходимости отбора не только документов известных лиц, но и представительного отбора всей массы личных архивов, так чтобы по сохраненным для будущего фондам можно было судить о частной жизни всех групп населения?

Рассмотрим теперь, как на деле складывается практика отбора личных фондов.

Сравнительно легко решается проблема отбора фондов деятелей литературы и искусства: их собирают почти полностью, хотя и не без уди-

¹⁴ См. в связи с этим: «Пометки Ленина на „Книжной летописи“ 1917, 1918 и 1919 гг.» — «Литературное наследство», т. 7—8. М., 1933, стр. 397—399.

¹⁵ А. Сидорова. Летопись села Никольского в рисунках Егора Емельяновича Королева. — «Прометей», т. 7. М., 1969, стр. 440—445.

вительных лакун. Но уже в отношении ученых картина далеко не столь утешительна. Ученых много и становится все больше; возможности публикации научной продукции, возрастая абсолютно, относительно сужаются; бесценные материалы остаются в личных архивах. Планомерного же собирания фондов ученых нет, последовательно собираются лишь фонды академиков, членов-корреспондентов и некоторой части других ученых, работавших в Академии наук и отраслевых академиях. Однако вклад в науку, а тем более значение архива ученого далеко не всегда определяется наличием или отсутствием этого высшего их признания. Тем не менее практически такой отбор существует.

Но есть еще стихийно сложившийся отраслевой отбор: целые отрасли науки являются белыми пятнами в нашем архивном собирательстве, медицина например. Еще меньше сколько-нибудь обоснованных критериев (или хотя бы практических традиций) для отбора фондов деятелей промышленности, сельского хозяйства, культуры и просвещения.

И, наконец, как производится отбор материалов из принимаемого на хранение архива? Отбор части материалов из личного архива диктуется часто непродуманной волей владельца (на которую ненавязчиво, тактично и, главное, единодушно должны были влиять архивохранилища), еще чаще субъективными соображениями архивистов и отсутствием у самих хранилищ ясных представлений и о принципах отбора и о необходимости не допустить дробления сохранившегося как целое фонда.

Одним из печальных примеров непродуманного решения этих вопросов является история архива В. Г. Черткова. Архив В. Г. Черткова, огромный по объему, состоит из источников, значение которых трудно переоценить. Без них изучение общественной жизни конца XIX — начала XX в. было бы однобоким и неполным. Всякая попытка подойти к этому архиву, как к источнику только для изучения жизни и творчества Толстого или только для изучения «толстовства», или только для изучения русской эмиграции и т. д., заведомо обречена на неудачу. Сложный комплекс взаимосвязанных документов должен изучаться совокупно для любой из этих тем и еще для многих, например, для истории религии и церкви в первые годы Советской власти и сопряженной тогда с этими проблемами острейшей борьбы¹⁶.

Между тем архив этот был подвергнут «экспертизе» прежде всего Музеем Л. Н. Толстого, отобравшим из него не только автографы Толстого (что соответствовало бы прерогативам музея, как персонального собрания рукописей Толстого), но и материалы, «имеющие отношение к Толстому», т. е. очень широкий и неизбежно субъективно определяемый круг документов. Архив был раздроблен, что, несомненно, побудило его владельца, В. Г. Черткова, продолжать отбирать и продавать отдельные группы материалов в другие хранилища. И только когда вся оставшаяся часть была приобретена и частично получена по завещанию Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина, стали ясны последствия предшествующих акций.

Исследование вопросов экспертизы личных фондов еще более нуждается во внимании, чем изучение экспертизы других видов документации.

По отношению к рукописным книгам проблемы отбора, можно сказать, не существует. Источники, относящиеся исключительно к прошлому и дошедшие до нас в ограниченном количестве, должны собираться полностью, тем более что время возникновения большинства из них гораздо более раннее, чем принятая теперь «запретная дата». Глав-

¹⁶ А. И. Клибанов. Материалы о религиозном сектантстве в послеоктябрьский период в архиве В. Г. Черткова. — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 28. М., 1966, стр. 45—46.

ную проблему в комплектовании рукописных книг составляет не отбор, а организация собирания, спасения их от гибели¹⁷. Тем не менее и здесь, в этой сравнительно узкой области, немало своих нерешенных вопросов. С какой полнотой должна собираться, например, старообрядческая рукописная книга конца XIX — начала XX в.? И поздние богослужебные рукописи, которые, быть может, восходят к утраченным протографам, важным в лингвистическом отношении? И поэтические сборники конца XIX в., где переписаны неизвестной рукой широко известные произведения, многократно издававшиеся? На первый взгляд, это совсем несущественные источники, но своей статистикой и анализом состава они дают данные для изучения распространения в народе русской поэзии. Оказывается и здесь много сложных проблем, серьезное исследование и решение которых нельзя откладывать: рукописи исчезают и через несколько десятилетий это решение может стать ненужным.

Сторонники сокращения объема документов, сохраняемых в архивах для научного и практического использования, ссылаются обычно не только на физическую невозможность сохранения всех документов, но и на невозможность их последующего использования. Действительно, даже если бы процесс отбора с его необратимыми последствиями получил достаточную теоретическую базу, а за ней и практический инструментарий, позволяющий отобрать документы так, чтобы они объективно отразили всю существовавшую документацию, то и этим отнюдь не разрешалась бы проблема возможности их использования. Даже «разумно минимальный» объем источников по любой теме неизбежно окажется гораздо больше физических возможностей короткой жизни исследователя.

Здесь возникает второй отборочный барьер — информационный. Фактически исследователь располагает не всеми сохраненными в архивах источниками, но лишь теми, о которых он информирован. Поэтому от состояния и качества информации, от исчерпания ею — от самой обобщенной до самой детальной формы — действительно всей совокупности источников зависят и возможности и результаты исследования.

С другой стороны, состояние и качество информации в значительной степени определяет собою затраты общества на науку. Исследователь должен находить нужные ему источники кратчайшим путем. При этом расходы общества на информацию в конечном итоге всегда окажутся гораздо меньше, чем та растрата времени ученого, а, следовательно, и средств, которая является следствием отсутствия информации или пробелов в ней.

Мы уже не говорим о том, какой урон наносит науке отсутствие «фундамента из точных и достоверных фактов» и в результате неверный вывод ученого, который может надолго повернуть науку на ошибочный путь, потребовав потом значительных усилий для преодоления.

Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» констатирует: «Состояние научной информации в области общественных наук серьезно отстает от современных требований»¹⁸. Если это справедливо для информации в целом, то еще более справедливо для информации источниковедческой.

Совокупность письменных источников, являющихся собственностью Советского государства, составляет Государственный архивный фонд СССР. В него входят и официальная документация — архивные фонды учреждений, предприятий, организации, и личные архивные фонды,

¹⁷ Это хорошо показано в очерках В. Б. Кобрин «По избам за книгами (Из записок собирателя)». — «Новый мир», 1969, № 12.

¹⁸ «Правда», 22 августа 1967 г.

и коллекции, составившиеся в разное время из отдельных документов, и, наконец, рукописные книги¹⁹.

Система хранения материалов Государственного архивного фонда в стране очень сложна, и вряд ли это может быть иначе. Собираение, сохранение и использование источников практически осуществимо только усилиями большого круга учреждений, каждое из которых сосредоточено на определенной их группе.

Вряд ли было бы возможным спасение огромного числа ценнейших архивов из горевших помещичьих усадеб, уплотнявшихся барских городских квартир, из банковских сейфов и закрывавшихся монастырей, если бы А. В. Луначарский и возглавлявшийся им Наркомпрос не привлекли к этому широкий круг архивных, библиотечных, музейных работников.

В наши дни идея концентрации документальных источников в одном ведомстве на практике заменилась постепенно идеей собирания источников на государственное хранение в учреждениях разных ведомств под руководством архивных органов. Таким же образом решается на современном этапе централизация библиотечного дела, воплощающая в новых формах в жизнь ленинскую идею единой системы библиотечного обслуживания²⁰.

Условием этого типа централизации являются общие научные и методические принципы, четкая координация деятельности, кооперация во всех крупных начинаниях и, прежде всего, единая система информации.

Государственный архивный фонд неравномерно разделен по составу между разными хранилищами. Если архивные фонды учреждений, предприятий и организаций за немногими исключениями (партийные и профсоюзные архивы, архивы АН СССР) сосредоточены в государственных архивах системы ГАУ при Совете Министров СССР, то рукописные книги хранятся большей частью в библиотеках и музеях. Личные же архивы характерны для всех типов хранилищ.

Естественно, что при таком положении вещей на первый план выступает проблема информации.

Представим себе исследователя, который приступает к изучению ценного письменного памятника с намерением его издать. Хорошо известно, что львиная доля времени уходит на выявление всех сохранившихся его текстов. И когда памятник издан, именно это выявление десятков списков во многих хранилищах рассматривается как научный подвиг. Для издания «Великого Зеркала», например, было выявлено 147 списков²¹, для «Повести о Дракуле» — 22 списка²², для «Сказания о начале Москвы» — 54 списка²³. Часто выявление круга сохранившихся списков

¹⁹ Двойственный характер рукописной книги до сих пор вызывает споры о правомерности рассмотрения ее в числе документальных источников. Так, П. Н. Берков писал о том, что специфичность описания рукописных книг неправомерна, и считал их объектом библиографии наряду с печатной книгой («Библиографическая эвристика». М., 1960, стр. 50—51). Однако нельзя не видеть в уникальности и неповторимости каждой рукописной книги то решающее свойство, которое делает ее не только книгой, но и документом и не отличает от других документальных источников. Советское источниковедение делает лишь первые шаги в направлении изучения рукописной книги не как фиксации текстов и даже не только как документального источника, но как исторического факта. Развитие этого направления, несомненно, обогатит наши представления об этом виде источников.

²⁰ «Ленинская программа библиотечного обслуживания народных масс». — «Библиотеки СССР», вып. 36. М., 1967, стр. 3—13; Р. З. Зотова. Пути централизации сети массовых библиотек в современных условиях. — Там же, вып. 37. М., 1968, стр. 80—93.

²¹ О. А. Державина. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. М., 1965.

²² «Повесть о Дракуле». Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964.

²³ «Повести о начале Москвы». Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964.

становится делом нескольких поколений ученых. В приведенных нами примерах легко проследить это накопление сведений. «Повесть о Дракуле», давно вошедшая в научный оборот, в 1860 г. издавалась по одному списку, в 1896 г.— по четырем, изданию 1929 г. были известны, хотя и не использованы им, 17 списков, издание 1964 г. учитывает 22²⁴. «Сказание о начале Москвы» было известно в 1930-х гг. в семи списках, в 1964 г. для издания учтены 54²⁵.

О. А. Державина, издавшая «Великое Зерцало» с учетом 147 списков, отмечает: «Количество списков неизвестно, и наличие этих списков и их особенности по отдельным собраниям даже приблизительно не установлены»²⁶.

Эти слова ее уже нашли подтверждение: только в Отделе рукописей ГБЛ с тех пор выявлено еще 26 списков. Надо ли говорить, что выявление всего лишь одного, отличного от известных, списка может существенно изменить представления о памятнике?

Но при правильной организации источниковедческой информации эти «подвиги» и неизбежно сопутствующая им неполнота сведений недопустимы, они вообще не должны иметь места. На выявление нужных текстов исследователь должен затратить лишь то время, какое требуется, чтобы по известному, ограниченному четкой системой кругу справочников найти название или все возможные наименования памятников.

Не меньшие трудности разыскания материалов встают перед издателями полного свода произведений, писем, документов одного автора — академических полных собраний сочинений, например. Несмотря на то, что эта задача всегда связана с наследием крупнейших деятелей истории и культуры, выявление материалов необыкновенно сложно. Даже безупречное знание эпохи, окружения, связей этого автора не гарантирует от пропуска писем многим адресатам, от пропуска рукописей, оказавшихся в личных архивах других лиц — знакомых писателя, сотрудников издательств, органов власти, да мало ли где еще! Все это находится на государственном хранении, в какой-то форме отражено в справочном аппарате, но лишь сплошной просмотр всех описей, не осуществимый даже для большого коллектива ученых, может обеспечить необходимую в этом случае исчерпывающую полноту. Немудрено, что едва закончено издание, начинают «обнаруживаться» новые документы.

В приведенных случаях исследователь ищет нечто заранее ему известное — определенный текст или имя. Задача усложняется во много раз в том (более типичном) случае, когда исследователь ищет неизвестные ему источники, которые могут относиться к его теме. Здесь перед ним такая масса документов, освоение которой невозможно без единой, четкой, соподчиненной системы информации, все звенья которой взаимно связаны, приспособлены к отражению разных видов источников и ведут исследователя кратчайшим путем к отдельному документу.

Даже и при такой системе на долю ученого все равно выпадет большая работа по выявлению связанных с его темой документов; но это его специфическая функция: то постепенное сужение круга исследуемых источников, тот творческий отбор, о котором шла речь вначале как об одной из важнейших сторон процесса научного исследования.

Какой же источниковедческой информацией, ретроспективной и текущей, располагает в настоящее время советская наука? Каково ее состояние по сравнению, например, с состоянием библиографии, также нас еще не удовлетворяющим. Советский Союз обладает текущей регистрационной библиографией, значительным и все пополняющимся репертуаром отраслевых библиографий и библиографий 2-й степени, давно внедрен-

²⁴ «Повесть о Дракуле», стр. 86—87.

²⁵ «Повести о начале Москвы», стр. 83.

²⁶ О. А. Державина. Указ. соч., стр. 9.

ной реферативной службой для естественных наук и техники; в настоящее время создается реферативная служба по общественным наукам; развитие библиографии поставило в порядок дня задачу издания сводных печатных каталогов на базе информационно-поисковых систем. Одним словом, налицо именно система библиографических пособий, хотя еще не совершенная.

Информация о письменных источниках далека и от такой ступени. Единая система научно-справочного аппарата, сложившаяся к настоящему времени, достигла только известного единообразия описей и делает лишь первые серьезные шаги в создании каталогов и поисковых систем, облегчающих и ускоряющих подбор документов для исследователя, пришедшего в архив²⁷. Несомненно, что внедрение информационной техники и развитие классификационных систем должны будут изменить и организацию всей системы информации. Но, как кажется, это проблемы будущего. Наука наша, между тем, не располагает и той информацией, которая обеспечивается возможностями настоящего.

«Каталог архивоведческой литературы», охватывающий (в двух выпусках) информационные издания с 1917 по 1963 год²⁸, дает достаточное представление об их объеме, о той доле Государственного архивного фонда, которую они отражают, и о степени их систематичности.

Начнем с информации ретроспективной. К настоящему времени издан лишь один справочник, отражающий в известном аспекте Государственный архивный фонд в целом и отвечающий цели ретроспективной краткой сводной информации, — «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» (т. I—II М., 1963).

Справочник «Государственные архивы СССР» (М., 1956) состоит из справок об архивных учреждениях, а не о фондах, хранящихся в них, и, в соответствии со своим заглавием, касается лишь системы Главного архивного управления. Таким образом, исследователь не располагает ни сводными справочниками по фондам «общего делопроизводства» (и дореволюционного и советского), ни сводными справочниками по рукописным книгам.

Но все же из имеющихся двух справочников исследователю становятся известны самые архивохранилища, и он вынужден идти дальше путем просмотра справочников о каждом из них. Далекое не все архивохранилища имеют изданные путеводители, как принято называть справочники с фондах одного архива. Располагают ими почти все центральные архивы СССР. Из пяти центральных архивов УССР путеводители изданы для трех, в Белоруссии — один из четырех и т. д. В областных, краевых и других местных архивах процент изданных путеводителей невелик: на Украине из 34 областных архивов изданы путеводители для 8, в РСФСР из 93 областных и краевых архивов изданы путеводители для 18, из 24 архивов автономных республик, областей и национальных округов изданы путеводители для двух. Сведения эти несколько устарели²⁹, но в принципе картина не изменилась.

Со справочниками по архивохранилищам библиотек, музеев, институтов дело обстоит еще хуже. Из библиотек обладает путеводителем по документальным источникам Государственная библиотека имени В. И. Ленина, из музеев — Государственный исторический и Артиллерий-

²⁷ Об этом см.: К. И. Рудельсон, М. Н. Шобухов. Единая система научно-справочного аппарата Государственных архивов СССР. — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. 1, стр. 72—88; К. И. Рудельсон. Классификация документной информации Государственного архивного фонда Союза ССР. Автореферат докт. дисс. М., 1968.

²⁸ «Каталог архивоведческой литературы. 1917—1959». М., 1961; «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1960—1963 гг.)». М., 1964.

²⁹ «Каталог архивоведческой литературы и сборников документов (1960—1963 гг.)» вышел в 1964 г.

ский и два местных музея — Татарской АССР и Буйский Костромской области. Из научных учреждений издали путеводители Архив Академии наук СССР и Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР.

Мало справочников и по собраниям рукописных книг одного хранилища. Их имеют Библиотека Академии наук СССР (БАН), Институт русской литературы АН СССР (ПД), Государственный исторический музей (ГИМ) и некоторые местные музеи. Для части древлехранилищ сводным пособием служит книга А. И. Рогова³⁰; ориентироваться же в остальных рукописных собраниях помогает библиография их описаний, не преследующая собственно источниковедческие цели³¹. Оба эти пособия неполны, так как не включают рукописи греческие, западноевропейские и восточные.

Таким образом, исследователь, минуя неполный и часто случайный круг общих пособий, обращается к описям и обзорам отдельных фондов, к описаниям отдельных собраний. Доля фондов, охваченных этими пособиями в печатном виде, очень мала.

Каталоги рукописей классиков русской литературы большей частью изданы — правда по отдельным хранилищам (Пушкин, Горький, Толстой — мемориальными хранилищами; Белинский, Гоголь, Гончаров, Островский, Салтыков-Щедрин, Тургенев — в ГПБ; Белинский, Герцен, Гоголь, Короленко, Некрасов, Огарев, Островский, Салтыков-Щедрин, Чехов — в ГБЛ; Брюсов, Герцен, Гоголь, Короленко, Некрасов, Огарев, Тургенев, Чернышевский — в ЦГАЛИ), но печатные описи других фондов единичны. Единственным примером сводного каталога рукописей одного писателя в разных архивах остается каталог рукописей Достоевского³². Подготовленный несколько лет назад сводный каталог рукописей А. А. Блока пока не издан.

Печатные описания отдельных рукописных собраний издаются мало и редко (большая их часть издана еще до революции). Случайный характер носит издание обзоров.

Наконец, следует сказать, что исследователей не удовлетворили бы все эти пособия и в том случае, если бы они охватили все архивохранилища во всем их составе. Дело в том, что пособия такого рода, не дополняемые систематической текущей информацией, стареют в день своего выхода в свет. Так устарели к настоящему времени все путеводители, за исключением изданий таких архивов, как ЦГАДА, где фонды вообще не пополняются.

Справочник «Личные архивные фонды», изданный в 1963 г., охватывал более 10 000 фондов, находившихся на государственном хранении в 1958—1961 гг. За истекшие 10 лет только Отдел рукописей ГБЛ вырос на 170 фондов. ЦГАЛИ, закончивший издание своего двухтомного путеводителя в 1963 г.³³, вынужден был издать третий выпуск, охватывающий поступления 1962—1966 гг. и отразивший около 300 новых фондов и дополнений к старым³⁴.

Следовательно, ретроспективная информация теряет свое значение, если она не дополняется систематической текущей информацией.

Было бы неверно не замечать больших сдвигов, происшедших в источниковедческой информации за последние 10—15 лет. Достаточно сказать, что пособия, учтенные в «Каталоге архивоведческой литературы»,

³⁰ А. И. Рогов. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962.

³¹ «Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей». М.—Л., 1963.

³² «Описание рукописей Ф. М. Достоевского». М., 1957.

³³ «Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель». М., 1963.

³⁴ «Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. Путеводитель», вып. 3. М., 1968.

изданы большей частью именно в этот период. На это употреблены огромные усилия архивистов, библиотечных и музейных работников всей страны — тем большие усилия, что внутренний научно-справочный аппарат архивохранилищ далек еще от совершенства и мало облегчает задачу печатной научной информации. И все же результат, как мы видели, никак не может удовлетворить требования растущей советской науки.

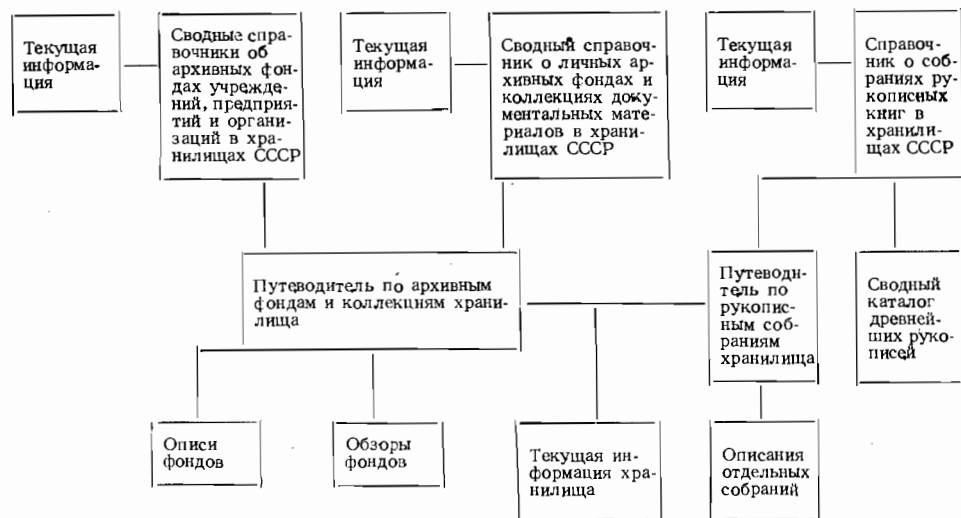
Здесь следует отметить еще одно обстоятельство: усилия, которые ученый должен затратить сейчас на сбор источниковедческой информации, часто оказываются непомерно велики. Тогда основным источником информации становятся архивные ссылки в опубликованных работах. В этом наиболее отчетливо проявляется информационный отборочный барьер, замыкающий одного исследователя за другим в порочный круг одних и тех же фактов и оставляющий за пределами науки гигантскую массу нетронутого материала.

Думается, что ключ к решению вопроса — в создании общегосударственной, действительно единой системы научной информации, ведущей исследователя от общих справочников к отдельному хранилищу и его ретроспективной и текущей информации. Эта система печатной информации дополняется внутри каждого хранилища системой внутреннего научно-справочного аппарата, в общих принципах также единой, но варьирующей свои формы применительно к составу и содержанию фондов. При этом только отдельные, наиболее ценные группы рукописных источников должны охватываться печатной информацией, прямо ведущей к отдельной рукописи или документу. Примером такой информации может явиться осуществляемая Археографической комиссией подготовка Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, о необходимости создания которого говорилось на IV Международном съезде славистов (М., 1958). Речь идет лишь о сравнительно узком круге древнейших рукописей, иначе этот замысел был бы вообще неосуществим.

Предлагаемая система представляется в следующем виде. Исследователь, приступающий к какой-либо теме, должен располагать прежде всего сводными общими изданиями, охватывающими по определенному виду фондов все хранилища страны. Это информация первого этапа, позволяющая исследователю быстро наметить круг обследуемых хранилищ. На наш взгляд, этот первый этап должен обеспечиваться: справочником (или, вернее, системой справочников) об архивных фондах учреждений, предприятий и организаций во всех хранилищах СССР независимо от их профиля и ведомственной подчиненности; справочником того же характера о личных архивных фондах и коллекциях документов; справочником о собраниях рукописных книг. Справочники об архивных фондах учреждений, предприятий и организаций, вероятно, лучше создавать раздельно для советского периода и для учреждений Российской империи; можно было бы также разделить весь круг фондообразователей на несколько групп и, следовательно, создать несколько справочников. Но совокупность их должна практически охватывать все фонды, входящие в состав Государственного архивного фонда. От этого круга пособий исследователь обращается к путеводителю по хранилищу, который для древлехранилищ должен быть дополнен отдельным путеводителем по собраниям рукописных книг. Здесь он находит подробную справку о нужном ему фонде, библиографию информационных изданий по данному фонду и сведения о научно-справочном аппарате к этому фонду внутри архива. Уже этот второй этап информации позволяет исследователю часто экономить свои усилия и государственные средства, обратившись в архив за копиями нужных ему материалов. Если этого недостаточно, исследователь приходит в архив и здесь исчерпывает свои источники, обращаясь к описям, каталогам или информационно-поисковым системам.

Затем на первый план выступает текущая печатная информация архивов. Если архив систематически информирует о своих новых поступлениях, то переиздание путеводителей можно осуществлять через очень значительные промежутки времени — 20 — 30 лет. Очевидно, что текущая информация должна быть печатной и строиться по той же системе, что и ретроспективная.

Путь исследователя по печатным информационным изданиям от самых общих сведений до конкретного документа может быть представлен в виде следующей схемы:



Планомерное осуществление ее на практике, достаточно трудоемкое, может через несколько лет создать условия для подлинного раскрытия всего Государственного архивного фонда для науки. Начало должно быть положено завершением первого этапа информации, для которого мы располагаем сейчас лишь одним (да и то нуждающимся в дополнении) из трех типов справочников и организацией непосредственно вслед за этим сводной текущей печатной информации о фондах, поступивших за прошедший год в хранилища СССР.

Уже эта работа, которая неизбежно вовлечет в свою орбиту буквально все государственные хранилища, создала бы почву для завершения второго этапа, охвата путеводителями всех без исключения учреждений, хранящих рукописные и документальные источники. Современные возможности малой полиграфии могли бы помочь заложить основы текущей информации о поступлениях если не в каждый архив, то хотя бы в группы их, объединенные территориальным или иными признаками. К настоящему времени, к сожалению, традиции такой регулярной информации почти утрачены. Из довольно большой группы хранилищ (Институт русской литературы, Литературный музей, Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) и др.), которая длительное время вела текущую информацию, сохранить ее удалось только Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина³⁵, усилия которой, благодаря единичности этого издания, не могут дать исследователям полноценных результатов.

Предлагаемая система построена так, что охватывает все типы хранилищ, все виды фондов и все разнообразие хранящихся в них источни-

³⁵ Раздел «Новые поступления» в ежегоднике «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 11—32. М., 1951—1971.

ков. Она одинаково применима и к государственным архивам, хранящим преимущественно материалы делопроизводства, и к архивам с преобладанием личных фондов, и к смешанным хранилищам универсального профиля типа ПД, ГПБ, ГБЛ и, наконец, к отделам рукописей, где хранятся лишь рукописные книги (БАН, ГИМ).

Она могла бы быть осуществлена — в отношении справочников по фондам учреждений на базе Центрального фондового каталога, в отношении справочника по собраниям рукописных книг — Археографической комиссией АН СССР с привлечением нескольких крупных хранилищ в отношении справочника по личным фондам — кооперацией ГАУ, Архива АН СССР и ГБЛ. Необходимо также одновременное создание группы текущей информации, которая повела бы эти издания дальше.

Осуществление этой системы, требующее, как показала работа над первыми томами справочника «Личные архивные фонды», не больших усилий, чем те, что затрачиваются на разрозненные и не связанные между собой издания, подняло бы наше практическое источниковедение на новую ступень.

Б. А. Рыбаков

ДАНИИЛ ЗАТОЧНИК И ВЛАДИМИРСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ КОНЦА XII в.

1

Историческое осмысление такой интересной фигуры, как Даниил Заточник, далеко еще не завершено. Не решены вопросы относительной и абсолютной датировки «Слова» и «Моления», не выяснено наше право одинаково называть Даниилом обоих авторов; велика путаница в определении адресата первого челобитья («Слова»); нет ясности в географических приметах и т. п. Для определения степени разноречия нашей научной литературы достаточно привести список различных суждений о месте Даниила в обществе. Его считают то княжеским дружинником, дворянином, то боярским холопом, духовным лицом или гуслиром, вороватым мастером серебряных дел или княжеским шутом. Главной причиной такой разногласия является суммарное рассмотрение «Слова Даниила Заточника» и «Моления Даниила Заточника» как двух редакций одного произведения. А. С. Орлов ввел даже особый термин «Слово — Моление»¹. Споры о том, которую из двух редакций считать первоначальной, способствовали дополнительной нивелировке обоих произведений. Суммарное рассмотрение облегчалось еще и тем, что «Слово» почти полностью инкорпорировано в более позднее «Моление», автор которого многое добавил к афоризмам Даниила Заточника (автора «Слова»). Если в «Слове» насчитывают 49 смысловых элементов, то в «Молении» их 83. Взаимоотношение «Слова» и «Моления» можно в известной степени уподобить отношению Правды Ярославичей XI в. к Пространной Русской Правде XII в.

После капитальных работ И. А. Шляпкина, А. И. Лященко и П. Миндалева² в 1932 г. появилась серьезная публикация Н. Н. Зарубина, в самом своем названии отразившая точку зрения автора на первенство «Слова»³. Н. Н. Зарубиным дан подробный историографический обзор всей предшествующей литературы. Его работа оживила интерес к имени Даниила Заточника. Исследователи отыскивали целый ряд новых списков «Слова» и его переделок⁴, но теоретическая мысль работала преимущ-

¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937, стр. 164.

² И. А. Шляпкин. Слово Даниила Заточника по всем известным спискам. СПб., 1889; А. И. Лященко. Моление Даниила Заточника. СПб., 1896; П. Миндалев. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914.

³ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. Все цитаты «Слова» и «Моления» в статье приведены по этому изданию.

⁴ В. И. Малышев. Новый список «Слова Даниила Заточника». — «Труды Отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. VI, 1948, стр. 193—200; В. Ф. По к-

щественно над более пространным и более определенным хронологически «Молением» XIII в. Большое влияние на последующую научную литературу оказала талантливая книжка Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси»⁵. Прекрасно зная хронологическое и социальное различия между «Словом» и «Молением», Романов тем не менее сознательно обрисовал суммарную «силуэтную фигуру» Даниила, русского средневекового мизантропа, в имени которого причудливо слились автор, герой и читатель. Можно сказать, что для самого Романова такой обобщенный Даниил Заточник был удобным литературным героем, искусственно созданным образом, с помощью которого легче раскрывались сухие статьи Русской Правды. Даниил был для Романова своего рода Вергилием, водившим автора по чистилищу русской социальной жизни начала XIII в.

В 1949 г. появилась статья В. М. Гуссова, пытавшегося доказать, что Даниил (в данном случае он рассматривается как автор «Моления») был членом княжеской думы Ярослава Всеволодича и выступал против Липицкой битвы 1216 г.⁶

В 1951 г. со статьей о Данииле как дворянском публицисте выступил И. У. Будовниц. Четко различая обе редакции, Будовниц сосредотачивает свое внимание на «Молении». Вызывает недоумение чрезвычайно широкий хронологический диапазон редакций. «Слово» Будовниц находит возможным отнести «к концу XI — началу XII в. (с некоторыми последующими вставками вроде заявления князя Ростислава о Курском княжении)». «Моление», по мысли автора, относится к XIV в.⁷ Это резко расходится с общепринятыми датировками.

В 1954 г. вышла подробная статья Д. С. Лихачева, посвященная социальной характеристике автора «Моления». Д. С. Лихачев, следуя, очевидно, Б. А. Романову, не различает разных редакций и, восстанавливая социальный облик Даниила по «Молению», на самом деле широко, без каких бы то ни было оговорок пользуется не только текстом «Моления», но и текстом «Слова Даниила Заточника»⁸. Полученный в итоге суммарный облик «эксплуатируемого интеллигента» XII—XIII вв. сходен с романовским мизантропом, но отличается от него близостью к скоморошье среде. При этой реконструкции, верной в своих основных частях, пострадала многогранность облика автора «Моления» и совершенно исчезло существенное различие между ним и автором «Слова Даниила Заточника».

ровская я. Неизвестный список «Слова» Даниила Заточника. — Там же, т. X, 1954, стр. 280—289; М. Н. Тихомиров. «Написание» Даниила Заточника. — Там же, стр. 269—279. (М. Н. Тихомиров считает «Написание» наиболее ранним вариантом всей серии подписанных именем Даниила произведений. Этому противоречит отсутствие автобиографических черт и ряд очень поздних оборотов речи.) В. Н. Перетц. Новый список «Слова» Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. XII, стр. 362—378.

⁵ Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947.

⁶ В. М. Гуссов. Историческая основа Моления Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 410—418. Взгляды Гуссова не получили поддержки.

⁷ ТОДРЛ, т. VIII, 1951; И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960, стр. 290. Раздел книги «Моление Даниила Заточника, как памятник ранней дворянской публицистики» является переработкой указанной выше статьи 1951 г.

⁸ Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. X. Автор равномерно и безразлично черпает цитаты то из «Слова» (Н. Н. Зарубин. Указ. соч., стр. 4—35), то из «Моления» (там же, стр. 36—73). См. стр. 110, ссылки 2—9 — на «Слово», ссылки 10—14 — на «Моление»; стр. 111, ссылки 2, 3, 4, 7 — на «Слово», ссылка 5 — на «Моление»; стр. 112, ссылки 3—8 — на «Слово», ссылки 1, 2, 9 — на «Моление»; стр. 113, ссылки 1, 2, 4—8, 10 — на «Слово», ссылки 3, 9, 11, 12 — на «Моление»; стр. 114, ссылки 4—6, 8, 9 — на «Слово», ссылки 1—3, 7, 10—12 — на «Моление»; стр. 115, ссылки 5, 7, 14, 18 — на «Слово», ссылки 1—4, 6, 11—13, 15—21 — на «Моление», ссылки 8—10 — на более поздние переделки.

Интересную работу посвятил Даниилу Заточнику М. О. Скрипиль⁹. В 1967 г. вышла основательная по объему работа Н. Н. Воронина¹⁰.

Большой заслугой Воронина является четкое разделение всего связанного с именем Даниила Заточника на два различных и разновременных произведения («Слово» и «Моление»), которые рассматриваются автором раздельно и сопоставляются друг с другом. Анализ «Моления», относимого Ворониным к 1220-м годам, представляется мне убедительным. Этого никак нельзя сказать о его выводах по поводу «Слова» Даниила Заточника. Автор «Слова», по Воронину,— придворный шут Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, пострадавший по проискам княгини Кучковны. Система доказательств крайне слаба: в «Слове» говорится о долблении камня, а Андрей Боголюбский, напоминает Воронин, строил каменные храмы; в «Слове» упоминаются гусли, а на одном из храмов Андрея изображен царь Давид с гуслими; в «Слове» говорится о фруктовом саде («рае»), а у Юрия Долгорукого под Киевом был сад, называемый им раем, о чем Даниил будто бы знал непосредственно от самого князя...¹¹

Пытаясь установить точную дату «Слова» Даниила Заточника, Н. Н. Воронин пренебрег всеми связями «Слова» с конкретной исторической действительностью XII в. Как известно, полный заголовок «Слова» таков: «Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу Володимировичу»¹². В перечне адресатов Даниила Воронин говорит об Андрее Боголюбском¹³, но ни разу нигде даже не упомянул того князя, имя которого стоит в адресе «Слова» — князя Ярослава Владимировича! Невозможно дать новое решение вопроса без тщательного и разностороннего анализа всех содержащихся в источнике датированных признаков. Поэтому эти хронологические и исторические рассуждения Н. Н. Воронина повисают в воздухе.

Круг наших задач можно очертить так. Во-первых, в центре внимания должно быть не «Моление», тщательно изученное Н. К. Гудziem, Б. А. Романовым, Д. С. Лихачевым и Н. Н. Ворониным, а «Слово Даниила Заточника», незаслуженно забытое исследователями. Оно должно рассматриваться само по себе, как отдельное произведение, для того, чтобы избежать крайне опасной суммарности, при которой появляется не столько «загадочный» (этот эпитет применяют почти все исследователи, сколько противоясственный, слепленный из двух различных произведений, адресованных разным князьям, облик обобщенного Даниила. Во-вторых, мы должны обратить пристальное внимание на все исторические и географические конкретности, содержащиеся в произведениях, подписанных именем Даниила. Необходимо тщательно проследить по летописям всю биографию князя Ярослава Владимировича и сопоставить ее с намеками, содержащимися в «Слове Даниила Заточника».

2

«Слово Даниила Заточника» отличают от «Моления» не только объем, язык, разная обрисовка судьбы самого автора, но и ряд определенных конкретных исторических признаков:

⁹ М. О. Скрипиль. Слово Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. XI, 1955, стр. 72.

¹⁰ Н. Н. Воронин. Даниил Заточник. I Слово. II Моление. (Древнерусская литература и ее связи с новым временем). М., 1967, стр. 54—101.

¹¹ Там же, стр. 71, 75, 80—81.

¹² Н. Н. Зарубин. Указ. соч., стр. 4. Здесь и далее разрядка моя.—Б. Р.

¹³ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 55, 58, 63, 80.

	«Слово»	«Моление»
Адресат	Князь Ярослав Владимирович, сын великого князя (царя) Владимира	Великий князь Ярослав Всеволодич, князь над переяславцами, сын великого князя Всеволода
Географические пункты	Общие обоим произведениям: Боголюбово, Белоозеро, Лашь-озеро ! Новгород	Переяславль

Как видим, расхождения очень серьезны и интересны, так как даже при самом беглом взгляде заставляют обратиться к летописям и, во-первых, поискать там имена адресатов, а во-вторых, определить причины упоминания Новгорода в «Слове», исчезновения имени Новгорода в «Молении» и замены его Переяславлем. Начнем с загадочного родословия адресата «Слова Даниила Заточника», князя Ярослава Владимировича.

«Великий царь (князь) Владимир».

Торжественность этой формулы смущала многих исследователей и им хотелось видеть в «царе Владимире» одного из прославленных Владимиров русской истории — Владимира Святого или Владимира Мономаха. Предлагавшийся рядом исследователей Владимир Мстиславич, отец Ярослава Новгородского, был отвергнут по своей незначительности. «Князь Владимир Мстиславич по своему положению и по своей исторической роли не мог быть назван великим князем, тем более царем, поэтому возникает предположение, что имя Ярослава, под которым мог разумеется Ярослав Мудрый, в заглавии редакции поставлено писцом по догадке»¹⁴.

Таким образом, под царем Владимиром нам предлагают понимать Владимира I, отца Ярослава Мудрого. Следует напомнить, что во времена Ярослава Владимировича Мудрого еще не существовало Боголюбова, построенного лишь его праправнуком в 1150-е — 1160-е гг.

Многие хотели сопоставить отца адресата Даниила с Владимиром II Мономахом. С этим как будто бы увязывалась фраза о бедности Курского княжения, которую, по летописи, произнес сын Мономаха князь Андрей Владимирович Добрый в 1140 г., когда Всеволод Ольгович выгонял его из Переяславля Русского: «Курьску изволи ити!» Андрей отвечал Ольговичу: «лепши ми того смерть и с дружиною на своей отчине и на дедине взяти, нежели Курьское княженье...»¹⁵

В «Слове» Даниила Заточника эта фраза приписывается какому-то князю Ростиславу, который говорил самому Даниилу: «лепшии бы ми смерть, нежели Курское княженье».

Единственный вывод, который мы можем сделать из сопоставления летописи и «Слова», — это то, что крылатая фраза о Курском княжении стала поговоркой, употреблявшейся разными лицами (может быть не без влияния летописной записи). Считать Андрея адресатом «Слова» на том основании, что он сын великого князя Владимира и автор фразы о Курском княжении, было бы неосторожно. О Курске Даниилу говорил Ростислав, а не Андрей, а сына князя Владимира Даниил называет опять-таки не Андреем, а Ярославом.

По тем же самым соображениям отпадает и кандидатура другого сына Мономаха — Юрия Долгорукого, хотя к этому имени мысль ученых

¹⁴ «История русской литературы», т. 2. М.—Л., 1946, стр. 35. Данный параграф написан Н. К. Гудзием.

¹⁵ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. 2. М., 1962, стр. 16.

настойчиво возвращалась несколько раз со времен Н. М. Карамзина, допуская даже, что Юрий Долгорукий носил языческое имя Ярослава, как и его прадед Георгий-Ярослав Мудрый¹⁶.

Нам надлежит вернуться к князю Владимиру Мстиславичу и рассмотреть, насколько справедливо суждение о том, что по своему положению он «не мог быть назван великим князем».

Владимир был сыном Мстислава Великого от второго брака князя с дочерью новгородского посадника Дмитрия Завидовича. Она так и названа по отцу и деду: «Дмитровна, Завидова внука».

Если считать, что «Слово» было адресовано новгородскому князю Ярославу Владимировичу, то в торжественной титулатуре его отца, потомка новгородских бояр (по женской линии), мог быть скрыт определенный расчет.

Владимир родился в 1132 г., когда его отец был великим князем киевским; пятнадцатилетним юношей Владимир уже был наместником великого князя в Киеве во время трагического убийства Игоря Ольговича в 1147 г. когда княжич пытался укрыть обреченного Игоря во дворе своей матери. С 1149 г. он связан с Волынью, доменом его сводного брата Изяслава Мстиславича (Луцк, Дорогобуж). В 1150 г. он женится на венгерской принцессе¹⁷. В 1156 г. Владимиру Мстиславичу пришлось искать убежища у своего зятя в Венгрии.

В 1162 г. Владимир закрепился и в Русской земле, получив от великого князя киевского Треполь и «ины 4 города». Эти города стали наследственным доменом его потомков: в Треполе в 1207 г. сидел его внук.

В 1167 г. Владимир Мстиславич, недовольный тем, что на киевский престол сел его племянник Мстислав Изяславич, пытался организовать широкий заговор против него, опираясь на кочевников-берендеев, но ни князья, ни бояре его не поддержали, заговор был раскрыт, и Владимиру пришлось бежать от обозленных берендеев. Жена его бежала с ним, а его мать, «Завидову внуку», великий князь выгнал из Киева: «не могу с тобою жити одному месте, зане сын твой ловить головы моя всегда». Владимир в конце концов оказался в Суздальской земле у Андрея Боголюбского и здесь, в Москве, по данным Густынской летописи, начал подговаривать¹⁸ Андрея завоевать Киев (что тот и сделал в 1169 г.).

В феврале 1171 г. Владимир из своего Дорогобужа Волынского был приглашен Ростиславичами на стол великого князя киевского и сел на престол 15 февраля на масленицу, а 10 мая «на русальной неделе» умер от тяжелой болезни «и бысть седенья его всего в Киеве 4 месяце». Но как бы то ни было, он был вполне законным великим князем Киевским и, следовательно, имел право именоваться и царем. Царский титул впервые носил Ярослав Мудрый¹⁹, а затем он довольно часто мелькает на страницах киевских летописей. Царем титуловали брата Владимира Мстиславича великого князя Изяслава в 1151 г., царем называли Андрея Боголюбского после завоевания им Киева в 1169 г., применяли царский титул и к Рюрику Ростиславичу в торжественной речи 1198 г. Одним из современников Владимира Мстиславича (его внука-

¹⁶ Так думали Ф. И. Буслаев (1861 г.), Д. Дубакин (1880 г.), Е. Модестов (1880 г.) и П. Миндалев (1912 г.) (см. Н. Н. Зарубин. Указ. соч., стр. 111, прим. 2).

¹⁷ «В то время Володымер Мстиславич, брат Изяславов, поиде в Угры и поят себе жену дщерь Бели Слепаго, короля Угорского». — ПСРЛ, т. 2, стр. 300.

¹⁸ Следует учесть, что описание всех злоключений Владимира сделано в летописи враждебным ему летописцем великих князей Изяслава Мстиславича (1146—1154) и его сына Мстислава (1167—1169). Автор называет его «мачешичем», так как он был сводным братом Изяслава, а после его смерти вносит в летопись злобную эпиграфию.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Запись о смерти Ярослава Мудрого. — «Советская археология», 1959, № 4, стр. 249.

того племянника) князя Романа Мстиславича летопись тоже называет царем: «... бе царь в Русской земли»²⁰.

По положению великого князя киевского Владимир Мстиславич в свое короткое царствование в Киеве имел законное право именоваться царем, как и другие великие князья киевские.

Обращаясь к Ярославу Владимировичу как к «сыну великого князя (царя) Владимира», Даниил Заточник нисколько не грешил против истины и литературной манеры своей эпохи.

Князь Ярослав Владимирович, сын «царя» Владимира (адресат «Слова Даниила Заточника»).

На политическом горизонте Новгорода и Суздальской земли Ярослав Владимирович появляется внезапно. Мы не знаем ни года его рождения, ни ранней судьбы.

Ярослав был одним из четырех сыновей Владимира Мстиславича; княжичи осиротели в раннем возрасте: старшему Мстиславу было не более 20 лет, младшему не могло быть более 17. Судя по тому, что братья Святослав и Ростислав упоминаются в летописи впервые спустя почти два десятка лет после смерти отца, они были, очевидно, юными. Сыновья великого князя и царя Владимира сразу же после его смерти оказались на положении третьестепенных князьков во враждебном окружении: на Волыни княжил сын лютого врага их отца, Роман Мстиславич, а их днепровский удел в Треполе был под контролем Рюрика Ростиславича, неоднократно порицавшего Мстислава Владимировича (старшего брата) за вероломство, измену и двукратное бегство с поля боя (1176 и 1181 гг.). Незначительность их положения подчеркивалась тем, что иногда их называли не по именам, а собирательно: «Володимеричи» (1201 г.).

Старший брат владел Треполем, а какими городками владели другие братья (в том числе и Ярослав), нам неизвестно. Но так как все более или менее значительные города в этих краях принадлежали другим князьям, то надо думать, что Володимеричи владели совсем маленькими уделами.

Из этой безвестности Ярослава вывела его женитьба: он женился на дочери чешского князя Шварна.

Бедственность его собственного положения компенсировалась знатным родством в Европе: Ярослав был прямым потомком венгерских королей (брат его Святослав ездил в Венгрию с дипломатическим поручением в 1188 г.), его родные тетки по отцу были королевами Венгрии, Дании, Норвегии, земли Оботритов. Это родство, вероятно, и обеспечило княжичу Ярославу выгодную женитьбу. Особое значение этот брак приобрел в силу того, что на сестре его жены, Марии Шварновне, женился Всеволод Большое Гнездо²¹. Ярослав стал свояком одного из наиболее могущественных русских князей того времени.

В 1181 г. у великого князя Рюрика Ростиславича сильно обострились отношения с Мстиславом Трепольским (и, вероятно, с братьями его тоже), который «побегл еси, Ольговичем и половцем добро творя». А уже зимою 1181/82 г. влиятельный свояк помог Ярославу выбраться из его днепровского захолустья и направил его в Новгород, откуда новгородцы только что выгнали сына черниговского князя.

«В лето 6690. Прииде в Новьгород князь Ярослав сын Володимирь, внук Великаго Мьстислава», — торжественно записывает новгородский летописец. Однако оказавшись неожиданно для себя в богатом городе, молодой князь очевидно зарвался: «В том же лете (1184) прислав Всеволод, выведе свояка своего из Новагорода Ярослава Володимирица:

²⁰ ПСРЛ, т. 2, стр. 185.

²¹ Н. Головин. Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851 стр. 14, № 128.

негодовахуть бо ему новгородци, зане много пакости творяше волости новгородчкый»²².

Схема биографии Ярослава Владимировича такова:

- родился примерно в 1150-х гг. (не ранее 1152 г., так как отец женился в 1150 г., а он был не первенцем в семье);
1182—1184 гг.— княжит в Новгороде;
1184—1187 гг.— находится при свем свояке Всеволоде Большое Гнездо в качестве подручного князя;
1187—1196 гг.— снова князь в Новгороде;
с 1196 (с 26 ноября) по 1197 г.— князь Нового Торга;
1197 г.— на короткий срок во Владимире у Всеволода;
1197—1199 гг.— в третий раз княжит в Новгороде; строит церковь Спаса Нередицы. 24 августа 1199 г. окончательно покидает Новгород;
1199—1200 гг.— находится в Суздальской земле. Здесь умирает его жена, «свесь» Всеволода;
1205 г.— Изгнан из Вышегорода Ростиславом Рюриковичем. Год смерти Ярослава Владимировича неизвестен, но в конфликте со Всеволодом Черным в 1207 г. в качестве владельца Треполя упоминается только его сын. Очевидно, он умер в промежуток 1205—1207 гг.

К некоторым звеньям биографии Ярослава Владимировича мы еще возвратимся в связи со «Словом» Даниила Заточника.

Князь Ярослав Всеволодович, сын великого князя Всеволода (адресат «Моления» Даниила Заточника).

Ярослав (крещен Федором) был четвертым сыном Всеволода Юрьевича, «Большое гнездо» которого насчитывало 8 сыновей и 4 дочерей. Ярославу Владимировичу он приходился племянником, так как его мать была сестрой жены Ярослава Владимировича.

Его биографическая канва такова:

- 1190 г.— родился 8 февраля в Переяславле Залесском, когда отец был в полюдье;
1201 г.— послан отцом княжить в Переяславль Южный;
1205 г.— женился на внучке хана Кончака;
1206 г.— изгнан из Переяславля Русского, вернулся во Владимир;
1208 г.— временно княжит в Рязани;
1213 г.— сражается с братом Константином;
1215 г.— княжит в Новгороде. Бояре выгоняют его в Торжок. Упомянуто, что он женат уже вторично на дочери Мстислава Удалого. Изгнан из Новгородской земли тестем;
1216 г.— в союзе с братом Юрием дает сражение тестю и брату Константину у Липиц и проигрывает его;
1222 г.— вторично княжит в Новгороде;
1223 г.— уходит из Новгорода в Переяславль Залесский;
1225—1235 гг.— княжит то в Переяславле, то в Новгороде. Воюет с Емью и Псковом. Судится с епископом Кириллом Ростовским;
1235 г.— княжит в Киеве;
1238 г.— после гибели Юрия Всеволодовича княжит во Владимире;
1239 г.— действует некоторое время на юге и в Смоленске;
1243 г.— получает от Батыя ярлык на великое княжение;
1246 г.— совершает поездку в Монголию к великому хану и на обратном пути умирает, отравленный татарами.

²² «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 228.

Князь Ростислав, собеседник Даниила Заточника. В князе Ростиславе, беседовавшем с Даниилом и повторившем ему слова Андрея Доброго о бедности Курского княжения, чаще всего видят сына Юрия Долгорукого. Ростислав Юрьевич упоминается в летописях с 1138 г.; умер он в 1150 г.

У Ростислава Юрьевича велся разговор о волостях с его двоюродным братом Изяславом Мстиславичем в 1148 г., когда Ростислав изменил родному отцу и перешел на сторону его врага, но характер разговора был иной, чем в случае с Курским княжением у его дяди.

Ростислав «поклонився... рече: Отец мя переобидил и волости ми не дал...»

Изяслав. «Всих нас старей отец твой, но с нами не умеет жити... Ныне же, аче отец ти волости не дал, а яз ти даю. И да ему Божьский, Межибожие, Котельницу и ины два города».

Через год Ростислав был уличен в заговоре и изгнан Изяславом к отцу: «Се, брате, ты еси ко мне от отца пришел, оже отец тя приобидил и волости ти не дал. Яз же тя приял в правду... и волость ти есмь дал, ако ни отец того вдал, что я тебе вдал».

Как видим из этих пространных речей, ни приезд Ростислава, ни изгнание его не подходят к той ситуации, в которой Андрей произнес свою знаменитую фразу о Курском княжении: когда киевский князь принимал коммendaцию Ростислава, тот получил хорошие волости и не жаловался на их мизерность; когда же его посадили в лодку с четырьмя отроками без дружины и отправили из Киева, тут уж было не до выбора волостей.

Н. Н. Воронин очень уверенно говорит о том, что «автор Слова лично знал сына Юрия Долгорукого Ростислава Юрьевича»²³. Если мы примем это не очень осторожное утверждение, то должны будем начисто отвергнуть все то, что в «Слове» Даниила говорится о князе Ярославе Владимировиче, сыне великого князя киевского: ведь Ярослав, как мы видели, мог родиться не ранее 1152 г., а Ростислав умер за два года до его рождения в 1150 г. Даниил же обращается к Ярославу «ун возраст имея». Юный возраст корреспондента Ярослава Владимировича, в 1180-х—1190-х гг. исключает возможность личного знакомства Даниила с давно умершим Ростиславом Юрьевичем.

Среди многочисленных князей, носивших имя Ростислава, могут быть привлечены только трое современников Ярослава Владимировича:

1. Его брат Ростислав Владимирович (упом. 1190—1202 гг.).
2. Ростислав Рюрикович (1171—1218 гг.).
3. Ростислав Ярославич Сновский (1174—1213 гг.).

Двое последних Ростиславов были зятьями Всеволода Большое Гнездо и тем самым могли попасть в поле зрения Даниила в короткие сроки их приездов в Суздальщину.

Ростислав Рюрикович, женатый на Верхуслане Всеволодовне, провел в Суздальской земле всю зиму 1193/94 г., гостя у тестя, а Ростислав Ярославич, сын черниговского князя, был здесь в 1189 г., присутствуя при освящении Успенского собора во Владимире. Оба эти князя враждебно относились к адресату Даниила Ярославу Владимировичу: Рюрикович выгнал его из Вышгорода в 1205 г., а Ярославич взял в плен его брата и увел пленника в свой город в 1207 г. Конечно, это не мешало Даниилу в более раннее время беседовать с кем-либо из них, но едва ли эти князья жаловались ему на бедственность своего положения: Ярославич владел Сновском и жил под покровительством своего «сильного и богатого и многовогоего» отца, а Рюрикович владел Торческом, а потом Белгородом и Вышгородом, фактически был после 1187 г. соправителем отца и тоже не имел оснований сетовать на свою судьбу.

²³ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 71.

Наиболее вероятно, что в письме к Ярославу Владимировичу простое упоминание князя без отчества, без каких бы то ни было опознавательных признаков («не лгал бо ми Ростислав князь...») относилось к его родному брату, мелкому захудалому князьку Ростиславу Владимировичу, теснимому могущественными «Ростиславичами» — великим князем киевским Рюриком и его воинственным сыном Ростиславом Торческим, от которых «Володимеричи» находилась в вассальной зависимости.

Группировавшиеся вокруг небольшого городка Треполя трое братьев Ярослава Владимировича (Мстислав, Ростислав и Святослав), оказавшиеся между великим князем и Ольговичами, много раз, очевидно, могли вспомнить крылатую фразу, сказанную полвека тому назад по поводу тягостного и унижительного положения князя, оттесненного соперниками на положение мелкого удельного владетеля вроде князя курского.

Итак, в собеседнике Даниила Заточника, князе Ростиславе, предпочитавшем смерть нищенскому уделу, естественнее всего видеть брата адресата Даниила, князя Ростислава Владимировича, упоминаемого летописями с 1190 по 1202 г.

Географические наименования «Слова» и «Моления».

Два списка географических пунктов содержат как общую часть, так и такие города, которые есть только в одном из них.

В общую часть входят: Боголюбово, Белоозеро, Лачь-озеро. Все эти пункты, включая и озеро Лаче, часто причисляемое почему-то к новгородским владениям, входят в Ростово-Суздальскую землю²⁴.

Боголюбово — великокняжеская резиденция, а Белоозеро и Лачь-озеро — ростовские владения. Может удивить отсутствие в этом списке города Владимира на Клязьме, столицы Северо-Восточной Руси, но его здесь заменяет загородный замок Боголюбово.

Судя по этому перечню, Даниил был связан в момент написания своего «Слова» с Северо-Восточной Русью, с ее княжеским центром и самой отдаленной окраиной — озером Лаче в Белозерском краю.

Интересны отличия двух списков географических названий. В том перечне, который связан с Ярославом Владимировичем («Слово») стоит Новгород, отсутствующий в «Молении»; где список северо-восточных пунктов открывается Переяславлем (которого нет в «Слове»).

С этим хорошо согласуется и то, что князь Ярослав Всеволодич, адресат «Моления», назван князем «н а д п е р е я с л а в ц ы». Переяславль Залесский Ярослав получил в удел в 1213 г. (или около 1207 г.). Под Переяславлем иногда понимают Переяславль Южный, где Ярослав Всеволодич княжил в свои отроческие годы (1201—1206), но, как увидим далее, это не согласуется с хронологией «Моления», написанного много позднее. Отсутствие в тексте «Моления» Новгорода наводит на мысль, что оно адресовано князю в тот момент, когда напоминать ему об этом буйном боярском городе было неудобно, а таких моментов за время с 1215 по 1236 гг. было несколько. После 1236 г., когда Ярослав стал великим князем киевским, к нему уже странно и непочтительно было бы обращаться как только к переяславскому князю.

3

Для того чтобы окончательно выяснить взаимоотношения «Слова» и «Моления», рассмотрим датировку каждого произведения, а после этого сможем перейти и к вопросу о количестве авторов. Методически правильнее начать с наиболее изученного «Моления».

²⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, карта между стр. 80 и 81.

Датировка произведений, связанных с именем Даниила Заточника, всегда опиралась на время княжения двух Ярославов, упомянутых в «Слове» и в «Моление». Для «Слова» это был диапазон 1182—1199 гг., а для «Моления» — 1201—1237 гг. (или более узко — 1213—1236 гг.)²⁵. Только И. У. Будовниц, опираясь на исследование языка, произведенное С. П. Обнорским, решался указать такие даты: «Слово» — конец XI — начало XII в.; «Моление» — XIV в., разведя оба произведения на целых два столетия²⁶.

Различия в языке могут объясняться как местом происхождения авторов (если «Слово» и «Моление» писалось разными людьми), так и различием социальной среды (автор Моления — бывший холоп) и разной степенью книжной образованности.

Нам необходимо извлечь максимум сведений из той фактической основы (имена князей и география), которая содержится в обеих челобитных. До сих пор еще не предпринимались попытки детального сопоставления всех сведений и намеков в «Слове» и «Моление» с реальной летописной биографией адресатов Даниила (или Даниилов).

Начнем такое сопоставление с «Моления», чтобы точнее определить верхний хронологический рубеж нашего основного объекта исследования — «Слова». Мы вполне можем согласиться с теми исследователями, которые датируют «Моление Даниила Заточника» 1220 годами, временем после битвы на Калке²⁷. Однако «Моление» содержит, на наш взгляд, некоторые дополнительные данные, помогающие уточнению даты.

Во-первых, надо считаться с тем, что автор «Моления», переделывая более раннее «Слово», вычеркнул из него Новгород и заменил его Переяславлем. Появление Переяславля, домена Ярослава Всеволодича, не может нас удивить, но исчезновение имени Новгорода из послания, адресованного тому князю, который половину своей жизни был с Новгородом связан, нас настораживает. Не является ли это указанием на то, что «Моление» писалось в такое время, когда Ярослав находился в ссоре с Господином Великим Новгородом, когда упоминание буйного города могло обидеть князя, когда его сфера ограничивалась одним Переяславским княжением?

Внимательно рассмотрев все летописные данные о взаимоотношениях Ярослава с Новгородом²⁸, видим, что за время от битвы на Калке в 1223 г. до вокняжения Ярослава в Киеве в 1236 г. только два года он не был связан с Новгородом: 1224 и 1229 гг.

В годы 1230—1235 Ярослав княжил в Переяславле, но одновременно выполнял княжеские военные функции по отношению к Новгородской республике.

В «Моление» Даниила содержатся два пункта, заставляющие нас предпочесть 1229 г.

В «Моление» добавлены по сравнению со «Словом» рассуждения о монашеском лицемерии и лжи. «Мнози бо отшедше мира сего во иноческая и паки возвращаются на мирское житие, аки пес на своя блевотины... обидят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии. ...Ангельский имея на себе образ, а блядой нрав; святительский и имея на себе сан, а обычаем похабен»²⁹. Автору этих решительных слов нужно было твердо знать, что его адресат не выдаст его

²⁵ Н. Н. Зарубин. Указ. соч., стр. IX, примеч. 3.

²⁶ И. У. Будовниц. Указ. соч., стр. 271, 290. С. П. Обнорскому возражал М. О. Скрипиль в статье «Слово Даниила Заточника» (ТОДРЛ, т. XI, стр. 74).

²⁷ Например, Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 84.

²⁸ Для уточнения датировок использовал труд Н. Г. Березкова «Хронология русского летописания» (М., 1963, стр. 107).

²⁹ Н. Н. Зарубин. Указ. соч., стр. 70.

епископскому суду, что князь Ярослав сочувствует этим резким нападениям на высшее духовенство, облеченное «святительским саном», но позволяющее себе обижать «села и дома славных мира сего». И автор это, очевидно, знал.

7 сентября 1229 г. Ярослав Всеволодич устроил в Суздале суд над бывшим епископом ростовским Кириллом. «Бяшесть бо Кирил богат зело кунами и селы и всем товаром и книгами. И просто рещи так бе богат всем, как ни един епископ быв в Суждальской области». По болезни он должен был оставить кафедру в Ростове и вернулся в Дмитровский монастырь в Суздале. «К тому же и еще приде на нь искушенье, акы на Иева: в един день, месяца септября в 7 все богатство отьяся от него некакою тяжею. Судившию Я р о с л а в у, тако ту сущю ему на сонме». Судья, разоривший епископа, впавшего в тяжкий недуг, был, конечно, благосклонным читателем резких обвинений духовенства. Произнося на суде обоснование своего решения «отьять все богатство» епископа-монаха, князь Ярослав должен был прибегать примерно к таким же выражениям, которые употребил и Даниил в своем «Молении», адресованном князю. Это позволяет делать хронологические сближения.

Вторым аргументом в пользу того, что «Моление» написано около 1229 г., является его замечательная концовка, приближающаяся по своей патетичности к «Слову о погибели земли Русской», но устремленная не в спокойное идеализированное прошлое, а в грозное, надвигающееся ближайшее будущее: «Воскресни, боже! Суди земли! Силу князю нашему укрепи, ленивые утверди (*вариант*: воздвигни князя, убуди бояр, умножи силу князю нашему...) Вложи ярость страшливым в сердце! Не дай же, господи, в полон земли нашей языком не знающим бога...»³⁰

Непосредственно после битвы на Калке такой страстный призыв к немедленной готовности был бы необъясним, так как тогда войска Чингисхана были на обратном пути разбиты в Болгарах, ушли в глубины Азии и долгое время не давали повода говорить о них, как о реальной угрозе русским землям. Не может быть принят и 1236 г., когда появились вести о разгроме Волжской Болгарии Батыем, так как в этом году Ярослав Всеволодич из Новгорода ушел на великое княжение в Киев и не мог быть назван князем переяславцев.

Только после смерти Чингисхана и Джучи Батый прикочевал к реке Яику и захватил степные пространства Нижней Волги и Северного Кавказа, готовясь к своему грандиозному походу в Европу. И именно в 1229 г., когда Ярослав княжил в Переяславле, на Руси стало известно о новых молниеносных завоеваниях Батыя, о возобновлении азиатской угрозы: «Того же лета [1229 г.] Саксини [жители дельты Волги] и Половци въбегоша из Низу к Болгаром перед татары. И сторожеве болгарьский прибегоша, бьени от татар близь реки, ей же имя Яик»³¹. Именно в этих условиях уместно было закончить свою челобитную обращением к богу об умножении княжеских войск, «пробуждении» недалеконевидных бояр, укреплении нетвердых сердец, чтобы не дать в полон земли нашей.

Таким образом, суд над епископом в 1229 г. и получение вестей о наступлении татар в 1229 г., находящие соответствия в «Молении», облегчают наш выбор: из тех двух лет (1224 и 1229 гг.), когда Ярослав Всеволодич не княжил в Новгороде, мы должны предпочесть 1229 г., как

³⁰ Н. Н. Зарубин. Указ. соч., стр. 73. Нельзя согласиться с М. Н. Тихомировым, что «Слова об иноплеменных могли относиться и к другим врагам Руси—немецким рыцарям...» (М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. М., 1962, стр. 118). Рыцарей, принадлежавших к христианским монашеским орденам крестоносцев, объединившихся в процессе войны за «гроб господень», русский книжник XIII в. никак не мог назвать «языком, не знающим бога».

³¹ «Летопись по Лаврентьевскому списку». СПб., 1897, стр. 430.

дату, наиболее близкую к «Молению», адресованному переяславскому князю.

Установив дату составления «Моления» — около 1229 г. — мы видим, что «Моление», адресованное Ярославу Всеволодичу, много моложе «Слова», адресат которого умер за два десятка лет до этого. Теперь мы можем приступить к окончательному размежеванию «Слова» и «Моления» по принципу авторства — один ли это человек или два разных лица? В пользу первого говорит единство имени: «Моление», как и «Слово», известно нам только с именем Даниила. Предложенная выше хронология не противоречит такому отождествлению — один и тот же человек мог написать две челобитных, разделенных тридцатилетним промежутком и адресованных одна — дяде, а другая — племяннику. Однако собственное признание автора второй челобитной предохраняет нас от такого поспешного заключения: «Аще есмь не мудр, но в премудрых ризу облачихся, а смысленных сапоги носил есмь». Эту фразу о ризе премудрых, избавляющую его от упреков в плагиате, автор «Моления» повторяет еще раз там, где он иносказательно говорит о недостаточности своего образования в юности («Аще бо не мудр есми — поне мало мудрости сретох во вратех...»).

Большинство исследователей справедливо считают авторов «Слова» и «Моления» разными людьми, но спокойно называют второго автора Даниилом, что вносит некоторую путаницу. Быть может правильнее было бы во избежание путаницы называть автора позднейшего «Моления» не Даниилом, а Псевдо-Даниилом.

«Слово Даниила Заточника» почти целиком включено во вторую челобитную, автор которой даже прямо цитирует и называет имя своего предшественника: «Даниил рече: храбра, княжє, борзо добудешь, а умен дорог!» Здесь явно имелся в виду не пророк Даниил, а русский книжник, обращавшийся к князю (тем более, что само изречение принадлежит не Даниилу, а Соломону)³².

Текст «Слова» составляет, как известно, почти две трети текста «Моления» (хотя раздел о злых женах сильно сокращен в «Молении»); очевидно «Слово» стало к 1220 годам уже известным произведением, явное использование которого могло считаться хорошим тоном, как это было при откровенном использовании Слова о полку Игореве автором Задонщины.

Нас особенно должны интересовать автобиографические дополнения автора «Моления» и опущение им некоторых деталей из текста «Слова», очевидно, не соответствовавших облику нового автора.

Автор «Моления» предстает перед нами в ином виде, чем Даниил. Это человек, не получивший, как мы видели, высокого образования, брошенный в детстве родителями («не остави мене, яко отец мой и мати моя остависта мя»). Мать его — рабыня, очевидно, из Переяславской Залесской земли: «Аз раб твой и сын рабы твоея», пишет он Ярославу Переяславскому.

В его судьбе было два крупных испытания: он проявил когда-то трусость на войне («Аще есм на рати не велми храбр...») и побывал, очевидно, в положении холопа, «в работном ярме».

Первую свою вину он пытается оправдать тем, что «умен муж не велми бывает на рати храбр, но крепок в замыслех, да тем добро собирати мудрые» (XXIV)³³. Второе несчастье оставило горький след в памяти писателя: «Се бо был есми в велицей нужи и печали и под работным

³² В. М. Гуссов. Указ. соч., стр. 416—417.

³³ Римские цифры здесь и далее означают параграфы «Слова Даниила Заточника» по основной редакции XII в., опубликованной Н. Н. Зарубиним.

ермом пострадах» (XXXV). «Многажды бо обретаются работные хлебы, аки пелын во устех и питие мое с плачем растворях».

Годы холопства прошли, очевидно, на боярских дворах, где наш автор особенно остро ощутил тяжесть подневольного положения, хотя и не был, по всей вероятности, простым слугой. Он ходил там в багрянице и в червленых сапогах, но с горечью сознавался, что «не лепо у свинии в ноздрех рясы златы, тако на холопе — порты дороги» (XXXVII).

Его гордость грамотного и начитанного человека страдала на боярском дворе, так как он был там все же на положении холопа: «Аще бо котлу во ушию златы колца, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив быв и буяв, но укуру ему своего не избыти, холопья имени» (XXXVII).

Поэтому он готов пожертвовать известным достатком, полученным им от боярина и хочет перейти на самую скромную службу к князю: «Луче бы ми вода пити в дому твоём, нежели мед пити в боярстем дворе». Он не теряет надежды «добро господину служба, дослужится свободы».

Вполне возможно, что он уже был известен ранее Ярославу Всеволодичу, как Даниил был знаком Ярославу Владимировичу: в «Молении» остались слова об «обычной любви» князя к просителю.

Автор «Моления» Псевдо-Даниил вообще скромнее настоящего Даниила, и желания его тоже не достигают размаха честолюбивых замыслов того, кому он подражал в своей челобитной.

Он не расхваливает так беззастенчиво свой ум, как это делает Даниил, а признает себя «мутноумным», «худ разум имеющим». Если Даниил говорил о себе, что он «бых мыслию паря, аки орел по воздуху», то второй автор униженно пишет, что он боится похуления князя, «ползя мыслию, яко змия по камению».

Он не претендует на место ближайшего княжеского советника и перекладывает фразу Даниила о думцах в общем смысле: «... в печаль введутя думцы твои»; одновременно он прославляет умных бояр, составляющих боярскую думу князя: «Яко же бо паволока испестрена многими шолки, красно лице являет, тако и ты, княже наш, умными бояры предо многими людьми честен еси и по многим странам славен явися» (XXX). Этот тезис «Моления» принципиально стличен от постоянного стремления Даниила отодвинуть на задний план, оттеснить из поля зрения князя богатых глупцов. Напрасно исследователи хотят зачастую представить автора «Моления» как яркого противника боярства вообще. Ничего антибоярского мы у него не найдем; просто ему самому не нравилось быть холопом (даже привилегированным) на боярском дворе и, он предпочитал службу у князя. Но бояре как неотъемлемая часть феодального государства, как советники князя не только не отрицаются им, но и сравниваются с яркой вышивкой, украшающей ткань: князь по многим странам славен умными вельможами.

Автор «Моления» в отличие от Даниила не просто интересуется княжеской щедростью, но стремится утвердить и обосновать принцип княжеской власти: князь — кормчий своей земли; он — основа государства; его слово как рык льва, царя зверей; князь грозен «множеством вои»; к его двору со всех сторон стекаются люди в поисках чести и милости.

Автор «Моления» знаком с иноземными обычаями и пишет о том, что даже гимнасты и гладиаторы имеют честь и милость у королей и салтанов. Был ли он сам в далеких землях или знал о них понаслышке, мы определить не можем, но он со знанием дела говорит о скачках на ипподроме, о планирующих полетах на шелковых крыльях, о прыжках с конем в море «со берега высока... за честь и милость короля» (LXXV) ³⁴.

³⁴ А. И. Лященко, комментируя этот интересный раздел «Моления», указал на венгер-

Еще одной отличительной чертой этого писателя является его отрицательное отношение к монашеству и церкви. Мы уже познакомились выше с его порицанием «похабного обычая» «ласкосердых псов» — монахов.

Язык «Моления» существенно отличается от языка «Слова» Даниила в сторону большего упрощения, демократизации и устранения книжных архаизмов, которыми любил щеголять Даниил. Дополнения второго автора сделаны умело; они не диссонируют с первичным текстом, а лишь расширяют его стилизованными под него новыми афоризмами, почерпнутыми главным образом не из книг, а из живой народной речи.

Автору «Моления» нельзя отказать в талантливости. И хотя он, скромничая, сказал о себе, что он всего лишь в премудрых ризу облачился, его собственный текст иногда поднимается до больших поэтических высот, заставляя вспомнить очень близкое по времени «Слово о погибели земли Русской».

4

Отделив Псевдо-Даниила, «облачившегося в ризу премудрых», от его предшественника и образца Даниила Заточника, попытаемся определить дату «Слова» и облик его автора.

Косвенным доказательством реального существования Даниила Заточника является упоминание его имени в летописи в связи со ссылкой на озеро Лаче еще одного «заточника» в XIV в. Впрочем, надо отметить, что многие исследователи считают эту заметку результатом чисто литературного воздействия.

После битвы на Воже 1378 г. среди ордынских пленников оказался поп, духовник московского боярина И. В. Вельяминова, ехавший из Золотой Орды; «и обретоша у него злых зелен лютых мешок. И испрашавше его и много истязавше, рассудивше, послаша его на заточение на Лаче озеро, идеже бе Данило Заточеник»³⁵.

Предпримем попытку уточнения даты написания «Слова Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу Володимировичу». Главным хронологическим ориентиром для нас будет князь Ярослав Владимирович и детали его летописной биографии, соотнесенные со «Словом Даниила Заточника».

Ярослав Владимирович известен летописям на протяжении почти четверти столетия (1182—1205 гг.). Из этого срока мы должны исключить темные для нас годы его пребывания на юге, так как география «Слова» всеми исследователями справедливо рассматривается как Владимирско-Суздальская с добавлением Новгорода.

Мы должны, так же как и в предыдущем случае, при определении даты «Моления», исключить те годы, когда Ярослав не был связан с Новгородом. В самом деле, в какое нелепое положение поставил бы себя подобострастный челобитчик, если бы он стал напоминать князю Ярославу о Новгороде в промежуток между 1184 и 1187 г., когда новгородцы выгнали его, «негодовахуть... зане много творяше пакости волости новгородьской», и пригласили к себе смоленского княжича. А тут челобитчик как бы поддразнивал еще князя: «и кому ти есть Новъгород, а мне

ские связи (А. И. Лященко. Из комментария к «Молению» Даниила Заточника (Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому). Л., 1924, стр. 412—419).

³⁵ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848; «Новгородская Четвертая летопись», стр. 74; см. примеч. «щ».

и углы опадали», создавая этим каламбуром контраст между своим старым домом с прогнившими углами и чьим-то новым городом. По этой же причине мы должны исключить 1196 г., который князь провел не по своей воле не в Новгороде, а в Торжке. Исходя из изложенного принципа, мы можем искать дату написания «Слова Даниила Заточника» в таких интервалах: 1182—1184, 1187—1196, 1197—1199. Наименее вероятен первый срок пребывания Ярослава в Новгороде, так как Даниил пишет: «...ты, княже, многими людьми честен и славен по все стране». Это естественнее всего сказать не молодому князю, только что из полной неизвестности попавшему в Новгород, а князю уже прославившему себя какими-то делами. О деятельности Ярослава в 1182—1184 гг. мы не знаем ничего, кроме того, что он «творил пакости», не сумев, очевидно, умерить своих желаний, оказавшись в богатой земле. Во второе же и третье свое княжение в Новгороде Ярослав совершал походы на Чудь, подчинял Псков, ходил на Полоцк и строил в Новгороде церкви. Приведенную выше фразу Даниила легче отнести к концу княжения, чем к началу.

Однако челобитые Даниила содержит еще одно место, которое в сопоставлении с летописной биографией Ярослава может стать более надежной хронологической приметой: «Господине мой! То не море топить корабли, но ветри; не огнь творить ражьжение железу, но надымание мешное. Тако же и князь не сам впадает в вещь (злую), но думци вводить. З добрым бо думцею думая, князь висока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меньшего лишен будеть» (XXXIII)³⁶.

Речь о высоком и малом княжеском столе могла идти применительно к Ярославу Владимировичу только в 1196—1197 гг., когда он княжил то в Новгороде («высокий стол»), то в Новом Торгу («меньший стол»), а то и этого меньшего был лишен и дождался более благоприятных времен в Суздальской земле.

Князь «впал в злую вещь», с точки зрения новгородского боярства, уже в 1195 г., когда Всеволод искал союза с Новгородом для войны с черниговскими князьями, «со всем Олговым племенем». Самые видные представители новгородского боярства — сам посадник Мирошка Нездич, Борис Жирославич, Борис, Иван, Фома — отправились ко Всеволоду «просяще сына, а Ярослава негодующе». Всеволод арестовал бояр и продержал их у себя два года. Эта крутая мера не помогла, и 26 ноября 1196 г. новгородцы еще раз выгнали Ярослава Владимировича из Новгорода. Ярослав был принят новоторжцами и оказался на малом столе. Как долго он здесь княжил, нам неизвестно, но к концу 1197 г. он оказался уже во Владимире у Всеволода.

Зима 1196/97 г. оказалась тяжелой для Новгорода: новгородцы «седиша всю зиму без князя»; волжский путь был закрыт Новым Торгом, а князья-свояки «дани поимаша по всей волости: по Верху, Мьсте и за Волочком».

В марте 1197 г. в Новгороде сел княжить Ярополк сын Ярослава Черниговского. Возможно, что в это время Ярослав и переместился из Торжка во Владимирскую землю. Новый князь продержался в Новгороде шесть месяцев «и выгнаша его из Новгорода». Это происходило в сентябре 1197 г. Новгородцы были позваны Всеволодом в его столицу для того, чтобы они пригласили Ярослава в Новгород; 1197 г. «Идоша из Новгорода передни мужи и сочкы и пояша Ярослава со всею правдою и честью и прииде на зиму по крещении за неделю. И седе на столе своем и обуяся с людьми и добро все бысть»³⁷. С Ярославом вернулся и посадник Мирон, проведший два года во Владимире.

³⁶ Н. Н. Зарубин. Указ. соч.

³⁷ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов», стр. 236—237.

Ярослав княжил в Новгороде полтора года, от 30 декабря 1197 г. (или 13 января 1198 г.?) по начало августа 1199 г. За это время он построил Спасо-Нередицкий храм (июнь — сентябрь 1198 г.) и совершил поход на Полоцк. В середине 1199 г. Всеволод решил заменить свояка сыном и «выведе Ярослава из Новагорода и веде и к собе». Жена Ярослава в 1199 г. построила Рождественский монастырь; в этом же году была закончена роспись Нередицы.

Детальное рассмотрение взаимоотношений Ярослава с Новгородом в 1195—1199 гг. позволяет нам сделать следующий вывод: наиболее вероятным временем обращения Даниила к Ярославу следует считать вторую половину 1197 г.

Во-первых, упоминание Новгорода Даниилом в это время не было уже нетактичным, так как новгородский стол был уже освобожден и Всеволод снова прочил на него Ярослава, для чего и затребовал к себе во Владимир посольство передних мужей Новгорода.

Даниил смело мог сопоставлять свое бедственное положение с блестящими перспективами своего патрона: «Кому ти есть Новгород...» В концовке своего «Слова» Даниил как бы снова возвращает читателя к мысли о предстоящих переменах в жизни князя: «Умножи, господи, вся человеки под ноzi его».

Во-вторых, князь Ярослав к этому времени побывал уже и на высоком и на малом столе и вполне мог оценить слова Даниила о вреде лихого и о пользе доброго советчика-думца.

В-третьих, именно в эти месяцы временного пребывания Ярослава во Владимиро-Суздальской земле уместно было такое сочетание новгородских и суздальских географических названий, упомянутых в «Слове Даниила Заточника»: «...так и мы, господине, желаем (жадаем) милости твоя, зане, господине, кому Боголюбово, а мне — горе лютое; кому Белоозеро, а мне — черней смолы; кому Лаче озеро, а мне на нем седа плачь горький; и кому ти есть Новъгород, а мне и углы опадали, зане не процветет часть моя» (IX).

Разгадывая связи этих географических пунктов с содержанием челобитной Даниила Ярославу Владимировичу, мы должны прежде всего отбросить мысль о случайности этих упоминаний, о пустом балагурстве и каламбурах. О Новгороде уже сказано выше; озеро Лаче названо автором своим местом жительства.

Почему названы еще два пункта? Боголюбово, личная резиденция Всеволода, было намеком на сюзерена Ярослава, великого князя; это не требует особых пояснений. Сложнее определить, зачем понадобилось упоминать далекое Белоозеро, клином врезавшееся в новгородские владения и доходившее почти до Волочка и Заволочья.

Вспомним, что зимой 1196/97 г. Ярослав и Всеволод собирали дани в новгородских владениях именно поблизости от Белоозера «за Волочком». Может быть здесь, на этой важнейшей стратегической позиции, и оставался Ярослав, наиболее заинтересованный в оказании военного давления на Новгород. Вспомним, что и в последующее время князь «Низа» Василий Дмитриевич в 1397 г. и Иван III в 1471 г. во время конфликтов с Новгородом начинали с того, что, идя от Белоозера, устремлялись на Заволочье, на Северную Двину и тем самым вынуждали Новгород идти на уступки.

Пребывание Ярослава Владимировича осенью 1197 г. на Белоозере более чем вероятно. Только Белоозеро и могло быть владими́ро-суздальской базой для военных операций против новгородцев «за Волочком». А если это так, то вполне понятна и просьба Даниила, находившегося на озере Лаче, близ Белоозера, дать ему личную аудиенцию: «Княже мой, господине! Яви ми зрак лица своего!» Даниил знает, что на этой аудиенции его бедная одежда может произвести плохое впечатление на князя

и заранее просит извинить его: «Господине мой, не зри внешняя моя, но возри внутренняя моя. Аз бо, господине, одеянием оскуден есмь, но разумом обилен...» (XIX; XXVIII). От озера Лаче до города Белоозера всего 3—4 дня конного пути. По непонятной причине большинство исследователей продолжают повторять старую ошибку и относить озеро Лаче к новгородским владениям, тогда как еще Е. Голубинский указал на эту ошибку и верно определил принадлежность Белоозера к Ростовской земле³⁸.

То, что Ярослав при всех его злключениях не был все же бездомным приживальщиком Всеволода, явствует из раздела XXIV: «Гусли бо строятся персты, а тело основается жилами. Дуб крепок множеством кореня. Тако и град наш — твоею дръжавою».

В условиях 1197 г. наиболее вероятно, что городом Ярослава был Белозерск, — далеко выдвинутый в новгородские земли Ростово-Суздальский форпост, который Даниил, живший на Лачь-озере, с полным правом мог называть «нашим городом». Приведенные выше слова абсолютно неприменимы к Новгороду. Не таков был этот город, чтобы позволить князю играть на нем как на гуслях и никогда кратковременные князья не были ни жилами, ни корнями вольного города.

Так гипотетически распределяется география «Слова» в определенных исторических условиях 1197 г.: Боголюбово — резиденция великого князя Всеволода Юрьевича; Белоозеро — князь Ярослав, собирающий отсюда новгородскую дань в Заволочье; озеро Лаче — местопребывание разоренного «мужа» Даниила; Новгород — «высокий стол», ожидающий князя Ярослава.

Определив, насколько возможно, время написания «Слова Даниила Заточника», мы должны подойти к вопросу о цели его послания князю Ярославу Владимировичу, а тем самым затронуть и вопрос о личности самого Даниила.

Непосредственная цель давно уже определена исследователями — получение княжой «милости» в виде денег или села с крестьянами, защищенного от тиунов и рядовичей, или какого-то места, дающего доход. Неясным остается только эквивалент этой милости. Едва ли Даниил просто просил на бедность, не предполагая чем-то услужить князю. Вот здесь-то и становится необходимым раскрытие его личности, его жизненных, деловых возможностей.

Яркое и многогранное произведение Даниила своими смелыми и неожиданными метафорами нередко вводило исследователей в заблуждение, и художественный, литературный прием они принимали за проявление его биографических черт. Так родилось представление о том, что Даниил был вором (С. П. Шевырев) или мастером золотых и серебряных дел (М. Н. Тихомиров). О таких попытках остроумно писал И. У. Будовниц: «С таким же успехом можно заявить, что Даниил был музыкантом («вострубим убо яко в златоконьяныя трубы... и начнем бити в стрябренныя органы»), мельником или хлебопеком («пшеница бо, много мучима, чист хлеб являет»), рыбаком («невод не одержит в себе воды, точию рыбы едины»), суконником («паволока бо испещрена многими шелки, красно лице являет»)³⁹. После работы И. У. Будовница появилась новая гипотеза Н. Н. Воронина, считавшего, что Даниил — «любимый княжеский шут-скоморох», то получавший «пинок княжеского сапога» (стр. 71), то наушничавший князю «с глазу на глаз рано утром в княжеской ложе» (стр. 80) или усыплявший его в этой же спальне, «где князь засыпал под болтовню — „байки“ своего шута»⁴⁰. Слово

³⁸ Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1, 1-я пол. тома. М., 1901, стр. 867, прим. 1.

³⁹ И. У. Будовниц. Указ. соч., стр. 281.

⁴⁰ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 71, 80, 81.

«шут» в применении к Даниилу было употреблено задолго до Н. Н. Воронина, но этот взгляд не получил поддержки впоследствии⁴¹. Д. С. Лихачев писал значительно осторожнее: «Даниил — это своего рода «интеллигент» древней Руси XII—XIII вв., интеллигент, принадлежащий к эксплуатируемым слоям общества... Даниил только учился у скоморохов, но сам он скоморохом не был»⁴².

Вопроса о том, как и чем собирался Даниил отплатить князю за испрашиваемую милость, Д. С. Лихачев не касался: «Холоп или дворянин, Даниил нашел средства отшутиться у князя, нашел привычный путь шуткой вымолвить себе милость...»⁴³

Поскольку ответа на этот вопрос дано не было, нам придется заняться такой темой, как «Даниил и князь» во всех ее аспектах. Прежде всего следует определить отношения Даниила и Ярослава Владимировича до написания «Слова».

Откуда родом Даниил? Исследователи называют его родиной и Суздальскую землю, и Новгород, и Переяславль Русский. Суздальщина появилась в результате искусственного объединения Даниила с Псевдо-Даниилом; автор «Моления», сын рабы переяславского князя, по всей вероятности, действительно был уроженцем северо-востока.

На новгородском происхождении автора «Слова» настаивал С. П. Обнорский⁴⁴, но его вывод основывается лишь на одном разделе «Слова Даниила Заточника». Говоря о произведении в целом, Обнорский характеризует язык Даниила как «нормальный русский литературный язык старшего периода; он смыкается по своим чертам с языком таких наших оригинальных памятников... как Русская Правда, творения Владимира Мономаха и др.»⁴⁵ Таким образом, язык «Слова» во всем его объеме Обнорский сопоставляет не с новгородскими, а с южными киевскими памятниками. Новгородизмы же он уловил во вставке о злых женах. Вставной характер раздела о злых женах явствует из обрамляющих его вспомогательных фраз: раздел предварен словами «Глаголеть бо в мирских притчах...», а завершается он типичным для нарушающих общий смысл вставок: «Еще возвратимся на предняя словеса». Оба приведенных Обнорским примера находятся именно между этими фразами и, следовательно, относятся к обширной выписке, сделанной Даниилом из «Слова о злых женах», которое и следует, по авторитетному утверждению С. П. Обнорского, относить к новгородским памятникам.

Итак, по данным языка, Даниила следует считать южанином, хорошо владевшим литературным языком, представленным киевскими памятниками. Косвенно о южном происхождении Даниила может говорить и разобранная выше фраза о его беседе с князем Ростиславом. Из трех тезок только брат Ярослава Владимировича мог применить к себе крылатую фразу о нищенском княжеском уделе, но он никогда не был во Владимиро-Суздальской земле⁴⁶. В начале 1190-х гг. Ростислав Владимирович воевал с половцами на юге под началом Ростислава Рюриковича, а

⁴¹ «...были у нас писатели, представлявшие из себя печальных и потешных гениев-шутков» (Е. Голубинский, Указ. соч., стр. 867).

⁴² Д. С. Лихачев. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника.— ТОДРЛ, т. X, стр. 118. Свои выводы Д. С. Лихачев основывал не на том раннем варианте, о котором говорит Н. Н. Воронин («Слово»), а на позднем, более демократизированном и опрошенном «Молении» XIII в.

⁴³ Там же, стр. 118.

⁴⁴ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 129.

⁴⁵ Там же, стр. 126.

⁴⁶ Об этом можно так решительно говорить потому, что владимирская летопись последней четверти XII в., во-первых, тщательно фиксирует приезды разных князей и, во-вторых, очень внимательна к Ярославу Владимировичу; о его брате Ростиславе летопись молчит.

ж 1195 г. судьба превратила его в подручного князя Давыда Смоленского и здесь, в Смоленской земле, Ростислав Владимирович воевал с врагами своего сюзерена. По раскладу враждующих сил братья оказались в разных лагерях; Ярослав (адресат Даниила) был союзником Всеволода Большое Гнездо, а Ростислав служил тем князьям, с которыми Всеволод начал длительную тяжбу, в частности из-за Треполя, отчины «Володимеричей».

Беседа Даниила с князем Ростиславом Владимировичем могла происходить только где-то на киевско-перемышльском юге, где до 1182 г. жил Ярослав Владимирович и до 1195 г. — его брат Ростислав.

Даниил предстает перед нами сравнительно молодым человеком («ун възраст имею»), который мог бы еще при желании поправить свои дела женитьбой на богатой невесте. Однако сейчас он настолько беден, что ему некуда привести свою невесту, и он может рассчитывать только на положение зятя-приймака: «Или ми речеси: женися у богата тестя чести великие ради; ту пий и яжь» (и веселися) (XXXVII). Юность Даниила относительна: он знал и более хорошую жизнь, когда мог приглашать к себе друзей и ставить перед ними «трапезы многоразличных брашен». Теперь же он плохо одет, живет в доме с дырявой крышей, где «каплями дождевыми аки стрелами сердце пронизающе». Даниил успел получить хорошее образование, прочитав множество книг: «Аз бо, княже, ни за море ходил, ни от философ научихся, но бых аки пчела, падая по разным цветам совокупля медвеный сот, такó и аз, по многим книгам исьбирая сладость словесную и разум и совокупих, аки в мех воды морские» (XLVI). Его начитанность в ходовой литературе XII в. несомненна. Знал он и русскую летопись (см. XXII).

От князя ему нужно не просто незначительное подаяние — Даниил несколько раз говорит о злате и серебре, раздаваемых княжым людям, о том, что «мужи злата добудуть, а златом мужей (князя) не добыти» (XXIII). Даниил хочет быть огражденным от разных обид «страхом грозы» княжьей. Возможно, что он много потерял от нарушения его иммунитета княжескими тиунами и рядовичами и теперь он самому себе советует: «Не имей себе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его аки огонь трепетицею накладен и рядовичи его — аки искры. Аще от огня устережешися, но от искр не можеши устеречися...» (XXVI). Это известное место в «Слове» вовсе не является каким-то антикняжеским выпадом, как его часто хотят представить; здесь явно видна горечь судьбы мелкого землевладельца, разоренного княжескими рядовичами, может быть, без ведома князя. И очень мало вероятно, что здесь речь идет о рядовичах того самого князя, к которому так подобострастно обращается наш автор — ведь на озеро Лаче его мог упрятать и Всеволод.

Себя Даниил косвенно причисляет к «мужам», то есть к привилегированному сословию, дорожащему рыцарской честью: «...мужеви лепше смерть, ниже продолжен живот в нищети» (XI) и мн. др. Возможно, что в свои молодые годы Даниил успел и повоевать, как это приличествует настоящему «мужам»: он знает, что воевать под водительством хорошего князя так же легко, как пасти коней в огражденном загоне; он знает, что «безнарядием полки погибають» «без добра князя» (XXIII). Знаменитая фраза о том, что Даниил не храбр на рати появится только в «Молении» у Псевдо-Даниила, а здесь ее еще нет. Даниил рассуждает точно так же, как дружинные летописцы, считая, что князю или царю «мужи злата добудуть, а златом мужей не добыти» (подразумевается лежащее втуне сокровище).

Даниил был уже ранее знаком с князем Ярославом и пользовался его благорасположением: «Но видих, господине, твое добросердие к себе и притекох кобычней твоей любви...» (VI). Даниил беседовал

когда-то с князем Ростиславом (как было предположено выше, родным братом Ярослава) и очень лаконично, без пояснений напоминает об этом Ярославу, что может свидетельствовать об их давнем знакомстве еще в те времена, когда и князь и юноша-книжник были еще где-то на киевском юге. Больше того, по одному намеку Даниила (XXV) мы можем предполагать, что Даниил оставил отчий дом и последовал за князем: «князь щедр—отец есть слугам многим: мнози бо оставляють отца и матерь, к нему прибегают». В более позднее время, расставшись с Ярославом, Даниил состоял с ним в переписке, получая письма от князя: «...глас твой сладок и образ твой красен; мед истачають устне твои. И послание твое — аки рай с плодом» (XIX).

Посмотрим, что же со своей стороны предлагал Даниил князю Ярославу Владимировичу, от которого он ожидал, в случае успеха своей чело­битной, и злата с серебром и иммунитета-«заборони» от ненасытных рядовичей и ограждения от всяческих обид «страхом грозы» княжьей.

Даниил на протяжении всего своего послания расхваливает себя прежде всего как умного человека и красноречивого оратора. Проследим это по всем 66 разделам «Слова»:

I. Первые строки вступления открываются торжественным гимном собственному уму и рассудительности Даниила: «Вострубим яко в златокованные трубы в разум ума своего!..» Дважды говорится здесь о мудрости; себя Даниил называет «смысленным», т. е. рассудительным.

II. Похвалив во вступлении свой разум и рассудительность, Даниил начинает хвалить свою речь и свое ораторское искусство: «Бысть язык мой яко трость книжника скорописца и уветлива уста аки речная быстрость...»

XIII. Даниил описывает преимущества богатства прежде всего с точки зрения внимательности людей к речам богатого и бедного: «Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут его слово до облак... Их же ризы светлы, тех речь чиста».

XXVII. Автор противопоставляет богатых неразумных людей бедному мудрецу. Нищий мудрец, т. е. сам Даниил, подобен золоту в грязном со­суде, а неразумный богач подобен красивой шелковой наволочке, набитой простой соломой.

XXVIII. «Аз бо... одеянием оскуден есмь, но разумом обилен... Бых мыслию паря, аки орел по воздуху».

XXIX. Для выявления своего ораторского искусства Даниил использует вычурную метафору. Он говорит, что если поставить глиняный сосуд под поток его языка: «да накаплют ти слажше между словеса уст моих». Добрые словеса не только «сладостью напаяють душу», но и покрывают печалью сердца безумных.

XXX. В средней, кульминационной части «Слова», уже раскрыв князю свои таланты и уверив его в своем уме и красноречии, Даниил называет одну из тех заманчивых для него сфер, где он может применить на практике оба своих главных качества — это сфера дипломатии: «Мужа бо мудра посылай и мало ему кажи, а безумного посылай — и сам не ленися по нем ити». Опять на первом месте — словеса и понятливость исполнителя. Разум удержит командированного с дипломатическим поручением от всяких увиденных им соблазнов, а неумный человек вместо выполнения посольских дел окажется в каком-нибудь злачном месте: «Очи бо мудрых желают благых, а безумного — дому пира (дому пировного)». Косвенно с этой же темой переездов из страны в страну связано и противопоставление богатого бедному: «Богат муж везде знаемь ест и на чю жей стране друзи держитъ, а убог во своей невидимь ходитъ» (XIII).

XXXI. Раздел посвящен доказательству того, что глупых не стоит и учить. Снова все сводится к умным речам: «Псом бо и свинням не надо бе злато ни сребро, ни безумному драг и е словеса». Слово «безумный» у Даниила означает просто неумного, глупого человека.

XXXIII. Здесь Даниил называет вторую сферу приложения ума и мудрости «смысленного» мужа: «Князь не сам впадает в вещь (злую), но думци вводят: З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будеть». Даниил ведет речь не о боярской думе, не об официальном совете при князе, а об одном умном советнике, об одном думце, беседующем с князем сам-друг. Единственное число этой фразы прямо ведет нас к постижению главного замысла «Слова».

XLII. Выказав две заветные мысли о своей пригодности для княжских посольств и мудрых советов, Даниил по непонятной для нас причине переходит к обличению злых жен. Прежде всего порицается мужчина, «иже кем своя жена владееть», мужчина, женившийся «прибытка деля», и категорически отрицается такой выход из нищеты, как женитьба у богатого тестя.

Среди женоненавистнических сентенций, сформировавшихся за пределами челобитья Даниила и в неизвестное нам время к нему присоединенных⁴⁷, есть афоризмы, близкие к посольским мыслям Даниила: «Лутче есть во утле лодии ездети, нежели зле жене тайны поведати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить». Здесь речь идет, разумеется, не о каком-то мелком житейском секрете, а о такой важной тайне, раскрытие которой может погубить всю жизнь неосторожного мужа. Слова о хранении тайны тоже входят в комплекс представлений о дипломате и советнике.

XLVII. Блеснув перед князем своим красноречием и начитанностью, Даниил изящно завершает свою челобитную афоризмами о необходимой краткости речи: даже певчая птица может надоесть слишком длительным пением; только шелк хорош, если кусок длинен, а речь не должна быть длинной.

Итак, мы видим, что основным содержанием «Слова Даниила Заточника» является не столько жалоба на бедственное положение автора, сколько рассказ князю о достоинствах автора. Достоинства эти очень однозначны: отбросив скромность, Даниил расхваливает себя прежде всего как умного, красноречивого человека. Он не просто просит милости (или милостыни) у князя, он нанимается к нему на службу, но при этом не указывает никаких своих хозяйственных или военных способностей; ему не приходится признаваться в собственной трусости, как это пришлось сделать автору «Моления», но явно, что его привлекает не дружинная карьера. Ему нужен князь, «щедр, аки река, текуща без берегов», князь, привлекающий своим златом мужей, но не для ратных дел и не для службы рядовичем или тиуном в княжеском домене.

Цель челобитья Даниила состоит в том, чтобы еще раз убедить Ярослава Владимировича в своих исключительных способностях в сфере умных речей, сладких словес, мудрых советов, могущих помочь князю в получении более высокого стола. Одновременно Даниилу нужно вытеснить из поля зрения Ярослава каких-то богатых, но неумных людей, тех потенциальных лихих думцев, с которыми можно и малый стол потерять. Именно в этом, 1197 г., после потери Ярославом Торжка множество новгородцев, возглавляемых такими боярами, как посадник Мирошка Нездинич и Борис Жирославич, находились в плену у Всеволода и бродили

⁴⁷ М. Н. Тихомиров. «Написание» Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. X, стр. 273
Часть раздела о злых женах прямо связана с конструкцией «Слова» («Или ми речши: женися у богата тестя...»), но М. Н. Тихомиров прав в том, что едва ли в оригинале были все афоризмы, связанные с этой вечно живой темой.

по столице Суздальской земли: «Хожаху по граду Володимиру по своей воли»⁴⁸.

Наиболее вероятно, что Даниил с его «уветливыми устами», «тростью скорописца» и несомненным умом и образованностью предлагал себя Ярославу Владимировичу в качестве близкого советника или секретаря, особенно пригодного для ведения разного рода переговоров и посольских дел, где особенно ценно острое слово, вовремя помянутая народная мудрость, тонкий книжный афоризм, почерпнутый из Псалтыри или Пчелы. Как княжеский посол, он с полуслова поймет задачу посольства; своей бойкой и образной речью сможет убедить собеседника, сумеет сохранить тайну и не променяет интересы посольского дела на удовольствия «дома пировного».

И опять-таки именно в 1197 г. князю Ярославу очень нужен был такой умный дипломат для того, чтобы после всех бесчинств, содеянных им в Новгородской земле, снова установить приличные отношения с новгородским боярством.

5

В самых первых строках «Слова Даниила Заточника» содержится несколько загадочных намеков на то, что этот красноречивый скорописец, наполненный книжной мудростью, уже выступал на литературном поприще, но выступал неудачно и вынужден был отречься от созданного им или уничтожить его: «...покушахся написати всяк съюз сердца моего и р а з б и х з л е, аки древняя младенца с камень» (II). Если здесь Даниил говорит лишь о том, что он уже пытался выразить в словах все то, что тяготило его («всяк съюз сердца»), то далее он несколько шире приоткрывает завесу своей литературной тайны: «Се же бе написах, бе ж а о т л и ц а х у д о ж е с т в а м о е г о, аки Агарь рабыня от Сарры, госпожа своея» (V).

Хотя автор «Моления» и заменил книжное слово «художество» просторечным «скудость», мы должны все же последовать за теми, кто переводит его в более близком для нас смысле как «искусство», «мастерство».

Для нас очень важно то, что Даниил в данном случае обратился к библейской легенде. Ведь Агарь бежала от Сарры не потому, что она была рабыней, а лишь после того, как она родила сына от Авраама, мужа Сарры. Здесь, как и в первом случае, речь идет о «младенце», о каком-то произведении, которое могло навлечь на Даниила гнев господина.

Еще в одном месте «Слова» содержится намек на какую-то прошлую провинность Даниила: «Тем же вопию к тебе, одержим нищетою: помилуй мя, сыне великого царя Владимирера, да не восплачюся рыд а я, а к и А д а м р а я; пусти тучю на землю художества моего!» (XII). Художество Даниила было несомненно литературным («покушахся написати...») и по своей сущности, очевидно, достаточно резким и острым, чтобы повлечь за собой изгнание из рая. Где мог быть этот рай? Географические признаки появляются в «Слове Даниила Заточника» сразу после инсказания о библейской Агари, объясняющего причину нынешнего нищеского состояния Даниила, и после просьбы к князю о милости. Князь Ярослав должен был знать, в чем состояла литературная провинность нашего увертливого борзописца и по какому поводу в челобитной раставлены географические ориентиры. «Кому Боголюбиво, а мне — горе лютое...» Эта антитеза явно связана с княжеским двором Всеволода Большое Гнездо: кому-то хорошо в Боголюбовском замке, а Даниилу на Лаче-озере «плач горький». Боголюбово не связано с адресатом Дани-

⁴⁸ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов», стр. 236.

ила, Ярославом Владимировичем (к нему относятся, по всей вероятности, упоминания Белоозера и Новгорода); Боголюбово в этом контексте, вероятнее всего, символизировало то счастливое прошлое Даниила, которого он лишился в результате попытки «написать всяк съюз сердца» своего; другими словами: благополучная жизнь Даниила до того, как он был ввергнут в нищету неведомой нам «Саррой», должна была проходить в окружении князя Всеволода, владельца Боголюбова.

Грехопадение нашего «Адама» произошло, по всей вероятности, задолго до написания им челобитья к князю Ярославу, так как по всему духу его «Слова» видно, что он не только что оказался в изгнании, а что он уже закоснел в своей нищете. Даниил сравнивает себя с травой, растущей в тени, с деревом на пути, которое «много его посекают». Продолжая сравнения, Даниил сопоставляет неудачника с оловом, часто переплавляемым, с пшеницей многократно размальваемой. Свою печальную жизнь он уподобляет медленному процессу поедания тканей молью: «Молеви ризы едят, а печаль человека». В его доме уже «углы опадали», он стынет под осенними дождями и зимним снегом; Даниил дошел до отчаяния и предпочитает смерть продолжению жизни в такой нищете. Все говорит о том, что после катастрофы и внезапной потери благосостояния («... и распыся живот мой... и покры мя нищета аки Черное море фараона») Даниилу довольно долго пришлось жить тяжелой жизнью обнищавшего изгнанника. Поэтому заточение его на Лаче-озеро надо относить не к 1197 г., когда он, по нашим расчетам, писал свою челобитную, а на несколько лет ранее.

Даниил Заточник в письме к Ярославу Владимировичу так настойчиво напоминал о своем литературном труде, принесшем ему несчастье, что это обязывает нас начать поиски этого злополучного художества. Географический круг поиска — Владимиро-Суздальская земля, держава того князя, которому принадлежало Боголюбово и который мог забросить провинившегося приселателя в самый отдаленный угол своего княжества на Лаче-озеро. Хронологические рамки поиска определяются приблизительно 1180-м — началом 1190-х гг. При отсутствии отдельных самостоятельных произведений этого времени наиболее естественно обратиться к рассмотрению летописей Владимиро-Суздальской земли за время княжения Всеволода Большое Гнездо. Наши поиски должны идти по двум путям: во-первых, интересно было бы найти в летописи памфлетное или социально острое произведение, которое могло бы быть сближено с тем художеством Даниила, которому он обязан изгнанием, а, во-вторых, следует обратить внимание на те разделы летописания, где встречается характерный для Даниила афористический стиль, мирские притчи, цитаты из церковной литературы.

Начав поиск, мы быстро находим в Лаврентьевской летописи два поучения, насыщенные социальной тематикой. К сожалению, они до сих пор не привлекали внимания исследователей⁴⁹. Одно из них, более умеренное, написано по поводу пожара во Владимире 18 апреля 1184 г. (6693 по ультрамартовскому счету), а другое, страстно и резко обличающее — по случаю другого пожара во Владимире же 23 июля 1192 (6701) г. Любопытна судьба поучения 1192 г. (к которому мы обязательно вернемся в дальнейшем): оно не сохранилось ни в Радзивилловской, ни в Академической летописях (М. Д. Приселков считает, что оно было сознательно изъято)⁵⁰, отражавших в большей степени владимирскую,

⁴⁹ А. Н. Насонов, занимавшийся проблемой социально-политической направленности владимирских и ростовских летописей, остановился в первом случае на 1177 г., а во втором начал рассмотрение лишь с 1206 г. Таким образом, интересующие нас поучения 1184 и 1192 гг. не попали в поле его зрения (см. А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969, стр. 158 и 168).

⁵⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 84.

про-всеволодовскую тенденцию. Поучение 1192 г. уцелело только в Лаврентьевской летописи, обработанной в Ростове при князе Константине, враждовавшем со своим отцом Всеволодом. В Лаврентьевской летописи, как пишет А. Н. Насонов, «ростовская летописная работа бросает как бы исполинскую тень на летописание предшествующих десятилетий»⁵¹. Это ужестораживает нас: поучение, направленное против «неподобных» дел и «вписанья неправедного», созданное во время могущества князя Всеволода Большое Гнездо, сохранилось только в той летописи, которая редактировалась при дворе его строптивного нелюбимого сына.

В истории владимирского летописания М. Д. Приселков придает очень большое значение тому году, описание которого завершается поучением по случаю пожара 6701 г. Приселков переводит эту дату как 1193 г., но правильное считать по ультрамартовскому счету и переводить на наше летосчисление как 1192 г.⁵² Приселков, как известно, считал возможным говорить об особом своде 1192 г. (в его тексте 1193 г.), созданном, по его мнению, при кафедральном Успенском соборе тем же лицом, которое вело записи до этого переломного 1192 г. В доказательство Приселков приводит резкое различие стиля летописных записей до 1192 г. и после него⁵³.

Всего сказанного достаточно для того, чтобы приостановить пока поиск: поучение 1192 г. является единственным социально острым сочинением за всю последнюю четверть XII в. во владими́ро-суздальской литературе, которое может быть предположительно сопоставлено с криминальным художеством Даниила. Кстати, поучение 1192 г. и «Слово Даниила Заточника» 1197 г. сближаются в употреблении крайне редких выражений. Поучение 1192 г. приводит (единственный раз во всем русском летописании XI—XIII вв.) такое выражение, как «разреши съузу неправды», то есть «уничтожь оковы (путь) неправды». Как мы помним, Даниил в своем «Слове» тоже пользуется этим выражением: «покушахся написати всяк съуз сердца моего...», то есть «я пытался изложить все то, что сковывало (опутывало) мое сердце».

Направим поиск по второму пути — попытаемся выяснить, нет ли во владимирском летописании того афористического стиля, который так характерен для Даниила. Следует оговориться, что употребление цитат и изречений является литературным штампом, который применяется многими летописцами и сам по себе не определяет ничего. Но дело и в том, что афористический стиль не был обязательным для летописей; разделы, насыщенные притчами и изречениями, чередуются с разделами, где их совершенно нет. В Лаврентьевской летописи церковные книжные мотивы за XII в. встречены эпизодически только под 1125 г. (некролог Мономаха), 1169 г. (казнь епископа Федора и события в Новгороде), 1174 г. (убийство Андрея Боголюбского, под 1177 г. (Липицкая битва). М. Д. Приселков первым уловил, что в последней четверти XII в. наблюдается «насыщение летописных записей потоком цитат из церковных книг и поучений»⁵⁴. У меня вызывает сомнение только начальная дата этого потока цитат, указанная М. Д. Приселковым, — 1178 г. (следует 1177). Под этим годом помещена точная выписка из «Повести временных лет» за 1068 г., где использовано «Слово о ведре и казнях божьих». Эта вставка отделена от всего последующего потока пятью годами без каких бы то ни было цитат. Не исключена возможность того, что вставка о новгородской неправде сделана ретроспективно тем летописцем, который широко пользовался цитатами в конце 1180 г. и

⁵¹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 168.

⁵² «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 389. 23 июля приходилось на четверг в 1192 г. Прим. издагелей.

⁵³ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 78—81.

⁵⁴ Там же, стр. 78 и 84.

явно сочувствовал князю Ярославу Владимировичу, изгнанному новгородцами. Сплошной поток цитат и изречений начинается в 1184 г. и заканчивается упомянутым выше поучением о пожаре 1192 г. Вновь церковные цитаты появляются в 1203 г. и становятся особенно обильными в 1205 г. и в последующие годы в связи с летописанием Константина Ростовского.

Прежде чем перейти к более подробному ознакомлению с первым потоком цитат 1184—1192 гг., рассмотрим один вспомогательный признак, дающий очень четкую корреляцию с периодами использования и неиспользования цитат. Речь идет о титулатуре князя Всеволода Большое Гнездо. Впервые на изменчивость титулатуры обратил внимание А. А. Шахматов, но он не довел своих наблюдений до конца и не сделал выводов из этого важного наблюдения, кроме того, что 1184 г. был годом начала нового свода⁵⁵. А между тем изменения титулатуры весьма примечательны. Все первые годы княжения Всеволода Юрьевича от 1176 по 1184 г. включительно летописец называет Всеволода просто князем. С 1185 по 1192 г. — великим князем. Нередко к титулу великого князя добавляется родословие: «Всеволод Юргевич Володимерь внук Мономахов»; «Великий князь Всеволод сын Георгиев внук Владимира Мономаха».

С 1193 г. исчезает именование Всеволода великим князем и появляется новая формула: «Благоверный и христолюбивый князь Всеволод Юрьевич». Эта формула держится до 1200 г.⁵⁶

Начиная с 1201 г., когда в летописи преобладают описания южных событий, исчезает предшествующая формула («благоверный и христолюбивый...») и вновь появляется прежняя формула («великий князь»). Эта же формула продолжает применяться и при Константине. Итак, летописание за время княжения Всеволода Большое Гнездо делится княжеской титулатурой на четыре отрезка.

Годы (исправленные)	Рубежи летописания	Княжеский титул	Притчи (заштриховано)	
1178—1184	Свод 1177 г. по Лимонову Свод 1184 г. по Шахматову	князь	нет	
1184—1192	Свод 1192 г. по Приселкову	великий князь		
1193—1200		благоверный и христолюбивый князь	нет	«Слово Даниила Заточника» 1197 г.
1201—1207		великий князь		

⁵⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 12. А. А. Шахматов не вводил поправку на ультрамартовский счет, и поэтому год начала свода у него обозначен как 1185, а не 1184. М. Д. Приселков коснулся вопроса о титулатуре, но заинтересовался им лишь с одной стороны — когда Всеволод получил титул великого князя (М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 81). Ю. А. Лимонов тоже лишь вскользь затронул титулатуру Всеволода, не подвергнув анализу даже то, что было собрано Шахматовым («Летописание Владимиро-Суздальской Руси». Л., 1967, стр. 89).

⁵⁶ В виде исключения, изолированно, эта формула дана в 1189 г., а простое именование великим князем встречается за этот период дважды (1196 и 1198 гг.), что найдет объяснение в дальнейшем.

Исключительный интерес для нас представляет полное совпадение этих четырех отрезков с периодами применения афористического стиля и периодами отказа от него. Представление об этих важных для нас совпадениях может дать только синхронистическая таблица, где показаны периоды широкого применения притч, цитат и поучений, изменения княжеского титула и рубежи летописания, устанавливаемые разными исследователями. Даты даны с исправлениями по Н. Г. Бережкову⁵⁷.

Приведенная таблица позволяет говорить о трех разных авторах, ведавших те летописи, которые вошли потом в Лаврентьевскую летопись. Первый из них, продолжая Владимирский свод 1177 г., применял простое наименование «князь» и не вносил на свои страницы притч и изречений. Второй автор начал работу в 1184 г., ввел обычный для киевского юга титул «великий князь» и широко пользовался изречениями и притчами. «Поток цитат», подмеченный М. Д. Приселковым, начинается именно в это время и продолжается до 1192 г., завершаясь поучением по случаю пожара во Владимире. После пожара владимирскую летопись ведет иной, третий по счету летописец, применяющий вычурную титулатуру («благочестивый и христолюбивый князь») и не пользующийся афористическим стилем своего предшественника. Его рука видна вплоть до рубежа XII и XIII вв. Южные события 1201—1205 гг. и события, связанные с Константином (особенно его отъезд в Новгород), описаны автором, который, по формальным признакам, тождествен с нашим вторым летописцем 1184—1192 гг.: он возрождает забытую формулу «великий князь» и широчайшим образом пользуется притчами, цитатами и поучениями.

6

«Поток цитат» в Лаврентьевской летописи начинается с 1184 г. и связан с появлением во Владимире и Ростове нового епископа Луки, поставленного по настоятельному требованию князя Всеволода, преодолевшего сопротивление митрополита-взяточника. До поставления Лука был игуменом Спасского монастыря в Киеве, на Берестове, где находились могилы Юрия Долгорукого и Глеба Юрьевича, отца и брата Всеволода.

Возможно, что Лука привез с собой или привлек на месте летописца, который открыл новый раздел во владимирском летописании, раздел, насыщенный цитатами из библейских пророков. Первым его произведением был панегирик новому епископу, наполненный различными хвалебными гиперболами, не очень даже приличными по отношению к живому человеку. Однако панегирик несомненно писался при жизни епископа Луки, до 10 ноября 1188 г., так как содержит прямое обращение к нему: «Молись за порученное тебе стадо, за люди хрестьяньския, за князя и за землю Ростовскую, и же взирающе на въздержанье твое, прославляют бога...»

Вторым произведением нового летописца было поучение по поводу пожара во Владимире 18 апреля 1184 г., когда «погоре бо мало не весь город и церквий числом 30 и 2», в том числе и Успенский собор Андрея Боголюбского. Здесь цитируется евангелие, а также Иов, Исайа и Давыд.

Литературной особенностью этого поучения являются риторические восклицания: «Да никто же дерзнетъ рещи, яко ненавидими богомъ есмы. Да не будеть! Кого тако бог любить, якоже ны възлюбил и възнесл естъ? Никого же!» Пожар расценивается как божья казнь за грехи двоякого рода: религиозные («яко на хрестьяньске роде страх и колебанье») и социальные. К последним отнесены: зависть, мстительность, несправедный суд над бедными вдовами, тайная клевета.

С приездом киевлянина Луки во владимирском летописании возродился интерес к южнорусским событиям: здесь помещен рассказ о побе-

⁵⁷ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 79—88.

де киевских князей над Кобыком 31 июля 1184 г. Он носит следы зависимости от киевской летописи, сведения которой неумело сокращены (выпала вторая битва), в результате чего главным героем похода оказался Владимир Глебович Переяславский, племянник Всеволода.

Дважды в этом рассказе приводятся церковные афоризмы.

Годовая статья 1185 г. в Лаврентьевской летописи состоит из записей трех категорий: во-первых, это краткие деловые заметки без афористических дополнений даже там, где был случай их применить (как, например, по поводу солнечного затмения 1 мая 1185 г.). Ко второй категории следует отнести известный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев. Он основан на каких-то не очень точных сведениях (снем у Переяславля, трехдневное веселье на Каяле), но все же подробно повествует об этом далеко от Суздальщины событии.

Летописец в пяти местах вставил цитаты из разных церковных книг, завершив весь рассказ фразами из того же «Слова о казнях божьих», которым он завершал свой текст о пожаре 1184 г. с теми же стилистическими особенностями: «Но да никто не может рещи, яко ненавидит нас бог. Не буди то! Кого тако любить бог, якоже ны възлюбил есть и възнесл есть...» Рассказ о «полку Игореве» содержит не только фактические ошибки, но и серьезные противоречия, отмеченные еще М. Д. Приселковым⁵⁸. В начале его Ольговичи показаны хвастунами и честолюбцами, а в конце, говоря о бегстве Игоря, летописец очень почтительно добавляет: «не оставить бо господь праведного в руку грешничию...»

Возможно, что владими́ро-суздальский автор использовал какой-то южный литературный источник (например, враждебную Игорю киевскую летопись Святослава), дополнив его недостоверными слухами и своими излюбленными изречениями и цитатами.

Третьим видом сообщений в годовой статье 1185 г. является самостоятельный рассказ того же летописца — любителя афоризмов о рязанской войне, переданный им с большими подробностями. Этот рассказ можно расценивать как особое сказание с эпиграфом о злодеяниях Святополка Окаянного.

Автор уделяет большое внимание не только военным действиям (полководцем суздальских войск был Ярослав Владимирович, адресат Даниила), но и посольским делам, подробно знакомя читателей со всеми переговорами Всеволода с рязанскими Глебовичами.

Совершенно особый интерес для нас представляют те афоризмы, при помощи которых автор комментирует неповиновение воинственных рязанцев, еще недавно бывших послушными «шереширами» Всеволода, а теперь отвергших миролюбивое посольство великого князя: «Яко же Соломон глаголетъ: Кажа злыя, приемлетъ собе досаженье. Обличышь безумнаго — поречеть тя. Не обличай злых, да не възненавидять тебе. Обличай премудра — възлюбить тя, а безумнаго обличишь — възненавидеть тя». Эти летописные притчи очень близки к тем притчам, из которых умело соткано «Слово Даниила Заточника».

У Даниила мы найдем места, близкие по форме и содержанию: «Лепше слышати прение умных, нежели наказание безумных. Дай бо премудрому вину — премудрее будетъ» (XXX).

Еще раз бытовые притчи, близкие по стилю к Даниилу, встречаются в летописи в связи с посольством испугавшихся рязанцев, готовых заключить мир. Всеволод отверг мир: «Якоже пророк глаголетъ: рать славна луче есть мира студна. Со лживым же миром живуще, велику пакость землям творять».

⁵⁸ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 81. Предположение М. Д. Приселкова об использовании здесь летописи Переяславля Русского должно отпасть, так как именно в отношении Переяславля допущена ошибка: идя на Донец, Игорь никак не мог соединиться с союзниками у Переяславля, лежащего в стороне более чем на 200 км.

Третье посольство вызвало третий комплекс притч. Посредником между Всеволодом и рязанскими князьями оказался черниговский епископ Порфирий, завязавший в 1186 г. какие-то тайные переговоры с рязанцами «не яко святительскы, но яко переветник и ложь»: «Якоже глаголет мудрый Соломон: Гнев, укротим лжею, проливаеть свар, а рать, не до конца смирена, проливаеть кровь».

Можно заметить, что афоризмы, дополняющие описания посольских дел, носят более светский, бытовой характер, хотя и прикрыты именем Соломона, к чему прибегал и Даниил Заточник. При описании же стихийных бедствий вроде мора (1186 г.), зимней молнии, убившей двоих людей (1188 г.), или пожара (1192 г.) автор снова возвращается к мысли о божьих казнях за грехи человеческие, за беззаконие.

На протяжении 1184—1187 гг. наш автор очень внимателен к изгнанному из Новгородца князю Ярославу Владимировичу. Он подробно описывает маршрут Ярослава в 1185 г., когда тот шел из Владимира через Коломну на Пронск. В походе 1186 г. летописец называет Ярослава на втором месте после Всеволода, впереди всех других (владетельных) князей.

Описав свадьбу дочери Всеволода и Ростислава Ярославича Черниговского 11 июля 1186 г., летописец особо отмечает, что на ней был Ярослав Владимирович.

Когда новгородцы в 1187 г. снова попросили у Всеволода его свояка на княжение, летописец отметил, что великий князь «отпусти и с ними с честью вел и ко ю Новугороду».

Особый интерес представляет татищевское дополнение к рассказу о рязанской войне 1186 г. Всеволод Большое Гнездо вместе с Ярославом Владимировичем и другими князьями (в числе которых был и обиженный братьями Всеволод Глебович Рязанский) выступил из Коломны и повоювал земли за Окой. Здесь кончается одинаковость текста Лаврентьевской летописи и Татищева и идет текст, выписанный Татищевым из какой-то не дошедшей до нас летописи. Он прямо продолжает повествование Лаврентьевской. Здесь говорится о приходе половцев: «сие им учинилось за их злодеяние, что братию изгоняли, преступя роту, яко Премудрый глаголет: «За грех царя казнит бог землю». Роман бо слушая княгини своя, по некоей ее тайной злобе на Всеволода (Глебовича) и ее любимцев, изгонял его, а бояре ему в том безсовестно помогали, но после сами все не вдолге погибли, о чем ниже явится»⁵⁹. Такая стилистическая примета, как обилие местоимений, мешающее усвоению смысла, роднит этот отрывок с летописным рассказом о походе Игоря в предшествующем 1185 г. Изречение, взятое из притч Соломона, выражает довольно смелую мысль: «за грех царя казнит бог землю». Стилистически приведение притч связывает этот рассказ как со всем летописным повествованием о рязанской войне Всеволода и его свояка Ярослава, так и со «Словом Даниила Заточника», адресованным позже этому самому Ярославу.

В «Слове Даниила Заточника» исследователей всегда удивляло обилие сентенций о злых женах. Поиски причин велись в разных направлениях; привлекалась даже, как мы помним, Улита Кучковна. Быть может одной из злых жен, заставляющих своих мужей делать все по своей воле, является неодобрительно упомянутая здесь княгиня Романа Рязанского. «Не скот в скотех коза, ни зверь в зверех еж, ни рыба в рыбах рак, ни потка в потках нетопырь — не мужь в мужех иже ким своя жена владеть» (XXXIV). Во всей рязанской войне оказался повинен Роман, поступающий по подсказке своей жены и ее любимцев-бояр.

⁵⁹ В. Н. Татищев. История Росийская, т. III. М.—Л., 1964, стр. 145 (год 1188). О достоверности татищевского текста здесь см.: А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965, стр. 120—122.

Учитывая то, что на поучении 1192 г. оборвалось риторическое сопровождение хроникальных записей, мы должны прежде всего обратить внимание на содержание этого интересного поучения, которым, к сожалению, историки русского летописания не интересовались.

«В лето 6701 [1192].

Бысть пожар в Володимери городе месяца июля в 23 день в канун святоу мученику Бориса и Глеба в четверток. В полночи зажжеса и горе мало не до вечера. Церквий изгореша 14, а города — половине погоре. А князь двор богом и святое богородици [помощью?] изотяша; деда его и отца его молитвою святоу избавлен бысть от пожара. И много зла учинися грех ради наших. Глаголетъ бо к нам Исаиємъ пророкомъ, глаголя что: Яко алкахом, не узре и смерихом душа наша и не уведе? И в дни бо алканья вашего обретаеете свою волю и повинья своя томите в пря и в свары алчете и бьете пястью смиренаго. Вскую ми тако алчете: гласом въпъете ко мнѣ, а дела неподобная делаючи! Ни то алканье аз избрах. И в день, в онъ же смерить человек душу свою, аще преклониши выю свою и яриг [рядно] и попел постелеши под собою, то и то не наречется алканье приятно богомъ. Не такого бо алканья избрах, глаголетъ господь. Но разреши съузу неправды и разреши узы бедных и все вписанье неправедно разреши. Раздоби алчным хлеб свой и убогия без храма [без хором, без дома] суцая введи в дом свой. Аще видиши нага — одежи! Тогда бо просветится тебе ради свет твой и ризы твоя скоро просьяють и придетъ предъя правда твоя и слава божья обуиметь тя. Тогда взопьеши и бог услышитъ тя и еще глаголющю ти и речеть ти: «Се придох». Аще отверзеши от себе узы и глаголы роптанья ти, даси алчну хлеб — и тма твоя будетъ акы полудне... и будутъ села твоя и храми твои и основанья твоя вечна.

Грех ради наших отврати [бог] лице свое от нас и пуцаеть на ны гнев ярости своея овогда ведром или огнемъ или иноу казнью да аще не обратимся весь сердцемъ к нему, друг другу тяготу не сящете, то оружие свое оцеститъ [обнажит]...»

Во всем русском летописании XI—XIII вв. мы не найдем такого социально направленного произведения, как это поучение по поводу пожара во Владимире.

За внешней ортодоксальной церковной формой здесь скрывается глубокий социальный смысл. В более общем виде социально-моральные мотивы были и в поучении по поводу пожара 1184 г.: там, как мы помним, бичевалось беззаконие, неправедный суд, мстительность и особенно клевета на ближнего.

В поучении 1192 г. автор прежде всего обрушивается на своеволие лиц, владеющих селами. Библийские термины звучали на русской почве в XII в. вполне определенно: «села твоя» могло означать только владение, вотчину, имение того или иного феодала; «основание», то есть то, что основано, построено владельцем сел, соответствовало в русской действительности не постройке ирригационных плотин («и прозовешися градитель преградом»), а новопоставленным починкам или городкам, носившим название «свобод» (слобод), каких было много в новоосвоенной Владимиро-Суздальской земле.

«Своя воля» владельцев сел и «оснований» порицалась автором, так как проявлялась в усобицах и ссорах, в тяготах, возлагаемых на своих

писывать ему поучение 1192 (1193) г. нет никаких оснований, так как этот литературный стиль появился в летописи за 5 лет до поставления Иоанна. Кроме того, было бы очень трудно объяснить, почему епископ, правивший епархией 25 лет, внес в руководимую им летопись только одно единственное поучение; кому тогда принадлежит новый поток цитат 1203—1207 гг. (о котором М. Д. Приселков умолчал)?

поданных («повинных»), в рукопашных расправах с беспомощными, безответными людьми.

Для того чтобы бог не наказывал людей «гневом ярости» и не обнажал своего грозного оружия стихийных бедствий, недостаточно личной нестяжательности и аскетизма — писатель требует активного противодействия земному злу, и зло это он видит в «узах и глаголах роптания» голодных, не имеющих хлеба людей.

Нужно разделить свои запасы с голодными, приютить и одеть бездомных и оборванных. Это, как мы помним, было лейтмотивом всего «Слова Даниила Заточника». Но самым первым, самым главным делом тех, к кому обращается автор, должны быть какие-то социальные меры: «Разреши съезу неправды!» — «Уничтожь оковы несправедливости!». «Разреши узы бедных!», — «Уничтожь цепи бедняков!». «И все вписанье не праведно разреши!» — «Уничтожь несправедливые записи!». Под «вписаньем неправедным» (вслед за которым идет фраза: «раздели между голодными свой хлеб») можно понимать только какие-то «ряды», кабальные записи закупов или холопов.

Об этом Даниил князю Ярославу в своем челобитье 1197 г. не писал; таких крайних взглядов он уже не излагал, а только вспоминал, что когда-то «покушахся написати всяк съез сердца моего», все то, что теснило, опутывало его дух.

Вспомним, что страстные слова о разделе хлеба, об открытии дверей своего дома бедным, о борьбе с несправедливостью и об уничтожении каких-то кабальных документов произносились не в безвоздушном пространстве, а на пепелище большого города, где тысячи людей действительно остались без хлеба и «без храма».

Вполне естественно, что многие богатые люди именно в это время, используя безысходность положения погорельцев, стремились превратить их в закупов, рядовичей или холопов, закрепляя эти действия неправедным вписаньем.

Летописец, вышедший за рамки обычной церковной демагогии и перешедший от поучения к обличению, вставший на сторону тех, кто, по выражению Даниила Заточника, был «от вельмож погружаем», проявил незаурядную смелость.

Однако за свою смелость обличитель поплатился: поучение 1192 г. оказалось последним в восьмилетнем ряду летописных статей, насыщенных притчами и изречениями. Недоумение М. Д. Приселкова по поводу причин неожиданного завершения «свода 1193 г.» (1192 г.) можно разрешить так: никакого особого свода 1192 г. не было (в этом надо согласиться с Ю. А. Лимоновым), но после дерзновенного поучения, затрагивавшего интересы всех феодальных верхов, руководители летописного дела отставили талантливую, но беспокойного автора и заменили его менее книжным, но более послушным летописцем, который скромно вел хронику княжеских и владычных дел, ни разу не обратившись к опасному искусству, к жанру притч и поучений, хотя поводов к этому в конце XII в. было много.

Не здесь ли, не в этом ли поучении, обратившем библейские слова против владельцев сел, порабошающих убогих и алчущих, скрывается разгадка того выступления Даниила, выражавшего стремления его сердца, от которого он вынужден был отречься «и разбих зле, аки древняя младенца о камень»? Не было ли яркое и мужественное поучение 1192 г. тем самым искусством, от которого Даниилу пришлось бежать, как Агарь-рабыне от Сарры, госпожи своей?

Если сам Даниил был в этом иносказании Агарью, а его летопись со всей ее «сладостью словесною» и пылом возмущения — младенцем, то нам нетрудно угадать и двух других персонажей библейской легенды: Авраамом мог быть епископ Иоанн, покровитель летописного дела, а

Саррой — сам князь Всеволод или кто-либо из крупных вельмож, недовольных социальной программой слишком самостоятельного историка. Князю Ярославу Владимировичу эти намеки на события пятилетней давности должны были быть вполне ясны.

Социальные мотивы в смягченной форме остались и в «Слове Даниила Заточника». Богатые и бедные резко противопоставляются автором и притом не в плане церковных представлений о доступности тем или другим царства небесного, а в плане здешних, земных интересов, как впрочем и в поучении 1192 г. «Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак: а убогий възглагслеть — вси нань кликнуть и уста ему заградят. Их же ризы светлы — тех речь честна» (XIII). В этом противопоставлении богатых и бедных не по образу жизни, не по достатку, а по тому, как аудитория воспринимает их речи, сказывается человек, привыкший говорить перед толпой, на вече или в судебном заседании. Он уязвлен тем, что речи богатых всегда будут предпочтены речам тех плохо одетых простых людей, к которым принадлежал он сам.

Находясь на самом низу феодальной лестницы, Даниил в своем обращении к князю Ярославу не побоялся написать свой знаменитый совет, обращенный, очевидно, к таким же как и он людям, едва-едва приподнимающимся над народной массой: «Не имей собе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тиун бо его аки огонь трепетицею накладен и рядовичи его — аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устеречися...» (XXVI).

Все сказанное выше позволяет оставить в силе предположение о том, что автором летописи с притчами 1184—1192 гг. и «Слова» 1197 г., составленного из десятков притч, мог быть Даниил Заточник — какой-нибудь владычный детский, епископский дворянин, находившийся под покровительством сначала епископа Луки, а после его смерти — епископа Иоанна.

Вдохновенное «художество» 1192 г., написанное им в защиту горожан Владимира, оставшихся после пожара без хлеба и крова, навлекло, очевидно, на Даниила чей-то гнев, ему «заградили уста», он бросил летописно-полемическую деятельность и оказался по воле или неволе на самом северном, самом далеком краю княжества и Ростовской епархии, за Белоозером, на озере Лаче.

Отсюда, из своей провинциальной безысходности он и пишет свое умное челобитье с просьбой помочь обедневшему мудрецу, поддержать его талант, пустить тучу на землю его художества.

Любопытно то, что он пишет его не епискому, не князю Всеволоду, а Ярославу, который должен скоро покинуть суздальские пределы и сесть в Новгороде.

7

На переломе зимы 1197/98 г. (30 декабря 1197 г. или 13 января 1198 г.) князь Ярослав Владимирович приехал из Владимира в Новгород на княжение. Всего лишь полтора года пробыл он в этот раз на высоком новгородском столе, но в новгородской летописи остался явный след его пребывания.

Новгородские летописцы, как правило, вели немногословную деловую хронику городских дел, отодвигая своих быстро сменявшихся князей на задний план. Инициатором всех политических и военных шагов в летописи всегда представлен сам Великий Новгород: «сдумавше новгородцы» и послали по князя или выбрали себе владыку, или пошли походом. А неугодному князю «показаша путь».

Летописные записи о последнем княжении Ярослава выделяются на фоне этой лаконичной городской хроники подробным и подобострастным

освещением деятельности князя. К рассказу об изгнании его в 1196 г. добавлено, что «прияша и новоторжци с поклоном. И ж а ля ху по нем в Новгороде д о б р и и, а злии радовахуся». Возвращение Ярослава показано очень почтительно: «Идоша из Новагорода переднии мужи сътские (во Владимир) и пояша Ярослава с всею правдою и чьстью. И приде на зиму Ярослав по крещении за неделю и седе на столе своем и обуяся с людьми и добро все бысть»⁶².

Так же почтительно излагалась и постройка Ярославом церкви в 1198 г.: «В то же лето заложи церковь камяну князь великий (!) Ярослав, сын Володимирь, внук Мьстиславль, во имя святого Спаса Преображения Новгороде на горе, а прозвище — Нередице. И начаша делати месяца июня в 8 на святого Федора, а кончаша месяца сентября»⁶³.

Летописец, написавший это пышное княжеское родословие, поступил точно так же, как Даниил Заточник, обращавшийся к Ярославу как к сыну царя (или великого князя) Владимира. В данном случае, желая утвердить авторитет безземельного трипольского князька, летописец напомнил о его знатном происхождении и даже, погрешив против истины, самого его назвал великим князем.

Летописцы-горожане, воспитанники вечевых порядков, никогда не титуловали своих князей так торжественно; они обычно ограничивались только одним именем, иной раз даже без слова «князь».

Запись о построении Нередицкого храма в 1198 г. сделана не обычным новгородским летописцем, а лицом, близким Ярославу Владимировичу⁶⁴.

Только в этом небольшом разделе новгородской летописи мы встретим необычные для всего предшествующего изложения вставки церковного характера вроде тех, с которыми мы уже знакомы по летописи Владимира Суздальского за 1184—1192 гг. Архиепископ Мартирий пять раз освящал новопостроенные церкви, и это фиксировалось простыми, лаконичными записями; но в 1198 г., когда одновременно с княжеской Нередицей строилась в Русе церковь самим Мартирием, летописец, писавший хронике этого года, вписал в нее обширное отступление в виде молитвы владыки («Господи боже! Призри с небес и вижь и посети винограда своего...»).

Конечно, только на основании церковной вставки и преувеличенной симпатии к «великому» князю Ярославу нельзя делать окончательных и твердых выводов, но все же особый характер летописной статьи 1198 г., необычной для новгородского летописания, позволяет поставить такой вопрос: не взял ли князь Ярослав с собой в Новгород в 1197 г. того скорописца, который девять лет писал летопись Всеволода при епископском дворе, пять лет расплачивался бедностью за смелость своих суждений и в 1197 г. так убедительно просил князя пролить оплодотворяющую тучу княжеской щедрости на землю его художества?

⁶² «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов», стр. 43.

⁶³ Там же, стр. 44.

⁶⁴ На южной стене Нередицы в сводчатой нише вроде аркосолия было написано фресковое изображение князя, подносящего церковь Христу. И. И. Срезневский считал эту фреску портретом Ярослава Владимировича, сделанным в 1199 г. (А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства. М., 1910, стр. 114—116). Надпись гласит: «О боголюбивый княже, второй Всеволод, злыя обличая, добрыя любя, правые кормя вся церковныя чины и монастырские лики милостивны имея, но, милостивче, кто твоя добродетели может исчесть? Но даже бог цесарствие небесное со всеми святыми угодшими ти в бесконечныя веки. Аминь». Под Всеволодом должен подразумеваться Всеволод Большое Гнездо, по воле которого его свояк Ярослав и стал князем в Новгороде. Ю. Н. Дмитриев считал фреску более поздней (1246 г.) и связывал ее с Ярославом Всеволодичем («Новгородский исторический сборник», вып. III—IV. Новгород, 1938, стр. 39—57).

Мы рассмотрели те записи владимирской летописи, которые предшествовали намеченному нами времени написания «Слова» Даниилом Заточником, коснулись (в порядке предположения) летописной статьи новгородской летописи за последний год княжения Ярослава Владимировича, написанной непосредственно вслед за «Словом».

Теперь мы должны просмотреть новгородское и владими́ро-суздальское летописание за время после 1197—1198 гг., для того чтобы ответить на вопрос — нет ли там, в статьях первого десятилетия XIII в., каких-либо следов того «потока церковных поучений», который позволил уже нам сближать летопись со «Словом Даниила Заточника».

Главная трудность заключается в том, что цитирование пророков и широкое применение притч было, как отмечалось уже, обычным литературным приемом средневековья; этим приемом пользовались в XII—XIII вв. и киевские, и галицкие, и суздальские летописцы; поэтому сам по себе этот афористический стиль еще не является безусловным признаком авторского единства. Необходим учет дополнительных обстоятельств: хронологической компактности, обоснованности интервалов, а самое главное — исторической вероятности сближения разных текстов, обладающих этим общим стилистическим признаком.

До сих пор все эти условия нами выполнялись: текст 1184—1192 гг. представлял собой компактный кусок владимирской епископской летописи; прекращение потока цитат хорошо объяснимо резкостью социальных суждений автора, а кратковременное проявление церковного стиля в новгородской летописи также вполне объяснимо предположением близости данного летописца к князю Ярославу Владимировичу в пору его последнего кратковременного княжения.

С уходом Ярослава церковная патетика сразу исчезает со страниц Первой Новгородской летописи (если не считать вставной повести о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г.). Некоторое нарушение бюргерского, делового характера новгородского летописания мы наблюдаем в 1210—1218 гг. во время княжения в Новгороде Мстислава Удалого; очевидно, здесь тоже сказалась рука княжеского летописца.

Патетический тон (но без цитат из пророков) появляется в летописи в связи со страшным голодом 1231 г., но в данном случае нам не приходится гадать об авторе — он сам назвал себя грешным пономарем Тимофеем⁶⁵. Ему же, по всей вероятности, принадлежит описание нашествия Батыя (рассказ о битве на Калке заимствован из южных источников).

Итак, новгородская летопись ничего нового нам не дала после отъезда Ярослава Владимировича из Новгорода в 1199 г. Летописец, подобострастно величавший его великим князем и сочинивший молитву владыки, не оставил никаких следов в позднейшей летописи.

Иное мы видим во владими́ро-суздальском летописании: цитирование пророков начинается при описании событий зимы 1202/03 г., а затем широким потоком проявляется в 1205—1207 гг. в связи с именем известного книжника князя Константина Всеволодича и эпизодически встречается в дальнейшем вплоть до самой смерти Константина в 1218 г.

Если оставаться на почве сделанных выше предположений, то связь Даниила Заточника с Константином Ростовским представляется совершенно естественной: Константин еще при жизни отца получил в удел Ростов, к которому относился и Белозерский край с озером Лаче, где бедовал в свое безвременье Даниил. Еще до получения удела князь Константин командовал белозерскими полками (в битве под Пронском в 1207 г.). Кроме того, в эти же годы Константин был связан с Новгоро-

⁶⁵ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов», стр. 70.

дом. Третьей точкой соприкосновения Даниила, «по многим книгам избирающего сладость словесную», с князем Константином могла быть роднившая их любовь к книжной мудрости.

Наименее ясно, на первый взгляд, проявление начетнического стиля в описании разгрома Киева Рюриком Ростиславичем 2 января 1203 г., так как весь этот раздел летописи посвящен далеким южным событиям. «...И створися велико зло в Рустей земли, якого же зла не было от крещенья над Киевом. Напасти были и взятыя, [но] не яко же ныне зло се стася: не токмо одино Подолье взяша и пожгоша — ино Гору взяша, и митрополью святую Софью разграбиша и Десятинную святую богородицю разграбиша и манастыри все и иконы одраша, а иные поимаша и кресты честныя и сосуды священыя и книги и порты блаженных первых князей, еже бяху повешали в церквах святых на память себе — то положиша все себе в полон.

Якоже глаголет пророк Давид: Боже! Придоша языци в достояние твое и оскверниша церковь святую твою и положиша Иярусолима, яко овощное хранилище, положиша трупие раб твоих — брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих — зверем земным, пролияша кровь их аки воду.

То все стася над Киевом за грехи наша: черньци и черницы старые иссекоша, и попы старые и слепые и хромые и слукыя и трудоватые — та вся иссекоша, а что черньцов уных и черниць унех и попов и попадей и кияны и дщери их и сыны их — то все ведоша иноплеменици в вежи к себе».

Автор этих строк явно настроен враждебно к Рюрику, который в союзе с Ольговичами и половцами выгнал Романа Мстиславича из Киева и разгромил город. Автор находился, очевидно, на юге, так как ему известны многие мелкие детали. Из них можно отметить сообщение об одеждах первых князей «еже бяху повешали в церквах святых на память себе»; оно очень напоминает то, что считал нужным занести на страницы летописи автор статьи 1184 г.: «...паволокы, укси церковные, иже вешаху на праздник...»

Мы можем отметить еще одну черту, сближающую владимирскую летопись за 1184—1192 гг. с повествованием с 1203 г. И там и здесь проявляется преувеличенный интерес к сыновьям «царя Владимира»: в первом случае, как мы уже видели, внимание оказывалось Ярославу Владимировичу, единственному князю этой ветви, находившемуся в поле зрения северо-восточного летописца, а во втором случае особым вниманием пользуются все «Володимиричи». Говоря о таком крупном событии, как война двух коалиций князей, возглавляемых Рюриком Киевским и Романом Волынским, автор не перечисляет чернигово-северских князей, не указывает даже того, что половецкие войска возглавлял сам Кончак и из всех второстепенных князей, участвовавших на той или другой стороне, считает необходимым упомянуть только о «Володимиричах», отъехавших от Рюрика и перешедших на сторону Романа. Володимиричи — это братья: Мстислав Трепольский, давний враг Рюрика и его вассал поневоле, затем Ярослав (после смерти своей жены не упоминаемый владимиросудзальской летописью) и Ростислав.

Внимание автора рассказа о взятии Киева к этим удельным князьям выразилось и в подробном сообщении о судьбе Мстислава: «Тогда же яша и Мстислава Володимирича Ростиславля дружина Ярославича (Черниговского). И веде Ростислав ко Сновьску к себе».

Из всех этих соображений и наблюдений можно сделать следующий вывод: ничто не противоречит отождествлению автора южнорусского повествования о злодеяниях Рюрика с тем летописцем, который вел летопись когда-то при епископах Луке и Иоанне, затем после долгого перерыва снова занялся летописанием при князе Ярославе «Володими-

риче» в Новгороде, а с перемещением этого князя на юг (может быть в качестве регента при малолетнем Ярославе Всеволодиче?) мог последовать за ним на юг и вести здесь летопись южных дел с позиций Всеволода и «Володимиричей».

8

На событиях 1204 г. оборвалась южнорусская (может быть переяславская) летопись, попавшая во Владимир; с событий 1205 г. начинается особый раздел Лаврентьевской летописи, характеризующийся новым обильным потоком цитат из церковных книг. Раздел этот тоже невелик, он охватывает всего три года: 1205—1207 гг. Начинается он с описания торжественных проводов сына Всеволода на княжение. На этот раз героем повествования стал старший сын Константин.

Обрывается поток цитат довольно резко в связи с получением Константином особого удела — отец дал ему Ростов «и инех 5 городов да ему к Ростову» (зима 1207/08 г.).

После этого панегирист Константина исчезает со страниц владимирской летописи до 1211 г., когда Константин гостил у отца во Владимире; в последний раз руку этого ритора мы ощущаем в 1218 г. в некрологе Константина.

Присмотримся внимательнее к творчеству этого летописца, воспевшего начало княжеской деятельности Константина Всеволодича, того князя, о котором наши источники говорят как об историке и книголюбце. Константин, по словам летописи, «всех умудря телесными и духовными беседами. Часто бо чтяше книги с прилежанием».

Летописец такого образованного и начитанного князя должен был сам блеснуть знанием книжной мудрости, что мы видим с первых же строк его риторического творения. В описании только одного дня отъезда Константина он сумел 11 раз (!) привести цитаты из пророка Давида, Соломона, Иоанна Златоуста. Описание отъезда представляет собой отдельное произведение. «В лето 6714 (1205) месяца марта в 1 день на память святое мученици Евдокеи, Всеволод великий князь посла сына своего Костянтина Новугороду Великому на княженье...» Князю, отправляющемуся на княжение в буйный и опасный город, летописец как бы подсказывает слова о том, что «власти мирьския от бога вчинены суть», он приводит ряд известных церковных афоризмов, напоминающих по стилю изложения Даниила Заточника: (князь) «богу слуга есть, мстыя злодеем. Хоцещи ли ся власти не бояти — злаго не твори и похвалить тя. Аще ли зло творишь — бойся: не бо без ума мечь носить». Далее в летописи изображается торжественная сцена инвеституры: «И да ему отец [Всеволод Константину] крест честны и мечь, река: Се ти буди охранник и помощник, а мечь — прещенье и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя от противных». После этого автор вкладывает в уста Всеволода речь, которая едва ли была произнесена в действительности, но хорошо характеризует проконстантиновскую тенденцию автора: «Сыну мой Костянтине! На тебе бог положил переже старейшинство во всей братии твоей. А Новъгород Великий старейшинство имать княженью во всей Русьской земли. По имени твоём тако и хвала твоя: не токмо бог положил на тебе старейшинство в братии твоей, но и в всей Русской земли. И яз ти даю старейшинство — поеди в свой город!»

Данная «речь» едва ли современна самому событию, так как при отправке Константина в Новгород Всеволоду не было надобности уверять всех в старейшинстве своего старшего сына. Такое литературное подкрепление старшинства Константина было вполне обосновано только

после того, как отец обделил его наследством и передал великое княжение Юрию в обход старшего брата, т. е. после 1212 г.

В этой «речи» автор использует свои исторические познания, почерпнутые из новгородских летописей, о том, что «Русская земля пошла есть» от призвания варягов в Новгород. Поэтому он и пишет о старейшинстве Новгорода в Русской земле⁶⁶.

Преувеличение исторической роли Новгорода в данном случае тоже служило той же цели возвеличения Константина, начавшего с этого города свой княжеский путь. Вспомним, что только при поддержке Новгорода, помогшего Константину в Липицкой битве 1216 г. против его братьев, Константин и получил великое княжение Владимирское.

От риторических отступлений, вставленных, может быть, позже, около 1212—1216 гг., вернемся к проводам Константина: «И проводиша и вся братья его с честью великою до реки Шедашки: Георгий, Володимер, Иоан и вси бояре отца его и вси купци и вси послы братья его. И быть говор велик яки до небеси от множества людей от радости великия. Яко же рече пророк: вси языци възплещете руками, възкликнете богу гласом радости — яко цесарь велий по всей земли; и пойте имени его дадите славу хвале его! Пристигшу же вечеру, поклонишася ему братья его и вси людье и все мужи отца его и вси послы братья его. И ти поклонишася ему и похвалу ему давшу велику, възвратишася каждо их всвоеси...». Это описание нужно признать современным событию, так как оно насыщено конкретностью: имена, название реки, время дня. Интересно отметить внимание автора не только к князьям и мужам, но и к купцам и к послам, а также полное пренебрежение к духовенству, выразившееся в умолчании о нем. Далее следуют шесть цитат, подобранных на тему о необходимости щедрости, вроде таких: «Алчен бях — на кормиستمя и жаден бех — напоисте мя...»; «Блажен муж, милуя и дая весь день»; «Блажен разумевай на ниша и убога — в день лют избавить и господь»; «И Соломон глаголетъ: милостынею и верою очищаются греси».

Приезд Константина в Новгород описан тоже очень торжественно и тоже с большим количеством цитат. На этот раз подбор цитат подчинен теме праведного суда и защиты бедных: «...возлюбил еси правду и възненавиде безаконье — сего ради помаза тя боже...»; «Боже! Суд твой цесареви дажь и правду твою сынови цесареви: судити людем твоим в правду и нищим твоим в суд...».

Следующий цикл цитат связан со смертью жены Всеволода княгини Марии (невестки Ярослава Владимировича), пролежавшей в болезни 7 лет.

В основную тему «аще не напасть, то не венец» здесь снова вплетается мотив щедрости и милостыни: «Грехы своя милостынями поглади и неправды твоя — щедротами, еже к нищим».

После этих двух владими́ро-суздальских событий (о жизни Константина в Новгороде не говорится ничего), автор продолжает вести довольно подробно хронику южнорусских дел, отметив утрату ряда позиций знаковыми нам князьями: зимой 1205/06 г. «Ростислав Рюрикович выгна Ярослава Володимерича из Вышегорода»; осенью 1206 г. Всеволод Чермный выгнал Ярослава Всеволодича из Переяславля и тот вернулся в родные края.

⁶⁶ Никак нельзя согласиться с Ю. А. Лимоновым, что признаком несинхронности «речи» событиям 1205 г. является расширительное понимание термина «Русская земля», будто бы возможное только во второй половине XIII в. (Ю. А. Лимонов. Указ. соч., стр. 135—136). Против этого говорят, во-первых, новгородские обработки Повести временных лет, начинающие русскую государственность с Новгорода, а, во-вторых, «Слово о погибели земли Русской».

Для выяснения проявившихся у автора симпатий к князю Константину интересно сравнить описание двух встреч: «Ярослав же приде к отцю своему в Суждаль месяца сентября в 22 день на память святого мученика Фоки и сретоша и братья его у Сеянья и целоваше». Зимой (28 февраля 1207 г.) приехал к отцу старший сын: «Того же дне и Костянтин князь приеха из Новгорода к отцю своему и сретоша и на реце Шедашце вся братья его: Георгий, Ярослав, Володимер, Святослав, Иоан и вси мужи отца его и горожана вси от мала и до велика. И братья его видевше с радостью поклонишася ему и целоваше и любезно вси людье и въехаша в град Володимерь. И поклонися отцю своему Костянтин; отец же его, встав, обуим и целова любезно и с радостью великою, якоже Ияков патриарх Иосифа Прекрасного виде». Ради Константина автор пренебрегает чувством меры и возвращается к риторическому стилю.

При описании южных событий, в которых автор продолжает быть осведомленным, он только один раз прибегнул к цитатам, желая уязвить Всеволода Чермного, изгнанного из Киева: «Всяк взносясь смеритя... еуже мерою мерите — возмеритя вам!» Этот Всеволод Чермный осадил Треполь, где сын Ярослава Владимировича мужественно оборонялся («бысть брань крепка зело»), но после трех недель осады вынужден был заключить мир.

Новое изобилие цитат появляется в летописи в связи с приездом Константина, приглашенного отцом воевать против Ольговичей. Когда Константин со своими новгородскими войсками прибыл в пограничную Москву, то летописец, во-первых, перечислил все местные полки («плексовичи, ладожаны, новоторжьци»), а, во-вторых, начал щедро цитировать сборник притч Соломона: «Якоже рече Приточник: Сын бых послушлив отцю и възлюблен пред лицом матере своея; сын благоразумный — послушлив отцю и плода праведного снесть». Цитировал он, очевидно, по памяти, так как пропустил во втором случае фразу: «сын же непокоривый в погибель»⁶⁷; мог он и сознательно опустить то, что не подходило к делу. Когда 19 августа 1207 г. в Москве состоялась встреча отца с сыном, автор опять обращается к притчам: «Якоже рече Приточник: Сын разумив, чтай отца възвеселить душу свою и препояшет истинною чресла своя». Написав одну фразу о ненадежности рязанских князей, летописец снова применяет излюбленный прием: «О сицех бо рече Давыд: мужь крови и лстив не препловить дний своих. И мужа неправедна зло уловить в истленье. И паки рече: възлюбиша и усты своими и языком своим солгаша. Сердце же их не бе право с нимь. Всеволод же великий князь рече слово Давыдово: Ядый хлеб мой възвеличил есть на мя леть. И паки рече: не убоюся зла, яко ты еси со мною, господи».

Как видим в этом разделе, ткань летописного рассказа на девять десятых соткана из цитат, взятых из специального сборника притч «Приточника».

Далее очень подробно, как очевидец, летописец рассказывает о том, как Всеволод обличал рязанских князей, «солгавших языком своим». Происходило это на Оке, «на березе на пологом»; рязанцев пригласили в шатер, а сам великий князь сидел под полотняным тентом — «полстницей».

Как и в рассказе о южных делах 1203 г., летописец особо отмечает дипломатическую роль боярина Михаила Борисовича, которому пришлось ходить от Всеволода к рязанцам «долго время».

Описание ареста рязанских князей завершено новым набором цитат на тему «впадесе в яму, юже створил».

⁶⁷ «Летопись по Лаврентьевскому списку», стр. 408, прим. ред.

Расправившись с приехавшими на съезд рязанцами, Всеволод осадил Пронск. Здесь снова выступает на первый план Михаил Борисович, пытающийся уговорить пронян сдаться. «Они же не внушиша глагол его, надеюся на градную твердость, не ведуше реченного пророком Давыдом: Аще не господь сзижеть дому — всеу трудишася зижюшен; аще не господь стрежеть града [...] и прочая».

Летописец настолько уверен в том, что его читатели хорошо знают приводимые им тексты, что даже не заканчивает цитаты: «и прочая». Из дальнейшего изложения мы узнаем, что князь Константин командовал не только новгородскими полками, но и белозерскими. Распределение полков по князьям соответствовало их уделам: Ярослав Переяславский — переяславские полки, Давыд Муромский — муромские полки, Константин Ростовский — белозерские полки.

Можно с несомненностью утверждать, что летописец сопровождал Всеволода в этом походе, так как он постоянно фиксирует все мелочи походной жизни: вот войска Константина заняли позиции у ворот на горе, Всеволод стал за рекой в поле Половецком; проняне делают вылазки за водой. Вот Всеволод послал за провиантом, находившимся в ладьях на Оке... отмечено точно, что Пронск сдался в четверг 18 октября 1207 г. Вот Всеволод идет от Пронска к Рязани и остановился у Доброго, предполагая на следующий день «бродитися черес Проню реку»; сюда прибыл с поклоном рязанский епископ Арсений, заявивший, что «ноне всю волю твою стваряем, чего то хочещи». Всеволод повернул к Коломне, шел на Усть-Мерской и возвратился во Владимир в среду 21 ноября.

К этому дневнику похода автор возвращался позднее, чтобы вставить в него события, происходившие во время похода, но весть о которых могла быть получена не ранее, чем через месяц после совершения их. События касаются Киева: там Рюрик, узнав о рязанской войне, захватил Киев, выгнав Всеволода Чермного.

Описание похода завершено еще одним подбором цитат: «Якоже рече пророк: Си день, иже створи господь, възрадуемса и възвеселимса в онь. И паку рече: господь защититель животу моему, от кого ся устрашу? Стужающи ми врази мои, ти изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полк — не убоится сердце мое; Аще встанеть на мя брань — аз уповаю на господа...» Конец потока цитат связан (как и его начало) с князем Константином. На своем дворе во Владимире Константин построил церковь Михаила, освящение которой 25 ноября 1207 г. красочно описано летописцем, обильно уснастившим свой рассказ цитатами; приведем конец его описания: «...Якоже Соломон цесарь створи пир на священне церкви своя и учреди люди и благословиша люде Костянтина, рекуще: благословен бог, иже дасть Всеволоду сицего сына разумна; дасть бо господь смысл и премудрость Соломону такоже и Костянтину многу зело и разлитье сердца, яко песок, иже при мори. И распространися премудрость его паче смысла всех человек. Якоже рече пророк: Возвеличая спасенье царево, творя милость Христу своему, Давыдови и семени его до века».

Вслед за этим последним набором цитат идет сообщение о наделении Константина Ростовом и пятью иными городами. С отъездом Константина исчезают из летописи притчи и цитаты и появляются вновь лишь тогда, когда этот князь приехал снова во Владимир в 1211 г.

Продолжая проверять высказанную выше гипотезу об участии Даниила Заточника в летописном деле, сопоставим рассмотренные выше фрагменты владимирского летописания, выделенные нами на основе их афористическо-цитатного стиля со стилем «Слова» Даниила.

Нам придется для этой цели рассматривать совместно как южнорусские записи 1200—1204 гг., так и владимирские за 1205—1207 гг. не только потому, что и те и другие оказались в конце концов в одном из владимирских сводов, но и потому, что между ними есть очень много точек соприкосновения.

Южнорусская запись 1200—1204 гг., судя по сопровождавшим ее миниатюрам Радзивилловской летописи, посвященным и с ключительными южным делам, представляла собой особое произведение, написанное и иллюстрированное на юге, вероятнее всего в Переяславле; это повествование еще при жизни Всеволода попало во Владимир.

Политическая направленность здесь одинакова с остальными частями Владимирского свода: на первом плане поставлены интересы Всеволода и его союзников. Одинаков с фрагментом 1205—1207 гг. и стиль изложения, сочетающий подробный деловой рассказ с риторическими отступлениями. Одинаков интерес к югу — во фрагменте 1205—1207 гг. продолжается изложение южных событий. Одинаков интерес к посольским делам, к технике дипломатических переговоров и даже к одним и тем же лицам вроде Михаила Борисовича. Хронология тоже облегчает сближение обоих фрагментов: южное переяславское повествование кончается (судя по миниатюрам) пострижением Рюрика в монахи и вокняжением союзника Всеволода — Романа в 1204 г.

Риторический вариант владимирской летописи начинается с 1205 г., как бы принимая эстафету от своего переяславского предшественника.

Особая торжественность словесного и живописного изображения отъезда и прибытия в Переяславль десятилетнего сына Всеволода — Ярослава в 1200 г. позволяет, таким образом, решить вопрос о полном сходстве духа и формы южной летописи за 1200—1204 гг. и владимиро-суздальской летописи за 1205—1207 гг.: в момент напряженнейшей борьбы за Киев Всеволод Большое Гнездо посылает сына в свой южный форпост в Руси; его опекуном, реальным представителем Всеволода на юге естественнее всего мог быть его свояк Ярослав — «сын царя Владимира».

Достоверно известно, что «Володимиричи» юридически перешли на сторону союзников Всеволода уже в 1201 г. и воевали с его врагами в 1203 и 1205 гг.

Мы уже выяснили, что летопись в Переяславле в эти годы вел человек, близкий к Ярославу Всеволодичу и к «Володимиричам» и внимательный к посольским делам, что выразилось в тщательном фиксировании всех крестоцелований, как в тексте, так и в миниатюрах его летописи.

Ничто не противоречит признанию в этом летописце того автора, который еще в 1197 г. связал свою судьбу с Ярославом Владимировичем и последовал за ним в Новгород.

В 1201 г. Ярослав Владимирович был уже на юге, и в этом же году началась летопись, защищавшая интересы Романа и «Володимиричей».

Когда Роман, упрятав Рюрика в монастырь, вокняжился в Киеве и напряжение обстановки ослабло, летописец мог быть отозван или послан в составе одного из посольств во Владимир.

Во Владимире наш автор нашел нового покровителя — молодого князя Константина Всеволодича. Признанная образованность Константина облегчала его сближение с летописцем-книжником, несомненно, тоже очень образованным и начитанным человеком.

Если признать верным, что этим летописцем-ритором был Даниил Заточник, то мы получаем еще одну точку соприкосновения с князем Константином Ростовским: озеро Лаче, где плохо «процветала часть» Даниила, находилось в его владениях, и он командовал белозерскими полками.

«Константиновский» отрезок владимирской летописи 1205—1207 гг. по своей конструкции очень напоминает «Слово Даниила Заточника»: каждую жизненную ситуацию автор сопровождает тематическим подбором цитат из церковных книг, предпочитая краткие, образные афоризмы, примеры которых приведены выше.

Насыщенность летописного текста цитатами в некоторых разделах близка к тем подборам цитат и притч, которые мы видим у Даниила, когда на одну конкретную тему приводится несколько изречений.

Некоторые темы в летописи и у Даниила одинаковы. Такова тема о милостыне; она доминирует в «Слове» Даниила и явно ощутима в указанных разделах летописи. Описывая отъезд князя Константина в Новгород, наш автор без особой надобности говорит о том, что князь щедр «паче же и на милостыню». Далее следует приведенная выше подборка из шести цитат на тему о щедрости, завершающаяся цитатой из Соломона: «Милостынею и верою очищаются греси». Одинаковы и некоторые образы, не встречающиеся за пределами сопоставляемых нами произведений: «Богат възглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак» (Даниил). «И бысть говор велик, а кы до небеси от множества людей, от радости великия...» (летопись 1205 г.). Даниил желает Ярославу Владимировичу: «Господи, дай же князю нашему... мудрость Соломону и хитрость Давидову...» Летописец говорит то же самое о Константине: «Дастъ бо господь смысл и премудрость Соломону, также и Константину многу зело...» Конечно, такие литературные штампы не решают вопроса, но, учитывая их крайнюю редкость в летописи, мы не можем пройти мимо них при наличии других черт близости.

Допуская, что Даниил Заточник после своей убедительной челобитной попал ко двору Ярослава Владимировича, сопровождал его в Новгород, вместе с ним уехал на юг, где продолжал свою летописную работу, а затем опять возвратился в Суздальщину, мы легко поймем, что два таких книжника, как Даниил и Константин, должны были здесь найти друг друга. Летописец вел не частные записки узко локального характера, а хронику больших княжеских дел, в которой обрисовывались события от Карпат до Средней Волги, от Новгорода до Половецкой степи. Он был, следовательно, заметным, может быть даже известным человеком при дворе Всеволода. Если верно допущение, что его интерес к посольским делам объясняется его участием в них, то известность становится почти обязательной. Трудно сказать, когда его личное обращение к Ярославу стало достоянием читающей (и слушающей) публики, но мы знаем, что уже вскоре появился подражатель, облачившийся в ризу премудрых словес Даниила.

Константин, очевидно, тоже выделялся на фоне «большого гнезда» северо-восточных князей.

Старший сын Всеволода, по всей вероятности, унаследовал склонность к книжной мудрости от своих ученых стрывев — Андрея Боголюбского и Михаила Юрьевича: «Константин... всех умудряя телесными и духовными беседами; часто бо чтяше книги с прилежаньем и творяше все по писаному, не въздая зла за зло. Сего по праву одарован бе бог кротостью Давыдовою мудростью Соломонею, исполнь сы апостолскаго правOVERья». Эту летописную характеристику дополняют и расширяют те недошедшие до нас материалы, которые скопировал В. Н. Татищев: Константин «великий был охотник к читанию книг и научен был многим наукам. Того ради имел при себе людей ученых, многие древние книги греческие ценою высокою купил и велел переводить на русский язык. Многие дела древних князей собрал и сам писал, також и другие с ним трудились. Он имел одних греческих книг более 1000, которые частью покупал, частью патриархи, ведая

его любомудрие, в дар присылали сего ради. Был кроток, богобоязен, все разговоры его словесы книжными и учении полезными исполнены были...»⁶⁸

9

Сопоставление «Слова Даниила Заточника» с летописью закончено. Оно велось в двух направлениях: во-первых, это было обращением к летописи как к источнику фактической истории, а во-вторых, — рассмотрением летописных сводов XII—XIII вв. как совокупности историко-литературных произведений, созданных современниками Даниила.

На первом пути пристальное внимание ко всему комплексу летописных биографических сведений об адресате «Слова» — князе Ярославле Владимировиче позволило соотнести их с биографическими чертами самого автора «Слова» и определить (разумеется предположительно) точную дату и исторические условия написания челобитной Даниилом — 1197 г.

На втором пути велись поиски тех летописных текстов, которые по своему литературному стилю и политическим симпатиям могли быть сближены со «Словом» Даниила. Поиски привели к выявлению четырех крупных полос во владими́ро-суздальском летописании, которые, по указанным выше признакам, должны быть сопоставлены со «Словом Даниила Заточника»: 1184—1192; 1200—1207; 1214—1218; 1227 гг.

В дальнейшем для простоты автора этих летописных статей будем именовать Даниилом, хорошо сознавая всю условность этого.

В анализе «Слова» и синхронных ему летописей многие положения основывались на предположениях и гипотезах, которые будучи взяты сами по себе, вне той системы, какую они образуют, могут показаться недостаточно аргументированными. Однако наличие системы гипотез, взаимно подкрепляющих друг друга, дает право эти гипотезы опубликовать и основывать на них определенные выводы.

Те летописные комплексы, на которых основано наше построение, сохраняют все главные признаки стилистического единства и одинаковости социальных взглядов, но между отдельными фрагментами летописания есть и различия: иногда это связано с новым заказчиком (как, например, с Константином, любившим, очевидно, высокий книжный штиль), иногда объясняется просто совершенствованием мастерства, как можно судить по великокняжеской летописи Константина (1216—1218 гг.). Богатство языка и сочетание мирского с церковным одинаково характерно и для «Слова Даниила Заточника» и для выделенных нами фрагментов летописания на всем их протяжении. Помимо любви к афоризмам и церковным цитатам единство стиля подкрепляется излюбленной вопросительной формой, завершающей длинные рассуждения и подборки цитат. Летописные статьи Даниила столь же многообразны по своей форме, как и его «Слово», — цитаты из церковных книг сочетаются с мирскими притчами, высокопарные риторические выражения уживаются рядом с красочным и сочным народным языком: «Не мори ся голодом с дружиною, — говорит Всеволод осажденному рязанскому князю, — и людей не помори, но лези семо к нам; ты нам брат свой — ци снемы тя?» «Мы есмы ци не князи же? Поидем, такы же себе хвалы добудем!» — будто бы говорил Игорь перед походом 1185 г.

Приведенные ранее притчи из летописной статьи 1185 г. полностью уравнивают летописную запись со «Словом Даниила Заточника»; если

⁶⁸ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. III, стр. 206. О греческих рукописях и переводах с греческого, сделанных в Ростове, см.: А. Н. Насонов. История русского летописания. М., 1969, стр. 194.

не дать точной ссылки, то читатель может заколебаться, к которому из двух произведений относится та или иная выписка: «Лепше слышати прение умных, нижели наказания безумных», «Обличишь безумнаго — поречеть тя»; «Дай бо премудрому вину — премудрие будеть»; «Обличай премудра — възлюбить тя, а безумнаго обличишь — възненавидить тя».

Проверка отдельных предположений и допущений может быть произведена только рассмотрением всего материала в строгой исторической последовательности⁶⁹.

Облик Даниила Заточника до сих пор нередко создавался на основе контаминации «Слова Даниила» и «Моления Даниила», что, как показал Н. Н. Воронин, является противостоительным. Мне хотелось бы дать контуры биографии Даниила, основываясь только на «Слове», совершенно не затрагивая автора «Моления», Псевдо-Даниила, но дополнив данные челобитья Даниила теми летописными материалами, которые могут быть предположительно связаны с его творчеством.

Родившийся, по всей вероятности, где-то на юге, быть может во владениях трепольских «Володимеричей» (вспомним беседу с Ростиславом Владимировичем), примерно в 1160-е гг., юноша из семьи свободных людей, получив хорошее образование, оказался в далекой Суздальщине. Мы никогда не узнаем, уехал ли Даниил с князем Ярославом Владимировичем в 1182 г. в Новгород и оттуда в 1184 г. прибыл вместе с изгнанным князем во Владимир или же он отправился во Владимир из Киева в 1184 г. в составе свиты нового епископа Луки, бывшего ранее игуменом Спасского монастыря на Берестове, маленького суздальского островка в Киеве. Но как бы то ни было, а искусный скорописец Даниил в 1184 г. оказался во Владимирена Клязьме и здесь при владычном дворе был приставлен к летописному делу.

Новый летописец сразу ввел новую титулатуру, величая Всеволода великим князем. Между прочим, такое же вольное обращение с княжеским титулом мы видим и в том единственном участке Новгородской летописи, который может быть приписан руке Даниила: Ярослав Владимирович назван там тоже в е л к и м князем (1198 г.). Летописец с первых же страниц начал щеголять своим знанием притч и поучений.

Первая статья нового летописца была посвящена истории поставления епископа Луки; здесь противопоставлялось «наскакание» на святительский сан на мзде свободному выбору владыки князем и людьми. Панегирик Луке и пожар Владимира 18 апреля 1184 г. дали случай новому летописцу полностью развернуть свое литературное дарование, блеснуть своим риторическим стилем, положившим резкую грань между статьями 1183 и 1184 гг.

Появление владыки-киевлянина (и возможно летописца-киевлянина) резко сказалось и на тематике владимирской летописи 1180-х гг. После перерыва в освещении южных событий теперь на страницы летописи заносится с большими подробностями поход на Ерель, завершившийся разгромом Кобяка 31 июля 1184 г.

На следующий год Даниил записывает поход Игоря Святославича. Неопытность летописца сказалась в том, что в рассказе о первом походе он, увлекшись риторическими вставками, выпустил очень важный раздел о двух битвах и в результате в его тексте получилось так, что семитысячное войско 417 ханов было разбито будто бы только одним авангардом Владимира Глебовича. В описании похода Игоря 1185 г. Даниил тоже по неопытности слил воедино рассказы о двух разных похо-

⁶⁹ Размеры этой работы не позволяют подвергнуть подробному анализу те статьи ростовского летописания, которые продолжают линию летописца, сопоставляемого с Даниилом в эпоху Константина (ум. в 1218 г.) и даже до 1227 г. Эти интереснейшие материалы должны быть предметом специального исследования.

дах этого года — февральском и апрельском. Отсюда совершенно нелепая фраза «и сняшася у Переяславля Игорь с двема сынама...» Эта ошибка — лучшее доказательство непричастности какого-либо переяславского летописца в информировании своего владимирского собрата. Так ошибиться — заставить Игоря делать крюк во много сотен верст, мог только человек, весьма далекий и от Переяславля и от истинного маршрута Игоря.

Даниил, очевидно, слышал что-то о замысле Святослава встретиться с Ольговичами у Переяславля в феврале 1185 г., но спутал это с реальным сепаратным походом самого Игоря. В рассказе Даниила ощущается враждебный Игорю источник, может быть близкий к киевской летописи Святослава, но во всех риторических вставках видно стремление автора смягчить осуждение Игоря («не оставить бо господь праведнаго в руку грешничию»). Важно отметить возрождение живого интереса к делам далекой Южной Руси.

В полном блеске своего афористического стиля Даниил выступил при описании рязанской войны 1185—1186 гг. С этого времени появляется и внимание к свояку великого князя, ещё к одному южанину — Ярославу Владимировичу.

Так и вел он несколько лет хронику больших и малых княжеских дел, повествуя о походах, о посольствах, о рожденьях и свадьбах, о постройках церквей. В важных случаях он разукрашивал текст цитатами; будничные дела излагал ясным, сочным языком. Церковное и житейское уживалось рядом. Пожар 1184 г. вызвал и вдохновенный набор выдержек из Иова и Исаяи и деловой перечень разнообразного добра, вынесенного от пламени из храма на церковный двор.

Интересны социальные мотивы в этом разделе летописи. С самых первых строк высказывается порицание церковной симонии и определяется роль светской власти в назначении епископов: «его же бог позовет... князь въсхочетъ и людье». Епископ Лука прославляется за то, что «ласков же ко всякому — богату и убогу», за то, что пасет свое стадо «нелицемерно... и с рассмотреньем». Летописец подчеркивает нестязательность Луки. В поучении по поводу пожара говорится о человеческой несправедливости и беззаконии, о неправедном суде и клевете.

Летописец не является, однако, сторонником христианского смирения и всепрощения. Он несколько раз настойчиво повторяет, что «брань славна лучьши есть мира студна!».

Наиболее полно и резко социальные воззрения автора, как мы помним, выявились в поучении по поводу пожара 1192 г. Блестящее и страстное поучение написано в защиту погорельцев, горожан Владимира, оказавшихся без хлеба и крова. Автор не ограничился призывом к благотворительности («раздроби алчымъ хлеб свой и убогя без храма сущая введи в дом свой»), но стремился приостановить неизбежный в этих условиях процесс закабаления обездоленных горожан боярской верхушкой.

Свой голос Даниил обратил, очевидно, к самому князю, так как только он и был в силах «разрушить оковы несправедливости, уничтожить незаконные записи».

Но, по всей вероятности, властный летописец переоценил свои публицистические возможности — его голос надолго замолк; летопись перешла в руки бесцветного хрониста, простого регистратора событий, а Даниил «бежа от лица художества своего».

Своим выступлением против практики закупничества или холопства по ряду («вписанье неправедно») Даниил навлек на себя гнев князя или владимирского боярства и был изгнан «аки Агарь рабыня от Сарры, госпожи своея».

Жизнь Даниила Заточника в последующие пять лет известна нам по

его «Слову». Он лишен княжеского покровительства, каждый может его обидеть; он предельно беден, плохо одет, в его доме протекает крыша... у Даниила остались воспоминания. Воспоминания о пирах с друзьями, о переписке с князем, о беседах с князем Ростиславом о том, что «мужеви лучше смерть, ниже продолжен живот в нищети». Воспоминание о том, как он пытался выразить письменно тяготившие его душу мысли и как ему пришлось отказаться от написанного. Воспользовавшись пребыванием Ярослава Владимировича по соседству с озером Лаче, Даниил отправил ему продуманную и тщательно написанную челобитную, вслед за которой явился, очевидно, и сам. Вся его надежда — на княжескую милость, щедрость. Князь Ярослав Владимирович должен знать, что Даниил оказался в нищете не по своей вине и уж никак не в силу отсутствия способностей. Даниил может быть скорописцем, оратором, послом. Надо думать, что в 1197 г. Ярослав Владимирович, отправляясь в замиренный Новгород, не преминул воспользоваться услугами столь ценного человека.

Недолг был срок пребывания Ярослава в Новгороде, немногочисленны следы Даниила Заточника в новгородском летописании.

С уходом Ярослава на юг связано, очевидно, и перемещение на юг его скорописца — Даниила. По всей вероятности, оба они были при дворе княжича Ярослава Всеволодича в Переяславле Русском. Здесь Даниил писал о южных делах, о войне Романа против Рюрика и вложил в свое повествование всю горечь ненависти сыновей «царя Владимира» к их недавнему сюзерену Рюрику. В основных чертах это совпадало с политикой Всеволода.

Вполне возможно, что к этому времени сбылась мечта Даниила и он вел посольские дела, связывая Переяславль с Владимиром. Во всяком случае в его летописи 1200—1205 гг. уделено очень большое внимание описанию различных посольских пересылок.

С наступлением мира в Киеве, когда Рюрик был насильственно пострижен в монахи, а Роман стал великим князем, Даниил покинул юг и снова оказался в Северо-Восточной Руси.

Однако он выступает здесь не как великокняжеский или владычный клеврет — он предстает перед нами с 1205 г. в качестве летописца-панегриста княжича Константина, литературная продукция которого лишь частично попала во владимирское летописание.

У Константина, старшего сына Всеволода, очевидно рано наметились какие-то конфликты с властолюбивым отцом. В судьбе первенца большое участие принимала его мать — княгиня Мария Шварновна.

Здесь стоит вспомнить, что ее родная сестра, Елена Шварновна, была женой Ярослава Владимировича, адресата и покровителя Даниила Заточника. Предполагаемый конфликт Даниила со Всеволодом в 1192 г. в этих условиях мог лишь содействовать его сближению с Константином. Кроме того, сближению с Константином могла содействовать, во-первых, известная начитанность и книжность князя, а, во-вторых, то, что озеро Лаче, где у Даниила могла быть какая-то собственность, оберегаемая от боярских рядовичей и тиунов, входило в состав ростовских княжеских владений Константина.

Описание первых самостоятельных шагов Константина Всеволодича сделано так, что на каждой странице напоминает нам «Слово Даниила Заточника», в частности темой милостыни, щедрости к бедным. Возможно, что социальное положение Даниила теперь определилось тем, что он вошел в ряды церковников, чего еще не было в момент написания «Слова». В своих гиперболических похвалах Константину он называет князя отцом «всем церковником и нищим и печальным». Умолчание о чернецах может говорить о принадлежности Даниила в это время к белому духовенству, а не к монашеству.

Связав свою судьбу с князем Константином, Даниил, очевидно, сопровождал его повсюду: в Новгород, в рязанский поход, в удельный Ростов, во Владимир. В условиях споров о престолонаследии задача летописца состояла в том, чтобы сгладить противоречия между отцом и сыном, а после смерти Всеволода — вражду Константина с братьями.

Лаврентьевская летопись сохранила фрагменты ростовской константиновской летописи, где Константин показан послушным сыном, а Всеволод — любящим заботливым отцом, отстаивающим старшинство своего старшего сына. Возможно, что эти статьи ретроспективны, что они написаны спустя несколько лет после самих событий и должны были изобразить эти события в сильно идеализированном виде. Так, битвы с братьями изображены здесь совершенно по-иному, чем в других летописях: «приходи Юрги князь с Ярославом к Ростову и умиришася с Костянтином» (1212 г.). Из этой обтекаемой фразы никак нельзя выявить, что зачинщиком войны был Константин, недовольный завещанием отца. Историк постарался завуалировать истинную роль своего патрона.

Возможно, что перу Даниила принадлежит и некролог Всеволода в Лаврентьевской летописи, написанный также в духе сглаживания всех шероховатостей реальной жизни. Здесь нет ни споров о судьбе столицы, ни отказа Константина приехать к отцу, ни схваток с братьями. В панегирическую характеристику Всеволода автор ввел излюбленный им социальный мотив, изобразив умершего князя чуть ли не борцом против боярства. Всеволод жил, по словам некролога, «подавая требующим милостыню, судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших и роботящих сироты и насилье творящих...» Как устойчивы взгляды нашего автора! В 1184 г. он обличает мздоимца-митрополита, в 1192 г. апеллирует к князю против порабощения попавших в беду людей, в 1197 г. предостерегает себе подобных от лихоимства боярских слуг, в 1212 г. ставит в заслугу умершему князю то, что он не считался с мнением бояр, привыкших творить насилие и порабощать обедневших. В 1216 г. летописец похвалит другого покойника — епископа Пахомия — за то, что он «не бе бо хитая от чюжих долгов богатства» и что он обличал грабителей и мздоимцев, будучи щедр к бедным.

Вершиной его творчества можно признать три предсмертных слова князя Константина (сохраненных Никоновской летописью и Татищевым), обрисовывающих облик идеального князя в его отношении к законам, боярству, подданным, к войне и миру.

Даже если сам Константин, князь-историк, оставил какие-то рукописи вроде поучения детям, то включение их в летопись, их окончательная обработка должны были быть делом Даниила. На этой стадии обрисовка идеального князя становилась уже полемическим выступлением, так как фигура умершего Константина неизбежно (и сознательно) противопоставлялась оставшимся братьям — Юрию и Ярославу Всеволодичам, далеким от идеального образа.

Сопоставление «Слова Даниила Заточника» с летописями позволило нам проследить литературную судьбу этого замечательного и своеобразного писателя на протяжении четырех десятков лет. Неопытным владычным отроком начинал он этот путь тогда, когда восходила звезда политического могущества Всеволода Большое Гнездо.

Смелым полемистом, полным молодого задора, ушел он от гнева бояр, оставив в летописи блестящий след своего художества.

При помощи умной, искрометной челобитной, где чужая мудрость была использована как самоцветы при создании целостной вещи златокузнецом, Даниил вырвался из заточения и очевидно получил возможность широко использовать свои способности писателя, оратора, дипломата.

Владимир, Рязань, Новгород, Переяславль Русский, может быть Киев и Чернигов и снова Владимир — вот перечень тех крупнейших русских городов, судьба которых заносилась им, быть может по личным впечатлениям, на страницы своих повествований. Вторая половина жизни Даниила прошла в старинном Ростове при дворе Константина Мудрого, которому Даниил отдал весь свой панегирический талант. Владелец огромной библиотеки, ученый, сам писавший «дела древних князей», собравший вокруг себя целый кружок ученых людей, Константин должен был вызывать искреннее восхищение такого начитанного и талантливого писателя, как Даниил Заточник.

К нашему сожалению, мы слишком мало знаем об этом интереснейшем учено-литературном кружке начала XIII в. Участие в нем Даниила Заточника на правах княжеского историографа вполне вероятно. Мог находиться в этом кружке и будущий автор «Слова о погибели земли Русской» и автор первого русского романа — «Повести о Петре и Февронии», герой которого князь Давид Муромский неоднократно попадал на страницы летописи Даниила (1185, 1186, 1207 гг.).

Можно только пожалеть, что пожар Владимира 1227 г. уничтожил двор князя Константина Всеволодиича и построенный им в 1207 г. Михайловский монастырь, «в нем же трудились иноки русские и греки, учаще младенцев и сгорели книги многие, собранные сим Константином Мудрым»⁷⁰. «Великого сожаления достойно, — добавляет В. Н. Татищев, — что сия преизящная библиотека сгорела, особливо его История и описание земель погибло...»

Тем драгоценнее для нас «Слово Даниила Заточника» и владимиро-ростовское летописание, позволяющие гипотетически восстановить облик одного из интереснейших русских писателей предмонгольской эпохи.

⁷⁰ В. Н. Татищев. Указ. соч., т. III, стр. 221, 266, прим. 625.

А. Г. Кузьмин

К ПРОЧТЕНИЮ ТЕКСТА ВВОДНЫХ СТАТЕЙ
КОМИССИОННОГО СПИСКА
НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

В «Археографическом ежегоднике за 1968 год» помещена небольшая заметка М. Х. Алешковского, в которой он сообщает об «удивительно простом подтверждении», по его словам, ранее высказанного мнения о создании первой редакции Повести временных лет в 1115 г.¹ Он имеет в виду одну строку из вводных статей Комиссионного списка XV в. Новгородской Первой летописи: «А крещеныи князи княжили 127 лет»². Автор приводит также дополнительные аргументы из этого же перечня: упомянут только один новгородский князь — Мстислав Владимирович, а Святополк — единственный из князей, как и в статье 1113 г., назван вторым именем — Михаил.

Однако приведенные автором соображения не могут быть признаны убедительными. Текст перечня в Комиссионном списке совершенно искажен: «Рюрик княжил 17 лет. Олег княжил 30 лет. Игорь княжил 33 лета. Святослав 18 лет. Ярополк 8 лет. А в крещении кьянжи 17 лет. А крещеныи князи княжили 127 лет. Володимер княжи 35 лет. Святополк 3 лета. Ярослав 40 лет. Изяслав 23 лета. Всеволод 15 лет. Михаило, нареченный *Святослав*, 20 лет. *Володимер 21 лет. Володимеричь* Монамах княжи 12 лет. Мьстислав, сын его, 6 лет» и т. д. (курсивом выделены ошибочные чтения). Перечень заканчивается Дмитрием Донским и включает основной ряд великих князей.

Такое обилие ошибок является следствием механического переписывания оригинала позднейшим компилятором (XV в.). Не случайно, конечно, издатель летописи А. Н. Насонов постоянно обращался за разъяснениями к тексту сборника Авраамки. Как раз к отмеченной М. Х. Алешковским строке он указал параллель: «А некрещеныи князи княжили 123 лет»³.

Еще ближе к общему протографу соответствующее место Тверского сборника. Тверской сборник, как известно, в части до 1255 г. использует новгородскую летопись, сходную с младшим изводом Новгородской первой летописи. В перечнях князей во вводных статьях этого сборника отразились разные источники. Так, в летописи дается перечень от греческого императора Михаила до Ярослава, сходный с перечнем Повести временных лет и восходящий, видимо, к одной из редакций киевской

¹ М. Х. Алешковский. К датировке первой редакции Повести временных лет. — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 71—72.

² «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 466.

³ Там же, стр. 466, прим.

летописи XI в.⁴ После этого летопись передает перечень общего с Новгородской первой летописью протографа: «А Рюрик княжи в Новгороде 17 лет до Олгова княжения. А всего княжения до крещения 127 лет. А по крещении Володимерь княжи 27 лет, а до крещения 8 лет. По нем Святополк княжи 3 лета. Ярослав княжи 40 лет. Изяслав княжи 23 лета. Всеволод Ярославичь княжи 15 лет. А Михайло, нареченный Святополк, княжи 20 лет. Володимер Всеволодичь Манамах княжи 12 лет»⁵.

Совсем не случайно, что время княжения «некрещеных» князей определялось 127 годами именно новгородским летописцем. В новгородских летописях принятие Владимиром христианства датировано 989 (6497) годом (а не 988, как в Повести временных лет). Число «127» — время от «призвания» Рюрика в 862 г. до 989 г.

Таким образом, материал перечня не дает оснований для предлагаемых М. Х. Алешковским выводов. Но это не исключает его соображений о привлечении в Новгороде киевской летописи, доведенной именно до 1115 г.⁶ Этот вопрос оживленно дебатировался еще в прошлом столетии. Н. Н. Яниш считал, что новгородский летописец использовал киевский источник, доведенный до 1117 г.⁷ И. Сенигов уточнил, что его следует ограничить 1115 г.⁸ Эту же дату отстаивал И. А. Тихомиров, возражая против соображений А. А. Шахматова о Начальном киевском своде конца XI в.⁹ В сущности и Д. С. Лихачев, доводя, как и Н. Н. Яниш, киевский источник до 1117 г., подчеркивал прежде всего его близость к Ипатьевской, а не Лаврентьевской редакции Повести временных лет¹⁰. А как это показал еще Н. Н. Яниш, и с чем согласны М. Х. Алешковский и автор настоящей заметки, текст Ипатьевской летописи во многих случаях лучше сохраняет первоначальную редакцию Начальной летописи, чем Лаврентьевская летопись.

Можно, следовательно, считать, что М. Х. Алешковский еще раз подтвердил вывод об использовании в Новгородской первой летописи киевского источника, доведенного до 1115 г. Это отнюдь не лишне, поскольку работы источниковедов дошахматовского периода практически не известны даже специалистам.

Но с М. Х. Алешковским решительно нельзя согласиться, когда он пытается представить киевский источник новгородской летописи как первоначальную редакцию Повести временных лет. Однако это большая самостоятельная тема. И так как новые факты в летописеведении вообще редки, редакция «Археографического ежегодника» поступила совершенно правильно, поместив заметку М. Х. Алешковского.

⁴ Ср.: А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, стр. 81—89.

⁵ «Полное собрание русских летописей», т. XV. М., 1965, стб. 12.

⁶ М. Х. Алешковский. Первая редакция Повести временных лет.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969.

⁷ Н. Н. Яниш. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874, стр. 23.

⁸ И. Сенигов. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева. М., 1887, стр. 30.

⁹ И. А. Тихомиров. О начальном Киевском своде. Исследование А. А. Шахматова, ч. I—III. М., 1897.— «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 314, 1897, стр. 495.

¹⁰ Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский переворот 1136 года.— «Исторические записки», т. 25, стр. 253—255 и др.

Г. В. Попов

ПОЗДНЕТВЕРСКАЯ РУКОПИСНАЯ ОРНАМЕНТИКА

(Четвероевангелие конца XV — начала XVI в.
из Иосифо-Волоколамского монастыря)

Об искусстве Твери мы располагаем открывочными данными. При этом нет оснований сомневаться в соответствии его развития общей эволюции древнерусского искусства. Однако каждый этап поступательного видоизменения изобразительных и декоративных форм Твери нуждается в уточнении.

Наименее изученной областью тверского искусства является художественное оформление рукописей, за исключением миниатюр Хроники Георгия Амартола XIV в. (ГБЛ, ф.173, № 100)¹. К настоящему времени имеется единственное обширное исследование лицевых и орнаментированных памятников тверского происхождения (помимо Хроники Георгия Амартола в нем рассмотрены Пролог на март — июнь начала XIV в. — ГИМ, Син. 246; Мерило Праведное середины того же столетия — ГБЛ, ф.304, № 15; Лествица 1402 г. — БАН, собр. Тимофеева, № 9; Лествица 1404 г. — ГИМ, Чуд. 219; список Киево-Печерского патерика 1406 г. — ГПБ, QI. 131; Слова постнические Исаака Сирина 1416 г., написанные иеромонахами Авраамием и Исаакием в Саввино-Сретенском монастыре. — ГПБ, QI. 207; Евангелие 1417 г., написанное диаком Илией при Спасо-Преображенском соборе — Калининский областной краеведческий музей, инв. № 1893; Устав церковный 1438 г. письма диака Андрея — ГИМ, Син. 331)². Охватывает оно лишь круг древнейших рукописей. Памятники второй половины XV в. не стали предметом подробного об-

¹ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, стр. 11—48 (в работе указан наиболее полный перечень литературы); см. также: Т. Б. Ухова. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 22. М., 1960, стр. 182—183; О. И. Подобедова. К истории создания тверского списка Хроники Георгия Амартола. (V Международный съезд славистов). М., 1963; Г. И. Вздорнов. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола (по русскому лицевому списку XIV в.). — «Седьмая Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 63—64; «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР». — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 212 (№ 411); Т. В. Николаева. Собрание древних рукописей. — «Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники». М., 1968, стр. 171—172; Г. И. Вздорнов. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. — «Византийский временник», т. XXX. М., 1969; Г. В. Попов. Пути развития тверского искусства в XIV — начале XVI вв. (живопись, миниатюра). — «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств. XIV—XVI вв.» М., 1970, стр. 314 и сл., рис. на стр. 311.

² Г. И. Вздорнов. Рукописные книги Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков как памятники искусства. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 8—11; то же, машинопись, канд. дисс., стр. 150—265.

зора. Их основная масса, кроме Четвероевангелия 1478 г. в собрании Государственного краеведческого музея Татарской АССР, инв. № 8772 (Казань)³, остается невыявленной⁴. Нет необходимости указывать на важность восполнения этого пробела.

Именно такую цель преследует настоящая статья.

Рассматриваемое здесь Евангелие тетр из Иосифо-Волоколамского монастыря хранится в Отделе рукописей ГБЛ (ф. 113, № 31) и принадлежит к числу малоизвестных памятников⁵. Его тверское происхождение устанавливается по записи, сделанной на форзацном листе: «Евангелие тверское словет по полем числа». Надпись выполнена почерком XVI в. и, вероятно, относится к периоду составления древнейшей сохранившейся описи Иосифо-Волоколамского монастыря, т. е. к 1545 г. Данные о Евангелии в описи текстуально совпадают с приведенной записью: «Евангелие тферское словет по полем писаны числа»⁶. Нет оснований относиться с недоверием к этим сведениям — опись 1545 г. один из самых надежных источников по истории собрания монастырских древностей. Особое внимание при ее составлении обращалось на источник поступления икон, утвари и книг. Здесь скрупулезно отмечено новгородское, московское или иное их происхождение.

Тверское же происхождение Евангелия, как увидим, подтверждается и характером его орнаментации.

Евангелие № 31 размером в 4° (20,8×15,1 см) содержит 275 листов; чистый лист между лл. 6 и 7 не нумерован. Оно написано на бумаге мелким, четким полууставом позднего XV в., с обилием выносных и надстрочных знаков, одним почерком. Основная часть рукописи (лл. 1—266) написана на бумаге одного сорта. Ее водяной знак — «голова быка с крестом и змеей». Общая высота знака — 17,6 см (при колебаниях ±0,1 см) при ширине (по концам рогов) около 3,3 см. Ширина понтюзо колеблется от 3,4 до 3,6 см. Количество вержер на 1,0 см — 10. Наиболее близкой аналогией филиграни (при некоторой разнице в частоте вержер) по справочнику Брике⁷ является знак под № 15391 в рукописи 1498 г. В справочнике Пиккарда⁸ ей соответствует знак под № XII-196, имеющий место в рукописях 1498—1503 гг. Последние листы Евангелия (лл. 267—275) написаны на особом сорте бумаги со знаком «голова быка с пятилепестковой розеткой и треугольником». Его высота 15,5—15,7 см, ширина (по концам рогов) 3—3,2 см при ширине понтюзо 3,45—3,55 и при 10 вержерах на 1,0 см. В справочнике Брике ему соответствует филигрань под № 14874 из рукописи 1489 г., в справочнике Пиккарда — две близкие филиграни, № XII-784 и 787, встречающиеся в рукописях соответственно 1485—1488 и 1485 гг. Отличие последних ли-

³ А. И. Рогов. Русские рукописи Государственного музея Татарской АССР в Казани. — «Археологический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 311—312, рис. 1—3; Г. В. Попов. Пути развития тверского искусства в XIV—начале XVI вв. (живопись, миниатюра), стр. 312, 318, 327—328, 350—351. Кроме миниатюр Евангелие имеет четыре инициала на лл. 9, 92, 147, 238, несколько балканских заставок, киноварных и выполненных темперой с применением золота, и киноварных заголовков с довольно развитыми элементами вязи.

⁴ Несколько орнаментированных тверских рукописей XVI в. хранится в Государственном архиве Калининской области (далее — ГАКО) и Калининском областном краеведческом музее. Интересное орнаментированное Четвероевангелие конца XV в. имеется в Калезинском районном краеведческом музее (№ 914), но его происхождение требует уточнения.

⁵ О нем см.: П. Строев. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского. СПб., 1891, стр. 52—53 (№ XII датировано XVI в.); Иосиф. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, стр. 6 (№ 19 датировано XV в.).

⁶ В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, прилож., стр. 9.

⁷ С. M. Briquet. Les filigranes, vol. I—IV. Paris, 1923.

⁸ G. Piccard. Die Ochsenkopf—Wasserzeichen, Findbuch II, 1—3. Stuttgart, 1966.

остальные украшения. Первая группа «писана» на золотом фоне, вторая — на серебряном. Кроме этого существенного различия каждая из групп обладает рядом особенностей исполнения и трактовки орнаментальных мотивов.

Возможно также, что работа мастеров протекала на разных стадиях готовности рукописи. Первый художник мог оформить заранее чистые листы, второй — украсить соответствующие листы уже написанного Четвероевангелия. В пользу высказанного предположения говорит следующее: инициалы на лл. 7 и 199 старательно обойдены писцом; принадлежащий второму мастеру инициал на л. 79 заходит на текст, его заставки на лл. 199 и 254 в нескольких местах перекрывают киноварные заголовки⁹. Таким образом, позднейшее включение в работу второго мастера несомненно. Первичность же появления буквиц на лл. 7 и 199 по отношению к тексту заставляет предполагать, помимо отмеченного обстоятельства, сложность их силуэта, рисунок которого было трудно предусмотреть заранее.

Все пять заставок Четвероевангелия выполнены в неовизантийском типе. В инициалах встречается нередкое для этого времени соединение признаков балканской и неовизантийской орнаментики. Параллельно с этим и в заставках (л. 79) и инициалах (л. 7) наблюдается отход от этих орнаментальных типов.

Обратимся к работам первого мастера.

Его заставка на л. 7 принадлежит к широко распространенной на рубеже XV—XVI вв. простейшей схеме — прямоугольник с двумя кругами, в каждый из которых в свою очередь помещены четыре малых¹⁰. Свободная от геометрических построений плоскость заполнена строго симметричными бутонами и цветами. Углы заставки декорированы неовизантийскими бутонами. В обрамление вписан пояс так называемых «раздвоенных лепестков». Золото фона, звучность сочетания вишневого (близкого к бакану), голубого, зеленого и вкраплений оранжевого создают декоративный эффект, сходный с орнаментальными украшениями столичных рукописей позднего XV в., построенный, как и в последних, на «ковровом» сопоставлении разнообразно окрашенных, drobных элементов. Тщательность и виртуозность отделки ставят заставку в один ряд с современными ей наиболее профессиональными произведениями этого рода. Каллиграфичность, ярко выраженный геометризм, статичность и измельченность форм соответствуют парадному стилю орнаментации.

Теми же качествами отмечено исполнение характерного по рисунку условно-растительных форм для рукописей конца XV—начала XVI в. инициала «К».

По-видимому, этому же мастеру следует приписать и заголовок л. 7. В отличие от остальных заглавных текстов рукописи — киноварных — он выполнен золотом, особым почерком. Его буквы крупнее, тоньше прорисованы и вытянуты по вертикали. В практике украшения древнерусских рукописных книг совмещение профессий «заставочного» писца и писца «золотного» (златописца) не было редкостью¹¹. То, что автор заставки и инициалов на лл. 7, 199 только один использует в своей работе золото, позволяет с большей уверенностью рассматривать его и как писца заголовка. Ажурный силуэт букв заглавия зрительно служит связующим звеном между заставкой и инициалом и, в свою очередь, связывает их с текстом. В соединении с ними заголовок усиливает впечатление

⁹ Вероятно, его инициал «П» на л. 125 закрыл предлог «въ» в начале третьей строки, который затем был проставлен как надстрочная лигатура.

¹⁰ Аналогичные по типу заставки см.: Т. Б. У х о в а. Указ соч., рис. 150, 160.

¹¹ Е. В. Зацелина. К вопросу о происхождении старопечатного орнамента.—«У истоков русского книгопечатания». М., 1959, стр. 134.

драгоценной «украшенности» листа — эффект, особенно ценимый в период создания Четвероевангелия. Слитность всех декоративных элементов листа также убеждает в их принадлежности одной руке.

При всей общности с соответствующими украшениями столичных рукописей инициал и заставка имеют одну особенность: в их колорите наряду с вишневым важную роль играет плотный голубой цвет, не характерный для гаммы произведений московского искусства позднего XV в. (в последних он имеет теплый зеленоватый оттенок). В местах высветлений голубой заменен светло-серым (угловые бутоны заставки). Вместе сба тона образуют сочетание, достаточно типичное именно для тверской живописной традиции XIV—XV вв.

Вторая работа мастера, инициал «В» на л. 199, изображает змея-дракона, обвившего стержень в виде сдвоенных неовизантийских ветвей. Мотив инициала восходит к московским рукописям конца XIV—первой половины XV вв., к числу которых принадлежат Евангелия Хитрово (ГБЛ, ф. 173/М, № 8657), так называемое «Морозовское» (Гос. Оружейная палата, инв. № 11056), Андрониковское (ГИМ, Епарх. 436), Кошки (ГБЛ, ф. 173/М, № 8654) и т. д. В дальнейшем изображение дракона получило распространение в рукописях 70—80-х годов XV в. и последующего времени, постепенно видоизменяясь и отдаляясь от своего первоисточника¹². Особенно широким было его применение в московских рукописях рубежа XV—XVI вв. Но было бы неверно назвать инициал л. 199 простым повторением современных ему московских букв. Напротив, змей тверского Евангелия и по типу и по цвету имеет отдаленное сходство с аналогичными украшениями столичных рукописей конца XV — начала XVI в.: он лишен крыльев, вместо обычной разноцветной ультрамариново-киноварной раскраски покрыт единым серо-голубым тоном, легко нанесенным по глухой оливковой («болотного» оттенка) подготовке, его голова напоминает голову хищной птицы.

Вероятно, рассматриваемый инициал восходит непосредственно к орнаментации группы указанных ранних рукописей. Особенно близок он к инициалу «В» на л. 3 Евангелия Хитрово, являясь его почти точным зеркальным повторением. Инициал тверской рукописи несколько отличается от него более пестрым колоритом и определенностью форм, сменивших «воздушность» раннего образца¹³. Художник противопоставляет плоскостность стержня четкому объему змея. Особенно тщательно он прорисовывает голову. Контрастное сопоставление освещенных частей с глубоко затененными повышает ее пластичность. Моделировка заканчивается энергичными белильными отметками, выявляющими форму. Более условно трактуется объем туловища с разделкой чешуи в виде двойных кругов. Сложность, многослойность раскраски, к которой прибегает художник, и активное использование белил не характерны для столичной орнаментики этого периода, где главную роль играют тонко

¹² В большинстве позднейшие инициалы повторяют определенный тип дракона (см. Е. В. Зацепина. Указ. соч., рис. 9, 4 на стр. 121; М. М. Постникова-Лосева, Т. Н. Протасьева. Лицевое Евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV века.— «Древнерусское искусство XV—начала XVI вв.», М., 1963, рис. на стр. 155; И. Ф. Голубев. Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области. Краткий обзор. Калинин, 1960, стр. 50 (№ 391), рис. 7. Наиболее показательным примером разнообразия отбора копируемых типов украшений может служить Евангелие тетр рубежа XV—XVI вв. из собрания ГБЛ (ф. 73, № 18); см. также «Выставка древнерусского искусства», М., 1913, отд. II, № 25 (Маргарит XVI в. с инициалом «Ч», включающим наиболее близкого рассматриваемому дракона).

¹³ Ср.: В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, табл. 70; Н. Демин. «Троица» Андрея Рублева. М., 1963, рис. на стр. 11. Змей инициала Евангелия Хитрово голубой, стержень зеленый с голубой ветвью, свободное пространство, как и в тверской рукописи, занимает золотой фон.



СЛОВО КТО СЛОВО СЪВЪНІЕ

СѢ ОНЪ КТО СЛОВО СЪВЪНІЕ ПОВѢСТЬ. ОНЪ ЗАТѢСТОВА ПНЫХЪ МАСЬ ВЪЩЕ ТАКОЖЕ ПРѢДАША НАМЪ ИЖЕ ПРѢВАСА МОВИДЦИ И СЛОУГЫ БЫВЪШЕ СЛОВЕСИ И ЗАЛСЛИ МНѢ ПОСАГѢ ДОВА ВЪШОУ БЫШЕ СЕХЪ ИСПЫТНО, ПОРЛОУ ПИСА ТИ ПРѢВЪ ДРЪЖАВНЫИ ФІОФИЛЕ, ДА РАЗОУМѢШИ ОНИХЪ ЖЕ МОУЧИ СЛѢСИ СЛОВЕСЕХЪ ОУТВѢРЖЕНІЕ. БЫВЪ ДНИИ РѢДА ЦРКВІ ОУДЕНІСА. НЕРЕН ПѢКЫИ ИМЕНЕМЪ ЗАХАРІА. ШДНЕ ВЪНЫ АУРѢ ДЫЛВІА МЛ. ИЖЕ НА СГО, ШДЪ ШЕРІИ ААРОНОВЪХЪ. ИИ МЛ ЕИ РЛСА СЕ. КС. НА ЗА ПІЕ ІШ КРГЛА. БЪШЪ БЫВЪ ДН

гла 125

С
З
В

Евангелие тегр, л. 125

найденные сочетания простых в своей основе сближенных тонов. Живописная манера автора инициала более традиционна. Разницу с московскими произведениями усиливает энергичность движения змея, умело сочетающаяся с упрощенным стержнем инициала.

Раскраска змея-дракона напоминает аналогичное изображение в одной из сцен тверской житийной иконы второй половины XV—XVI вв. «Ипатий Гангрский» из собрания Государственной Третьяковской галереи.

реи¹⁴. Плотность красочного слоя, обилие белил и характерный серо-голубой цвет в соседстве с голубым, отмеченные в заставке этого мастера на л. 7, являются отзвуком стилистических признаков тверской живописной культуры. Последнее, без сомнения, важно. Однако определяющим в творчестве первого художника Четвероевангелия представляется утрата специфически местных особенностей, что вообще свойственно искусству позднего XV в., когда нередко черты стиля некогда самостоятельных центров проявляются эпизодически и в деталях второстепенных.

В этом отношении работы второго художника представляют значительный интерес, несмотря на их большую простоту и провинциальность. Заимствуя, как и его напарник, распространенный тип неовизантийского орнамента, исходя из общепринятых схем его построения¹⁵, второй мастер во многом остается представителем местной художественной культуры. Колорит выполненных им заставок на лл. 125, 199 и 254 контрастнее, цвет глуше, а красочный слой — плотнее. Он широко применяет высветление и утолщенный белильный контур. Последний в соседстве с сумрачным мерцанием серебряного фона¹⁶ играет особенно активную роль. Неовизантийские бутоны и листья заставок укрупняются, линии рисунка делаются шире. В отличие от изощренной и дробной орнаментики рубежа XV—XVI вв., особенно московской, здесь появляются крупные локально окрашенные, контрастно сопоставленные плоскости. Все свободно пространственно заставок заполнено элементами орнамента. Насыщенность форм, их укрупнение (см. лл. 125 и 254) вместе с преобладающим звучанием голубого и серого цвета создают необычное для конца XV в. впечатление. В силу своего размера детали приобретают некоторую самостоятельность. При этом нередко их группировка внутри заставок носит оттенок случайности (розетки в заставке л. 125, заставка на л. 254). Укрупнение заставок и, соответственно, большинства составных элементов каждой из них в соединении с малым форматом рукописи лишает декорацию титульных листов, выполненную вторым мастером (лл. 79, 125, 254), характерной для эпохи уравновешенности, возникающей как следствие точно найденной соразмерности главных и второстепенных частей — заставок, инициалов, текста. Заставки и, отчасти, инициалы («З» на л. 79) второго мастера со своими масштабами, фактурностью, почти рельефностью, и измельченные буквы писца воспринимаются как явления прежде всего разные по назначению (первые сродни декоративной росписи или шитью, рассчитанным на пространственный обзор).

¹⁴ В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи. Государственная Третьяковская галерея, т. I. М., 1963, табл. 147, 148.

¹⁵ Аналогии для заставок — на л. 125; Т. Б. Ухова. Указ. соч., рис. 165, 169 (см. единый принцип размещения); на л. 199: там же, рис. 164; на л. 254: там же, рис. 199, 201—205, 211, 212, 215, ср. также рис. 36. Инициалы, близкие к «З», см.: Э. И. Конихова. Славянорусские рукописи XIII—XVII вв. Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ (Описание). М., 1964, рис. на стр. 31; А. Н. Свирин. Искусство книги Древней Руси. XI—XVII вв., М., 1964, стр. 245. Инициал «П» на л. 125 также нередок для своего времени. Способ объединения розеток неовизантийской ветвью-стержнем в заставке на л. 125 напоминает сходный прием в заставке на л. 36 Книги пророков 1489 г. (ГБЛ, ф. 173, № 20; А. Н. Свирин. Указ. соч., рис. на стр. 233). Впрочем, и он не выходит за рамки общепринятого в орнаментике неовизантийского типа.

¹⁶ Применение серебра в иконописи относится к раннему периоду (до XIV в.). В памятниках, связанных с Тверью, оно встречается и позднее («Богоматерь Одигитрия» Анны Микулинской конца XIV — начала XV в. в Загорском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике; о ней см.: Ю. А. Олсуфьев]. Опись икон Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1920, стр. 80—82, 226). Серебряные украшения в рукописях встречаются редко. Но в Твери использование серебра и его заменителей (олово и др.) имеет место даже в рукописях XVI в.; например, Четвероевангелие — ГАКО, ф. 1409, № 250 (л. 333), Апостол — там же, № 419 (л. 117 об. и др.), Пролог за декабрь-февраль — там же, № 1184 (с л. 242).

В таком подходе к орнаментике выявилось не только иное, лежащее вне современной столичной практики, понимание задач книжного оформления, но и более архаическое, не утратившее связи с «активизированной» трактовкой орнамента, существовавшей еще в период бытования тератологии, восприятие устоявшихся ко времени создания рукописи форм. Данная особенность не есть индивидуальная черта мастера или центра, с которым он был связан. Нечто подобное наблюдается в ряде современных Четвероевангелию рукописных памятников провинциального (по отношению к Москве) происхождения.

Сказанное сохраняет свое значение и для заставки на л. 199, наиболее изящном произведении художника, где идущая от лучших рукописей схема неовизантийского типа воспроизводится им без всяких изменений, в «чистом» виде.

Л. 199, в украшении которого принимали участие оба мастера, интересен приемом замены в тексте обычных киноварных (или чернильных) точек серебряными. Последние призваны зрительно объединить собой лист и создать равновесие между «роскошным» золотофонным инициалом первого художника и остальными элементами его оформления. Одновременно они должны были усилить декоративную насыщенность листа, довести его, в силу малого размера открывающей текст Иоанна заставки, до уровня звучания остальных титульных листов рукописи.

Среди работ второго мастера выделяется своим мотивом заставка на л. 79 перед Евангелием от Марка. В ее прямоугольное обрамление заключены две симметричные розетки с вписанными в них кругами. Розетки, фон и углы заставок украшены неовизантийскими листьями и бутонами. Образованное двумя окружностями пространство состоит из вишневых и зеленых (с оливковым оттенком) плоскостей, заполненных типичными для последней четверти XV в. и первой половины — середины следующего столетия белыми и охряными «усиками», восходящими к рукописям типа «Буслаевской» Псалтыри с воследованием 80-х годов XV в. (ГБЛ, ф. 304, № 308)¹⁷ и ставшими обязательным атрибутом позднего неовизантийского и старопечатного стилей. Впервые, как кажется, аналогичная заставка появляется в Книге пророков 1489 г. (л. 69), написанной и оформленной в Москве для великокняжеского дьяка Василия Мамырева¹⁸. В дальнейшем этот мотив, постепенно видоизменяясь в сторону приближения к нормам неовизантийского орнамента, получает широкое распространение в рукописях конца XV — первой половины XVI в.¹⁹ Переработка коснулась и рассматриваемого произведения. В отличие от своего протооригинала розетки л. 79 заполнены не лепестками цветов, а обычными для позднего времени неовизантийскими формами. Раскраска розеток также не имеет ничего общего с соответствующими деталями заставки Книги пророков, в которой основную роль играет навеянное западноевропейскими гравюрами сочетание коричневых и зеленых тонов. Исчезает перьевая прорисовка, краски теряют акварельность, становясь, как и в остальных работах мастера, плотными и насыщенными. Сопоставление рассматриваемой работы второго мастера

¹⁷ «Образцы письма и украшений из Псалтыри с воследованием по рукописи XV в... с введением Ф. Буслаева». СПб., 1881, табл. 28—33, 35—44.

¹⁸ Е. В. Зацепина. Указ. соч., стр. 126—129; Т. Б. Ухова. Указ. статья, рис. 28б; А. Н. Свириин. Искусство книги древней Руси. XI—XVII вв., стр. 101—103, рис. на стр. 231—234; подробнее о памятнике и его происхождении см.: В. А. Кучкин, Г. В. Попов. Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая Книга пророков 1489 г.— «Художественная жизнь Москвы конца XV — начала XVI в.» (в печати).

¹⁹ В. А. Кучкин, Г. В. Попов. Указ. соч.; см. также: И. Ф. Голубев. Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области. Краткий обзор. Калинин, 1960, рис. 6. Рукопись (Четвероевангелие.— ГАКО, ф. 1409, № 250) датирована автором XV—XVI вв., хотя, несомненно, относится к XVI в. (ср. заставку в Пятидесятнице 1541 г. из Троицкого собрания.— ГБЛ, ф. 304, № 146, л. 1).

с соответствующими заставками других рукописей показывает однако, что розетки тверского Евангелия тетр во многом повторяют схему построения исходного типа — заставки на л. 69 рукописи Василия Мамырева. Это характерно для наиболее ранних заставок данного вида. Последнее обстоятельство позволяет с известной долей вероятности сузить датировку исследуемой рукописи, ограничив ее концом XV в.

В то же время в инициалах рукописи, особенно «К» на л. 7, наблюдаются признаки, характерные для памятников рубежа XV—XVI вв.²⁰ Они не только в подмене балканского орнамента неовизантийским — то же заметно в инициалах «З» и «П» на лл. 79 и 125 Четвероевангелия, где имеет место сохранение системы построения, распространенной в рукописях 70—80-х годов XV в. с балканским оформлением, вообще нередкое для работ 80—90-х годов, особенно московских²¹. Главное здесь — в привнесении эффекта случайности, произвольности их соединения («К»). Причина этого кроется не только и не столько в отказе от предельно геометризованного балканского орнамента и обращении к неовизантийскому декору, не утратившему связи с растительной природой, сколько в попытке выхода из системы последнего. Данная черта, в какой бы минимальной форме она здесь не проявлялась, присуща именно рубежным памятникам, появившимся незадолго до сложения орнамента старопечатного типа (первое десятилетие XVI в.).

Декоративное оформление рассматриваемой рукописи находит параллели во многих современных ей памятниках. Анализ ее орнаментики на широком фоне рукописных украшений конца XV—начала XVI вв. был бы, несомненно, важен и показателен. Однако подлинно принципиальный характер результаты такого рода исследования приобретают при ее сопоставлении с декором московских памятников. Это обусловлено расстановкой сил в художественной жизни периода создания Четвероевангелия: ее отличительным признаком являлась все возрастающая роль Москвы как ведущего центра древнерусского искусства; степень же самостоятельности большинства остальных центров (в основном за исключением Пскова и Новгорода) была как бы обратно пропорциональна степени зависимости их искусства от искусства Москвы. Вторая причина, обуславливающая выбор названного круга памятников для сравнительного анализа, заключена в характере заставки на л. 79 Четвероевангелия. Как отмечалось, ее орнамент восходит к оформлению столичной рукописи типа Книги пророков 1489 г., причем определенность ее зависимости от указанного протооригинала предполагает едва ли не прямое обращение к памятнику московского происхождения.

Украшения Четвероевангелия № 31 из Иосифо-Волоколамского собрания ГБЛ вскрывают определенную сложность художественной жизни Твери позднего XV в., а также некоторую неоднородность творчества его оформителей. У первого из них черты тверского искусства выявились ярче в «изобразительном» мотиве — драконе инициала «В» (л. 199), почти не найдя места в его наиболее сложной и ответственной работе — заставке на л. 7; у другого эти черты нашли отражение именно в орнаменте, его интерпретации и, главным образом, раскраске. Вместе с тем в произведениях мастеров наблюдается активное воздействие столичного искусства, определившее не только характер используемых мотивов, но и некоторые ремесленные приемы, главным образом первого из них (оранжевая подготовка под золото, система парных штрихов и т. д.). Украшения Евангелия иллюстрируют завершающий этап развития твер-

²⁰ Ср. аналогичный инициал: А. Н. С в и р и н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, рис. на стр. 71.

²¹ Ср.: «Образцы письма и украшений из Псалтыри с исследованием по рукописи XV в. ...с введением Ф. Буслаева», табл. 16, 19, 20, 22—25.

ского искусства, постепенно входившего в сферу влияния художественных вкусов Москвы. В этом плане рукопись при всем ее высоком качестве не представляет уникального явления. Значительное число современных ей рукописных памятников обнаруживает аналогичную картину. Тем не менее в оформлении каждого из них при ближайшем рассмотрении соотношение между московской и местной художественными культурами оказывается различным. Оно определяется традиционными связями центра, где изготавливалась та или иная рукопись. Вопрос о месте памятника столичной ориентации конца XV в. приобретает особый интерес и важность для Твери, искусство которой в течение почти полутора столетий создавалось в обстановке ярко выраженного противодействия политике Москвы.

Художественная культура Твери и связанных с ней городов развивалась как один из вариантов многообразного искусства Северо-Восточной Руси. Тверские памятники никогда не теряли сходства с произведениями таких центров, как Ростов, Суздаль, а на раннем этапе (до второй половины — последней четверти XIV в.) — Москва. Активное воздействие на живопись и миниатюру Твери в древнейший период (рубеж XIII—XIV вв.) оказало искусство Новгорода. Расцвет тверского искусства приходится на конец XIII—XIV в. В этот период создаются наиболее своеобразные, эмоционально и живописно насыщенные памятники. Конец XIV—XV в. приносят Твери знакомство с классическими формами «палеологовского ренессанса». Отчасти их проводником являлась Москва. Уже в начале XV в. московские художники оказали заметное влияние на иконопись Твери. Знакомство с палеологовским и московским искусством определило наиболее значительные достижения тверской живописи вплоть до второй половины — конца XV в., когда обращение к палеологовским формам утрачивает актуальность, а воздействие столичного искусства приобретает повсеместный характер. Последнему не могла противостоять тенденция тех лет к программно осуществляемой архаизации. Вызванное ею к жизни направление, стремившееся базироваться на достижениях собственной традиции XIV в., к XVI в. трансформировалось в типично провинциальное, лишенное какой-либо местной окраски явление²².

В силу исторических условий архаизирующие элементы были характерны для искусства Твери на протяжении всей истории его развития. Но если в начале XIV в. они были продиктованы стремлением к воссозданию художественных норм домонгольского периода, то позднее наличие архаизации в значительной степени обуславливалось спадом политической активности Твери и вызванным данным обстоятельством обращением к искусству собственного «золотого века». В конечном счете архаизирующие формы должны были отступить перед широкой волной московско-общерусского влияния.

Таким образом, столичный оттенок в оформлении рассматриваемого Четвероевангелия конца XV — начала XVI в. не мог явиться чем-то неожиданным. Правда, эволюция рукописного орнамента специфична и стоит в зависимости от письменной традиции, имевшей в некоторых случаях собственный путь развития. Все же последний зачастую соответствовал общекультурной направленности того или иного центра в определенную эпоху, отражал широту его связей и интересов. Отмеченная закономерность распространяется и на область книжного оформления.

К XV в. орнамент тверских рукописей прошел путь развития от старовизантийских форм к тератологии. Начиная с первых лет XV в. в твер-

²² Н. Н. Воронин, В. Н. Лазарев. Искусство среднерусских княжеств XIII—XV вв. — «История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 27—36; Г. В. Попов. Пути развития тверского искусства в XIV — начале XVI века, стр. 314—353.



ВѢСТЕВОУСТЬВЪНІЕГЛА



ѿпача бѣ слово и слово бѣ
 къ богу, и бѣ слово • Се
 въ иноконикъ богу • въ слѣтѣ
 мѣ быша, и въ негонитъ же бы,
 еже бы • въ томъ животъ
 бѣ, и животъ бѣ съ тѣ
 зкъма • и съ тѣ опъ мѣ
 съ вѣтѣтѣ, и въ марго не обѣтѣ •
 Бѣ тѣ къ посланъ бѣга, и мѣ мѣ
 нѣ • съ прѣидѣ въ сѣ дѣтѣ сѣ
 тво, да сѣтѣ сѣтѣ воу рѣтѣ сѣ
 прѣдѣ сѣтѣ роу и моу прѣ мѣ •
 не сѣтѣ сѣтѣ, прѣдѣ сѣтѣ
 лѣ сѣтѣ воу рѣтѣ сѣтѣ прѣ • етѣ сѣтѣ
 прѣ истиннымъ, и же прѣ сѣтѣ
 сѣтѣ великого тѣ ка гѣ рѣ дѣ
 бѣтѣ

Handwritten notes in the right margin.

Handwritten notes in the right margin.

Handwritten notes in the right margin.

Евангелие тетр, л. 199

ские рукописи проникает балканский орнамент. Смена стиля (соответствовавшая изменениям, вызванным вторым южнославянским влиянием и идентичная по времени появлению этого нового орнаментального типа в рукописях других крупных центров) явилась не только результатом прямых связей с Афоном, южнославянскими странами и Константинополем, но также следствием обращения к проникавшим в Тверь рукописным книгам московских собраний. Не случайно первая из известных в настоящее время тверских рукописей с балканским декором — Лествица 1402 г. (БАН, собр. Тимофеева, № 9, л. 3) — представляет собой копию (текста) с экземпляра, принадлежавшего Киприану и написанного им в 1387 г. в Константинополе (ГБЛ, ф. 173, № 152, заставки на лл. III,

нenum. и 1) ²³. Несколько позднее, опять-таки в соответствии с единой периодизацией древнерусского рукописного оформления, в Твери получила известность неовизантийская орнаментика, нашедшая место в Евангелии 1417 г. (Калининский областной краеведческий музей, инв. № 1893, заставки на лл. 11, 106, 169, 281) ²⁴. С первого — второго десятилетия XV в. оба эти орнаментальных типа, балканский и неовизантийский, становятся единственными формами рукописной декорации. Впрочем, сменная ими тератология еще продолжала сохранять свое значение, как это видно на примере инициалов упомянутого памятника 1417 г. ²⁵

В целом развитие рукописного декора Твери на протяжении XIV—XV вв. с очевидностью отражает картину общерусской эволюции этого вида искусства. И начиная с первой четверти XV в. орнаментация тверских рукописей разнится от аналогичной продукции других центров лишь раскраской, более сгущенной, плотной, пробельной, с применением характерных глухих серо-голубых оттенков (наиболее ярким примером в данном случае является Четвoроевангелие 1417 г.). Эти особенности сближают ее с работами оформителей рассматриваемого Четвoроевангелия из Иосифо-Волоколамского монастыря. Однако, позднее, к последней четверти столетия, признаки местной живописной традиции в декоре тверских рукописей становятся все менее очевидными. Основанием для такого вывода служат орнаментальные украшения казанского Евангелия апракос 1478 г., изготовленного по заказу архимандрита Успенского Отроча монастыря в Твери (1461—1477), а затем тверского епископа Вассиана ²⁶. Местом работы над ним был, по-видимому, Отрочь монастырь. Оформление рукописи (за исключением миниатюры с изображением Матфея между лл. 8 и 9) обладает общностью с обширной группой московских Евангелий 70—80-х годов и, вероятно, непосредственно восходит к наиболее ранним из них ²⁷. Орнаментация казанской рукописи балканского типа, по схеме построения и раскраски (заставка на л. 1 выполнена киноварной обводкой) предельно близка к заставкам и инициалам соответствующих столичных рукописей ²⁸. Как и в последних, в памятнике 1478 г. наряду с балканской орнаментикой имеются вкрапления неовизантийских украшений (инициал «В» на л. 238).

²³ Г. И. Вздорнов. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв.—«Труды Отдела древнерусской литературы», т. XXIII. Л., 1968, стр. 174, 189, рис. 1; см. также: В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, л. XCIV, 5 (заставка на л. 1 из списка Киево-Печерского Патерика 1406 г.—ГПБ, Q I. 31).

²⁴ В. Стасов. Указ. соч., л. XCIV, 6—9.

²⁵ Там же, л. XCIV, 10—12. Здесь, как и в ряде рукописей с позднетератологическим оформлением («Грозненская» Псалтырь конца XIV в.—ГБЛ, ф. 304/М, № 8662 и т. д.), использовано золото. В данном случае оно могло явиться результатом подражания неовизантийскому орнаменту, украшавшему рукопись, которой располагал оформитель Четвoроевангелия в качестве образца. В заставках того же памятника наблюдается своеобразная попытка соединения неовизантийской схемы построения и аналогичных по происхождению растительных элементов с навыками прорисовки и раскраски, заимствованными из практики тератологического оформления. Этот прием не единичен и имеет место в московских и новгородских рукописях конца XIV — первой четверти XV вв. Встречается он и позднее. Из современных Четвoроевангелию примеров см.: Псковский стихирарь 1422 г.—ГПБ, собр. Погодина, № 45; «Выставка „История русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности“». Каталог. М., 1959, № 70, илл. 6.

²⁶ См. прим. 3 настоящей статьи; А. И. Рогов. Указ. соч., рис. 1.

²⁷ См., например, Четвoроевангелия 70—80-х годов XV в. из собрания Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ (2 Ag. 78), Московской духовной академии (ГБЛ, ф. 173, № 1), Кириллова-Белозерского монастыря (ГПБ, Кир-Бел. собр., № 44/49), Государственной Третьяковской галереи (инв. № К-5347) и т. д.

²⁸ Ср.: Т. Б. Ухова. Указ. соч., рис. 10, 42, 51.

Декорация Четвероевангелия из Иосифо-Волоколамского монастыря также развивает принципы оформления рукописей 70—80-х годов XV в., в том числе Евангелия 1478 г.; к идущим от них традициям относятся пропорциональное соотношение элементов оформления и текста на листе, схемы построения инициалов (за исключением «К» на л. 7). В то же время декор Четвероевангелия обладает признаками, характерными только для рукописей конца 80—90-х годов (преобладание неовизантийских форм, их качество, повышенная колористическая насыщенность,



Евангелие тетр, заставка на л. 254

ремесленные приемы и т. д.). Как отмечалось, данное обстоятельство свидетельствует, что оформители Четвероевангелия в свою очередь использовали в виде вспомогательного материала современные столичные памятники, или, по крайней мере, были хорошо с ними знакомы. Стилистическая общность казанской и волоколамской рукописей с оформлением столичных рукописных книг 70—90-х годов могла родиться только в результате такого знакомства и была подготовлена всем предшествующим развитием искусства XV в., которое помимо все возрастающей художественной роли Москвы характеризуется единством эволюционного пути для многих древнерусских центров.

Однако определяет специфику декора волоколамского Четвероевангелия не это. Наиболее важным в данном случае представляется то, что его авторы, пусть в разной степени, сохраняют местные традиции, которые позволили им (особенно второму) в условиях существования достаточно жестких норм общепринятой орнаментальной системы добиться индивидуализированных, несомненно тверских по своей природе решений, тем более показательных на фоне орнаментального декора казанской рукописи. Именно отмеченное качество позволяет видеть в этом позднейшем памятнике продолжение наметившейся в период расцвета Твери художественно-стилистической линии и судить о ее устойчивости вплоть до рубежа XV—XVI вв. Последнее особенно важно из-за случайности и неравноценности сохранившихся памятников тверского искусства.

Опись Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. умалчивает о предшествующей истории Четвероевангелия. Тверское происхождение рукописи, как это видно из ее текста и надписи на форзацном листе, зафиксировано на основании устного предания.

Помимо Четвероевангелия в описи 1545 г. указано еще несколько тверских рукописей. Четыре из них отнесены к тверским также на основании устной традиции — «тверские словуть»; о трех рукописях определенно говорится, как о написанных в Твери²⁹. Вкладчиком одной из них

²⁹ В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. Прилож., стр. 9—16.

был Тихон Зворыкин (Взворыкин), соборный старец и казначей Иосифова монастыря³⁰. В начале 20-х годов XVI в. он вел переговоры о приобретении «места в городе во Твери двор поставити»³¹, мог неоднократно бывать в Твери и приобрести там данную им в качестве вклада Псалтырь. «В казне и по келиям» обители также хранилось несколько тверских книг и сборников. Три монастырские рукописи имели калязинское происхождение и семь принадлежали выходцам из Микулина³². Рукописные книги из Твери и городов бывшего Тверского удела попадали в Иосифо-Волоколамский монастырь и в XV в. и позднее. В приписках к описи упомянуты рукописи, перешедшие во владение обители не ранее 50—60-х годов XVI в.³³ Основной же их приток падает на конец XV в. и первую треть следующего столетия.

Как видно из приведенных данных, монастырь располагал значительным числом рукописей тверского происхождения. Их обилие может объясняться расположением Иосифовой обители, к которой прилегали исконные тверские владения. С самого основания монастыря с ним было связано значительное число тверских феодалов и вотчинников, многие из них являлись его вкладчиками³⁴. Среди них княжна Мария Дорогобужская, давшая в монастырь «воздух невелик»³⁵.

В связи с изложенными фактами представляется небезынтесным следующее. В расчищаемой в настоящее время в Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева «Ветхозаветной Троице» 1484—1485 гг. из Иосифо-Волоколамского монастыря, приписываемой старцу Паисию³⁶, неоднократно работавшему с Дионисием, многие стилистические приемы приближаются к живописной манере так называемых Кашинских праздников второй половины XV в., хранящихся в Государственной Третьяковской галерее и Государственном Русском музее (ГРМ). Икона обнаруживает наибольшее сходство с едва ли не лучшим из них — «Воскрешением Лазаря» (ГРМ)³⁷. Очевидно Паисий был волоко-

³⁰ «Акты феодального землевладения и хозяйства» (далее — АФЗиХ), ч. 2. М., 1956, № 53, 58, 83, 86 (1511/1512—1521 гг.). Им была поставлена в монастырь «Троица писмо Дионисиево» (В. Т. Георгиевский. Указ. соч., Прилож., стр. 3).

³¹ АФЗиХ, ч. 2, № 86.

³² В. Т. Георгиевский. Указ. соч., Прилож., стр. 9, 10, 12, 14.

³³ Там же, стр. 20.

³⁴ АФЗиХ, ч. 2, № 13, 65, 86, 157, 200, 253. Вполне возможно, что начало их связей с Иосифом относится к боровскому периоду его деятельности (1477—1479 гг.), когда он посетил Тверь. Житие Иосифа, составленное Саввой Крутицким, рассказывает о посещении им Саввина-Тверского монастыря, находившегося в 18 верстах от Твери («Чтения в Московском обществе духовного просвещения», кн. II. М., 1865, стр. 18—19; В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи, т. III. СПб., 1887, № 1999). Можно предполагать, что путь Иосифа и сопровождавшего его старца Герасима в монастырь лежал через Тверь (упоминаемый в Житии тверской князь, организовавший погоню за Иосифом, — Михаил Борисович, княжил в 1453—1485 гг.; см.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. II. СПб., 1891, стр. 512). Следует также учитывать возможность попадания тверских рукописей в Иосифо-Волоколамский монастырь из Москвы, где в 70-е годы XV в. и позднее осели многие выходцы из Твери (там же, стр. 512—513). Связи же Волоколамского уезда с Тверью намечаются уже в XIII в. («Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.—Л., 1949, № 1—3 и т. д.). О позднейших связях Волоколамска с Тверью свидетельствует также то, что строителем церкви Кирилла Чудотворца 1547 г. в Возмищенском монастыре являлся «тферитин» (А. И. Некрасов. Города Московской губернии. М., 1928, стр. 99—100; М. А. Ильин. Подмосковье. М., 1965, стр. 237).

³⁵ В. Т. Георгиевский. Указ. соч., Прилож., стр. 6; о князях дорогобужских см.: С. А. Шумаков. Из актов тверского Отроча монастыря (7052—7146 гг.). — «Чтения в Обществе истории и древностей российских». М., 1896, кн. 2, отд. 1, стр. 4.

³⁶ В. Т. Георгиевский. Указ. соч., рис. 15, Прилож., стр. 1.

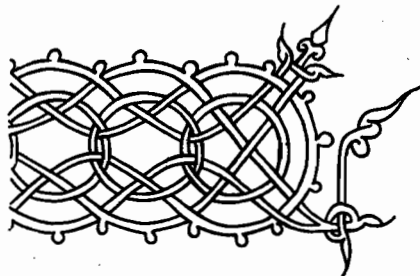
³⁷ «История русского искусства», т. III. М., 1955, рис. на стр. 37. Указанная близость «Троицы» и икон праздничного яруса Воскресенского собора в Кашине определяется колоритом, последовательно осуществленным в них приемом смягчения контуров и достижения вибрации красочной поверхности, а также другими, более мелкими сти-

ламским монахом и входил в состав монастырской мастерской, где некоторое время находились племянники Иосифа Вассиан и Досифей, также помогавшие Дионисию в исполнении монастырских заказов. Материалы о деятельности Паисия следует поставить в связь с указанием составленных крутицким епископом Саввой и Львом — Аникитой Филологом Житий Иосифа о том, что «рукухудожници к нему в мнишеская обещица прихождааху». Вполне возможно, что одним из этих художников и был Паисий, получивший выучку в Кашине или Твери.

Аналогично этому в монастыре могли появляться писцы из тверских земель. «Рукухудожници» Житий Иосифа — это не только (а, может

Евангелие тетр, 1478 г.
(Государственный краеведче-
ский музей Татарской АССР;
№ 8772).

Схема заставки на л. 1



быть, и не столько) художники-иконописцы, сколько переписчики книг и люди, сведующие в книжном искусстве. Их могла привлекать слава монастыря и его основателя и — уже как ремесленников — налаженность разнообразной монастырской деятельности, в том числе интенсивность работ по книгописанию³⁸.

Возможно также, что монастырские власти заказывали необходимые рукописи непосредственно в Твери. В Троицком собрании ГБЛ (ф. 304, № 90) хранится сборник Книг 16 пророков³⁹. Книги были написаны в октябре 1489 — феврале 1490 г. «рукою многогрешного Стефана диакона Михайловского с сены тверитина» для Иосифо-Волоколамского монастыря (в послесловии на л. 463 указано «в обитель»). Стефан называет себя тверичем и дьяконом церкви Архангела Михаила «на снях» в Твери. Трудно сказать, занимал ли он эту должность ко времени переписки Книг пророков: пояснение «бывший» нередко опускалось в таких записях. Неопределенность занимаемого им положения усиливает текст приписки — Книги писались «в обитель», но не в обители. По всей вероятности, рукопись была изготовлена непосредственно по заказу (в тексте «изволением») Иосифа Волоцкого. Однако, можно думать, она не дошла до монастыря. Ее упоминания нет в описи 1545 г. В рукописи отсутствуют

лирическими признаками. Самой убедительной датировкой икон из Воскресенского собора является предложенная В. Н. Лазаревым вторая половина XV в. Наиболее вероятным временем их создания представляется период между разорением Кашина Дмитрием Шемякой в 1453 г. и окончанием княжения Бориса Александровича (1461 г.), заново отстроенного город (Н. П. Лихачев. Икона Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, стр. LI—LIII). Таким образом, Паисий, судя по материалам описи 1545 г., работавший в Иосифо-Волоколамском монастыре между 1484—1504/06 гг., вполне мог пройти обучение у одного из авторов кашинских икон и даже непосредственно принимать участие в работе над ними. Последнее практически трудно обосновать, поскольку за промежуток в 25—30 лет манера художника должна была претерпеть существенные изменения.

³⁸ Некоторые наблюдения по этому поводу см.: Р. П. Дмитриева. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, стр. 163, 164, 168, 169.

³⁹ Краткое описание см.: Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. I. М., 1878, стр. 77; Т. Б. Ухова. Указ. соч., стр. 90.

обязательные для других книг этого собрания владельческие монастырские пометы. На л. 462 об. имеется запись XVII в. о ее перепродаже частными лицами. В дальнейшем она попала в Троице-Сергиеву лавру. Все это позволяет предполагать, что Книги 16 пророков писались в самой Твери⁴⁰.

В свою очередь, благодаря хозяйственным связям Иосифо-Волоколамского монастыря с тверскими землями и прилегающей к ним территории туда могли попадать рукописи московского происхождения⁴¹.

Итак, несмотря на то, что точное место изготовления Четвероевангелия из Волоколамского собрания ГБЛ, № 31 остается неизвестным, его тверское происхождение представляется фактом безусловным. Более того, Четвероевангелие входило в обширную группу тверских монастырских рукописей. Изучение этой группы (имеются в виду сохранившиеся памятники) дополнит сведения о книгописании и украшении книг в Твери XV—XVI вв. Однако уже сейчас можно предполагать, что Четвероевангелие № 31 занимает в ней особое место. Наряду с немногими современными ему памятниками живописи оно наглядно и объективно иллюстрирует сложившуюся в художественной жизни Твери к рубежу XV—XVI вв. ситуацию, расстановку художественных сил, ту внутреннюю борьбу в искусстве, которая сопровождала процесс государственной централизации и которая с едва ли не наибольшей остротой протекала в этом некогда крупном феодальном центре на протяжении столетия, предшествовавшего времени создания Четвероевангелия. Эти качества делают рассмотренную рукопись памятником первостепенного значения.

⁴⁰ Единственная заставка рукописи на л. 1 балканского типа лишена какой бы то ни было специфически местной окраски, подтверждая высказанные выше соображения об эволюции орнаментальных форм тверских книг в последней четверти XV в.

⁴¹ Г. В. Попов. Сборник Государственного архива Калининской области № 1028 (краткое сообщение). — «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв.» М., 1970, стр. 353—357. Этот сборник конца XV в. происходит из Нило-Столбенского монастыря. В этих местах он мог появиться (не позднее первой половины — середины XVI в.) через иноков владелицы Осташковской (Тимофеевской) слободой Волоколамской обители и получить там дополнительные иллюстрации. В дальнейшем он был приобретен строителем Нило-Столбенского монастыря Нектарием Теляшиным, коллекционировавшим рукописи (см. приобретенный им Сборник XVI в. в ГАКО, ф. 1409, № 981, приписка на лл. 3—4). Об Осташковской слободе см.: М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 199—200, 313 (там же ссылка на актовый материал).

Б. Н. Флоря

КОРМЛЕННЫЕ ГРАМОТЫ XV—XVI ВВ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Кормленные грамоты мало привлекали к себе внимание исследователей. Содержащиеся в них данные использовались в общих работах по истории России XVI в., отдельные грамоты комментировались в учебных изданиях, но никаких специальных работ о кормленных грамотах до настоящего времени так и не появилось. Действительно, при крайнем лаконизме содержания и большом однообразии формуляра, кажется, трудно извлечь из этих документов что-либо интересное. Но это общее впечатление обманчиво — при более внимательном изучении оказывается возможным извлечь из них ряд новых фактов, характеризующих как взаимоотношения кормленщиков с правительством, так и некоторые постепенные изменения характера их деятельности. В результате в распоряжении исследователей оказывается интересный материал для изучения некоторых сторон развития государственного строя России XV—XVI вв. с его смесью старых и новых форм управления.

Всего в настоящее время известно около сотни кормленных грамот, выданных в промежутке между 1462—1582 гг.¹

По времени кормленные грамоты распределяются довольно неравномерно. Ко второй половине XV — началу XVI в. (до 1505 г.) относится 21 документ, к первой половине XVI в. (1505—1555 г.) — 60 документов, ко второй половине XVI в. — 10 документов.

Из 21 грамоты второй половины XV — начала XVI в. — 15 грамот выдано Иваном III, 1 — его матерью, Марьей Ярославной, 2 — его братом Борисом Волоцким, 2 — его сыном Василием Ивановичем, 1 — вторым его сыном Юрием Дмитровским.

Большая часть грамот Ивана III не имеет дат (из 14 грамот датированы лишь 2) и может быть датирована лишь приблизительно, по изменению формуляра.

Как показал И. А. Голубцов, примерно с лета 1485 г. оформление документов, выходящих из московской великокняжеской канцелярии, изменяется: начальная формула грамот «Се аз князь велики Иван Васильевич» получает характерное добавление «всера Русии», изменяется

¹ Большая часть кормленных грамот (56) дошла до нас в копиях в составе дворянских родословных росписей, поданных в конце XVII в. в Разрядный приказ при отмене местничества. Эти документы опубликованы в издании «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». Собрал и издал А. Юшков, ч. I. 1257—1613 гг. М., 1898 (далее — «Акты Юшкова»). Кормленные грамоты, выданные до 1505 г., напечатаны в издании «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси» (далее — АСЭИ), т. III. М., 1964. Перечень кормленных грамот, не вошедших в эти издания, дан в приложении к настоящей статье.

и форма подписи на обороте грамоты — вместо старой формы «князь великий» появляется новая «князь великий всея Руси» или «князь великий Иван Васильевич всея Руси»².

Руководствуясь наблюдениями И. А. Голубцова, можно разбить кормленные грамоты Ивана III на две группы: грамоты с добавлением в великокняжеском титуле «всеа Русии» и грамоты, которые этого добавления не имеют. Первые следует, очевидно, датировать временем после 1485 г., а вторые — до этого времени.

К последней группе относятся грамоты В. С. Карамышеву на слободки в Боровском уезде, И. С. Племяннику на Чавцы (волость в Закубенье) и В. О. Ознобише на Санничее (местоположение не установлено)³. К этим грамотам по времени написания примыкает и грамота матери Ивана III Марьи Ярославны И. Г. Осоке на Малахову слободу⁴.

Текст этих четырех документов почти идентичен. Он начинается с записи о пожаловании тому или иному лицу «в путь» слободы или волости. Далее следует обращение «к боярам, слугам и всем людям того пути». Они должны «читать и слушать» кормленщика, а он их, в свою очередь, «блюдет и ходит и по старой пошине, как было прежде сего»⁵.

В последующих статьях разъяснялся порядок вызова в суд людей; подведомственных кормленщику. Текст кормленной грамоты можно, таким образом, условно разделить на две части: обращение к населению и статьи о вызове в суд.

Сходство формуляра этих грамот с формуляром грамот Бориса Васильевича Волоцкого М. В. Карамышеву и Кулибакиным⁶ показывает, что сложение формуляра кормленных грамот второй половины XV в. относится, по-видимому, еще ко времени правления Василия Темного.

Весьма вероятно, что первоначально текст кормленной грамоты обращением к населению и ограничивался, а статьи о вызове в суд были добавлены позднее. Такое предположение подкрепляется тем, что имеются кормленные грамоты последней четверти XV в., которые действительно таких статей не имеют⁷.

Время появления кормленных грамот первоначального типа можно определить лишь приблизительно по времени бытования упомянутых в них терминов.

Так, кормленные грамоты, как уже указывалось выше, обращаются к «боярам, слугам и всем людям». «Все люди» — это «черное», «тяглое», не привилегированное население, а «бояре и слуги» — это совокупность представителей господствующего класса данной местности. Все эти термины весьма древнего происхождения и встречаются в очень ранних источниках. Однако словосочетание «бояре и слуги» для обозначения господствующего класса в целом появляется в источниках лишь с определенного времени.

Самый ранний пример такого употребления этих терминов можно отметить в Лаврентьевской летописи под 1218 г.⁸

² Самая ранняя грамота с титулом «великий князь всея Руси» относится к июню 1485 г. — АСЭИ, т. I. М., 1952, № 516, ср. АСЭИ, т. II. М., 1958, комм. к № 393.

³ АСЭИ, т. III, № 74, 279, 107.

⁴ Там же, № 73. Грамота была дана не позже 2 февраля 1478 г., когда Марья Ярославна постриглась под именем Марфы («Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 322).

⁵ В написании этой формулы в грамотах нет единообразия: в грамоте И. Племяннику — «блюдет и ведает и ходит», в грамоте В. Ознобише — «ведает и ходит».

⁶ АСЭИ, т. III, № 69; см. Приложение к настоящей статье, № 1.

⁷ См., например, АСЭИ, т. III, № 286, 287. Дополнительные аргументы в пользу этого предположения см. дальше.

⁸ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 440—441.

В рассказе об убийстве Глебом рязанским своих братьев указывается, что они приехали на съезд со своими «боярами и слугами», что с ними погибло множество «бояр и слуг» и т. д.

Однако на этом основании нельзя относить появление соответствующей терминологии к началу XIII в. Тот же самый рассказ (тексты дословно совпадают между собой) о Глебе рязанском в Синодальном списке Новгородской Первой летописи не знает термина «слуги», вместо него в тексте постоянно говорится о «дворянах»⁹. Возможно, что появление термина «слуги» в рассказе Лаврентьевской летописи объясняется поновлением терминологии при редакторской обработке текста в конце XIII в.¹⁰

В южнорусском источнике — Ипатьевской летописи, которая, в отличие от кратких известий Лаврентьевской, дает очень подробное изложение событий на протяжении почти всего XIII в., словосочетание «бояре и слуги» появляется под 1261 г. в рассказе о нашествии Бурундая на Галицкую Русь¹¹ и затем употребляется постоянно¹².

Таким образом, временем появления и распространения такого словосочетания следует как будто признать вторую половину XIII в.

Полученный результат подтверждается наблюдениями над активным материалом, относящимся к Северо-Восточной Руси. В договорах Ярослава Ярославича с Новгородом (60-е годы XIII в.) имеется статья, по которой феодалам, приезжавшим в Новгород с князем, запрещалось приобретать села в Новгородской земле. По двум более ранним договорам приобретение земель запрещалось «княгине», боярам и дворянам князя¹³. В более поздней, третьей грамоте вместо «дворян» в этой статье говорится уже о «слугах»¹⁴. В такой формулировке статья повторяется и в последующих договорах.

В активной терминологии словосочетание «бояре и слуги», таким образом, появляется тоже во второй половине XIII в.

Для датировки времени появления первоначального типа кормленых грамот представляется существенным, что во всех ранних кормленых грамотах территория передавалась в «путь».

В кормленых грамотах, выданных после 1485 г., этот термин как будто не встречается. Территория теперь жалуется только в «кормление». Ранняя кормленая грамота была, вероятно, по преимуществу, пожалованием «в путь».

Термины «кормление» и «путь» упоминаются уже в документах середины XIV в. и при этом противопоставляются друг другу¹⁵.

«Пути»¹⁶ — дворцовые ведомства с соответствующим персоналом «слуг и приписанными к ним территориями занимали видное место в государственной и хозяйственной жизни русских средневековых княжеств. Стоявшие во главе известных нам «путей» феодалы (конюший, ловчий, сокольничий) занимали определенные дворцовые должности и несли

⁹ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 58.

¹⁰ Текст владимирского летописания первой половины XIII в. редактировался в Ростове в 80-х годах XIII в. (А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 193 и сл.).

¹¹ ПСРЛ, т. 2. М., 1962, стб. 850 («Василко князь... с бояры и слугами»).

¹² Там же, стб. 854, 856, 876, 877, 882 и др.

¹³ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (далее — ГВНиП). М.—Л., 1949, № 1—2, стр. 10, 11.

¹⁴ ГВНиП, № 3, стр. 12.

¹⁵ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДиДГ). М.—Л., 1950, № 2 (около 1350 г.), стр. 11, 12; № 11, стр. 32 — «А коли ми взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти на своих так же по кормлению и по путем».

¹⁶ О термине «путь» см.: В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. М., 1909, стр. 101—109.

определенную службу, связанную с функционированием дворцового хозяйства и обихода.

В кормление отдавались села и волости, не связанные непосредственно с великокняжеским хозяйством, и управлявшие ими наместники и волостели никаких других обязанностей, кроме административного управления порученными им землями, не имели.

В небольшом княжестве большая часть земель была, вероятно, связана именно с дворцовым хозяйством, а управление «путем» — важнейшей государственной обязанностью.

Вопрос о «путях» и более мелких хозяйственных статьях занимает самое видное место в документах московской княжеской семьи середины XIV в. «Старейшинство» Семена Ивановича перед братьями именно в том и заключалось, что братья уступили ему половину тамги, сокольничий, ловчий и конюшенный «пути». О кормлении в договоре Семена с братьями говорится применительно к «вольным слугам», то есть более второстепенному разряду феодалов, для которых управление отдельными землями и было, возможно, первоначально главным источником существования¹⁷.

С превращением Московского княжества в крупнейшее феодальное государство Европы удельный вес «путей» и личного княжеского хозяйства должен был уменьшаться, круг территорий, непосредственно не связанных с дворцовым хозяйством, увеличиваться, а обязанности по управлению этими землями должны были становиться все более важными.

С этой точки зрения вытеснение термина «путь» кормленых грамот термином «кормление» представляется закономерным¹⁸.

В дошедших до нас грамотах 60—70-х годов XV в. формула о пожаловании «в путь» была, по-видимому, уже в значительной мере формальной: если в одних грамотах за формулой о пожаловании «в путь» следует обращение: «... и вы бояре и слуги и все люди того пути»¹⁹, то в других читается: «... и вы бояре и слуги, и все люди тое волости или «... и вы бояря и все люди тех слободок»²⁰. Между тем в документах XIV в. «волости» и «села» четко отличались от «путей»: «пути» и делились первоначально между князьями по особому порядку, отличному от распределения сел и волостей²¹.

В более раннее время, однако, пожалование «в путь» имело, конечно, реальный смысл и было связано с определенной дворцовой службой кормленщика.

Формуляр такой грамоты и сложился, по-видимому, тогда, когда пожалование «в путь» было, вероятно, господствующей, главной формой пожалованья, то есть вряд ли позже XIV в.

¹⁷ ДиДГ, № 2, стр. 11—12.

¹⁸ На практике должны были, вероятно, существовать и переходные формы, когда в грамотах фигурировал как тот, так и другой термин. Пример этого находим в грамоте Бориса Волоцкого, по которой братьям Кулибакиным была пожалована волость Войничы — «в ключ в кормление» (см. Приложение к настоящей статье, № 1). В XVI в. «в кормление» жаловались земли различных «путей» — «чашничего», «сокольничего» («Акты Юшкова», № 63, 162). Эти земли, очевидно, были к этому времени лишь формально связаны с великокняжеским хозяйством, подобно «рыболовной слободке стольничя пути» в Переяславле, которая в XVI в. вместо доставки рыбы к великокняжескому столу платила обыкновенный денежный оброк.

¹⁹ АСЭИ, т. III, № 74, 279.

²⁰ Там же, № 73 и более поздняя грамота Бориса Волоцкого, сходная по своему формуляру с ранними великокняжескими грамотами (там же, № 69).

²¹ ДиДГ, № 12 (Духовная вторая Дмитрия Донского): «конюшни путь и сокольничий, и ловчий, тем сынове мои поделаться ровню», а далее идет список городов, сел и волостей, которыми великий князь наделяет сыновей. Начиная с духовной Василья Дмитриевича (ДиДГ, № 20) порядок иной, при перечислении отдельных городов отмечается, что город дается «с всеми волостми и с селы... и с путми».

Составление наиболее раннего (из известных) гипотетически восстановливаемого формуляра кормленных грамот следует, таким образом, датировать второй половиной XIII—XIV в.

Анализ статей о порядке вызова в суд не дает каких-либо дополнительных данных для подтверждения или опровержения предложенной датировки. Невозможно установить ни точное время записи этих статей, ни тем более время их соединения с основным текстом.

Однако поскольку употребляющиеся в них термины («езд», «пристав») не встречаются в Русской Правде и договорах с немцами XII—XIII вв., то составление «статей» следует, по-видимому, также относить к послемонгольскому времени.

В «статьях» разъяснялось, что вызванный по делу великокняжеский пристав должен представить «истцов» по этому делу в суд волостеля (или наместника), если оба они проживают на переданной им в управление территории. В случае нарушения этой нормы пристав терял право на возмещение путевых издержек («и он езду лишен»). В случае отказа одного из истцов или неявки в суд разбирать дело у волостеля (или наместника) истец дело проигрывал и «на него» выдавалась «правая грамота».

В этом последнем пункте тексты ранних кормленных грамот расходятся между собой.

В грамоте великой княгини Марьи Ярославны Ивану Особе и в грамоте Бориса Волоцкого Кулибакиным указывается: «А которой истец перед Иваном или перед его тиуном не станет искати или отвечати, Иван или его тиун того обвинит и грамоту правую на него даст»²².

В грамотах Ивана III текст иной: «... и яз, князь велики, велел того обинити и грамоту есмь на него правую велел дати»²³.

Грамоты Марьи Ярославны и Бориса Волоцкого представляют, по-видимому, более ранний формуляр, когда самому кормленщику предоставлялось право в случае неявки истца решить дело не в его пользу. В дальнейшем, однако, решение дел такого рода великий князь сохранял за собой, лишив этого права наместников. Примеру великого князя последовал позднее и удельный князь Борис Волоцкий²⁴.

К середине XV в. текст «статей» имел, таким образом, за собой уже определенную историю. «Статьи», следовательно, были составлены не позднее первой половины XV в.

Дальнейшая история отраженных в этих «статьях» правовых норм выясняется при их сопоставлении с Судебниками. Близкое сходство с рассматриваемым текстом обнаруживаем уже в ст. 37 Судебника 1497 г.

Текст кормленных грамот

«А хто по кого возведет пристава моего великого князя, а будут оба истцы того пути, и пристав ставит тех обоих истцов перед NN или перед его тиуном»

Текст Судебника 1497 г.

«А в которой город или волость, в которую приедет недельщик или его человек с приставною, и ему приставная явити наместнику или волостелю или их тиуном. А будут оба истца того города или волости судимыя, и ему обоих истцов поставити пред наместником или пред волостелем или пред их тиуны»

Текст кормленных грамот, явившийся, по-видимому, источником статьи Судебника, подвергся в последнем существенной обработке. Вместо «пристава» в Судебнике фигурирует «недельщик» или его «человек», подробно говорится о «приставной» грамоте, которую недельщик

²² АСЭИ, т. III, № 73. Приложение к настоящей статье, № 1.

²³ Там же, № 74, 279.

²⁴ См. его грамоту М. В. Карамышеву (там же, № 69).

должен был предъявить кормленщику (в более раннее время таких грамот, вероятно, не существовало), уточняется, что оба истца должны не только жить на одной территории, но и быть подсудными («судимыя») кормленщику.

Последняя часть текста кормленных грамот от слов «А не учнет пристав мой ставить...» в Судебнике 1497 г. отсутствует — это, возможно, объясняется пропуском в единственном дошедшем до нас списке. В ст. 48 Судебника 1550 г., которая без всяких изменений воспроизводит ст. 37 Судебника 1497 г., текст продолжается, опять обнаруживая близкое сходство с текстом кормленных грамот²⁵.

Текст кормленных грамот

«А не учнет пристав мой ставить тех обонх исцов перед NN или перед его тивуном, и он ездку лишен»

Текст Судебника 1550 г.

«А не явит недельщик или ездок его наместнику или волостелю или их тиуню приставные, и обонх исцов перед тем наместником или волостелем и перед их тиуны не поставит, а будут оба истец и ответчик одного города или одной волости, а ему будут оба судимы, и тот недельщик и ездок ездку лишен, а доводчику на том недельщике или на его ездоке взяти хоженое»

Текст источника и в этом случае обработан так же, как это уже отмечалось по отношению к Судебнику 1497 г. Имеется, кроме того, и важное дополнение: кроме потери права на возмещение путевых издержек нарушивший правовые нормы пристав должен был отдать «доводчику», то есть одному из подчиненных волостеля (наместника) «хоженое»²⁶, то есть плату истца за извещение о вызове в суд. Это дополнение, разумеется, не ограничивало, а скорее укрепляло права местной администрации.

Не находит прямых аналогий в Судебниках лишь последняя часть текста рассматриваемых статей: о выдаче великим князем «правой грамоты» в случае неявки истца в суд наместника (волостеля) или его тиуна.

Однако сопоставление с другими статьями Судебника 1497 г. показывает, что и эти нормы продолжали действовать. По ст. 50 Судебника 1497 г. в случае неявки в суд свидетеля с него взыскивалось «исцовой и убытки и все пошлыны». Тем более это относилось к неявившемуся истцу. Судя по ст. 27 Судебника 1497 г., выдача таких «правых» грамот (в Судебнике 1497 г. они названы «бессудными») производилась в Москве специальными дьяками после рассмотрения «срочных» грамот, по которым истцов вызывали в суд.

Таким образом, правовые нормы, отраженные в статьях кормленных грамот, на рубеже XV—XVI вв. вошли в состав основного кодекса общерусского права. Правда, при включении в состав Судебников тексты кормленных грамот подверглись ряду изменений, но все эти изменения не означали сколько-нибудь существенного пересмотра традиционных норм. Тексты Судебников показывают, что эти нормы продолжали действовать до самой отмены кормлений.

Кормленные грамоты Ивана III, выданные после 1485 г., можно разбить на две группы: первая группа грамот воспроизводит текст более ранних грамот Ивана III со следующим изменением — вместо слов «и вы бояре и слуги, все люди того пути» в них читается — «и вы дети

²⁵ Б. А. Романов («Судебники XV—XVI веков», М.—Л., 1952, стр. 241) видел источник указанного текста в кормленных грамотах первой половины XVI в., выданных в промежутке между двумя судебниками. Указанный текст, однако, имеется уже в кормленных грамотах Ивана III.

²⁶ О «хоженом» см. комментарий Л. В. Черепнина к ст. 26 Судебника 1497 г. («Судебники XV—XVI веков», стр. 70).

боярские, и слуги, и все люди». Вторая группа грамот имеет более значительные отличия от ранних грамот Ивана III: грамоты этой группы состоят из одного обращения к населению, «статьи о вызове в суд» в них отсутствуют, при перечислении подвластного кормленщику населения упоминаются только все «люди». Грамоты первой группы в дальнейшем будут называться «пространными», а грамоты второй группы — «краткими».

Пространные грамоты Ивана III в настоящее время известно четыре²⁷. Одна из них датируется широко — всем вторым периодом княжения Ивана III²⁸, одна датируется временем не ранее 1490 г.²⁹, две — не ранее конца 90-х годов³⁰. Грамоты эти относятся к землям Костромского (город Плес), Нижегородского (Гороховец), Ярославского (волость Жары) уездов и присоединенного после войны с Литвой Вяземского княжества (город Хлепень).

Таким образом, этот тип грамот возник где-то после 1485 г. и существовал, по крайней мере, до начала XVI в., а грамоты имели хождение на землях собственно Северо-Восточной Руси и присоединенных в начале 90-х годов земель Великого княжества Литовского.

Отличие формуляра этих грамот от более ранних грамот Ивана III объясняется тем, что к концу XV в. термин «боярин» приобрел новое значение, которого не имел раньше. Если первоначально этот термин обозначал, по-видимому, независимого феодального собственника-вотчинника³¹ в противоположность зависимому держателю-слуге, то к концу XV в. «боярами» стали называться лишь крупнейшие феодалы, члены «боярской думы» — совета при великом князе, а весь обширный слой вотчинников, не входивших в состав думы, начиная со второй четверти XV в. получает наименование «детей боярских»³². Во второй половине XV в. эти термины, по-видимому, утверждаются окончательно в своем новом значении³³: в связи с этим, вероятно, и понадобилось уточнить, к каким именно группам феодального общества обращено требование власти «читать и слушать» наместников.

Грамот «краткого» типа известно больше — их шесть. Две из них датируются широко, всем вторым периодом княжения Ивана III³⁴,

²⁷ АСЭИ, т. III, № 249, 226, 112, 184.

²⁸ Там же, № 226. Скрепление грамоты черновосковской печатью, говорит за то, что она была выдана до 1497 г. (см. сноску 30 настоящей статьи).

²⁹ Там же, № 112. Когда В. Ознобиша управлял Гороховцом, архимандритом Спасо-Евфимьева монастыря был Константин (АСЭИ, т. II, № 485), который известен в этой должности с 1490 г.

³⁰ № 249 и № 184 — обе грамоты скреплены красновосковской печатью, но до конца 90-х годов красновосковские печати московских великих князей неизвестны: самые ранние документы, скрепленные красной печатью, относятся к 1497 г. (АСЭИ, т. I, № 611; ДиДГ, № 85). Кроме того, город Хлепень, данный в кормление Я. М. Карамышеву, лишь в 1492 г. вошел в состав России.

³¹ Отголоском такого понимания является словоупотребление правых грамот, в которых «боярской» землей называется земля любого вотчинника в противоположность «тяглой», «черной земле» и условным держаниям дворцовых служащих.

³² Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 207—208. Первые упоминания «детей боярских» в княжеских договорах и в летописях, как установил Л. В. Черепнин, относятся к 1433 г. Этот хронологический рубеж подтверждается и наблюдениями над жалованными грамотами: самый ранний документ, в котором упоминаются «дети боярские», относится к концу 30-х годов XV в. (АСЭИ, т. I, № 136).

³³ Характерно, что в правой грамоте 60-х годов на земли в Суздальском уезде местных вотчинников Ю. Н. Владыкин, Бирюй и Павел Молвьянинов называются «боярами» (АСЭИ, т. II, стр. 501), а в правых грамотах 90-х годов Ю. Н. Владыкин, Бирюй и Петр Павлов Молвьянинов называются уже «детьми боярскими» (там же, стр. 531 и 541).

³⁴ АСЭИ, т. III, № 102, 286.

третья выдана в феврале 1491 г.³⁵, четвертая — в мае 1491 г.³⁶, пятая — не ранее конца 90-х годов³⁷ и шестая датирована маем 1505 г.³⁸ Таким образом, эти грамоты по времени одновременны грамотам «пространного» типа.

Грамоты были даны на город Ржеву Пустую, половину Владимира, на Слободской городок на Вятке, на различные волости Устюжской земли (Пушма³⁹, Осиновец, Орлова, Шолга, Иванов погост) и на земли «кирдановской мордвы» на р. Теше, в районе будущего Арзамаса.

Грамоты этого типа, по-видимому, имели хождение, главным образом, на черносошных землях русского севера: в грамотах кормленцам этих земель не было необходимости упоминать бояр и слуг, которые там отсутствовали, а удаленность этих территорий от столицы отнюдь не побуждала их население переносить дела в великокняжеский суд, почему и не было нужно пополнять текст «судебными статьями». Объяснить бытование грамот этого типа на землях Северо-Восточной Руси представляется пока затруднительным.

Особое место занимают кормленые грамоты, выданные княжичем Василием Ивановичем, когда он в 90-х годах XV в. управлял Тверской землей⁴⁰. Одна из этих грамот датируется октябрём 1490 г.⁴¹, другая даты не имеет⁴². Обе они выданы на различные земли в Zubцовском уезде. Не датированная грамота принадлежит к «пространному», а грамота 1490 г. к «краткому» типу. Обе грамоты отличаются от кормленых грамот Ивана III тем, что в них обращение к населению имеет следующий вид: «и вы бояре, и дети боярские, и слуги⁴³, и все люди».

Таким образом, в тверской канцелярии после присоединения Твери употреблялись особые формуляры кормленых грамот, не во всем совпадавшие с московскими.

Интересно, что грамоты разного типа давались княжичем Василием практически на одни и те же земли (разные волости Zubцовского уезда).

Наряду с «детьми боярскими» в грамотах княжича Василия упоминаются и «бояре»: неясно, однако, объясняется ли это особыми условиями, существовавшими в Тверской земле после присоединения, или здесь речь должна идти лишь о неудачной редакционной обработке текста (новый термин «дети боярские» механически вставлен в традиционный формуляр?).

Как соправитель своего отца «великий князь всея Руси» Василий Иванович выдал также в начале XVI в. кормленую грамоту на Углицкую волость Велетово⁴⁴. По своему формуляру она воспроизводит «пространный» тип кормленых грамот Ивана III⁴⁵.

Кормленые грамоты Василия III отличаются от грамот XV в. боль-

³⁵ «Акты Юшкова», № 140. В тексте грамоты дата утрачена, и лишь в родословной росписи А. И. Юшкову удалось прочесть конец даты: «десять девятого». А. И. Юшков условно восстанавливал дату как 7049 г. Грамота, однако, относится не к XVI в., а к XV в., так как она скреплена черновосковской печатью, а все кормленые грамоты XVI в. скреплялись красновосковской печатью. Наименование Ивана Васильевича великим князем «всея Руси» заставляет отнести грамоту ко времени после 1485 г. В этом случае единственно возможной датой будет февраль 6999 (1491) г.

³⁶ АСЭИ, т. III, № 111.

³⁷ Там же, № 287. Судя по описанию, грамота была скреплена красновосковской печатью.

³⁸ Там же, № 293.

³⁹ В копии XVII в. ошибочно «Пушка».

⁴⁰ С. М. Каштанов. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967, стр. 35 и сл.

⁴¹ АСЭИ, т. III, № 181.

⁴² Там же, № 183.

⁴³ В недатированной грамоте И. Садыку слова «и слуги» отсутствуют, но это могло быть механическим пропуском писца грамоты или переписчика XVII в.

⁴⁴ АСЭИ, т. III, № 227.

⁴⁵ Именно это обстоятельство и позволяет относить ее к началу XVI в., так как среди кормленых грамот, выданных после 1505 г., этот формуляр уже не встречается.

шей унификацией: все они без исключения скреплены красновосковой печатью с изображением двуглавого орла. Во всех них, безотносительно от их типа, употребляется только формула «и вы все люди», что, возможно, отражает получившую распространение к началу XVI в. практику освобождения феодалов от подсудности наместника.

Характерно, что немногие сохранившиеся грамоты братьев Василия III следуют формуляру «пространных» кормленных грамот Ивана III 80-х годов XV в.⁴⁶, хотя в отличие от последних все они точно датированы и указано место их выдачи. Несколько особняком стоит грамота Юрия Дмитровского 1526 г., в которой встречается совершенно уникальный перечень: «и вы, князи, и дети боярские, и слуги, и все люди» при отсутствии «бояр». Причины столь странного изменения формуляра пока установить не удалось⁴⁷.

На землях удельных князей в первой четверти XVI в., таким образом, был распространен иной, более архаичный тип кормленных грамот.

Грамоты, выданные в правление Ивана IV (главным образом до отмены кормлений), по своему формуляру и особенностям внешнего оформления ничем не отличаются от грамот Василия III и в дальнейшем эти две группы документов будут рассматриваться вместе.

Среди грамот первой половины XVI в., так же как и среди грамот Ивана III, можно выделить два типа: «краткий» и «пространный».

Из 42 документов 31 грамота «пространныго» типа и 11 «краткого». «Пространные» грамоты выданы на территории Владимирского (Инобж, Вольга и Залипенье, Гусь, Лиственное и Судогда)⁴⁸, Вологодского (Сяма, Обнора)⁴⁹, Галицкого (Каликино, Парфентьево, Глазуново, Чухлома)⁵⁰, Кашинского (большая Задубровская слобода)⁵¹, Каширского (Растовец)⁵², Коломенского (село Высокое)⁵³, Костромского (Кузь и Немда, «Чашнич путь» на Костроме, Соль Малая)⁵⁴, Московского (Отъезжее и Бибиково)⁵⁵, Нижегородского (Гороховец)⁵⁶, Переяславль Залесского (Мишутино)⁵⁷, Пошехонского (Арбужевесь)⁵⁸, Ржевского (Туд Воложский)⁵⁹, Рузского (Шепков и Войнич)⁶⁰, Старицкого (село Лодьино)⁶¹, Суздальского (Шуя)⁶² уездов и Чарондской округи (Пунема, Шубачь и Веще озеро)⁶³.

Таким образом, за одним исключением (Чарондская округа)⁶⁴ грамоты «пространныго» типа в первой половине XVI в. действовали на территории позднейшего Замосковного края (старой территории Владимиро-Суздальской Руси).

Район распространения грамот «краткого» типа иной. «Краткие» грамоты были выданы на территории Вятской земли (г. Орлов)⁶⁵,

⁴⁵ «Акты Юшкова», № 87; Приложение к настоящей статье, № 7.

⁴⁷ Приложение к настоящей статье, № 12.

⁴⁶ «Акты Юшкова», № 95, 174, 123, 127.

⁴⁷ Там же, № 60, 99.

⁵⁰ Там же, № 64, 122; Приложение к настоящей статье, № 6.

⁵¹ «Акты Юшкова», № 134.

⁵² Там же, № 74.

⁵³ Приложение к настоящей статье, № 4.

⁵⁴ «Акты Юшкова», № 59, 63, 125.

⁵⁵ Там же, № 61.

⁵⁶ Там же, № 72.

⁵⁷ Приложение к настоящей статье, № 5.

⁵⁸ «Акты Юшкова», № 166.

⁵⁹ АСЭИ, т. III, № 115.

⁶⁰ «Акты Юшкова», № 133, 161.

⁶¹ Приложение к настоящей статье, № 9.

⁶² Там же, № 18.

⁶³ Там же, № 17.

⁶⁴ Не установлено местонахождение Дубенской, Жилина, Засенья волостей и «сокольничьего пути» — Перебени (АСЭИ, т. III, № 113; Приложение к настоящей статье, № 10, 11; «Акты Юшкова», № 162).

⁶⁵ «Акты Юшкова», № 84.

Новгородского (Боровичи и Волочек Держков, Деман и Березовец, Выгоозеро, Курск)⁶⁶, Новоторжского (Медна)⁶⁷, Сольвычегодского (Луза)⁶⁸ и Устюжского (Утманово и Яхренга, Пушма и Осиновец)⁶⁹ уездов и на земли «числяков и ордынцев»⁷⁰.

Если не считать земель «числяков и ордынцев», находившихся на территории Московского уезда⁷¹, то остальные грамоты относятся к двум различным географическим районам: Новгородско-Псковской земле и Северному Приуралью. Между ними имеются и формальные отличия: первая группа грамот не датирована, грамоты второй группы все имеют точную дату и указание места выдачи⁷². Таким образом, и грамоты «краткого» типа распадаются в свою очередь на две группы.

То, что нарисованная картина распределения грамот не является произвольной, подтверждается распределением грамот второй половины XVI в. Среди них грамоты, выданные на псковские (Кобылье городище, Гдов, Опочка)⁷³ и новгородские (Ям)⁷⁴ пригороды, «города от Литовской Украйны» (Невель, Белая)⁷⁵, на земли Вятского (г. Орлов)⁷⁶ и Арзамасского (вол. Собакина на р. Теше)⁷⁷ уездов и г. Карачев⁷⁸. Все эти грамоты принадлежат «краткому» типу, как это заранее можно было предполагать.

Таким образом, единого общерусского формуляра кормленых грамот и в XVI в. не сложилось: на разных территориях продолжали бытовать грамоты разных типов.

На рубеже XV—XVI вв. произошли важные изменения в функционировании системы кормлений, получившие отражение и в кормленых грамотах: были установлены и определены сроки пребывания кормленщика на кормлении.

Первоначальное кормление, тесно связанное с дворцовой службой, подобных сроков, по-видимому, не знало — «пути» оставались в управлении феодалов до тех пор, пока они занимали свои должности, иногда пожизненно⁷⁹. Однако уже в отдельных грамотах XV в. встречаются указания на определенный срок кормления⁸⁰. В дальнейшем такие указания в грамотах не встречаются. Очевидно потому, что на рубеже XV—XVI вв. был установлен общий срок пребывания на кормлении. С. Герберштейн, описывая в своих «Записках» кормление, заметил, что «подобные владения он (великий князь.— Б. Ф.) дает им по большей части в пользование на полтора года». По милости своей великий князь может продлить этот срок на несколько месяцев, а затем «целых шесть

⁶⁶ «Акты Юшкова», № 117, 62, 141, 147.

⁶⁷ Там же, № 165 (Грамота интерполирована).

⁶⁸ Там же, № 177.

⁶⁹ Приложение к настоящей статье, № 8, 14.

⁷⁰ Там же, № 3. Не установлено местонахождение Введенской волости («Акты Юшкова», № 113).

⁷¹ АСЭИ, т. II, № 374.

⁷² Речь идет о грамотах, выданных до 1547 г., так как грамоты, выданные после 1547 г., как правило, датированы. Из грамот пространного типа, выданных до 1547 г., датирована лишь одна (Приложение к настоящей статье, № 18).

⁷³ «Акты Юшкова», № 181, 189, 200; Приложение к настоящей статье, № 22.

⁷⁴ Там же, № 210.

⁷⁵ Там же, № 212; Приложение к настоящей статье, № 24.

⁷⁶ Приложение к настоящей статье, № 25.

⁷⁷ «Акты Юшкова», № 190.

⁷⁸ Приложение к настоящей статье, № 23.

⁷⁹ Постельничий Ивана III Иван Море держал за собой волость Катку к «постельничему пути» «по свою смерть» (Н. П. Лихачев. Государев родословец и род Адашевых.— «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 10. СПб., 1877, стр. 15).

⁸⁰ В грамоте Ивана III И. С. Племяннику—«по годом» (АСЭИ, т. III, № 279); в грамоте Бориса Волоцкого Кулибакиным—«на 2 года» (Приложение к настоящей статье, № 1); «по годом» была дана также в 1504 г. в кормление Ртищевым Кочемльская «правда» (АСЭИ, т. III, № 185).

лет подряд придется «служить даром»⁸¹. Указание на 6-летний срок, в течение которого феодал служил, не получая кормления, позволяет думать об установлении определенной очередности при наделении кормлениями. Сведения Герберштейна с некоторыми поправками подтверждаются русскими источниками. «Боярская книга» 1556 г. содержит следующие данные о сроках кормления 50-х годов XVI в.⁸²: из 54 человек, получивших кормление в 7057—7062 гг., 26 человек были на кормлении 1 год, 1 — 1,5 года, 23 — 2 года, 1 — 3 года, 3 — по несколько месяцев «через год». Если не говорить о кормлениях «через год», вероятно, сравнительно редких, то следует признать, что рядовые кормленщики обычно получали кормление на один год, часто этот срок удавалось увеличить до 2 лет. На большее можно было рассчитывать лишь в редких случаях⁸³. Удлинялся срок кормления, как это указывал Герберштейн, по распоряжению великого князя. Разрешение продлить срок записывал на обороте грамоты и скреплял своей подписью дьяк.

Из 42 грамот Василия III и Ивана IV (1506—1556 гг.) приписки о продлении их срока действия имеются на 11: в одном случае срок действия грамоты был продлен на 2 года, в одном случае — на 1,5 года, в 8 случаях — на 1 год, в одном случае на полгода. Наблюдение над приписками показывает, что больше чем на год срок кормления не продлевался, по истечении года приходилось получать новое разрешение, оформлявшееся также в виде приписки с подписью дьяка⁸⁴.

Подтверждается и предположение об определенном порядке замещения кормлений. В «Боярской книге» неоднократно встречаются записи: «дана была ему правда Переяславская ждати», «дана была ему Соль ждати»⁸⁵. Распределение кормлений между кормленщиками и установление очередности в их замещении производились, по-видимому, во время «кормленного верстанья», о котором также упоминается в «Боярской книге»⁸⁶.

Для России XVI в. трудно предполагать развитый бюрократический аппарат, поэтому можно думать, что выдача кормленных грамот, продление срока их действия и «кормленное верстанье» сосредоточивались в руках одних и тех же дьяков. Вероятно именно они и упомянуты как «дьяки у кормленей» в 47 ст. Судебника 1550 г. Такими дьяками были при Василии III Лука Семенов⁸⁷, Елизар Цыплятев⁸⁸, а в начале правления Ивана IV — Иван Елизарович Цыплятев⁸⁹ и Бакака Карачаров⁹⁰ и Иван Выродков⁹¹. Все указанные здесь дьяки, за исключением малоиз-

⁸¹ С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 20—21.

⁸² Данные за 7063—7064 гг. не взяты, так как в эти годы в связи с проведением земской реформы многие феодалы вынуждены были съехать с кормления раньше срока.

⁸³ Представители феодальной аристократии получали кормление и на большие сроки. Так, князь В. В. Шуйский был наместником в Новгороде сначала шесть, а затем пять лет (А. А. Зимин. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. — «Археологический ежегодник за 1960 год». М., 1961, стр. 33—35).

⁸⁴ «Акты Юшкова», № 95, 147.

⁸⁵ «Боярская книга 1556 г.» — «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», кн. III. СПб. — М., 1861, отд. II, лл. 110, 113, 132.

⁸⁶ Там же, л. 76.

⁸⁷ «Акты Юшкова», № 72 (1509 г.).

⁸⁸ Там же, № 95, 99, 123, 125, 127; Приложение к настоящей статье, № 10, 11 — грамоты на земли Владимирского, Вологодского, Галицкого и Костромского уездов в 1516—1530 гг. Кроме того, есть упоминание о продленной им грамоте на Карачев (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, стр. 81). Одновременно с Е. И. Цыплятевым грамоты продлевали Меньшик Пугатин и Афанасий Курицын («Акты Юшкова», № 95, 122), однако, по-видимому, тогда, когда Е. И. Цыплятев не мог выполнять свои обязанности, так, в начале 1527 г., когда грамоты продлевал А. Курицын, Е. И. Цыплятев находился в Литве (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 85).

⁸⁹ Приложение к настоящей статье, № 15; «Акты Юшкова», № 147.

⁹⁰ «Акты Юшкова», № 147.

⁹¹ Приложение к настоящей статье, № 18.

вестного Луки Семенова, — это дьяки формировавшегося на протяжении первой половины XVI в. Разрядного приказа⁹².

Такое совпадение не является случайным.

Для служилого человека XVI в. получение соответствующего кормления было не только вопросом материальным, но в не меньшей мере и вопросом чести. По 25 ст. Судебника 1550 г. даже «бесчестье» детям боярским определялось в соответствии с доходностью кормления («что на том кормлене доходу по книгам») — для детей боярских, получавших денежное жалованье, в соответствии с размерами жалованья. Таким образом, получив малоодоходное кормление, кормленщик не только нес материальный ущерб, но и наносил урон родовой чести. При такой обстановке местнические споры были, вероятно, обычным явлением. Не случайно в грамотах постоянно указывалось «под кем» (то есть «после кого») ⁹³ кормленщик получал кормление ⁹⁴. Правительство со своей стороны стремилось предоставлять кормление и жалованье прежде всего тем, кто исправно нес службу. Неявка на службу влекла за собой потерю жалованья ⁹⁵. Поэтому ясно, что дьяки, производившие раздачу кормлений и жалованья, должны были хорошо знать родословные книги, разрядные росписи, а такими знаниями обладали в первую очередь составители этой документации — дьяки будущего Разряда.

Выдающийся интерес представляет, с этой точки зрения, опубликованное А. А. Зиминым судебное дело 20-х годов XVI в. На одного муромского помещика соседи пожаловались, что он уклоняется от службы. Елизар Цыплятев после соответствующей справки в «книгах» жалованья «не велел давати», и подчиненные ему дьяки Ушак и Переславец прекратили выплату денег ⁹⁶.

Таким образом, от Елизара Цыплятева зависела и выплата денежного жалованья и продление срока действия кормленых грамот именно потому, что он был составителем разрядных документов и мог лучше, чем кто-либо другой, судить о «службе» добывавшихся вознаграждения феодалов.

В середине 50-х годов XVI в. раздача кормлений и организация сбора наместничьих доходов продолжали оставаться важной функцией разрядных дьяков.

В составе так называемой Новгородской грамотной книги 1555—1556 гг. сохранился целый ряд грамот дьяков Разряда Андрея Васильева и Ивана Выродкова о сборе «белого корма», «наместничьих доходов», о выплате этих доходов наместникам ⁹⁷ и о деятельности недельщиков ⁹⁸. Среди этих грамот есть документ, прямо свидетельствующий о кормленой деятельности дьяков Разряда — грамота, предписывающая новгородским дьякам выдать доходный список М. Хлудневу, получившему в кормление «ямское» в Новгороде ⁹⁹.

⁹² А. К. Леонтьев. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961.

⁹³ В грамоте 1555 г. И. Садыкову на «полавочное» в Костроме указывается, что «полавочное» дается в кормление «под Борисом Шастинским» в 7065 г. («Акты Юшкова», № 176). В Боярской книге 1556 г. про Б. И. Шастинского (л. 30) сказано следующее: «дано было ему полавочное в Костроме, и он не брал».

⁹⁴ Очевидно, желая повысить свое положение, члены рода Племянниковых вырвали в кормленых грамотах, поданных в конце XVII в. в Разряд, указания на своих предшественников («Акты Юшкова», № 18, 19, 21, 64).

⁹⁵ А. А. Зимин. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI века.— «Исторический архив», № 3, 1960, стр. 149—150.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ «Дополнения к актам историческим» (далее — ДАИ), т. I. СПб., 1846, № 78, 85, 88, 109; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 283.

⁹⁸ ДАИ, т. I, № 58, 85. Как известно, контроль за деятельностью недельщиков был обязанностью именно «дьяков у кормлений».

⁹⁹ ДАИ, т. I, № 105.

К этому времени, однако, во всей системе местного управления произошли большие изменения, связанные с отменой кормлений в 1555—1556 гг. При этом, как известно, кормления заменялись уплатой «кормленного окупа», а собиравшие этот окуп дьяки становились для населения отчасти и судебной апелляционной инстанцией¹⁰⁰. Сбор «кормленного окупа» передавался, по-видимому, в одних случаях дьякам казны, в других — дьякам Посольского приказа, в третьих, возможно, дьякам областных дворцов.

Так как, с одной стороны, отмена кормлений производилась постепенно, а с другой стороны, отмененные, было, кормления с течением времени в ряде случаев восстанавливались, то следствием этого неизбежно должна была стать чересполосица, когда территории, с которых собирался «окуп», перемежались с территориями, на которых сохранялись кормления. В этих условиях продление и выдача кормленных грамот стали переходить в руки дьяков, собиравших «кормленный окуп».

К сожалению, этот процесс можно проследить лишь по отношению к Новгородской и Псковской земле.

Уже в «Новгородской грамотной книге» 1555—1556 гг. наряду с грамотами разрядных дьяков можно отметить грамоту дьяка Ивана Михайлова новгородским дьякам, предписывающую выдать доходный список Ф. В. Крюкову, получившему в кормление новгородское «ясельничее»¹⁰¹. Текст этой грамоты дословно совпадает с текстом аналогичной грамоты, подписанной Иваном Выродковым. К тому же времени относится и грамота дьяка Угрима Львова, предписывающая новгородским дьякам выдать на государя «конюший путь» в том же Новгороде¹⁰². Угрим Львов и Иван Михайлов собирали уже в это время «кормленный окуп» с земель Поморья. Следовательно, в Новгороде 1555—1556 гг. раздачей кормлений распоряжались одновременно и дьяки Разряда и дьяки, собиравшие «кормленный окуп». Дальнейшие сведения относятся, к сожалению, не к самому Новгороду, а к новгородским и псковским пригородам.

Выдача кормленных грамот на псковские пригороды в середине 70-х годов была, по-видимому, в руках уже упоминавшегося И. Михайлова, продлившего в 1558 г. кормленную грамоту на Кобылье городище¹⁰³. В 1561 г., возможно, в связи с отъездом И. Михайлова в Данию, его обязанности по сбору «окупа» перешли к дьяку В. Колзакову¹⁰⁴. К нему перешло и управление псковскими кормлениями — в 1562 г. он также продлил кормленную грамоту на Гдов¹⁰⁵.

В управлении этого дьяка псковские пригороды были, по-видимому, сравнительно недолго. Уже в 1568 г. кормленную грамоту на Опочку продлил дьяк Андрей Щелкалов¹⁰⁶. Он же в 1581 г. продлил кормленную грамоту на город Белую¹⁰⁷. Его брат Василий в 1587 г. подписал доходный список на г. Рославль¹⁰⁸.

Братья Щелкаловы не были простыми дьяками, собиравшими «кормленный окуп». Их функции и положение напоминают скорее фигуру Елизара Цыплятева, распоряжавшегося денежным жалованьем детей боярских. По отношению к районам, где кормления еще сохранялись во второй половине XVI в., имело место, по-видимому, возвращение к прежней практике выдачи кормленных грамот дьяками Разряда.

¹⁰⁰ См. об этом подробнее: П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 224—242.

¹⁰¹ ДАИ, т. I, № 53.

¹⁰² Там же, № 108.

¹⁰³ «Акты Юшкова», № 181.

¹⁰⁴ П. А. Садилов. Указ. соч., стр. 230.

¹⁰⁵ «Акты Юшкова», № 189.

¹⁰⁶ Приложение к настоящей статье, № 22.

¹⁰⁷ Там же, № 24.

¹⁰⁸ «Акты Юшкова», № 229.

Особого рассмотрения заслуживают указания в ряде грамот Ивана III, выданных после 1485 г., что та или иная территория дается в кормление «с судом боярским»¹⁰⁹, «с правдою»¹¹⁰, «с пятном»¹¹¹, «с правдою и с пятном»¹¹². Имеется также грамота Юрия Ивановича Дмитровского Ртищевым на Кочемльскую «правду»¹¹³. Если характер кормления «с судом боярским» или «с пятном» хорошо выяснен исследователями, то этого нельзя сказать о кормлении «с правдой». Между тем содержание этого термина тем более важно раскрыть, что в жалованных грамотах XVI в. кормление «с правдой» (иногда — «без правды») упоминается очень часто (подсчеты см. на стр. 124).

Для этого необходимо вкратце рассмотреть эволюцию местного управления в Московском великом княжестве начиная с конца XIV в.

Как видно из Двинской уставной грамоты 1397—1398 гг., наместник наезжал на кормление со своим тиуном и со своим «двором». С помощью дворян наместник и осуществлял управление переданной ему областью. Дворяне вызывали истцов в суд, получая за это «хоженое» («а на правду вдвое») ¹¹⁴, сажали их в тюрьму, получая при этом «железное», в их пользу шла часть судебных штрафов ¹¹⁵. Полностью соответствуют данным Двинской уставной грамоты сведения немногих жалованных грамот XIV — начала XV в., в которых также кроме дворян и тиунов какие-либо должностные лица местной администрации не упоминаются ¹¹⁶.

В грамотах первой половины XV в. появляются сведения о новых должностных лицах — «доводчиках» и «праведчиках» ¹¹⁷, а упоминания о дворянах из формуляра грамот постепенно исчезают ¹¹⁸.

Об обязанностях «доводчиков» подробно сообщается в уставных грамотах XV—XVI вв. и в Судебнике 1497 г. «Доводчики» вызывали истцов в суд, взяв при этом «хоженое» и «езд» («а на правду вдвое»), они имели долю и в некоторых судебных пошлинах (например, при назначении поля). Таким образом, к ним перешла большая часть функций прежних «дворян». Доводчики, по единодушным показаниям источников, назначались наместником из числа «его» людей.

Сложнее выяснить круг обязанностей «праведчиков», так как о них уставные грамоты ничего не сообщают, кроме размера получаемого ими корма. Скудость сведений о «праведчиках» и является причиной того, что характер этой должности исследователями толковался неверно. По мнению С. Б. Веселовского, «праведчики» были судебными исполнителями, а их главной обязанностью было взыскание штрафа на виноватом — «правеж» ¹¹⁹. Эта точка зрения была принята и в последних изданиях документальных материалов по истории Северо-Восточной Руси ¹²⁰.

¹⁰⁹ АСЭИ, т. III, № 249.

¹¹⁰ Там же, № 184.

¹¹¹ Там же, № 286.

¹¹² Там же, № 287.

¹¹³ Там же, № 185.

¹¹⁴ ГВНиП, № 88, стр. 145.

¹¹⁵ Там же. Наряду с «дворянами» в грамоте упоминаются также «подвойские». Это объясняется тем, что Подвинье ранее входило в состав Новгородской земли и там сохранялись новгородские порядки. В актах Северо-Восточной Руси «подвойские» не упоминаются. Единственное упоминание «подвойского» в ст. 64 Судебника 1497 г. следует, вероятно, отнести за счет новгородского источника этой статьи.

¹¹⁶ Тверская грамота 60-х годов XIV в. (АСЭИ, т. III, № 116); ярославская грамота первой половины XIV в. (там же, № 190) АСЭИ, т. I, № 30, 47.

¹¹⁷ Самые ранние упоминания доводчика и праведчика находятся в грамоте 1404 г. Юрия Дмитровича Звенигородского (АСЭИ, т. III, № 53а).

¹¹⁸ Последнее упоминание о «наместничьих дворянах» встречается в грамоте 1462 г. (АСЭИ, т. I, № 304).

¹¹⁹ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 273.

¹²⁰ См. объяснение этого термина в предметно-терминологических указателях (АФЗиХ, т. II; АСЭИ, т. I—II).

Однако никаких источников в пользу своего толкования С. Б. Веселовский не привел. Разбор немногих сохранившихся сведений о деятельности «праведчиков» позволяет выдвинуть другую точку зрения на характер этой должности. По грамоте середины XV в. — самому раннему сведению о деятельности «праведчиков», им запрещалось «наметывать сроки» на монастырских людей, то есть вызывать их в суд¹²¹. В двух правых грамотах 90-х годов XV в. также сообщается о вызове свидетелей в суд через «праведчика»¹²². В полном соответствии с этими сведениями в ст. 50 Судебника 1497 г. говорится о «суде» между «праведником» и свидетелем, по-видимому, по поводу неправильно назначенного «праведником» срока. Главной обязанностью «праведчиков» была, вероятно, «правда» в значении расследования обстоятельств дела¹²³, в связи с чем они и должны были представлять свидетелей в суд.

«Праведники» в отличие от «доводчиков» назначались не наместником, а великим князем¹²⁴. Передача расследования дел особым великокняжеским агентам, по-видимому, серьезно ограничивала власть наместников.

Провести последовательно эту реформу оказалось, очевидно, невозможным, и в разных местностях сложилась различная традиция. Поэтому в трех уставных грамотах XVI в. «праведники» упоминаются в числе людей наместника¹²⁵. В пользу «праведчиков» шел «праведчиков побор» — специальный корм в 1 1/2—2 раза больший, чем корм «доводчика»¹²⁶.

Установленной выше терминологической связи между «праведником» и «правдой» находим дополнительное подтверждение в источниках XVI в. Судя по «Боярской книге» 1556 г., дети боярские получали в кормление «правду» в различных волостях и городах. Среди них Переяславль-Залесский, Кострома, Вологда¹²⁷. Между тем именно в Вологде и Костроме известны «праведчики» из детей боярских¹²⁸.

Пожалование кормления с «правдой» означало, таким образом, право назначать «праведчика» из числа своих людей.

Сделанное предположение подтверждается сопоставлением кормленных грамот с доходными списками. В кормленной грамоте 1509 г. И. И. Коробьину говорится, что кормление дано ему «с правдой» — соответственно в выданном ему доходном списке говорится о корме для его «праведчика»¹²⁹. Г. Д. Кобякову Соль Малая была дана только «с пятном» — «праведчик» в его доходном списке не упоминается¹³⁰.

Получая право назначать «праведчика», наместник, естественно, получал право и на все шедшие «праведчику» доходы. Очевидно поэтому

¹²¹ АСЭИ, т. I, № 349.

¹²² Там же, № 582, 595.

¹²³ Об этом значении термина «правда» см.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II. М., 1951, стр. 335.

¹²⁴ АСЭИ, т. I, № 231 — «а доводшик у них лобора не берет, ни мой праведшик»; там же, № 192 и т. III, № 253 — «а доводчики их и мои праведшики»; там же, т. I, № 260 и т. III, № 54а — «праведшики мои и волостелины доводшики». «Праведчик» Нерехты Яков Курица (АСЭИ, т. I, № 369) происходил из известного боярского рода потомков Ратши.

¹²⁵ «Акты Археологической экспедиции», т. I. СПб., 1836, № 144; «Акты исторические», т. I. СПб., 1841, № 137; «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1907, кн. II, Смесь, № 9.

¹²⁶ См. уставные грамоты, указанные в сноске 125 настоящей статьи, а также «Акты Юшкова», № 69, 75. С. Б. Веселовский («Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси», стр. 273) ошибается, когда утверждает, что «правитчик особого корма не получал».

¹²⁷ «Боярская книга», лл. 110, 74, 174, 152.

¹²⁸ «Русская историческая библиотека», т. 32, № 117; ДАИ, т. I, № 119.

¹²⁹ «Акты Юшкова», № 74, 75.

¹³⁰ Там же, № 124, 125.

в грамоте Василия III Ю. Ф. Осорьину¹³¹ вместо обычной формулы «с правдой» указывается, что волость дается ему «с праведчиковым оброком».

История появления пожалования «с правдой» в кормленых грамотах показывает, что распространение практики дополнительных пожалований является показателем не расширения власти кормленщиков, а прогрессирующего раздробления их некогда единой власти.

Из 42 грамот 1506—1556 гг. лишь 10 представляют собой обыкновенный тип кормленной грамоты, без каких-либо дополнений. В остальных 32 документах ($\frac{3}{4}$ дошедших грамот) пожалование кормлений связано с предоставлением каких-либо дополнительных привилегий: 17 грамот (почти половина дошедших до нас) даны «с правдой», 14— «с пятном», 7— «с мытом». Кроме того, имеются единичные указания в грамотах Ивана IV на пожалование «с тамгой», «с помером» (пошлина, взимавшаяся при купле-продаже сыпучих тел), «с корчмой» (грамота 1549/50 г.).

Таким образом, пожалование кормления очень часто сопровождалось пожалованием кормленщику дополнительных доходов: чаще всего это было право держать собственного «праведчика» и пятенщика, взимавшего в пользу кормленщика пошлину с клеймения лошадей. Право сбора проезжих торговых пошлин («мыта») встречалось, видимо, значительно реже, и совсем редко, по-видимому, жаловался кормленщикам сбор «тамги»¹³².

Несколько особняком стоят кормленные грамоты второй половины XVI в. на псковские и новгородские пригороды; в них кормление жалуются обычно «с корчмою и с пятном»¹³³ (Гдов, Опочка) или «с корчмами и всеми пошлинами» (Невель)¹³⁴. К ним примыкает и грамота 1549 г. на г. Шую, которая дана также «с корчмою».

Появление «корчмы» в этих документах объясняется тем, что, по-видимому, в середине XVI в.¹³⁵ свободное изготовление и питье спиртных напитков были запрещены¹³⁶, а в городах были открыты казенные «корчмы» или «кабаки», где свободно торговали вином, пивом, медом и брагой. Если в больших городах «кабаки» держали таможенные целовальники, то в маленьких городах, по-видимому, часто право держать такую корчму и торговать вином в свою пользу получал наместник¹³⁷.

Пожалования «с правдой» или «с мытом» во второй половине XVI в. не встречаются: очевидно, предоставив кормленщикам право держать корчму, правительство уже не находило нужным наделять их дополнительными доходами.

Наряду с разобранными выше документами в комплексе кормленных грамот первой половины XVI в. можно также отметить грамоты, по ко-

¹³¹ АСЭИ, т. III, № 115.

¹³² Эти выводы носят несколько условный характер, так как в отдельных случаях кормленные грамоты, по-видимому, неполно перечисляют дополнительные права кормленщиков: так, согласно кормленной грамоте, И. И. Коробьин получил волость Ростовец «с правдой» («Акты Юшкова», № 74), а из одновременно выданного ему доходного списка (там же, № 75) видно, что он получил кормление с правом сбора также «пятна» и «мыта».

¹³³ «Акты Юшкова», № 181, 189, 200; Приложение к настоящей статье, № 22.

¹³⁴ «Акты Юшкова», № 212.

¹³⁵ В Новгороде, в частности, корчмы были введены в 40-х годах XVI в. («Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 123).

¹³⁶ См. в доходном списке 1568 г. («Акты Юшкова», № 194): «детем боярским и попом, посацким людем черным и казакам, и стрельцом... по подворьям питья... у себя не держати, а держати им питье и пити две недели в год». До введения «корчем» волость получал в свою пользу ведро меда или пива с братчины.

¹³⁷ Подробнее см. в доходном списке 1568 г. («Акты Юшкова», № 194). В уставных грамотах псковских пригородов также специально отмечается право наместника держать корчму (С. В. Рождественский. Следы уставных грамот в писцовых книгах псковских пригородов.— «Записки Отделения русской археологии Археологического общества», т. IX. СПб., 1897).

торым отдельным представителям господствующего класса жаловались в кормление «мех»¹³⁸, «полавочное»¹³⁹ или «поворотное»¹⁴⁰. Как видно из самого содержания этих документов, «поворотное» было подворным денежным налогом, взимаемым с различных категорий посадского населения, а «полавочное» — аналогичным налогом, которым облагались посадские лавки. К числу подобных сборов принадлежал, возможно, и «мех», так как из имеющихся грамот и данных «Боярской книги»¹⁴¹ видно, что этот налог также собирался в городах. С кормлениями традиционного типа эти пожалования сближает то обстоятельство, что они также давали кормленщику материальное вознаграждение за его прошлые «службы», но между нами налицо и принципиальные различия: все обязанности кормленщиков, получивших «поворотное» или «полавочное», по существу ограничивались сбором ими данных налогов в свою пользу, и к местному аппарату власти они фактически не принадлежали. Это нашло свое отражение и в формуляре выдававшихся им кормленых грамот, где лишь указывается, за какое время, с каких категорий лиц и в каких размерах кормленщик может взимать налог.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень кормленых грамот XV—XVI вв., не вошедших в «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества» и в «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси»

1. (1462—1494 гг.).— Грамота Бориса Волоцкого Н. С. и Д. С. Кулибакиным на вол. Войнич (Рузского у.) «в ключ с пятном в кормление на два года». *Список XVIII в.*: Архив Ленинградского отделения Института истории СССР, кол. 238, карт. 264, № 1 (указал В. Д. Назаров).
2. (1485—1505 гг.) — Грамота Ивана III И. С. Писареву на вол. Туд. Воложский (Ржевского у.) «с праведниковым оброком» * под Селком Суколиновым. *Отрывок из этой грамоты*: Н. И. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843, стр. 129.
3. (1505—1515 гг.)** — Грамота Василия III Б. Я. Голохвастову на земли «числяков и ордынцев» «с пятном и со всеми пошлинами» под наместником московским кн. Д. В. (Щеней). *Публ. (по подл.)*: «Чтения ОИДР», 1847, № 4, Смесь, стр. 102.
4. (1505—1533 гг.) — Грамота Василия III Ф. С. Писареву на с. Высокое (Коломенского у.) «с мытом» «под его братом Брюхом Писаревым». *Публ.*: Н. И. Иванчин-Писарев. Прогулка по древнему Коломенскому уезду, стр. 128—129.
5. (1505—1533 гг.) — Грамота Василия III И. Я. Хохлову на вол. Мишутино (Переяславль-Залесского у.) «с правдою» под Ахматом Сеченым. *Подл.*: Государственный архив Калининской области, ф. Тверской ученой архивной комиссии, № 1928 (ср. там же, № 21.124 — указал В. А. Кучкин).
6. (1505—1533 гг.) — Грамота Василия III С. Д. Аминеву на г. Чухлому (Галицкого у.) под Третьяком Котениным. *Публ. (по подл.)*: «Дополнения к актам историческим», т. I. СПб., 1846, № 215, стр. 363.
7. 1510 г., ноября 24 — Грамота Юрия Дмитровского В. В. Ртицеву на вол. Белый город (Кашинского у.) «с правдою и с мытом и с перевозом» под С. М. Шишовым. *Публ. (по подл.)*: А. А. Зимин. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. — «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 144.
8. 1511 г., апрель — Грамота Василия III Д. И. Аминеву на вол. Утманово и Яхренгу (Устюжского у.) «с правдою». *Публ. (по подл.)*: «Дополнения к актам историческим», т. I. СПб., 1846, № 215, стр. 362.
9. 1513 г., июня 13 — Грамота Василия III И. С. Голстеневу на с. Лодьино (Старицкого у.) «с правдою»*** под братом Андреем.

¹³⁸ «Акты Юшкова», № 85, 135; Приложение к настоящей статье, № 13.

¹³⁹ Приложение к настоящей статье, № 19; «Акты Юшкова», № 176.

¹⁴⁰ «Акты Юшкова», № 167, 169.

¹⁴¹ «Боярская книга», лл. 4, 5, 23, 47, 50, 80, 141, 148, 148 об., 158, 163, 165, 167.

Список XVIII в.: Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Собрание Отдела рукописей, поступления 1959 г., карт. 916, № 41.

10. Ок. 1517 г. — Грамота Василия III Назарю Арсеньеву на Засенье «с правдою» под Лизуном Тургеневым. Продление: от Ильина дня 1518 г. до Ильина дня 1519 г. Дьяк Елизар Циплятев.

Публ. (по подл.): А. А. З и м и н. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. — «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 145.

11. Ок. 1523 г. — Грамота Василия III С. Д. Аминеву на Жилино «без правды» под Третьяком Шейкиным. Продление «без правды» от Рождества Иоанна Предтечи 1524 г. до Рождества Иоанна Предтечи 1525 г. Дьяк Елизар Циплятев.

Публикация (по подл.): «Дополнения к актам историческим», т. I. СПб., 1846, стр. 362—363.

12. 1525 г., сентябрь — 1526 г., август — Грамота Юрия Дмитровского И. В. Кожину на вол. Инобаж (Дмитровского у.) под И. Г. Муниным.

Публ. (по списку): «Русская вивлиофика, издаваемая Николаем Полевым», т. I. М., 1833, стр. 198—199.

13. 1526 г., сентябрь — 1527 г., август — Грамота Василия III С. Ф. Таптыкову на «воложецкий» и белозерский «великоденский» мех.

Публ. (по списку): «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», т. XXV. Тамбов, 1889, стр. 42.

14. 1528 г., апреля 2 — Грамота Василия III Р. В. Данилову Домнину на вол. Пущму и Осиновец (Устюжского у.) «с правдою и с пятном» под Суслем Бурдуковым.

Публ. (по списку): А. А. З и м и н. Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. — «Исторический архив», 1960, № 3, стр. 150.

15. 1543 г., июня — Грамота Ивана IV Г. П. Арцыбашеву на половину «ямского» в Новгороде.

Публ. (по подл.): «Записки Отделения русской и славянской археологии», т. VII. СПб., 1907, стр. 258—259.

16. 1545 г., марта — Грамота Ивана IV А. Т. Окуневу на половину «писчие» в Русе под Михаилом Ступишиным. Продление до Благовещенья 1546 г. Дьяк Иван Елизаров.

Публ. (по подл.): В. Ласковский и Н. Лашков. Краткое описание Новгородского музея. Новгород, 1893, стр. 78—79.

17. (после янв. 1547 г.) **** — Грамота Ивана IV И. Б. Голохвастову на Пунему, Шубачь и Вещь-озеро (Чарондской округи) под Г. С. Плещеевым.

Публ. (по подл.): «Чтения ОИДР», 1847, № 4. Смесь, стр. 103.

18. Ок. 1549 г. **** — Грамота Ивана IV И. Б. Голохвастову на г. Шую «с правдою, с пятном и с корчмою». Продление «на другой год» — «с правдою, с пятном и с корчмою» «от оспожина дни 7058 до оспожина дни 7059». Дьяк Иван Выродков.

Публ. (по подл.): «Чтения ОИДР», 1847, № 4. Смесь, стр. 103.

19. 1550 г., декабрь 26 — Грамота Ивана IV Я. А. Бобоедову и Г. Я. Бобоедову на сбор полавочного в Дмитрове.

Список XVIII в.: Архив Ленинградского отделения Института истории СССР, колл. 238, карт. № 38, № 7а (указал В. Д. Назаров).

20. 1553 г., мая 4 — Грамота Ивана IV Р. Б. Голохвастову на Троецкую треть в Зазерье (Вологодского у.) под Иваном Замытцким.

Публ. (по подл.): «Чтения ОИДР», 1847, № 4. Смесь, стр. 104.

21. 1554 г., марта 1 — Грамота Ивана IV К. Т. Осорьину на Соль Малую (Костромского у.) «с пятном и с помером».

Публ. (по подл.): Н. П. Лихачев. Грамоты рода Осорьиных. СПб., 1900, стр. 12.

22. 1567 г., мая 25 — Грамота Ивана IV Н. П. Чепчугову на г. Опочку «с корчмою и с пятном» под Василием Вешняковым. Продление «на другой год». Дьяк Андрей Шелкалов.

Список XVII в.: ЦГАДА, собр. Мазурина, оп. 2, № 247.

23. 1577 г., ноябрь — Грамота Ивана IV кн. И. Ю. Морткину на г. Карачев.

Публ. (по подл.): «Собрание государственных грамот и договоров», ч. II. М., 1813, стр. 65.

24. 1581 г., апрель — Грамота Ивана IV Л. А. Окуневу на г. Белую. Продлено 25 ноября 1582 г. «на другой год» с 1 апреля 1583 г. по 1 апреля 1584 г. Дьяк Андрей Шелкалов.

Публ. (по подл.): «Записки Отделения русской и славянской археологии», т. VII. СПб., 1907, стр. 258—259.

25. 1582 г., января 15 — Грамота Ивана IV Ф. Д. Хохлову на г. Орлов (на Вятке).

Подлинник: Государственный архив Калининской области, ф. Тверской ученой архивной комиссии, № 1932. (Указал В. А. Кучкин).

* В публикации Иванчина-Писарева текст искажен — правильный текст восстановлен на основании подлинной грамоты Василия III Юрию Осорьину (АСЭИ, т. III, № 75).

** Князь Д. В. Щеня умер в 1515 г.

*** По списку «с правдою».

**** Иван IV назван царем.

***** Возможна и более ранняя дата, так как Иван IV назван только великим князем.

В. И. Гальцов

О ЧЕРНОВЫХ ВАРИАНТАХ АРХИВНЫХ ОПИСЕЙ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА XVII в.

В 1614 г. в Посольском приказе была сделана попытка систематизации и описания его архива¹. Опись дел архива приказа хранилась впоследствии среди «книг московских» и была отмечена в другой описи, 1626 г.², как «Книга переписная всяким делам Посольского приказа, что переписывали после московского разоренья околничей князь Данило Иванович Мезецкой да дьяк Петр Данилов во 123-м году»³. Кроме этого, в описи 1626 г. среди «столпов московских» зафиксирован «Столп переписной, черной список⁴ всяких дел Посольского приказа, как переписывал в Посольском приказе околничей князь Данило Мезецкой да дьяк Петр Данилов во 123-м году, верху нет, изотлел»⁵.

Перед нами, видимо, не сохранившийся и, быть может, не единственный черновой вариант описи 1614 г., своеобразие которого, в отличие от переписных «книг» и «тетрадей» Царского архива XVI в.⁶, в столбцовой форме описания.

В первой половине XVII в. в Посольском приказе составление черновых вариантов описей архива, вероятно, становится практикой. Помимо переписной книги 1626 г. в ЦГАДА хранится отрывок этой описи⁷ в виде тетради без начального листа, соответствующий лл. 16 об.—22 об. описи 1626 г. (часть первой главы «докончальные и духовные грамоты прежних великих князей»). Характерное отличие отрывка от описи — менее разборчивый почерк, между тем (что любопытно) весьма сходный с почерком описи на лл. 171—242 об. Можно предположить, что это отрывок недошедшего чернового варианта описи 1626 г.

Известно также о существовании чернового варианта описи архива Посольского приказа 1632 г. (опись была составлена дьяком И. Переносовым под руководством окольничего Л. И. Долматова-Карпова⁸). В переписной книге архива этого приказа 1673 г. он был отмечен как

¹ Опись 1614 г. подготовлена к печати С. А. Левиной в издании «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года». Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960; см. также С. А. Левина. Попытка систематизации архива Посольского приказа в 1614 году.—«Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 16. М., 1961.

² ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, ед. хр. 2.

³ Там же, л. 51.

⁴ Разрядка моя.— В. Г.

⁵ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, ед. хр. 2, л. 442 об.

⁶ См. об этом: С. О. Шмидт. К истории составления описей Царского архива XVI в.—«Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960.

⁷ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, ед. хр. 2а.

⁸ Там же, ед. хр. 3.

«26 тетрадей, переписные черные, государевым делам и грамотам и книгам Посольского приказу, многих листов нет и собрать немочно, у иных тетрадех по листом припись дьяка Ивана Переносова»⁹. 10 из этих тетрадех (78 листов) в плохом состоянии хранятся в ЦГАДА¹⁰. Первый и последний листы первой тетради отсутствуют. На всех листах скрепа: Ди//як //Иван// Пе//ре//но//сов. Содержание тетрадех соответствует описательным статьям на лл. 3—59 переписной книги 1626 г. (первая глава, лл. 2 об.—66).

В описи 1632 г. помимо новых документов, поступивших в приказ с 1626 г. по 1632 г. «по пересмотру», были описаны «против прежних переписных книг не сыскные всякие дела», а также найденные «сверх прежних переписных книг» (л. 1). Для пересмотра старых дел, видимо, и был составлен рабочий список с описи 1626 г., часть которого сохранилась в виде вышеупомянутых десяти «переписных черных» тетрадех. Об этом свидетельствуют пометы «есть», сделанные в тетрадях на полях, и приписи, такие как: «У подьячево у Григорья Лвова» или: «Грамота на харатье великого князя Василья жаловальная за красною печатью лета 7022-го году, дана смолянном всяким людем всему городу» (так и в описи 1626 г., лл. 47 об.—48), на поле помета (зачеркнута): «написать именно о чем», после описания приписано: «что в их в смоленские земли великому князю не вступатись» (лл. 64 об.—65). Пересматривая дела по списку, составители описи 1632 г. конкретизируют или расширяют некоторые описательные статьи переписной книги 1626 г. В результате появляются добавления, такие как: «ветха, изодрана, а у ней 2 печати серебряны золочены, одна Олексеева, а другая великого князя» (лл. 13 об.—14) или: «Список с подтвержельные целовальные записи князя Володимера Ондреевича лета 7062-го году», далее приписано: «а которого князя Володимера, тово в списке не написано» (л. 72); «Запись поручная по боярине по Лве Андреевиче Салтыкове [здесь лист кончается, по нижнему полю листа приписано: «и по ево детях по М[иха]иле да по Иване»] в отъезде 7073-го году за рукою поручиков» (лл. 75 об.—76). Уточняются заголовки документов: «Тетратка, а в ней список з докончалные грамоты великого князя Василья Васильевича со князем Михаилом Ондреевичем лета 6956-го году», «Михаилом зачеркнута, а сверху надписано «Иваном» (л. 26 об.); «2 грамоты утвержельные великого князя Ивана Васильевича... у них 3 печати, писаны лета 6995-го году, у одной середнего листа нет», фраза «у одной середнего листа нет» зачеркнута (лл. 56 об.—57). Все пометы и приписки сделаны в тетрадах почерком, отличным от основного.

Таким образом, эти небольшие наблюдения конкретизируют наши представления о методах написания архивных описей в Посольском приказе XVII в.

⁹ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, ед. хр. 4, л. 1019.

¹⁰ Там же, ед. хр. За.

Ю. Д. Рыков

РЕДАКЦИИ «ИСТОРИИ» КНЯЗЯ КУРБСКОГО

Князь А. М. Курбский занимает одно из ведущих мест в плеяде русских публицистов XVI в. и как крупный политический деятель и как высокообразованный писатель.

Несмотря на бесспорный интерес и историческое значение публицистических произведений Курбского, они до сих пор не подвергались специальному текстологическому исследованию. Не останавливались глубоко на вопросах истории текста по существу и издатели этих сочинений в дореволюционной России Н. Г. Устрялов и Г. З. Кунцевич. В основу своих публикаций произведений Курбского они привлекли самые ранние, наиболее исправные списки, привели разночтения из ряда других списков под основным текстом и дали описание известных им списков с указанием полноты, степени исправности и сходства отдельных списков. Однако многие вопросы критики текста этих произведений остались нерешенными¹.

В настоящее время назрела необходимость нового, критического издания всех сочинений Курбского, отвечающего современному состоянию исторической науки. Предварительным условием решения этой проблемы должно явиться рассмотрение ряда вопросов текстологии, изучение истории текста.

Статья посвящена текстологическому изучению «Истории о великом князе Московском» (далее — «История»). Ее задача — отметить основные этапы в развитии текста «Истории», поставив вопрос о редакциях этого памятника.

«История», как полагает ряд исследователей, была написана Курбским уже к лету 1573 г. и ставила своей задачей помешать избранию Ивана Грозного на престол Речи Посполитой². Подлинный текст этого произведения не сохранился. «История» дошла до нас только в списках второй половины XVII — первой половины XIX вв. Эти списки входят в состав рукописных сборников, известных в литературе под названием сборников Курбского.

Текстологический анализ списков, хранящихся в архивах Москвы и

¹ Н. Устрялов. Сказания князя Курбского. СПб., 1833; изд. 2. СПб., 1842; изд. 3. СПб., 1868; Г. З. Кунцевич. Сочинения князя Курбского, т. I. — «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. XXXI. СПб., 1914. Г. З. Кунцевич намеревался поместить свое описание списков во втором томе сочинений Курбского, который готовился им к печати, но в силу ряда причин оказался неизданным. Верстка второго тома сочинений Курбского с частью этого обстоятельного описания находится в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР (ЛОИИ СССР, ф. 276, оп. 1, № 30).

² См. об этом: А. А. Зимин. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVIII. М. — Л., 1962, стр. 306—308; Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966, стр. 39.

Ленинграда, позволяет прийти к выводу о существовании трех редакций «Истории»: Полной, Компилятивной и Сокращенной.

Полная редакция известна нам по 39 спискам. Из них 9 относятся ко второй половине XVII в.³, 22 списка — к XVIII в.⁴, а 8 остальных — к первой половине XIX в.⁵ Полная редакция, очевидно, ближе других редакций стоит к первоначальному тексту «Истории», и ее списки дают более древний, полный и исправный текст «Истории» Курбского. Разночтения между ними, по существу, незначительные. По-видимому, текст Полной редакции восходит к тексту протографа «Истории». Вот почему Н. Г. Устрялов и Г. З. Кунцевич положили в основу своих изданий списки Полной редакции.

Компилятивная редакция известна нам по 3 спискам. Древнейший Синодальный и Невоструевский списки не имеют заглавия и относятся к концу XVII — началу XVIII в.⁶, третий, Толстовский список озаглавлен: «О суровствах царя Ивана Васильевича» и относится ко второй половине XVIII в.⁷ Списки отличаются небольшими пропусками текста и мелкими разночтениями, которые свидетельствуют в пользу того, что эти списки восходят к своему общему архетипу, имевшему более исправный текст Компилятивной редакции. Списки находятся в различных по своему составу сборниках; общим из «конвоя» является лишь послание Максима Грека Ивану IV о небритии бороды. Вероятно, послание имелось в составе сборника, содержащего архетипный текст этой редакции. В отличие от Полной, Компилятивная редакция дает сокращенный и переработанный текст «Истории» Курбского. В ней опускаются отдельные слова, фразы, абзацы, особенно на нравоучительные темы. Отсутствует в Компилятивной редакции и описание взятия Казани, которому Курбский уделил значительное место в «Истории»⁸. Списки Компилятивной редакции лишь упоминают о взятии Казани. «И того ради (т. е. благодаря совету Ивана IV с боярами. — Ю. Р.) покорил ему бог царство Казанское»⁹. Не дано также подробное освещение и событий Ливонской войны¹⁰. Особенностью этой редакции является то, что на-

³ Центральный государственный архив древних актов (далее—ЦГАДА), ф. 181, № 60, лл. 7—119; № 82, лл. 1—260; № 558, лл. 1—141 об.; Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (далее—ГБЛ), Собр. Тихонравова, № 639, лл. 464—551 об.; Государственный исторический музей (далее—ГИМ), Синодальное собр., № 136, лл. 3—118 об.; там же, Собр. Барсова, № 1700, лл. 441—518 об.; там же, Собр. Уварова, № 301, лл. 1—133; Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее—ГПБ), Собр. Погодина, № 1494, лл. 1—106 об.; там же, Собр. С.-Петербургской духовной академии, № 309, лл. 1—188.

⁴ ЦГАДА, ф. 181, № 282, лл. 1—64; ГБЛ, Музейное собр., № 4851, лл. 1—81 об.; № 8324, лл. 8—60; № 8991, лл. 1—135 об.; № 9395, лл. 1—44 об.; там же, Собр. Общества истории и древностей российских, № 119, лл. 1—137 об.; № 255, лл. 262 об.—271, 272—280 об., 283 об.—290 об.; там же, Собр. Ундольского, № 799, лл. 1—60; № 780, лл. 1—79 об.; там же, Собр. Невоструева, № 48, лл. 89—132 об.; там же, Собр. Овчинникова, № 500, лл. 10—122; ГИМ, Музейное собр., № 3090, лл. 1—80; там же, Собр. Барсова, № 366, лл. 1—97; № 1816, лл. 1—92; там же, Собр. Уварова, № 242, лл. 5—75 об.; № 302, лл. 1—89; ГПБ, Q.IV, № 54, лл. 1—168 об.; F.IV, № 135, лл. 5—119 об.; F.1938, № 623, лл. 1—107 об.; там же, Собр. Погодина, № 1493, лл. 1—176; там же, Эрмитажное собр., № 458, лл. 1—16; Библиотека Академии наук СССР (далее—БАН), Собр. Строганова, № 62, лл. 5—96.

⁵ ГБЛ, Музейное собр., № 2211, лл. 1—90 об.; там же, Собр. Общества истории и древностей российских № 645, лл. 1—129 об.; там же, Собр. Румянцева, № 240, лл. 2—196 об., № 241, лл. 1—129 об.; ГИМ, Музейное собр., № 3508, лл. 1—129 об.; там же, Собр. Черткова, № 80, лл. 7—108; ГПБ, F, IV, № 337, лл. 1—100 об.; БАН, Собр. текущих поступлений, № 372, лл. 1—60 (Принюшу благодарность Л. Б. Беловой и М. В. Кукушкиной за сведения об этой рукописи).

⁶ ГИМ, Синодальное собр., № 483, лл. 813—829 об.; ГБЛ, Собр. Невоструева, № 42, лл. 218—232 об.

⁷ ГПБ, F.XVII, № 11, лл. 1—17.

⁸ РИБ, т. XXXI, стб. 173—204.

⁹ ГИМ, Синодальное собр., № 483, л. 816.

¹⁰ Там же, л. 817—817 об.; ср. РИБ, т. XXXI, стб. 227—259.

чальный текст «Истории» заменен в основном сокращенным и переработанным текстом «Выписи из государевой грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради» (далее — «Выпись»). За это свидетельствует прежде всего переключки и даже дословное совпадение в некоторых случаях текста списков Компилятивной редакции с текстом «Выписи».

В качестве примера приведем слова Вассиана Патрикеева, якобы сказанные им московскому великому князю Василию III по поводу его предстоящего развода:

Компилятивная редакция
«Истории»

«Аще бо разлучиши от себе первый брак и к второму совокупиши, прелюбодей будеши»¹¹

«Выпись»

«И аще отлучиши от себе первый брак, а второму присовокупиши, наречешися прелюбодей»¹²

Из сравнения обших фрагментов видно их почти дословное сходство. Приведем еще пример.

Компилятивная редакция «Истории»

«И прием на него (В. Патрикеева.— Ю. Р.) от Чудовскаго архимандрита Ионы словеса клеветна *сичева*: «Максим и Сава, святогорцы, имеют советника доброписца Михаила Медоварца и единомысленно толкуют книги по своему разуму, без твоего указу и без благословения митрополитава. С ними же и Вассиан согласися, и творят укоризну державе твоей. Единомыслен же им и Силван монах»¹³

«Выпись»

«Сичево же поречение архимандричье на старца Васьяна: во обители твоей государеве есть богомолцы странныи, гречени во архимандритех Максим философ и Сава, святогорцы, жительствуют по твоему государеву велению, сходатая имеют себе, доброписца Михаила Медоварца, и три совокупления во единомыслие, и толкуют книги, и изводят словеса по своему изволению, исправляют по своему разуму без согласия и без повеления твоего, и без совета, и без благословения митрополития, и без собора вселенскаго. И Вассиан же согласився с ними же и творя укоризну велику царству твоему, а велел еси быти в своей богомолни в брежении старцу Васьяну; и вницают в неподобная и мерская суесловия. С ними же и Силван чернец единоголасник трех их единомысленники»¹⁴

Вновь можно заметить текстологическую близость «Выписи» и Компилятивной редакции. Взаимосвязь текстов этих двух произведений явная.

Вместе с тем в ряде других фрагментов компиляции чувствуется влияние на ее начало текста Полной редакции. Например, в Компилятивной редакции говорится, что после собора, осудившего противников развода и второго брака Василия III, великий князь сослал Вассиана Патрикеева «в Иосифов монастырь, в прегорчайшую темницу связана, аки злодея, и уморити повеле тамо»¹⁵. Из «Выписи» можно узнать только о заточении Вассиана «во обитель Пречистыя богородицы Зачатие Иосифова монастыря»¹⁶. Источником сведений о том, что Патрикеев по указанию московского князя был связан, как злодей, отправлен в темницу и там умерщвлен, являлась Полная редакция «Истории» Курбского. Именно в ней мы находим известие о том, что Василий III велел заточить Вассиана: «и связана святого мужа, аки злодея, в прегорчайшую

¹¹ ГИМ, Синодальное собр., № 483, л. 813. Здесь и далее курсивом отмечен дословно совпадающий текст и однородные слова в сопоставляемых отрывках.

¹² С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, стр. LVIII.

¹³ ГИМ, Синодальное собр., № 483, л. 813 об.

¹⁴ С. Белокуров. Указ. соч., стр. LIX.

¹⁵ ГИМ Синодальное собр., № 483, л. 813 об.

¹⁶ С. Белокуров. Указ. соч., стр. LIX—LX.

темницу, к подобным себе в злости презлых Осифлян, в монастырь их отослал и скорою смертию уморити повелел»¹⁷.

Сходство композиционной структуры наблюдается и в «Выписи» и в начальном тексте Компильтивной редакции. Начальный текст компиляции, как и текст «Выписи»¹⁸, состоит из трех частей. Первая содержит рассказ о разводе Василия III с его первой женой Соломонией Сабуровой и об осуждении Вассиана собором. Вторую часть «Выписи» и начального текста компиляции составляет рассказ о посылке Василием III посланий о браке вселенским патриархам и об ответе александрийского патриарха Марка князю Василию. Третью часть составляет рассказ о присылке «писания» от афонских монахов Василию III. В Компильтивной редакции последние две части даны в очень кратком изложении¹⁹. В Полной редакции «Истории» второй и третьей части мы не находим, а первая часть представлена очень кратко: ряд сведений, имеющихся в Компильтивной редакции и в «Выписи», в ней отсутствует²⁰.

Для начального текста компиляции и «Выписи» характерна сходная идейная оценка событий. И в Полной и в Компильтивной редакции «Истории» развод князя Василия трактуется отрицательно. Но в Полной редакции развод объясняется склонностью Василия III «ко многим злым и сопротив закону божия делом»²¹, а в Компильтивной редакции — стремлением князя оставить потомство («ради чадородия»)²². Если в Полной редакции говорится, что развод — это «беззаконие»²³, то в Компильтивной редакции развод оценивается как прелюбодеяние²⁴. Таким образом, между начальным текстом Компильтивной редакции и Полной редакции наблюдаются идейные диссонансы; текст же «Выписи» дает нам оценку развода Василия III, сходную с начальным текстом компиляции.

В начале компиляции и в «Выписи» содержатся общие фактические ошибки. Так, в Полной редакции «Истории» Курбского не говорится, что заточение Патрикеева последовало сразу же после обсуждения вопроса о бракоразводном процессе Василия III. В «Выписи» же, а также в начальном тексте Компильтивной редакции причины и время опалы Вассиана связываются именно с его выступлением против развода Василия III с Соломонией²⁵.

Списки компильтивной повести «О суровствах царя Ивана Васильевича» в известных нам сборниках «конвоируются» посланием Максима Грека Ивану IV о небритии бороды. Как известно, в сборниках Курбского сочинений Максима Грека нет, но в сборниках, содержащих «Выпись», они широко представлены. Среди них можно найти и послание Максима Ивану Грозному о небритии бороды²⁶. Очевидно, первоначальный текст компиляции был создан на основе редакторской переработки и соединения текстов Полной редакции «Истории» Курбского и «Выписи» о втором браке Василия III, взятой из сборника, содержащего наряду с ней и сочинения Максима Грека.

¹⁷ РИБ, т. XXXI, стб. 164.

¹⁸ См. М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III. — В кн.: М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 81.

¹⁹ ГИМ, Синодальное собр., № 483, лл. 813 об. — 814.

²⁰ Там же, л. 813—813 об.; С. Белокуров. Указ. соч., стр. LV—LXV; ср. РИБ, т. XXXI, стб. 162—165.

²¹ РИБ, т. XXXI, стб. 162.

²² ГИМ, Синодальное собр., № 483, л. 813.

²³ РИБ, т. XXXI, стб. 163.

²⁴ ГИМ, Синодальное собр., № 483, лл. 813—814.

²⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 163—164; ГИМ, Синодальное собр., № 483, л. 813—813 об.; С. Белокуров. Указ. соч., стр. LVI—LX.

²⁶ ГБЛ, Собр. Шибанова, № 122, лл. 519—522.

Кроме Полной редакции «Истории» Курбского и «Выписи» редактор компиляции использовал также и другие источники. В Компилятивной редакции, в отличие от Полной редакции «Истории» и «Выписи», есть хронологические даты, описание происхождения второй жены Ивана III Софьи Палеолог и т. д.²⁷

Одним из таких источников Компилятивной редакции было, очевидно, особое сказание об Иване Грозном, часть текста которого вошла в позднейшее Житие Максима Грека, составленное в 20-х годах XVIII в.²⁸ В этом историческом памятнике находится текст, перекликающийся с начальным текстом Компилятивной редакции. Приведем оба текста.

Компилятивная редакция
«Истории»

«Не помнозе (после рождения, Ивала IV.—Ю. Р.) умершу отцу его, остана токмо 2-летен, но прокудлив бе зело. Содержаше же царство мати его. Он же в ненаказании сый играше совозрастая со младыми отроки в буйстве. По немногих же летех умре и мати его, господствовавши с сыном лета 4... По неколикох летех по преставлении матере своия великий князь поя себе царицу Анастасию Романовну. И сия благо разумная жена воздержаше его от всякого зла и реди ему три сыны»²⁹

Житие Максима Грека

«И в лето 7042 месяца октявря в 5 день преставися великий князь Василей Иванович. И по нем остана же ся после отца своего отроческ сый и восприм великое княжение Иванн Васильевич, но прокудлив бе зело: содержаше же царство мати его Елена. Он же, в ненаказании сый, играше со младыми отроки в буйстве. По сем же мати его Елена преставившия, и после ея обручися в лето 7052 году месяца ноября в 3 день, и поят благоверную великую княгиню Анастасию Романовну. И сия благоумная жена содержаше его от всякого зла и добре строяше царство, и породи ему три сыны князей»³⁰

Из сопоставления ясно видна текстологическая взаимосвязь обоих отрывков.

Компилятивная редакция, древнейшие списки которой относятся к концу XVII — началу XVIII в.³¹, не могла появиться раньше, чем была составлена «Выпись» и стала известна в России «История» Курбского.

В исторической литературе не существует единого мнения по вопросу о времени написания «Выписи». Несомненно, что она была составлена не позднее середины XVII в., которой датируются ее наиболее ранние списки³².

Неразрешенным также до сих пор является, к сожалению, и вопрос о времени появления в России «Истории» Курбского, а также ряда других его сочинений, написанных в Литве. Списки этих произведений дошли до нас в составе сборников Курбского, написанных не ранее второй половины XVII в.

Не совсем ясным представляется и вопрос о времени и месте создания протографа этих сборников. По мнению Я. С. Лурье, протограф возник в 80-х годах XVI в. в Литве и к составлению его причастны если не сам Курбский, то его ближайшие сподвижники. Достаточно веских аргументов в пользу своего предположения Я. С. Лурье не приводит,

²⁷ ГИМ, Синодальное собр., № 483, лл. 813—815 об.; ср. РИБ, т. XXXI, стб. 161—169; С. Белокуров. Указ. соч., стр. LV—LXV.

²⁸ Об источниках и методике составления этого жития см.: С. Белокуров. Указ. соч., стр. 217—220.

²⁹ ГИМ, Синодальное собр., № 483, лл. 814 об.—815 об.

³⁰ С. Белокуров. Указ. соч., стр. LXX—LXXI.

³¹ Водяной знак Синодального списка: голова шута с семью бубенцами и неуставленными литерами и герб Амстердама с лигатурой PL (Клепиков — Амстердам, № 227—1675—1723 гг.). Архимандрит Савва относил составление этого списка к XVII в. (Савва. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки, изд. 2. М., 1858, стр. 196), а Г. З. Кунцевич — к первой половине XVII в. (ЛОИИ СССР, ф. 276, оп. 1, № 30, стр. 221—222). Водяной знак Невоструевского списка: герб семи провинций и литеры CDG (Клепиков, № 941—1697 г.).

³² См. об этом: С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III.—Новое о прошлом нашей страны. Сборник статей памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, стр. 110—122.

ибо составление протографа сборников Курбского, преследующее политические цели, могло быть осуществлено и в России XVII в. на основе материалов, полученных из Литвы. Составлен ли был этот протограф в 80-х годах XVI в. или в более позднее время — все это можно пока считать загадкой истории, а мнение Я. С. Лурье лишь одним из возможных ответов на нее³³.

Создание Компилятивной редакции можно отнести к XVII в., с которым связан заметный интерес русского общества к опричнине Ивана Грозного и к бракоразводному процессу его отца. За это говорит тот факт, что текст «Истории» Курбского об опричнине в компиляции передан сравнительно с меньшей степенью сокращений, чем текст, относящийся к первой половине царствования Ивана IV³⁴, а первая часть «Выписи», повествующая именно о разводе Василия III, передана в компиляции подробней, чем две другие части «Выписи», рассказывающие о посланиях Василия III вселенским патриархам, ответе патриарха Марка и о присылке «писания» с Афона Василию III. Впрочем, не исключено, что создание этой редакции относится к концу XVII — началу XVIII в. и связано с жестокой расправой Петра I над восставшими стрельцами и насильственным заточением первой жены Петра I Евдокии в 1698 г. в Покровский Суздальский монастырь.

Сокращенная редакция «Истории» известна нам по 16 спискам.

Из них 11 списков относятся ко второй половине XVIII в.³⁵, а 5 списков — к первой трети XIX в.³⁶ Отличительной чертой редакции являются систематические сокращения текста, пропуски отдельных фраз и абзацев, особенно на религиозные и нравоучительные темы, искажения текста и модернизмы. Все списки Сокращенной редакции обычно имеют специфический заголовок, отличающийся от заголовков Полной и Компилятивной редакции, — «Описание князя Курбского о царе Иоанне Васильевиче». Текст «Истории» по спискам Сокращенной редакции заканчивается сообщением о побеге Курбского в Польшу в 1564 г., в то время как текст списков Полной редакции этого известия не содержит и заканчивается обличением тирании Ивана Грозного и его «ласкателей», опричников³⁷.

Источником для Сокращенной редакции «Истории» Курбского, очевидно, послужила Полная редакция.

Компилятивная редакция не могла стать основой для такой переработки текста. Как уже отмечалось, в компиляции отсутствуют сведе-

³³ Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. — В кн.: «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 528—533, 549—551.

³⁴ Пропуски и значительные сокращения текста «Истории» можно найти в известиях этой редакции о Казанской и Ливонской войнах, о подавлении восстания народов Поволжья в 1553—1556 гг., в нравоучениях и религиозных назиданиях Курбского и т. д. Кстати, уже из заголовка компиляции можно видеть, что в ней главное внимание уделено рассказам «о суровствах» Ивана Грозного, то есть опричнине.

³⁵ ГБЛ, Музейное собр., № 2212, лл. 2—26 об.; там же, Собр. Лукашевича и Маркевича, № 14, лл. 1—85; там же, Собр. Тихонравова, № 357, лл. 1а—46 об.; там же, Собр. Отдела рукописей, № 184, лл. 1—55 об.; ГИМ, Музейское собр., № 1117, лл. 1—71; № 2782, лл. 2—23 об.; № 3712, лл. 2—36; ГПБ, Собр. Михайловского, Q, № 281, лл. 1—77 об. (Выражаю благодарность за сведения об этой рукописи Я. С. Лурье); БАН, 16, 9.12, лл. 1—49; 32.5.23, лл. 1—30 об.; ЛОИИ СССР, Собр. Лихачева, № 46, лл. 1—62.

³⁶ ГБЛ, Музейное собр., книга поступлений за 1938 г., № 148, лл. 1—39; ГИМ, Собр. Черткова, № 478, лл. 2—33 об.; ГПБ, Собр. Колобова, № 79, лл. 2—55 об.; там же, Собр. Семевских, № 10, лл. 1—53; Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Собр. Перегца, № 568, лл. 4—40 об.

³⁷ РИБ, т. XXXI, стб. 354; ГБЛ, Собр. Лукашевича и Маркевича, № 14, л. 85; ср. наблюдения над отдельными списками («Собрание Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», т. II, М., 1957, стр. 149 (маш. экз. ОР ГБЛ); «Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Описание», т. I, М., 1961, стр. 327 и др.).

ния о взятии Астрахани русскими войсками в 1556 г., фактически не отражены Казанская война, борьба с набегом военных отрядов крымского хана Девлет-Гирея на южные окраины России, походы русских войск в Поволжье в 1553—1556 гг. для подавления восставших народов этого края, Ливонская война и т. д.

В Компилятивной редакции всем этим крупнейшим в истории России событиям отведено буквально несколько строк³⁸. В Сокращенной редакции эти события освещены полней и по степени подробности изложения сравнительно ближе к тексту Полной редакции³⁹.

Сопоставим, например, фрагменты из рассказа о восстании народов Поволжья.

Полная редакция	Компилятивная редакция	Сокращенная редакция
<p>«Паки ополчютца против его (Ивана IV. — Ю. Р.) оставшие князи казанские, вкупе со предреченными протчими языки поганскими, и воюют зелено, не токмо на град Казаньский приходяще с великих лесов, но и на землю Муромскую и Новаграда Нижнего наезжают и пленят. Того было беспрестанне, аки шесть лет после взятия места Казанского, иже во оной земле грады новопоставленные, некоторые же и Руской земле, в осаде были от них И свели тогда битву з гетманом его, мужем нарочитым, ему же имя было Борис Морозов, глаголемый Салтыков: и падоша полки христианские от поганов и сам же гетман поиман. И держаша его жива аки два лета, и потом убиша его: не хотеша его а ни на откуп, а ни отмену своих дати. И в тую шесть лет битвы многие быша с ними и воевания; и толикое множество в то время погубе войска христианского, биующися и воюющися с ними беспрестанно, иже вере неподобно»⁴⁰</p>	<p>«Потом ратовавша его оставши казанстии князие чрез шесть лета и многия тысящи воинства христианскаго погубоша»⁴¹.</p>	<p>«Паки ополчются против его князи казанские, вкупе со предреченными протчими языки и воюют зелено, не токмо на град Казань приходяще с великих лесов, но и на землю Муромскую и на Новаград Нижний наезжают и пленят. И того было беспрестанно шесть лет после взятия града Казани, иже во оной земле грады новопоставленные были некоторая и Руской земле в осаде от них были И свели тогда битву з гетманом его, мужем нарочитым, з Борисом Морозовым, глаголемым Салтыковым: и падоша полки христианския ст бусурманов и сам воевода был поиман, — и держаша его жива два лета и потом убиша. И многие битвы с ними в ту шесть лет быша»⁴²</p>

Из приведенных отрывков ясно видна лаконичность фрагмента Компилятивной редакции и текстологическая близость фрагментов Сокращенной и Полной редакции «Истории» Курбского.

Вместе с тем Сокращенная редакция не могла быть источником Компилятивной редакции. В пользу такого суждения говорят отсутствие текстологической близости и наличие некоторых идейных диссонансов между ними.

Для примера сопоставим фрагменты, содержащие известие о трагической судьбе Н. Г. Казаринова в годы oprичнины.

Полная редакция	Компилятивная редакция	Сокращенная редакция
<p>«В тех же летех, или мало пред тем, погубил зацного землянина именем Никиту, по наречению Казаринова, и с сыном единокродным Феодором во цветущем возрасте суцаго, служаща-</p>	<p>«Погуби и Никиту Казаринова с сыном единокродным сице. Егда посла царь мучители яти его, он же, видев их, уехал</p>	<p>«В тех же летех убил славного землянина Никиту Казаринова»⁴³</p>

³⁸ См. ГИМ, Синодальное собр., № 483, лл. 816—817 об.

³⁹ См. ГБЛ, Собр. Лукашевича и Маркевича, № 14, лл. 80б.—67; ср. РИБ, т. XXXI, стб. 173—259.

⁴⁰ РИБ, т. XXXI, стб. 218—219.

⁴¹ ГИМ, Синодальное собр., № 483, л. 817.

⁴² ГБЛ, Собр. Лукашевича и Маркевича, № 14, л. 39—39 об.

⁴³ ГБЛ, Собр. Лукашевича и Маркевича, № 14, л. 81.

го много лет верне империи Свято-русской. А погубил его таковым образом: егда избранных катов послал изымаги его, он же, видев их, уехал был пред ними во един монастырь, на Оке реке лежащ, и тамо принял на ся ангельский образ; егда же посланные от мучителя кромешники начаша пытаться о нем, он же, последующе Христу своему, уготовався, сиречь принявши святые тайны, изыде во стретение сим и рече со дерзновенным: «Аз есмь, его ж ищете!» Они же яша и приведоша его связана пред него во кровопийственный град, глаголемую Слободу; зверь же словесный, егда узрел его во ангельском чину, абие возопил, яко сущей ругатель тайнам христианским: «Он, рече, ангел: подобает ему на небо возлетети». И абие бочку пороху, або две, под един струбец повелел поставить и, привязавши тамо мужа, взорвати»⁴⁴

пред ними в един монастырь, на Оке реке лежащ, и тамо пострижся. Мучители же емше его, приведоша связана в кровопийственную Слободу. И, видев его, царь повеле бочку пороху под некий струбец и, привязав тамо мужа, зажещи. И тако посла его на небо»⁴⁵

Из сопоставления видно, что текст компиляции находится в зависимости от текста Полной редакции и источником для него Сокращенная редакция не могла быть. Это можно также подтвердить сопоставлением фрагментов о казнях князя М. И. Воротынского, князя Н. Р. Одоевского, И. Б. Хлызнева-Колычева, М. Я. Морозова и других жертв опричного террора Ивана Грозного⁴⁶.

Наличие слов «в тех же летех» и «земленин» в Сокращенной редакции говорит здесь о ее связи с Полной редакцией, а не с Компилятивной.

Идейный замысел Сокращенной редакции тот же, что и Полной. Мысль о необходимости совета царя с боярами («синклитами») и там и здесь проходит красной нитью через всё содержание текста. Развод и второй брак Василия III также объясняются склонностью этого князя «ко многим злым и противным закону божию делам»⁴⁷.

В Компилятивной редакции, как уже говорилось выше, дается несколько иное объяснение причины развода Василия III. Мысль о необходимости совета царя с боярами высказана здесь в менее яркой форме. Компилятивная и Сокращенная редакции, очевидно, возникли независимо друг от друга.

Для всех списков Сокращенной редакции «Истории» Курбского характерно наличие текстуальных поновлений. В этих списках неоднократно встречаются модернизированные слова: вместо «пол 2 години» — «полчася», вместо «дела» — «пушки», вместо «вежи» — «башни», вместо «сеунч» — «сведения», вместо «сенаты» — «вельможи» и т. д.

Таким образом, модернизация малопонятных слов, отсутствие деталей и подробностей в изложении — все эти текстологические данные подтверждают факт позднейшего происхождения Сокращенной редакции на основе переделки текста Полной редакции. Очевидно, нельзя назвать случайным и тот факт, что списки Сокращенной редакции «Истории» Курбского датируются более поздним временем, чем списки Полной редакции.

Сокращения текста объясняются, по всей вероятности, стремлением упростить изложение Курбского и сделать его более доступным для по-

⁴⁴ РИБ, т. XXXI, стб. 307—308.

⁴⁵ ГИМ, Синодальное собр., № 483, л. 822 об.

⁴⁶ ГБЛ, Собр. Лукашевича и Маркевича, № 14, лл. 74—75 об., 78 об., 81; ср. ГИМ, Синодальное собр., № 483, лл. 820—820 об., 821 об., 822 об.; РИБ, т. XXXI, стб. 288—289, 299—301, 307—308.

⁴⁷ ГБЛ, Собр. Лукашевича и Маркевича, № 14, л. 1 об.

нимания читателей. За это говорят переосмысленные малопонятные, вышедшие из употребления слова и многочисленные сокращения и пропуски текста. Однако не исключено, что наряду с этим были и другие причины переработки текста. Данный вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Определить время появления Сокращенной редакции с достаточной точностью в настоящее время не представляется возможным. Не исключено, что Сокращенная редакция возникла в первой половине XVIII в., когда возрос интерес к прошлому и популяризация исторических знаний стала немаловажной проблемой. Наиболее ранние списки этой редакции, дошедшие до наших дней, датируются серединой XVIII в. Светский характер сокращений, типичный для XVIII в. в целом, скорей всего также говорит в пользу подобного предположения.

Новое редактирование «Истории», возможно, велось одновременно с обработкой текстов первого послания Ивана Грозного Курбскому и отрывка из Хроники А. Гваньини «Об обычаях царя и великого князя Ивана Васильевича». Списки Сокращенной редакции «Истории» зачастую находятся в сборниках, содержащих первое послание царя Курбскому, текст которых, как установил Я. С. Лурье, дает Сокращенную редакцию этого послания со сходным характером переделки текста. По мнению Я. С. Лурье, Сокращенная редакция первого послания Ивана IV Курбскому возникла в XVIII в.⁴⁸ По нашим наблюдениям, в составе этих же сборников в сокращенной редакции изложен и вышеупомянутый отрывок из Хроники Гваньини. Характер сокращений текста отрывка близок к характеру переделки текстов «Истории» и первого послания царя Курбскому.

Итак, текстологическое изучение известных нам списков «Истории» Курбского приводит к мысли о наличии трех редакций этого публицистического произведения: Полной, Компилятивной и Сокращенной. Полная редакция содержит более древний текст «Истории», восходящий, вероятно, к ее первоначальному тексту. Две другие редакции явились результатом переделки текста Полной редакции. Наличие этих редакций свидетельствует об основных этапах развития текста «Истории» Курбского, а также о большом интересе к этому произведению в XVII—XIX вв. в России.

⁴⁸ Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 558—559.

Я. Е. Водарский.

**ОПИСЬ ВЛАДЕНИЙ ХЛЕБНОГО ПРИКАЗА КАК ИСТОЧНИК
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.**

Рассматриваемый источник представляет собою книгу, в которой приведены сведения о владениях, находившихся в ведении Хлебного приказа, и итоговые данные из писцовых и переписных книг этих владений за 1662—1679 гг. Полный его заголовок гласит: «Описные книги Хлебного приказу, что в нем ведомо городов, и волостей, и сел, и в тех городех и в волостях и в селех всяких заводов, и хлеба, и стрельцов, и пушкарей, и посадских людей, и крестьян, и бобылей, и бортников, и мордвы, и с них всяких денежных доходов по окладу в год сходит, и десятинной пашни пашут, и стрелецкого хлеба платят, и тех городов писцовых, и переписных, и описных, и Хлебного приказу приходных и расходных книг, и хто имяны в тех городех воеводы, и приказные люди, и Хлебного приказу подьячие, и приставы, и сторожи,—то писано в сих книгах порознь ниже сего»¹. Составлена эта Опись была, как следует из ее текста, в 1679 г.

История Хлебного приказа в общих чертах выяснена А. И. Заозерским². Он был создан, вероятно, после смерти Н. И. Романова (т. е. в 1652 г. или позднее) для управления его вотчинами, а с возникновением Тайного приказа был подчинен последнему. После уничтожения Тайного приказа (1676 г.) Хлебный приказ поступил в ведение Стрелецкого приказа. В 1679 г. его владения были переданы приказу Большого Дворца, а сам он был, видимо, ликвидирован.

Опись Хлебного приказа отражает состав, размещение и состояние владений приказа на 1679 г., т. е. накануне их передачи. Возможно, что и составлена она была именно по этому поводу.

Рассмотрим размещение и состав владений (термин «описывал» указывает на писцовое описание, а «перепись» — на перепись дворов).

ЦЕНТР

Боровский уезд. Описывал С. Нестеров в 1676 г. В уезде в ведении приказа находилась Карамышевская волость. В с. Карамышеве и 28 деревнях было 393 двора 1569 человек крестьян и бобылей. В селе находилась съезжая изба и жил подьячий (лл. 10—13).

¹ Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), ф. 145 (Приказ кн. Смоленского), оп. 1, кн. 34, 68 л. Насколько нам известно, данный источник не опубликован и не был еще никем использован.

² А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII века. М., 1937, стр. 5, 39—43.

Малоярославецкий уезд. В нем было только с. Товарково, в административном отношении приписанное к Карамышевской волости Боровского уезда. По описанию С. Нестерова (1676 г.), в нем было 64 двора 232 человека (л. 13 об.).

Юрьевский уезд. Перепись 1678 г. И. Чемесова. Села Смердово и Лычево с деревнями—216 дворов крестьян и 9 дворов бобылей, всего 225 дворов 824 человека. В этом же уезде находилась д. Горяйново, отданная 19 ноября 1678 г. П. Брехову, в которой было 28 дворов крестьян, 1 двор бобыля и 93 человека жителей (лл. 33 об., 34, 35 об.).

Владимирский уезд. Перепись 1678 г. И. Чемесова. Славецкая волость—83 двора крестьян, 9 дворов бобылей, всего 92 двора 323 человека (л. 34—34 об.).

Гороховецкий уезд. В нем в ведении Хлебного приказа находились г. Гороховец и Красносельская волость. По г. Гороховцу в источнике приведены итоги переписи 1646 г., когда город находился еще в ведении Поместного приказа (писцы А. Отяев и К. Немиров)—195 дворов посадских людей, 42 двора посадских бобылей, всего 237 дворов 451 человек. По другим источникам, в 1646—1647 и 1652 гг. в нем насчитывалось 250 дворов 632 человека посадских людей (включая бобылей), в 1678 г.—161 двор 622 человека посадских людей, 71 двор 188 человек бобылей, 13 дворов 17 человек прочих жителей, всего 245 дворов 827 человек. Встречаются также иные итоги переписи 1678 г., а именно 245 дворов 850 человек и 231 двор³. В Красносельской волости (с. Красное и 19 деревень), по описанию 1678 г. воеводы Безщасного-Грушецкого,—310 дворов крестьян, 47 дворов бобылей, всего 357 дворов 1365 человек и подьячий (лл. 48 об.—53). Эти же данные приведены в более позднем описании дворцовых владений 1701 г.⁴ и источнике, составленном в конце 1701 г.⁵ По другому источнику—335 дворов 1293 человека крестьян, 48 дворов 126 человек бобылей, то есть всего 383 двора 1419 человек, скотный двор 5 человек, 3 двора 22 человека церковнослужителей и 3 нищих⁶.

СЕВЕР

Вологодский уезд. Перепись 1673 г. В. Баташева. В с. Фрязинове и половине с. Сорочнева с деревнями—242 двора 544 человека крестьян и бобылей (лл. 29 об.—30 об.). По описанию 1680 г. М. Кругликова и П. Стахеева,—116 дворов крестьян, 86 дворов бобылей, 13 дворов вдов, то есть всего 215 дворов 721 человек⁷.

ПОВОЛЖЬЕ

Балахнинский и Юрьевецкий уезды. Перепись 1678 г. В. Резанова. Городецкая волость—1670 дворов крестьян, 28 дворов бобылей, всего 1698 дворов 3557 человек (лл. 28—29). По описаниям 1680—1681 и 1683—1684 гг.—1476 дворов крестьян, 130 дворов бобылей, всего 1606 дворов 1506 человек и 111 дворов и 5 изб солдатских со 116 человеками⁸.

³ Я. Е. Водарский. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в.—«Города феодальной России». Сб. статей. М., 1966, стр. 282, 291; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5268, л. 161.

⁴ «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом», ч. 2. М., 1872 (далее — «Сборник...»), стр. 208.

⁵ ЦГАДА, ф. 210. Дела разрядные за 1702 г., кн. 1, стр. 551—568.

⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 5268, л. 161.

⁷ «Сборник...», стр. 210.

⁸ Там же, стр. 217—219. Перепись населения, очевидно, охватывает только взрослых мужчин.

Нижегородский уезд. Село Сергач (описание 1673 г. С. Нестерова)—322 двора 960 человек крестьян и бобылей, 5 дворов земских дьячков и приставов, подьячий и 5 дворян «у дозору» и «у наряду поташного дела». Терюшевская волость и Запьянский стан (описание 1673 г. С. Нестерова)—484 двора бортников, 17 дворов вдовьих, всего 501 двор 681 человек, 1069 дворов 1623 человека мордвы, до 3 подьячих. Указано, что с Шишковой отдано 12 июля 1676 г. И. С. Хитрово со 127 дворами 450 человеками крестьян и бобылей, по описанию 1676 г. С. Ловчикова (лл. 17 об.—19, 53 об.—56 об.).

Арзамасский уезд. Перепись 1677—1678 гг. В. Киреева и Г. Молчанова. В Утишном и Залесном станах 56 деревень бортников и мордвы—2011 дворов 4276 человек, в том числе 14 дворов бобылей и 220 дворов вдовьих (лл. 61—66 об.). По другим подсчетам—1) 357 дворов 933 человека бортников, 1440 дворов 3356 человек мордвы, 14 дворов бобылей и 229 дворов вдов (в этих 243 дворах—36 человек), всего 2040 дворов 4325 человек⁹, 2) 1655 дворов 3802 человека бортников и мордвы¹⁰, 3) 2038 дворов¹¹, 4) 1635 дворов¹².

Курмышский уезд. Село Лысково с деревнями (описание 1673 г. С. Нестерова)—689 дворов крестьян, 328 дворов бобылей, всего 1017 дворов 3004 человека. По описанию 1663 г. Л. Симановского, в остроге было 9 дворов крестьян и 1 подьячий. По описанию 1674 г. К. Данилова, в Лысковской волости был 141 солдат. С 1678 г. они служили в выборных полках¹³. Село Мурашкино с деревнями (по переписи 1678 г. воеводы П. Бахметева)—1252 двора крестьян, 92 двора бобылей, 59 дворов казаков, 11 дворов подьячих, всего 1414 дворов 4468 человек. Оба села в 1701 г. считались в Нижегородском уезде. Село Гридино с деревнями (перепись 1673 г. С. Нестерова)—103 двора 268 человек крестьян и бобылей (лл. 37—48).

Алатырский уезд. Села Порецкое и Семеновское. Численность дворов и населения указана только в первом из них (описание 1673 г. С. Нестерова)—303 двора 1024 человека крестьян, 16 дворов вдов и 4 подьячих. В том же уезде в трех станах было зарегистрировано 111 мордовских деревень, а в них 1850 дворов 2570 человек и 441 двор вдов (лл. 14—17).

ЮГ

Рязанский уезд. Село Дехтяное (перепись 1678 г. В. Ивачева)—82 двора крестьян, 8 дворов бобылей, всего 90 дворов 402 человека. Село Борок и половина села Красной Слободы (та же перепись)—307 дворов 1247 человек крестьян и бобылей и 1 подьячий (лл. 30 об.—32 и 57—60 об.).

Шацкий уезд. Половина села Сасова (перепись 1678 г. В. Ивачева)—94 двора крестьян, 11 дворов бобылей, всего 105 дворов 354 человека (лл. 32 об.—33).

Кроме того, в ведении Хлебного приказа находились целиком три уезда:

Богородицкий уезд. По переписи 1678 г. С. Нестерова, на посаде было 14 дворов посадских людей, 38 дворов стрельцов, 97 дворов пушкарей и 3 подьячих, в уезде—403 двора крестьян, 39 дворов бобылей, 5 дворов кузнецов. Всего на посаде и в уезде—596 дворов 2303 человека

⁹ А. А. Гераклитов. Арзамасская мордва. Саратов, 1930, стр. 22—23.

¹⁰ Д. О. Медведев. Землевладение и сельское хозяйство в Арзамасском уезде в XVII в. Автореферат канд. дисс. М., 1949, стр. 6. Отмечено еще 374 пустых мордовских двора.

¹¹ «Сборник...», стр. 221.

¹² ЦГАДА, ф. 210, Дела разрядные за 1702 г., кн. 1, стр. 551—568.

¹³ «Сборник...», стр. 220.

(л. 24—27 об.). По данным описания 1701 г., в Богородицком уезде, по переписи 1678 г. С. Шулепова, насчитывалось на посаде 38 дворов 136 человек стрельцов и 97 дворов 379 человек пушкарей, а в уезде — 403 двора крестьян, 37 дворов бобылей, 5 дворов кузнецов и 7 конюхов, всего 445 дворов 1732 человека¹⁴. В других источниках число дворов посадских людей показано то же¹⁵.

Романовский уезд («в степи»). По переписи 1678 г. С. Шулепова и К. Богданова, в городе было 50 дворов 219 человек пушкарей, 13 дворов 34 человека рассыльщиков, 41 желдацкий двор (105 человек) и 3 подъячих. В уезде — 1303 двора 5378 человек крестьян, 82 двора 362 человека «крестьян, что бывали казаки», 43 двора 110 человек бобылей и 16 солдатских дворов (72 человека). Всего в городе и уезде насчитывалось 1548 дворов 6280 человек (л. 6 об.—7 и 8 об.).

Скопинский уезд. По переписи 1674 г. С. Нестерова, было на посаде 52 двора посадских людей, 114 дворов стрельцов, 69 дворов казаков, 3 подъячих, 60 нищих в двух богадельнях. В уезде — 1576 дворов крестьян, 101 двор бобылей и 2 двора лесных сторожей, Всего на посаде и в уезде — 1915 дворов 5876 человек, не считая подъячих и нищих (л. 20—24).

В Описи упомянуто еще с. Киреевское Каширского уезда, отданное 26 июня 1676 г. А. П. Хитрово. В нем было 34 двора 120 человек крестьян (л. 34 об.—35 об.).

Общий итог дворов и людей показан в Описи в 16 605 дворов 43 720 человек, но по г. Гороховцу взяты данные на 1646 г. Уточненный нами итог составляет 16 853 двора 44 651 человек. По районам они размещались следующим образом:

Районы	Центр	Север	Поволжье	Юг	Всего
Посадские дворы	232	—	—	66	298
» люди	810	—	—	Не выделены	810
Крестьяне, бобыли и вдовы					
дворы	1131	242	10675	4049****	16097
люди	4313	544	22431*	7853	35151
Прочие дворы	13	—	75**	445*****	533
люди	19	—	8***	500	527
Всего:					
дворы	1376	242	10675	4560	16853
люди	5142	544	22439	16526	44651

* В том числе жители 59 дворов казаков и 11 дворов подъячих.

** В том числе 70 дворов казаков и подъячих и 5 дворов земских дьячков и приставов. Количество людей в них не указано.

*** Бездворные подьячие.

**** В 2119 дворах число жителей не выделено из общего итога.

***** В 330 дворах число жителей не выделено из общего итога.

Из приведенных данных видно, что основная часть владений, подведомственных Хлебному приказу, находилась в Поволжье и на юге.

Полнота Описи косвенно подтверждается итогом, приведенным в указанной выше работе А. И. Заозерского — 14 894 двора, который был им взят из опубликованного акта 1679 г.

Интересно соотношение крестьянских и бобыльских дворов, к сожалению, оно не везде указано:

¹⁴ Там же, стр. 237.

¹⁵ Я. Е. Водарский. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в., стр. 281, 291.

Районы	Центр	Поволжье	Юг	Всего
Всего дворов	674	5850	3742	10266
в %	100	100	100	100
В том числе:				
крестьян	609	5388	3540	9537
в %	91	92	94	93
бобылей	65	462	202	729
в %	9	8	6	7

Все же эти данные включают 10 266 дворов из 16 097 дворов, или 65%. Бобыли составляли менее одной десятой всего числа крестьян и бобылей, тогда как в поместьях и вотчинах светских феодалов и духовенства их было около 26%¹⁶. Исключением являлись вологодская вотчина, в которой на 1680 г. было 116 дворов крестьян и 86 дворов бобылей, и с. Лысково с деревнями, где на 689 дворов крестьян приходилось 328 дворов бобылей. Эти исключения поддаются объяснению. Лысково во второй половине XVII в. представляло собой крупный торгово-промышленный центр. По-видимому, в этом отношении оно было уже больше развито, чем с. Мурашкино. Если в последнем в 1672 г. насчитывалось 62 крестьянина и 11 бобылей, занимавшихся различными промыслами, то в Лыскове было 26 крестьян и 135 бобылей-ремесленников¹⁷. Можно предположить, что высокий процент бобылей в Лыскове был обусловлен развитием там ремесленного производства. Основная часть вологодской вотчины — с. Фрязиново с деревнями — находилась под самым городом Вологдой (сейчас вошло в черту города). Вероятно, и там большинство населения было ремесленниками. В книге «посадского строения» середины XVII в. упоминаются «села Фрязиново да... село Кобылино с торговыми и промышленными людьми»¹⁸. Таким образом, уже тогда отмечался торгово-промышленный характер этих селений.

Сравнительно небольшой процент бобылей в дворцовых вотчинах объяснить можно пока только предположительно тем, что угнетение крестьян в них было относительно слабее, чем в поместьях и вотчинах светских феодалов и духовенства. Но вопрос этот требует изучения.

Размеры пашен и посевов в дворцовых вотчинах в 1678 г., приведенные в таблице, конечно, не позволяют сделать какие-либо обоснованные выводы, так как они случайны и отрывочны, но все же заслуживают внимания ввиду слабой изученности сельского хозяйства в XVII в.

Если принять площадь пашни за единицу, то нигде, за исключением Боровского уезда, отношение посева ржи к площади пашни не превышало двух, а в Гороховецком уезде, в селах Мурашкине, Гридине, Порецком, Дехтяном и в Богородицком уезде колебалось от 1,1 до 1,8. Наименьший посев был на Юге и в Поволжье, но там же был относительно наибольший умолот. Сказанное относится и к овсу.

Общий итог десятинной пашни в Описи составляет 3640 десятин в поле, то есть всего около 11 тыс. десятин.

¹⁶ Я. Е. Водарский. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964». Кишинев, 1966, стр. 229.

¹⁷ Д. И. Петрикеев. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л., 1967, стр. 207, 210.

¹⁸ Цит. по кн.: П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. II. М.—Л., 1948, стр. 570.

Пашня и посевы в дворцовых вотчинах в 1678 г.*

Уезд, селение	Рожь			Овес		
	пашня	«сеяно»	«будет в умолоте по опыту»	пашня	«сеяно»	«будет в умолоте по опыту»
	в десятинах	в четвертях		в десятинах	в четвертях	
Центр						
Боровский уезд						
Карамышевская волость	61	134	261	78	161	778
Посеяно вновь	68	137	—	—	—	—
Юрьевский уезд						
с. Смердово и с. Лычево с деревнями	110	220	491	122	436	1329
Посеяно вновь	122	244	—	—	—	—
Гороховецкий уезд						
Красносельская волость	181	335	524**	—	—	—
Посеяно вновь	181	335	—	181	724	1386
Поволжье						
Курмышский уезд						
с. Лысково с деревнями	240	480	800***	195	730	1147
с. Мурашкино с дерев- нями	327	408	792	320	700	3010
с. Гридино с деревнями	46	73	193	44	157	439
Алатырский уезд						
с. Порецкое	55	100	306	50	200	643
с. Семеновское	25	50	204	25	100	400
Юг						
Рязанский уезд						
с. Дехтяное	26	30	122	—	—	—
с. Борок и подсела Красной Слободы	73	146	1230	52	204	657
Богородицкий уезд	508	762	1802	518	1554	9102
Посеяно вновь	580	762	—	—	—	—
Романовский уезд	916	1832	4075	916	2664	14192
Скопинский уезд	1000	2000	4630	1000	4000	14706

* Кроме того, в с. Дехтяном была посеяна греча (на 120 десятин 268 четвертей, в умолоте ожидалось 410 четвертей), а в с. Борке и Красной Слободе — ячмень (на 11 десятинах 33 четверти, в умолоте ожидалось 215 четвертей).

** Фактический умолот.

*** В том числе 280 четвертей на семена.

Интересные сведения содержатся в описи о промышленных заведениях. Это поташные заводы («майданы») в с. Сергаче Нижегородского уезда и в Арзамасском уезде. В с. Сергаче десятинной пашни не было, а крестьяне отбывали повинность обслуживанием четырех майданов — возили на них дрова и золу из леса. Руководили работой пятеро дворян. В 1678—1679 гг. было произведено поташа 475 бочек чистым весом 1425 берковцев (142,5 пуда). Четыре майдана было также в с. Шишковерди, отданном в 1676 г. И. С. Хитрово. В Арзамасском уезде насчитывалось шесть будных майданов, из них три государственных и три, принадлежавших гостю Семену Сверчкову. Работали на них «сергачские мастеравые и наемные работные люди».

Учитывая, что от архивов дворцовых ведомств XVII в. до нас дошли жалкие остатки, следует признать Опись Хлебного приказа весьма интересным источником.

В Приложении мы помещаем в качестве образца запись о с. Лыскове из Описи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Курмышского уезду село Лысково с деревнями на речке Сундовике, а по описным книгам Лаврентья Симанского 173-го году:

В селе Лыскове

6 церквей, 2 монастыря — мужской, девич.

За рекою Сундовиком на Оленине Горе против села Лыскова вал земляной. Около того вала поставлен острог деревянной. На остроге 10 башен. В остроге ж 9 дворов крестьянских. В Лыскове ж двор воевожкой, съезжая изба.

Воевода стольник Сергей Савин сын Языков. И в нынешнем во 187-м году сентября в 13 день по указу великого государя и по помете на выписке дьяка Лариона Порецкого отпущен на ево, Сергеево, место стольник Петр Андреев сын Остафьев и наказ и росписная грамота ему дана. А росписатца велено генваря в 28-м числе нынешняго 187-го году.

Съезжие избы подьячей один человек.

В Лыскове ж таможня и кружечной двор.

Да по описным книгам Семена Нестерова 181-го году в Лыскове и в Лысковском уезде 689 дворов крестьянских, 328 дворов бобыльских. Всего крестьянских и бобыльских 1017 дворов. Людей в них 1329 человек. Да их детей и братья, и племянников, и захребетников, и подсоседников, и купленных людей, которые в 15 лет и менши, 1675 человек. Всего 3004 человека.

И ис того числа по выбору стряпчего Петра Лопухина 181-го году, да полковника Семена Воейкова 186-го году взято в салдаты и в стрельды 160 человек. И в прошлом во 186-м году те салдаты и стрельцы высланы на государеву службу в Курск.

С Лыскова и с Лыковского уезду по окладу всяких денежных доходов 1181 рубль 2 алтына. Таможенной пошлины и кружечного двора питейной прибыли против 185-го году 2774 рубли 22 алтына пол 4 деньги. Да с пустовых гашенных земель и с конской пазьбы, и с тележной сторожи на берегу Волги реки, что бывает об Макарьевской ярмарке и с мельниц, и со всяких статей, с которых собирают деньги за верою целовальники против збору 176-го и 180-го годов — 1215 рублей 18 алтын 4 деньги.

Стрелецкого хлеба по окладу 215 чети с осминою ржи, овса тож. Лысковские ж крестьяне пашут в Мурашкине на великого государя десятинной пашни по 240 десятин в поле, а в дву по тому ж.

В Лыскове же у архидьякона Стефана на берегу Волги реки великого государя житной двор, а на нем 17 житниц.

В Мурашкине лысковских крестьян пахоты ко 186-му году сеяно было ржи на 240 десятинах 480 чети. По опыту в умолоте будет 800 чети с осминою и с четвериком. И ис того числа вышло на семена к нынешнему ко 187-му году 280 чети, затем в остатке 580 чети с осминою и с четвериком. Да во 186-м году сеяно овса на 195 десятинах 780 чети. По опыту в умолоте будет 1147 чети с осминою и с четвериком.

Всего нового хлеба 1728 чети с полуосминою, и тот хлеб отдаецца в Лыскове на кружечные дворы на винное куренье по лысковской цене.

Да в Хлебном приказе лысковских писцовых и переписных и описных книг.

Список с писцовых книг, прислан ис приказу Казанского дворца, за приписью дьяка Григорья Михайлова писма и меры Семена Жеребцова, да подьячего Якова Гневышева 132-го и 133-го и 134-го годов.

Список с переписных книг, прислан ис Помесного приказу за приписью дьяка Семена Румянцова переписи князь Ивана Шаховского да подьячего Прокофья Симанова 154-го году.

Книги описные Лаврентья Симанского 173-го году.

Книги переписные Семена Нестерова 181-го году, да описные 184-го году.

А что в Лыскове в съезжей избе с писцовых и с переписных, и с ьных списков, и приходных, и росходных, и иных книг, и всяких указов, и столпов, и великого государя грамот, и всяких дел, также в таможне и на кружечном дворе у верных голов с товарищи уставных грамот, и иных всяких указов, и то писано в Хлебном приказе в воеводских и верных голов с товарищи в росписных списках 186-го году».

Л. А. Гольденберг, С. М. Троицкий

О ЗАНЯТИЯХ И. К. КИРИЛОВА РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ (Материалы к биографии И. К. Кирилова и В. Н. Татищева)

Несмотря на значительное количество работ об И. К. Кирилове, научная биография этого замечательного государственного деятеля, географа и картографа первой половины XVIII в. в полном объеме еще не исследована. Ученым, изучающим биографию И. К. Кирилова, остались, например, неизвестными его занятия русской историей. Требуют специальных разысканий ответы на такие существенные для биографии Кирилова вопросы, как определение даты рождения и освещение раннего периода его жизни, вызывающие большие споры среди ученых, история создания статистико-экономического и географического описания России и ряд других¹.

Некоторый свет на важные для биографии ученого стороны его жизни и деятельности проливают недавно обнаруженные нами документы в Центральном государственном архиве древних актов.

В XXVI разряде бывшего Государственного архива Российской империи сохранились «Сказки разных господ и других чинов за рукою по листам дворянина Василья Обрютина, где, кто, в котором месте на Петербургском острову жительство имеет, и кто в тех домах живущих и о прочем»². В одной из «сказок», которую писал «своею рукою» подъячий канцелярии Сената Иван Кирилов сын Кирилов в мае 1718 г., было объявлено: «Двор у меня на Санктпитебурхском острову в Посацкой улице, от роду мне двадцать три года, у меня мать вдова Фотинья Никифорова дочь пятидесят пяти лет, сестра Авдотья Кирилова дочь десяти лет, человек Микита Андреев сын дватцати пяти лет, работница наемная салдацкая жена Василиса Селуянова дочь тритцати девяти лет да живут жильцы...»³. Приведенные сведения позволяют совершенно определенно утверждать, что установленные в литературе факты обучения И. К. Кирилова в Математико-навигационной школе, посылки его по окончании школы в 1707 г. в Англию, а также год рождения ученого (1689 г.) — ошибочны, а суждения и доказательства Ф. Ф. Веселаго,

¹ L. Ваггов. Ivan Kirilov, compiler of the first Russian Atlas. 1689—1737.— «Imago Mundi», v. 1. London, 1937, pp. 78—82; Л. Е. Иофа. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев.— «Географы первой половины XVIII в.» М., 1949; С. Е. Фель. Новые данные биографии и деятельности И. К. Кирилова.— «Труды Института истории естествознания и техники АН СССР», 1957, т. 9, стр. 283—305; Н. Г. Апполова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960; М. Г. Новлянская. Иван Кирилович Кирилов. М.—Л., 1964.

² Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), Госархив, разряд XXVI, оп. 1, ч. 3, л. 80—80 об.

³ Там же, д. 1/175, л. 43.

Л. С. Багрова, А. И. Андреева по этим вопросам не верны⁴. Теперь становится вполне очевидным, что Иван Кирилович Кирилов родился в 1695 г., и что он, будучи семи лет от роду, не мог в 1702 г. поступить в Математико-навигационную школу, а в 1707 г. ее окончить, так как по царским указам вначале в школу принимались «недоросли» от 12 до 17 лет, а с 1710 г.— до 20 лет⁵.

Известно, что в течение ряда лет, и в частности в 1726—1734 гг., Кирилов сочетал службу в Сенате с предпринимательской деятельностью. В своей «сказке» 1718 г. он приводит новые для нас данные о начальном периоде подобной деятельности. Кириловский двор, как показывает запись, наполнен живущими там жильцами, среди которых находились посадские люди с семьями и калашники с наемными работниками. Помимо хозяина с матерью, сестрой, «человеком» и наемной работницей, во дворе размещалось 14 человек⁶.

В фонде Герольдмейстерской канторы Сената, ведавшей в XVIII в. учетом и назначением на службу дворян, хранится объемистая книга документов, в начале которой имеется «Дело о взятых книгах из Сенатского архива статским советником Кириловым»⁷. Поводом для составления этого «дела» послужило любопытное обстоятельство. 10 октября 1746 г. во время обсуждения в Герольдмейстерской канторе «имеющейся по Разрядному повытью описи дел» о составлении гербов дворянских фамилий герольдмейстер В. Е. Адодуров обратил внимание на то, что в ней не все книги описаны по форме для сдачи их в архив Сената. Так, в книге № 11, включавшей документы о гербах, составленные графом Ф. Санги, и перевод на немецкий язык присланных ведомостей из губерний и провинций, содержащих «Описание тамошних мест», а также «Экстракт о книгах, взятых... Кириловым в Оренбург», отсутствовали необходимые подписи чиновников на документах и указание на то, где ныне хранятся взятые Кириловым книги. В «Экстракте» было отмечено, что Кирилов не все книги возвратил в архив Сената. По мнению В. Е. Адодурова, «показанные в том экстракте книги и летописцы весьма к герольдмейстерской должности при Канторе герольдмейстерской надобны»⁸.

Чтобы отыскать книги, Герольдмейстерская кантора послала в Москву указ, в котором требовалось провести разыскание «о древних книгах и летописцах, где оные ныне находятца»⁹. 4 августа 1747 г. она получила доношение из Сенатского архива в Москве о том, что «о делах, из чего сочиняемой в Санктпетербурхе экстракт учинен, за згоранием в случившейся мая 29 дня 737-го году пожар имеющихся в сенатском архиве дел известия не имеетца»¹⁰.

Что касается самих книг, о которых спрашивала Герольдмейстерская кантора, то в результате выяснилось, что книги хранятся в Сенатском архиве в Москве.

⁴ Ф. Ф. Веселаго. Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб., 1852, стр. 34; Л. Ваггов. *Op. cit.*; А. И. Андреев. Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в.) — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. II, М., 1946, стр. 184.

⁵ «Материалы для истории русского флота». СПб., ч. III, 1866, стр. 302.

⁶ ЦГАДА, Госархив, разряд XXVI, оп. 1, ч. 3, д. 1/175, л. 43—43 об. Кириловская «сказка» 1718 г. найдена Л. А. Гольденбергом при содействии старшего научного сотрудника ЦГАДА Т. С. Ивановой.

⁷ ЦГАДА, ф. 286 (Герольдмейстерская кантора), оп. 2, д. 5.

⁸ Там же, лл. 14 об.—16. Напомним, что в 40-х годах XVIII в. Герольдмейстерская кантора вела большую работу по составлению гербов для лейб-компанцев, участвовавших в возведении на престол Елизаветы Петровны, и нуждалась в историческом обосновании гербов новоиспеченных дворян.

⁹ Там же, л. 24.

¹⁰ Там же, л. 28 об.

По решению Сената от 29 ноября 1747 г. все упоминавшиеся в «Экстракте» книги и рукописи, которыми пользовался И. К. Кирилов, было велено отдать в Герольдмейстерскую контору. Это решение было, видимо, выполнено, и все книги поступили на хранение канцеляристу Герольдмейстерской конторы А. Чистому¹¹.

Сохранившиеся документы «Экстракта» свидетельствуют о том, что в начале 30-х годов XVIII в., а может быть и ранее, И. К. Кирилов решил написать труд по русской истории, однако многочисленные дела, которыми он должен был заниматься как обер-секретарь Сената, постоянно отвлекали его от осуществления этого замысла. 1 мая 1734 г. правительство Анны Ивановны одобрило составленное И. К. Кириловым «Нижайшее представление и изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах», в котором содержался план укрепления позиций России на юго-восточных окраинах. Кирилов был назначен начальником вновь создаваемой Оренбургской экспедиции и произведен в статские советники¹².

Собираясь в экспедицию, Кирилов 11 июня 1734 г. обратился к обер-прокурору Сената статскому советнику А. С. Маслову с письмом: «Которые, государь, летописцы старые собрал я в бытность в канцелярии Сенатской для сочинения из них экстракта к пользе российской истории древней, кой и зачат у меня, но за многоделием не окончан. А ныне дорогою и на месте может свободное время сыскатца, чего ради с роспискою оставил я их при себе. А теперь канцелярист Постников приходил ко мне, требуя в канцелярию Сенатскую, где они могут пролежать праздно, а от меня, государь, возвратятца с плодом с помянутым экстрактом. И ежели оной притчины нет, то прошу вас, государь, от сего меня не отрешать и пожаловать оставить при мне, дабы я мог, что ни есть выписав из них, после к пользе вам же, государь, для разсмотрения представить»¹³.

Письмо Кирилова свидетельствует о том, что он начал работу над трудом по русской истории, уже написал какую-то его часть, и надеется продолжить работу во время экспедиции, что он довольно хорошо знал, какие источники по русской истории хранились в государственных архивах России, и отобрал самые необходимые для работы рукописи.

Необходимые Кирилову для работы книги и рукописи по русской истории было позволено взять в Оренбургскую экспедицию. В «Экстракте» имеется копия списка материалов, полученных Кириловым из Сенатского архива¹⁴, под названием «Реэстр книгам, принятым в Сенатский архив от сочинения истории, которые были у Петра Шафирова, взятые к нему из разных мест». В «Реэстре» указаны «архивские номера» всех рукописей¹⁵.

И. К. Кирилов взял перечисленные в «Реэстре» книги, находившиеся до него у вице-канцлера барона П. П. Шафирова, и расписался: «Вышеописанные книги взял с собою статский советник Иван Кирилов для учинения из них экстракту, а как оное исправлю, тогда паки возвращу в архив Сенатской канцелярии. Июнь 9 1734-го»¹⁶.

В заголовке «Реэстра» стмечается, что рукописные книги поступали к П. П. Шафирову «из разных мест». Это неопределенное выражение

¹¹ Там же, л. 34—34 об. На «Деле о взятых книгах из Сенатского архива статским советником Кириловым» имеется помета: «...Решено 1748 генваря 15» (там же, л. 1).

¹² М. Г. Новлянская. Указ. соч., стр. 96—104.

¹³ ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, д. 5, л. 1. Текст конца письма испорчен, что затруднило прочтение помет. Все документы в «Деле» приведены в копиях 40-х годов XVIII в.

¹⁴ Название взятых И. К. Кириловым рукописей приведено А. А. Гоздаво-Голсэмбиевским в работе «История Разрядного архива» («Описание документов и бумаг Архива Министерства юстиции», кн. 5. М., 1888, стр. 98—99).

¹⁵ ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, д. 5, лл. 1 об.—2 об.

¹⁶ Там же, л. 2 об.

делает вероятным предположение, что П. П. Шафиров для какой-то работы по русской истории собрал книги из государственных архивов и монастырских библиотек, а возможно, и сам по примеру некоторых современников приобретал рукописи у частных лиц.

Пока трудно ответить на вопрос, для какой цели собирал П. П. Шафиров летописи и другие документы по русской истории. Возможно, он отобрал в архиве Сената некоторые исторические сочинения и документы, которые могли дать ему материал для написания труда по истории царствования Петра I, что поручила ему 19 мая 1725 г. Екатерина I¹⁷. Не исключено и другое предположение, что П. П. Шафиров, как человек из близкого окружения Петра I, написавший по заданию царя сочинение по истории Северной войны, должен был принять участие в подготовке специального труда по истории России — так называемого летописца. Для его составления в монастырях и церквях собирали летописи, хронографы и другие рукописи по русской истории, о чем были изданы в 1720 и 1722 гг. специальные указы. Все руководство работой по составлению «летописца» в 1722 г. поручалось Г. Г. Скорнякову-Писареву¹⁸. Дальнейшие разыскания, возможно, позволят пролить свет на занятия П. П. Шафирова русской историей, что поможет в свою очередь выяснить причину обращения И. К. Кирилова к бывшим ранее у него рукописям.

В «Реестре» указано, что Кирилов взял из архивов Сената и Коллегии иностранных дел рукописи семи летописей и летописцев, а также книги об избрании Михаила Федоровича на царство. Кроме того, он взял еще две какие-то рукописи по истории Русского государства XVII в., хранившиеся в архиве Сената под № 1139, а также копии «ведомостей, присланных из разрядных дел» (№ 631) и «Экстракт из ведомостей, которые сысканы в Москве в разрядных делах» (№ 1147).

Определение названий источников, которыми пользовался И. К. Кирилов при написании своего труда по русской истории, — предмет специального исследования¹⁹. Не ставя перед собой эту задачу в данной статье, мы ограничимся самыми предварительными соображениями.

Открывающая реестр Кирилова рукопись под № 631, видимо, представляла собой текст «Книги об избрании на царство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича», написанной в 1672—1673 гг. в Посольском приказе по инициативе и под руководством боярина А. С. Матвеева (издана в 1856 г. Комиссией печатания государственных грамот и договоров при Архиве Министерства иностранных дел)²⁰.

Копии и «экстракт из ведомостей» разрядных дел скорее всего являются копиями разрядных книг, которые содержат записи распоряжений русского правительства о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу.

Подобного рода материалы часто проходили через И. К. Кирилова. Так, 4 января 1723 г. сенатский обер-секретарь И. Д. Позняков затребовал, «отыскав, прислать немедленно» в Москву, «понеже во оных имеется здесь немалая нужда», полученные в 1718—1719 гг. Сенатской канцелярией «от дьяка Угланова ведомости, которые выписываны у розрядных дел о походах прежних великих государей и бояр и воевод, с которых для

¹⁷ ПСЗ, т. VII, № 4721, стр. 476—477.

¹⁸ См. подробнее об этом: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 178; А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 281—284.

¹⁹ См. также доношение прапорщика А. Норова 26 апреля 1735 г. («отправляюсь я... к статскому советнику господину Кирилову и со мною из Академии наук книги») — ЦГАДА, ф. 248 (Сената), кн. 1202, л. 374.

²⁰ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. — «Исторические записки», т. 14, 1945, стр. 116.

чернения и в столпцы были списаны и некоторые счернены»²¹. В обстоятельной справке, составленной И. К. Кириловым и отправленной им 15 января 1723 г., указывалось о передаче еще 11 июня 1722 г. пересланного через И. Д. Познякова распоряжения кабинет-секретаря А. В. Макарова кабинетному подьячему Михайлову, чтобы последний «отдал книги розрядные о походах прежних, и как оные получены будут прислать в Москву немедленно». Как сообщил Кирилов Познякову, на следующий день «помянутый подьячий Михайлов тетрадь о военных и протчих действиях, которые у обер-секретаря в кабинет были приняты, отдал, и те тетради с черными, оставшими в канцелярии Сенатской, поверены. И по поверке сверх принятых ис Кабинета явилось реэстр да тетради о походах и о протчем с 7071-го году по 122, со 170-го по 710 год. Да в канцелярии Сенатской сыскана из описи дел Тайного приказу выписка, в которой значит о военных и других случаях»²². Все перечисленные документы были посланы в Москву в канцелярию Сената еще 19 июня 1722 г., «а в описи оставших в Санктпитебурхе дел написано»: «4 столпа разных воинских походов с 7130 по 710 год.

Выписки с тетратех о тех походах со 121 по 710 год, да реэстр на 3-х тетратех о избрании на росийское ж государство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича и о воинских походах и о протчем»²³.

Заключает эту небольшую опись «Книга в переплете в полдесть о избрании на росийское государство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея России и о воинских его государевых походах и протчем». По поводу книги Кирилов заметил, что она была «оставлена для списывания» и сообщил 15 января 1723 г., что «ныне не послана, понеже не поспел список с нее». Лишь в конце января того же года Кирилов доносит обер-секретарю о завершении работы: «...Ныне гот список окончен и послан до вашего благородия»²⁴.

Сложнее обстоит дело с определением названий летописей, находившихся у И. К. Кирилова. Из рукописей летописей одна названа совершенно точно: это Степенная книга (№ 1144)²⁵. Содержание Степенной книги было хорошо известно И. К. Кирилову. Он неоднократно использовал сообщаемые ею сведения при написании другого своего труда «Цветущее состояние Всероссийского государства», особенно в главе о Сибирском царстве и истории его присоединения к Русскому государству²⁶. Упомянутый в реестре книг, взятых И. К. Кириловым из Сенатского архива, «Летописец Володимерского Рожественского монастыря» (№ 1141), возможно, представлял собой текст той летописи, которая позже была изучена и опубликована М. Н. Тихомировым²⁷.

Под № 1145 в реестре книг И. К. Кирилова назван «Летописец Шупилинский, пишет от сотворения света от первого дня о бытиях мира и о царствах государя и великого князя Михаила Федоровича и самодержца всероссийского в 7121-ом году». Не исключено, что название этой летописи было записано ошибочно, и на самом деле это был один из списков Шумиловского тома Лицевой летописи второй половины XVI в., имевшей весьма сложную судьбу. Как полагает О. И. Подобе-

²¹ ЦГАДА, ф. 248, кн. 375, л. 600.

²² Там же, л. 580—580 об.; ср. л. 631.

²³ Там же, л. 580 об.

²⁴ Там же, л. 632.

²⁵ См. ее текст: «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. 21. Первая половина. СПб., 1908.

²⁶ И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства, ч. 2. М., 1831, стр. 52—60.

²⁷ «Книга летописец Владимирского Рожественского монастыря церковная из ризницы» — ПСРЛ, т. 30. М., 1965. Как известно, Лаврентьевская летопись тоже принадлежала Владимирскому Рожественскому монастырю.

дова, во время бурных событий «Смуты» единая рукопись Лицевого свода оказалась разрозненной, отдельные ее части попали в руки разных владельцев, которые нередко меняли расположение листов в томах²³. Шумиловский том охватывает события от 1114 до 1533 г., в то время как упомянутый в реестре И. К. Кирилова «Летописец» содержал изложение событий русской истории с древнейших времен до воцарения Михаила Федоровича Романова, то есть до 1613 г.

Под № 1146 в «Реестре» была указана «Книга вертоград королевской починается о чине владения Сената римского, о императорах римских, о королях, князьях европейских и протчих знатных; при том же и о многих государях азиатских; кончается книгами вторыми государствования крыжаков в 1188-ом году». Она, видимо, была одним из списков хронографа.

Помимо этих летописных памятников в «Реестре» книг, взятых И. К. Кириловым из архива Коллегии иностранных дел, названы еще три летописи: «Летописец Троицкого Сергиева монастыря пишет от сотворения первого дня о бытии мира и о действиях до преставления в вечное блаженство государя царя и великого князя Михаила Федоровича 7154-го году» (№ 1140); «Летописец того ж монастыря (т. е. Владимирского Рождественского.—Л. Г. и С. Т.) от сотворения мира, пишет о бытиях, царствах и княжениях до первых князей российских киевских Кия, Щока, Хорева в 6362-ом году» (№ 1142); «Летописец Кирилова монастыря, пишет от сотворения первого дня о бытиях мира, царствах и княжениях до царства государя царя и великого князя Михайлы Федоровича самодержца всероссийского 7121-го году» (№ 1143).

Что представляли собой другие летописи, перечисленные в списке, в настоящее время трудно сказать. Важно подчеркнуть, что И. К. Кирилов хорошо понимал ценность летописей как важнейшего источника для освещения событий отечественной истории. В своем труде «Цветущее состояние Всероссийского государства» он, в частности, широко использовал не только Степенную книгу, но и ряд летописей, в том числе и Есиповскую летопись²⁹.

Заслуживает внимания тот факт, что среди находившихся у И. К. Кирилова источников были не только хронограф и летописи, одна из которых (№ 1140) доводила изложение до 1645 г., но и рукописи, содержащие описание событий «Смуты» в 1609 г. и походов русских войск в 40—70-х годах XVII в., а также сведения «о знатных делах воинских, гражданских и розыскных и о бывших бунтах» с 1682 по 1709 г. (№ 1139).

Даже беглый перечень источников, названных в «Реестре» И. К. Кирилова, свидетельствует о том, что свои задачи при написании труда по отечественной истории он понимал, видимо, достаточно широко. Находясь в Оренбурге, Уфе, Самаре, И. К. Кирилов занимался сбором сведений по истории местного края. На основании данных Уфимской провинциальной канцелярии и сведений, полученных от башкирских старшин, он составил так называемое «Разделение Башкирии по волостям или родам», которое позже опубликовал участник Оренбургской экспедиций П. И. Рычков³⁰. Сохранилась копия документа XVI в., которую заверил «стацкой советник Иван Кирилов». В «деле» Московской сенатской конторы «О содержащихся колодниках по разным делам у статского советника Кирилова»³¹, помимо доношения 28 января 1735 г. И. К. Кирилова

²⁶ Подробнее см.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, стр. 106—113.

²⁷ И. К. Кирилов. Указ. соч., ч. 2, стр. 52—60; «Сибирские летописи». СПб., 1907, стр. 171—240.

²⁸ П. И. Рычков. История Оренбургская, ч. I. СПб., 1759, стр. 119—123; он же. Топография Оренбургская. СПб., 1762, стр. 93—100.

³¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 7735, лл. 509—519 об.

и бухгалтера П. И. Рычкова из Уфы, списка колодников, ведения конторы в Сенат, сенатского указа, помещен «Список со архиепископли памяти наказные» — копия наказной памяти архиепископу Казанскому и Свияжскому Гурию, составленной в мае 1555 г.³² По указанию И. К. Кирилова производили записи рассказов находившихся в Уфе купцов из Ташкента и Индии³³.

И. К. Кирилов принадлежал к наиболее образованной части «птенцов гнезда Петрова», выдвинувшихся в ходе осуществления преобразований в России в первой четверти XVIII в. Являясь непосредственным проводником этих преобразований, он более чем за два десятилетия службы в Сенате приобрел знания по истории петровского времени, накопил богатейший опыт использования архивных и делопроизводственных материалов. И. К. Кирилов в 20—30-х годах XVIII в. принял активное участие в сборе и выявлении документальных материалов для написания сочинения по русской истории, так же как и другие сподвижники Петра I (Г. Г. Скорняков-Писарев, А. В. Макаров, П. П. Шафиров, Ф. И. Соимонов и др.). Естественно, что он не собирался ограничиваться изложением одного только «древнего» периода истории России. И. К. Кирилов сумел сосредоточить в своих руках огромную источниковедческую базу, позволившую ему с помощью экономико-статистических и историко-географических документов нарисовать в «Цветущем состоянии Всероссийского государства» яркую и довольно полную картину развития России к концу первой четверти XVIII в. «Цветущее состояние...» — это своего рода панегирик Петру I.

В пространной, из 14 пунктов инструкции, составленной обер-секретарем Сената И. Д. Позняковым 14 декабря 1721 г., для секретаря И. К. Кирилова был предусмотрен и порядок исполнения распоряжений, присылаемых из Москвы (см. приложение). 9 января 1723 г. И. К. Кирилов получил из Москвы через посольскую почту два письма. В одном из них И. Д. Позняков затребовал сведения «о начатии российского флота, как оной строением начат, тако ж и о строении царицынской линии»³⁴. В другом — секретарь С. Киреев, по поручению А. В. Макарова, потребовал «к сочинению гистории ведомости, в котором году нижеписанные крепости и строении начаты делать, а именно: 1. о Санкт-Петербургском адмиралтейском строении; 2. о начатии при Котлине острове гаванского строения и всего Кроншлоцкого порта; 3. о Котлинском канале и доках, тако ж и о домовом каменном строении. А тех ведомостей ныне из Сената требуют в кабинет е. и. в., которые извольте, учиня, немедленно прислать. Буде же о том у Вас подлинного ведения не имеется, то изволь оных ведомостей требовать откуда надлежит и, собрав по тому ж, прислать»³⁵.

Менее чем за неделю И. К. Кирилову удалось организовать выявление и копирование запрашиваемых материалов в Сенатской канцелярии. На копии реестра документов, отправленных в Москву, он сделал помету: «Ведомости к гистории, посланные генваря 15 дня на ямской почте». Реестр перечисляет все справки и выписки, сделанные по запросам из Москвы³⁶.

Общая характеристика отправляемых материалов приведена Кириловым в сводной ведомости. Отмечая, что в Сенатской канцелярии «не ведомо» каких-либо «известий» о датах постройки адмиралтейских и «гаванных» строений, и что обер-секретарь Адмиралтейской коллегии

³² Там же, л. 513 — 513 об.; ср. «Акты Археографической экспедиции», т. 1, № 241/2, стр. 259—261.

³³ М. Г. Новлянская. Указ. соч., стр. 125.

³⁴ ЦГАДА, ф. 248, кн. 375, л. 600 об.

³⁵ Там же, л. 601—601 об.

³⁶ Там же, л. 543.

И. А. Торماسов «словесно о том ведомостей не объявил», Кирилов сообщает, что «только в Сенате известно есть». Среди выявленных материалов: «о наряде работников для строения на Котлине фартечи и жилья, которое зачалось с 712 году; о котлинском большом гаване, зачато с 716 году; о котлинском канале и доках и тако ж и о домовом каменном строении»³⁷. Кроме того, в письме-донесении 15 января 1723 г. И. Д. Познякову И. К. Кирилов писал: «о флоте и строениях и о линии Царицынской, что мог собрать, о том учиня выписки, посылаю при сем... Что же касается приличное ко внесению гистории о разных знатных строениях и о флоте здешнем, с которого году зачались, а в Сенатской канцелярии с том ведомостей не находитца. Такие требую из городской и гваризонной канцелярии и из Адмиралтейской коллегии, и когда получю, немедленно пришлю»³⁸. К письму прилагались упомянутые в реестре выписки и справки. Например, в выписках «О канальной работе и о доках на Котлине острову», «О работниках для строения на Котлине фортеции и жилья» излагалась вплоть до 1716 г. история исполнения указа 23 января 1712 г. о выделении 3000 человек для строительства³⁹. Подробными оказались выписки об истории создания «царицынской линии», хотя по справке обер-секретаря Камер-коллегии Ф. А. Ключарева «подлинные наряды все» были отправлены в Москву еще 1 февраля 1722 г., «а последние отправления и достройка была из Военной коллегии»⁴⁰. Наиболее пространной была записка «О Котлинском гаване»⁴¹ с описанием хода строительства начиная с 22 декабря 1715 г. Записка интересна и тем, что наглядно раскрывает творческий характер редактирования И. К. Кириловым поступающих к нему материалов.

Стремясь к предельной лаконичности и точности сообщаемых сведений, И. К. Кирилов вычеркивает ряд страниц, где перечислены, по его мнению, вспомогательные данные, такие, как количество поставок бревен и других материалов из разных городов, посылки людей и т. п.⁴² Здесь текст буквально испещрен исправлениями, внесенными Кириловым. На полях отпуска помимо вставок и добавлений есть и указания на источники («выписано из книги, коя вновь о Санктпетербурхской губернии», «выписано из книги, в которой именные указы 717 году») или места хранения («подлинное о том дело при отъезде в Москву от канцеляриста Ивана Баранова взял канцелярист Федор Неронов») ⁴³. В конце выписки в соответствии со сложившейся практикой коллежского делопроизводства помещен «Табель... припасов, рабочих людей и на долю им пра-вианта, муки, круп, соли, также лошадей и тем лошадям на корм фуража на много ль месяцев и на сколько чего по цене». Табличная форма изложения цифровых данных особенно привлекала Кирилова, он охотно и часто применял этот полюбившийся ему методический прием в «Цветущем состоянии...»⁴⁴.

В целом И. К. Кирилов не был удовлетворен выписками и справками, составленными по данным Сенатской канцелярии. 10 января он затребо-вал от И. А. Торماسова сведения о том, «как зачалось на Лодейном поле и в Питербурхе кораблей и морских судов строение», а на следующий день отправил письмо петербургскому коменданту Я. Бахметову. По-

³⁷ ЦГАДА, ф. 248, кн. 375, л. 544 — 544 об. На полях отпуска ведомости пометы: «при-ложены при том выписки», «выписки о том при сем».

³⁸ Там же, л. 631.

³⁹ Там же, лл. 574—578 об., 545—546 об.

⁴⁰ Там же, лл. 583—587 об., 544 об.; см. также письмо И. К. Кирилова и ответ Ф. А. Ключарева 10 января 1723 г. (там же, лл. 609—610).

⁴¹ Там же, лл. 547—573.

⁴² Там же, лл. 548 об., 549—552 об., 554—555 об., 570—573 об.

⁴³ Там же, лл. 547, 567, 579 об.

⁴⁴ Там же, лл. 563 об.—564. Научную оценку таблиц см.: М. В. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР, т. 1. М., 1955, стр. 188.

следний в своем ответе 18 января 1723 г. заявил, что «о Санктпетербургском строении в гварнизонной канцелярии некоторое ведение хотя и есть», но без санкции М. М. Голицына «отписать я к вам не смею»⁴⁵. Интересно, что в письме к М. М. Голицыну И. К. Кирилов, повторяя упоминавшиеся в распоряжениях из Москвы темы, намечает для выявления новые «о протчих фартецях и гаванах, что в прошедшую войну зделано» и «о манифактурах разных». «А о многих строениях, как о начале, так и о совершении не известно,— жаловался сенатский секретарь.— А были те работы, яко Санктпетербурх и Кроншлот и другие в ведомстве гварнизона здешнего, а иные в Адмиралтействе и в городской канцелярии, откуда, опричь гварнизона, и обнадежен такое ведение получить»⁴⁶.

К Голицыну Кирилов обращается за содействием «о приличном (для истории.— Л. Г., С. Т.) справив, в канцелярию Сенатскую для снесения з другими ведомостями отписать»⁴⁷. Таким образом, сбор материалов («ведомостей») по существу на одни и те же темы из различных учреждений велся для решения задач сопоставления («снесения»). С точки зрения источниковедческой методики прием сравнения документов, применяемый Кириловым, следует признать весьма удачным и необходимым.

Подчеркивая творческий характер выявления и обработки документальных материалов И. К. Кириловым, нельзя не указать на еще один весьма своеобразный прием, с помощью которого он разработал рациональную программу описаний в виде табличной формы применительно к присланным из Городовой канцелярии материалам. Среди последних находились «ведомости для отсылки в кабинет е. и. в. к сочинению гистории, а именно:

1. С которого году Санктпетербурхская, Адмиралтейская, Кроншлотская крепости зачаты, так же и другие знатные строения, приличные ко внесению в историю;
2. с начала при тех работах не порознь, но погодною суммою по скольку бывало в работах полков и работников и плотников;
3. по скольку на содержание оных людей и на строении припаса было приходу денег или правяннта и припасов, которые не из городской канцелярии покупаны, но из других мест получены;
4. сколько и в котором году проведено на житье работных мастеровых суммою ж»⁴⁸.

Подготовив указ «о присылке таких ведомостей по приложенной форме», Кирилов направил его 14, 15 и 16 января соответственно в Городовую, Адмиралтейства и Гарнизонную канцелярии⁴⁹.

Разработанную им форму Кирилов назвал «Известие например»⁵⁰.

Поступившее 25 февраля из Гарнизонной канцелярии «ведение» отвечает на статьи кириловской формы, перечисляя все обнаруженные сведения о крепостных сооружениях. Например, «При Санктпетербурхской крепости кронверк начат делать в 707-м году, а достроен в 708-м году. А около того кронверка контерскарпы и протчее строены по присланному е. и. в. с Воронежа новому чертежу в 709-м году»⁵¹. Подобного рода «выписки», несомненно, предвосхитили аналогичные описания в «Цветущем состоянии...»

Можно предположить, что в начале 20-х годов XVIII в., когда через сенатского секретаря И. К. Кирилова проходили многочисленные «изве-

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 248, кн. 375, л. 608.

⁴⁶ Там же, лл. 616 об. — 617.

⁴⁷ Там же, л. 617.

⁴⁸ Там же, л. 611.

⁴⁹ Там же, л. 615 об.

⁵⁰ Там же, лл. 612—615. Снабдив «Известие» вначале формулой: «ежели что не так, то переправить или пропущено — прибавить», Кирилов далее внес подробный список и характеристики крепостей, «болварков», соборных церквей, каналов, домов, батарей, заводов и т. д.

⁵¹ Там же, л. 626 об. Самая ранняя запись «ведения» — 1703 г.

стия» по русской истории, а сам он содействовал не только выявлению и обработке необходимых документальных материалов, но успешно разработал некоторые методические вопросы изучения источников, у Кирилова зародилась мысль о создании экономико-статистического и историко-географического свода о достижениях современной ему России. Смерть Петра I, по-видимому, ускорила осуществление этого замысла⁵².

То углубляясь в историю далекого прошлого Родины, то исследуя близкие по времени документы, И. К. Кирилов в занятиях русской историей показал себя прежде всего превосходным знатоком источниковедческой базы.

Тематически связаны с затронутыми нами вопросами еще два более поздних письма А. В. Макарова к И. К. Кирилову⁵³.

Интересна дальнейшая судьба рукописей, находившихся у И. К. Кирилова в Оренбурге. Когда Кирилов умер 14 апреля 1737 г. в Самаре, то 10 мая того же года начальником Оренбургской комиссии, как стала называться Оренбургская экспедиция, был назначен В. Н. Татищев. Именно он разобрал оставшийся после смерти Кирилова архив. Когда В. Н. Татищев приступил к разборке архива И. К. Кирилова, то какая-то часть его бумаг, особенно интересовавших правительство, оказалась отосланной Кабинету министров. П. И. Рычков сообщил о том, что сразу же после смерти И. К. Кирилова его ближайший помощник подполковник П. С. Бахметев отправил в Петербург «его, Кирилова, проекты, произведенные и произведенные в действо»⁵⁴.

В архиве И. К. Кирилова В. Н. Татищев обнаружил не только карты и географические описания России. В письме к президенту Академии наук барону И. А. Корфу от 16 октября 1737 г. В. Н. Татищев сообщал, что он нашел также и «некоторые исторические работы, которые, однако, очень путанны и неполны, но я кое-что привел в порядок, а теперь отдал в переписку и по первому зимнему пути вышлю вашему высочородию» А. И. Андреев, приведя этот отрывок, высказал предположение, что В. Н. Татищев нашел «описание губерний и провинций», которое позже, благодаря публикации М. П. Погодина, стало известно науке под названием «Цветущее состояние Всероссийского государства»⁵⁵. Нам представляется, что с этим допущением А. И. Андреева вряд ли можно согласиться. Более правдоподобно полагать, что Татищев обнаружил, видимо, и какую-то работу И. К. Кирилова по русской истории или части ее.

⁵² Кстати, для церемониального погребения Петра I в списке лиц, получивших траурное («печальное») платье, значится И. К. Кирилов (ЦГАДА, Госархив, ф. Кабинет Петра I, оп. 1, № 63, лл. 781 об., 782 об.).

⁵³ ЦГАДА, ф. 248, кн. 375, лл. 993, 1001—1001 об. В первом из них от 5 марта 1730 г. кабинет-секретарь писал: «...Потребно к сочинению гистории о действиях блаженные и вечно достойные памяти е. и. в. Петра Первого сочинить экстракт, каким порядком в 1719 году велено брать и браны подушные и как роскладка полкам началась и окончалась, которой экстракт извольте приказать, зделав, прислать ко мне». Во втором письме от 14 ноября 1730 г. написано: «...Понеже в Правительствующий Сенат из Камор-коллегии подано доношение о жалованье, кому давано было из соляной суммы, в том числе о кабинетных подьячих, которые еще на сей год ничего не получили, а то время были при делах кабинетных и у дела гистории государя императора Петра Великого, которых дел и ныне с них не снято, ...того ради прошу вас, что б по тому вышеупомянутому доношению исходатайствована была резолюция...».

Здесь же письмо к генерал-майору Витворту: «В бытность в Питербурхе отданы вашему благородию из кабинета печатные листы баталиям и протчим знатым для срисовки с оных в «Гисторию о швецкой войне», и с которых малое число зделано и огдано от вас в кабинет, а достальные и поныне у вас, окончаны ль неизвестно. А понеже ныне очень в них имеется нужда, того для извольте меня уведомить, сколько тех листов срисовано и оные прислать ко мне, а достальные прикажите срисовывать немедленно...» (там же, л. 994—994 об.).

⁵⁴ П. И. Рычков. Указ. соч., стр. 291.

⁵⁵ А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России.— В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, стр. 21.

Заслуги И. К. Кирилова в развитии науки, его интерес к истории России, а также наличие у него богатого собрания книг и рукописей по географии и истории были хорошо известны правительству. В начале мая 1737 г. Академия наук по указанию Анны Ивановны вынесла следующее определение: так как после смерти И. К. Кирилова «остались многие Российской империи провинциям и городам партикулярные подлинные ландкарты, описания и известия и многие принадлежащие до Российской империи книги и гридировальные резные фигуры», то их надо купить у вдовы Кирилова⁵⁶.

Когда умер И. К. Кирилов, судьбой находившихся у него рукописей заинтересовался и Сенат. 19 октября 1737 г. обер-секретарь В. Демидов доложил в Сенате, что статский советник И. К. Кирилов взял «из Сената некоторые нужные книги для сочинения экстракта» по русской истории, но не вернул их в сенатский архив, после чего было решено спросить их у жены Кирилова⁵⁷. 22 ноября 1737 г. секретарь Сената Я. Бахирев доложил, что он был у жены Кирилова, находившейся в это время в Москве, но взятые ее мужем книг у нее не оказалось, так как они вместе с другими бумагами Кирилова были сразу же взяты в канцелярию Оренбургской экспедиции⁵⁸.

8 декабря 1737 г. Сенат постановил послать в Оренбург указ В. Н. Татищеву с требованием немедленно прислать взятые И. К. Кириловым рукописи. Этот указ был получен В. Н. Татищевым 8 февраля 1738 г.⁵⁹ Однако прошло еще почти полгода, прежде чем В. Н. Татищев выполнил это распоряжение Сената. 7 сентября 1738 г. Московская контора Сената доносила в Сенат о том, что она получила от В. Н. Татищева следующие книги, взятые И. К. Кириловым из Сенатского архива:

«Книга в подлесть о избрании государя царя и великого князя Михаила Федоровича на российский престол.

Да в дествь Летописец Троицкого-Сергиева монастыря.

Два летописца Володимерского Рожественского монастыря.

Книга Степенная российского царского родословия.

Летописец Шупилинской.

Книга вертоград королевской.

Итого семь книг»⁶⁰.

Далее сообщалось, когда И. К. Кирилов получил эти книги: сенатский архив послал их ему 1 сентября 1732 г. в Петербург, где жил тогда Кирилов. Здесь же упоминалось, что другие рукописи («Копии с ведомостей о походе во 117-ом году боярина князя Михаила Шуйского купно с немецкими людьми на литовских людей и о походе ж при державе государя и царя великого князя Алексея Михайловича на литовских же людей; летописец же древних князей») еще не присланы. Сенатская контора послала В. Н. Татищеву указ с требованием немедленно возвратить названные рукописи в архив⁶¹.

Любопытно отметить, что именно в это же время жена И. К. Кирилова, Ульяна Кирилова, обратилась с просьбой в Академию наук приобрести оставшиеся после смерти мужа рукописи и карты, чтобы расплатиться с долгами. 9 сентября 1738 г. Академия наук приняла решение о покупке этих материалов. Важно подчеркнуть, что в перечне карт и рукописей, находившихся в это время в Оренбурге у В. Н. Татищева, назывались и «многие принадлежащие до российской гистории книги»⁶².

⁵⁶ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. 3. СПб., 1881, стр. 386.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, д. 5, л. 3.

⁵⁸ Там же, л. 4.

⁵⁹ Там же, лл. 6—9.

⁶⁰ Там же, л. 10.

⁶¹ Там же, л. 10—10 об.

⁶² «Материалы для истории имп. Академии наук», т. 3, стр. 792—793.

Вероятно, Академия наук еще не знала о том, что В. Н. Татищев вернул семь летописей, упоминавшихся в «Реестре» книг И. К. Кирилова, но не исключено, что у И. К. Кирилова, возможно, имелись и другие рукописи по русской истории.

В конце 1738 г. от В. Н. Татищева были «присланы при репорте не в переплете» недостающие документы, упоминавшиеся в реестре И. К. Кирилова⁶³. Кроме того, 18 декабря 1738 г. В. Н. Татищев сообщил, что среди бумаг И. К. Кирилова в Оренбурге он нашел «Новгородскую историю», которую отправил в Академию наук⁶⁴.

Приведенные нами сведения касаются истории возвращения В. Н. Татищевым лишь тех рукописей по истории, которые И. К. Кирилов взял во временное пользование из Сенатского архива. В них отсутствуют упоминания о судьбе начатого И. К. Кириловым «Экстракта к пользе российской истории древней», а также о том, имелись ли среди его бумаг какие-либо книги и рукописи по отечественной истории. Возможно дальнейшие разыскания в архивах и рукописных собраниях музеев и библиотек позволят найти новые данные о работе И. К. Кирилова над книгой по русской истории и выявить текст труда, более точно определить те источники, которыми пользовался при его подготовке автор.

В этой связи следует упомянуть, что сведения о занятиях И. К. Кирилова русской историей были известны исследователям еще в XIX в. Так, в собрании И. Д. Беляева хранится рукописная копия указа Герольдмейстерской коллегии от 9 февраля 1747 г. об отыскании в Москве в Сенатском архиве взятых И. К. Кириловым рукописей, в котором названы те же рукописи, что и в использованном нами «Реестре»⁶⁵.

Как известно, в литературе ведутся давние споры о степени достоверности сведений, сообщаемых В. Н. Татищевым в его труде «История Российская»⁶⁶. Ряд исследователей полагает, что В. Н. Татищев иногда весьма вольно обращался с имевшимися у него источниками⁶⁷. В то же время А. И. Андреев, М. Н. Тихомиров, А. И. Копанев и другие ученые привели, по нашему мнению, весьма убедительные доказательства, свидетельствующие о том, что при написании «Истории Российской» В. Н. Татищев использовал некоторые еще неизвестные исследователям или вообще не сохранившиеся до нашего времени источники. При этом не все имевшиеся в распоряжении В. Н. Татищева источники перечислены в главе 7-й «О списках или манускриптах, употребленных к сему собранию» и других частях его труда⁶⁸.

Найденные документы об использовании И. К. Кириловым различных летописей и других источников при написании «Экстракта» по русской истории, а также о знакомстве В. Н. Татищева во время подготовки своего труда с этими материалами, служат новым аргументом в пользу этого мнения. До последнего времени в историографии правильно подчеркивалось, что при создании «Истории Российской» В. Н. Татищев пользовался главным образом сведениями из собранных им самим источников. «Это,— писал М. Н. Тихомиров,— в известной мере определяло

⁶³ ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, д. 5, л. 28.

⁶⁴ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. 3, стр. 868.

⁶⁵ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, ф. И. Д. Беляева, № 1626, лл. 188—190 об.

⁶⁶ С. Н. Валк. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии.— В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. 7. Л., 1968, стр. 5—29.

⁶⁷ См., например, С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 2. Л., 1965, стр. 157—161.

⁶⁸ А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России.— В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. 1, стр. 17—18, 21; М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории российской».— Там же, стр. 40—42; А. И. Копанев. Об одной рукописи, принадлежащей В. Н. Татищеву.— «Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР», т. II. М.—Л., 1955, стр. 236—237.

до некоторой степени узость тех исторических источников, которыми мог воспользоваться В. Н. Татищев, так как и в его время древнейшие памятники русской письменности уже хранились в архивах коллегий, Сената, в больших церковных и монастырских библиотеках»⁶⁹.

Думается, что находка известий о знакомстве В. Н. Татищева с летописными памятниками, хранившимися в архиве Сената и Иностранной коллегии, позволяет внести некоторые коррективы в это мнение, хотя окончательное суждение может быть вынесено после расшифровки названий всех рукописей, перечисленных в «Реэстре» И. К. Кирилова и выяснения вопроса о том, в какой мере сообщаемые ими сведения использовались В. Н. Татищевым в его знаменитом труде.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Инструкция И. К. Кирилову
о его функциях по Сенатской канцелярии.
Москва, 14 декабря 1721 г.*

Секретарю Ивану Кирилову по отъезде из Санкт-Петербурха в Москву господ сенаторей, будучи в Сенатской канцелярии, чинить по сему:

1. По которым имянным и. в. указом и сенатским приговором о разных делах указы, куды надлежало посланы, а по оным будет не исполнено, то посылать еще в подтверждение вторые и третии указы, дабы по оным все исправно и не упущено было ничего, чтоб впредь не причлось в небрежение и смотрение х канцелярии Сената.

2. Неисправы (то есть репорты), которые велено делать и некоторые и зделаны, а иных недоделано и у кого будет не зделано, велеть доделывать и в том их держать и понуждать непрестанно, так же о генеральных делах делать такие выписки, какова учинена о беглых и прислать оные в Москву чрез почту неотложно, а понеже в приказном столе ныне канцеляриста здесь не остается, а те репорты повелено собирать и взыскивать актуариусу Иванову, того ради ему как репорты собирать и оные ведомости с повытчиками вместе делать, так и приказной стол ведать.

3. С. 711-го по 722-й год как имянные указы, так и генеральные сенатские приговоры ис колегей, которые к публике принадлежат, указы ж собрав, зделать указные книшки, такие же калибром, как зделаны ныне 719 и 720 годов указные ж книшки.

4. Старые дела прошлых лет с состояния Сената по 722 год, которые не разобраны, разобрать и зделать реэстры, переплесть в книги, чего взыскивать на архивариусе жестоко, понеже о том ему напредь сего неоднократно письменно приказано.

5. Оставшие подъячия, ежели станут ослабевать в приказном деле или которой день кто не будет в приказе (кроме сущей болезни), то с ними поступать и взыскивать на них так, как в генеральном регламенте показано, за небытие каждого дня вычет из жалованья и протчее.

6. Сенатские оставшие урядники и рядовые салдаты, чтоб при Сенате караулы содержали исправно, как военный артикул повелевает, под опасением за небрежение по тому ж артикулу штрафа.

7. Дабы сторожи в топленни полат имели опасение и топили оные во-время со вслким бережением и имели в полатах чистоту, также канцелярские чернильницы, сукна и прочтее, что за их строжею было б сохранно, и в том над ними смотреть актуариусу.

8. Ежели сюда в Сенат ис провинций или из других мест в каком деле будет писано и оные полученные доношения и отписки о важных делах присылать чрез почту в Москву, а ответы на указы принимать к отпускам.

9. Буде из Москвы к тебе о каком деле будут присылать указы, то исполнять по тем указом немедленно, а паче тотчас репортовать что получено, а потом и о исполнении присылать ведомости.

10. Тебе ж смотреть, чтобы коллежские члены, которые определены к слушанию и сочинению уложения, съезжались во определенные дни и сидели указные часы, а буде кого из них не будет, о том иметь записку.

11. За типографщиками смотреть, что б они без дела не были.

12. И во исполнении по вышеписанным пунктам, о чем кому надлежит подписатца, что б впредь никто отговорки иметь не мог.

13. Сверх оного о протчем поступать, применяясь к вышеписанному.

14. Зделать выписку и прислать в Москву о подъячих, кои назначены были в службу, сколько оных и куды отослано и затем осталось.

Обер-секретарь Иван Позняков

Декабря 14 дня 1721 года

ЦГАДА, ф. 248, кн. 375, лл. 598—599.

⁶⁹ М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 41; см. также Б. А. Рыбаков. В. Н. Татищев и летописи XII в.— «История СССР», № 1, 1971, стр. 91—109.

Г. С. Шарадзе

БИБЛИОТЕКА И АРХИВ ТЕЙМУРАЗА БАГРАТИОНИ И ИХ СУДЬБА

Выдающийся грузинский ученый первой половины XIX в., почетный член Петербургской Академии наук, сын последнего грузинского царя Георгия XII Теймураз Багратиони (1782—1846 гг.) наряду с научными заслугами в области истории грузинской культуры известен как видный библиограф, библиофил и коллекционер.

За долгие годы научно-литературной деятельности Т. Багратиони создал богатую библиотеку и архив, имеющие исключительное значение. По сведениям его супруги Елены Амилахвари, этому благородному делу Теймураз посвятил 40 лет жизни.

Собственная библиотека и архив были созданы Теймуразом Багратиони в период его жизни и деятельности в Петербурге (1811—1846 гг.).

По «Каталогу», книгохранилища царевича Теймураза, составленному Т. Багратиони в 1835 г.¹, в его библиотеке имелось свыше 210 древних грузинских рукописей и печатных книг. Если же учесть, что под одним номером он часто помещает не одну рукопись, а целые крупные сборники (конволюты), то объем и состав этой библиотеки значительно возрастают.

Как видно из «Каталога», в основу этой библиотеки легла царская библиотека Грузии, в том числе книги царицы Кетеван, Теймураза II, Ираклия II и т. д. (№ 78, 87 и др.). Кроме того, библиотека пополнена, видимо, книгами, принесенными в приданое его супругой Еленой Отаровной Амилахвари (№ 86). Третьим важным источником пополнения можно считать часть библиотеки старшего брата Теймураза — Давида, которая перешла к нему после смерти Давида (1819 г.) в Петербурге.

Но, конечно, было бы ошибочно считать основным ядром библиотеки Багратиони только чужие коллекции. Мы располагаем многими сведениями о том, что для пополнения и обогащения этой библиотеки Багратиони на свои средства приобретал древние рукописи (например, один из лучших списков «Картлис Цховреба» («Летопись Грузии»), «Путешествия» Тимофея Габашвили и т. д.). В тех случаях, если ему не удавалось приобрести какую-либо древнюю рукопись, Теймураз нанимал для этой цели специальных переписчиков (С. Табидзе, И. Базлидзе и др.). Когда и этого нельзя было сделать, Теймураз собственноручно переписывал интересующий его памятник (см., например, рукописные сборники Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР: E23, H27, H28 и т. д.).

¹ Издан дважды: в Петербурге в 1894 г. и в Тбилиси в 1948 г. Существует и французский перевод (СПб., 1838 г.).

Теймураз Багратиони был литератором в самом широком смысле этого слова: он создавал оригинальные сочинения, исследования и переводы, которыми обогащал не только собственную библиотеку, но и всю сокровищницу грузинской литературы и науки. Вот почему автографические списки сочинений Т. Багратиони составляют одно из лучших украшений его библиотеки (краткая «Жизнь Грузии», и «Краткая история Грузии» (1815 г.) и др.).

Вместе с тем следует отметить характерную черту Багратиони как коллекционера: рукописи из своей библиотеки он щедро дарил как частным лицам, интересующимся грузинской культурой (М. Броссе, П. Румянцев, прусский император Фридрих-Вильгельм III², Д. Чубинашвили, Давид и Григол Дадиани и др.), так и научным учреждениям — Парижскому Азиатскому обществу³, Российскому библейскому обществу. Это также следует считать одной из форм пропаганды грузинской книги.

Т. Багратиони не ограничивался только коллекционированием книг. Он составил каталог своей библиотеки, который, по мнению специалистов, представляет ценное приобретение для грузинского библиотековедения и библиографии⁴.

Значение этого каталога выходит за пределы библиографии; по оценке К. Кекелидзе, он «имеет значение для изучения истории древнегрузинской литературы»⁵.

Библиографическая классификация (каталогизация) в Грузии имеет такую же древнюю историю, как и коллекционирование книг. Н. Я. Марр в одной из синайских рукописей (№ 92) обнаружил фрагмент каталога библиотеки неизвестного грузинского монастыря, составленного в X в.⁶

В средние века первоначально при церквях и монастырях были основаны крупные библиотеки. Из них следует отметить библиотеки, существовавшие как на территории самой Грузии (Тао-Кларджетские монастыри, Гелатская академия и др.), так и далеко за ее пределами (Афон, Петрицонский монастырь — в Греции, Черная Гора — в Сирии, Крестовый монастырь и Синай — в Палестине и др.). Кроме того, постепенно формировалась библиотека царского дома (следует отметить, например, библиотеку Давида Строителя), а также книжные коллекции частных лиц, главным образом знатных вельмож, носившие преимущественно светский характер. В связи с ростом числа библиотек возникла и библиотечная терминология, основательно исследованная И. Джавахишвили⁷. В грузинских исторических документах, опубликованных Е. Такайшвили, сохранились многочисленные сведения о наличии в древней Грузии традиции включать книги в приданое⁸. Особое значение имеет обнаруженный М. Чиковани народный сказ о витязе в тигровой шкуре, свидетельствующий о наличии у древних грузин высоко развитого литературного вкуса⁹. Таким образом, деятельность Т. Багратиони как библиографа,

² I. Assfalg. Georgische Handschriften. Wiesbaden, 1963, S. 25—29.

³ Е. Такайшвили. Грузинские рукописи Парижской национальной библиотеки и двадцать знаков грузинской тайнописи. Париж, 1933, стр. 51—54 (на груз. яз.).

⁴ См. об этом: Н. Лордкипанидзе. Системы библиографической классификации. Тбилиси, 1960, стр. 67—71; он же. История библиографической классификации. Тбилиси, 1962, стр. 145—149; Н. Си харулидзе. Печатные каталоги в Грузии. Тбилиси, 1967, стр. 42 (все на груз. яз.).

⁵ К. Кекелидзе. История грузинской литературы, I. Тбилиси, 1960, стр. 20 (на груз. яз.).

⁶ Н. Я. Марр. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря. М.—Л., 1940, стр. 267—268, таб. XV.

⁷ И. Джавахишвили. Грузинская палеография. Тбилиси, 1949, стр. 80 (на груз. яз.).

⁸ «Древности Грузии», т. III. Тбилиси, 1910, стр. 483, 493 (на груз. яз.).

⁹ М. Я. Чиковани. Народный сказ о витязе в тигровой шкуре. Тбилиси, 1936, стр. 64, 238 (на груз. яз.).

библиофила и коллекционера, не была случайностью, он явился достойным наследником своих предшественников.

23 октября 1846 г. Т. Багратиони скончался в Петербурге и похоронен в Александро-Невской лавре, в Федоровской церкви.

Интересна дальнейшая судьба его библиотеки. Некоторые сведения о ней мы находим у М. Броссе, отметившего, что «после смерти Теймураза Багратиони... Елена Отаровна Амилахвари подарила его грузинскую библиотеку русскому правительству»¹⁰. Это указание М. Броссе было до сих пор единственным свидетельством, оно неоднократно повторялось в научной литературе. И все же оно не дает полного представления о судьбе библиотеки Теймураза Багратиони после его смерти.

Как известно, Багратиони с 1837 г. был почетным членом Петербургской Академии наук и, естественно, его документы хранились в архиве Академии.

В Ленинградском отделении архива Академии наук СССР среди других материалов (всего в фонде хранится 17 документов, в том числе 14 на русском языке, 2 на французском и 1 на немецком языке) обнаружена толстая связка документов (ф. 2, оп. 1847, д. 15), которые позволяют полностью восстановить историю библиотеки Багратиони после смерти ее владельца.

Обнаруженное дело представляет собой переплетенную книгу в 39 листов с надписью: «Об оставшейся после покойного царевича Теймураза библиотеке, предоставленной в пользу Академии наук. Началось: 14 февраля 1847 года. Кончилось: 26 ноября 1848 года (на 39-ти листах)». В рукописный каталог архива это дело было занесено под следующим названием: «Теймураз, царевич, поч. член — О библиотеке покойного царевича Теймураза, 1847—1848».

Особый интерес представляет переписка с министром просвещения России, президентом Петербургской Академии наук графом С. С. Уваровым (1786—1855), вице-президентом Академии М. А. Дондуковым-Корсаковым, акад. П. Н. Фусс, акад. М. Ф. Броссе, директором Азиатского музея акад. Б. А. Дорн, директором Петербургской публичной библиотеки Д. П. Бутурлиным, а также составленный профессором Петербургского университета Д. Чубинашвили «Каталог книгохранилища Теймураза Багратиони» (на рус. яз.), который до сих пор был неизвестен в специальной литературе.

По этим документам можно составить полное представление об истории библиотеки Багратиони с 1846 по 1848 г.

Библиотека и архив Т. Багратиони в 1847 г. были окончательно поделены между Азиатским музеем Петербургской Академии наук и Императорской публичной библиотекой, где и находились вплоть до 1923 г.

В 1923 г. в связи с постановлением Президиума ВЦИК от 29 августа 1922 г. из различных книгохранилищ Москвы и Ленинграда были переданы Грузии несколько ценных рукописей, в том числе принадлежавшие некогда библиотеке и архиву Теймураза Багратиони¹¹. Все эти рукописи хранятся ныне в коллекции Института рукописей имени акад. К. Кекелидзе АН ГССР (№ 2073—2378)¹², а основная часть — в ЛО ИВ АН СССР.

¹⁰ «Bibliographie analytique...». St. Petersburg, 1887, p. 539, № 67.

¹¹ Р. Р. Орбели и. Грузинские рукописи Института востоковедения АН СССР. М.—Л., 1956, стр. 4.

¹² «Описание грузинских рукописей Государственного музея Грузии. Рукописи бывшего музея Грузинского общества истории и этнографии». Коллекция II, т. V. Тбилиси 1949, стр. 40—262.

Л. Е. Шепелев

К ВОПРОСУ О МЕТОДАХ И ИСТОЧНИКАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX В.

Необходимость глубокого изучения истории государственных учреждений России XIX—XX вв. в наше время уже никем не оспаривается. В последние годы появился ряд статей, учебных курсов и монографических работ по этой проблеме¹. Поскольку определившаяся тенденция говорит о расширении интереса к этой проблематике, вопрос о методах и источниках исследовательской работы по истории государственных учреждений приобретает особую актуальность. Нам представляется, что история государственных учреждений уже развивается и будет развиваться в дальнейшем и как одна из проблем общей истории и как особая вспомогательная дисциплина. В каждом из направлений изучения методика и источники исследования будут, по-видимому, различны.

В первом случае главным является исследование самой деятельности учреждения и проводимой им политики, а вопросы о его функциональных особенностях или организационном устройстве, если и затрагиваются, то лишь попутно и только в общем виде. При изучении истории учреждений как вспомогательной исторической дисциплины основными становятся именно те вопросы, которые в первом случае отходят на задний план. Являясь в этом качестве важнейшей основой архивоведения и источниковедения, история учреждений изучает в историческом развитии функции и компетенцию всех учреждений, их место в системе подобных учреждений, организационную структуру, особенности делопроизводства, издательскую деятельность, т. е. все то, что определяет значение так или иначе связанных с ними документов в качестве исторических источников и способствует их научной организации, выявлению и более правильной источниковедческой оценке. При изучении истории учреждений, как одной из проблем общей истории страны, объектом изучения, по всей видимости, будут лишь сравнительно немногие наиболее важные учреждения. Как вспомогательная дисциплина история учреждений интересуются всей системой учреждений, и в этом смысле она шире.

¹ Н. П. Ерощкин. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. Учебное пособие. М., 1960; Н. П. Ерощкин, Ю. В. Куликов, А. В. Чернов. История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. Учебное пособие. М., 1965; Н. П. Ерощкин. История государственных учреждений дореволюционной России. Учебник для вузов по специальности «Историко-архивоведение». М., 1968; Г. М. Горфейн. Основные источники по истории высших и центральных учреждений XIX — начала XX в. — «Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX вв.». Сб. статей. Л., 1967 и др.

Несомненна, однако, и взаимосвязь отмеченных двух направлений в изучении истории учреждений. Она выражается прежде всего в том, что их выводы взаимно дополняют и обогащают это изучение.

Успешное изучение истории государственных учреждений во многом зависит от учета результатов исследовательской работы в каждом из двух направлений. Естественно, что направлению, развивающемуся первым (а им, по всей вероятности, будет историко-вспомогательное направление), неизбежно сопутствуют некоторые ошибки и просчеты. Их число можно уменьшить, если учесть выводы общего характера, которые могут быть сделаны на основе ранее выполненных исследований. Мы имеем в виду выводы, относящиеся не к отдельным учреждениям, а к истории государственных учреждений вообще.

Первый из них — о зависимости изменений в деятельности учреждений от изменений в их организационном устройстве. Анализ имеющихся работ по истории учреждений и архивных источников позволяет сделать вывод о необязательности такой зависимости. Образование новых учреждений, реорганизация существующих, переименование их, назначение нового руководства может быть вызвано либо существенными изменениями в деятельности этих учреждений (например, изменением функций или компетенции, направления самой деятельности), либо чисто количественными изменениями в объеме деятельности учреждений и даже просто соображениями тех или иных бюрократических удобств (как-то: необходимостью образования должности для некоего лица, сокращением «нагрузки» учреждения за счет передачи части его функций другому и т. п.).

Проиллюстрируем это на нескольких примерах. Первый из них относится к истории Министерства торговли и промышленности, образованного в октябре 1905 г. Вот как это трактуется в весьма удачной в целом статье Г. М. Горфейна²: «20 ноября 1898 г. Витте, стремившийся продемонстрировать свою заботу о развитии промышленности, выступил с проектом преобразования Департамента торговли и мануфактур в Главное управление» (судьба этого проекта в статье не выясняется). Затем говорится, что «по представлению Витте от 6 сентября 1899 г. в составе Министерства финансов был образован обособленный комплекс под названием Центральные учреждения по части торговли и промышленности с товарищем министра во главе. Это преобразование не внесло ничего принципиально нового в организацию центрального управления промышленностью и торговлей. Однако оно уже вплотную подвело к созданию Министерства торговли и промышленности». «26 октября 1905 г. был подписан указ об образовании» этого министерства. Далее автор отмечает, что «против ожидания» не сохранилось никаких документов о подготовке и обычном бюрократическом «проведении» соответствующего законопроекта. Это объясняется тем, что С. Ю. Витте, как он сообщает в своих воспоминаниях, представил указ непосредственно царю, в обход Государственного совета. Мотивом реорганизации, по словам Витте, было то, что Министерство финансов чрезвычайно разрослось. По мнению Г. М. Горфейна, «говоря о мотивах, Витте грубо извратил истину».

Прежде всего внесем в это изложение три фактических уточнения. Г. М. Горфейн не указывает время образования Центральных учреждений — 6 июня 1900 г. Из статьи также не ясно, что в мае этого же года Государственный совет рассматривал два предположения: о реорганизации Департамента торговли и мануфактур в Главное управление и о

² Г. М. Горфейн. Из истории образования Министерства торговли и промышленности. — Очерки по истории экономики и классовых отношений в России конца XIX — начала XX в.». Сб. статей. М. — Л., 1964, стр. 166—167.

создании Центральных учреждений по части торговли и промышленности³. Наконец, не верно, что образование Центральных учреждений «не внесло ничего принципиально нового в организацию центрального управления промышленностью и торговлей», так как Департамент торговли и мануфактур, возглавляемый директором, был заменен несколькими отделами, в правовом отношении почти равными департаментам, во главе с особым товарищем министра.

Но в любом случае вряд ли правильно сводить преобразование 6 июня 1900 г. только к организационным изменениям в управлении промышленностью и торговлей. Хотя, действительно, в официальных документах, относящихся к этому преобразованию, необходимость его, по тактическим соображениям, мотивировалась исключительно увеличением объема дел⁴. Нам представляется, что с образованием Центральных учреждений были связаны широкие планы С. Ю. Витте в области экономической политики. В феврале 1900 г. в докладе на имя царя «О положении нашей промышленности» он ставил, в частности, вопрос о необходимости всемерного поощрения капиталистической предприимчивости: «С своей стороны Министерство финансов, на которое по закону возложена обязанность по заведованию торговлею и промышленностью, делает что может для облегчения частной предприимчивости... Однако не все нити промышленной политики находятся в его руках, вследствие чего очень трудно на практике добиваться необходимого подъема и расширения предприимчивости». Прямую централизацию всех функций по управлению промышленностью, частично переданных другим ведомствам, Витте признавал невозможной. Поэтому он ставил вопрос иначе: «Страна нуждается в столь же объединенном и твердом руководстве в области промышленно-торговой политики», как это имело место в области внутренней и внешней политики (МВД и МИД). Если Министерство финансов получит соответствующие права, оно сможет осуществить разработку и реализацию общего плана «дальнейшего развития у нас промышленности»⁵. Для осуществления этой задачи и предлагалось создать в составе Министерства финансов либо Главное управление, либо такое оригинальное образование, как Центральные учреждения по части торговли и промышленности. Выделение управления торговлей и промышленностью в самостоятельное по отношению к Министерству финансов ведомство в то время противоречило бы замыслам Витте, и вопрос об этом не ставился.

Положение изменилось к осени 1905 г. Еще в 1903 г. Витте был назначен председателем Комитета министров и должен был оставить Министерство финансов. В октябре 1905 г. он стал также председателем вновь образованного Совета министров и в этом качестве получил возможность влиять на дела всех министерств. В новых условиях для Витте представлялось уже вполне целесообразным выделение торгово-промышленного управления из Министерства финансов в самостоятельное ведомство, зависящее от него как председателя Совета министров. Кроме того, образование Министерства торговли и промышленности, ничего серьезно не меняя в управлении данной областью, в октябре 1905 г. было удачной политической демонстрацией перед русской буржуазией. Вот почему, как правильно отмечается в статье Г. М. Горфейна, образование нового министерства было проведено без обычного бюрократического ритуала (события того времени не позволяли медлить). И вот почему

³ ЦГИА СССР, ф. 1159 (Мемории Государственного совета), оп. 1, д. 453, лл. 136 об.—146 об.; «Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899—1900 гг.», т. II. СПб., 1900 (далее — «Отчет...»), стр. 339—360.

⁴ «Отчет...», стр. 344—359.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. И-543, оп. 1, л. 314, лл. 6—7; «Историк-марксист», 1935, № 2—3 (42—43), стр. 130—139.

Витте не придавал большого значения этому делу (а в своих мемуарах не «извратил истины»): создание Министерства торговли и промышленности в основном было организационным оформлением положения, фактически сложившегося еще в 1900 г. Новое было только то, что теперь, когда Витте стал во главе правительства, оказалось возможным изъять из некоторых других ведомств и передать новому министерству еще несколько учреждений и функций, связанных с промышленностью и торговлей. Если исключить это обстоятельство, образование Министерства торговли и промышленности могло бы рассматриваться как пример ничего фактически не меняющей бюрократической реорганизации. В свете сказанного нам представляется правильным считать не 1905 г. (как это сделано в статье Г. М. Горфейна), а 1900 г. годом действительного образования особого ведомства промышленности и торговли.

Дополнительный аргумент в пользу такого толкования — то, что с 1 января 1900 г., то есть после возбуждения вопроса о реорганизации Департамента торговли и мануфактур, но до появления упомянутого «всеподданнейшего» доклада С. Ю. Витте, в составе Государственного совета был образован Департамент промышленности, наук и торговли. Это был первый новый департамент в составе Совета со времени его учреждения (если не считать Временный департамент 1817 г.). Заметим также, что и конкретные причины создания этого департамента не могут быть поняты, если не принять во внимание «всеподданнейший» доклад от февраля 1900 г. и реорганизацию Департамента торговли и мануфактур, так как официальное объяснение сводилось к простому указанию на «обширность задач по распространению просвещения в народе и по обеспечению производительности народного труда»⁶. Между тем внутренняя связь создания нового департамента Государственного совета с образованием, а точнее предположением об образовании Центральных учреждений по части торговли и промышленности очевидна.

Как видно, одним из оснований нашей трактовки истории ведомства торговли и промышленности служит «всеподданнейший» доклад С. Ю. Витте от февраля 1900 г. Но и сам этот доклад, являясь весьма важным источником для изучения экономической политики царизма и истории деятельности Министерства финансов, не может быть понят, если не принимать во внимание реорганизацию этого министерства в 1900 г. и создание Департамента промышленности, наук и торговли в составе Государственного совета. Дело в том, что мы не располагаем другими фактами, подтверждающими, что требование С. Ю. Витте сосредоточить в Министерстве финансов основные нити торгово-промышленной политики получило какое-нибудь осуществление. Это иллюстрация ранее высказанной мысли о том, что знание изменений в организационном устройстве государственных учреждений существенно необходимо для понимания истории их деятельности.

Фактов проведения более или менее существенных реорганизаций, для того чтобы «пристроить» то или другое высокопоставленное лицо, известно много. Министерство почт и телеграфов было создано в 1865—1868 гг. для любимца Александра II гр. И. М. Толстого⁷, а в 1880—1881 гг. — для протеже морганатической жены императора — Л. С. Макова, который должен был уступить свой пост министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову⁸. Из воспоминаний С. Ю. Витте известно, что Главное управ-

⁶ «Отчет...», т. I. СПб., 1900, стр. 1. В «Путеводителе» по ЦГИА СССР, где хранится фонд Департамента промышленности, наук и торговли, ошибочно указано, что этот департамент был образован 30 марта 1901 г. (Л., 1956, стр. 20).

⁷ А. И. Дельви́г. Мои воспоминания, т. III, 1913, стр. 398.

⁸ Г. М. Горфейн. Основные источники по истории высших и центральных учреждений XIX — начала XX в., стр. 94; «Дневник Е. А. Перетца (1880—1883)». М.—Л., 1927, стр. 51.

ление торгового мореплавания и торговых портов в 1902—1905 гг. было организовано только для того, чтобы создать пост для великого князя Александра Михайловича. Вот новый факт иного масштаба, а потому особенно интересный. Один из бывших чиновников Министерства финансов инженер А. В. Ивановский в своих воспоминаниях рассказывает, что реорганизация стола торгового мореплавания Отделения торговых внешних сношений в самостоятельное Отделение торгового судоходства и судостроения в 1898 г. была проведена по инициативе заведовавшего им барона М. Э. Нольде в связи с тем, что ему был присвоен очередной чин, уже не соответствовавший прежней его должности. С получением им следующего чина был поставлен вопрос о реорганизации отделения в отдел. И это было осуществлено. Однако начальником отдела было назначено другое лицо (А. Е. Конкевич)⁹, а Нольде сначала стал его помощником, а затем управляющим Канцелярией при товарище министра, заведовавшим торговлей и промышленностью.

В документах о тех или иных реорганизациях в системе учреждений обычно сообщается об их причинах и целях. Далекое не всегда, однако, там сообщаются все истинные причины. Их выяснение — задача исследователя, требующая большой эрудиции и привлечения всего существующего круга источников. Должна учитываться и другая возможность при сохранении в неизменном виде организационного устройства учреждения оно могло существенным образом изменить свою деятельность, свою политику. Поэтому отсутствие организационных изменений не может рассматриваться как показатель стабильности деятельности учреждения.

Второй вывод, который может быть сделан на основе уже выполненных исследований в области истории государственных учреждений, касается вопроса о степени самостоятельности государственной власти — самостоятельности относительно объективных потребностей экономического развития и относительно основных классов современного общества. Он имеет важное значение и для изучения истории государственных учреждений как одного из основных орудий государственной власти.

Исторический материализм видит в основе исторического прогресса общества прежде всего объективные явления экономического развития. Но трудами классиков марксизма-ленинизма доказано и обратное активное воздействие политической надстройки (государства) на экономическое развитие, воздействие, способное затормозить или ускорить это развитие. Существенный вклад в изучение этой активной роли экономической политики русского царизма внес И. Ф. Гиндин. В ряде своих работ¹⁰, опираясь на произведения классиков марксизма-ленинизма, он показал, что, являясь органом господствующего класса, государство выражает и защищает общие интересы этого класса, которые могут не совпадать с частными интересами отдельных его представителей. Этот вывод распространяется и на новейший период государственно-монополистического капитализма. Советские историки отказались от концепции «подчинения» государства монополистическими союзами, вернувшись к ленинской формуле «сращивания». Подчинение же рассматривается как частный случай «сращивания»¹¹. Тем более все это относится к самодержавному государству, существовавшему в России.

⁹ ГБЛ, Отдел рукописей (далее — ГБЛ, ОР), ф. 414, А. В. Ивановский. Воспоминания инженера, 6/№, лл. 125—126.

¹⁰ В первую очередь должна быть названа монография: И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1898). М., 1960.

¹¹ См. сборник статей «Об особенностях империализма в России» (М., 1963) и нашу рецензию на него в журнале «Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 129—133.

Подсказанная жизнью уверенность во всемогущей государственной власти, в ее способности затормозить или ускорить экономическое развитие страны была свойственна русской буржуазии в XIX — начале XX в. Вот, например, типичное высказывание о царском правительстве из записки на имя Александра II одного из московских предпринимателей, относящейся к 1856 г.: «... В руках его все, даже малейшие, нити, посредством коих оно может направлять общее движение, ускорять или замедляя его по своему усмотрению. До сих пор, однако, правительство скорее сдерживало, чем двигало, послушные ему массы народа»¹².

С учетом всего сказанного относительно роли и значения государственной власти изучение истории государственных учреждений представляется тем более необходимым и важным. Сказанным определяется и исходная методологическая основа для этого изучения.

Ошибочно было бы рассматривать политику царского правительства как нечто цельное и вполне согласованное. Эта политика рождалась и проявлялась в борьбе, где борющимися сторонами в сфере государственного аппарата были разные ведомства, в силу своего положения связанные с разными классами или социальными группами общества и отстаивавшие свои ведомственно-деловые интересы. Кроме того, она эволюционировала во времени. Таков третий вывод, который может быть сделан на основе уже выполненных исследований по истории государственных учреждений и который должен быть принят во внимание при дальнейшей ее (истории) разработке.

Имеющаяся литература дает возможность рассмотреть отмеченный выше тезис на примере политики царизма по рабочему вопросу — одному из самых острых вопросов внутренней политики конца XIX — начала XX в.¹³

В этот период по мере роста численности рабочего класса России и активизации его революционных выступлений складываются и развиваются две противоборствующие линии политики самодержавия в рабочем вопросе. В бюрократической сфере в соответствии с задачами своей деятельности их выразителями являлись Министерство внутренних дел и Министерство финансов. Представители первого из этих ведомств, учитывая опыт передовых капиталистических стран Запада, настойчиво указывали на то, что фабричные рабочие вследствие своего тяжелого экономического положения представляют благоприятную среду для социалистической пропаганды и со временем могут явиться силой, угрожающей самому государственному строю страны. Это мнение получило официальное признание и стало служить одним из мотивов правительственной политики в рабочем вопросе еще в начале 1880-х годов (так тогда Министерство внутренних дел мотивировало необходимость пересмотра общего законодательства, определявшего отношения фабрикантов и рабочих). Чтобы вырвать рабочих из-под влияния «агитаторов» и избежать угрозы революционных выступлений, министерство предлагало срочно принять меры по некоторому улучшению их экономического положения. Суть предложений заключалась в том, чтобы сделать это за счет предпринимателей, но из рук властей. Ставилось целью внушить рабочим, что именно «надклассовое» самодержавие заботится об их положении и принимает меры по его улучшению. В наиболее полном и откровенном виде эта тактика проявилась в зубатовщине, которая являлась завершающей стадией последовательно проводимой Министерством внутренних дел политики. Осенью 1900 г. С. В. Зубатов писал в Департамент поли-

¹² ГБЛ, ОР, ф. 332 (Ф. В. Чижова), карт. 78, ед. хр. 29, л. 1.

¹³ См. монографию А. Ф. Вовчика, посвященную этому вопросу: А. Ф. Вовчик. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895—1904). Львов, 1964; наша рецензия на нее: «История СССР», 1966, № 2, стр. 157—159.

ции: «При нынешнем положении девизом внутренней политики должно быть «поддержание равновесия среди классов», злобно друг на друга посматривающих. Внеклассовому самодержавию остается «divide et impera». ...Для равновесия... нам надо прикармливать рабочих, убивая тем самым двух зайцев: укрощая буржуазию и идеологов и располагая к себе рабочих и крестьян»¹⁴.

Вместе с тем сторонники этой линии правительственной политики в рабочем вопросе считали необходимым оградить предпринимателей от «произвольных действий рабочих» и любыми средствами, вплоть до применения оружия, подавлять стачки, особенно, имевшие политический характер.

Иную линию политики в рабочем вопросе отстаивало, хотя и менее успешно, Министерство финансов. Вполне в общем солидаризируясь с Министерством внутренних дел в вопросе о подавлении политических выступлений рабочих, оно было против вмешательства полицейской власти в область экономических отношений предпринимателей и рабочих. Накануне первой русской революции Министерство финансов выступало даже за разрешение по закону экономических забастовок рабочих. При этом оно руководствовалось не только целями защиты интересов собственно предпринимателей, но и исходило, в первую очередь, из задач экономической политики самодержавия того периода. В конце XIX — начале XX в. в правящих кругах России получила признание мысль о том, что интересы сохранения самодержавия требуют форсированного промышленного развития страны, в том числе за счет привлечения иностранных капиталов. Министерство финансов не без оснований опасалось, что намечаемые и проводимые Министерством внутренних дел меры отпугнут предпринимателей, особенно иностранных, что нанесет ущерб целям экономической политики царизма. Один из видных представителей Министерства финансов образно говорил (1900 г.), что применение подобных мер «зарезет ту курицу, несущую золотые яйца (имелась в виду буржуазия.—Л. Ш.), для воспитания которой было принесено столь много жертв со стороны государства»¹⁵.

Особенно энергично Министерство финансов протестовало против идеи улучшения экономического положения рабочих за счет предпринимателей. При обсуждении летом 1898 г. записки помощника шефа жандармов А. И. Пантелеева министр финансов С. Ю. Витте нанес весьма ощутимый контрудар сторонникам этой идеи. Он писал: «Генерал-лейтенант Пантелеев приводит мысль о необходимости предъявить к тем, на обогащение которых рабочий кладет свои силы, т. е. к фабрикантам, настоятельные требования в смысле облегчения участи и улучшения быта рабочих. Можно ли правительству стать в рабочем вопросе на такой путь, крайне рискованный и неправомерный? Положение фабричных и заводских рабочих (3 млн.) хотя неблестяще, но тем не менее вовсе еще не так худо, как положение сельского населения (30 млн.). Конечно, из этого не следует, чтобы первые не нуждались (как и вторые) в попечениях правительства, направленных к улучшению их благосостояния, но мероприятия эти должны быть вырабатываемы в законодательном порядке (что делалось и делается) постепенно и с величайшею осторожностью, когда все спокойно, и ни в каком случае не под давлением рабочих и не по их требованиям...»¹⁶ Недвусмысленный намек Витте был, конечно, понят. (Приведенное замечание С. Ю. Витте ярко характеризует ориентации обоих ведомств. Именно в это время В. И. Ленин характеризовал Министерство финансов как «фабрикантское ведомство»¹⁷.

¹⁴ «Красный архив», 1926, т. 6 (19), стр. 211.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 20 (Департамент мануфактур), оп. 13, д. 56, л. 150.

¹⁶ Там же, ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 1, д. 696, л. 15.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 406.

Министерство же внутренних дел выступает, в частности, как помещицье ведомство.)

Разумеется, позиции обоих министерств не оставались неизменными. В некоторых случаях расхождения касались лишь методов правительственной политики, а не ее существа, или диктовались узковедомственным соперничеством. Все это, однако, не меняет того положения, что два крупнейшие ведомства царского правительства стремились проводить все-таки разную политику в одном и том же вопросе. В последующий период, после революции 1905—1907 гг., политика обоих ведомств, естественно, существенно изменилась.

Из сказанного следует необходимость выяснения конкретных социальных и ведомственно-деловых позиций изучаемых учреждений и их места во всей системе государственного аппарата. Если при изучении истории государственных учреждений как вспомогательной исторической дисциплины это оказывается затруднительным, по крайней мере должна приниматься во внимание сама возможность противоречий в политике разных правительственных органов, борьбы вокруг этих противоречий и эволюции их политики во времени.

Опыт изучения истории учреждений убеждает (и это четвертый вывод, который нам представляется возможным сделать), что чем глубже ведется это исследование, тем более выясняется необходимость распространения его и на основных деятелей, связанных с этими учреждениями. Вообще очевидно, что всякое учреждение — это люди, чья деятельность хотя и регламентировалась уставом учреждения, но чьи способности, положение, политические и личные интересы оказывали самое существенное влияние на функционирование учреждения. Чем выше положение учреждения и ранг деятеля, тем большее значение получали индивидуальные особенности этого деятеля, будучи подкреплены и усилены авторитетом учреждения и должности. Однако очень немногие работы по истории учреждений учитывают это обстоятельство. Как правило, дело ограничивается лишь общей политической характеристикой наиболее крупных деятелей (на уровне министров). Между тем известно, что и директора департаментов, а иногда и начальники отделений обладали реальной возможностью оказывать существенное влияние на решение относящихся к функциям учреждения дел, а их личные качества во многих случаях определяли это решение.

Вот одно из подтверждений этого. А. Н. Куломзин, управляющий делами Комитета министров, а в конце 1860-х годов начальник одного из отделений канцелярии Комитета министров, рассказывает: «Дела акционерных компаний я застал в полном небрежении. Поступавшие в Комитет проекты уставов читались начальниками отделений и более никем. Заведовавший Финансовым отделением... Варпаховский, ярый приверженец принципа *laisser faire, laisser passer* (пусть будет, как будет.— *Л. Ш.*), не находил, да и не искал в поступавших в Комитет уставах акционерных компаний никаких неправильностей и докладывал обыкновенно, что все обстоит благополучно, чем дело и кончалось». Куломзин занял иную позицию и «поставил себе целью» не только обеспечить соответствие уставов нормам закона, но ввести в уставы некоторые дополнительные правила, «которые не предоставляли бы акционеров со связанными руками на произвол правлений» акционерных компаний.

«Необходимость всех этих постановлений я доложил управляющему делами при разборе первого же устава. Решено было, что невозможно все это устно сразу доложить Комитету. Это слишком бы огоршило членов, привыкших к тому, что в деле уставов все обстоит благополучно; не стали бы слушать и сказали бы, что новшества незачем вводить, а министр финансов рассердился бы на эту критику и его поддержал бы весь Комитет. Нужно было действовать осторожно и заручиться поддержкою

в Комитете». Было решено печатать представления министра финансов по поводу уставов типографским способом и рассылать их перед обсуждением всем членам Комитета. В качестве авторитетного и достаточно настойчивого лица, чей голос был бы выслушан в Комитете со вниманием, был избран К. В. Чевкин — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, сочетавший, по мнению Куломзина, «выдающийся ум и глубокие познания». Далее А. Н. Куломзин продолжает: «По соглашению с Чевкиным было решено, что я ему буду предварительно на дому докладывать замечания, одобренные управляющим делами, и оставлять ему экземпляры устава с нанесением таковых (причем, и ему не сразу доложены все замечания, а лишь некоторые). Он их должен был предъявлять в Комитет от своего имени, а каждое замечание, однажды принятое Комитетом, в следующих уставах наносилось канцелярским порядком... Всю эту процедуру пришлось тщательно скрывать от председателя и вести секретно. Чевкин делал по каждому уставу одно-два замечания, и, таким образом, уставы постепенно исправлялись». «В этих делах Чевкин был незаменим, — пишет Куломзин, — он с адским терпением отстаивал каждое выражение, каждое слово и уступал только в крайности». И вот результат: «Раз.. внимание Комитета было обращено на эту часть его ведения, отдельные ведомства стали вникать в редакцию касающихся вверенной им области постановлений»¹⁸.

Таким образом, существенное изменение политики Комитета министров относительно акционерного учредительства в стране (подтверждаемое и материалами Комитета) явилось следствием всего лишь смены относительно второстепенных чиновников в канцелярии этого учреждения и отнюдь не обусловленной служебными обязанностями позиции, занятой К. В. Чевкиным.

Нам представляется, что при продолжении исследований в области истории учреждений, будь то в общен историческом плане или в качестве исторической вспомогательной дисциплины, конкретная роль отдельных лиц должна приниматься в расчет в гораздо большей мере, чем это делалось до сих пор. Благоприятным условием к тому было бы изучение системы государственной службы и законодательства, определявшего общественную или предпринимательскую деятельность и имущественное положение частных лиц в России.

Реализовать все высказанные выше предложения станет возможным лишь в том только случае, если история учреждений будет строиться на основе всей совокупности исторических источников, в том числе и источников личного происхождения — дневников, воспоминаний, переписки и др. На необходимость этого обычно указывают все исследователи, работающие в области истории учреждений. Сложность заключается не в признании этого факта, а в отыскании этих источников, что особенно относится к источникам частного происхождения: они немногочисленны, рассредоточены по многим архивохранилищам, лишь малая их часть опубликована¹⁹. Между тем от их использования отказываться нельзя. Попробуем на материале трех ранее не использованных документов хотя бы отчасти показать значение источников личного происхождения для истории учреждений вообще. Это уже упоминавшиеся воспоминания управляющего делами Комитета министров А. Н. Куломзина (в частности, глава VII — «Служба в канцелярии Комитета министров. 1869—1871 гг.», в которой он использует и свои дневниковые записи и письма к матери), воспоминания бывшего чиновника Министерства финансов и Министер-

¹⁸ ГБЛ, ОР, ф. 178 (А. Н. Куломзина), муз. № 9803, ед. хр. 4, стр. 27, 42—44, 46.

¹⁹ Правда, за последнее десятилетие были изданы дневники и воспоминания трех крупных государственных деятелей царской России: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1—3. М., 1960; «Дневник министра внутренних дел П. А. Валуева», т. I—II. М., 1961; «Дневник государственного секретаря А. А. Половцова», т. I—II. М., 1966.

ства торговли и промышленности, а затем крупного советского инженера А. В. Ивановского и одна из записок из фонда известного предпринимателя и общественного деятеля середины XIX в. Ф. В. Чижова.

Источники личного происхождения заслуживают внимания главным образом потому, что позволяют увидеть обычно скрытую для исследователя в официальных документах закулисную сторону истории учреждений.

В фонде Ф. В. Чижова хранится первоначальный вариант анонимной записки 1856 г. на имя Александра II о необходимости учреждения самостоятельного Министерства торговли и промышленности. Окончательный вариант этой записки находится в фонде Общей канцелярии Министерства финансов²⁰. На него ссылается Г. М. Горфейн в своей статье²¹. Сличение обоих текстов помогает уяснить ход мыслей неизвестного автора и развитие его предложений. В записке предлагалось поставить во главе нового министерства совет, в котором большинство принадлежало бы представителям предпринимателей. В первоначальном варианте эта идея выражена более резко, чем в окончательном тексте. Нахождение одного из вариантов записки в фонде Чижова помогает выяснить среду, из которой документ вышел; пометы в описи даже связывают его предположительно с именем известного в свое время общественного деятеля кн. В. А. Черкасского. (Г. М. Горфейн же предполагает, что автором записки «был один из представителей высшей бюрократии»). Заметим, что названная записка является, пожалуй, наиболее максималистским и широко аргументированным ходатайством нарождающейся русской буржуазии и любопытным свидетельством того, сколь большие надежды она связывала именно с реорганизацией в системе государственного аппарата. Царское правительство, наоборот, традиционностью этого аппарата стремилось демонстрировать незыблемость самодержавия и основ его политики. Г. М. Горфейн приводит подтверждающее эту мысль высказывание министра государственных имуществ П. А. Валуева. В отзыве на возникший в начале 1870-х годов проект создания самостоятельного торгово-промышленного и сельскохозяйственного ведомства П. А. Валуев писал: «В общественных кругах оно будет принято в смысле великого обещания и возбудит не только большие, но и неизбежно преувеличенные надежды»²². Кстати сказать, отзыв Валуева сохранился только в его личном фонде.

В 1964 г. была опубликована статья Н. П. Дятловой об отчетах губернаторов как историческом источнике²³. В ходе исследования автор выясняет и систему их рассмотрения в центральных учреждениях (прочтение отчетов царем, рассмотрение его помет на них в Комитете министров, направление их в те ведомства, к которым они относятся, и т. д.), справедливо видя в этом один из показателей степени их достоверности и значения, которое им придавалось. Между прочим, ею отмечается и то обстоятельство, что в 1869 г. губернаторам было предоставлено право в более свободной форме излагать данные о состоянии подведомственных им районов в целях повышения значения отчетов для суждения центральных правительственных органов о положении на местах. Но вот что говорит в своих воспоминаниях, относящихся к концу 1860-х — началу 1870-х годов А. Н. Куломзин: «Представления местных властей мало получают хода, и на них не обращается внимания... Между тем эти отчеты (губернаторов.— Л. Ш.) проходят совершенно бесследно, их никто не

²⁰ ГБЛ, ОР, ф. 332, карт. 78, ед. хр. 29, лл. 1—23; ЦГИА СССР, ф. 560 (Общая канцелярия Министерства финансов), оп. 14, ед. хр. 292, лл. 1—14.

²¹ Г. М. Горфейн. Из истории образования Министерства торговли и промышленности, стр. 162—164.

²² ЦГИА СССР, ф. 908 (В. А. Валуева), оп. 1, д. 328, л. 9.

²³ Н. П. Дятлова. Отчеты губернаторов как исторический источник.— «Проблемы архивоведения и источниковедения». М.—Л., 1964.

читает. Для государя отмечает статс-секретарь Корнилов более интересные места, затем государь посылает отчеты в Комитет министров, где эти места считаются якобы обратившими на себя внимание государя при чтении и докладываются Комитету... Никто решительно этого не слушает»²⁴. Аналогичное указание мы находим в дневнике государственного секретаря Е. А. Перетца, который 16 ноября 1881 г. записал: «Оказывается, что и управляющий делами Комитета министров представляет государю интимные работы. Все губернаторские отчеты отсылаются к нему для предварительного прочтения, причем он обязан отмечать те места, которые заслуживают внимания»²⁵. Эти авторитетные свидетельства не могут коренным образом повлиять на оценку отчетов губернаторов как исторического источника, но они, несомненно, должны учитываться при суждении о том значении, которое придавалось отчетам в верхах, и действительной «цене» царских помет на отчетах в период, о котором пишут Куломзин и Перетц.

Те же воспоминания А. Н. Куломзина раскрывают не видимые по официальным документам внутренние пружины и механизм рассмотрения Комитетом министров уставов акционерных компаний.

Еще одно свидетельство из воспоминаний А. Н. Куломзина помогает уяснить особенности такого важного вида документов Комитета министров и Государственного совета, как их журналы. Известно, что в отличие от протоколов в журналах фиксировались лишь окончательные итоги обсуждения каждого вопроса: сложившиеся в результате прений мнения и аргументация сторонников каждого из них. Причем мнения и доводы в их пользу одних лиц, как правило, объединялись с близкими к ним мнениями других лиц. В результате в журналах мы видим изложение разногласий двух-трех групп членов этих учреждений. Журналы составлялись на основании секретарских записей после каждого заседания и затем подписывались участниками обсуждений. И раньше можно было подозревать, что в журналах историк имеет дело с некоторой обобщенной и приглаженной картиной обсуждения вопросов Комитетом министров и Государственным советом. Но не были известны принципы, которые клались в основу работы канцелярий по составлению журналов. Важное значение поэтому получает следующее краткое, но вполне подтверждающее это подозрение и во многом объясняющее особенности журналов замечание Куломзина: «Ничего нет труднее, как это искусство писать разногласия. Тут соблюдаются особенные приемы. Надо, чтобы в одном мнении было рассмотрено совершенно с другой стороны на одно и то же дело, чем в другом. Не должно быть ни одного повторения; не должно быть противоречий»²⁶. Подтверждение того, что журналы высших органов власти отражали прения в систематизированном, процеженном и отредактированном (и в логическом и в стилистическом отношениях) виде, имеются и в дневниковых записях Е. А. Перетца от 5 января 1881 г.: «В сущности, дела рассматриваются у нас — насколько возможно для людей преимущественно кабинетных — очень основательно, а читая наши отчеты и мотивированные мнения (Государственного — Л. Ш.) совета, можно предположить, что в Совете сидят чуть ли не Солоны. При публичности заседаний иллюзия совершенно исчезнет»²⁷.

Ценным историческим источником являются также издания (отчеты о деятельности, труды, записки и т. п.) разного рода предприниматель-

²⁴ ГБЛ, ОР, ф. 178, муз. № 9803, ед. хр. 4, стр. 26. (Воспоминания А. Н. Куломзина хранятся в его фонде № 1642 в ЦГИА СССР.)

²⁵ «Дневник Е. А. Перетца, (1880—1883)», стр. 105, 106, 107. Сам Перетц делал подобные отметки на мемориях Государственного совета, по которым «разрешались государем все... дела» Совета.

²⁶ ГБЛ, ОР, ф. 178, муз. № 9803, ед. хр. 4, стр. 50—51.

²⁷ «Дневник Е. А. Перетца (1880—1883)», стр. 19.

ских организаций типа съездов промышленников различных отраслей промышленности или районов. Наряду с архивными фондами этих организаций и документами о них, отложившимися в фондах правительственных органов, эти издания обычно привлекаются при изучении политики буржуазии, процесса монополизации промышленности, при изучении экономики вообще. Нередко они — основной источник вследствие гибели архивных фондов некоторых предпринимательских организаций, в частности крупнейшей из них — Совета съездов горнопромышленников Юга России. Поэтому для историков весьма ценны свидетельства из воспоминаний А. В. Ивановского, бывшего в начале XX в. представителем Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности на съездах горнопромышленников Юга России. Так, он пишет: «О съездах не следует судить по их печатным материалам, довольно бесцветным и вялым и представляющим собой в сущности сборник попрошайничеств (перед правительством.— *Л. Ш.*). Наиболее интересными были кулуарные разговоры и некоторые частные совещания, где разговоры были более искренними»²⁸. Далее автор воспоминаний пересказывает некоторые из них.

Документы частного происхождения являются важным или единственным источником для выяснения политического, интеллектуально-делового и морально-этического облика, а также действительного материального положения как представителей бюрократии, так и общественных деятелей и предпринимателей. Лишь такая всесторонняя, а не только классово-политическая и служебная характеристика деятелей прошлого (что, конечно, наиболее важно) может дать полное, максимально приближенное к исторической действительности представление о них. С одной стороны, эти документы дают нам материал для суждения о личности автора; с другой, — они содержат отзывы и свидетельства автора о современниках.

В воспоминаниях А. Н. Куломзина приводится его письмо к матери от 1869 г., в котором, ссылаясь на свой дневник, он рассказывает об участии представителей высшей бюрократии в акционерных спекуляциях, дополняя уже известные по другим документам личного же происхождения факты такого рода. «Наши экономисты, — пишет Куломзин, имея в виду высших чиновников финансового ведомства, — ...пустились в самые неблагоприятные биржевые спекуляции. Так, например, одно общеизвестное лицо [Ламанский]²⁹, которого я всегда считал рыцарем честности, положительно торгует своим официальным положением. Недавно он вошел в компанию с капиталистами, и заранее купили еще невыпущенные акции одной железной дороги по 80 коп. за рубль и потом публично продали с барышом. Капиталисты дали деньги, а Л. — кредит [своего Государственного банка и другого, им основанного Общества взаимного кредита, которому он также покровительствует деньгами банка]. Такими-то они операциями наживают в 5 месяцев рубль на рубль, и это все более или менее гладко. Очевидно, что у этого лица нет миллионов, потребных на железную дорогу. Зачем же его приглашают во все компании? Очевидно, по его положению [как управляющего Государственным банком]. По этому случаю было недавно в Комитете прекурьюзное дело: представлен был устав одной компании, который я докладывал. Князь Гагарин с разрешения государя поднял вопрос, не следует ли отклонить эту компанию, так как в ней принимают гласное участие 5 высших чиновников Министерства финансов [в том числе Ламанский]. Но в

²⁸ «Дневник Е. А. Перетца (1880—1883)»; ГБЛ, ОР, ф. 414, А. В. Ивановский. Воспоминания инженера.

²⁹ Здесь и далее в квадратных скобках приводится текст воспоминаний, зачеркнутый А. Н. Куломзиным. Е. И. Ламанский был управляющим Государственным банком.

Комитете рука руку мсет, и все были противного мнения. Князь Гагарин, хотя и опирался на высочайшее повеление, которое воспретило высшим сановникам принимать участие в концессиях железных дорог, остался один при своем мнении». Царь же утвердил мнение большинства³⁰.

В 1870 г. в другом письме к матери Куломзин дает характеристику железнодорожных грюндеров того времени. Министр финансов, сообщает он, «[старается противодействовать той мерзости, которая происходит вследствие концессий железных дорог. Ты не можешь себе вообразить, что это за грязь. Господа, ничего не понимающие, ничего никогда не делавшие, самых скабрзных репутаций, ходатайствуют о концессиях на разные возможные и невозможные дороги. Платя огромные, по несколько сотен тысяч, взятки, они получают концессии...]»³¹. Вот что сообщает А. Н. Куломзин, со слов В. В. Головкина, о кн. А. Ф. Орлове, закончившем свою карьеру председателем Государственного совета и Комитета министров (умер в 1861 г.): «... Этот видный, могущественный, можно сказать, деятель эпохи императора Николая I в беседе со своими сверстниками не стесняясь рассказывал, сколько у него было паев в том или другом откупу, сколько эти паи приносили и сколько он поместил денег в дела того или другого откупщика. Теми же глазами эти господа смотрели и на железнодорожные концессии. А господ этих было значительное число»³². А вот общая характеристика Куломзиным бюрократических верхов конца 1860-х годов: «Вообще никогда еще, кажется, государственные люди не плавали еще так мелко, как у нас теперь. Невежество их доходит до крайних пределов, а невниманье к делу истинно преступно»³³.

Интереснейшие характеристики руководящих деятелей Министерства финансов (затем Министерства торговли и промышленности) и некоторых лидеров предпринимательских организаций содержатся в воспоминаниях А. В. Ивановского, о которых говорилось выше.

Конечно, оценки и свидетельства такого рода могут быть (и, вероятно, действительно были) во многом субъективными³⁴. Они нуждаются во взаимопроверке и проверке по другим источникам, в первую очередь, по официальным документам. При анализе этих оценок и свидетельств должна также приниматься во внимание личность их авторов. Но их использование необходимо, по крайней мере, как сигнал для историка вообще и при изучении истории учреждений в особенности, и это — основное.

³⁰ ГБЛ, ОР, ф. 178, муз. № 9803, ед. хр. 4, стр. 49—50.

³¹ Там же, стр. 51.

³² Там же, стр. 40.

³³ Там же, стр. 49.

³⁴ В «Дневнике государственного секретаря А. А. Половцова» (т. I, стр. 475) А. Н. Куломзин назван «глупым и низкопоклонным... управляющим делами» Комитета министров. Напомним, что Половцов занимал в это время пост государственного секретаря — главы канцелярии Государственного совета, то есть должность, вполне аналогичную должности Куломзина, и в отношениях между ними естественно предположить некоторое соперничество.

А. И. Нильве

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРИГОВОРОВ И НАКАЗОВ КРЕСТЬЯН, ПОСЛАННЫХ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

В. И. Ленин, характеризуя действия крестьянства в революции 1905—1907 гг., писал: «В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей»,— совсем в духе Льва Николаевича Толстого!»¹

Толчком к широкому петиционному движению в революции послужило издание царского рескрипта 18 февраля 1905 г., которым разрешалось «верноподданным» доводить до сведения правительственных властей свои нужды. Большевистский центральный орган «Пролетарий» охарактеризовал это движение «как плод правительственной демагогии, с одной стороны, и политической незрелости крестьянства, с другой»². До сих пор документы петиционного движения крестьян слабо изучены. Между тем известно, какой интерес вызывали у В. И. Ленина подобного рода документы.

Поскольку крестьянство в целом было заражено думскими иллюзиями, то основной поток их наказов и жалоб шел в Думу, особенно во II Государственную думу, в работе которой аграрный вопрос занял центральное место. Весьма характерным для крестьян был наказ 2037 домохозяев Новоузенского уезда Самарской губернии, в котором выражалась надежда, что «Дума, как выразительница народных нужд и требований, разрушит старый порядок, выведет народ на светлую дорогу к божественной правде... исполнит тот великий наказ, который дан избранникам во всех частях необъятной русской земли и который выражен двумя словами «земля и воля»»³.

В канцелярии II Государственной думы зарегистрировано 711 подобных приговоров, наказов и заявлений. Эти документы дают возможность не только изучить конкретные проявления политической наивности крестьян, их монархические и думские иллюзии, но, что гораздо более важно, выяснить пробивающиеся сквозь толщу предрассудков ростки демократического и революционного рассудка, программных требований крестьянского движения, их оценку позиций различных партий и т. п.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 211.

² Калинин (Карпинский). Крестьянское движение.— «Пролетарий», 9 августа (27 июля) 1905 г.

³ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 1278 (Государственная дума), оп. 118, д. 748, л. 3.

Очень важно проследить отношение крестьянства к социал-демократической фракции II Государственной думы по приговорам, наказаниям, посылаемым во фракцию. Но часть архива социал-демократической фракции II Государственной думы, где хранились приговоры, наказания крестьян, была вывезена в Париж и до сих пор не разыскана⁴.

Член этой фракции Г. А. Алексинский издал выдержки из наказов социал-демократическим депутатам II Государственной думы, которые касаются, главным образом, интересов рабочих. Приведенные им несколько выдержек из крестьянских наказов не дают возможности проследить отношение крестьянства к социал-демократической фракции II Думы⁵. Сопоставление экономических и политических требований крестьянства, выставленных в приговорах и наказах, посланных во фракции октябристов, кадетов, эсеров, трудовиков или отдельным членам этих фракций, с программами этих партий позволяет проследить различие во взглядах крестьянства и этих программных требований.

Крестьяне, поддерживавшие кадетов, эсеров и трудовиков, в своих приговорах и наказах решительно заявляли, что не пойдут ни на какие уступки помещикам. Если правые и октябристские помещики и буржуазия ставили вопрос о неприкосновенности помещичьей собственности на землю, то идущие за правыми и октябристами крестьяне в своих приговорах и наказах требовали разрешения аграрного вопроса путем наделения крестьян землей за счет помещиков. В целом, однако, крестьянство еще верило кадетским измышлениям, что Дума может решить все вопросы, интересующие их, наделить их землей, изменить порядки в государстве. Эти конституционные иллюзии среди крестьянства усердно сеяли кадеты и поддерживали руководители Крестьянского союза.

II Государственная дума работала с 20 февраля по 3 июня 1907 г., т. е. в период разгула черносотенной реакции, направленного против революционного народа. В Думу поступали как жалобы на действия властей, так и приговоры с более общими требованиями. Крестьяне писали об издевательствах и беззакониях, которые они терпят, и просили Думу заступиться за них⁶.

Выявленные нами 160 жалоб дают возможность довольно подробно рассмотреть «механику» правительственных репрессий против народа в 1907 г., что, впрочем, может быть изучено по другим источникам.

Гораздо больший интерес представляет 201 приговор (наказ, заявление), направленный крестьянами во II Государственную думу. Их содержание намного шире, оно охватывает целый комплекс вопросов.

Из общей массы документов крестьян, рассматриваемых в статье, лишь в 20 крестьяне обращаются во II Государственную думу с различными просьбами⁷. Центральное же место в этих документах занимает вопрос о земле. В большинстве приговоров, наказов, заявлений говорится о тяжелом экономическом положении крестьян, о том, что причиной их бедности является малоземелье, недостаток лугов, леса, столь необходимых для ведения хозяйства⁸. Положение усугубляется еще и тем, что нищенские наделы крестьян со всех сторон окружены и сжаты землями помещиков⁹. Вот как образно пишут об этом крестьяне деревни Кунилова Емельяновской волости Старицкого уезда Тверской губернии:

⁴ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 71, оп. 1, д. 248, лл. 25—26.

⁵ «Чего хотел народ?» Наказы избирателей социал-демократическим депутатам 2-й Государственной Думы. Париж, 1914 (Музей книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве).

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 114(1), д. 713, л. 353; оп. 115, д. 749, л. 270.

⁷ Там же, оп. 175, д. 756, лл. 19, 25 и 25 об.

⁸ См., например, там же, оп. 113, д. 753, л. 22; оп. 118, д. 748, лл. 73, 142; д. 758, л. 36; оп. 175, д. 756, л. 24.

⁹ Там же, оп. 115, д. 757, л. 49.

«...Мы, крестьяне, находимся как медведи в облове, так как и мы у кровопивных помещиков. С запада и с севера сделал нам облову своей землей кровопивный помещик Головин, которого земля чуть ли не до самих наших дворов, с севера и с восточной стороны обложил свою облову другой кровожадный злой помещик Поликарпов, который своей землей чуть не влез в наши ветхие избушки, и то благодаря нашим худым и тесным воротам, которые не пустили землю в избу и на печи»¹⁰.

Особенно сильно стало проводиться «землеустройство» и «огораживание» земель с усилением и развитием капитализма в конце XIX — начале XX в. В ряде случаев при переходе от отработочных форм ведения хозяйства к капиталистическому помещики перестали сдавать в аренду землю, продавали ее или увеличивали свою запашку, сгоня крестьян-арендаторов с земель.

Крестьяне пишут, что чересполосица создается помещиками искусственно¹¹. Крестьяне приводят факты незаконного захвата помещиками земель, описывают земельные тяжбы с ними и просят Думу помочь вернуть утраченные земельные угодья. Крестьяне-арендаторы, сгоняемые с земли, просят заступничества у Думы¹². Свои жалобы на произвол и угнетение со стороны помещиков крестьяне обычно заканчивают просьбой, лаконично выраженной в приговоре схода крестьян Шереметьевского общества Чебоксарского уезда Пензенской губернии: «...Не жалейте сил на благо и счастье народа. Вырвите нас из когтей тиранов-помещиков»¹³.

На произвол помещиков указывают не только бывшие помещичьи крестьяне. Бывшие чиншевики Правобережной Украины в своих приговорах рассказывают, как грабят их помещики, забирая их чиншевые участки¹⁴. Чиншевики Луцкого уезда Волынской губернии жалуются на «неправильное действие чиншевого окладного присутствия, которое поддерживает помещиков», и просят защитить их права¹⁵.

Таким образом, приговоры и наказания дают возможность проследить взаимовлияние крестьянского и помещичьего хозяйств и процесс «огораживания», который стал более интенсивным в начале XX в.

Наряду с жалобами на помещиков в Думу поступили две жалобы на кулаков. Быковское Малороссийское сельское общество Царевского уезда Астраханской губернии жалуется, что «кулаки забирают за бесценнок надельные земли, не разрешают продавать их на сторону и итти на заработок»¹⁶. Крестьяне-одnodворцы села Бломынзен Белецкого уезда Бессарабской губернии жалуются на бесчинства кулака Маленчука и ждут защиты от Думы¹⁷. Соотношение количества жалоб на помещиков и кулаков свидетельствует о том, что основное значение имела тогда первая социальная война в деревне. Вторая — только начиналась.

О своем тяжелом положении пишут и другие категории крестьянства (бывшие государственные, удельные)¹⁸.

В большинстве своих обращений в Думу крестьянство требовало радикального решения аграрного вопроса за счет помещичьих, казенных, удельных, церковных земель. И в меньшей части приговоров, наказов, за-

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 118, д. 748, лл. 63 об., 64.

¹¹ Там же, оп. 113, д. 753, л. 23; оп. 115, д. 757, л. 8 об.; оп. 118, д. 748, лл. 21, 120—123, 157; оп. 175, д. 756, лл. 6 об., 67, 131 об., 177.

¹² Там же, оп. 113, д. 753, лл. 20—21; оп. 115, д. 757, л. 9; оп. 118, д. 748, лл. 3, 3 об., 9, 10, 26, 26 об., 27, 39, 102—103, 160, 196; оп. 175, д. 756, л. 41.

¹³ Там же, оп. 115, д. 757, л. 9.

¹⁴ Там же, оп. 115, д. 757, лл. 8—9, 11, 14, 17.

¹⁵ Там же, л. 51 об.

¹⁶ Там же, оп. 118, д. 748, лл. 61—62.

¹⁷ Там же, оп. 115, д. 757, л. 12.

¹⁸ Там же, оп. 118, д. 748, лл. 60, 97, 103—104, 111; оп. 115, д. 779, л. 12; оп. 118, д. 748, л. 97; оп. 175, д. 756, л. 86.

явлений крестьяне требовали уничтожения чересполосицы, наделения их лугами, лесами, выпасами, прогонами для скота.

Наделения помещичьей землей требуют бывшие помещичьи крестьяне Гродненской, Вологодской, Нижегородской, Самарской, Курской, Харьковской, Тверской, Могилевской, Костромской, Смоленской, Ковенской, Вятской, Новгородской и других губерний¹⁹. Наделить казенной землей требуют и бывшие государственные крестьяне Шангинского общества Шидринского уезда, села Ивановского, деревни Фоминой Ирбитского уезда, деревни Семенчиковой, сход Виткинского сельского общества Красноуфимского уезда Пермской губернии, деревни Подберезнева Тотемского уезда Вологодской губернии, сход крестьян Саринской волости Дриссинского уезда Витебской губернии, крестьяне Святогорской волости Глазовского уезда Вятской губернии, сход крестьян Очитинской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии, деревни Лапорой Старорусского уезда Новгородской губернии, слободы Покровской Новоузенского уезда Самарской губернии и т. д.²⁰ Наделить их удельной землей требуют бывшие удельные крестьяне Вятской, Казанской, Волынской губерний²¹. Просят наделить их землей чиншевики Правобережной Украины; бывшие приписные крестьяне Оренбургской губернии, башкиры-вотчинники Самарской губернии²².

Встречаются приговоры, наказания, заявления, где крестьяне просят их наделить землей из имений купцов, отдать им земли кулаков и церкви²³.

Таким образом, крестьяне всех бывших категорий требуют изменения поземельных отношений, освобождения от остатков крепостничества. Это свидетельствует о том, что ломка старого землевладения — и помещичьего, и крестьянского — стала экономической необходимостью, так или иначе осознанной самими крестьянами.

Обзор в самых общих чертах требований крестьян показывает, что эту документацию невозможно научно освоить, пользуясь привычным методом иллюстрирования наиболее ярких мест наказов и приговоров. В литературе уже известна методика группировки крестьянских требований в жалобах более раннего времени, например периода падения крепостного права²⁴. Известен также примерный наказ, составленный на основании 242 крестьянских наказов 1917 г. Но ни тот, ни другой опыт не может быть полностью применим к наказам и приговорам крестьян во II Государственную думу, так как, во-первых, неизмеримо разнообразнее круг поднимаемых вопросов по сравнению с жалобами 50—60-х годов XIX в. и, во-вторых, составление «сводного» наказа, имевшее практическое значение в 1917 г., не ставило научных целей, и его ограниченность как источника была отмечена В. И. Лениным сразу же после публикации²⁵.

Тем не менее методика формализации сведений, которые могут быть почерпнуты из наказов и приговоров, и последующей их организации в таблицы может быть применена и к данному источнику. Прежде всего

¹⁹ Там же, оп. 175, д. 756, лл. 15—17, 20—21; оп. 115, д. 779, лл. 87—88, 91, 176; оп. 175, д. 756, лл. 25, 102, 102 об.; оп. 115, д. 757, лл. 56 об., 85 об.; оп. 175, д. 756, лл. 41, 61, 111—112; оп. 115, д. 757, л. 20; оп. 175, д. 756, лл. 61, 111—112, 72, 72 об., 37, 121, 121 об., 123 об., 142; оп. 118, д. 748, лл. 23—24; оп. 115, д. 779, лл. 4—5, 7—9; оп. 175, д. 756, л. 23; оп. 118, д. 748, лл. 22, 41; оп. 115, д. 757, лл. 1, 34 об., 104; сп. 118, д. 748, л. 73; оп. 115, д. 757, л. 43 об.

²⁰ Там же, оп. 175, д. 756, лл. 10, 126, 129 об.; оп. 115, д. 757, лл. 45—47, 98, 189—190; оп. 175, д. 756, лл. 14—15, 26, 60 об., 103—104; оп. 118, д. 748, лл. 92—94, 5; оп. 115, д. 757, л. 4.

²¹ Там же, оп. 175, д. 756, л. 86; оп. 118, д. 748, л. 97; оп. 115, д. 779, л. 12.

²² Там же, оп. 115, д. 757, лл. 8, 9, 11, 14, 21, 24, 51, 65, 72.

²³ Там же, оп. 175, д. 756, лл. 25, 237 об.; оп. 118, д. 748, л. 16; оп. 175, д. 756, л. 146.

²⁴ Б. Г. Литвак. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967.

²⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 108, 109.

потребовалась группировка самих наказов по решающим признакам. Группировка была осуществлена в рамках материала, обращенного к каждой в отдельности фракции Думы и к Думе в целом. Это позволяет проследить влияние той или иной партии на крестьянство, выяснить, как мыслило крестьянство претворение в жизнь аграрной программы своей партии, согласно ли оно с ней и каковы, собственно, его аграрные требования. При анализе следует обратить внимание на приговоры и наказания, не обращенные к какой-либо фракции. Этим приговорам и наказаниям большинство. По характеру выдвинутых требований и по тому, что в приговорах и наказаниях часто приводятся данные о количестве земли, которой располагают крестьяне, принявшие приговор или наказание, можно установить вероятную связь между имущественным положением крестьянства и их требованиями и выяснить, какие группы крестьянства поддерживают те или иные партии. Коль скоро речь идет о группировке вначале самих наказов, затем узловых вопросов их содержания, наилучшей формой выражения этих группировок может стать таблица. Не ставя в данном случае задач избегания конкретно-исторического материала, более того, сознательно избегая этого, чтобы рельефнее отразить саму методику работы с названным источником, мы предлагаем вниманию читателя ряд таблиц-вопросников, что-то вроде незаполненных анкет, выразительность форм которых освобождает от многословного перечисления и комментирования вопросов, включенных в анкету.

Для выяснения самых общих требований, встречаемых в приговорах и наказаниях, составляется таблица № 1 (см. Приложение), которую можно озаглавить «Общая характеристика приговоров, наказов, заявлений крестьян, посланных во II Государственную думу».

Показав, таким образом, характер и содержание приговоров и наказов, посланных во II Государственную думу, необходимо детально проанализировать теперь уже по фракциям аграрные требования крестьян. Для этого следует в таблице 2 раскрыть конкретное содержание требований, встречающихся в приговорах, наказаниях, заявлениях крестьян.

Поскольку объектом острой борьбы было не только само требование земли, но и условия, на которых должно идти наделение ею, таблица 3 должна показать, на каких условиях крестьянство хочет дополнительного наделения землей в потребном количестве.

Таблица 4 должна показать, на каких условиях крестьянство желает отчуждения частновладельческих казенных, удельных, церковных и прочих земель и получения их в собственность.

В приговорах, наказаниях, заявлениях, требуя разрешения аграрного вопроса, часть крестьянства выдвигала экономические требования, которые касались главным образом уменьшения налогов. Этот материал также удобнее свести в таблицу.

Для группировки политических требований крестьян предлагаем таблицу 5.

Такова вкратце та методика формализации материала и организации его в таблицы, которая может быть предложена для изучения наказов и приговоров крестьян в Государственную думу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Характер и содержание группировки требований	Общее число документов, в которых встречаются данные требования	% к общему числу документов
Аграрные		
Политические		
Экономические, кроме аграрных		
Жалобы на действия властей .		
Просьбы земельно-судебного характера		
Прочие просьбы		

Таблица 2

Содержание аграрных требований	Число приговоров, наказов, в которых имеется данное требование	% к данному числу приговоров, наказов	Содержание аграрных требований	Число приговоров, наказов, в которых имеется данное требование	% к данному числу приговоров, наказов
Отмена частной собственности на землю, передача народу частновладельческих удельных, церковных, монастырских и других земель . .			Разрушение общины . . .		
Дополнительное наделение земель в потребном количестве			Снижение цены на аренду		
Отчуждение частновладельческих, казенных, удельных, церковных и прочих земель и раздача их в собственность крестьянства			Передача земли в аренду . .		
			Требование разрешить аграрный вопрос без указания, на каких условиях		

Таблица 3

Дополнительное наделение крестьян земель в потребном количестве	Общее число документов, в которых имеется данное требование	% к данному числу приговоров, наказов
За выкуп		
Без выкупа		
На условиях, указанных Думой		
Без указания условий, на каких хотят получить землю		

Таблица 4

Отчуждение частновладельческих, казенных, удельных, церковных и прочих земель и раздача их в собственность крестьянству	Общее число документов, в которых встречается данное требование	% к данному числу приговоров, наказов
За выкуп		
Без выкупа		

Общеполитические требования, встречающиеся в приговорах, наказах, заявлениях крестьян, посланных во II Государственную думу

Политические требования	Число документов, в которых имеется данное требование	% к данному числу приговоров, наказов	Политические требования	Число документов, в которых имеется данное требование	% к данному числу приговоров, наказов
<p>Созыв Учредительного собрания Уничтожение сословий и уравнение крестьян в правах с другими сословиями Всеобщее бесплатное обучение на народных началах Установление политических свобод Амнистии политическим заключенным Стмена смертной казни Стмена военного положения, чрезвычайной и усиленной охраны Местное управление на выборных началах на основе всеобщего избирательного права Уничтожение полиции и замена ее народной милицией . .</p>			<p>Уничтожение института земских начальников . . . Свободы по манифесту 17 октября 1905 г. Министерство, ответственное перед Думой Дополнения к манифесту 17 октября 1905 г. . . . Введение в низших школах преподавания на родном языке Император с Думой должен управлять государством Укрепление самодержавия, разгон Думы Церковь поставить на государственное жалование Замена постоянного войска народным ополчением</p>		

М. П. Ирошников

К НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Весной 1918 г., в условиях «мирной передышки», наступившей после подписания Брестского договора, вместо выполненной в основном задачи завоевания власти и подавления сопротивления эксплуататорских классов на первый план выдвинулась задача организации управления. Этот вывод был сформулирован В. И. Лениным в подготовленных им по поручению ЦК РКП(б) «Шести тезисах об очередных задачах Советской власти», которые должны были лечь в основу деятельности всех губернских, уездных и волостных Советов.

В одном из пунктов ленинского документа говорилось: «Организация правильного управления, неуклонного проведения в жизнь постановлений Советской власти — такова насущная задача Советов, таково условие полной победы советского типа государства, каковой тип недостаточно формально декретировать, недостаточно учредить и ввести во всех концах страны, а необходимо еще практически наладить и проверять на регулярной, повседневной работе управления»¹.

Осуществляя огромную и разностороннюю деятельность по руководству Советом Народных Комиссаров, В. И. Ленин вместе с тем изо дня в день уделял чрезвычайно большое внимание обеспечению четкого и слаженного функционирования всех звеньев нового, пролетарского аппарата власти, неуклонно добивался всемерного улучшения его структуры, форм и методов работы. Уже в самые первые месяцы существования Советской власти В. И. Ленин предпринял в этом направлении целый ряд шагов, и в том числе весьма существенных. Достаточно напомнить о написанных В. И. Лениным известных правилах «о том, как ставить вопросы на повестку», т. е. правилах подготовки и документирования заседаний Совнаркома². Вместе с другими указаниями Председателя СНК эта ленинская инструкция, утвержденная 18 декабря 1917 г. Советским правительством, легла в основу его повседневной деятельности и явилась своеобразным ориентиром для постановки работы коллегий народных комиссариатов и других руководящих органов всех советских ведомств и учреждений.

Укажем еще несколько принятых и опубликованных только на протяжении января — августа 1918 г. постановлений Советского правительства, которые говорят о неослабевавшем и в это напряженное время внимании Совета Народных Комиссаров и его Председателя к различным вопросам, связанным с установлением новой единой системы делопроизводства во всех советских учреждениях. Это подписанные В. И. Лениным постановление Совнаркома о форме бланков государственных учрежде-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 278.

² «Ленинский сборник», XXI, стр. 96.

ний от 2 марта 1918 г. и инструкция о порядке выдачи справок от 26 апреля 1918 г., а также постановления СНК о недопустимости употребления в подписях несуществующей по Конституции должности товарища народного комиссара от 22 июля 1918 г. и, наконец, о воспрещении советским учреждениям употреблять печати с изображением старого герба от 3 августа 1918 г.³

Материалы, хранящиеся в ЦПА ИМЛ и ЦГАОР СССР, позволили ознакомиться с еще одной, до сих пор неизвестной страницей начальной истории советского делопроизводства. 3 апреля 1918 г. в Управление делами СНК поступила докладная записка помощника заведующего отделом электротехнической промышленности Высшего Совета Народного Хозяйства инженера К. С. Финкеля, адресованная Совету Народных Комиссаров, с приложенной к ней инструкцией по делопроизводству ВСНХ и его отделов⁴. «Многообразные жалобы со всех сторон на «канцелярскую волокиту», царящую во всех учреждениях, не безосновательны,— писал К. Финкель,— так как действительно бюрократическая канцелярщина, отравлявшая все российские учреждения, продолжает и сейчас царить в них, несмотря на все коренные реформы, и своей нецелесообразностью сильно тормозит выполнение всего того, что сейчас так спешно должно быть выполняемо во всех аппаратах и ведомствах. Причина этому то, что новые люди, стоящие сейчас у дел, не имеют нужного опыта и рутины (так в тексте.— М. И.) в организации канцелярских аппаратов».

Исходя из того, что от успешного функционирования этих аппаратов во многом зависит производительность тех органов, которые ими обслуживаются в России, сообщалось далее в докладной записке, Высшим Советом Народного Хозяйства было поручено особой комиссии в составе управляющей делами ВСНХ члена большевистской партии с 1904 г. В. Н. Яковлевой и автора записки выработать инструкцию по делопроизводству, построенную по образцу системы, принятой в Западной Европе и Америке. Для скорейшего и успешного проведения в жизнь приложенного к докладной проекта инструкции по делопроизводству не только в ВСНХ, но и во всех остальных советских учреждениях и ведомствах, чтобы быстрее преодолеть сопротивление, которое она встретит со стороны канцелярских служащих, не умеющих сразу отрешиться от «входящих и исходящих журналов», К. Финкель в заключение предлагал опубликовать ее вместе со специальным декретом СНК об обязательном введении этой системы в кратчайший срок (две недели) во всех существующих и проектируемых официальных государственных учреждениях⁵.

Написанная вскоре после переезда Советского правительства и народных комиссариатов из Петрограда в Москву, докладная записка К. С. Финкеля (она датирована 28 марта 1918 г.), по-видимому, не была передана В. И. Ленину, который, как известно, именно в конце марта — начале апреля наряду с напряженной повседневной государственной и партийной работой обдумывал и готовил свою статью «Очередные задачи Советской власти». Судя по пометам, имеющимся на докладной записке⁶ и приложенной к ней инструкции по делопроизводству ВСНХ и его

³ «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 514—515; т. II. М., 1959, стр. 585—586; т. III. М., 1964, стр. 81, 167; «Ленинский сборник», XXXV, стр. 33.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 636, лл. 11—17. Машинописный текст, подписанный К. С. Финкелем, с пометками управляющего делами Советского правительства В. Д. Бонч-Бруевича и других сотрудников Совнаркома.

⁵ К. С. Финкель сообщал также, что он готовит ряд инструкторов, которые сумеют оказать необходимое содействие тем учреждениям, для которых было бы затруднительно собственными силами наладить новую делопроизводственную систему (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 636, лл. 11—12).

⁶ В левом верхнем углу по тексту штампа бланка ВСНХ резолюция: Для сведен[ия] секретарей. Над текстом помета: Влад[имиру] Дмит[риевичу]. По тексту пометы: В архив; архив № 19 (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 636, л. 11).

отделов⁷, с их содержанием ознакомились только соответствующие сотрудники рабочего аппарата Совнаркома. И примерно через месяц, 30 апреля 1918 г., в Управление делами СНК на имя Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) поступила новая докладная записка К. Финкеля, которая представляет несомненный интерес.

«Ссылаясь на записку, адресованную в Совет Народных Комиссаров от 28 марта за № 126 о введении новой системы делопроизводства во все государственные учреждения, организации и ведомства, и в дополнение к Вашей статье «Очередные задачи Советской власти»,— писал, обращаясь к В. И. Ленину, К. Финкель,— я здесь хотел бы еще раз обратить Ваше внимание на срочную и неотложную необходимость изменения порядка делопроизводства во всех государственных учреждениях.

В этом отношении бесспорно замечается беспомощность людей, призванных к выполнению делопроизводственных работ, как следствие неопытности, а главным образом недостатка организаторских способностей, бесспорно необходимых для правильной и рациональной постановки делопроизводства. Все дела, которые совершаются в государственных учреждениях, канцеляриях, ведомствах, организациях и прочих делопроизводствах, в сущности дела чисто бумажные, являясь неизбежным бюрократизмом, необходимым уже при организации, охватывающей даже незначительное число сотрудничающих в одном и несложном аппарате лиц, необходимо, вопреки всего отрицания бюрократизма, фиксировать на бумаге, записать то, к чему договариваются даже только 2—3 человека, если предполагается, чтобы разговор этот дал хоть какой-нибудь результат и повлек за собой дальнейшие шаги.

Академические переговаривания самых толковых людей не могут иметь никаких последствий, если они не будут записаны на бумаге и с этой бумагой не будет что-либо сделано. Для организации или для аппарата, охватывающего десятки или сотни тысяч людей, переговаривающихся друг с другом или в различных группах, фиксирование на бумаге результатов этих переговоров и давание дальнейшего хода есть вопрос рационального и правильного делопроизводства или канцелярии по унифицированному образцу, подвергнув коренному пересмотру всю старую канцелярщину, которая унаследована нами от царизма и которая с точки зрения применения системы Тэйлора представляет собою вопиющее расточительство энергии и времени. Последнее предложение не нуждается в доказательствах, особенно для того, кто работает в каком-либо учреждении или организации, где на каждом шагу слышны беспрестанные жалобы на то, что письмо, отправленное неделю тому назад в другое ведомство в том же городе, остается безответным зачастую в продолжении еще нескольких недель; это вызывает необходимость наведения справок, справки отнимают время у справляющихся людей и у целого ряда лиц, которые дают справки сперва ориентирующего характера, а затем и по существу. В большей части случаев справки по существу неточны, неполны и неудовлетворительны, потому что они даются на память, по догадкам и прочими домашними средствами.

Резюмируя вышесказанное и ссылаясь еще раз на инструкции по делопроизводству, приложенные мною к объяснительной записке от 28-го марта, я подтверждаю, что неотложно, в первую очередь, при осуществлении задач управления, организации производств, необходимо в корне

⁷ Над заглавием две пометы: Вл[адимиру] Дмитр[иевичу]; В архив, № 19. Слева на полях резолюция управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича: Сделать совещание (написано другим почерком вместо зачеркнутого Выдать) для подробного ознакомления тт. секретарей, регистратуры и Алексеева, которым необходимо дать свое заключение насчет этого плана регистрации. В. Б[онч]-Б[руевич] (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 636, л. 13).

реорганизовать делопроизводство с применением системы Тэйлора и на смену старой канцеляршине ввести во все ведомства, учреждения и организации новую систему делопроизводства, адаптированную капиталистически развитыми странами Западной Европы и Северной Америки, как систему наиболее рациональную, наиболее гибкую и обеспечивающую гладкое выполнение работ, а в данном случае бумаг, с наименьшим торможением дел, которых эти бумаги касаются»⁸.

Ознакомившись с письмом К. Финкеля, В. И. Ленин сделал на полях его докладной записки распоряжение управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу найти присланную ранее первую докладную записку и дать заключение по существу данной бумаги⁹. В соответствии с указанием Председателя Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич написал на тексте письма К. С. Финкеля следующую резолюцию: «Тов[арищам] секретарям. Сообщите Ваше заключение о бумагах, переданных Вам ранее («О системе производств»)»¹⁰. К сожалению, какие-либо иные документы с текстом заключения секретарей или управляющего делами правительства по поводу докладных записок К. С. Финкеля, которые должны были быть представлены на рассмотрение Председателя Совнаркома, пока не обнаружены. Но окончательная судьба их известна — предложенный инженером К. С. Финкелем проект не получил своего законодательного оформления. В сложных и напряженных условиях того времени было, по-видимому, признано нецелесообразным и несколько преждевременным предельно регламентировать практику делопроизводственной работы советских государственных учреждений, существовавших всего лишь несколько месяцев. Вполне возможно, что предложенный К. С. Финкелем проект не получил поддержки и по другим соображениям.

Тем не менее названные выше документы вызывают, на наш взгляд, определенный интерес, так как они свидетельствуют об имевших место уже весной 1918 г. поисках наиболее удачных и целесообразных форм единой системы делопроизводства в советских учреждениях, о личном внимании Председателя Совнаркома В. И. Ленина к этой стороне работы советского государственного аппарата. Последнее обстоятельство определяет особый интерес указанных докладных записок и связанного с ними распоряжения В. И. Ленина.

Результатом непрекращавшейся напряженной работы ленинской мысли по вопросам совершенствования деятельности советского государственного аппарата в декабре 1918 г. явились известная статья В. И. Ленина «Набросок правил об управлении советскими учреждениями» и опубликованное за подписью Председателя Совета Рабоче-Крестьянской Обороны постановление о борьбе с областничеством и канцелярской волокитой¹¹.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 646, лл. 38—40.

⁹ Там же. Заверенная машинописная копия.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 365—368, 609; «Декреты Советской власти», т. IV. М., 1968, стр. 164—166. О предпринятых в это же время Наркоматом госконтроля шагах по упрощению делопроизводства в советских учреждениях см.: И. Е. Тамм. Первые страницы истории советского делопроизводства.— «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 99—104.

А. П. Лисовина

О ЗНАЧЕНИИ И ОСОБЕННОСТЯХ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГОДОВЫХ ОТЧЕТОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Бурное развитие исторической науки, наметившееся особенно с середины 50-х годов после XX съезда партии, заставляет вовлекать в научный оборот все новые и новые виды источников, без которых научное освещение глубинных процессов в социалистическом обществе крайне затруднено. В области изучения истории социалистической индустрии и советского рабочего класса к таким источникам должен быть отнесен годовой (бухгалтерский) отчет промышленного предприятия.

Годовая (бухгалтерская) отчетность, или так называемая отчетность об основной деятельности промышленных предприятий, возникла только с переходом промышленности всей страны на плановые рельсы, когда в социалистической экономике стал безраздельно действовать закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства.

Так называемые специальные формы статистического наблюдения: предшествовавшие бухгалтерской годовой отчетности текущая промышленная статистика, периодические промышленные и профессиональные переписи, выборочные и годичные обследования промышленности 20-х годов, практикуемые с 30-х годов переписи промышленного оборудования, единовременные учеты промышленно-производственного персонала и др. — прямо не связаны с планированием народного хозяйства. Основной же задачей годовой бухгалтерской отчетности является сопоставление плана и его фактического выполнения каждым предприятием по выпуску продукции и ее реализации, снижению себестоимости, ассортименту, полученной предприятием прибыли, расходованию сырья, топлива, фонда заработной платы и т. д. Это стало возможным только тогда, когда с переходом всей промышленности на социалистические рельсы промышленное предприятие превратилось в основное звено управления промышленностью, получило право юридического лица и самостоятельный баланс. Годовая отчетная кампания в промышленности на основе единого отчетного документа — годового бухгалтерского отчета — впервые была проведена в ходе выполнения социалистической промышленностью заданий первого пятилетнего плана — в 1930 г.¹

В настоящее время изучение этого источника находится в довольно своеобразном положении. В практике органов ЦСУ СССР годовые отчеты промышленных предприятий являются одним из основных документов

¹ Н. Я. Воробьев. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР. М., 1961, стр. 59—61, 109; И. Сеславинский. Азбука бухгалтерии. М., 1962, стр. 12; В. З. Дробинцев. Совершенствование управления промышленностью в годы первой пятилетки. — «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 14.

для составления сводной общегосударственной статистической отчетности, данные которой в самом обобщенном виде с 1957 г. регулярно в союзном и республиканском масштабах публикуются в статистических сборниках. Обобщенные данные именно этих официальных статистических изданий пока являются основным источником изучения в исторических исследованиях, хотя в источниковедческой литературе уже давно поставлен вопрос о необходимости изучения первичного учетно-отчетного статистического материала периодов победившего социализма и развернутого строительства коммунизма, в том числе годовых отчетов промышленных предприятий². Есть определенные сдвиги и в отношении непосредственного изучения годовых отчетов промышленных предприятий. Но здесь определились два принципиально противоположных подхода к этим документам как к источникам. В исторических исследованиях годовые отчеты промышленных предприятий пока еще не являются активно используемой источниковедческой базой, а всесторонне — путем группировки и анализа данных — изучаются только в работах статистико-экономического характера, при решении практически важных вопросов поиска наиболее рационального использования основных и оборотных фондов предприятия, путей повышения производительности труда и т. д. Историки же, обращаясь к годовым отчетам предприятий и отраслевых министерств, оперируют ими как нарративными источниками, редко выбирая отдельные показатели из форм отчета, в основном же пересказывая объяснительную записку к отчету³. Даже в специальных источниковедческих работах, где подчеркивается важность годовых отчетов промышленных предприятий как исторического источника, они подаются не как источники с устойчивым формуляром, требующие комплексного изучения, а как повествовательные, подчеркивается как бы случайность представленных сведений в объяснительной записке⁴, а не их обязательное присутствие в формах годового отчета⁵.

² М. Н. Черноморский. Статистические источники. Учебное пособие. М., 1957, стр. 5, 28; В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества.—«Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 11—12; Б. Г. Литвак. О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина.—«Источниковедение истории советского общества», вып. I. М., 1964, стр. 33—34; Г. А. Белов. О состоянии и перспективах публикации документальных источников по истории рабочего класса и социалистической промышленности СССР.—«Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». Сб. статей. М., 1964, стр. 371; М. К. Макаров. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР.—«Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 17. М., 1965, стр. 12—14 и др.

³ А. В. Митрофанова. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). М., 1960, стр. 16; И. Е. Марченко. Рабочий класс БССР в послевоенные годы. Минск, 1962, стр. 43—45, 60, 68, 102, 106, 124, 126, 133, 135, 172, 175, 178—180, 184; А. В. Волченко. Изменения в численности и составе рабочих черной металлургии Кузбасса (1926—1941 гг.) — «Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917—1963 гг.)». Сб. статей. Кемерово, 1965, стр. 44—48, 50, 51—54; Л. Е. Репида. Формирование и развитие рабочего класса Молдавской ССР (1944—1953 гг.) — «Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.)». Сб. статей. М., 1964 и др.

⁴ Особенности объяснительной записки как исторического источника частично исследованы автором в статье «К характеристике годовых отчетов промышленных предприятий как исторического источника (1945—1955 гг.)». — «Из истории социалистического и коммунистического строительства в Молдавской ССР». Кишинев, 1968, стр. 113—117.

⁵ Э. В. Ермакова. К анализу архивных статистических источников по численности рабочих кадров угольной промышленности Приморского края в годы IV-й пятилетки (1946—1950 гг.) — «Материалы VII научной конференции Дальневосточного государственного университета». Владивосток, 1962, стр. 89, 90; Г. А. Белов. Указ. статья, стр. 371; Е. В. Сомова. Годовые отчеты предприятий как источник по истории рабочего класса (по материалам Богословского алюминиевого завода за 1954—1963 годы). — «В помощь краеведу». Свердловск, 1966, стр. 137—140; статьи В. Н. Михайловой, Л. Колтомоной и М. Тужиковой, М. Ю. Хазиной в кн.: «Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917—1965)», вып. II. Материалы к научной конферен-

Таким образом, в источниковедческой базе исторической науки годовые отчеты промышленных предприятий пока еще не заняли подобающего места, хотя годовой отчет охватывает все стороны деятельности предприятия, производство в целом. Почти два десятка форм годового отчета содержат необходимые производственные показатели, позволяющие изучать многообразные стороны истории развития социалистической промышленности, выявлять их местные особенности вплоть до истории отдельных предприятий. Они дают общую характеристику состояния промышленности: отраслевую структуру, размеры производства, характеристику промышленно-производственных основных средств — зданий и производственного оборудования, степень оснащения предприятий сырьем, топливом, электроэнергией; обеспеченность рабочими и инженерно-техническими кадрами.

Данные годовых отчетов позволяют вскрыть процесс развития промышленности: рост и основные направления капиталовложений, темпы роста промышленно-производственных основных средств, валовой продукции, промышленно-производственного персонала; ведущие факторы в росте выпуска продукции; дают возможность определить, как и почему повышалась производительность труда, снижалась себестоимость продукции.

Система показателей годового отчета позволяет судить о характере технического прогресса в промышленности: процессах механизации производства, замене устаревшего производственного оборудования новым, высокопроизводительным, его модернизации на различных этапах развития социалистической промышленности, в различных отраслях и т. д.

Показатели годового отчета позволяют осветить также ряд социальных аспектов из истории развития советского рабочего класса: о группах промышленно-производственного персонала, воспроизводстве рабочей силы, подготовке кадров на предприятиях, охране труда на производстве, динамике заработной платы рабочих, инженерно-технических кадров, служащих и ряд других.

Следует, однако, подчеркнуть, что годовые отчеты промышленных предприятий являются важным историческим источником прежде всего по истории развития социалистического промышленного производства, социалистической индустрии. Вопросы же истории развития советского рабочего класса они позволяют осветить только в самом общем виде. Объясняется это спецификой годового отчета. Как в бухгалтерском (денежном) документе, там не может быть учтено то, что не имеет денежной оценки: земля и ее недра, нематериальные факторы — квалификация рабочих, их образование, организаторские и деловые способности ИТР и администрации, национальность, пол и т. д. Однако это отнюдь не умаляет значения годового отчета промышленного предприятия как исторического источника.

Прежде чем говорить об особенностях критического анализа бухгалтерских годовых отчетов промышленных предприятий при полном и комплексном (статистическом) их использовании в исторических исследованиях, целесообразно специально остановиться на вопросе, к какой же категории источников они должны относиться, так как методы критического анализа документов определяются их видом. В общем курсе источниковедения истории советского общества годовая (бухгалтерская) отчетность предприятий, учреждений, колхозов и т. д. отнесена к большой

ции. Кемерово, 1966, стр. 132, 135—139, 141—142, 146—147; А. И. Пасикова, Т. Г. Прокофьева. Документальные материалы промышленного предприятия и отбор их на государственное хранение.— «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР». Материалы научно-методической конференции архивистов РСФСР. М., 1965, стр. 102—105, 110, 112 и др.

группе статистических источников⁶. Однако в связи с необходимостью широкого вовлечения в научный оборот самых разнообразных архивных материалов, особенно по истории советского общества, в источниковедческой литературе была сделана попытка классифицировать «архивный» цифровой материал периода социализма⁷. Так, в статье В. И. Старцева даны критерии для распознавания в процессе работы над архивными материалами статистических источников от нестатистических — делопроизводственных документов с цифровыми данными. При этом исходной позицией явилась классификация отчетной документации, принятая в статистико-экономической литературе, в основу которой положено название учетно-отчетных документов, получаемое по главным направлениям их следования в каналах государственного аппарата, или, по очень удачному определению В. К. Яцунского, их «практическое первоначальное назначение»⁸.

Виды учета	Соответствующие им виды отчетности и представление
Статистический	Статистическая (органы ЦСУ)
Бухгалтерский	Бухгалтерская (свое ведомство, органы ЦСУ)
Оперативно-технический	Оперативно-техническая (свое ведомство)

Отсюда был сделан вывод, что все то, что статистиками не называется статистическим учетом и отчетностью, не является и статистическим источником⁹. И годовые бухгалтерские отчеты, отчетность по технико-экономическим показателям и т. д. выпали из состава статистических источников и были классифицированы как недоступные методам статистики в исследованиях историков. «При конкретном рассмотрении любого бухгалтерского или оперативно-учетного документа легко можно убедиться, — пишет В. И. Старцев, — что это делопроизводственный документ... Они разнородны, малосравнимы. И только работа статистика может придать делопроизводственным документам первичного учета новое качество»¹⁰. Ошибка здесь состоит в том, что в основу классификации статистико-экономические науки для практической деятельности кладут назначение документа в системе органов управления народным хозяйством, а источниковедение — приемы и методы их критического анализа и использования в историческом исследовании¹¹.

Общие направления методики исследования статистического материала уже выработаны марксистской исторической наукой. Большой и

⁶ М. Н. Черноморский. Статистические источники. Учебное пособие, стр. 27—28; он же. Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1966, стр. 182.

⁷ В. И. Старцев. Статистические источники Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области по истории советского рабочего класса. — «Вопросы историографии и источниковедения истории рабочего класса СССР». Сб. статей. Л., 1962.

⁸ В. К. Яцунский. О применении статистического метода в исторической науке. — «Исследования по отечественному источниковедению». М.—Л., 1964, стр. 27.

⁹ В. И. Старцев. Указ. статья, стр. 102.

¹⁰ Там же. О «непреодолимых трудностях» и «немыслимости» сплошного обследования первичного массового материала писал и М. А. Варшавчик в статье «К вопросу об отборе историко-партийных источников». — «Вопросы истории КПСС», 1966, № 3, стр. 114.

¹¹ Именно этот принцип, по существу, лежит в основе классификации письменных исторических источников по видовому признаку. Это обстоятельство позволяет успешно применять статистические методы изучения к источникам массового характера самых разнообразных видов — спискам, анкетам, протоколам, уставным грамотам, листовкам и т. д.

серьезный вклад в эту область за последние годы внесли многочисленные статьи историков-источниковедов и статистиков (В. К. Яцунского, В. И. Буганова, Н. Н. Рязова, С. М. Гуревича и др.) и, в частности, по изучению ценнейшего наследия разработанных и блестяще примененных В. И. Лениным методов и приемов исследования материалов статистики¹². В работах М. Н. Черноморского, В. З. Дробижева и др.¹³ разработаны и обобщены приемы и методы критического анализа статистических источников 20-х годов — периода строительства социализма — переписей, обследований, текущей промышленной статистики. Обобщая этот вклад, можно заключить, что годовые (бухгалтерские) отчеты промышленных предприятий, будучи архивными документами, не публикующимися в своем первоначальном виде, являются именно статистическим источником: они отражают качественные стороны промышленного производства и труда в количественных выражениях; составляются по единой программе и методике исчисления показателей, разработанной Министерством финансов СССР и ЦСУ СССР, общей как для годовых бухгалтерских отчетов, так и статотчетов; бухгалтерские годовые отчеты предприятий сами являются важнейшим источником статистической информации в СССР¹⁴. Следовательно, как массовые статистические документы строгой периодичности годовые отчеты предприятий при использовании их не в отдельности — иллюстративно или описательно, а в комплексе — за ряд лет, в пределах отрасли, группы предприятий и т. д. помогут историкам «преодолеть наиболее типичные затруднения и углубить анализ по таким важным и сложным аспектам исторического исследования, как выявление типичности и раскрытие причинной зависимости»¹⁵. Так, всестороннее использование данных основной части годовых отчетов статистическим методом позволило автору выявить и проследить особенности развития легкой промышленности Молдавии до середины 50-х годов¹⁶.

Годовые отчеты предприятий в отличие от широко изученных в источниковедческой литературе статистических источников единовременного характера, помимо общих для всех статистических источников методов и приемов критического анализа¹⁷, имеют свои особенности. Они обусловлены прежде всего строгой периодичностью, относительными устойчивостью и единообразием форм, постоянством целей и задач, которые ставятся перед годовыми отчетами промышленных предприятий.

¹² «Библиография источниковедческих работ». — «Источниковедение истории советского общества», вып. I. М., 1964, стр. 352—354; вып. II. М., 1968, стр. 454—455.

¹³ М. Н. Черноморский. Выборочные обследования и крестьянские бюджеты как источники по истории социально-экономических отношений в деревне в годы нэпа. — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 7. М., 1954; он же. Первая промышленная и профессиональная перепись как исторический источник. — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 13. М., 1959; он же. Советская промышленность в первые годы нэпа. — «Вопросы истории», 1965, № 2; он же. Статистические источники. М., 1957; он же. Статистические источники о передаче государственных предприятий в аренду в первые годы нэпа. — «Источниковедение истории советского общества», М., 1964 и др.; В. З. Дробижев. Социалистическое обобществление промышленности в СССР (по материалам промышленной переписи 1918 г.). — «Вопросы истории», 1964, № 6; Н. Г. Грачев. Материалы и итоги переписи промышленного оборудования 1932—1934 гг. как исторический источник. — «Проблемы источниковедения», вып. VII. М., 1959 и др.

¹⁴ См., например, С. М. Гуревич. В. И. Ленин и статистика социалистического государства. М., 1963, стр. 139.

¹⁵ И. Д. Ковальченко. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях. — «Источниковедение». Теоретические и методические проблемы. М., 1969, стр. 130.

¹⁶ А. П. Лисовина. Годовые отчеты предприятий легкой промышленности Молдавии как исторический источник. (Опыт статистического изучения.) — «Развитие промышленности и рабочего класса Молдавской ССР». Кишинев, 1970.

¹⁷ К ним, например, относится обязательное установление конкретно-исторического содержания статистических показателей (методики исчисления) как способа отражения объективной действительности; группировка показателей.

Это обеспечивает совокупное изучение их как исторического источника в массе, в пределах длительного исторического периода. Но прямая подчиненность содержания показателей годовых отчетов изменявшимся нормам промышленной статистики исторически обуславливает несопоставимость их показателей во времени. Выяснение характера и причин несопоставимости, степени сопоставимости и установление возможностей сопоставления показателей во времени является особенностью критического анализа годовых отчетов промышленных предприятий и имеет большое практическое значение для их использования как исторического источника.

Основными источниками для установления сопоставимости показателей годовых отчетов промышленных предприятий являются инструкции Министерства финансов СССР и ЦСУ СССР об объемах и формах годовых отчетов промышленных предприятий; циркулярные письма ЦСУ СССР и Министерства финансов СССР о частичных изменениях в содержании показателей годовых отчетов (методики их исчисления); «Положения о бухгалтерских отчетах и балансах» 1936, 1952, 1955 гг.

За исследованный период времени (1945—1955 гг.) было пять «Инструкций о порядке составления промышленными предприятиями годовых отчетов по основной деятельности»: в 1945, 1947, 1951, 1952, 1954 гг. Для годовых отчетов за 1946, 1948, 1949, 1950, 1953 и 1955 гг. издавались «Дополнения и изменения» к действовавшей инструкции: в 1946 г.—к инструкции 1945 г., в 1948—1950 гг.—к инструкции 1947 г.; в 1953 г.—к инструкции 1952 г.; в 1955 г.—к инструкции 1954 г.

Только путем сравнительного анализа всех инструкций, дополнений и изменений и текущих методических указаний между собой и непосредственно с годовыми отчетами за определенный исторический период можно установить степень сопоставимости данных годовых отчетов, характер несопоставимости и возможность их сопоставления, определить, какие конкретно строки и из каких именно форм годового отчета необходимо брать для исторического изучения.

В инструктивном материале конкретно, а не теоретически, в отличие от учебной статистико-экономической литературы, указывается, что входит в показатели оценки промышленно-производственных основных средств предприятия, их состав и структуру; подробно перечисляется, какие виды оборудования относятся к силовому и к производственному; что входит в показатель мощности оборудования; из чего состоят показатели валовой и товарной продукции предприятий данной отрасли промышленности, в каком масштабе цен они исчислены; какие категории промышленно-производственного персонала относятся к рабочим, ИТР, служащим и т. д.; что входит в показатель списочного состава работников промышленного предприятия и как исчисляется их среднесписочное число; как вычисляется показатель производительности труда в изучаемый конкретно исторический период; что входит в оборотные средства предприятия и т. д. Это дает возможность определить и степень точности показателя в отображении изучаемых явлений.

Так, например, в 1945—1955 гг. в годовых отчетах предприятий была принята смешанная оценка промышленно-производственных основных средств—или по первоначальной, или по восстановительной стоимости¹⁸.

¹⁸ Оценка основных средств по первоначальной стоимости отражает затраты предприятия на основные фонды в ценах времени приобретения, она не учитывает условия производства в разное время, и одинаковые потребительные стоимости (станки, двигатели и т. д.), воспроизведенные при различной общественной производительности труда, оцениваются различно. Восстановительная же стоимость отражает затраты предприятия на приобретение основных фондов в ценах и условиях производства данного времени, она устраняет разномасштабность оценки.

Но эта несопоставимость не является только внутренней принадлежностью годовых отчетов, так как по смешанной стоимости основные средства (вплоть до 1960 г., до всеобщей переоценки основных фондов) исчислялись и в общегосударственной статистике. При составлении динамического ряда достаточно только указывать, как оценены основные средства.

В 1945—1955 гг. изменялся и состав основных фондов предприятия, так как существующее теоретически четкое разделение средств производства на средства труда (основные фонды) и предметы труда (оборотные фонды) на практике не может быть до конца выдержано. И в 1945—1951 гг. в основные средства не входили средства труда стоимостью до 200 руб., в 1952—1954 гг. — уже стоимостью до 300 руб., а с 1955 г. — до 500 руб.

Оценка стоимости одного из важнейших показателей годового отчета — валовой продукции за годы 4-й и 5-й пятилеток в неизменных ценах менялась два раза, то есть исследователь этого периода встречается с тремя видами оценки валовой продукции: в неизменных ценах 1926/27 г. (1945—1950 гг.), в оптовых ценах предприятий на 1 января 1952 г. (1952—1955 гг.), в оптовых ценах предприятий на 1 июля 1955 г. (с 1955 г.). Товарная продукция в 1945—1948 гг. исчислялась в действующих оптовых ценах промышленности (с налогом с оборота), а в 1949—1955 гг. — в действующих оптовых ценах предприятий (без налога с оборота).

Претерпевал изменения в годы послевоенных пятилеток и показатель состава промышленно-производственного персонала: для 1945—1946 гг. вообще была характерна нечеткость деления персонала предприятия на промышленно-производственный и непромышленный, так как инструкция 1945 г. предусматривала случаи, когда непромышленный персонал мог учитываться и в составе промышленно-производственного¹⁹. Показатель промышленно-производственного персонала в отчетах 1945—1955 гг. расширялся: с 1947 г. за счет включения из группы непромышленного персонала работников внутризаводского транспорта, обслуживающего производство, лиц, занятых на опытных и научно-исследовательских работах, и военизированной охраны²⁰; с 1950 г. — работников, занятых капитальным ремонтом оборудования и транспорта²¹. Некоторые изменения претерпели показатели промышленно-производственного персонала и по категориям.

Изменения в методике исчисления в 1945—1955 гг. претерпела большая часть показателей годового отчета. Но это совершенно не означает, что данными годовых отчетов нельзя пользоваться для изучения процессов, происходящих в промышленности, путем составления динамических рядов. Во-первых, одним из основных требований, предъявляемых к годовой отчетности, является обязательное обеспечение сравнимости отчетных данных за истекший и предыдущий годы²². Поэтому и система основных показателей годового отчета построена так, что там приводятся показатели за предыдущий год, пересчитанные по методике отчетного. Во-вторых, если даже несопоставимость не устранима (по основным средствам, категориям промышленно-производственного пер-

¹⁹ «Инструкция о порядке заполнения промышленными предприятиями форм годового отчета за 1945 год (по основной деятельности)». М., 1945, стр. 30, п. 101.

²⁰ «Инструкция о порядке заполнения промышленными предприятиями форм годового отчета за 1947 год (по основной деятельности)». М.—Л., 1947, п. 243.

²¹ Письмо МФ СССР и ЦСУ СССР от 8.IX. 1950 г. об объеме и формах годового отчета промышленных предприятий за 1950 г. — ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 322, д. 83, лл. 1—28, дополнения к пункту 243 инструкции.

²² См. инструкции о порядке заполнения промышленными предприятиями форм годового отчета по основной деятельности за 1945, 1947, 1951, 1952, 1954 годы, пункты 4, 8.

сонала), то она не очень разительна, всегда точно известна и исказить процесса она не может. В-третьих, для составления динамических рядов по основному показателю — валовой продукции — инструктивный материал ЦСУ СССР дает ключ к переводу продукции из одних неизменных цен в другие.

Благодаря всем этим условиям, обеспечивающим наибольшее приближение данных годовых отчетов к сопоставимости, разрыв в сопоставимости объема валовой продукции в неизменных ценах в годовых отчетах за 1945—1955 гг. встречается только один раз — в 1951 г., хотя действовало три масштаба неизменных цен. Для составления динамического ряда показатели за 1945—1950 гг. из годовых отчетов нужно брать в неизменных ценах 1926/1927 г. (а не в действующих); показатели за 1950—1955 гг. — в неизменных оптовых ценах предприятий на 1 января 1952 г. (а не на 1 июля 1955 г.). Причем показатель за 1951 г., когда еще не действовали оптовые цены на 1 января 1952 г., необходимо брать не из отчета за 1951 г., а из отчета за 1952 г., где он пересчитан в новые неизменные цены. Это обеспечивает сопоставимость данных по объему валовой продукции в пределах пятилеток. Ликвидировать же этот разрыв можно с помощью разработанного в статистике метода смыкания индексов и таблицы пересчета объема валовой продукции за 1950 и 1951 гг. в неизменные оптовые цены на 1 января 1952 г.

Допустим, нужно узнать, во сколько увеличился выпуск продукции Кишиневской обувной фабрики № 1 в 1955 г. по сравнению с 1945 г. Составляем дроби, частные которых и будут являться смыкающими индексами, а их произведения покажут — во сколько раз (или на сколько процентов) выросла валовая продукция фабрики за 10 лет в сопоставимых ценах²³:

$$\frac{1955 \text{ г. (валовая продукция в ценах на 1.I 1952 г.)}}{1950 \text{ г. (валовая продукция в ценах на 1.I 1952 г.)}} \times \frac{1950 \text{ г. (валовая продукция в неизменных ценах 1926/27 г.)}}{1945 \text{ г. (валовая продукция в неизменных ценах 1926/27 г.)}}$$

В формулу необходимо внести конкретные показатели из отчетов. Все они содержатся там в готовом виде, неизвестна только валовая продукция за 1950 г. в ценах на 1 января 1952 г., так как в годовых от-

Пересчет валовой продукции за 1950 и 1951 гг. в неизменные оптовые цены на 1 января 1951 г.*, в тыс. руб.

Продукция за 1951 г., пересчитанная в цены на 1.I 1952 г. прямым путем (из годового отчета за 1952 г.)		Индексы цен на 1.I 1952 г. (графа 1: на графу 2)	Валовая продукция в оптовых ценах, действовавших с 1 января 1951 г. (из годового отчета за 1951 г.)		Валовая продукция в пересчете в цены на 1 января 1952 г.	
В ценах на 1.I 1952 г. (из годового отчета за 1952 г.)	В ценах, действовавших с 1.I 1951 г. (из годового отчета за 1951 г.)		1950 г.	1951 г.	1950 г. (графа 4×на графу 3)	1951 г. (графа 5×на графу 3)
1	2	3	4	5	6	7
103 961	103 961	1	60 697	103 961	60 697	—

* Составлена на основании инструктивного письма ЦСУ СССР от 17 января 1952 г. (ЦГА МССР, ф. 2856, д. 232, лл. 250—253).

²³ Формула приводится по книге: Г. И. Бакланов и др. Статистика промышленности. М., 1965, стр. 55.

четах за 1950 г. она исчислена только в неизменных ценах 1926/27 г., а в годовых отчетах за 1952 г. в новый масштаб цен пересчитана продукция только за 1951 г. Этот показатель необходимо высчитать дополнительно. Перевести валовую продукцию за 1950 г. в цены на 1 января 1952 г. можно с помощью таблицы пересчета (см. стр. 192).

Теперь имеющиеся в отчетах готовые данные за 1945, 1950 и 1955 г. и полученный путем дополнительных расчетов показатель выпуска валовой продукции за 1950 г. в ценах на 1 января 1952 г. подставляем в формулу и получаем произведение частных:

$$\frac{121091}{60\ 697} \times \frac{8741}{30} = 1,9 \times 291,3 = 553,5 \text{ раза,}$$

то есть во столько раз увеличилась валовая продукция Кишиневской обувной фабрики № 1 в 1955 г. по сравнению с 1945 г.

При использовании годового отчета как исторического источника нужно помнить, что несопоставимость отдельных его показателей во времени может быть вызвана не только изменением методики их исчисления, но и изменением структуры форм годового отчета, слиянием или дроблением отдельных строк в них. Часто встречается также несопоставимость одноименных показателей внутри годового отчета, так как эти показатели несут различную смысловую нагрузку в качественно различных формах отчета (затраты на производство по элементам, основные средства, амортизация и т. д.). Инструкции дают возможность выявить или даже устранить несопоставимость, возникающую в результате структурных изменений, и правильно выбрать нужные данные из одноименных, но различных по цифровому выражению показателей.

Для ясности приведем только один пример, характерный тем, что в нем заключены сразу два этих случая. Так, в 1945—1951 гг. в строке 1 формы № 1 (баланс) годового отчета основные средства промышленного предприятия показывались по остаточной стоимости с учетом амортизационного износа, то есть этот показатель отражал не всю стоимость промышленно-производственных основных средств, а только сумму, которую они должны были еще перенести на готовую продукцию. Сумма же амортизационного износа показывалась отдельной забалансовой строкой «Износ основных фондов». А в форме «Движение основных средств» основные фонды давались по полной первоначальной стоимости. Таким образом, показатель основных средств по балансу был меньше одноименного показателя по форме «Движение основных средств» на сумму амортизационного износа. Для приведения их к сопоставимости при составлении динамического ряда данные двух строк баланса нужно сложить. С 1952 г. показатели строк баланса и формы № 11 «Движение основных средств» стали идентичными. Общим же правилом при использовании годовых отчетов как исторического источника является то, что одноименные показатели, сколько бы раз они ни повторялись в годовом отчете, следует всегда брать из профильной для них формы: объем валовой продукции — из формы № 8, цеховые расходы — из формы № 7, амортизацию промышленно-производственных основных средств — из формы № 5, общую рентабельность — из формы № 20, себестоимость товарной продукции — из формы № 6 и т. д.²⁴

²⁴ Приводимая здесь нумерация форм годового отчета окончательно закреплена была в 1951 г. В 40-х годах формы № 7 — «Расходы по обслуживанию и управлению производством», № 10 — «Движение средств финансирования», № 11 — «Движение основных средств и амортизационного фонда», № 12 — «Реализация товарной продукции» входили самостоятельными разделами, но под такими же или близкими названиями в форму № 2. В 30-х годах, когда годовая отчетность только формировалась, нумерация форм часто менялась. Поэтому необходимо обращать внимание на название форм.

Трудность в использовании историками годовых отчетов промышленных предприятий по сравнению с обобщенными данными промышленной статистики несомненна, но вполне преодолима.

Зато именно применительно к годовым отчетам промышленных предприятий вопрос о проверке достоверности их данных решается проще, чем для других письменных источников. И здесь опять сыграло роль их «практическое первоначальное назначение» как финансового и производственного отчета перед своим ведомством и как первичного документа для составления хозяйственных планов на будущий год и в перспективе. Благодаря этому, во-первых, в фондах отраслевых министерств и органов ЦСУ откладываются уже проверенные государственными органами отчеты²⁵. Документы, возникшие в результате этой проверки,— заключения балансовых комиссий, акты и др.—при сопоставлении с годовым отчетом покажут, насколько точны его данные и внесены ли исправления после проверки. Отличительная черта этих документов состоит в том, что там не может быть данных «например», они учитывают абсолютно все проникшие в годовой отчет неточности. Во-вторых, проверка достоверности данных годовых отчетов облегчена и тем, что некоторый инструктивный материал ЦСУ СССР и Министерства финансов СССР — «Таблицы проверки основных показателей по формам годового отчета промышленного предприятия по основной деятельности» и «Схемы увязок основных показателей по формам годового отчета» — вполне может быть использован историками для проверки достоверности их данных. Нужно только помнить, что несовпадающие показатели могут быть увязаны не в составе форм годового отчета, а дополнительными расшифровками. Квартальная и месячная бухгалтерская отчетность, так же как и статистическая, прямым источником для составления годовой отчетности не являются (хотя и влияют на ее достоверность) и непосредственным источником для проверки данных годовых отчетов служить не могут.

Таким образом, особенности методики критического анализа данных годовых отчетов промышленных предприятий как исторического источника заключаются в следующих моментах:

определение круга источников, содержащих сведения о методике исчисления показателей и проверке достоверности данных годовых отчетов промышленных предприятий;

установление методики исчисления и конкретного содержания основных показателей годового отчета — по труду, продукции, себестоимости, основным и оборотным средствам, категориям промышленно-производственного персонала, силовому и производственному оборудованию и др.;

установление изменений в методике исчисления и конкретном содержании показателей годовых отчетов в изучаемый исторический период, влияющих на составление динамических рядов;

установление возможностей сопоставления несопоставимых во времени показателей годовых отчетов (или точное определение степени их сопоставимости) для составления групповых и комбинационных таблиц при изучении истории развития социалистической промышленности и советского рабочего класса.

²⁵ Подробно об этом см.: А. П. Лисовина. Годовые отчеты промышленных предприятий как исторический источник (степень и проверка достоверности). — «Советские архивы», 1968, № 2, стр. 45—47.

Л. В. Черепнин

Б. Б. КАФЕНГАУЗ — ИСТОРИК И ИСТОЧНИКОВЕД

Бернгард (Борис) Борисович был выдающимся представителем советской исторической науки, вложил в нее много ума, знаний и таланта, творчески участвуя в ее созидании. Он много лет отдавал ей свои силы; в тех достаточно весомых итогах, с которыми она пришла к 50-летнему юбилею, есть и его немалая доля.

Б. Б. Кафенгауз родился 1 (13) июля 1894 г. на Украине в г. Проскурове Подольской губернии (ныне г. Хмельницкий) в семье торгового служащего. Учился он в Москве, сначала в начальном «мещанском» училище, затем в 4-й гимназии, по окончании которой поступил в 1913 г. в Московский университет на историко-филологический факультет. Из университетских профессоров наибольшее влияние на формирование Б. Б. Кафенгауза как ученого, по его собственным словам, оказал М. М. Богословский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев.

Пребывание Бернгарда Борисовича в университете затянулось вследствие того, что ему приходилось зарабатывать на жизнь. Жить собственным трудом он начал с 15 лет, студентом давал частные уроки, временами выполнял статистическую работу. В 1920 г. он окончил университет и был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. С 1921 г. подготовка научных кадров этого профиля была сосредоточена в специально образованном при университете Институте истории, и Б. Б. Кафенгауз был зачислен туда в качестве научного сотрудника второго разряда, или, как стали говорить впоследствии, аспиранта. В 1924 г. он сдал магистерские экзамены (по позднейшей терминологии, кандидатский минимум).

Практическая деятельность Бернгарда Борисовича в 20-х—начале 30-х годов проходила в двух основных направлениях: в качестве экскурсовода, с одной стороны, статистика-экономиста (в системе Наркомторга),— с другой. Одно время он работал также педагогом-воспитателем детской колонии.

Научно-исследовательскую и научно-педагогическую работу Б. Б. Кафенгауз начал в учреждениях экономического профиля. В 1930—1935 гг. он — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Наркомторга СССР, в 1930—1932 гг. — доцент Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

Со второй половины 30-х годов, когда после известных постановлений Коммунистической партии и Советского правительства произошел значительный подъем исторической науки, Б. Б. Кафенгауз целиком отдался занятиям отечественной историей. В 1938 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в 1946 г. — докторскую. Его основная деятельность теперь сосредоточилась в двух местах: в Московском государственном университете (с 1936 г.), где он много лет проработал сначала

в качестве доцента, а затем профессора, и в Институте истории Академии наук СССР (с 1940 г.), где он прошел докторантуру и на протяжении ряда лет являлся одним из ведущих сотрудников.

Последние годы жизни Бернгарда Борисовича были для него очень трудными. Он тяжело заболел; однако, выйдя на пенсию, продолжал работать, с неистощимым упорством преодолевая болезнь. Хотя силы всё падали, мысль до самой смерти оставалась ясной, и воля к жизни его не покидала. 27 июня 1969 г. Б. Б. Кафенгауз скончался.

Таковы внешние факты биографии Бернгарда Борисовича¹. Они являются как бы вехами большого творческого пути и делают понятнее облик ученого — облик, типичный вообще для советского историка-исследователя и в то же время во многом неповторимый. Большая деятельность в качестве статистика-экономиста пробудила в Бернгарде Борисовиче интерес к истории народного хозяйства, к социальной проблематике и воспитала в нем точность исследовательской методики, осторожность в обобщениях, которые он всегда возводил на твердом фундаменте массового материала, подкрепляя их цифровыми показателями. А экскурсионная работа открывала перед Б. Б. Кафенгаузом широкое поле наблюдений в области истории культуры, быта, искусства, значительно расширяя круг источников: от архивного документа до архитектурного памятника или произведения живописи. С большим волнением читаешь воспоминания ученого о занятиях во время Отечественной войны в архиве Нижнего Тагила. Разбирая в почти нетопленном помещении старинные документы по истории хозяйства XVIII в. уральских промышленников Демидовых, он время от времени заходил в помещавшиеся в том же здании музей и картинную галерею, где рассматривал портреты представителей демидовской династии, любовался натюрмортами Коровина и этюдами Левитана².

Строгость научного мышления и источниковедческого анализа, включающую какой-либо элемент беспочвенной фантазии, Бернгард Борисович сочетал с даром творческого проникновения в прошлое и его образного восприятия, невозможного без наличия у ученого воображения. Работая в Свердловском архиве, Б. Б. Кафенгауз, по его словам, нередко сравнивал себя с путешественником по неизвестным странам, чувствовал себя подобно Стенли в Центральной Африке³.

Всем, кто сталкивался с Бернгардом Борисовичем, бросалась в глаза широта его кругозора. Но дело не только в большой эрудиции ученого, а и в многогранности тематики его исследовательских работ, относящихся к разным эпохам и различным вопросам. Естественно, что у него, как у каждого исследователя, были свои любимые темы и излюбленные эпохи. Но за какой бы вопрос он ни брался, он изучал его по первоисточникам, на уровне последних научных достижений и всегда давал свои оригинальные решения.

Литературное наследие Б. Б. Кафенгауза обширно и богато⁴. В его научных изысканиях была определенная последовательность и закономерность. В 20-х — начале 30-х годов он опубликовал ряд статей по вопросам современной экономики Советского Союза и капиталистических стран. Другой комплекс работ ученого того времени посвящен экскурсионному делу. Он разрабатывает планы экскурсий в Донской монастырь, в дом боярина XVII в., восстанавливает облик Замоскворечья эпохи

¹ Они взяты из его автобиографии, хранящейся в архиве Института истории СССР АН СССР.

² Б. Б. Кафенгауз. Моя работа над диссертациями.— «История СССР», 1962, № 3, стр. 111.

³ Там же, стр. 112.

⁴ Список трудов Б. Б. Кафенгауза см. в сборнике, изданном к его 70-летию: «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». Сб. статей. М., 1964, стр. 508—518.

Островского и т. д. В сознании ученого тесно связываются история и современность.

Уже на раннем этапе творчества у Бернгарда Борисовича проявился интерес к проблемам источниковедения. Большим источниковедческим мастерством отличаются его статьи о записях (на итальянском языке) итальянского мемуара первой половины XVIII в. Филиппо Балатри⁵ и о купеческих мемуарах XIX в.⁶ Последняя работа до сих пор остается в своем роде единственной.

Особенно интенсивно деятельность Б. Б. Кафенгауза как историка и источниковеда развернулась со второй половины 30-х годов. С этого времени он целеустремленно реализует творческие замыслы, которые появились у него еще в университетские годы. К семинарам М. М. Богословского восходит увлечение Бернгарда Борисовича памятниками древнерусского права — Русской Правдой и Псковской судной грамотой. Семинары М. М. Богословского и Ю. В. Готье заложили в нем интерес к истории XVIII в., и особенно Петровского времени. На протяжении всей своей творческой жизни ученый уделял внимание проблемам как средневековой Руси, так и России нового времени, хотя в его литературном наследии явно преобладают работы, относящиеся к XVIII в.

В качестве кандидатской диссертации Б. Б. Кафенгауз предполагал написать монографию о внутренней торговле России в XVIII в. и нашел для этого источники — таможенные книги из фонда Камер-коллегии, но затем отложил эту работу (завершена она была много позднее) и занялся другой темой — о И. Т. Посошкове. Б. Б. Кафенгауз подготовил новое издание основного труда Посошкова — «Книги о скудости и богатстве», снабдив его большой вступительной статьей, посвященной жизни, деятельности, взглядам этого выдающегося мыслителя и публициста эпохи Петра I, археографическим введением и комментариями. Издание отличается высокой культурой археографической обработки⁷. Анализируя мировоззрение Посошкова, Бернгард Борисович характеризует его как выразителя интересов купечества.

Труд Б. Б. Кафенгауза был защищен в качестве кандидатской диссертации. Оппонентами выступали Ю. В. Готье и Г. А. Новицкий. После защиты ученый не раз возвращался к теме о Посошкове. В 1951 г. он переиздал «Книгу о скудости и богатстве», дополнив ее некоторыми другими сочинениями публициста. В 1950 г. вышла ярко и доходчиво написанная его работа «И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность» (переиздана в 1951 г.). Дальнейшие архивные изыскания Бернгарда Борисовича привели к новым находкам документов о Посошкове и к их публикации⁸.

На рубеже 30-х и 40-х годов, в предвоенные годы и во время Отечественной войны, Кафенгауз создал ряд научно-популярных работ, посвященных Петру I, его реформам, внешней политике: «Петр Первый» (Ташкент, 1942); «Внешняя политика России при Петре I» (М., 1942); «Северная война и Ништадтский мир» (М.—Л., 1944). Эти труды играли и политическую роль, ибо в период борьбы СССР за свою независимость против гитлеровского нашествия важно было воскресить в памяти знаменательные страницы русского исторического прошлого.

⁵ «Старая Москва. Статьи по истории Москвы в XVII—XIX вв.». Сборник первый. М., 1929, стр. 95—108.

⁶ «Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI—XIX веков». М., 1928, стр. 105—128.

⁷ И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. Редакция, вступит. ст. и примеч. Б. Б. Кафенгауза. М., 1937.

⁸ «Известия о Посошкове». — «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 179, 1956, стр. 29—38.

Популяризаторская деятельность Б. Б. Кафенгауза продолжалась и по окончании Отечественной войны. В 1948 г. в серии «Школьная библиотека» увидела свет его книга «Петр I и его время», а в 1956 г. вышло ее переработанное издание под названием «Россия при Петре Первом».

Большое значение в разработке истории правления Петра I имела для Б. Б. Кафенгауза его работа в качестве ответственного редактора капитальной серийной публикации «Письма и бумаги Петра Великого». Под редакцией Б. Б. Кафенгауза (частично совместно с А. И. Андреевым и Л. А. Никифоровым) появились в печати тома VIII (вып. 2) — XI (М.—Л., 1950—1962) указанной серии. Вряд ли следует подробно характеризовать это издание, ибо оно принадлежит к золотому фонду советской археографии и очень хорошо известно в СССР и за границей. Помимо основного текста документов, большую научную ценность представляют примечания к ним, основанные, как правило, на архивных изысканиях и широко включающие (полностью или в выдержках) дополнительный документальный материал.

Определенную роль в направлении научной деятельности Бернгарда Борисовича сыграло его пребывание во время Отечественной войны в эвакуации в Свердловске. Обдумывая там тему докторской диссертации, он намечал три возможных варианта: 1) «Древний Псков и вечевое законодательство в XIV—XV вв.»; 2) «Внутренняя торговля России в XVIII в. и отмена внутренних пошлин»; 3) «История уральских заводов Демидовых в XVIII—XIX вв.». А. М. Панкратова, заместитель директора Института истории АН СССР, где Б. Б. Кафенгауз был докторантом, советовала ему остановить свой выбор на последней теме, мотивируя это тем, что, находясь на Урале, надо сделать что-то полезное для уральцев⁹. Бернгард Борисович согласился, хотя и неохотно, ибо понимал, что изучение названного вопроса требовало от него наибольших усилий. Со свойственной ему целеустремленностью он начал упорно и систематически работать в архивах Свердловска, Нижнего Тагила, Москвы, где находились разрозненные части демидовского архивного фонда. В результате появился первый том его исследования «История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.», в 1946 г. защищенный в качестве докторской диссертации (оппонентами были А. И. Андреев, В. И. Пичета, К. В. Сивков), а в 1949 г. опубликованный. В этой фундаментальной монографии, вызвавшей ряд откликов и споров в печати, исследовательский талант автора сказался особенно в умении сочетать постановку больших теоретических вопросов (характер мануфактуры, состав рабочей силы, степень развития рынка, формы классовой борьбы и т. д.) с воссозданием по первоисточникам конкретной картины производства, с показом реальной действительности и живых людей.

Первый том монографии хронологически ограничен рамками XVIII в. До конца своих дней Б. Б. Кафенгауз продолжал готовить второй том, обрабатывая материалы XIX в. Завершить этот труд ему не удалось. Напечатаны в разных периодических изданиях и сборниках лишь отдельные очерки. Обследование литературного архива ученого покажет, что осталось в авторской рукописи.

Лишь в последний период своей жизни Кафенгауз смог углубиться в изучение таможенных книг, которые намечил в качестве объекта анализа еще в молодые годы. Этот источник был по-настоящему введен в научный оборот только в советское время, причем исследовались лишь книги XVII в. Что же касается материалов, относящихся к XVIII в., то в их обследовании Бернгард Борисович был по существу пионером.

⁹ Б. Б. Кафенгауз. Моя работа над диссертациями, стр. 110—111.

Поэтому его изыскания ценны прежде всего в плане источниковедческом: им много полезного внесено в методику обработки таможенных книг. Большую ценность представляют и теоретические и конкретно-исторические итоги исследования Кафенгауза. В ряде статей и в монографии «Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века» (М., 1958) ему удалось углубить проблему формирования всероссийского рынка, проследив этот процесс на материале различных районов страны. Он показал географию внутренней торговли, экономическую специализацию разных областей, развитие товарооборота и роль в нем ярмарок и т. д.

В работах Кафенгауза всегда были внутренняя логика и непрерывность. Углубленное изучение социально-экономической истории XVIII в. он начал с исследования о Посошкове. Продолжая и дальше интересоваться этим человеком, от него он перешел к М. В. Ломоносову. Проанализировав ломоносовский труд «О сохранении и размножении русского народа», Бернгард Борисович отметил его известную близость к «Книге о скудости и богатстве»¹⁰.

Я думаю, можно не обинуясь сказать, что в процессе своей многолетней работы Б. Б. Кафенгауз стал одним из крупнейших специалистов по отечественной истории XVIII в. Его архивные изыскания воспитали в нем уважение к фактам как основе исторических построений, а теоретический склад ума побуждал к их обобщению и осмыслению. Собирающие и систематизация фактов подводили его к постановке больших теоретических проблем, и он делался участником наиболее крупных дискуссий по проблематике «нового периода русской истории»¹¹. Эти дискуссии содействовали выработке понимания общих закономерностей развития России в эпоху феодализма, легшего в основу ряда фундаментальных коллективных изданий («История Москвы», «Очерки истории СССР», «Всемирная история», «История СССР с древнейших времен до наших дней») и учебных руководств (учебник «История СССР», «Очерки истории СССР. Пособие для учителей», «История экономической мысли. Курс лекций»).

Б. Б. Кафенгауза привлекали к подготовке всех этих изданий в качестве автора, иногда редактора томов или разделов, посвященных XVIII в., общепризнанным знатоком которого он был. Степень его участия в разных случаях была различна, как неодинаковы по научной значимости и тексты, им написанные. Иногда это плод непосредственной исследовательской работы, иногда — обобщение сделанного ранее. И тем не менее все, что вышло из-под пера Бернгарда Борисовича, носит отпечаток оригинальности. Ему был чужд стандарт. И даже то, о чем он писал не в первый раз, он пополнял новыми мыслями, находил новые слова для их выражения.

Наряду с «новым периодом русской истории» Б. Б. Кафенгауз живо интересовался русским средневековьем. Излюбленной его темой в этой области был Псков, историей которого он занимался всю свою творческую жизнь. Ему принадлежит ряд статей о Псковской судной грамоте, об изорниках, о посадниках, боярском совете, вече, о восстании в Пско-

¹⁰ Б. Б. Кафенгауз. Незавершенный труд М. В. Ломоносова. — «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 3, 1954, стр. 125—136; он же. О «Российской минералогии» М. В. Ломоносова. — «Исторический архив», 1950, № 5, стр. 179—189.

¹¹ Тезисы Б. Б. Кафенгауза «О первоначальном накоплении в России». — В кн.: Н. И. Павленко. О некоторых сторонах первоначального накопления в России. М., 1955; он же. К вопросу о первоначальном накоплении в России. — «Вопросы экономики, планирования и статистики». Сб. статей. М.—Л., 1957, стр. 219—234; он же. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России. — «Вопросы генезиса капитализма в России». Сб. статей. Л., 1960, стр. 5—13.

ве в 1483—1486 гг. Все эти исследования свидетельствуют об историко-ведческом мастерстве их автора. Тонкий текстологический анализ (с использованием данных палеографии и дипломатики) Псковской судной грамоты пролил новый свет на состав и происхождение этого памятника. Комплексное изучение Судной грамоты, псковских летописей, житийной литературы позволило по-новому представить положение псковского крестьянства, состав господствующего класса, характер государственного строя. В скудных летописных известиях о социальной борьбе в Пскове в 80-х годах XV в. ученый сумел увидеть отражение движений не только смердов, но и горожан.

К концу своей жизни Кафенгауз задумал переработать все свои статьи о Пскове и свести их в одну книгу «Древний Псков». Над этим он работал уже совсем больной, но работал так же честно, напряженно и увлеченно, как и всю жизнь. Бесконечно жаль, что Бернгарду Борисовичу так и не пришлось увидеть сигнальный экземпляр своей книги. Она была готова, когда ее автора уже не стало.

В течение ряда лет Б. Б. Кафенгаузу как ученому и педагогу сопутствовала Русская Правда. В студенческие годы на ней он учился профессиональному мастерству, а ставши педагогом высшей школы, сам передавал это мастерство участникам своих семинаров, которые всегда начинал с комментирования текста названного источника. Перевод краткой редакции памятника, сделанный Б. Б. Кафенгаузом, вошел во второй том академического издания («Правда Русская», М.—Л., 1947).

Когда наука обогатилась замечательными памятниками прошлого — берестяными грамотами, открытыми экспедицией, возглавляемой А. В. Арциховским, Б. Б. Кафенгауз был первым из историков, попытавшимся раскрыть их значение как исторического источника¹². Прекрасное знание Русской Правды и Псковской грамоты помогло ученому в расшифровке смысла текстов на бересте.

Важной областью научных занятий Кафенгауза была история исторической науки. Для настоящего ученого всегда характерно стремление оценить труды своих предшественников. В юбилейном сборнике «25 лет исторической науки в СССР» (М.—Л., 1942) Бернгард Борисович дал обзор советской военно-исторической литературы. Ряд очерков (в сборнике статей «Петр Великий». М.—Л., 1947 и др.) он посвятил вопросам историографии петровского времени. Специально Б. Б. Кафенгауз занимался изучением исторических взглядов Радищева¹³ и декабристов¹⁴. Ему же принадлежит опыт анализа воззрений Пушкина на Петра I¹⁵. Для обобщающих коллективных трудов «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I (М.—Л., 1955) и «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС» (М.—Л., 1962) Б. Б. Кафенгауз написал ряд разделов, посвященных историографии XVIII в. и изучению XVII—XVIII вв. в советское время.

Знаток советских архивных материалов, Бернгард Борисович стремился привлечь к изучению и источники из зарубежных архивов. Одним из первых историков СССР он использовал архивный фонд Шмурло,

¹² Б. Б. Кафенгауз. Заметки о новгородских берестяных грамотах.— «История СССР», 1960, № 1, стр. 168—174.

¹³ Б. Б. Кафенгауз. А. Н. Радищев об истории России.— «Ученые записки Московского государственного университета», вып. 156, 1952, стр. 66—80. Он был одним из редакторов третьего тома академического издания Полного собрания сочинений А. Н. Радищева (М.—Л., 1952).

¹⁴ Б. Б. Кафенгауз. Об исторических взглядах декабристов.— «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 10, 1956, стр. 27—49. Вместе с А. Г. Грумм-Гржимайло Б. Б. Кафенгауз подготовил издание: А. О. Корнилович. Сочинения и письма. М.—Л., 1957.

¹⁵ Б. Б. Кафенгауз. Пушкин о Петре.— «История СССР», 1961, № 4, стр. 150—160

переданный Советскому Союзу правительством Чехословакии¹⁶. Побывав в ГДР, Б. Б. Кафенгауз нашел в университетской библиотеке в Галле русские документы и опубликовал их¹⁷.

Как ученый Бернгард Борисович был хорошо известен за рубежом, особенно в ГДР, где напечатан ряд его работ.

В 1964 г. научная общественность отметила семидесятилетний юбилей Б. Б. Кафенгауза. В сборнике статей, ему посвященных, говорилось, что он встречает семидесятилетие в упорной работе над осуществлением своих многочисленных планов¹⁸. Тяжелая смертельная болезнь помешала ученому многое довести до конца. Сейчас на друзей, учеников покойного исследователя ложится обязанность изучить его наследие и сделать достоянием печати то, что представляет научный интерес. Предстоит также объективно, глубоко и всесторонне раскрыть ту роль, которую сыграл Б. Б. Кафенгауз в развитии советской исторической науки. Пока для этого не настало время. Еще трудно посмотреть на облик Бернгарда Борисовича с расстояния. Он ощущается еще как живой, идущий рядом, волнующийся, говорящий, доказывающий, спорящий. Так живо его личное обаяние! И это субъективное в оценке друга также необходимо запечатлеть, пока оно свежо, и передать другим.

Это был человек большого темперамента, порывистый, полный эмоций. Он находился всегда во власти идей, мыслей, представлений, которые возбужденно, волнуясь, излагал своим друзьям, товарищам, слушателям, заносил на бумагу. Процесс рождения нового всегда сопровождался у Бернгарда Борисовича большими переживаниями, нервным напряжением. Но он никогда не держался за раз высказанное, не упорствовал в его защите, на первый взгляд даже как будто легко отказывался от того, что ранее утверждал. Однако это не свидетельствовало о неустойчивости взглядов, быстроте суждений, их невыношенности. Просто слишком сильно билась мысль, слишком обуреваем он был наплывом идей, и поэтому всякое услышанное возражение не столько наталкивалось на отпор, сколько порождало новые соображения.

А спорить Бернгард Борисович также умел, спорил сильно, сердясь, раздражаясь, краснея. Иногда получалось резко и даже как будто обидно. Но обижаться на него было нельзя, так как в его резкости не было ничего личного, она проистекала из увлеченности и одержимости, а остывая, он легко извинялся даже тогда, когда в этом не было необходимости.

Бернгард Борисович был человеком большой культуры. Он любил и понимал искусство, называя его «великой силой». Он хорошо знал живопись, скульптуру, архитектуру. Мне приходилось иногда ходить вместе с ним по улицам Москвы или Ленинграда. Я всегда поражался тому, как хорошо он усвоил историю этих городов по их памятникам. Он стремился знать и видеть как можно больше. Уже в пожилом возрасте ему удалось побывать в ГДР и во Франции. О своих поездках он мог рассказывать часами, и опять-таки только приходилось удивляться тому, как много он успел разглядеть за весьма короткий срок.

Это многообразие интересов и увлеченность отражались и в его многогранной научной деятельности.

¹⁶ Б. Б. Кафенгауз. Полтавская победа и русско-французские отношения.—В кн.: «Полтава». К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959, стр. 148—155; он же. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России.—«Международные связи России до XVII в.». Сб. статей. М., 1961, стр. 533—540.

¹⁷ Б. Б. Кафенгауз, Н. Г. Савич. Русские документы XVII в. в Галле.—«Археологический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 408—419.

¹⁸ Н. И. Павленко. Творческий путь Б. Б. Кафенгауза.—«Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)», стр. 12.

В. И. Мендельсон

А. Л. ПОПОВ И ЕГО АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Советская археография за годы своего существования достигла больших успехов как в деле издания источников, так и в разработке теоретических проблем и практических методов публикации документов. И среди тех археографов, которые внесли значительный вклад в теорию и практику археографической работы в нашей стране, видное место принадлежало известному советскому историку доктору исторических наук Александру Львовичу Попову. Археографическое наследство А. Л. Попова высоко оценивалось таким видным советским археографом, как С. Н. Валк¹. Но оно еще не было предметом специального изучения. Опубликована лишь одна небольшая статья, посвященная жизненному пути и научной деятельности А. Л. Попова².

А. Л. Попов родился 31 августа 1888 г. в Варшаве, образование получил на физико-математическом и историко-филологическом факультетах Петербургского университета; в годы первой мировой войны вел подпольную революционную работу, являясь членом Петербургского комитета «межрайонцев». В начале 1915 г., нелегально выехав по поручению комитета «межрайонцев» за границу, он встречался с В. И. Лениным³. После Февральской революции он вышел из организации «межрайонцев». Во время Великой Октябрьской социалистической революции А. Л. Попов по мандату ВРК участвовал в занятии здания Петербургского градоначальства.

В то же время А. Л. Попов, как и многие другие представители интеллигенции, не сразу понял и не сразу смог объективно оценить величайшее значение первых мероприятий Советской власти. Кратковременные колебания А. Л. Попова нашли отражение в подготовленном им совместно с Н. А. Рожковым сборнике документальных материалов об Октябрьской революции⁴.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны А. Л. Попов был секретарем Костромского горисполкома, сотрудником Симбирского губпродкома и работал в ряде архивов. Он был первым руководителем Азербайджанского государственного архива. В 20-е годы, являясь старшим архивистом, а затем архивистом-консультантом Архи-

¹ С. Н. Валк. Советская археография. М.—Л., 1948, стр. 61—62 и др.

² В. И. Мендельсон. А. Л. Попов — архивист и археограф. — «Советские архивы», 1968, № 4, стр. 38—40.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 63, 498; см. также: А. Л. Попов (Н. Воробьев). Страница из воспоминаний о работе в «Междурайонке». — «Пролетарская революция», 1923, № 10, стр. 106—107.

⁴ «Октябрьский переворот». Факты и документы. Пг., 1918. Об этом сборнике см.: Е. Н. Городецкий. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970, стр. 171—174.

ва внешней политики, Попов возглавлял работу по разборке и описанию фондов архива и руководил научной работой этого учреждения. В конце 20-х — начале 30-х годов А. Л. Попов был одним из ведущих сотрудников Комиссии по изданию документов эпохи империализма. В середине 30-х годов он перешел на работу в Академию наук СССР. В 1935 г. ему была присвоена степень кандидата исторических наук, а в 1942 г. — доктора исторических наук. Скончался А. Л. Попов 15 января 1943 г., будучи в эвакуации в Ташкенте⁵.

Начиная с 20-х годов А. Л. Попов активно занимался археографической деятельностью. Работа в Архиве внешней политики давала большие возможности для издания материалов по истории внешней политики России и международных отношений. В 20-е — начале 30-х годов марксистская историография по этим проблемам находилась в процессе становления. В дореволюционный период основная часть русской дипломатической переписки не публиковалась. Задачи создания марксистской истории дипломатии, научного изучения внешней политики России, борьбы с буржуазной идеологией и концепциями, распространенными в буржуазной историографии, властно требовали мобилизации исторических источников.

В работе по изданию дипломатических документов, отвечавшей насущным потребностям развития советской исторической науки, приняли участие такие советские историки, как М. Н. Покровский, Е. В. Тарле, В. М. Хвостов, А. С. Ерусалимский, Е. А. Адамов, Н. А. Нотович, Е. А. Телешова и многие другие. И среди них одно из первых мест по праву принадлежало А. Л. Попову. Он сам и совместно с другими товарищами (А. С. Ерусалимским, Б. Я. Галиной, В. В. Альтманом и др.) подготовил около двух десятков ценнейших публикаций по проблемам внешней политики России и международных отношений. Он являлся составителем примерно 1/3 публикаций по истории международных отношений в эпоху империализма, появившихся на страницах журнала «Красный архив». Документы, изданные А. Л. Поповым в этом журнале, касались главным образом двух важнейших проблем, имевших большое научное и политическое значение, — борьбы империалистов за господство на Востоке и восточной политики царизма⁶ и дипломатической истории первой мировой войны⁷. А. Л. Попов был одним из немногих советских археографов, введших в научный оборот материалы, связанные с национально-освободительным движением на Востоке, с влиянием первой русской революции на развитие этого движения, раскрывающие воздействие национально-освободительной борьбы на развитие между-

⁵ Некролог, подписанный виднейшими советскими историками, опубликован в «Правде Востока» 22 января 1943 г.

⁶ «Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.». Предисл. А. Л. Попова. — «Красный архив», 1925, № 1—2; «Первая Балканская война». Предисл. А. Л. Попова. — «Красный архив», 1926, № 2—3; «Боксерское восстание». Предисл. А. Л. Попова. — «Красный архив», 1926, № 1; «Царская дипломатия о задачах России на Востоке». Предисл. М. Н. Покровского. Подгот. к печати А. Л. Попова. — «Красный архив», 1926, № 5; «В штабе адмирала Алексеева (из дневника Е. А. Плансона)». Подгот. к печати и предисл. А. Л. Попова. — «Красный архив», 1930, № 4—5; «Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903)». Предисл. А. Л. Попова. Подгот. к печати А. Л. Попов и С. Д. Димант. — «Красный архив», 1932, № 3; «Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны». Предисл. А. Л. Попова. — «Красный архив», 1932, № 4; «Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг.». Подгот. к печати А. Л. Попов. — «Красный архив», 1933, № 1.

⁷ «Ставка и министерство иностранных дел». Предисл. М. Н. Покровского. Подгот. к печати А. Л. Попов. — «Красный архив», 1928, № 1—5; «Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.». Подгот. к печати и предисл. А. Л. Попова. — «Красный архив», 1928, № 6; 1929, № 1; «Первые дни мировой войны». Предисл. А. Л. Попова. — «Красный архив», 1934, № 4—5.

народных отношений и характеризующие контрреволюционную политику «великих» держав⁸.

Одна публикация А. Л. Попова содержит материалы о международной обстановке, в которой развивалась русская революция в период между февралем и октябрём 1917 г., а другая характеризует контрреволюционную деятельность дипломатического аппарата Временного правительства⁹. А. Л. Попов участвовал в подготовке к печати ценного источника, освещающего внешнеполитическую ориентацию влиятельных политических кругов, связанных с буржуазией во второй половине 80-х годов XIX в.¹⁰

Большая часть журнальных публикаций А. Л. Попова содержит документы, не вошедшие в последующие издания источников по истории международных отношений, и полностью сохраняет свое научное значение. Он был основным составителем и редактором I и VI томов III серии и XXI тома II серии публикации «Международные отношения в эпоху империализма». Одновременно, как отмечается в одном официальном документе того времени, А. Л. Попов, в период работы над этой серией, фактически выполнял «также обязанности консультанта, помогая в работе и остальным редакторам»¹¹.

В конце 20-х — начале 40-х годов, когда А. Л. Попов уже имел многолетний опыт работы в архивах и был зрелым историком, автором серьезных исследовательских работ и многочисленных публикаций, он напечатал ряд статей по археографии.

В археографических статьях А. Л. Попова освещались проблемы, которые были поставлены в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и разрабатывались многими советскими археографами 20—30-х годов (С. Н. Валком, А. А. Сергеевым, А. А. Шиловым и др.). Это вопросы методологии археографической работы, различных типов публикаций, методов и приемов издания источников XIX—XX в., многие из которых до этого времени были недоступны для изучения и издания, вопросы, связанные с составлением единых правил издания документов¹².

В центре внимания А. Л. Попова стояли проблемы издания документов нового и новейшего времени. Причем в отличие от других советских археографов, разрабатывавших проблемы в целом (А. А. Шилов) или в связи с изданием документов В. И. Ленина и других материалов историко-революционного характера (С. Н. Валк), А. Л. Попов рассматривал эти вопросы главным образом в связи с публикацией документов по истории международных отношений. Вопросы общего характера он трактовал, опираясь на те достижения, которые уже имелись в их разработке, на собственный опыт в области издания дипломатических документов и анализ вышедших в свет публикаций.

Статьи А. Л. Попова, подобно работам А. И. Андреева и А. А. Сергеева, касались не только теории и практики археографической работы, но и ее истории. Но в отличие от А. И. Андреева и А. А. Сергеева А. Л. Попов затрагивал в основном только вопросы, связанные с исто-

⁸ «Боксерское восстание»; «Китайская революция 1911 г.». Предисл. А. Ивина. Подгот. к печати А. Л. Попова.— «Красный архив», 1926, № 5; «Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг.». Предисл. А. Л. Попова.— «Красный архив», 1929, № 6; «Турецкая революция 1908—1909 гг.». Предисл. А. Л. Попова. Подгот. к печати А. Л. Попов и Б. Я. Галина.— «Красный архив», 1930, № 1—2.

⁹ «Иностранные дипломаты о революции 1917 г.». Предисл. А. Л. Попова.— «Красный архив», 1927, № 5; А. Л. Попов. Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией.— «Красный архив», 1927, № 1.

¹⁰ «М. Н. Катков и Александр III в 1886—1887 гг.». Предисл. Ф. Р[отштейна]. Подгот. к печати Е. Глязер и А. Попов.— «Красный архив», 1933, № 3.

¹¹ «Советские архивы», 1968, № 4, стр. 39.

¹² С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 41—43.

рией этой работы в Советском Союзе. Это не случайно. А. Л. Попова особенно интересовали проблемы, связанные с опубликованием дипломатических документов нового времени. А в этой области дореволюционная русская археография почти ничего не дала¹³.

Работы А. Л. Попова были теснейшим образом связаны с насущными потребностями дня и с перспективами развития археографической работы в СССР. Так, две статьи А. Л. Попова и его неопубликованные записки были посвящены широкому кругу проблем, возникших в связи с изданием серии «Международные отношения в эпоху империализма»¹⁴. Одна его работа, носившая общий характер, появилась тогда, когда, по его мнению, «кривая нашей археографической продукции остановилась, если не пошла на понижение»¹⁵, и с особой настоятельностью встал вопрос о выработке единых правил издания документов. Его статья, так же как и появившаяся несколько позже статья А. А. Шиловой, явились откликом на проект А. А. Сергеева. И главная мысль статьи Попова заключалась в том, что для развития археографической работы в нашей стране необходимо коренным образом улучшить дело подготовки публикаций и выработать правила издания документов¹⁶. Наконец, в последней его статье по проблемам археографии подводились итоги и выдвигались задачи дальнейшего развития научно-публикаторской работы по проблемам внешней политики в журнале «Красный архив»¹⁷.

Обобщая опыт, накопленный советскими археографами, А. Л. Попов писал, что «проделана большая работа, которую мы с честью противопоставляем дореволюционной академической работе», что следует говорить «о громадном расширении и обогащении нашей исторической тематики»¹⁸. Оценивая советские публикации по дипломатической пред- истории и истории первой мировой войны, появившиеся на страницах журнала «Красный архив», А. Л. Попов указывал, что «почти каждая новая публикация по этим вопросам являлась событием крупнейшего научного и политического значения»¹⁹. Он подчеркивал, что без использования материала по истории международных отношений, напечатанного в этом журнале, «не может обойтись ни один исследователь-историк, ни один пропагандист, ни один преподаватель»²⁰. Одновременно А. Л. Попову было в высшей степени присуще чувство неудовлетворенности достигнутым. Он писал, что «говорить о перевороте, который внесла Октябрьская революция в историческую науку и археографию, значит прежде всего осознать громадную ответственность, какая легла на советских историков и археографов в связи с необходимостью разрешения поставленных перед историческим фронтом задач»²¹. Подобно А. А. Сер-

¹³ А. Л. Попов указывал, что лишь единицы из числа русских историков имели доступ к архивным материалам МИДа, основная часть русской дипломатической переписки не публиковалась и обычно становилась известной раньше западноевропейским публицистам, чем русским историкам (см. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», т. 2. М.—Л., 1940, стр. 214).

¹⁴ А. Л. Попов. К изданию дипломатических документов.— «Архивное дело», 1928, № 2; А. Л. Попов. О плане и приемах издания дипломатических документов мировой войны.— «Архивное дело», 1929, № 1; он же. К вопросу о плановой установке в деле систематической публикации дипломатических документов.— ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, № 245 и др.

¹⁵ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов.— «Архивное дело», 1935, № 3, стр. 52.

¹⁶ Там же, стр. 45—64; см. также: С. Н. В а л к. Указ. соч., стр. 61.

¹⁷ А. Л. Попов. Публикации по истории международных отношений.— «Красный архив», 1940, № 3, стр. 18—26.

¹⁸ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 45—46.

¹⁹ А. Л. Попов. Публикации по истории международных отношений, стр. 19.

²⁰ Там же, стр. 22—23.

²¹ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 45.

гееву он отмечал факт отставания археографического фронта. Одним из показателей этого отставания А. Л. Попов считал то, что общие обзоры советской археографической продукции «не идут дальше сравнения нашей советской археографии с тем наследством, которое мы получили от царизма». «Казалось бы,— писал он,— что на таком сравнении успокаиваться мы не должны. На всех участках нашей советской работы мы давно отошли от таких масштабов»²².

Вскрывая недостатки в продукции советских археографов, А. Л. Попов предлагал пути их преодоления. При этом, видимо, придавая основное значение деловой стороне вопроса, он обычно не упоминал фамилий составителей критикуемых публикаций²³.

В своих работах А. Л. Попов остановился прежде всего на некоторых вопросах, касающихся археографии как науки. Он выступил против тенденции стереть грани между археографической публикацией и историческим исследованием, против тенденции к историко-археографическому «монизму»²⁴.

Он считал, что «если бы наши публикаторы, пожелав стереть все грани между различными видами исторической разработки, стали соревноваться с историками хотя бы по линии композиционной работы — они стали бы на путь хрестоматизма, дали бы сомнительную публикаторскую продукцию и все-таки не смогли бы превратить сборник документов в историческое исследование в полном смысле этого слова». А. Л. Попов писал, что «смущаться тем, в известной степени служебным положением, какое занимает публикация в отношении исторического исследования, не приходится»²⁵. А. Л. Попов указал на диалектическую связь, существующую между состоянием исторической и археографической работы. С его точки зрения, состояние археографии определяется «уровнем развития и направлением исторической науки» и отражает положение последней, что публикация исторических источников соотносится с требованиями исторической науки в области тематики и методологии. С другой стороны, А. Л. Попов отмечал, что, поскольку для историков жизненно необходима публикация источников, археографическая работа сама может оказывать известное влияние на историческую науку²⁶.

К вопросам методологии археографической работы А. Л. Попов подходил как специалист, ясно представлявший себе значение научно-публикаторской работы как важного участка идеологического фронта²⁷.

²² А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 47.

²³ Единственным деятелем советского археографического фронта, фамилию которого А. Л. Попов называет в связи с критикой его продукции, был М. Н. Покровский. Об отношении А. Л. Попова к М. Н. Покровскому как археографу см. ниже.

²⁴ В данном случае он имел в виду некоторые высказывания А. А. Сергеева. Последний писал, что историки и архивисты должны на основании документальных материалов поставить и разрешить важнейшие проблемы истории, что в научной публикации документов, как и в научном исследовании на ту же тему, «будет вполне вероятным совпадение в системе расположения материала и соотношения отдельных частей». Изучая архивный материал, археограф должен руководствоваться «той же целью и тем же, в сущности, планом, что и историк-исследователь» (см.: А. А. Сергеев. Методология и техника публикации документов.— «Архивное дело», 1932, № 1—2, стр. 65; А. А. Сергеев. К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР.— «Архивное дело», 1935, № 1, стр. 58).

²⁵ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 47—48; см. также: С. Н. В алк. Указ. соч., стр. 61.

²⁶ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 47—48.

²⁷ А. Л. Попов писал: «Переживаемая нами эпоха ставит перед публикатором каждый год все новые специфические для данного дня задачи — вспомним о различных юбилейных датах революционного значения, о тех или иных проводимых партией и Советской властью политических кампаниях, о поднимающихся часто за пределами Союза антисоветских кампаниях, вынуждающих нас к организации надлежащего отпора» (там же, стр. 49).

Он писал, что «общие цели и задачи советской публикации можно определить как требование публиковать такой материал, который необходим и полезен для марксистско-ленинского анализа соответствующего факта, события, эпохи»²⁸. Советские издания документов должны содействовать возможно более правильному, объективному отражению исторической действительности и одновременно «неразрывно увязываться нами с той борьбой, которую мы ведем за изменение этой действительности»²⁹.

Многообразие задач, которые выдвигались перед публикатором и необходимость публикаций, рассчитанных на различные круги читателей, побудили А. Л. Попова поставить вопрос о видах публикаций и их особенностях в соответствии с тем, на кого эти издания рассчитаны. Опираясь на тот опыт, который уже был накоплен советскими археографами, он указывал, что цель публикации и ее ориентировка на определенный читательский круг определяют ее тему, «характер, размеры и степень полноты публикации», «специфику подбора материала», «характер его исторической и археографической обработки», «применяемые в работе приемы воспроизведения публикуемых текстов», «методы самой работы и формы ее организации»³⁰. Но любая публикация должна способствовать правильному отображению исторической действительности и быть «орудием политической борьбы».

Воздействие одних видов публикаций он сравнивал с «огнем скорострельной артиллерии», а других, целью которых являлось «разоблачение всей системы империалистической политики, всей системы капиталистических отношений и ее исторических корней», — «с огнем дальноточных орудий тяжелой артиллерии»³¹.

Вместе с тем, касаясь этих последних, А. Л. Попов считал, что они должны отражать историческую действительность во всей ее сложности, противоречивости и в развитии. Рассматривая этот вопрос в связи с изданием серии «Международные отношения в эпоху империализма», А. Л. Попов характеризовал ее как тип издания, который позволяет, «полнее и вернее (чем предшествующие издания.— В. М.) отобразить объективный процесс развития международных отношений». Он писал, что составители этого издания поставили перед собой и частично разрешили задачу «дать документальный материал, необходимый для марксистско-ленинского анализа международных отношений, отобразить в документах картину этих отношений во всей их сложности и многогранности, в их диалектическом развитии и тем самым вскрыть политические приемы и методы правительств империалистических государств, разоблачить эти приемы как практику сознательного обмана»³².

В 20—30-е годы внимание советских археографов привлек вопрос об отношении к археографическому наследству, к русской дореволюционной и зарубежной буржуазной археографии. Этот вопрос был затронут и в работах А. Л. Попова. В конце 20-х годов в связи с подготовкой к печати серии «Международные отношения в эпоху империализма» А. Л. Попов резко критиковал идейно-методологические установки, присущие сборникам дипломатических документов, изданным в капиталистических странах. Он подчеркнул, что публикации буржуазных правительств дают

²⁸ Там же, стр. 48.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 48—49.

³¹ Там же, стр. 49.

³² Там же, стр. 48. В другой статье А. Л. Попов писал, что «совокупность всех секретных документов бывшего царского министерства... разумеется, не может исчерпывающим образом осветить международную дипломатическую кухню империалистической войны», но советская публикация «должна явиться первой в ряду тех революционных публикаций, которым предстоит появиться на Западе и которые, вместе взятые, дадут полную и исчерпывающую картину развития и гибели мирового капитализма» («Архивное дело», 1929, № 1(18), стр. 48).

извращенную картину действительности с целью скрыть роль соответствующего государства в развязывании войны, а издания Зиберта и Шттиве, авторы которых использовали материалы, выкраденные из различных русских посольских фондов, носят спекулятивный характер и отличаются случайностью подборов и отсутствием критической интерпретации документов³³.

При этом А. Л. Попову был чужд нигилистический подход к зарубежной практике в области *технических* приемов издания документов. Так, при обсуждении вопросов о методах воспроизведения текста, заголовках документов он ссылается на зарубежный опыт³⁴.

Этой же точки зрения А. Л. Попов придерживался в 30-е годы. Он придавал большое значение разоблачению классовой сущности буржуазных публикаций, ограниченности научной продукции буржуазных публикаторов, «дающей неверное, извращенное отображение истории»³⁵. В этом отношении его точка зрения совпадала со взглядами М. Н. Покровского, А. А. Сергеева, А. С. Ерусалимского и др. Но в вопросе об отношении к технологическому наследству, которое было выработано буржуазной археографией, точки зрения А. А. Сергеева и А. Л. Попова расходились. В работах А. А. Сергеева имелись положения, которые звучали как призыв к отказу от этого наследства³⁶. В противовес этому А. Л. Попов считал, что «в области археографической обработки и способов воспроизведения текстов перед нами стоит большая, еще не преодоленная задача *по критическому освоению* (курсив наш.— В. М.) старого, накопившегося в этой области технологического наследства»³⁷.

В советской археографической практике значительное распространение получила публикация документов на страницах газет, рассчитанная на самый широкий круг читателей. Обобщая опыт работы в этой области, А. Л. Попов указывал, что такая форма требует особой подачи материала, в частности, печатания документов в выдержках и извлечениях, диктует необходимость популярных комментариев, разъясняющих как специальные термины, так и политическое значение опубликованных материалов. С точки зрения А. Л. Попова, археографическое описание документов в данном случае «может явиться балластом для читателя»³⁸.

Но основное внимание он обращает на вопросы, связанные с научными публикациями. Характеризуя подход советских археографов к созданию документальных сборников, рассчитанных на научного работника, А. Л. Попов указал, что налицо изменения, отражающие «тенденции роста и развития советских научных публикаций». Это, в частности, проявилось в эволюции в сторону публикаций, отличающихся наибольшей широтой темы. Он иллюстрирует это положение на примере публикаций по проблемам предыстории и истории первой мировой войны. От сборников, посвященных отдельным проблемам, связанных с этой тематикой, советские археографы перешли к созданию фундаментальной публикации «Международные отношения в эпоху империализма»³⁹. Являясь решительным сторонником публикаций с наиболее широкой тематической

³³ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 47.

³⁴ Там же, стр. 46; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, № 245, лл. 122—123.

³⁵ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 48.

³⁶ А. А. Сергеев писал, что от «методологии и техники (курсив мой.— В. М.) старой археографии мы должны отмежеваться самым решительным образом» и что «до-революционная археография в техническом отношении не оставила нам сколько-нибудь значительного наследства». Касаясь положения в капиталистических странах, он отмечал, что там в области издания текстов продолжается до сих пор «вавилонское столпотворение» («Архивное дело», 1932, № 1—2, стр. 45, 71; 1935, № 1, стр. 61).

³⁷ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 53; см. также: С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 62.

³⁸ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 49.

³⁹ Там же, стр. 50.

установкой, А. Л. Попов считал, что при подходе к выбору темы публикации надо учитывать и некоторые ограничивающие обстоятельства, давая «себе ясный отчет о том, что могут дать и чего не могут дать изучаемые архивные материалы». Публикатор не может браться за такие темы, которые не обеспечены соответствующими документами⁴⁰. Эволюция в сторону создания монументальных тематических изданий, рассчитанных на историка-исследователя, с особой настоятельностью требовала внесения планового начала во всю работу, связанную с подготовкой публикаций. К этому вопросу А. Л. Попов возвращался неоднократно, подчеркивая его исключительную важность и проводя мысль, что на археографическом фронте дело с реализацией этого требования обстоит далеко не благополучно⁴¹.

Гарантией создания высококачественных публикаций, рассчитанных на научного работника, он считал разработку «строго продуманного плана изданий», основанного «на охвате и использовании максимального количества источников, равно как и на правильно установленной последовательности в изучении и проработке материала»⁴².

Составление перспективного плана публикации по истории международных отношений, в котором были бы определены основные вопросы, подлежащие изучению, и последовательность их разработки «в зависимости от их исторической значимости и степени их актуальности для исторической науки», также рассматривалось А. Л. Поповым как дело большой важности. Охарактеризовав публикации по этой тематике в журнале «Красный архив» и подчеркнув их важность, А. Л. Попов указал, что из-за отсутствия такого плана у архивов и редакции журнала некоторые проблемы истории международных отношений и внешней политики царской России, имеющие первостепенное научное и политическое значение, остались неосвещенными. Вместе с тем были напечатаны документы по некоторым второстепенным вопросам⁴³.

А. Л. Попов разработал ряд проблем, связанных с выявлением и отбором документов применительно к публикациям по истории внешней политики России и международных отношений.

Важным условием, определяющим ценность крупной научной публикации, является полнота выявления материала. Гарантией этой полноты А. Л. Попов считал обследование всех фондов, в которых могут отложиться документы, имеющие существенное значение для освещения темы. Так, высоко оценивая издания «Константинополь и проливы» и «Раздел Азиатской Турции» по богатству собранного материала, А. Л. Попов указывал, что в данном случае нельзя с полной уверенностью говорить об их исчерпывающем характере, поскольку не был обследован фонд Азиатского департамента МИДа⁴⁴. Полнота выявления материала вовсе не означала, что следует во всех случаях печатать его целиком. Почти все издания А. Л. Попова (за единичными исключениями) представляли собой не публикацию отдельного документа или коллекции источников полностью, а были основаны на тщательном отборе материала. Принципы отбора материала для публикации и полноты изданной коллекции, с его точки зрения, не находятся между собой в противоречии. В качестве примера А. Л. Попов приводил издание серии «Международные отношения в эпоху империализма». Составителям этой публикации, по словам А. Л. Попова, удалось выявить все существенное и все типичное, что имелось в дипломатической переписке, и из массы документов за

⁴⁰ Там же, стр. 51.

⁴¹ Там же, стр. 51—52.

⁴² Там же, стр. 52—53.

⁴³ А. Л. Попов. Публикации по истории международных отношений, стр. 25—26.

⁴⁴ «Архивное дело», 1929, № 1, стр. 35—36.

1914—1915 гг. отобрать примерно $\frac{1}{10}$ вошедшую в изданные тома⁴⁵.

И в том, что это удалось осуществить, — немалая заслуга А. Л. Попова как составителя ряда томов и археографа, внесшего, наряду с А. С. Ерусалимским, Э. Д. Гриммом и др., вклад в разработку принципов отбора материала для данной публикации. Будучи знатоком архивных документов, А. Л. Попов ясно отдавал себе отчет в том, что практически невозможно и ненужно издавать коллекции архива целиком. В своей записке «К вопросу о плановой установке в деле систематической публикации дипломатических документов» 1928 г. и статье 1929 г. он предлагал ограничиться дипломатической перепиской «в узком значении этого слова». Не подлежат опубликованию документы-дубликаты, направленные с информационной целью, материалы, содержание которых изложено в других документах, и материалы, касающиеся административных и хозяйственных вопросов, не имеющих непосредственного отношения к дипломатической переписке. Но и эта последняя группа документов, сконцентрированная в фондах Департамента личного состава и хозяйственных дел, II департамента и частично Азиатского департамента, должна быть изучена публикатором, чтобы гарантировать полноту отбора и обеспечить публикацию надлежащими комментариями⁴⁶. И, как известно, составителями серии был принят принцип публиковать только документы, имеющие «политико-дипломатическое значение», освещающие «тот или иной вопрос внешней политики»⁴⁷.

С точки зрения А. Л. Попова, отбор документов для всякой публикации должен соответствовать ее теме. Так, он критиковал сборник «Материалы по истории франко-русских отношений» за наличие в нем материалов, не связанных с проблемой взаимоотношений между Петербургом и Парижем⁴⁸.

Отбор документов должен обеспечить освещение всех основных проблем, связанных с темой публикации. Недостаток сборника «Русско-германские отношения» он видел в том, что в нем отсутствовали материалы по такой важной проблеме, как Потсдамское соглашение 1911 г.⁴⁹

А. Л. Попов полагал, что степень полноты отбора документов в публикации зависит от ряда условий, в частности от ее характера, возможного объема и читательского назначения. Применительно к крупным публикациям, рассчитанным на научного работника, он был решительным сторонником наибольшей полноты отбора.

Признаками неполноты коллекции в больших изданиях по истории международных отношений А. Л. Попов считал: отсутствие в публикации всех видов документов, в которых может найти отражение данная тема, и материалов, характеризующих ее важнейшие стороны или проблемы; наличие значительных хронологических лагун; невыдержанность типов отдельных глав, разнозначность опубликованных материалов, недостаточная мотивированность в развитии переписки⁵⁰.

⁴⁵ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 50—51.

⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, № 245, лл. 3—4; А. Л. Попов. О плане и приемах издания дипломатических документов мировой войны. — «Архивное дело», 1929, № 1, стр. 44—45.

⁴⁷ «Международные отношения в эпоху империализма», т. I. М., 1931, стр. XXVI.

⁴⁸ А. Л. Попов. О плане и приемах издания дипломатических документов мировой войны. — «Архивное дело», 1929, № 1, стр. 35.

⁴⁹ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 55.

⁵⁰ А. Л. Попов критиковал сборник «Материалы по истории франко-русских отношений» за отсутствие переписки за время с 23 ноября по 4 декабря 1912 г., сборник «Европейские державы и Греция» — за отсутствие в публикации нот, памятных записок, «всеподданнейших докладов» и неполное использование исходящих документов. Недостаток публикации «Царская Россия в мировой войне» он видел в разнотипности отдельных глав, разнозначности опубликованных материалов и недостаточной логичности в развитии переписки («Архивное дело», 1929, № 1(18), стр. 35—36).

Нам представляется, что эти признаки важно учитывать и при рассмотрении вопроса о полноте коллекций по некоторым другим проблемам.

А. Л. Попов придавал исключительное значение качественному составу коллекций, ценности опубликованных материалов как источников. Как отметил С. Н. Валк, А. Л. Попову «всегда приходилось производить подбор документов, исходя из оценки их содержания»⁵¹.

По мнению А. Л. Попова, для характеристики внешнеполитической линии того или иного правительства первостепенное значение имеют документы директивного значения, которые посылались руководителем дипломатического ведомства послу своего государства. Донесения дипломатического представителя за рубежом имеют для освещения этой проблемы второстепенное значение; ценность их возрастает, если в них содержится материал о том, как за рубежом выполнялись указания правительства, или имеются данные о дипломатической обстановке. Вместе с тем значение их как источников по истории дипломатии падает, если в них содержатся только данные о внутривнутриполитической обстановке в стране, в которой данный дипломат аккредитован.

Характерной чертой журнальных публикаций А. Л. Попова является то, что он издавал действительно важнейшие документы директивного характера, обстоятельно характеризующие внешнюю политику царизма в странах Востока и борьбу за господство в этих странах. Среди них: журналы особых совещаний, внутриведомственная переписка, инструкция русскому послу в Иране при его назначении на этот пост и т. д. Опираясь на вышеизложенные соображения и собственный опыт работы, А. Л. Попов критиковал те публикации, в которых отсутствовали или были недостаточно представлены документы директивного характера, и те, в которых была слабо освещена «дипломатическая конъюнктура момента». К числу такого рода подборов он относил публикации «Парижская коммуна» и «Буланжизм и царская дипломатия» («Красный архив», 1931, № 2, 1935, № 5)⁵².

Тот опыт, который был накоплен А. Л. Поповым, заставлял его возражать против регламентации правилами работы редактора по выбору самого объекта публикации и состава коллекции издаваемых документов. Он писал, что вопрос об определении состава коллекции «является областью научной творческой работы самого публикатора... проводимой в соответствии с требованиями марксистско-ленинской методологии над хорошо им изученным материалом» и что существенным подспорьем в этой работе может быть изучение опыта прошлых публикаций⁵³.

С первых дней возникновения советской археографии перед ней встала важнейшая задача — разработка научных, основанных на принципах марксизма-ленинизма приемов установления текста документа. В работах С. Н. Валка, Б. В. Томашевского и др. был поставлен широкий комплекс вопросов, связанных с этой проблемой, обоснована необходимость всестороннего учета вопроса о происхождении документа и связи каждой из его редакций с исторической обстановкой. В области издания дипломатических документов традиция игнорирования контрольного аппарата и в особенности данных о происхождении документов была очень сильна. Первые советские издания документов по истории международных отношений имели такой недостаток. «Цветные» книги с целью фальсификации действительности сознательно обходили этот вопрос, а крупные дипломатические публикации, изданные буржуазными правительст-

⁵¹ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 83.

⁵² А. Л. Попов. Публикации по истории международных отношений, стр. 24.

⁵³ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 54; см. также: С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 83—84.

вами, продолжали, по меткому выражению А. Л. Попова, «традиции недоброй памяти цветных книг». «Ломка этой традиции большой советской публикацией,— писал А. Л. Попов,— ломка в той именно сфере, где фальсификация документов стала специальной профессией редакторов и издателей, превращает этот археографический факт в факт политический»⁵⁴. И в этом немалая заслуга А. Л. Попова. Он поставил вопрос о том, что в серии «Международные отношения в эпоху империализма» воспроизведение текста каждого документа должно быть «критическим». Он первым из советских археографов указал на некоторые основные делопроизводственные формы, в которых дипломатические документы представлены в архивах, на особенности этих форм, с точки зрения их происхождения, содержания и внешнего вида. Он подчеркнул, что «требования критического отношения к воспроизводимому тексту... диктуют необходимость неуклонного выявления и учета всех делопроизводственных экземпляров данного документа»⁵⁵.

В практике зарубежных публикаций по истории международных отношений (например, «Die Grosse Politik») применялась система расчленения документа и воспроизведение его частей в различных тематических комплексах. А. Л. Попов считал эту систему неприемлемой для советских публикаций. Он решительно высказывался за то, чтобы в серии «Международные отношения в эпоху империализма» каждый документ воспроизводился «полностью, в нерасчленном виде»⁵⁶. Наконец, касаясь публикаций научного характера, он, как и многие другие археографы 20—30-х годов (в частности, М. Н. Покровский, А. А. Сергеев), резко выступал против «всякого рода купюр, которые так часто допускаются у нас без всяких оговорок о них в примечаниях»⁵⁷.

А. Л. Попов, наряду с другими археографами (в частности, Е. А. Адамовым), внес вклад в разработку вопросов систематизации документов применительно к изданиям научного характера по истории международных отношений. Следует отметить его взгляды на эту проблему в связи с подготовкой к печати серии «Международные отношения в эпоху империализма».

А. Л. Попов исходил из того, что дипломатические документы в большей своей части являются многосюжетными и что каждый отдельный документ существует в ряде делопроизводственных форм. Он полагал также, что нельзя сбрасывать со счетов ту систематизацию документов, которая существует в самом архиве. А. Л. Попов указывал, что министерские коллекции содержат досье трех видов: 1) подборки по признакам корреспондентов и дат, содержащие материал переписки с западными странами, 2) подборки систематического характера, 3) поденные коллекции (для материалов эпохи кризиса 1914 г.). Причем ни один из видов этих подборок не является полным. Исходя из этого, А. Л. Попов считал теоретически возможным три типа систематизации документов: 1) по признаку корреспондентско-хронологическому; 2) по темам; 3) в форме поденных коллекций⁵⁸.

Наконец, А. Л. Попов рассматривал этот вопрос, опираясь на тот опыт в области публикации дипломатических документов, который имелся у нас и в зарубежных странах, критически оценивая этот опыт.

Вопрос о плане публикации «Международные отношения в эпоху империализма» и систематизации документов в этом издании долго дебаты-

⁵⁴ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 58.

⁵⁵ А. Л. Попов. О плане и приемах издания дипломатических документов мировой войны.— «Архивное дело», 1929, № 1, стр. 39, 42, 46; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, № 245, л. 1.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ А. Л. Попов. К вопросу о наших публикациях исторических документов, стр. 64.

⁵⁸ «Архивное дело», 1928, № 2, стр. 20; 1929, № 1, стр. 39—40.

ровался советскими историками — членами авторского коллектива. Первый проект (1927 г.) ориентировался на систему тематических рубрик, аналогичных тем, которые существовали в «Die Grosse Politik», с необходимыми коррективами.

В противовес этому проекту сотрудник НКИД Е. А. Адамов разработал план издания, по которому документы распределялись по хронологическим комплексам с рубрикой, принятой в учебных пособиях по истории международных отношений. Этим планом предусматривалось введение 72 тематико-хронологических рубрик⁵⁹.

А. Л. Попов выступил против этого проекта. Он считал, что принятие этого плана неизбежно поведет к ряду условностей и затруднит всю работу по подбору и систематизации документов в публикации. Требование о правильном помещении документа в одном, точно определенном месте неизбежно придет в противоречие с его многосюжетностью. Неизбежным результатом распределения документов по тематическим комплексам окажется необходимость дублировки материалов или разбухание одних комплексов за счет обеднения других, субъективизм в деле отнесения того или иного документа к определенному комплексу. Подбор документов по определенным темам крайне затруднит и задержит работу над публикацией. Наконец, А. Л. Попов указывал, что имеющийся опыт применения хронологическо-тематических комплексов в практике крупных советских и зарубежных публикаций по истории международных отношений оказался неудачным. Он писал, в частности, что система тематических комплексов не оправдала себя в «Die Grosse Politik» «ни научно, ни политически», что она потребовала издания специальных пояснительных таблиц Швертфегера, и французское издание германской публикации дает ее материалы в перепланированном по поденной системе виде⁶⁰.

Сам А. Л. Попов считал, что, с точки зрения читателя, наиболее ценна систематизация документов в виде поденных коллекций⁶¹.

Вместе с тем применение этого принципа было сопряжено с рядом технических трудностей, связанных с состоянием архива. Трудности заключались в отсутствии поденных коллекций для всего периода, предшествующего предвоенному кризису, и в отсутствии данных о времени поступления того или иного документа в министерство. Исходя из этого, контрпроект, разработанный на основе принципов, изложенных А. Л. Поповым, в противовес проекту Е. А. Адамова предусматривал: 1) расположение материалов в виде поденных коллекций для периода с 1 июня по 4 сентября 1914 г., 2) расположение материала по признаку

⁵⁹ «Архивное дело», 1929, № 1, стр. 37—39. Следует отметить, что аналогичной позиции, видимо, придерживался и М. Н. Покровский. Позднее М. Н. Покровский писал, что он лично всегда был сторонником публикации серии «Международные отношения в эпоху империализма» с применением тематического принципа «главным образом из соображений популярности сборников, доступности их широким массам» (ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, № 41, л. 7).

⁶⁰ «Архивное дело», 1928, № 2, стр. 21; 1929, № 1, стр. 38, 42—47; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, № 245, л. 2.

⁶¹ Он писал: «В то время, как публикации дипломатических документов, собранных по отдельным вопросам, дают часто картину действительности, заостренной на определенном моменте, который в сознании самого публикатора грозит нередко разрастись до значения самодовлеющего, в то время как опубликование документов по системе нарядов будет давать историю внешней политики в отдельных отрывочных корреспондентских кусках, из которых каждый освещает линию сношений министерства с определенным дипломатическим представительством, установка публикации в плане поденных коллекций в наибольшей степени могла бы дать читателю реальное развертывание дипломатических процессов во всей их многогранности, выявить всю сложность и сцепленность мотивов, определяющую равнодействующую политики царского министерства иностранных дел» («Архивное дело», 1929, № 1, стр. 40; см. также: «Архивное дело», 1928, № 2, стр. 22).

корреспондентов и дат (для периода 1904—1914 гг. и сентября 1914—1917 гг.)⁶².

Бесспорно, что этот проект был шагом вперед по пути выработки плана и решения вопроса о систематизации документов в издании. Но его уязвимым местом было то, что принцип поденных коллекций применялся только для периода с 1 июня до 4 сентября 1914 г. Дата 1 июня 1914 г. должна была стать начальной датой для всей публикации.

Для серии «Международные отношения в эпоху империализма» выбор даты начала публикации имел большое научное и политическое значение. Не случайно, что составители публикаций, выпущенных буржуазными правительствами, стремясь обелить политику собственного государства и взвалить вину на противника, выбирали эти даты весьма произвольно⁶³. Издатели советской публикации должны были подойти к этому вопросу иначе, показать, что виновниками войны являются империалисты всех стран. С этой точки зрения, дата 1 июня 1914 г. носила весьма условный характер. И прав был Е. А. Адамов, который, отказавшись от собственного проекта, предложил начать публикацию дипломатических документов по истории войны с 1 января 1914 г., распространив на все тома хронологический принцип расположения материала. Предложения Е. А. Адамова были поддержаны А. Л. Поповым и приняты Комиссией по изданию дипломатических документов эпохи империализма⁶⁴.

Система расположения документов в строго хронологическом порядке, примененная в первой советской многотомной публикации дипломатических документов, завоевала, по словам А. Л. Попова, «всеобщее признание»⁶⁵.

Вышеизложенное, однако, вовсе не означало, что А. Л. Попов считал во всех случаях и во всех видах публикаций необходимым применять именно этот принцип систематизации документов. Ополчаясь против редакторского «субъективизма» и «конструктивизма», затрудняющего овладение публикуемым материалом, он одновременно возражал против того, чтобы публикатору предписывались какие-либо обязательные рецепты в вопросах распределения документов в издании. Он высказывался только за то, чтобы в пределах принятых издателем тематических рубрик строжайше соблюдался хронологический принцип подачи материала⁶⁶.

Как составитель многочисленных публикаций документов, А. Л. Попов имел большой опыт по подготовке примечаний к ним. Эти примечания были разнообразными — и чисто справочными и такими, в которых давался дополнительный документальный материал, необходимый для более глубокого освещения темы. Поэтому не случайно, что А. Л. Попову совместно с А. С. Ерусалимским была поручена предварительная разработка вопроса о характере примечаний к серии «Международные отношения в эпоху империализма». В своей записке, адресованной Комиссии по изданию документов эпохи империализма, А. Л. Попов и А. С. Ерусалимский писали, что примечания следует давать в тех случаях: 1) когда в публикуемом тексте имеются ссылки на другой, не приводимый в данной публикации документ. В этом случае кратко излагается содержание опускаемого документа; 2) когда в опускаемом документе содержится

⁶² «Архивное дело», 1928, № 2, стр. 21—22; ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, № 246, лл. 24—25.

⁶³ Так, А. Л. Попов указывал, что немецкая публикация начиналась с переписки, связанной со статьей Сухомлинова «Россия готова, должна быть готова также и Франция», а английская — мотивами Констанцкого и Конопиштского свиданий.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, № 243, лл. 55—56; Архив внешней политики России Министерства иностранных дел, ф. Комиссии по изданию документов эпохи империализма (далее — АВПР МИД, ф. Комиссии...), оп. 910, № 774, л. 81.

⁶⁵ «Архивное дело», 1935, № 3, стр. 55.

⁶⁶ Там же, стр. 55—56.

данные, содействующие дополнительному освещению того или иного частного вопроса, трактуемого в публикации; 3) когда редактор считает возможным не публиковать по тому или иному вопросу всей переписки: в этом случае весь дальнейший или предшествующий (в хронологических пределах данного тома) ход переписки излагается в соответствующем примечании; 4) когда необходимо увязать документы в данном томе с материалами, публикуемыми в этом или других томах, или отослать читателя к примечаниям, составленным к другим документам; в этом случае даются краткие ссылки на соответствующий номер документа и страницу тома; 5) когда помещенный в данной серии документ публиковался в других изданиях, при этом в примечаниях специально оговариваются разночтения; 6) когда необходимо пояснить термин, имеющий местное значение или узкотехнический характер, указать на расположение тех или иных географических пунктов; 7) в виде исключения — когда необходимо пояснить личные имена, встречающиеся в переписке⁶⁷.

По нашему мнению, соображения, изложенные в этой записке, не потеряли своего значения и в настоящее время.

А. Л. Попов одним из первых археографов указал на необходимость идеологической выдержанности комментариев с позиций марксистско-ленинской методологии, с одной стороны, и строгой конкретности, с другой. Анализ текста документов должен быть, с его точки зрения, «политически заостренным классовым анализом» и в то же время «говорить языком фактов и документов»⁶⁸. Марксистско-ленинский подход к составлению комментариев должен проявиться в выборе факта или документа, который будет являться средством пояснения. А. Л. Попов считает, что требование конкретности означает необходимость быть осторожным в комментариях, когда «конкретика эта не в полной мере разработана»⁶⁹. Комментатор, с точки зрения А. Л. Попова, обязан объяснить все, что требует пояснения, и вместе с тем не допускать роскоши излишества. Опираясь на собственный опыт и опыт других археографов, А. Л. Попов подчеркивал, что характер комментария должен зависеть от характера и читательского назначения публикации. Он обосновал положение о том, что в больших, научных публикациях будет цениться не аппарат исторических примечаний, построенный на данных «доступных для читателя справочников», а такой комментарий, который «использует в примечаниях недоступный для читателя документальный материал, полезный для дополнительного освещения публикуемых текстов»⁷⁰.

Взгляды А. Л. Попова на предисловия к публикациям отразились как в его статьях, посвященных проблемам археографии, так и в его многочисленных вводных статьях к изданиям документов. Предисловия А. Л. Попова всегда носили научный характер и никогда не были стандартными, зависели от содержания и характера опубликованных материалов. Эти введения в соответствии с установившейся практикой состояли обычно из исторической и археографической частей. Их соотношение, однако, в различных публикациях А. Л. Попова было неодинаковым. В отдельных случаях, когда источник носил специфический характер, А. Л. Попов вообще не давал исторического предисловия, ограничиваясь археографическим введением, всесторонне раскрывающим вопрос о происхождении, значении и особенностях издаваемого материала. И это было вполне оправданно.

Историческое предисловие должно содержать, по мнению А. Л. Попова, «конкретный анализ эпохи», «исчерпывающую социальную характе-

⁶⁷ АВПр МИД, ф. Комиссии..., оп. 910, № 774, лл. 61—62.

⁶⁸ «Архивное дело», 1935, № 3, стр. 61.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, стр. 61—62.

ристику действующих лиц или общественных групп», определять «их удельный вес», «субъективные мотивы их действий, объективное содержание этих действий и реальные последствия их». Его цель — дать «научно-историческую мотивировку» необходимости и важности издания данных документов и служить для читателя средством правильного их понимания⁷¹.

А. Л. Попов указывал, что в археографической части предисловия «то же мотивируется с формальной источниковедческой и библиографической точки зрения», «выявляются индивидуальные археографические особенности публикуемых источников» и своеобразие методов их публикации⁷².

Как же он реализовал эти положения в собственной практике? Начиная с 1927 г. А. Л. Попов постоянно обращается в своих предисловиях к ленинскому теоретическому наследию. Он никогда не писал вводных исторических очерков, не связанных с темой публикаций, и не шел по пути пересказа содержания изданных документов. В его предисловиях, часто с привлечением неопубликованных материалов, характеризовалась дипломатическая история периода, непосредственно предшествовавшего тому, который освещался в печатаемых документах, а иногда и последующего периода. Это позволяло А. Л. Попову вводить в научный оборот дополнительный архивный материал и давало возможность представить излагаемую в документах тему в связи с эпохой и с точки зрения генезиса проблем, которые трактуются в публикации. В некоторых случаях для правильного понимания публикуемых документов по истории внешней политики России он рассматривал вопросы, связанные со спецификой самодержавия как «субъекта» этой политики и особенностями этой политики. Во многих предисловиях А. Л. Попова освещались классовые корни внешней политики самодержавия.

Историк придавал большое значение вопросам историографического и источниковедческого характера. В тех случаях, когда по проблематике, связанной с темой издания, уже имелись публикации и исследования, он характеризовал состояние разработки вопроса, место данного источника среди других, касающихся данной проблемы. В отдельных случаях, исходя из содержания публикуемого источника и других материалов по теме, А. Л. Попов указывает на нерешенные проблемы или на необходимость пересмотра распространенной в науке точки зрения на определенный вопрос. Тогда, когда это представлялось нужным, он рассматривал вопрос о происхождении источника, его особенностях, связанных с политической позицией автора, указывал на внешний вид подлинника. Наконец, он, как правило, останавливался на том, как изданные источники характеризуют тему и ее отдельные стороны, какова степень их достоверности и полноты.

Подход А. Л. Попова к составлению предисловий и его опыт в этом отношении во многом актуален и ныне.

Конечно, в предисловиях А. Л. Попова имелись и недостатки. В некоторых его введениях ощущается влияние отдельных ошибочных положений М. Н. Покровского, хотя его, безусловно, нельзя назвать последователем Покровского. Достаточно отметить, что влияние М. Н. Покровского почти совершенно не сказывается на исследовательских работах А. Л. Попова⁷³. В археографической части предисловий А. Л. Попова

⁷¹ «Архивное дело», 1935, № 3, стр. 62, 63.

⁷² Там же, стр. 62.

⁷³ Следует отметить, что еще в статье 1935 г. А. Л. Попов (не называя фамилии) критиковал некоторые недостатки, содержащиеся в сборниках документов, вышедших под редакцией М. Н. Покровского (см. «Архивное дело», 1935, № 3, стр. 52, 55, 59, 60, 62).

иногда не указывается на то, какова делопроизводственная природа оригиналов печатаемых документов и точное их местонахождение.

Подходя к написанию введений как к творческой работе, А. Л. Попов естественно выступал против того, чтобы правила издания документов содержали какие-либо рецепты по составлению исторических предисловий⁷⁴.

А. Л. Попов был одним из первых советских археографов, указавших на недостатки в практике подготовки предисловий к публикациям в 20—30-е годы. Основной недостаток, с его точки зрения, — слабость анализа содержания напечатанных документов. Нередко исторические предисловия носили «публицистический характер», «тип исторических предисловий сбивался порой на тип фельетонных статей». Часто публикатор ограничивался только общей политической рекомендацией печатаемых документов или апелляцией к интересности сюжета и увлекательности формы. Игнорировались историографические моменты. Не освещалось научное значение публикации, ее место среди других источников, посвященных данной теме. А. Л. Попов считал неправильным такое положение, когда в некоторых случаях предисловия вытесняются вводными историческими статьями, по теме слабо связанными с публикуемыми документами. Иногда автор предисловия сам оказывался во власти публикуемого материала, не давал его критической интерпретации. А. Л. Попов отмечал, что в нашей практике источниковедческая и библиографическая мотивировка важности публикации еще не заняла должного места⁷⁵.

Многие из этих недостатков А. Л. Попов объяснял живучестью традиций, созданных М. Н. Покровским. С точки зрения А. Л. Попова, в своих предисловиях, как и прочих работах, М. Н. Покровский выступал «не столько как историк, сколько как публицист, оперирующий историческими материалами, не порвавший с идеологией мелкобуржуазного радикала и в то же время находившийся в плену западноевропейской буржуазной историографии», что он, не овладев марксистским диалектическим методом, делал на основании вновь открытых документов поспешные, ошибочные выводы⁷⁶.

Мы считаем, что в данном случае точка зрения А. Л. Попова ошибочна. Характер предисловий в 20—30-е годы определялся, в первую очередь, общим состоянием исторической науки и археографии того времени, а также индивидуальными особенностями археографа, готовившего публикацию. Это относится как к предисловиям, написанным М. Н. Покровским, так и к предисловиям, подготовленным другими советскими археографами. Мы не можем согласиться также с мнением, что в своих предисловиях, как и в исследовательских работах, М. Н. Покровский был «пленником западноевропейской буржуазной историографии» и что в его работах советского времени ощущается влияние идеологии мелкобуржуазного радикализма. Эти положения А. Л. Попова были навеяны определенной обстановкой и являлись результатом неправильной оценки некоторых ошибок М. Н. Покровского. Наконец, в исторических предисловиях М. Н. Покровского имелись не только недостатки, но и правильные наблюдения и выводы.

Сказанное в статье позволяет, как нам кажется, поставить вопрос о месте А. Л. Попова в развитии археографической науки 20-х — начала 40-х годов. Он был одним из той плеяды археографов, которые разрабатывали важнейшие проблемы археографической теории и практики, поставленные в связи с победой Великой Октябрьской социалистической

⁷⁴ Там же, стр. 63.

⁷⁵ Там же, стр. 62—63; «Красный архив», 1940, № 3, стр. 24—25.

⁷⁶ «Красный архив», 1940, № 3, стр. 25.

революции,— вопросы методологии археографической работы, особенностей различных типов публикаций, методов издания документов XIX—XX веков и создания единых правил издания документов. А. Л. Попов был археографом, который, опираясь на собственный опыт в области издания документов, на анализ опыта других публикаторов и разработки этих вопросов в современной ему литературе, внес нечто свое в освещение всех этих вопросов.

Особенно значительным представляется его вклад в разработку приемов и методов публикации документов XIX—начала XX в., в первую очередь дипломатических документов. А. Л. Попов был, по словам А. С. Ерусалимского, одним из «наиболее крупных специалистов по археографии в области дипломатической документации»⁷⁷. Опыт А. Л. Попова как составителя многочисленных публикаций по истории внешней политики России и международных отношений был весьма важен и интересен. Вместе с тем А. Л. Попов относился к числу немногих археографов-международников, которые ставили своей задачей обобщить опыт работы в этой области. И почти все самое существенное в обобщении опыта издания в СССР дипломатических документов в 20-х—начале 40-х годов связано в той или иной степени с его именем. Помимо тех статей, которые он посвятил специально этим вопросам, А. Л. Попов принял непосредственное участие в выработке археографического предисловия к публикации «Международные отношения в эпоху империализма», а значение этого документа широко известно каждому археографу⁷⁸.

А. Л. Попов, по словам С. Н. Валка, соединял «глубокие познания в области дипломатической истории и практики издания документов с кругозором широко образованного историка»⁷⁹. Благодаря этому его археографические взгляды характеризуются диалектическим подходом к явлениям, им чужды упрощенчество и вульгаризация, а его археографическое наследие, свидетельствующее о высоком уровне развития советской археографии в рассматриваемый период, и ныне сохраняет в основной своей части научное значение.

⁷⁷ Архив АН СССР, ф. 411, оп. 21, № 488, л. 7.

⁷⁸ Как нам удалось установить, вопросы, связанные с техникой издания серии «Международные отношения в эпоху империализма», рассматривались первоначально на совещаниях редакторов (А. Л. Попов был редактором первого тома), а затем была создана специальная комиссия, которой поручили разработку инструкции по технике издания этой публикации (АВПР МИД, ф. Комиссии..., оп. 910, № 774, лл. 75, 79). В состав комиссии входили Г. И. Вакс (председатель), А. Л. Попов, Э. Д. Grimm, А. С. Ерусалимский и А. И. Покровский.

⁷⁹ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 61.

В. М. Суринов

ПУБЛИКАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. ВАВИЛОВА

В одной из дневниковых записей В. И. Вернадского помечено: «Лично я считаю его (Н. И. Вавилова.— В. С.) самым крупным организатором в области прикладной ботаники и земледелия...»¹ Созданные Н. И. Вавиловым научные коллективы мировой значимости не оставляют сомнения в безусловной правильности этой мысли и определяют необходимость внимательного изучения приемов и методов, позволявших ученому гибко реагировать на все новое в науке. Полное осмысление деятельности Н. И. Вавилова как руководителя крупнейших исследовательских учреждений — предмет специального исследования. Наша статья носит более частный характер и посвящена выяснению значения издательско-публикаторской деятельности в организационной и научной работе ученого. С другой стороны, обобщение ее результатов даст, на наш взгляд, возможность вычленить ряд положений, существенно важных для понимания места археографии в решении науковедческих вопросов.

Свойственный Н. И. Вавилову интерес к изучению опыта прошлого при постановке конкретных исследований, равно как и при определении задач организации науки, обуславливал его постоянное внимание к проблемам источниковедения.

Успешность исследования той или иной исторической проблемы ставилась им в прямую зависимость от полноты документирования того или иного события, степени сохранности источников. Так, в письме к С. С. Берлянду, останавливаясь на вопросе создания истории генетики, Н. И. Вавилов отмечал, что «хотя тема и интересная, но нелегкая», так как «материалы скудны», «многое на бумаге не оформлено»². В отзыве на рукопись А. М. Негруля и др. «Виноградарство» он указывал на целесообразность включения главы по истории потому, что «данная культура является исключительно старой и... в нашей стране имеются чрезвычайно интересные документы»³. Полнота документирования научного процесса дает возможность детализировать ход исследовательской мысли, показать причины заблуждений отдельных ученых и целых направлений в науке. В связи с этим важное значение Н. И. Вавилов придавал первоисточникам. Так, ценность трудов Сиркса, де Фриза и ряда других исследований по истории генетики он усматривал, в частности, в том, что их авторы использовали оригинальные работы, труды ученых прошлого (Лекутера, Галлета и др.)⁴.

¹ Архив Академии наук СССР (далее — ААН СССР), ф. 518, оп. 1, д. 190, л. 7.

² Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (далее — ГАОРСС ЛО), ф. 9708, оп. 1, д. 1590, л. 33—33 об.

³ Там же, д. 878, л. 39.

⁴ ААН СССР, ф. 201, оп. 1, д. 106, лл. 8, 12, 31; Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. V. М.—Л., 1965, стр. 408.

Из общего комплекса источников по истории науки Н. И. Вавилов выделял основные и второстепенные по значению группы. Отбор в значительной мере определялся происхождением документа. В первую группу им выделяются «опубликованные... иногда даже в стенографических записях»⁵ материалы международных конгрессов. Их ценность определяется ролью, которую эти съезды играли в истории мировой культуры. По мнению ученого, на конгрессах давалась наиболее авторитетная оценка развития не только науки, но и культурного уровня каждой отдельно взятой страны, подводились не только итоги пройденного пути, но и намечались новые горизонты исследований⁶. Ко второй группе источников Н. И. Вавилов относит издающуюся в различных государствах научную периодику. Исходя из того, что на начальном этапе между генетикой и селекцией не было четкой дифференциации, он рекомендовал для освещения ранних этапов развития первой использовать специальные сельскохозяйственные журналы. По мнению Н. И. Вавилова, определение круга источников, их ценности зависит от общего понимания места исторического исследования в обозначении задач, стоявших перед науковедением в целом. Следует отметить, что развитие и формирование науки для Н. И. Вавилова не определялось только суммой сделанных открытий и созданных научных учреждений. В качестве слагаемых им учитывались и такие факторы, как социально-политические условия, развитие средств коммуникации, специфика использования экспериментальных открытий в теоретических обобщениях, личные качества ученого и пр.

Большое внимание Н. И. Вавилов уделял изучению характера ученого, его политических убеждений, особенностей его творческой лаборатории, привлекая для этой цели широкий и своеобразный круг источников. Среди них автобиографии, генеалогия и пр.⁷ Оригинальный материал использовался им для изучения творческой лаборатории ученого, для понимания внутренней логики научного открытия. Поиск источников в этом случае весьма затруднителен. Один из способов преодоления узости исследовательской базы Н. И. Вавилов видел в изучении тех книг, с которыми работал ученый, которые отражали его творческие искания. Так, полностью сохранившаяся после смерти Ч. Дарвина библиотека с «большим для своего времени и прекрасно подобранным собранием книг» давала возможность ученому понять, «с каким упорством этот великий эволюционист изучал труды своих предшественников... Испещренные множеством его пометок книги лучших английских, немецких, французских селекционеров, выделенные в тексте и в конце книги особенно важные для него факты и мысли... до некоторой степени» были для Н. И. Вавилова основой при выяснении особенностей «творчества великого исследователя», «огромной кропотливой работы, предшествующей обобщениям»⁸. «На каждом шагу следы работы Дарвина,— писал из Лондона Н. И. Вавилов,— его библиотека. Некоторые коллекции»⁹.

Н. И. Вавилов специально указывал на важность таких исторических источников, как критические обзоры, составляемые на базе экспериментальных наблюдений¹⁰. Их ценность определялась объективностью анализа проведенных экспериментов, тем, насколько полно фиксировались не только успехи, но и наличие всех неправильных «ходов» исследовательской мысли. Так, им выделялся отчет Свалефской опытной станции, «повествующий спокойно и объективно о тех ошибках в методах, кото-

⁵ ААН СССР, ф. 201, оп. 1, д. 106, л. 2.

⁶ Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. V, стр. 408.

⁷ Там же, стр. 543, прим.; он же. Гавриил Семенович Зайцев. Л., 1929, стр. IV—V.

⁸ Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. III. М., 1962, стр. 157—158.

⁹ Марк Поповский. Надо спешить.— «Волга», 1968, № 3, стр. 111.

¹⁰ ААН СССР, ф. 201, оп. 1, д. 206, л. 4.

рые изжиты станцией», и поэтому представляющий большой «фактический, исторический материал»; исключительно ценная «по разностороннему охвату предмета» и «полноте сведений книга Ллойда о гваюле»¹¹ и др.

История науки, крупным знатоком которой был Н. И. Вавилов, свидетельствовала о том, что многие открытия в силу ряда причин социального, экономического, общественного порядка не всегда находили должное отражение в системе средств массовой информации. Это определяло его особое отношение к сохранности¹² и использованию документальных материалов, хранящихся в архивах. «В бумагах,— говорил он,— настоящая романтика, здесь что ни листок, то след подвига во имя науки»¹³.

Стремление показать действительное место в истории науки Кельрейтера, научная деятельность которого протекала в атмосфере недоброжелательной критики, заставляет его обратиться к архивным источникам. В 1931 г. при посещении Рио-де-Жанейро внимание Н. И. Вавилова привлекли экспонаты экспедиции академика Лангсдорфа, мало известной тогда в России. По возвращении в Ленинград он немедленно обращается в Архив АН СССР на предмет мобилизации документов по этому вопросу для того, чтобы показать «наш вклад в изучение Латинской Америки». Отмечая, что на начальном этапе экспедиция Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею не встретила сочувствия у многих ученых и не нашла в прессе должного отражения, Н. И. Вавилов рекомендовал ученым для ее изучения привлечь фонды архивов Академии наук и Всесоюзного географического общества. С этой же целью под его руководством была создана в Географическом обществе выставка документов Н. Н. Миклухо-Маклая. Перед ее организацией Н. И. Вавилов провел ряд совещаний с архивными работниками, просматривал документы, обращая преимущественное внимание на неизданные¹⁴. Свойственная капиталистическому предпринимательству в США скрытность в проведении интродукционных работ, их слабая освещенность в печати вынудили Н. И. Вавилова исследовать архивы департамента земледелия в Вашингтоне¹⁵.

Большая и разносторонняя работа Н. И. Вавилова по источниковедению при изучении прошлого науки в значительной мере определила его отношение к документированию научного процесса.

При общей оценке деятельности как научного учреждения, так и отдельного ученого им учитывались не только его конкретные достижения, но и качество оформления исследовательских работ. Так, в числе заслуг Одесского общества сельского хозяйства за 100-летний период его суще-

¹¹ Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. V, стр. 485; ГАОРСС ЛО, д. 1428, лл. 22—23; ААН СССР, ф. 201, оп. 1, д. 106, лл. 12, 13.

¹² Исключительно большое внимание Н. И. Вавилов уделял архиву как структурной части учреждения, заботился о его финансовом и правовом положении, популяризировал документальные богатства. Один из первых его шагов на посту председателя Всесоюзного географического общества был отмечен распоряжением: «Архиву надо подбросить денег, но пусть не очень гордятся, до совершенства им далеко. Но здание надо привести в порядок» (ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 223, л. 16). Н. И. Вавилов принимал деятельное участие в организации архивных выставок. Как отмечалось современниками, «не одно заседание», посвященное их подготовке, «не проходило без него». Во время президентства Н. И. Вавилова во Всесоюзном географическом обществе таких выставок было несколько — в связи с юбилеями Н. Н. Миклухо-Маклая, Ю. М. Шокальского, Н. М. Пржевальского. Выступая с речью о Н. М. Пржевальском, Н. И. Вавилов специально отметил «исключительную ценность архивных рукописей и материалов о нем, хранящихся в архиве» («Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова». М.—Л., 1960, стр. 132).

¹³ А. М. Черников. Воспоминания о встречах с Н. И. Вавиловым.— В сб.: «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова», стр. 129.

¹⁴ «Известия Всесоюзного географического общества», т. 71, № 1—2. Л., 1939, стр. 8; А. М. Черников. Указ. статья, стр. 127—128.

¹⁵ Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. V, стр. 678—680.

ствования наряду с собственно научными достижениями Н. И. Вавилов отмечает подготовку 37 томов «Записок», дающих «весьма ценный материал по истории сельского хозяйства юго-западной полосы»¹⁶, научная значимость работ австралийских ученых, их актуальность увязывается им «с хорошей документацией селекционного процесса»¹⁷.

Материалы ученых советов Всесоюзного института растениеводства, Института генетики пестрят правками Н. И. Вавилова, свидетельствующими о его стремлении наиболее полно информировать будущего читателя о содержании научных дискуссий, правильно сформулировать в краткой протокольной записи основной смысл своего и чужого выступления. «Секретарь искажил то, что говорилось,— читаем мы в одном из его постскриптов к протоколу,— надо научиться точно записывать то, что говорится на заседании». Сохранился ряд свидетельств о том, какое значение Н. И. Вавиловым придавалось составлению итоговых документов о деятельности того или иного учреждения. Так, на заседании научной коллегии Института растениеводства 11 января 1932 г. при обсуждении деятельности Сухумского отделения Н. И. Вавиловым указывалось: «Составление... отчета надо признать работой совершенно очередной, ее надо выполнить, если даже будет стоять вопрос об ущербе монографическим обработкам»¹⁸. На другом заседании он столь же энергично настаивает на необходимости составления сводки о деятельности Азербайджанского отделения за все время его существования¹⁹. Приведенные примеры, а при желании их можно увеличить, убедительно говорят о том значении, которое придавалось Н. И. Вавиловым правильному документальному оформлению результатов научно-исследовательской деятельности. Но, пожалуй, лучшим свидетельством этого является сохранившийся фонд Института растениеводства, отличающийся редкой полнотой и комплектностью документальных материалов.

Правильное документирование процесса исследования состояло для Н. И. Вавилова в своевременном опубликовании документов, отражающих основные моменты в развитии научной мысли. Это усиливало степень влияния содержащейся в документе информации на развитие науки, способствовало их сохранности. Н. И. Вавилов как издатель, редактор и автор многочисленных научных монографий стремился создать «внутренне и внешне первоклассные образцы общедоступной научной и справочной литературы»²⁰. В сфере его внимания было все, что связано с подготовкой документа к печати, начиная от общих принципов отбора и кончая полиграфическим оформлением. В. А. Рыбин отмечал, что Н. И. Вавилов считал, «что о деятельности научного учреждения судят по его трудам», и поэтому «редакционно-издательской деятельности уделял исключительно большое внимание, не щадил для этого ни сил, ни времени»²¹.

Совокупность публикуемых документов должна была отражать реальное развитие научной мысли в стране, специфику деятельности отдельных исследовательских коллективов. Это вызывало необходимость предварительной оценки исторической значимости издаваемых документов. Очевидно эти обстоятельства определяли высокие требования, которые предъявлялись Н. И. Вавиловым к публикуемым статьям и особенно к монографиям²².

¹⁶ ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 1—1928, д. 111, л. 147.

¹⁷ Н. И. В а в и л о в. Избранные труды, т. III, стр. 175.

¹⁸ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 451, л. 19.

¹⁹ Там же, д. 646, л. 10.

²⁰ «Из истории биологии», вып. II, М., 1970, стр. 165.

²¹ В. А. Рыбин и Николай Иванович Вавилов.— В сб.: «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов», стр. 119.

²² Как свидетельствует ряд документов, в этом вопросе Н. И. Вавилов был строг «прежде всего к самому себе» (ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 689, л. 12), совершенно неза-

Исторический смысл публикуемой работы, по его образному выражению, заключался в том, чтобы 100 других после ее издания не читали²³, чтобы монографии оставляли след «по крайней мере на столетие»²⁴. Поэтому издаваемый документ должен был содержать особые доказательства, особое изложение проведенных исследований²⁵. Он должен был заключать в себе информацию о ранее проделанной работе, т. е. содержать историографический момент, написан по возможности доступным языком, отличаться целенаправленностью и сжатостью изложения. Важным элементом являлось «тщательно сверенное специалистами, хорошо знающими язык, иностранное резюме и библиография»²⁶.

Н. И. Вавилов неоднократно указывал, что наука — не только собрание фактов, но их синтез. Выработка «синтезированного знания» должна была, по его мысли, находить свое выражение и в соответствующем оформлении подготовленных к печати научных работ. «Этот синтез,— писал Н. И. Вавилов,— выковать нелегко, селекционеры печатают очень мало, а иногда настолько много, что в отчетах можно потонуть, они невероятно скучны»²⁷. Отсюда его постоянное требование «кристаллизации» знаний в публикуемых документах²⁸. В частности, им пропагандировался табличный метод оформления проведенного исследования²⁹. Чем капитальней и сложней по содержанию была проведенная работа, тем жестче были требования Н. И. Вавилова к ее оформлению. Так, отмечая «фактически интересные данные» по межвидовой гибридизации растений в статье А. И. Державина, он в то же время указывал, что документация для такого рода работ требует большая, что надо дать рисунки и фотографии полученных растений, так как их «никто еще не видал»³⁰. Выступая во Всесоюзном институте растениеводства (ВИРе) 11 декабря 1936 г. в связи с подготовкой работы о пшенице, он требовал от сотрудников «очень выпуклого и эффективного подытоживания огромного дела, развернуть учение о материале... континенты знаний, так как 90% по этой культуре — это есть ВИР»³¹.

Делом «первостепенной важности», «минимумом научной работы, обязательной для каждого исследователя» Н. И. Вавилов считал обзор и реферирование работ, которые «действительно отражали ход мировой науки»³². Колоссальное значение библиографическая работа в его глазах приобретала в связи с изменившимся в начале XX в. усилением из-

висимо от того, являлась ли его работа крупным научным исследованием или простой экономической справкой. Так, в одном из писем к А. С. Бондаренко он указывает, что собрал материал по земледелию Америки, но не может его оформить из-за отсутствия цифр (Архив Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (далее — Архив ВАСХНИЛ), ф. ВИРа, оп. 450, д. 9 (472), л. 33). О своей статье «Растениеводство», подготовленной для Сельскохозяйственной энциклопедии, Н. И. Вавилов писал: «Относительно цифр могу сказать — пользовался лучшими официальными как иностранными, так и советскими источниками. Каждая цифра может быть документирована ссылкой на определенное издание» (ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 683, л. 17).

²³ П. П. Померанцев. Н. И. Вавилов в географическом обществе.— В сб.: «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов», стр. 110.

²⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 409, л. 88—88 об.

²⁵ Письмо П. Подъяпольскому от 26 февраля 1925 г.— Личный архив Е. П. Подъяпольской.

²⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 688, л. 91—91 об.; д. 689, л. 16; «Рядом с Н. И. Вавиловым». М., 1966, стр. 133.

²⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 452, л. 21.

²⁸ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 85.

²⁹ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 452, л. 83.

³⁰ Там же, д. 1153, л. 46.

³¹ Там же.

³² Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. V, стр. 353.

дательской деятельности³³. Он считал, что каждая научная работа должна содержать подробный перечень литературы. Отсутствие библиографии и ссылок на литературу он считал допустимым только в популярных брошюрах³⁴.

Н. И. Вавилов уделял большое внимание полиграфическому оформлению публикуемых изданий. Как вспоминал В. А. Рыбин, «вопросы и о типе выпускаемых изданий, утверждение макетов обложек и их художественное оформление — все эти... технические вопросы... не решались без его активного участия»³⁵. Об этом же свидетельствует и ряд документов. 29 января 1937 г. Н. И. Вавилов в связи с изданием монографии о косточковых культурах пишет директору Сельхозгиза: «том этот совершенно оригинальный, в мире ничего подобного нет и лучше дать лишних 10 листов, чем разбивать». При публикации третьего тома «Теоретических основ селекции» Н. И. Вавилов настаивает на необходимости выдержать это издание до конца «по бумаге, по внешнему оформлению». «Первые тома,— писал Н. И. Вавилов,— имели суперобложку, нужно добиться, чтобы было разрешено издание и III тома в таком же виде как исключение»³⁶. Качество публикуемых иллюстраций явилось даже предметом экстренного обсуждения на одном из советов ВИРА.

Подход с позиции историка к публикуемому документу сегодняшнего дня был присущ Н. И. Вавилову и тогда, когда речь шла об издании комплексов документов, характеризующих направление деятельности отдельных научных коллективов, состояние науки в целом. С особой отчетливостью этот принцип усматривается у Н. И. Вавилова по отношению к трудам руководимого им института. Он полагал, что его научная литература должна, несмотря на все трудности, с этим связанные, отражать основное направление работы — комплексность в исследовании культурного растения. В связи с этим Н. И. Вавилов решительно выступил против предложений Комиссии по реорганизации трудов, предложений, носивших «хуторской характер», «выдвигающих «сепаратность отдельных специальностей» и отражавших мнение «лабораторий, отделов и отдельных частей института». Это искажало, по его мнению, представление о самом характере деятельности института. «Нужно,— указывал Н. И. Вавилов,— сосредоточить внимание на создании *общей институтской органа, отображающего сущность работ института*»³⁷ (курсив мой.— В. С.). Этот принцип, проведенный в жизнь Н. И. Вавиловым, как отмечал Н. Н. Кулешов, поднимал до «самого высокого уровня проблему *многогранного* (курсив мой.— В. С.) изучения возделываемых растений»³⁸. Личное участие ученого в просмотре рукописей, подбор высококвалифицированных редакторов по специальности наряду с общим направлением трудов ВИРА обеспечивали высокую степень их воздействия на ход развития мировой науки³⁹.

Возглавляя ряд крупнейших учреждений (ВАСХНИЛ, ВИР, Институт генетики, Всесоюзное географическое общество и др.), Н. И. Вавилов во многих отношениях определял общеиздательскую политику в стране. При оценке этой стороны его деятельности следует отметить постоянные усилия Н. И. Вавилова, направленные на расширение возможностей для

³³ О Н. И. Вавилове как библиографе см.: И. Мартынов. Н. И. Вавилов и библиография литературы по сельскому хозяйству.— «Советская библиография», 1968, вып. III, стр. 78—80; Письмо Н. И. Вавилова директору библиотеки И. И. Яковкину.— В сб.: «Из истории биологии», вып. II. М., 1970, стр. 184—185.

³⁴ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 373, лл. 16—17.

³⁵ В. А. Рыбин. Указ. статья, стр. 120.

³⁶ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 1440, л. 7.

³⁷ Там же, д. 373, 20, 22.

³⁸ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 74—75.

³⁹ В. А. Рыбин. Указ. соч., стр. 119—120. Н. Р. Иванов. Воспоминания о Н. И. Вавилове.— В сб. «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова», стр. 79.

публикации оригинальных научных исследований. Современниками неоднократно отмечались его большая заинтересованность в увеличении научных изданий⁴⁰, те «неограниченные возможности», которые представлял он для издания оригинальных исследований⁴¹. Н. И. Вавилов стремился сделать научные журналы по возможности «удобочитаемыми, скоровыходящими»⁴², настаивал и добивался публикации выдающихся исследований на иностранных языках и языках народов СССР, внимательно следил за своевременным выходом монографий. Он отмечал, что «данные устаревают» и что задержка их опубликования наносит заметный ущерб развитию науки⁴³. Выпадение той или иной крупной работы из системы средств массовой коммуникации, по его мнению, могло исказить общую картину развития науки и прежде всего в плане приоритета открытия.

Н. И. Вавилов был убежденным сторонником демократического развития науки. Он полагал, что должны публиковаться работы, выражающие различные точки зрения⁴⁴, энергично выступал против монополизации печати той или иной научной школой, так как это вело к утере творческих начал в исследовательской работе⁴⁵. Здесь следует специально отметить ту роль, которую сыграл Н. И. Вавилов в ликвидации разобщенности между отдельными учеными, являющейся результатом тяжелого наследия прошлого в агрономической науке. Выдающиеся достижения зарождающейся русской генетической школы не были в полной мере связаны с практической селекцией. Это повлияло и на организационную структуру сельскохозяйственной науки: генетика и теоретическая селекция, с одной стороны, и селекция как искусство, — с другой, развивались как бы параллельно. Определенный партикуляризм и замкнутость самотыпной селекции приводили к тому, что ее представители, искусственно оторванные от общего русла развития науки, были плохо информированы о ее успехах и подчас делали неправильные выводы.

Любительская селекция всегда глубоко интересовала Н. И. Вавилова. Так, уже в одной из первых его книг «Полевые культуры Юго-Востока» им отмечалось, что крестьянство Поволжья «без помощи опытных полей, лишенное всякой агрономической помощи», вывело такие сорта бахчевых культур, которые трудно превзойти даже «методически правильно организованной селекцией», что «нередко эмпирически и интуитивно селекционеры прошлого подходили к современным представлениям и совершенным методам»⁴⁶. Поэтому недооценку эмпирического опыта Н. И. Вавилов считал «крупным отрицательным явлением в выработке генетической теории». Подчас огромные материалы практической селекции генетически не обрабатывались и «бесследно исчезали в архивах»⁴⁷. Поэтому издание трудов ученых-практиков, селекционеров-любителей он считал делом большой важности.

Так, 8 мая 1937 г. он обращается в Ленинградское отделение Сельхозгиза с просьбой опубликовать работу В. О. Доманского — практика-растениевода с 30-летним стажем работы. «Таких... специалистов, — указывал он, — насчитывается буквально единицы, и использование их большого опыта, обычно не подытоживаемого, представляет исключительный интерес».

⁴⁰ П. П. Померанцев. Указ. соч., стр. 110; ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 379, лл. 5, 6, 20.

⁴¹ Б. Г. Александров. Н. И. Вавилов и организация исследований по анатомии культурных растений в СССР. — В сб.: «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова», стр. 66.

⁴² ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 451, л. 6.

⁴³ Там же, д. 1440, л. 32.

⁴⁴ Н. И. Вавилов, Избранные труды, т. V, стр. 399.

⁴⁵ Там же, стр. 535.

⁴⁶ Там же, т. II, стр. 296, 310, 313, 410.

⁴⁷ Там же, т. V, стр. 216; «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 139.

Важной, можно сказать, центральной акцией в этом направлении явилась его большая и сложная работа по подготовке к изданию трудов И. В. Мичурина. Среди селекционеров-практиков, начавших свою деятельность еще в дореволюционной России, И. В. Мичурину несомненно принадлежало первостепенное место. В 1920 г. Н. И. Вавилов после посещения г. Козлова писал: «Меня поразили сундуки, заполненные аккурратно собственноручно написанными на машинке... прекрасными отчетами». 1920 год был в финансовом отношении чрезвычайно тяжелым для И. В. Мичурина, в это время и несколько позже он решительно отказывался от каких-либо работ, непосредственно с деятельностью питомника не связанных. «Мне пришлось убедить его,— отмечал Н. И. Вавилов,— в необходимости подготовить к печати итоги его работ и принять участие в опубликовании его работы в трудное для него время 1922—1923 гг.»⁴⁸

После избрания (в 1921 г.) на пост директора Института прикладной ботаники и новых культур Н. И. Вавилов вновь возвращается к вопросу публикации трудов И. В. Мичурина⁴⁹. «Крайне необходимо иметь,— пишет он в письме от 1 сентября 1922 г.,— Вами лично составленную сводку Ваших долголетних работ»⁵⁰. Далее указывалось, что она будет издана в достойном виде и целиком переведена на английский язык⁵¹. Н. И. Вавилов, очевидно, предложил наиболее приемлемый для И. В. Мичурина вариант публикации итогов его многолетних научных изысканий — в виде обзорной статьи. Об этом можно судить по содержанию написанного несколько позже письма И. В. Мичурина С. К. Чаянову: «Необходимо ждать...— говорилось в нем,— с предполагаемым изданием моих работ и наблюдений; во-первых, потому, что я в настоящее время решительно не берусь систематизировать весь накопившийся материал, а, во-вторых, нахожу гораздо полезней для условия течения дел не полную сводку всех опытов и работ, а лишь краткое резюме, которое будет по желанию Вавилова помещено на страницах «трудов», а затем... переведено на английский язык»⁵².

Почти одновременно с письмом к Мичурину Н. И. Вавилов отправил отношение в Коллегию Наркомзема, в котором указал на желательность перевода публикуемых статей И. В. Мичурина на немецкий и английский языки, снабдив их соответствующими рисунками сортов. Здесь же он настаивал на издании сборника «статей, посвященных деятельности этого выдающегося оригинатора», и просил «принять все меры к возможно лучшему изданию этого сборника», чтобы публикация была сделана на хорошей бумаге, с фотографиями сада и оригинатора, должным образом «тиражирована» (10 000 экз.)⁵³.

Сразу же после отправки писем Н. И. Вавилов и сотрудники руководимого им Института приступили к составлению библиографии и справочного аппарата к трудам И. В. Мичурина. В этой работе Н. И. Вавилов принял личное участие. В сентябре 1922 г. он писал С. К. Чаянову: «Подготавливаю статью о Мичурине, она почти готова. К осуществлению ее привлечение нашего лучшего плодовода В. В. Пашкевича. Пытался составить полный перечень статей, написанных Мичуриным, набрали пока 64»⁵⁴. Важно отметить, что при подготовке публикации Н. И. Вавилов проявлял максимум внимания к тому, чтобы учесть авторские интересы.

⁴⁸ Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. V, стр. 393.

⁴⁹ К этому времени, в 1921 г., Наркомземом была уже переиздана одна из его работ, но публикация осуществлена недоброкачественно и вызвала у Мичурина резкий протест.

⁵⁰ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 20, л. 77.

⁵¹ С. И. Алиянц. Теоретические основы учения И. В. Мичурина о перделке растений. М., 1966, стр. 29.

⁵² ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 20, л. 3.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, л. 109.

Так, составляемая библиография незамедлительно отправлялась на уточнение И. В. Мичурину. Для того чтобы «возможно подробнее выяснить, что сделано ценного Мичуриным за последние годы», чтобы «иметь возможность» впоследствии ознакомить с этим «всех присутствующих»⁵⁵, чтобы «сделать малодоступную работу широко известной», в Козлов были отправлены сотрудники ВИРа⁵⁶.

В 1924 г. после большой подготовительной работы сводка работ И. В. Мичурина, подытоживающая результаты многолетней практики, была опубликована⁵⁷ и сыграла важную роль в деле привлечения внимания научной общественности к его методам и открытиям.

Однако наряду с объективными оценками научных заслуг И. В. Мичурина в 30-х годах в сельскохозяйственной науке стала складываться такая ситуация, когда его взгляды, нуждающиеся в серьезном уточнении, стали догматизироваться, противопоставляться генетике⁵⁸.

Эти отрицательные явления ясно осознавались Н. И. Вавиловым, и он искал и находил нужные формы для борьбы с ними. Важное значение имело осмысливание пройденных путей в развитии науки. И в этой связи большую роль должны были сыграть публикации первоисточников по ее истории, в частности публикации трудов классиков естествознания.

Н. И. Вавилов считал земледелие одним из «самых консервативных промыслов» на земле. Поэтому труды агрономов древности являлись для него отражением не только прошлого, но и в значительной мере сегодняшнего земледелия⁵⁹. В 1926 г. Н. И. Вавилов из Италии сообщил В. Е. Писареву: «Собрал всех классиков, и библиотечка у нас теперь прекрасная»⁶⁰. Видимо, тогда же, а может быть, даже и ранее профессор Саратовского университета М. Е. Сергеенко под его руководством стала готовить переводы Варрона, Колумеллы, Плиния и Вергилия. В 1929 г. Н. И. Вавилов подал записку непременному секретарю АН СССР С. Ф. Ольденбургу об организации бюро по истории агрикультуры. В число задач проектируемого учреждения входила подготовка «строгого, академического, со строжайшей редакцией» издания библиотеки классиков римской агрономии. Три года спустя эта же задача ставится Н. И. Вавиловым перед организуемой секцией истории агрикультуры Института истории и техники. Издание должно было идти крупными сериями: римские классики, арабские и т. д. — и мыслилось не как простой перевод сочинений выдающихся агрономов прошлого. Н. И. Вавилов указывал на необходимость исторических и агрономических комментариев по тексту публикуемых источников, причем последние, по его мнению, должны были быть составлены с учетом современного уровня развития агрономической науки. Так, в его письме к К. А. Фляксберггеру от 15 июня 1934 г. по поводу подготовки трудов римских агрономов указывалось: «Сергеенко — переводчик первоклассный, добросовестный, литературой владеет как редко кто, но нужно проверить это грамотно агрономически»⁶¹. Большая подготовительная работа была завершена изданием в 1937 г. книги «Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве». Хотя публикация и не в полной мере отвечала замыслам Н. И. Вавилова, она имела все же значительный успех в широких кругах агрономов, довольно быстро разошлась и была переиздана в 1957 г.

⁵⁵ Там же, л. 2; С. И. Алиханян. Указ. соч., стр. 10.

⁵⁶ Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. V, стр. 379.

⁵⁷ И. В. Мичурин. Итоги деятельности в области гибридизации по плодоводству. Предисловие Н. И. Вавилова, под общ. редакцией В. В. Пашкевича. М., 1924.

⁵⁸ И. Т. Фролов. Генетика и диалектика. М., 1968, стр. 14.

⁵⁹ Ан. А. Федоров. Н. И. Вавилов и значение его исследований мировых растительных ресурсов. — «Растительные ресурсы», т. III, вып. 2. Л., 1967, стр. 292.

⁶⁰ «Рядом с Н. И. Вавиловым», стр. 18.

⁶¹ Документальное наследие Н. И. Вавилова и история агрономии. — «Советские архивы», 1969, № 1, стр. 79—80.

Проявившаяся в середине 30-х годов тенденция поставить под сомнение ценность трудов многих выдающихся биологов и агрономов в еще большей степени обострила интерес Н. И. Вавилова к проблеме публикации документов по истории науки. 3 июня 1934 г. на совещании агрономов при ВИРе им вносится предложение об издании трудов классиков естествознания по крупным сериям: генетика и селекция, почвоведение, химизация земледелия и т. д.⁶² Ставя эту задачу применительно к биологии, Н. И. Вавилов стремился показать основное направление, «магистральную линию»⁶³ развития науки. Он отмечал, что в трудах крупных ученых прошлого «светится со всей отчетливостью» эволюционная идея, особенно видимая нами, взошедшими на историческую гору, с которой «многое становится понятнее и яснее»⁶⁴. Позиция человека, вставшего «на гору» исторических фактов, обуславливала необходимость не только публикации текста источника, но соответствующего объяснения ошибок, нечетких положений, допущенных классиками естествознания. Не всегда уровень развития биологической науки, сумма накопленных фактов позволяли делать им правильные выводы из верных в целом теоретических посылок. Отсюда создавалась опасность абсолютизации «той или иной ступени познания, отдельных сторон относительной истины»⁶⁵, что являлось «источком» для формирования побочной линии в развитии науки. В конкретной ситуации 30-х годов это находило выражение прежде всего в стремлении противопоставить результаты генетических исследований теории Ч. Дарвина. В освещении сложного процесса развития исследовательской мысли, в результате которого произошло соединение эволюционного учения с генетикой, заключался, на наш взгляд, один из главных принципов, которым руководствовался Н. И. Вавилов при издании трудов классиков естествознания. Об этом убедительно свидетельствуют его личные интересы. Мы видим его редактором работ, с одной стороны, основоположников генетики — Г. Менделя, И. Кельрейтера, Т. Г. Моргана, а с другой, — основных произведений Ч. Дарвина. Проявившиеся и в других сельскохозяйственных науках опасные тенденции отрицания прошлого требовали высококвалифицированного руководства для публикаций, осуществляемых в серии «Классики естествознания». Поэтому, рассматривая это издание как «великое дело», способствующее повышению исторического уровня нашей агрономической науки, Н. И. Вавилов для комментирования и отбора документов обращается к видным ученым — Д. Н. Прянишникову, Г. А. Надсону, К. А. Фляксбергеру и др. Так, в письме от 3 октября 1934 г. к Г. А. Надсону, отмечая, что Сельхозгиз решил издать труды Л. Пастера, Н. И. Вавилов просит его «взять шефство» над изданием и «в первую очередь уделить внимание подбору сборника и написать введение»⁶⁶.

Об отношении Н. И. Вавилова к передаче текста трудов классиков свидетельствуют воспоминания современников и его переписка с переводчиками. «Просмотреть переведенные главы» на предмет улучшения качества их перевода — постоянная просьба ученого, обращенная к участникам издания дарвиновских сочинений. «На этот раз, — указывал Н. И. Вавилов в связи с подготовкой второго издания книги Ч. Дарвина «Происхождение видов», — я очень внимательно оригинал с переводом сравнил и внес порядочно исправлений»⁶⁷. Особое внимание Н. И. Вавилов обращает на перевод научных понятий и терминов оригинала. В письме от 14 ноября 1937 г. к Т. А. Красносельской-Максимовой он

⁶² ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 372, лл. 46—50; д. 647, л. 35—35 об.

⁶³ Б. Л. Астауров. Физиологический гетерозис и генетика. — «Вопросы философии», 1968, № 3, стр. 88.

⁶⁴ Н. И. Вавилов. Избранные труды, т. V, стр. 254.

⁶⁵ И. Т. Фролов. Указ. соч., стр. 52.

⁶⁶ Архив ВАСХНИЛ, ф. ВИРа, оп. 450, св. 513, д. 138. (872), л. 79.

⁶⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 1440, лл. 14, 40.

специально просит выслать записку с трудными терминами для исправления и комментирования⁶⁸. Перевод научных терминов в отдельных случаях служил Н. И. Вавилову основой для конкретизации общих положений, высказанных ученым на основе современных научных представлений. Например, К. А. Тимирязевым «*correlated variation*» было переведено как «соотношение изменчивости», а Н. И. Вавилов предлагает другой вариант: «корреляционная (связная) изменчивость»⁶⁹. Это, несомненно, наполняет термин новым содержанием. Оно, как нам представляется, было связано с открытием закона гомологических рядов, показавшего широкое распространение замеченного еще Ч. Дарвином явления параллельной изменчивости. Следовательно, перевод содержал элемент комментирования текста, показа развития и уточнения теоретической посылки Ч. Дарвина в процессе последующего исследования вопроса.

В еще большей степени нагрузка новейшей интерпретации теоретических положений классиков естествознания падала на справочный аппарат публикации. Главная трудность здесь заключалась в том, что на начальном этапе развития науки знания мало дифференцировались и круг интересов выдающихся ученых был чрезвычайно разнообразен. Для тщательного и квалифицированного комментирования Н. И. Вавилов привлекает видных ученых разных специальностей и принимает большое личное участие в этой работе. 15 июня 1934 г. он обращается к Я. Я. Луссу и С. Н. Боголюбскому с просьбой проработать как общие главы, так и специальные разделы по домашним животным в публикуемой книге Ч. Дарвина «Изменение домашних животных и растений в одомашненном состоянии»⁷⁰. Просмотр раздела о сельскохозяйственных растениях он берет на себя⁷¹.

Общий характер комментирования зависел от соответствия работ классиков современному уровню развития естествознания, от степени актуальности, срочности их издания. Все это в большей или меньшей степени учитывалось при составлении справочного аппарата к трудам классиков естествознания, издаваемых Сельхозгизом под общей редакцией Н. И. Вавилова. «Самое главное — относительно комментариев, — пишет Н. И. Вавилов С. М. Закс-Гладневу, — это ответственное дело... Вы же торопитесь. Поэтому для первого издания, может быть, правильнее будет не поднимать этого вопроса. В особенности это относится к «Происхождению видов», ибо книга совершенно исключительная и исправления большого не внесут. Это необходимо сделать для «Изменчивости», где фактический материал в настоящее время неизмеримо больше того, чем он был до Дарвина»⁷².

Важную функцию в плане комментирования играли предисловия самого редактора к этим документам. Они содержали предельно четкие характеристики вклада того или иного исследователя в развитие мировой науки, в них постоянно отмечалась практическая значимость его трудов. Это находит иногда отражение даже в самом заголовке: «Менделизм и его значение в биологии и агрономии».

Следует отметить еще одно важное обстоятельство, на котором постоянно фиксировал внимание Н. И. Вавилов. Это метод работы ученого, его отношение к постановке эксперимента и к добытым в процессе его проведения фактам. Исследования классиков должны были, по его мысли, дать советским биологам «возможность проследить пути научного творчества», ознакомить «с лучшими... образцами эксперименталь-

⁶⁸ Там же, д. 673, л. 11.

⁶⁹ Н. И. Вавилов. Предисловие. — В кн.: Ч. Дарвин. Происхождение видов. М., 1937, стр. 6.

⁷⁰ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, оп. 1, д. 667, л. 2; д. 1368, л. 77.

⁷¹ Там же, д. 881, л. 65.

⁷² Там же, д. 91, лл. 134—135.

ных исследований». Это было важно для борьбы со сторонниками вульгарного направления в биологии, которым были присущи неправильная постановка эксперимента, поспешность выводов. Поэтому Н. И. Вавиловым постоянно подчеркивается «строгая научность и доказательность»⁷³ работ классиков. Яркий пример такого рода комментирования — предисловие Н. И. Вавилова к работе Ч. Дарвина «Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире». Представители «творческого», «народного» дарвинизма, основываясь, как им казалось, на трудах Ч. Дарвина, выдвинули тезис об абсолютной вредности самоопыления. Указание Ч. Дарвина о распространенности перекрестного опыления у растений трактовалось ими как прямое отрицание значения инцухта⁷⁴. Практическое применение этой очередной «теоретической» посылки сопровождалось ненужной тратой сил и энергии для проведения перекрестного опыления растений, относящихся к группе типичных самоопылителей. В 1939 г. Н. И. Вавилов совместно с В. А. Рыбиным и Л. Н. Кохановской впервые на русском языке публикует работу Ч. Дарвина «О перекрестном опылении растений». Отметив, что этот труд дает представление о Ч. Дарвине как о «тщательнейшем экспериментаторе, уделявшем особое внимание точности опыта и методам исследования», Н. И. Вавилов обратил внимание на то, что в силу именно этого обстоятельства Дарвин нигде не говорил об абсолютном вреде инцухта, полезное действие перекрестного опыления относил только к объектам своего эксперимента и что абсолютизация значения перекрестного опыления не проистекала из существа работ классика. Не без скрытой иронии он писал: «Выдвинутое... академиком Т. Д. Лысенко практическое применение внутривидового скрещивания у самоопыляющихся растений... приводит нас снова к Дарвину, к его бессмертным трудам»⁷⁵. Составители серии «Классики естествознания» стремились показать развитие основных идей во времени, выяснить причины ошибочных положений отдельных ученых, их историческую и психологическую обусловленность⁷⁶.

В письме, относящемся к середине 1934 г., Н. И. Вавилов указывал, что нужно издать Дарвина «совершенно по-новому»⁷⁷. Это в полной мере удалось осуществить и при издании трудов других классиков естествознания. Здесь можно отметить по крайней мере три черты, которые были свойственны этим публикациям. Во-первых, это стремление увязать основополагающие труды классиков с последующими тенденциями в развитии науки, во-вторых, показать стиль работы выдающихся ученых прошлого и, наконец, выяснить причины их отдельных ошибочных установок, которые в потенциале могли бы служить источником антигенетических и других ненаучных концепций. Возникшая по инициативе Н. И. Вавилова и при его личном участии издававшаяся в Сельхозгизе серия публикаций трудов выдающихся биологов, почвоведов, агрохимиков и др. в немалой степени способствовала правильному пониманию основных этапов развития науки. Она способствовала утверждению научных направлений в биологической науке и в какой-то мере создавала необходимые условия для их развития. В рецензии, опубликованной в газете «Правда» по этому поводу, отмечалось: «Трудящиеся нашей страны проявляют огромный интерес к классикам естествознания. В этом свете появление библиотеки «Классики естествознания» должно быть отмечено

⁷³ Н. И. Вавилов. Предисловие к изданию работ Кельрейтера и Камерариуса. — В кн.: И. Кельрейтер. Учение о поле и гибридизации растений. М.—Л., 1940, стр. 7—8.

⁷⁴ Т. Д. Лысенко. О двух направлениях в генетике. — «Яровизация», 1937, № 1, стр. 38, 40, 43 и др.

⁷⁵ Н. И. Вавилов. Предисловие к переводу. — В кн.: Ч. Дарвин. Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире. М.—Л., 1939, стр. 8, 10.

⁷⁶ Архив ВАСХНИЛ, ф. ВИРа, оп. 450, св. 513, д. 140 (873), л. 15.

⁷⁷ ГАОРСС ЛО, ф. 9708, сп. 1, д. 693, л. 4.

но как значительное явление»⁷⁸. И далее указывалось, что «изданные книги окажут неоценимую услугу нашей молодежи, в первую очередь тому отряду, который учится в высших сельскохозяйственных учебных заведениях»⁷⁹. В тех условиях, когда ряд биологов призывали отказаться от научных достижений генетики, это было очень важно. В 1935 г. вышло первое сельхозгизовское издание «Происхождения видов» Ч. Дарвина. Н. И. Вавилов писал 25 апреля 1937 г. Т. А. Красносельской-Максимовой: «Я Вам телеграфировал из Москвы: немедленно приступить к переизданию Дарвина. Он весь разошелся. Вопрос этот согласован с ЦК партии, который считает, что, помимо медгизовского издания, готовящегося в данное время, надо издать массовое издание «Происхождения видов», что и поручено Сельхозгизу». В 1937 г. вышло второе издание «Происхождения видов» Ч. Дарвина. Как отмечал В. Л. Комаров, «по отделке языка», «по понятности текста» оно намного превосходило издание 1935 г. Он отметил также, что перевод издания Н. И. Вавилова был ближе к подлиннику, чем перевод издания К. А. Тимирязева⁸⁰.

Издательская деятельность Н. И. Вавилова была сопряжена с многими трудностями. Научные достижения Н. И. Вавилова сторонниками Т. Д. Лысенко противопоставлялись трудам Ч. Дарвина, хотя фактически они являлись прямым их продолжением и развитием. Это создавало затруднительные условия для его участия в подготовке к публикации работ великого эволюциониста.

Тем не менее из вышесказанного следует, что публикации Н. И. Вавилова сыграли важную роль в развитии науки, способствовали сохранению и укреплению лучших традиций прошлого в борьбе с представителями догматического направления. Ими были определены принципы публикации источников по истории науки. Как явствует из трудов Н. И. Вавилова, при отборе и особенно при комментировании публикуемых документов археограф должен исходить из понимания генеральной линии развития науки, оценивать содержащиеся в них сведения с позиций современных представлений⁸¹. Разумеется, при этом не снимается вопрос о показе неправильных тенденций и заблуждений научной мысли в ее историческом развитии. Задача заключается в их правильном объяснении. Умение встать «на гору» исторических фактов определило плодотворную мысль ученого о расширении понятия «публикация источников». В него Н. И. Вавилов включал не только подготовку к изданию документов исторического прошлого, но и документов делопроизводства, документов, оформляющих результат научного творчества.

Широкий круг затронутых проблем, глубина их разработки при подготовке документальных материалов к печати дает возможность широко использовать результаты деятельности Вавилова при выработке научных рекомендаций в археографической практике.

⁷⁸ «Правда», 7 февраля 1937 г.

⁷⁹ «Правда», 5 марта 1937 г.

⁸⁰ В. Л. Комаров. Введение. — В кн.: Ч. Дарвин. Происхождение видов, стр. 26.

⁸¹ Вопрос о необходимости именно такого подхода к изданию трудов классиков естествознания ставился и в дальнейшем. Так, Б. Д. Зайцевым справедливо указывалось, что при выпуске их трудов одним из «основных моментов» является показ позиций исследователя, «значительно опередивших его время» (Б. Д. Зайцев. Небольшое замечание ко второму тому избранных сочинений Н. М. Сибирица. — «Почвоведение», № 7, 1955, стр. 95—96).

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1970 ГОДА

И. Л. Андроников

О СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ В СФЕРЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ПОИСКОВ

1

Литературовед Георгий Ефимович Горбачев рассказывал, что, когда его оставили при Ленинградском университете, — это было в 1920-х годах, — знаменитый филолог академик Владимир Николаевич Перетц спросил его, какую специальность он выбрал. Горбачев сказал, что русскую литературу, XIX век. «Так ведь это же не наука, — отвечал ему Перетц с улыбкой. — Кто написал — известно, что написал — известно. И даже текст есть. То ли дело у нас — в древнерусской литературе: кто написал — неизвестно, что написал — неизвестно. И... текста нет». Это — шутка. Но в ней заключается довольно серьезный смысл. Тут отразилась разница в подходе к изучению памятников древней и новой литературы, а тем самым и к их собиранию.

Можно ли снарядить экспедицию в поисках рукописей Белинского, Маяковского или Льва Николаевича Толстого, не зная в точности, что ты собрался искать? Так вот — ходить из дома в дом и спрашивать: нет ли у вас Белинского?

Нет, нельзя.

А в экспедицию за рукописями и старопечатными книгами можно отправиться? Выбрать перспективный район, ходить из дома в дом, спрашивать: нет ли у вас древних рукописей и старопечатных книг?

Можно.

В последнее время работа по собиранию древних литературных и исторических документов приобрела особый размах. В первую очередь это связано с работой сектора древнерусской литературы Пушкинского дома Академии наук в Ленинграде, с экспедициями Владимира Ивановича Малышева и его группы на Печору, в Усть-Цильму, на Пижму. Около 4 тыс. рукописей раздобыл коллектив неутомимого Малышева за 20 лет, создав одно из выдающихся древлехранилищ, в котором собраны грамоты жалованные, указы, челобитные, записи оброчные, кабальные, любовные, книги писцовые, межевые, дозорные, ревизские сказки, заемные памяти, сыски, допросные речи, азбуковники и лечебники, хронографы, летописцы, древние повести и сказания, вирши и плачи, гадания и привороты, ирмологии на крюках, синодики, жития, поучения и чудеса... Самые старые — XII век, самые новые — XIX. Так возникли в Пушкинском доме собрания — Печорское, Гуслицкое, Керженское, Красноборское, Мезенское, Новгородско-Псковское, Причудское, Пинежское... Малышев обследует район за районом — целые области, опрашивает местных жителей, приобретает рукописи или получает их в подарок. Но вот любо-

пытно: три года назад в «Известиях» появилась статья о выставке рукописей, найденных Малышевым и выставленных в Пушкинском доме. И что же вы думаете? В ответ на статью Малышев получил более 150 древних рукописей, которые позволили ему открыть новую выставку. Эти подарки пришли из разных городов, от разных лиц, владевших древними документами, и, путешествуя из дома в дом, обнаружить их было нельзя. А статья принесла пользу. Запомним!

Экспедиции хороши, когда вы обследуете целые территории в уверенности, что что-нибудь да найдется и когда «кто написал — неизвестно и что написал — неизвестно». В больших городах такие поиски, вообще говоря, невозможны. Разве в тех случаях, когда район подлежит реконструкции, при которой сносятся целые кварталы. Археографическая экспедиция Музея истории и реконструкции Москвы по району, на месте которого должен был пройти Новый Арбат, в этом смысле была весьма интересной. И все же грамота Василия III, датированная 1510 г., связанная с присоединением Пскова к Московскому государству, поступила в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина не в результате экспедиции, а передана владелицей — Валентиной Николаевной Зайцевой, проживающей на улице Матросская Тишина. Рукопись принадлежала ее отцу. Приобретение случайное. И поиски здесь ни при чем. Тут уже расчет на инициативу владельца. Но кто может сказать, проявит ли он эту инициативу или равнодушно выбросит документ, значение которого ему непонятно. Ясно ли представляет себе этот владелец ценность альбома, списка стихов, рукописного сочинения не всегда, на его взгляд, серьезного содержания, ну, скажем, лечебника или азбуки?!

Наряду с археографическими экспедициями, как бы забрасывающими невод, для уловления искомым рукописей должно употреблять удочки — целенаправленные поиски документов конкретных. Тут способы поисков так многообразны и так различны, что в сущности не поддаются перечислению. Тут первое — задача восстановления первоначального архива исторического деятеля, писателя, музыканта, «фондообразователя». Блистательный пример такой собирательской работы в продолжении десятилетий — это пушкинский архив в Пушкинском доме Академии наук СССР в Ленинграде, в котором собрано, по существу, за малыми исключениями все, что дошло до нас от Пушкина, что известно.

Этот рукописный фонд самого поэта дополняется колоссальным количеством документов его современников. В том, что так детально изучен огромный круг лиц, с которыми Пушкин был знаком или дружен, — одно из очень больших достижений пушкиноведения. Причем пушкинисты обследовали не только государственные хранилища, но и архивы потомков всех тех, кто составлял окружение Пушкина. И все-таки, скажем, были известны письма сына Н. М. Карамзина Андрея, писанные им в Петербург из Парижа и Рима, а петербургские письма к нему родных, те самые, где должны были содержаться о Пушкине важнейшие сведения, которые могли бросить сильный свет на последний год его жизни, — эти письма оставались неизвестными пушкинистам. П. Е. Щеголев еще до революции искал их. Но даже и он не смог догадаться, что Андрей Карамзин, женившись на вдове богача Демидова, завез эти письма в Нижний Тагил, где они обнаружились ровно 100 лет спустя после того, как сам Карамзин погиб под Силистрией.

Тут к месту будет сказать, что в 1921 г. ленинградский искусствовед Гидони купил в Петрограде хлебный паек, который ему завернули в большие листы, покрытые бисерным почерком. Гидони установил, что это — часть писем Андрея Карамзина к родным. Эти письма попали в Пушкинский дом. А письма родных к Андрею Карамзину из Нижнего Тагила тоже попали в Пушкинский дом и сошлись там со своими «антагонистами».

Система хранения в наших архивах (объединение таких фондов, как фонд Пушкина, Льва Толстого, Тараса Шевченко, Горького) постоянно сводит вместе разрозненное. Когда-то видный историк и архивист Петр Иванович Бартенев, жалея денег, расплачивался с сотрудниками автографами — брал ножницы и отрезал четыре строки, восемь строк от подлинных пушкинских манускриптов и вручал их вместо литературного гонорара. Ныне все эти ленточки сошлись в сейфе Рукописного отдела Пушкинского дома Академии наук СССР.

Единог лермонтовского фонда пока еще нет. Но фонды московских и ленинградских архивохранилищ время от времени пополняются его новыми «своеручными» сочинениями. Так западногерманские материалы — автографы поэта и большое число документов, освещающих его жизненный путь, пополнили фонды Рукописного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Государственного литературного музея.

Вообще комплектование наших архивов осуществляется очень успешно. Представления об архивной работе среди огромного числа людей в городах, а, отчасти, и селах стали гораздо конкретнее. Люди все более охотно приносят и присылают в архивы те материалы, которые еще недавно подвергались уничтожению, как «хлам». С другой стороны, и архивы улучшили «службу слежения» и пристально наблюдают за судьбой многих личных архивов и документов, которым место в государственном хранилище, а не в руках малосведущих наследников.

Точное определение профиля работы архивного учреждения, продуманная система комплектования приводят к тому, что документы в сейфах «встречаются», начинают «перекликаться», позволяя рассмотреть исторический факт объективно и всесторонне.

Вспомним фонды ЦГАЛИ. Рукописи Эйзенштейна. Со слов Мейерхольда, Эйзенштейн рассказывает, как Мейерхольд, начинавший свой путь во МХАТе и затем театр покинувший, в конце жизни снова искал сближения со Станиславским. И в том же хранилище — рассказ режиссера Захавы о том, как Станиславский говорит о перспективе работы с Мейерхольдом, с гордостью добавляя: «ведь все-таки мой ученик». Эйзенштейн, одно время работавший в театре Мейерхольда, пишет о себе: «Я — сын и внук этих ушедших поколений театра». И в полном согласии с этим — фотография Мейерхольда с дарственной надписью Эйзенштейну: «Горжусь учеником, уже ставшим мастером, люблю мастера, уже создавшего школу. Этому ученику, этому мастеру — С. Эйзенштейну — мое поклонение». Такая связь документов сильно повышает их ценность и содержащийся в них исторический смысл.

Если при этом иметь в виду, что архив Мейерхольда, которому грозила опасность погибнуть, взял С. М. Эйзенштейн, что он отвез его на свою дачу в Кратово, сложил в чулан и сохранил для истории около 2,5 тыс. документов, в которых отразился творческий путь самого Мейерхольда и руководимого им театра, и что об этом стало известно только после смерти самого Эйзенштейна, то уже по глубочайшей связи этих трех великих имен — Станиславский, Мейерхольд, Эйзенштейн, — отраженных в ЦГАЛИ, можно судить хотя бы отчасти о документальной «драматургии» архива, о бумагах, заключенных в коробках ЦГАЛИ и доступных теперь всему ученому миру и любому читателю.

Изменяется представление о том, что собирать. Архивы помолодели. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, не ожидая, когда писатель, композитор, художник или актер умрет, чтобы потом заняться спасением его архива, усиленно документирует сегодняшний день, комплектует фонды заранее, при жизни самих «фондообразователей», которые сами помогают в этом архиву, как, скажем, Н. С. Тихонов, К. М. Симонов, М. В. Исаковский, С. П. Щипачев, Д. Б. Кабалевский, С. В. Гиацинтова, Д. Д. Шостакович, которые, кстати, счи-

тают, что в ЦГАЛИ их материалы находятся не только в большей сохранности, но и самим им удобнее пользоваться своими бумагами, нежели храня их дома.

Однако не следует отдавать предпочтение только тому, что подписано громкими именами. Иной раз записки, письма человека, самого по себе не слишком заметного, содержат множество важнейших подробностей, ценность которых может обнаружиться позже или в контексте других документов. Мне уже приходилось рассказывать о записках Василия Завелейского — скромного петербургского чиновника, современника Пушкина, который видел поэта на Невском проспекте и в чайной лавке купца Барсукова. Подобного рода сообщения показались мелкими прежнему руководству ЦГАЛИ. Решено было отвергнуть эти записки. Их не купили. Между тем я уже успел заглянуть в них. И усмотрел в них много для себя ценного. Еще бы: в записках рассказывалось о том, что в 1830-х годах в Петербурге три года жил высланный из Грузии поэт А. Г. Чавчавадзе, тесть Грибоедова: факт его биографии никому неизвестный. Я кинулся, чтобы узнать имя и адрес внушки чиновника, которая предлагала записки приобрести. Нет, имени никто не запомнил. Сложнейшим способом я «вычислил», как ее звали, узнал ее адрес у Ивана Семеновича Козловского, но когда приехал к ней в Ленинград — опоздал. Она умерла за несколько дней до меня. Про записки сказали, что их сожгли под плитой. Потом оказалось — это были другие тетради. Записки Завелейского уцелели. И я извлек из них много важного. А погоня моя за этой тетрадью была вызвана только тем, что она показалась по содержанию не очень значительной. Теперь она у меня. Хочу отдать ее в ЦГАЛИ, который в свое время от нее отказался. Сейчас там другие люди и порядок другой.

Вернемся, однако, к вопросу о поисках, то есть о том, *как* искать.

Не будет ошибкой сказать, что находка конкретных документов, местонахождение которых не может быть обозначено хотя бы с приблизительной точностью, представляет собой дело случая. И помочь тут может только вовлечение в поиски большого числа людей, от которых вы узнаете много полезного, нового и получите совет, к кому обратиться.

Я не боюсь переоценить помощь читателей, радиослушателей, телезрителей. При нынешнем колоссальном интересе к истории и к культуре, при живом отношении огромного числа советских людей к нашим призывам и просьбам я считаю важным напомнить об огромной роли современных коммуникаций. Передачи по телевидению смотрят более 160 миллионов. Десятки миллионов слушают радио.

Несколько лет назад была организована передача из Пушкинского музея в Москве, что на Кропоткинской. Рассказано, что музей в значительной степени возник из подарков, которые несли читатели Пушкина, желая помочь построить интересную экспозицию. Кончилась передача — на следующий день понесли новые подарки музею, кто книжку Пушкина, кто — альманах, кто гравюру. Вторая передача прошла — телефонный звонок: семья писательницы Алтаева-Ямшиковой хочет подарить в музей три чемодана вещей пушкинской эпохи — чернильницы, перовницы, табачницы, сумочки, игрушки, тарелки... Третья передача прошла — музей получил в дар целый домашний музей — хрусталь тех времен, фарфор, бисерные вышивки, бронзу... — их завещала музею офтальмолог Антонина Сергеевна Голвина.

Эти проявления заботы о приумножении богатств наших музеев и архивохранилищ вызывают чувства живейшей благодарности по отношению ко всем этим людям, которые расстаются с дорогими их сердцу семейными или историческими реликвиями ради общего дела.

В 1969 г. музей открыл выставку «Портреты неизвестных» в расчете на помощь публики. И не ошибся. Часть портретов была узнана в процес-

се подготовки выставки, другие «опознали» посетители выставки. И, наконец, помогли телезрители. Из музея во время передачи по телевидению был задан вопрос: кто изображен вот на этом портрете в форме полковника путей сообщения. Портрет подписан инициалами А. В., датирован 1839 г. На следующий день стало известно: полковник путей сообщения Воробьев, один из строителей Николаевской железной дороги. Портрет писан братом его Алексеем Воробьевым, принадлежал правнучке — Сорокиной-Пресс, которая умерла несколько лет назад. Портрет попал в Госфонд. Работникам музея осталось подтвердить, что портрет пришел из Госфонда. Проверка сведений показала — все точно.

Эти обратные связи со всей страной представляют собой новый этап в нашей работе. И могут принести много пользы. Не будет ошибкой сказать, что некоторые из археографических поисков могут быть результативными только с помощью этих новых способов связи, или, как принято говорить, современных коммуникаций.

Каждый раз, когда проходит телевизионная передача, — без откликов не обходится. И всегда с пользой. Из Ленинской библиотеки велась передача — отклики. Из Музея музыкальной культуры — отклики! Неплохой инструмент поиска — радиопередачи. Вот один из примеров.

После гибели Лермонтова его наследницей оказалась бабка — Е. А. Арсеньева. Многие его рукописи, книги, рисунки она раздала знакомым — «на память о Мише». Четыре года спустя умерла; имущество перешло к ее брату А. А. Столыпину и попало в его саратовское имение Лесная Нееловка, где Лермонтов, по преданию, бывал.

В 1907 г., когда горели помещичьи усадьбы, крестьяне пришли жесть столыпинский дом. Не то учитель, не то краевед сказал им, что в одной из комнат жил Лермонтов и там сохраняются его вещи. Крестьяне вещи вынесли и зарыли в саду. А усадьбу сожгли. В 1918 г. вещи отыски, отвезли в Саратовский губисполком, а губисполком отправил их в Москву, товарищу Луначарскому. Тот вагон до Москвы не дошел.

В 1927 г. из Уфы в Ленинград, в Пушкинский дом был прислан рисунок с подписью «Лермонтов»: скалистый обрыв над морем и хата, — как выяснилось потом, изображение той самой хаты, которую Лермонтов описал в «Тамани». Прислал рисунок в Пушкинский дом некто И. Е. Бондаренко. На обороте написано, что найден рисунок в Уфе среди имущества, брошенного белогвардейцами.

Но, может быть, рисунок из того — саратовского вагона?

Однажды я рассказал об этом по радио. Еще не окончилась передача — звонят, сообщают, кто такой Бондаренко, где жил, когда умер, где хранятся его мемуары. А через несколько дней приходит письмо из Уфы. За поиски принялись уфимские книголюбы. Установили: рисунок изъят Бондаренко из альбома каких-то Петровых. Кто такие Петровы — не знают. Но мне-то известно, что это родственники поэта, что, возвращаясь из Тамани, Лермонтов гостил у них в Ставрополе. Теперь поиск делится на два: продолжаю искать вещи, что пропали с вагоном, и альбом, который оказался тогда в Уфе.

К помощи радиослушателей и телезрителей я обращаюсь довольно часто. Пусть результат не всегда обеспечен, но метод мне кажется правильным.

Биограф Лермонтова П. А. Висковатов много сделал для изучения жизни поэта. В этом его огромная историческая заслуга, но обращение с рукописями и рисунками Лермонтова небрежно и удивляет непониманием архивной ценности документа. Висковатов делал на полях пометы и замечания, иные бумаги оставлял у себя и даже «изымал» у владельцев или из архивохранилищ. После его смерти в личном его архиве должны были остаться копии, а может быть, даже автографы Лермонтова, а также рисунки и кое-что из живописных работ.

Долгие годы я безрезультатно искал архив Висковатова. Не обнаружил ни одной страницы, писанной его почерком. Между тем его записи, положенные в основу биографии Лермонтова, многое могли бы раскрыть: в тексте книги нет ссылок на тех, с кем Висковатов беседовал и чьи мнения он пересказывал от своего имени. Поэтому спрашивать про автографы Висковатова стало для меня правилом, в какой бы архив нашей страны я ни входил.

Однажды в Пушкинском доме выдают папку; я ее не выписывал. Смотрю — заметки, писанные рукой Висковатова — подготовительный материал для книги. Интересно: откуда?

— Подарок. Даритель не захотел раскрывать своего имени.

— А для меня это важнее всего.

— Спросите у Льва Борисовича.

В ту пору обязанности заведующего Рукописным отделом Пушкинского дома выполнял Л. Б. Модзалевский. Я — к нему:

— От кого?

— От меня. Моя тетка была замужем за племянником П. А. Висковатова Василием Васильевичем, и у нас в доме случайно оказались эти бумаги. Остальной архив был у Василия Васильевича Висковатова. Он умер в 1936 или 37 году. Был художником. Бумаги из его архива, по моим сведениям, уцелели, находятся в Москве, и я надеюсь их получить. Послезавтра я буду в Москве, могу с тобой встретиться. Я тебе все расскажу. Обсудим, как быть. У Висковатова-дяди оставались письма Ломоносова, которые он забрал из Архива Академии наук, когда собирался писать историю русской филологической науки. Меня эти письма интересуют больше всего.

Ждал я, ждал в Москве Модзалевского. Не дождался. Переходя по мосткам из одного вагона «Стрелы» в другой, он сорвался. И унес с собой тайну висковатовского архива.

Долгие годы я пытался разгадать эту тайну сам. Пытался найти следы художника В. В. Висковатова. Наконец, решил прибегнуть к помощи телевидения. Рассказал эту историю и попросил зрителей помочь мне. На следующий день я уже в подробностях знал биографию В. В. Висковатова. Он не был художником. Он клеил макеты для выставок. Служил в банке. Был репрессирован. В 1937 г. погиб. Папки его были отданы кому-то, кто приходил на квартиру, когда сняли печати. Мужчине и женщине.

Вследствие передачи в моих руках оказались десятки имен — лиц, с которыми он был знаком, или тех, что были с ними в родстве. Но знакомые Висковатова умерли, а второе и третье поколения рассеялись по лицу советской земли. Архива пока что нет. Но он был. Одна из родственниц Висковатова сказала, узнав об этой пропаже: «Как жаль, что когда я приезжала в Москву в 20-х годах и дядя Вася предлагал мне посмотреть рисунки поэта Лермонтова, у меня не было времени».

Они есть. Кто-то держит их в руках, может быть даже не зная, что это — национальная ценность.

Не о результате я говорю, а о методе.

2

Первого января 1970 г. я рассказал в «Литературной газете» и в «Литературных вечерах» по Всесоюзному радио о предпринятых мною поисках второй части ленинского труда «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Напомню: работа была написана В. И. Лениным в 1894 г., перепечатана на машинке и размножена на гектографе. Состояла она из трех глав и, соответственно, оттиснута в трех

тетрадах на желтоватой бумаге. Отсюда и пошло название «желтенькие тетрадки».

В условиях жандармских обысков, конспирации они довольно скоро вышли из обращения, и когда после революции их хотели перепечатать, оказалось, что нет ни одного экземпляра. Впоследствии первая и третья тетради нашлись. После этого их еще находили трижды, последний раз совсем недавно. Но вторая тетрадь не найдена до сих пор. Между тем тираж ее, как считают специалисты, составлял 150 экземпляров и уж никак не менее ста. Известно, что в этой части своей работы Ленин выступал с критикой взглядов народника С. Н. Южакова. Поэтому можно было с большой долей вероятности допустить, что один экземпляр второй части находился в библиотеке самого Южакова. Южаков умер в 1910 г. Случайно узнав, что сын его вскоре эмигрировал в Швейцарию и увез с собой библиотеку отца, я предложил начать поиски ленинской работы в Швейцарии. Так наметился путь поисков одного экземпляра. Следы остальных 149, естественно, надо искать в нашей стране. Весь вопрос: как искать?

Когда в конце 1969 г. я отправлялся в Швейцарию вместе с научной сотрудницей Института марксизма-ленинизма Зинаидой Алексеевной Лёвиной, мы имели в виду широкие поиски ленинских документов, но, конечно, в первую очередь, следов южаковской библиотеки.

Скажем прямо: я не очень рассчитывал на то, чтобы по прошествии почти 60 лет так сразу обнаружить следы Южакова и его книг. План мой заключался в том, чтобы, начав поиски, рассказать о них в печати и по радио, втянуть в эти поиски читателей газеты и радиослушателей и, обратившись за помощью к ним, посвятить во все сложности. И искать дальше следы уже не одному, а вместе с огромным «активом». Убежден и в этом убеждении пребуду, что только при помощи радиослушателей, читателей, телезрителей можно поиск такой превратить в повсеместный и массовый и рассчитывать на результат.

Расчет оправдался. В ответ на статьи в «Литературной газете» и на обращение по радио пришло множество откликов. И среди них много таких, в которых сообщаются ценнейшие сведения и подаются квалифицированные советы.

Прежде всего два слова о Н. С. Южакове, сыне народника. Он действительно уехал в Швейцарию, жил в Женеве, давал уроки племянникам председателя Государственной думы Родзянко. Иногда приезжал в Россию. Революция застала его в Петрограде, откуда он перебрался в Курск, а с 1920 г. обосновался в селе Ракитном на Белгородщине, где стал заведовать советской трудовой школой и создал великолепный педагогический коллектив. Написала мне обо всем этом ракирянская учительница Мария Петровна Сидорова, которая в те времена только еще начинала преподавать.

В Ракитном у Южакова было пять стеллажей книг и еще целый шкаф. Самые ценные из библиотеки отца он привез с собой в Ракитное.

В 1926 г. он заболел и отправился в Ленинград, где ему сделали операцию, но спасти не смогли.

Книги свои он завещал ракирянской школе. Но остались они у Ирины Даниловны Федутенко, которая служила в школе уборщицей и вела у Южакова хозяйство. «И хорошо сделала, что хранила,— пишет Мария Петровна Сидорова,— потому что во время войны от школы ничего не осталось».

Когда сын Ирины Даниловны — Семен Федутенко — окончил в Москве институт, мать переехала жить к нему, книги взяла с собой. Федутенко Семен погиб на фронте в Отечественную войну. Федутенко-мать живет в Шацке в доме престарелых. От вдовы Семена получено сведение: все книги погибли во время войны. Уцелел только шкаф.

Что касается сведений о Н. С. Южакове, их подтвердил ленинградский актер Владимир Викторович Усков. Он хорошо помнит его: с Южаковым был дружен его — Ускова — отец.

Советы и сведения присылают не только в адрес «Литературной газеты» и радио, пишут в адрес Института марксизма-ленинизма и по моему домашнему адресу. Подают советы по телефону, при встречах — как искать? где искать? Но всего больше в письмах.

Вот, например, сообщение из Томска. Там, в 1904—1905 гг. в доме врача Грацианова существовала нелегальная типография, в которой собирались печатать труд Ленина «Что такое «друзья народа»?..» Это издание не состоялось. Через несколько лет помещение типографии, вырытое под домом, обрушилось, и все типографское имущество арестовала полиция. В Томском архиве есть протокол, где перечислены взятые тогда вещи. Так нет ли в этом архиве и той желтой тетради, которую собирались перепечатывать и которую теперь ищите вы? — задает вопрос автор письма, к сожалению, не сообщивший своего имени.

Другое письмо. «В годы гражданской войны, — пишет радиослушательница Перетнельева, — в Акше Читинской области по рукам ходили тетрадки ленинского труда «Что такое «друзья народа»?..» Попросите Читинский архив поискать в своих фондах».

«Напишите Шишову Александру Николаевичу, — предлагает пермский профессор Иван Степанович Богословский. — В 1911—15 годах Шишов хранил в Перми подпольную социал-демократическую библиотеку. Ныне он живет в Омске».

Вера Леопольдовна Штюрмер, жившая долгие годы в Перми, советует искать в городах Верхней Камы — в Усолье, в Чердыни, Березниках, где были крупные социал-демократические организации. «В Чердыни, — пишет она, — исторический архив хранится в старой церкви, в подвале. Может быть поискать ленинскую работу там?»

Из Кашина Калининской области советы подает М. Кнышинский, считает, что надо искать библиотеку не одного Южакова, но и других народников, с которыми полемизирует Ленин. Надо искать архивы сотрудников журнала «Русское богатство»; с ним был связан не один Южаков, но и Кривенко, и Михайловский, и другие народники-публицисты.

На это могу ответить. Проверил. Иные архивы не сохранились, другие дошли до нас и хранятся в порядке. Но в них следов утраченного второго выпуска пока не обнаружено. А вопрос поставлен в письме М. Кнышинского правильно: так, только так, если использовать самомалейшие способы к отысканию желтой тетрадки, дело сможет увенчаться успехом.

Известный литературовед профессор Владимир Николаевич Орлов посоветовал обратить внимание сугубо на Библиотеку Академии наук СССР в Ленинграде. Именно там в дореволюционные годы академик Шахматов, великий русский филолог, скрывал от жандармских глаз документы партийного социал-демократического архива.

Разумеется, я побывал в Ленинграде, беседовал в дирекции Библиотеки. Попытки найти ленинскую работу уже делались. Тем не менее дирекция снова дала указания проверить старые фонды. То же самое обещали предпринять в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Искали не раз. Но в настоящее время идет описание хранящихся в библиотеке листовок и революционных воззваний, заканчивается разборка неописанных фондов. Это — остатки... Но, понятно, будет сделано все...

На ленинградских архивах и книжных собраниях советует сосредоточить внимание и историк Г. С. Жуйков, уже долгие годы занятый разысканием ленинских документов.

Безусловно, Ленинград — направление поисков очень важное. В Петербурге гектографировался ленинский труд, переписывался от руки, изучался внимательно, передавался из рук в руки. Не могли исчезнуть

все экземпляры! Хоть один-то должен был уцелеть! В Ленинграде надо искать непременно.

«Поищите в фондах Русского заграничного исторического архива, находящегося в Москве, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции,— подает совет из Оренбурга писатель Леонид Большаков.— Этот фонд долгие годы находился за рубежом, изучен еще недостаточно».

Ольга Алексеевна Эдиэт — она живет в Подмосковье — рекомендует прочесть статью профессора Б. А. Бялика. Оказывается, подпольные издания начала века, среди них листовки нижегородской и саратовской социал-демократических организаций и даже работы Ленина, были найдены в 1956 г. в Арзамасе Горьковской области.

Обращаюсь к известному исследователю творчества Горького — Борису Ароновичу Бялику. Это тем легче мне сделать, что мы с ним друзья. «Да,— подтверждает он,— в этом смысле Арзамас — весьма перспективный город. Вслед за нечаянной находкой планомерные разыскания могут привести к результатам еще более важным».

Но это, так сказать, советы характера общего.

А вот стопка писем, и в них указания, где искать архивы людей, имевших непосредственное отношение к распространению этого ленинского труда.

Конверт из города Вязники Владимирской области от Хворостухина Павла Ивановича. Узнаю, что Алексей Александрович Ганшин, тот, который в 1894 г. в имении Горки Владимирской области размножал ленинский труд, все свое имущество и библиотеку впоследствии перевез на фабрику «Свобода» в Бельково. После него все имущество перешло к его сыну. А с этим сыном Хворостухин вместе работал на фабрике. Так вот: искал ли кто-нибудь ленинскую тетрадь в Белькове?

К письму Хворостухина примыкает сообщение москвича Константина Сергеевича Волкова. Волков рассказывает со слов своего соседа. А сосед его — Алексей Сергеевич Ганшин, состоящий в дальнем родстве с Ганшиным Алексеем Александровичем. Волков сообщает: дома Ганшинных находились в Юрьеве-Польском. Следы «желтых тетрадок» следует искать там. Действительно: кажется ни Бельково, ни Юрьев-Польский в сферу планомерных поисков ленинского труда еще не включались.

В годы гражданской войны в городе Вольске Саратовской области жила семья Куликовых. И у Надежды Ивановны Куликовой хранились тщательно переписанные от руки *все три тетрадки ленинского труда* с пометой «Июль. 1894 года». Куликова их давала читать Федору Ивановичу Панферову, впоследствии ставшему известным писателем. Об этих тетрадках он рассказал в своей автобиографической повести «Недавнее прошлое», напечатанной в 1956 г. в «Новом мире».

«В Куйбышеве надо искать! — заявляет Антонина Ивановна Петрищева,— в Областной библиотеке, где лежат «штабеля необысканных книг». Случай был: в книгу по пчеловодству был вплетен «Коммунистический манифест». И второе сообщение в том же письме: до революции в Куйбышеве (бывшей Самаре) был закопан железный ящик с нелегальной литературой. Закопал его самарский революционер Арцибушев. Клад не найден, хотя его долго искали и в раскопках принимал участие сын Арцибушева. Правда, в ту пору этот сын был подростком, но ездил зарывать ящик вместе со взрослыми. Не может ли в этом ящике находиться ленинская тетрадь?»

Такие предположения есть. В ящик были уложены письма Ленина к Глебу Максимилиановичу Кржижановскому, уложены документы самарского партийного архива. Закопал Василий Петрович Арцибушев этот оцинкованный ящик на одном из волжских островов напротив Самары. Закопал будто бы под «красивой сосной».

Поиски велись еще до войны, когда был жив Глеб Максимилианович Кржижановский. И пока что не привели ни к чему. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в курсе всех этих дел.

Идею продолжения поисков самарского клада страстно поддерживают проживающий в Куйбышеве Сергей Владимирович Ильин и московский художник Ильин Евгений Владимирович, его брат. Но рассказывают они историю клада несколько иначе.

«В нашем доме в Самаре,— пишет Ильин-художник,— находилось Восточное бюро ЦК РСДРП, которым руководил Василий Петрович Арцибушев. С ним работала моя бабушка Ильина Евгения Яковлевна, ныне покойная. Она и мой дед были дружны с Глебом Максимилиановичем Кржижановским. Ожидая ареста, Кржижановский передал бабке свою переписку с Лениным в ящике, где, как предполагают, была *рукопись* «Что такое «друзья народа»?...»».

При личном свидании художник Ильин показал мне свою переписку с братом и посвятил в свои планы, как надо вести дальнейшие розыски. Оба они просто одержимы стремлением отыскать ленинский клад! Я тоже думаю, что поиски надо возобновить.

До сих пор мы, однако, говорили о письмах, излагающих сведения о существовании второй части «Друзей народа», идущие, как говорится, от третьих лиц. А есть ли прямые свидетели? Люди державшие эту тетрадь в руках? Видевшие ее своими глазами?

Да, Любовь Николаевна Лобанова утверждает, что видела. Одно время она была связана с ленинградским Политехническим институтом, где хранится библиотека идейного противника Ленина Петра Бернгардовича Струве. «В 1946/47 учебном году,— пишет Лобанова,— я работала в кабинете марксизма-ленинизма и видела там несколько экземпляров «Что такое «друзья народа»?...». И там находилась среди них серо-желтая тетрадь, напечатанная очень бледным шрифтом. Ручаться, что это вторая часть, не могу, но кажется, что она».

Снова отправляюсь в Ленинград. В фундаментальной библиотеке института подтверждают: библиотека Струве хранится у них, передана сюда в 1919 г. по распоряжению В. И. Ленина. Показывают телеграмму, адресованную заведующему библиотечным отделом Комиссариата просвещения А. П. Кудрявцеву.

«Охраните от расхищения библиотеку Струве, находящуюся в Политехническом институте,— пишет Владимир Ильич.— Передайте особо ценное в Публичную библиотеку, остальное Политехническому институту». И — характерная ленинская черта — ничего не упускать из виду: «Портрет Герда, работа Ярошенко,— продолжает Владимир Ильич,— подлежит передаче Нине Александровне Струве через директора Политехнического института. Исполнение телеграфируйте.

Предсовнаркома Ленин»¹.

Всё поражает здесь: забота о сохранении ценнейшей библиотеки, и предложение целесообразно ее использовать, и указание, чтобы портрет выдающегося русского педагога Герда был возвращен его дочери — бывшей жене Струве, — и требование телеграфировать об исполнении.

Интересуюсь библиотекой Струве. Хранится она вместе с другими книгами. Специальной описи тогда не составили. Гектографированные тетрадки ленинского труда в генеральном каталоге не значатся. В кабинете марксизма-ленинизма, где их видела Любовь Николаевна Лобанова, их тоже нет. Правда, с тех пор проходили проверки фондов... Но ведь это же ленинская работа! Напоминаю: работа ленинская, но имени Ленина на этих тетрадках нет: только название, номер и дата — римская

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 243.

цифра II, сентябрь 1894 года, «издание провинциальной группы социал-демократов» (последнее — для того, чтобы сбить с толку охранку). Может быть, тетрадь приняли за номер журнала, поскольку есть номер, месяц и год?

— Нет, это сомнительно, — считают в библиотеке, — тем более, что и среди периодических изданий этой тетради нет. Очевидно, и не было.

Но Лобанова утверждает: «лежала слева, в нижнем шкафу».

Оценивая все эти данные, надо иметь в виду, что тот самый Кудрявцев, которому адресовано ленинское письмо, утверждал, что шесть лет спустя он нашел вторую часть работы Ленина «Что такое «друзья народа»?..» в Петроградском книжном фонде и передал эту тетрадь в Публичную библиотеку, где, к сожалению, обнаружить ее не удалось до сих пор. А коли так, то трудно допустить, что от внимания Кудрявцева могла ускользнуть такая же тетрадь в библиотеке Политехнического института. Впрочем, может быть, библиотеку Струве он не обследовал? Поиски продолжаются. Но это еще не все!

Из Чувашии, из города Шумерля, пишет Н. Новиков, член КПСС с 1917 г. Вскоре после Октябрьской революции он был направлен в Тверь на работу. Разбирая там жандармский архив, он обнаружил фотографию Ленина с описанием примет и изложением биографических данных. «Тут же, — пишет Н. Новиков, — была пришта эта желтенькая тетрадка. Я об этом поделился с товарищем Мальковым. А вскоре к нам на работу прибыл товарищ Шибаев. Весь архив я передал ему».

Институт марксизма-ленинизма послал запрос в Калининский партийный архив — ответ отрицательный: нету!

Прислал письмо москвич — доцент Модест Евгеньевич Афанасьев. В Егорьевске — тогда это был городок Рязанской губернии — имелась подпольная социал-демократическая библиотека. С 1906 г., после жандармского погрома, она хранилась у матери Афанасьева. Потом книги находились в Рязани. А перед Великой Отечественной войной остатки этой библиотеки отдали Модесту Евгеньевичу, и они хранились у него дома в Москве, в квартире, где он тогда проживал: на Верхней улице. Гектографированные тетрадки ленинского труда были вложены в тома сочинений Ленина.

В октябре 1941 г., когда Афанасьев находился в рядах Красной Армии, а соседи его эвакуировались из Москвы, комнатой завладел гражданин, истребивший афанасьевскую библиотеку. Из подпольных егорьевских книг уцелели случайно «18 брюмера Луи Бонапарта», «История французской революции» Минье, Блосс «Революция 1848 года», «Эрфуртская программа» Каутского, еще несколько книг и... (это главное и веское подтверждение слов Афанасьева) «Экономические этюды и статьи» Владимира Ильина, изданные в 1899 г. в Петербурге. Мерзавец, истребивший ленинские труды, не знал, что Владимир Ильин — тоже Ленин. Эта книга Владимира Ильича — издание редчайшее, которого нет даже в очень крупных библиотеках, хотя первоначальный тираж его был по тем временам очень высок: 1200 экземпляров.

Находясь в ссылке, в Сибири, Ленин изданию этой книги придавал большое значение. Это был первый сборник его работ, первое собрание статей, примыкавших по содержанию к работе «Что такое «друзья народа»?..» «К характеристике экономического романтизма» — называется первая статья в сборнике. Дальше идет: «Перлы народнического прожектерства» — острейшая критика того самого Южакова, с которым ведется полемика в «Друзьях народа», во втором, утраченном выпуске.

Появление этого сборника составило целое событие в жизни Владимира Ильича, о чем рассказывает в одном из своих сибирских писем Н. К. Крупская. Эта книга сохранилась у Модеста Евгеньевича Афанасьева. Он вручает ее мне с просьбой передать в Центральный музей В. И. Ленина как подарок его к ленинским дням. Просьба исполнена.

Итак, есть свидетели, которые утверждают, что видели гектографированные оттиски «Что такое «друзья народа»?..» Видел Новиков «желтенькую тетрадь». Видел и хранил у себя Афанасьев «экземпляры такого издания». Лобанова видела и полагает, что это была вторая часть ленинского труда. Панферов пишет, что получил от Куликовой, прочел и вернул ей потом переписанные от руки *все три* тетрадки.

Это не находка. Но, если так пойдет дальше, уверен, что обнаружим.

Надо искать в библиотеках среди неразобранных книг. Среди конволютов — то есть переплетенных вместе брошюр, оттисков, тоненьких книжек. Искать в архивах, особенно тех городов, где в свое время по рукам ходили «желтенькие тетрадки». Искать в личных архивах и в личных библиотеках. Второй выпуск был! Если еще могут возникнуть сомнения в том, успел ли его изготовить Ганшин в Горках, в Москве, то ведь петербургское гектографированное издание сомнению не подлежит! Был второй выпуск! О трех тетрадках вспоминает Надежда Константиновна Крупская. Вспоминает Анна Ильинична Елизарова — сестра Владимира Ильича. Мартов говорит о трех выпусках, то есть о полном тексте ленинского труда.

Уверен, что если искать всей страной, то найдем!

Сергей Сергеевич Смирнов ищет не документы, а факты. Он использует радио, телевидение, печать. И количество сведений, которые он получил, во много раз превосходит то, что он сумел добыть сам. Если до выступлений по радио он знал около 100 имен защитников Брестской крепости, то после радиовыступлений — около 400. Широко использует радио поэтесса Барто, которая раз в месяц ведет передачу «Найти человека». Дело опять же не в том, что она ищет не рукопись, а выясняет судьбы и имена. Дело в том, что это — ключ к поискам.

Как получить этот ключ? — я имею в виду Археографическую комиссию. Всячески популяризировать свою работу. Пропагандировать достижения, рассказывать о находках. Ставить задачи. Объявлять всенародные поиски. Опирайтесь на широкий актив. Вовлекать молодежь. Древнее зодчество, древняя живопись, старые музыканты пользуются сейчас таким успехом у молодежи! Почему бы в сферу ее интересов не включить древнюю историю, литературу, не привить интерес к документам древним и новым.

Во многих городах по местному телевидению проводятся специальные передачи, цель которых — способствовать поискам исторических документов. Эта инициатива заслуживает самых высоких похвал. Надо только подумать о том, где и как концентрировать все эти сведения и как фиксировать обращения в эфир и приходящие на них отклики: тексты, прозвучавшие по радио и телевидению, остаются в радио- и телеархивах, еще недоступных для изучения. Поэтому учет всей этой работы, а также изучение ее результатов надо поставить иначе. Может быть, следовало бы создать нечто вроде телевизионного клуба кинопутешественников, дабы Археографическая комиссия могла стать своеобразным научным центром телевизионного поиска.

В нынешних условиях, когда научные проблемы уже давно занимают не одних только ученых, но и широчайшие круги советского общества, «обратная связь», осуществляемая при помощи радио, телевидения, может сообщить археографическим поискам новый размах и еще более демократические по своему характеру формы и привлечь к решению задач, стоящих перед комиссией, огромный добровольный актив.

Думается, Археографической комиссии следует учесть уже накопленный опыт и широко применять его в поисках и древних документов и рукописей более близкого времени, которое тоже когда-то станет глубокой историей. Дело за Центральным телевидением и за нами! Используем новые формы и средства современных коммуникаций. И результат не замедлит. В этом я убежден.

В. Б. Павлов-Сильванский

М. Н. ТИХОМИРОВ — ОРГАНИЗАТОР АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Если предположить, что каждому из нас был бы задан вопрос: «Какую роль сыграл Михаил Николаевич Тихомиров как один из инициаторов и организаторов археографических экспедиций?» — общий характер наших ответов не вызывает никаких сомнений. Михаил Николаевич отдал массу сил, ума и души, знания дела и весь свой авторитет поискам и охране памятников культуры народов нашей страны. Это отмечено в документах руководящих научных учреждений, нашло отражение в научно-биографической литературе о нем.

Но это лишь одна сторона вопроса — признание заслуг, дань уважения, определение места крупного ученого в одной из сложнейших областей отечественной археографии.

Есть и другая сторона того же вопроса. Ее очень образно выразил академик Б. А. Рыбаков на заседании Отделения истории и Археографической комиссии, посвященном памяти Михаила Николаевича. Он говорил: «Сам Михаил Николаевич не подводил итогов своих многолетних работ. Он непрерывно работал... Но для того, чтобы в будущей истории нашей исторической науки имя М. Н. Тихомирова было охарактеризовано вполне правильно... нужно... создать очерк общей исторической концепции Михаила Николаевича. Нам она ясна, мы ее знаем, мы ее чувствуем, мы ее разделяем как концепцию. Но ее нужно дать в обобщенном виде, потому что это концепция патриота...»¹

То же самое, с полным правом, мы можем сказать и об археографической деятельности Михаила Николаевича, потому что это была деятельность также патриота, человека опытного и дальновидного, не только действовавшего, но и размышлявшего о будущем археографических экспедиций и охраны памятников культуры.

В жизни Михаила Николаевича можно выделить три периода наиболее активной деятельности в этой области: 1917—1923 гг., 1946—1955 гг. и 1956—1965 гг. Но нам труднее будет понять и саму деятельность Михаила Николаевича и ее значимость, если мы не примем во внимание хотя бы шесть обстоятельств.

Во-первых, так уж случилось, что из этих трех периодов археографической деятельности Михаила Николаевича два приходится на такие трудные времена истории нашей Родины, какими были 1917—1923 гг. и годы после окончания Великой Отечественной войны.

Во-вторых, нельзя оценивать деятельность Михаила Николаевича

¹ Б. А. Рыбаков. Михаил Николаевич Тихомиров. — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 6.

голько по числу экспедиций, в которых он лично принимал участие или которые были организованы под его непосредственным руководством.

В-третьих, было бы заблуждением представлять, что все начинания Михаила Николаевича (даже тогда, когда он стал уже признанным ученым) осуществлялись безболезненно и гладко: к ученому обратились за помощью, он написал письмо в авторитетный журнал, появились отклики, были сразу приняты решения, посланы многочисленные экспедиции, доставившие уникальные материалы, создана Археографическая комиссия, и... как результат — всеобщее признание заслуг. Все было значительно сложнее. И нужно было иметь глубокую внутреннюю убежденность в необходимости дела и связанное с этим упорство, именно упорство и настойчивость, чтобы после каждой неудачи не опустить руки.

В-четвертых, Михаил Николаевич хорошо понимал, что большое дело, да еще в масштабе всей страны, не могло быть налажено просто и быстро. Поэтому он мог подолгу думать о том, что предпринять; мог негодовать и огорчаться; сомневаться в поддержке тех или иных лиц и радоваться, если это оказывалось не так; восхищаться успехами собирателей и гневаться на расхлябанность и ошибки, допущенные людьми. Но ему чужды были всяческие метания из стороны в сторону и драматический пессимизм при неудачах. Проистекало это, очевидно, из той же внутренней убежденности, а окружавшим всегда внушало уверенность в его действиях.

В-пятых, Михаил Николаевич знал и ценил силу делопроизводственного документа, но сам никогда не являлся непосредственным производителем обширной документации. Это создает большие трудности при изучении его деятельности: материалов не так уж много, хронологически они очень неравномерны, ряд документов, о существовании которых мы знаем, предстоит еще найти. Поэтому и не всегда видны причины, по которым не были осуществлены несколько серьезных начинаний Михаила Николаевича.

И, наконец, в-шестых, Михаил Николаевич смог стать одним из организаторов такого важного дела только благодаря всей совокупности своих качеств ученого и человека. (Здесь и любовь к истории и источниковедению, и многолетняя работа с рукописями, и личный опыт собирания старины, и знание психологии владельцев рукописей и книг, и прекрасная осведомленность обо всем, что делается в области археографии, и опыт организационной работы, и т. д.) О многом уже написано, другое, как, например, дмитровский период деятельности Михаила Николаевича, еще изучается. Мы должны помнить об этих качествах Михаила Николаевича, но я возвращаться к ним не буду, так как это значило бы пытаться в одной статье обозреть все стороны жизни Михаила Николаевича, что невозможно. Статья не претендует на полноту. Это лишь первоначальная попытка собрать воедино имеющийся материал.

Мы не можем точно сказать, когда появилась у Михаила Николаевича склонность к поискам древностей. Но, уже будучи глубоко пожилым человеком, он писал в одном из писем: «Раньше я очень стремился поглядеть за границу, а у нас Среднюю Азию, теперь меня волнуют только свои русские места, точно я вновь помолодел, когда у меня и сны бывали такие, будто я нашел никому не ведомый древнерусский монастырь, стены увешаны иконами с датами, в ризнице навалены пергаментные рукописи»².

Так или иначе, но когда по окончании Московского университета Михаил Николаевич приехал в г. Дмитров, на него сразу же легла обязанность сбора исторических материалов. Сам он вспоминал об этом

² Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 30, лл. 6 об.—7. Глубоко признателен И. П. Старовойтовой за помощь при работе над материалами М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР.

так: «Моя служба в Дмитровском союзе кооперативов относится к 1917 и 1918 гг. Началась она при Временном правительстве, а окончилась уже при установлении Советской власти... Место мое было несколько необычное. Меня устроили... в качестве человека, который должен организовать в Дмитрове музей родного края. Дело было новое, и никто толком не знал, как его выполнить, в том числе и я»³.

В составленной им «Программе собирания музея» Михаил Николаевич отметил, что музей должен охватывать все стороны жизни края, но, к сожалению, нет возможности пополнять коллекции только за счет пожертвований. «Поэтому, в первую очередь, необходимо обратить внимание на собирание предметов: 1) старины; 2) народной жизни; 3) местного производства». Кроме того, при музее надо создать «архив, который должен впоследствии служить архивом местного края»⁴.

По совету старожил, Михаил Николаевич главное внимание обратил на собирание изделий кустарей. Ему удалось собрать коллекцию бус, позументов, деревянных изделий. Из поездки в Загорск он привез игрушки и различного рода деревянные изделия, «которыми тогда славился Сергиев посад». Побывал он и в Вербилках, где закупил продукцию бывшего Гарднеровского фарфорового завода. Много позже в своих воспоминаниях Михаил Николаевич напишет, что «это оказалось... очень удачным, так как кустарные промыслы позже в таком виде, как они существовали в начале революции, исчезли». Но тут же добавит: «Впрочем, надо сознаться, что я даже не понимал значения этих коллекций для будущего и собирал их потому, что их легче всего было получить. Что касается собственно исторических материалов, то я собирал и их, но с большим трудом»⁵.

В то время в уезде еще существовало несколько больших и богатых усадеб. Одна из них, принадлежавшая «семье тех Корсаковых, из которых вышел знаменитый фаворит Екатерины II», особенно запомнилась Михаилу Николаевичу. По его словам, «дом... был буквально набит различного рода историческими ценностями» (портретами XVIII—XIX вв., мебелью XVII—XIX вв., фамильными иконами, перепишкой выдающихся деятелей, множеством столбцов XVII в.). «Я вел переговоры о передаче некоторых вещей в наш музей, но Корсаковы отказались, сославшись на то, что помещение, отведенное для меня в Дмитрове, было деревянным. Часть вещей у Корсаковых, насколько я знаю, взята была в Румянцевскую библиотеку (теперь имени В. И. Ленина в Москве), а другая погибла, потому что крестьяне подожгли дом»⁶.

Михаил Николаевич отметил особый интерес документов Влахернского монастыря, среди которых было «знаменитое Головинское собрание грамот (впоследствии попавшее в Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР)». Привлек его внимание и Песношский монастырь, где «хранились кое-какие древности», в том числе «рукописное описание Песношского монастыря, составленное в начале XIX века одним из монахов с большим толком. Оно включало ряд интереснейших сведений о монастыре...»⁷

О пребывании Михаила Николаевича в Самаре (весна 1919—1923 гг.) мы пока знаем только из его воспоминаний⁸ и лишь одного документа⁹.

³ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 2, д. 41, лл. 155—157.

⁴ Архив Дмитровского краеведческого музея, ф. 133 (М. Н. Тихомирова), Протокол заседания комиссии по краеведению 19 ноября 1917 г. Благодарю Р. Ф. Хохлова за возможность ознакомиться с этим документом.

⁵ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 2, д. 41, лл. 166—167.

⁶ Там же, лл. 167—169.

⁷ Там же, лл. 169—170.

⁸ Там же, лл. 180—268.

⁹ Там же, оп. 3, д. 3, лл. 1—6. Доклад об обследовании Иргизских монастырей летом 1919 г.

Приехав в Самару, Михаил Николаевич получил в уездном Отделе народного образования должность инспектора по библиотечным делам, (а впоследствии стал заведующим библиотечной секцией). Основной его задачей было устройство и улучшение библиотечной сети в уезде¹⁰. Служба требовала постоянных разъездов, а уезд был не так уж мал: «Общее расстояние между северным и юго-западным концом Самарского уезда равнялось примерно 200 километрам»¹¹.

Положение в уезде было сложным: не успели стереться следы хозяйничания белочехов, как к Самаре стал подступать Колчак; в степях действовали банды; зажиточные крестьяне и колонисты были не всегда приветливы; благополучное положение с продовольствием сменялось голодом; свирепствовал сыпной тиф и т. д. Каждая поездка могла закончиться самым неожиданным образом. Передвигаться приходилось на ямских лошадях или пешком, иногда по нескольку дней ожидая okazji в сельсоветах, крестьянских домах, на специальных дворах, где обязательно «шли различные разговоры на местные темы»¹². Все это способствовало тому, что Михаил Николаевич хорошо узнал многие стороны жизни уезда, ознакомился с древностями действовавших церквей и бывших помещичьих усадеб.

Вскоре, однако, к этим обязанностям Михаила Николаевича прибавились и другие. Когда весной 1919 г. были закрыты Иргизские старообрядческие монастыри, Пугачевский уездный исполнительный комитет обратился в Самару с просьбой прислать знающих людей, для того чтобы принять рукописи и старопечатные книги, хранившиеся в монастырях. Выбор пал на Михаила Николаевича, так как большой знаток древностей академик В. Н. Перетц по своему здоровью не мог совершить столь дальнее путешествие. «Ведь до Пугачевска надо было ехать на лошадях по степи, далеко еще в те времена небезопасной, примерно 100 километров или ехать на пароходе до Хвалынска, перебраться на другую сторону Волги в село Духовницкое, а оттуда на лошадях или пешком добраться до Пугачевска (около 80 километров)»¹³.

Для первой экспедиции был избран последний вариант пути. В Хвалынске участники осмотрели музей, «в те времена очень интересный»¹⁴, от Духовницкого до Пугачевска добирались на подводах. Сначала был обследован Спасо-Преображенский монастырь в нескольких верстах от Пугачевска, уже частично разоренный. «Ризница, тем не менее, заключала большое количество рукописей и ценных предметов». Михаил Николаевич занялся описанием рукописей «насколько тогда сумел сделать... интересовался и некоторыми другими предметами»¹⁵. Были также обследованы Успенский женский монастырь, «гораздо менее интересный», и Криволукский монастырь, находившийся на острове в селе Криволучье¹⁶. Тогда же Михаил Николаевич осмотрел и вывез в Пугачевск местный волостной архив, «представлявший значительную ценность»¹⁷. Часть монастырских рукописей была доставлена в Самару¹⁸.

Второе посещение Михаилом Николаевичем Иргизских монастырей произошло в 1922 г. Маршрут был тот же, но последнюю часть пути

¹⁰ Там же, оп. 2, д. 41, л. 185.

¹¹ Там же, л. 219.

¹² Там же, л. 221.

¹³ Там же, л. 236.

¹⁴ Там же, л. 238.

¹⁵ Там же, л. 239.

¹⁶ Там же, лл. 240—241.

¹⁷ Там же, л. 241.

¹⁸ Доклад М. Н. Тихомирова о поездке в монастыри летом 1919 г. с подробным описанием состояния монастырей и находившихся в них ценностей см.: Архив АН СССР, ф. 693, оп. 3, д. 3, лл. 1—6.

пришлось полтора суток идти пешком, так как «в то голодное время нельзя было нанять лошадей, да и денег на это не было»¹⁹. С большим трудом удалось договориться с Американской экспедицией помощи голодающим («АРА») и на ее грузовике, отправлявшемся в Самару, доставить рукописи²⁰.

Третий раз Михаил Николаевич побывал в Иргизских монастырях в последний год своего пребывания в Самаре. Основной целью поездки был Криволукский монастырь. Той весной Иргиз сильно разлился, в некоторых случаях до километра шириной. Сообщение с берегом осуществлялось на плоскодонке. Вот как позднее описал все это сам Михаил Николаевич: «На острове было совершенно пустынно, жил только один сторож, церкви стояли закрытыми, причем в них царил полный беспорядок, лежали вещи исключительные по своей ценности, большое количество различного рода рукописей и старопечатных книг. Из всего богатства можно было взять только немного, так как на лошади, а тем более на лодке... увезти было трудно большое количество предметов. В Криволукском монастыре я разобрал всю ризницу и отобрал наиболее интересные книги... В полуразрушенной церкви лежали интересные иконы, но я в те времена не понимал, что за замечательные вещи могли там находиться, и как следует не разобрался в иконах»²¹. При переправе книг на берег Михаил Николаевич и его спутник едва не утонули, когда рухнула самодельная мачта с парусом.

После того как Михаил Николаевич перешел на службу в Общество истории, археологии и этнографии при Самарском государственном университете, ему пришлось принять участие в спасении архива семьи Аксаковых. Часть вещей из имения С. Т. Аксакова уже находилась в библиотеке Общества. Но когда после смерти наследницы архива стало известно, что в Надеждине осталось много документов, туда был послан Михаил Николаевич. В этой поездке он заболел малярией. Болезнь была такой силы, что Михаила Николаевича чудом удалось спасти, и долго потом он ходил «с палочкой, как настоящий инвалид». С помощью специально присланного человека архив был доставлен в Самару²².

Нельзя не сказать о том, что в Самаре Михаил Николаевич занимался в семинаре по палеографии у академика В. Н. Перетца, которого он считал не только крупным ученым, но и «преподавателем божьей милостью... В. Н. Перетц был очень строгим преподавателем и в то же время довольно любящим учителем. Для меня он на всю жизнь остался незабвенным учителем и другом»²³.

Одновременно Михаил Николаевич изучал древнерусский язык у В. П. Адриановой-Перетц. Много лет спустя, отмечая серьезность этих занятий, он писал: «Зато уже изводы и другие различного рода сведения, относящиеся к палеографии, я усвоил в достаточной мере блестяще. Так, в сущности, началась моя деятельность по палеографии...»²⁴

Подводя итог весьма скромному экскурсу в ранние годы археографической деятельности Михаила Николаевича, можно сказать, что именно тогда он прошел такую школу личного участия в спасении исторических документов, без которой все его дальнейшие инструкции не могли стать не чем иным, как рядом умозрительных заключений. Впоследствии, когда Михаил Николаевич возглавил дело возобновления археографических экспедиций, этот опыт не только пригодился ему при решении практических вопросов. Он дал Михаилу Николаевичу возможность за-

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 3, д. 41, л. 243.

²⁰ Там же, л. 245.

²¹ Там же, лл. 246—249.

²² Там же, лл. 250—257.

²³ Там же, л. 259.

²⁴ Там же, оп. 2, д. 41, л. 260.

ниматься разработкой самых сложных и тонких проблем методики археографических поисков.

В послевоенные годы научную общественность не могли не волновать задачи сохранения архивных материалов и поисков уцелевших рукописей и старопечатных книг. Есть известие, что «академик А. С. Орлов собирался поставить этот вопрос перед С. И. Вавиловым»²⁵ и писал ему²⁶ (но дальнейший ход этого обращения не известен). Ездил на Север за рукописями неутомимый В. И. Малышев и помещал в «Трудах отдела древнерусской литературы», других изданиях и периодической печати статьи с призывами собирать старину. Но такой знаток археографии, как С. Н. Валк, считал необходимым подчеркнуть, что «одним из первых призывов явилось обращение М. Н. Тихомирова»²⁷.

История «Письма в редакцию» журнала «Вопросы истории»²⁸ такова. Из писем, обращенных к Михаилу Николаевичу, мы узнаем, что в 1946 г. он «очень интересуется всем, что делается на археографическом фронте»²⁹. В середине декабря 1947 г. к Михаилу Николаевичу обратился В. И. Малышев с просьбой поддержать его призыв о поисках рукописей у населения Севера, Поволжья и Прибалтики, ибо задержка экспедиции приведет к гибели рукописей. «Ваш авторитетный голос был бы сильнее моего крика по этому поводу в течение десяти лет»³⁰. Михаил Николаевич ответил тотчас же: «...Ведь находка списка Слова о погибели — это одно венчает Ваши поиски. Ломаю только голову, как помочь в Вашем деле, не следует ли начать дело в более широком масштабе, чем Вам кажется. Обо всем напишу подробнее, а пока думаю кое-что о Ваших поисках напечатать в «Вопросах истории»»³¹.

Смысл слов «в более широком масштабе» разъясняется последующей перепиской и самим «Письмом в редакцию».

При встрече с В. И. Малышевым в Москве Михаил Николаевич подробно изложил ему свой взгляд на это дело. Он считал, что писать лишь о посылке археографических экспедиций недостаточно, что одновременно нужно ставить вопрос о хранении рукописей и их учете, а также о создании компетентного органа, который бы наблюдал за всем, что происходит в этой области. Есть еще один важный аспект именно такой постановки вопроса: не имея на местах налаженного хранения и учета рукописей и книг, а также людей, заинтересованных и способных их осуществлять, экспедиции центральных учреждений будут вынуждены увозить все находки с собой; экспедиции в работе не смогут опереться на людей, знающих положение и осведомленных о местонахождении рукописей; в многомесячные промежутки между экспедициями рукописи будут продолжать гибнуть, так как их некому станет собирать. Несмотря на то, что с тех пор немало изменилось, как часто, к сожалению, испытывают на себе едущие в экспедицию то, о чем думал и писал Михаил Николаевич еще много лет назад.

Признавая важность постановки дела в более широком масштабе, В. И. Малышев предлагал в обращении акцентировать внимание на посылке экспедиций, так как «в архивах рукописи сберегутся, хотя часто и хранятся плохо, а у населения... гибнут ежедневно и ежемесячно; если же вопросы поисков и охраны «резко не разделить... то письмо будет выглядеть несколько абстрактно». Для точности нужно сказать, что

²⁵ Там же, оп. 4, д. 369, л. 4.

²⁶ Сообщил в личной беседе В. И. Малышев 27 мая 1970 г.

²⁷ С. Н. Валк. Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 5.

²⁸ «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 159.

²⁹ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 369, л. 1.

³⁰ Там же, л. 3.

³¹ Там же, д. 30, л. 1.

В. И. Малышев здесь же добавлял: «Но, может быть, я глубоко заблуждаюсь»³².

Михаила Николаевича и Владимира Ивановича Малышева связывали многолетняя дружба и сотрудничество. Опыт известных искателей рукописей и деятельность современных энтузиастов-собирателей (в первую очередь В. И. Малышева) помогали Михаилу Николаевичу составить представление о том, что возможно и необходимо предпринять для успеха столь серьезного начинания. В. И. Малышев поддерживал замыслы Михаила Николаевича, приложил много усилий для претворения их в жизнь.

М. Н. Тихомиров составил «Письмо в редакцию» по своему плану. Он писал, что «Русское письменное наследие обширно и замечательно»; охарактеризовал постановку дела в дореволюционной России; напомнил о решительных мерах, принятых Советской властью к охране рукописных богатств. В «Письме» он более подробно остановился на неудовлетворительном хранении, учете и собирании рукописей на местах, констатировал, что «положение с охраной рукописей нетерпимо», и высказал свои предложения, о которых говорилось выше, в том числе и о необходимости «спешно организовать новую археографическую экспедицию для собирания рукописей у населения», ибо «время не терпит»³³.

Но, посылая «Письмо в редакцию», Михаил Николаевич не обольщал себя скорым решением дела и тем, что достаточно будет одного его призыва. Он писал В. И. Малышеву: «Мое письмо печатается... Не знаю, пробьет ли это броню равнодушия, но кое-что сделает, если у Вас в Ленинграде поддержат»³⁴.

Из переписки видно, какая большая работа была проведена для организации откликов, ибо дело это далеко не всегда стихийное, а представляет собой консолидацию и проверку сил, способных и заинтересованных в осуществлении важного начинания. Отклики стали поступать, и Михаил Николаевич писал В. И. Малышеву: «Письма редакцией получены и произвели большое впечатление. Хотят их собрать побольше, чтобы не печатать в одиночку...»³⁵

Опубликованы они были в «Вопросах истории» под заглавием «Об охране и сборе древнерусских рукописей. (По поводу письма в редакцию чл.-корр. АН СССР М. Н. Тихомирова)»³⁶. Это отклики Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР (Пушкинского дома); Сектора истории СССР и Сектора славяноведения Ленинградского отделения Института истории АН СССР; Ленинградского отделения Института истории АН СССР; Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы АН СССР; Кафедры русского языка Черновицкого университета; академика Н. С. Державина; собирателя рукописей В. Ф. Груздева; учителя из г. Владимира, уполномоченного по сбору рукописей для Пушкинского дома П. А. Жадаева; реставратора Государственного Русского музея Ф. А. Каликина; учителя, много лет собиравшего рукописи для музеев страны, И. С. Абрамова; старшего научного сотрудника Псковского музея Л. А. Творогова. Все отклики учреждений были подписаны известными учеными. Откликов было гораздо больше (в частности, не были опубликованы в журнале отклики Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки АН СССР в Ленинграде, М. В. Бражникова и других лиц и учреждений).

Наряду с полной поддержкой письма Михаила Николаевича и предложениями деятельного участия большинство откликов выражало мне-

³² Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 369, лл. 4, 5—5 об.

³³ «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 159.

³⁴ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 30, л. 4.

³⁵ Там же, л. 6.

³⁶ «Вопросы истории», 1948, № 9, стр. 134—136.

ние, что «археографическую экспедицию должна возглавить Академия наук СССР», а также чтобы «Археографический совет АН СССР немедленно принял по этим вопросам действенные решения», привлекая к участию крупнейших специалистов-археографов и работников местных научных учреждений и учебных заведений. Было предложено вести поиски рукописей не только в глухих уголках страны, но и в городах, намечены районы и точки, где следует в первую очередь начать поиски, высказано много предложений и по поводу хранения и учета рукописей.

Важно было послесловие редакции, которая полностью присоединялась к выдвинутым вопросам. Ею же было отмечено, что «хотелось бы услышать по этому вопросу решение Главного архивного управления и Археографического совета Академии наук СССР. К сожалению, среди откликов, поступивших в редакцию, мы пока не имеем мнения этих двух учреждений». В мою задачу не входит характеризовать здесь многолетнюю большую деятельность этих учреждений. Нужно подробно изучить их архивы—тогда станет ясна полная картина работ в области археографии. Я же только констатирую факт, который в то время была вынуждена отметить сама редакция журнала «Вопросы истории».

Михаил Николаевич знал о сомнениях ряда учреждений и лиц в том, проявит ли желание Академия наук СССР взять на себя руководство охраной и поисками рукописей, и писал по этому поводу: «Удивляет молчание Москвы, но это обычное явление... Впрочем, и в Москве будут отклики...» И тут же, понимая, что одним обращением ничего не решить, он переходит к практическим вопросам: «Все дело теперь в том, чтобы не упустить важное дело, а время самое неподходящее: кончается год. Постараюсь сделать все возможное...»³⁷ В этом «кончается год» и в целом ряде других случаев, о которых будет сказано ниже, хорошо виден практический опыт ученого и кандидата коммерции, званием которого Михаил Николаевич гордился всю жизнь.

Получая иногда письма, где звучали пессимистические нотки вроде «Неужели все дело сведется к заметке и откликам, просто не верится», или «Очень, очень жаль, если все дело обойдется только бумагой», Михаил Николаевич отвечал (и в этом его поддерживали извещения о том, что его обращение помогло в средствах В. И. Малышеву; что Ленинградский университет готовился отправить экспедицию в Прибалтику; что кое-что собиралась предпринять Публичная библиотека): «Дела обстоят совсем не так плохо, как Вам это представляется»³⁸. И затем в ряде писем он подробно рассказывал о намеченных и уже осуществленных им мерах.

(Осень 1948 г.) Вернувшись из Пскова, Михаил Николаевич хочет заняться делами по археографической экспедиции, выработать «Положение об экспедиции» и послать его В. И. Малышеву. Того же, в свою очередь, он просит составить смету предполагаемой экспедиции, так как, «только выработав эти документы, надо будет обращаться к С. И. Завиллову, ведь он все равно спросит эти Положение и смету»³⁹.

(Конец января 1949 г.) Михаил Николаевич пишет В. И. Малышеву: «Я выработал и представил в Археографический совет при Институте истории проект положения о Археографической экспедиции и копии его Вам посылаю»⁴⁰. Согласие Б. Д. Грекова, как мне кажется, обеспечено, но тысячи дел и болезнь мешают ему продвигать это дело дальше, но за проталкиванием его слежу уже теперь не я один... Имейте в виду, что я прошу о направлении археографической экспедиции от Институ-

³⁷ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 30, л. 6.

³⁸ Там же, л. 11.

³⁹ Там же, л. 9—9 об.

⁴⁰ В переписке М. Н. Тихомирова и В. И. Малышева эти документы не сохранились.

га истории или от Бюро Отделения истории и философии на правах обычной экспедиции, подобно той, которую посылает каждый год ИИМК. В сущности такую экспедицию отдельно или совместно с Институтом истории может направить и Ваш Институт»⁴¹. Здесь же Михаил Николаевич просит, чтобы его «Положение» было поддержано непосредственным обращением к Б. Д. Грекову с копией в Археографический совет если не Институтом литературы, то хотя бы лично В. П. Адриановой-Перетц, так как «всего лучше было бы получить согласие Б. Д. Грекова на экспедицию и после этого направиться к С. И. Вавилову, который, несомненно, пойдет к нам навстречу»⁴².

(4 февраля 1949 г., в письме В. И. Малышеву) «...Произошло большое событие. Отделение истории и философии утвердило мое предложение об экспедиции и возбудило ходатайство перед Президиумом Академии наук о внесении экспедиции Института истории в план академических экспедиций на 1949 г.»⁴³

В этом же письме он сетует на В. И. Малышева за то, что тот не успел составить сметы, указать места поездки и ее участников; сообщает, что сам спешно сел за составление сметы, которую ему трудно себе представить без более подробных сведений, хотя бы и предварительных; но что он ее подает, чтобы не упустить время.

А теперь нужно опять вернуться к тексту самого письма; потому что оно не только характеризует Михаила Николаевича, но имеет прямое отношение к нашей сегодняшней действительности: «Особенно важен подбор людей. Я полагал, что их надо немного. Пока знаю двоих — Вас и себя. Люди должны быть не капризные и выносливые, обязательно приемлемые для населения, которое смотрит подозрительно на людей, плохо понимающих нашу старину в том виде, как она жила еще в недавнее время. В то же время это должны быть люди современные, проще сказать, советские, а не какие-либо эстеты... Надо указать количество сотрудников экспедиции, штатных и нештатных. Думаю, что общий состав не должен превышать 5—7 человек, лучше пять. Особенно важно установить районы экспедиции. Ведь от первой экспедиции будет зависеть включение в смету и других, а главное, создание большого нужного дела»⁴⁴.

Получив на следующий день телеграмму В. И. Малышева о планировании и сроках четырех групп экспедиции (Архангельско-Вологодской, в Прибалтику, Верхнее и Среднее Поволжье и Карелию), Михаил Николаевич своей рукой помечает на ее обороте: «1) Копанев Александр Ильич; 2) Розов Николай Николаевич; 3) Каликин Феодор Антонович; 4) Малышев Владимир Иванович»⁴⁵.

Трудно представить, что два предыдущих письма были написаны в дни, о которых Михаил Николаевич говорил: «...Сам работаю плохо и вяло, страшно действует на меня эта непрерывная слякоть, не зима, не весна», — но тут же добавлял: «Я не всегда успеваю отвечать, но в остальном остаюсь верным своим обязательствам»⁴⁶.

(27 апреля 1949 г.) Из письма Михаила Николаевича мы узнаем, что он был в Президиуме АН СССР и имел беседу об экспедиции с начальником Планово-финансового отдела АН СССР П. Г. Шидловским. Выяснилось, что заявка опоздала; встретилось и другое препятствие — покупать рукописи у частных лиц можно было только с особого разрешения на оплату Совета Министров СССР. Но для обследования оказалось достаточным распоряжения Президиума АН СССР. Михаил Нико-

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 30, л. 11—11 об.

⁴² Там же, л. 11 об.

⁴³ Там же, л. 13.

⁴⁴ Там же, л. 13—13 об.

⁴⁵ Там же, д. 369, л. 19.

⁴⁶ Там же, д. 30, л. 11 об.

лаевич стал ходатайствовать хотя бы об этом, П. Г. Шидловский обещал ему помочь изыскать средства. И Михаил Николаевич замечает в письме: «Думаю, что деньги будут, а тем самым разрешится и вопрос о покупке рукописей»⁴⁷.

Из всего сказанного видно, какую активную деятельность развил Михаил Николаевич в тот год для поддержки начатого дела. (И это прослеживается даже только по тем документам, что находятся сейчас в его личном фонде.) Только в начале 1950 г. мы можем заметить по его письмам некоторые признаки усталости и печальных раздумий. В январе он пишет В. И. Малышеву: «С собиранием рукописей все как-то неладно, но в Историческом музее может что-нибудь выйти, а для покупки я найду 5—6 тысяч, если нужно и 10. Если буду здоров, то приму участие»⁴⁸. А в феврале добавляет к сказанному: «О рукописях и их собирании подумываю написать в «Вестник Академии наук». Так будет вернее, но надо придумать что-то статейное, иначе не поместят»⁴⁹. Следует иметь в виду, однако, что Михаил Николаевич в это время только что закончил статью для сборника о «Слове о полку Игореве» и, как сам он признавался, «откровенно говоря, мучился... над этой статьей очень долго, даже мало спал... Статья два раза переделывалась. Теперь и ей доволен»⁵⁰.

Необходимо отметить, что по вопросам об археографических экспедициях и охране памятников культуры среди документов личного фонда Михаила Николаевича и фонда Отделения истории и философии за последующие годы есть два пробела: с начала 1950 г. по сентябрь 1953 г. и с декабря 1953 г. по 1955 г. (Может быть, что-либо дадут поиски в архивах Института славяноведения, Института истории и Археографического совета, воспоминания людей, работавших с Михаилом Николаевичем, и т. д.).

К сентябрю — декабрю 1953 г. мы вернемся чуть ниже. Но перед тем нужно напомнить, что именно в эти годы начали уже свои поездки за рукописями некоторые учреждения; что сам Михаил Николаевич много ездил по стране. Он постоянно писал о том, что очень хочет поехать в экспедицию, но все не удается — то занятость, то нездоровье. Однако, хотя его поездки не имели целью археографические поиски, он повсеместно знакомился с рукописями и старопечатными книгами, состоянием их собирания и охраны. Подчас ставились иные задачи: так, во время поездки со студентами в Каргополь Михаил Николаевич вместе с ними подготовил, а затем и издал описание обнаруженных там рукописей. Иногда приходилось вмешиваться ему самому или брать на заметку факты, требующие вмешательства. Кроме того, Михаил Николаевич в эти годы интенсивно работал как ученый и организатор. Если перечислить то, что было им опубликовано (труды, публикации, описания), можно без преувеличения сказать, что все это способствовало делу поисков и охраны памятников культуры⁵¹.

Вернемся к 1953 г. В одном из писем сентября Михаил Николаевич сообщал, что «в хронике журнала «Вопросы истории» будут помещаться сведения об открытиях не только по археологии, но и письменных и печатных памятников... одним словом, о всем «мелком» в нашей исторической науке, что в своей сложности составит большое. Говоря проще, о всем, что может радовать и расширять наш кругозор»⁵².

⁴⁷ Там же, л. 14.

⁴⁸ Там же, л. 19.

⁴⁹ Там же, л. 21.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Среди опубликованного М. Н. Тихомировым в эти годы были и статьи, рассчитанные на широкого читателя: М. Н. Тихомиров. Сохранять рукописные богатства. — «Литературная газета», 24 апреля 1954 г.; он же, совместно с другими авторами. В защиту памятников культуры. — «Литературная газета», 23 августа 1956 г.

⁵² Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 30, лл. 40—41 об.

Но вот 13 октября Михаил Николаевич пишет В. И. Малышеву письмо, которое позволю себе привести целиком, так как оно имеет большое значение для понимания событий последующих лет: «Сейчас час ночи, а я сел писать Вам письмо. К чему такая спешка, спросите. А вот к чему. Сегодня я говорил с нашим директором А. Л. Сидоровым о создании нового сектора, который собирал и охранял бы рукописи. Говорил и о Вас и о поездке в Тирасполь. Он предложил составить смету поездки в Молдавию за рукописями, и я прошу ее составить и прислать сюда скорей, потому что идет уже октябрь. На сей раз, думаю, это не будет пустым делом.

Придумал я и что должен представлять собой новый сектор. В задаче этого сектора должно войти:

- 1) Учет всех рукописных собраний. Это вещь совершенно необходимая и может быть выполнена только специальным учреждением.
- 2) Учет уникальных рукописей, хранящихся в разных собраниях, ибо потери уникальных рукописей идут беспрерывно.
- 3) Собрание рукописей у населения.
- 4) Издание наиболее замечательных из приобретенных рукописей.
- 5) Организация экспедиций для сбора рукописей и учета архивов и рукописных собраний.

Речь пока должна идти только о русских, украинских и белорусских рукописях. Сектору надо называться «Сектор охраны и учета рукописей». Большого количества людей не понадобится. На первых порах можно ограничиться 3 или 5 единицами.

Так вот, что меня заставило ночью засесть за письмо. Нужность написанного мною очевидна. Ведь одно перечисление собраний с краткими сведениями о них будет целой эпохой»⁵³.

Эти строки были написаны осенью 1953 г. До создания Археографической комиссии оставалось еще два с половиной года. Но если сравнить их со статутом Археографической комиссии, подвести итоги уже осуществленного ею, то станет ясно, какая большая работа шла внутри Михаила Николаевича и то, что он уже тогда был самоподготовлен к тому, чтобы возглавить подобное учреждение.

Михаил Николаевич Тихомиров — инициатор создания Археографической комиссии и первый ее председатель. Это особая тема, для освещения которой потребуется несколько докладов.

Ставя вопрос о создании комиссии и претворяя его в жизнь, Михаил Николаевич не полагался только на свой личный опыт. Была проведена большая подготовительная работа, привлечены многие специалисты, которые затем составили актив Археографической комиссии.

В начале 1956 г. Михаил Николаевич (тогда академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР) обратился к ряду ученых с просьбой высказать соображения о создании центра по руководству археографической деятельностью в стране и о его предполагаемых задачах. В своих ответах ученые писали о том, что, «несмотря на расширение в последние годы археографической работы, до сих пор нет центра, который бы учитывал, планировал, координировал и направлял такую работу», что «это задерживает развитие археографии», поэтому «необходимо создать в Москве при Президиуме (или при Отделении исторических наук) АН СССР Всесоюзную Археографическую комиссию». Каждое письмо содержало предложения о задачах такой комиссии⁵⁴.

Специальная комиссия по выработке «Положения об Археографической комиссии» во главе с Михаилом Николаевичем внимательно изучи-

⁵³ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 30, лл. 42—43 об.

⁵⁴ Фонд Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР (далее—ФАК), 1956 г., № 633, лл. 1—16.

ла письма ученых и на их основе выработала проект «Положения». Он был рассмотрен на Бюро Отделения исторических наук АН СССР и 13 марта 1956 г. одобрен комиссией⁵⁵.

13 апреля 1956 г. Постановлением Президиума АН СССР «в целях координации работы в области археографии» была создана Археографическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР⁵⁶.

Сразу же после этого Михаил Николаевич уже как председатель Археографической комиссии обратился к избранным ее членам (22 человека) с просьбой высказать предложения о задачах и формах работы комиссии. На основе полученных ответов был составлен сводный документ: «Предложения о работе Археографической комиссии». Подлинник этого документа с пометами Михаила Николаевича интересен во всех отношениях. Вот что сказано в нем о задачах комиссии в области археографических экспедиций: «Организация археографических экспедиций в различные районы СССР для учета и собирания исторических документов, рукописей и др.; ...обследовательская работа по проверке режима хранения рукописей в государственных архивохранилищах; ...учет и выявление рукописей в частных собраниях; ...обследование зарубежных архивохранилищ на предмет выявления материалов по истории СССР; ...постановка докладов об итогах археографических экспедиций и обследовании архивохранилищ». В конце документа Михаил Николаевич суммировал «основные предложения», среди которых было предложение «разраб[отать] вопрос об археограф[ической] экспедиции по музеям»⁵⁷.

На первом Общем собрании Археографической комиссии (30—31 октября 1956 г.) Михаил Николаевич выступил с сообщением «О задачах и формах работы Археографической комиссии. (На основе предложений ее членов)». Тогда же, в числе других, был заслушан и доклад В. И. Малышева «Итоги археографической работы на Печоре»⁵⁸. Как писал сам Михаил Николаевич, «в результате проведенного обсуждения были определены задачи Археографической комиссии... в том числе и... организация археографических экспедиций для *учета и собирания* (курсив мой.— В. П.) исторических материалов»⁵⁹.

Таким образом, и в документе, и в решении Общего собрания была конкретизирована и принята как руководство к действию мысль, высказанная Михаилом Николаевичем еще в 1947 г., о том, что собственно археографические экспедиции и учет памятников в фондах архивов, музеев, библиотек (особенно местных), наблюдение за условиями их хранения — это части одной важной задачи — охраны культурного богатства страны.

Понятно, что когда речь идет о таком большом деле, то в одном документе (решении собрания) невозможно не только разработать, но даже перечислить все формы деятельности и методические рекомендации к ним. Кроме того, возобновляя археографические экспедиции в современных условиях, стремясь придать им широкий размах, нельзя было ограничиться лишь опытом наших дореволюционных предшественников и отдельных собирателей уже в советское время. Требовалось обобщить этот опыт, дополнить его новыми соображениями, постоянно проверяя каждое из них на практике. Вот почему в последующие два года эта тема прослеживается в протоколах заседаний Бюро и собраний Археографической комиссии. И мы можем живо себе представить весь тот поиск, без которого немислимо ни одно серьезное начинание.

В то время практиковалось проведение расширенных заседаний Бюро комиссии с участием специалистов. Сохранились записи выступлений по

⁵⁵ Там же, № 1/103, лл. 1—2.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, № 617 б, лл. 2—5.

⁵⁸ Там же, л. 1.

⁵⁹ Там же, № 211—221, лл. 1—3.

интересующему нас вопросу таких известных ученых, как А. И. Андреев, А. А. Зимин, Б. Б. Кафенгауз, И. М. Кудрявцев, В. И. Малышев, А. Н. Наонов, А. А. Новосельский, А. А. Преображенский, К. С. Сербина, Н. В. Устюгов, Л. С. Хачикян, В. И. Шунков, М. В. Щепкина, В. К. Яцунский — представителей Академии наук СССР. Главного архивного управления, музеев, архивов и библиотек.

Из докладов на Общем собрании Археографической комиссии (11—12 июня 1957 г.) два были посвящены рассматриваемой тематике: И. М. Кудрявцева «Археографические поездки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина за 1953—1956 гг.» и П. Н. Корявова «Об упорядочении режима хранения и о научном использовании документальных материалов Архива АН СССР и его областных архивов»⁶⁰.

Собрание с удовлетворением констатировало, что в последнее время уже несколько научных учреждений начали более систематические поездки за рукописями и старопечатными книгами. Но одновременно было подчеркнуто, что этого еще крайне недостаточно, так как территория страны огромна и каждый упущенный год ведет к гибели для науки ценнейших документальных материалов. Как показали экспедиции, рукописи и книги у населения есть (даже в местах, где ранее велись поиски) и приобретение их возможно. На это начали выделяться средства, и нужно добиться того, чтобы они максимально использовались.

Особую остроту приняло обсуждение собранием вопроса о состоянии учета и хранения документальных материалов на местах (главным образом в музеях и библиотеках). Во всех без исключения выступлениях звучала тревога по поводу удручающего положения в деле охраны памятников культуры на местах. Отмечалось, что межведомственные перегородки создают труднопреодолимую преграду для совместных усилий в решении этой задачи.

Многие из выступавших говорили о том, что Министерство культуры СССР, в чьем ведении находятся музеи и библиотеки, соответственно и их архивные фонды, мало внимания уделяет подготовке научных кадров; помещения, где хранятся документы, нередко находятся в плохом состоянии, а то и вовсе не приспособлены для этой цели; зачастую при закрытии музеев, библиотек судьба их фондов остается неизвестной для научной общественности. Таким образом, неисчислимое количество документов полностью выпадает из-под контроля. Более того, не имея возможности обеспечить сохранность документов, Министерство культуры СССР и многие местные органы препятствуют их вывозу в центральные хранилища.

Общее собрание приняло обращение к Министерству культуры СССР по всем вышеуказанным вопросам. Оно рекомендовало начать работу по учету материалов в музеях и библиотеках страны; собирание документов у населения осуществлять во взаимодействии с краеведческими музеями, что должно поднять интерес к прошлому своего края не только у научной общественности, но и у всего местного населения; обратить внимание прессы, радио и телевидения на пропаганду археографических поисков.

Нужно сказать, что на собрании высказывались предложения о том, что необходимо, учтя все рукописные материалы в местных музеях и библиотеках, передать их в архивы, главным образом в центральные архивохранилища. Михаил Николаевич решительно выступил против подобных акций. Он говорил: «Не следует изымать документы из местных хранилищ, за исключением уникальных. Если мы вывезем рукописи из местных архивов, то на местах перестанут приобретать рукописи. Нужно учи-

⁶⁰ ФАК, 1957 г., № 617 б, лл. 1—2, 4—6.

тивать два положения: вывозить только уникальное, наладить хранение на местах. Это дело Археографической комиссии. И как первый шаг, Археографическая комиссия должна добиться предоставления описей ото всех научных учреждений, где хранятся рукописные и старопечатные источники»⁶¹.

Слова эти не случайны. Михаил Николаевич был твердо убежден в том, что нельзя все памятники культуры сосредоточить в нескольких центральных хранилищах, что на местах есть свои научные и культурные силы, способные собирать, бережно хранить, изучать документы по истории родного края. Об этом он писал еще летом 1919 г. в докладе о поездке в Иргизские монастыри, где доказывал, что ценности монастырей должны быть оставлены в Пугачевском музее⁶².

Из протокола собрания мы узнаем, что в это время Михаил Николаевич руководил комиссией по упорядочению режима хранения архивных материалов в Москве. Комиссия проделала большую работу, обследовала архивы ряда научных учреждений (Института мировой литературы, Института права, Московского филиала Архива АН СССР и др.) и там, где это было нужно, оказывала помощь и поддержку⁶³.

Согласно решению общего собрания, Бюро Археографической комиссии 21 июня 1957 г. обсудило вопросы: «1) Об организации археографических экспедиций в 1958 г. 2) О выявлении исторически ценных документов в местных архивах, музеях, библиотеках»⁶⁴. Исходя из того, что Президиум АН СССР отпустил средства на экспедиции лишь со следующего 1958 г., было решено к этому времени подготовить развернутый план экспедиций; составить «памятку (круг вопросов)» для их участников; выяснить, какие поездки предполагаются другими научными центрами; обратиться от лица Археографической комиссии к центральному и местным научным организациям с предложением включиться в работу по выявлению неизвестных исторических материалов; в программе экспедиций учесть сбор документов XIX—XX вв.

Участниками заседания были названы районы, куда можно планировать экспедиции: Горьковская область, Урал, Московская область в целом, Дмитров, Киржач, Орехово-Зуево, Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский. Было даже предложение послать в Московскую область опытную экспедицию. Тогда же впервые в стенах Археографической комиссии прозвучало слово «Сибирь» и не отвлеченно, а с указанием мест, где можно начать поиски рукописей и старопечатных книг.

При обсуждении второго вопроса речь фактически шла о принципах организации особого вида археографических экспедиций (по архивам, музеям, библиотекам). Бюро выработало обращение к Министерству культуры и ГАУ, в котором просило дать официальное разрешение на допуск участников таких экспедиций в архивохранилища и оказывать им содействие. На этом заседании Михаил Николаевич обратил внимание на то, что организация экспедиций ни в коем случае не совместима с поспешностью. На предложение уже тогда послать как можно больше сотрудников для предварительного обследования районов будущих экспедиций, а также архивохранилищ он отвечал: «В этом году нужно ограничиться лишь *отдельными* поездками сотрудников разных организаций *с разведывательными целями... Не следует спешить с обследовательской работой* (курсив мой.— В. П.). Прежде чем посылать людей, надо выра-

⁶¹ Там же, лл. 3 об. — 4.

⁶² Эта часть текста доклада Михаила Николаевича приведена в статье И. П. Старовой «Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР» («Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 309).

⁶³ ФАК, 1957 г., № 617 б, л. 2—2об.

⁶⁴ Там же, № 617, лл. 1—5.

ботать план, дать указания им (памятку). Могут попасться большие архивы и ценные рукописи, а работники окажутся беспомощными»⁶⁵.

23 декабря 1957 г. состоялось расширенное заседание Археографической комиссии с повесткой дня: «Согласование действий по организации археографических экспедиций в 1958 г.»⁶⁶

Михаил Николаевич сообщил, что Президиум АН СССР утвердил экспедицию в Приморский край, которая будет проводиться Археографической комиссией совместно с Отделом истории Дальневосточного филиала АН СССР «с целью обследования старообрядческих селений, фондов музеев, библиотек и архивов для розысков старинных рукописей, редких изданий и документальных материалов, включая период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны»⁶⁷. Редкие рукописи и старопечатные книги экспедиция будет приобретать. Руководителем экспедиции был назначен Михаил Николаевич. Совещание обсудило предварительный план экспедиции. Была достигнута договоренность с ГАУ о том, что сотрудники архивов будут проинструктированы насчет помощи участникам экспедиции, а также о формах участия архивов в ее работе. Совещание также рассмотрело вопросы о полномочиях экспедиции, в том числе о ее правах на приобретение найденных документов; о формах связи с местными органами и населением, а кроме того, вопросы оповещения о местонахождении документов, представляющих научный интерес. С 1958 г. Археографическая комиссия начала свою экспедиционную деятельность.

Но уже при подготовке первой экспедиции возник ряд непредвиденных трудностей. В связи с запланированной командировкой в Лондон Михаилу Николаевичу не удалось лично принять участие в дальневосточной экспедиции. Не смог поехать туда и В. И. Малышев. А. П. Окладников, который в это же время руководил археологической экспедицией в Приморье, оказал археографам очень большую помощь рекомендациями, установлением связи с государственными и научными органами. Но принять на себя непосредственное руководство археографической экспедицией он не смог, справедливо указывая на то, что в силу ряда причин (несовпадение маршрутов, особенности раскопок и т. д.) совместная поездка отрицательно скажется на результатах поисков документов. Таким образом, археографы прибыли на место, а вопрос о начальнике экспедиции не был решен (руководителем экспедиции, как и предполагалось, остался Михаил Николаевич). Кроме того, произошла задержка с переводом средств на нужды экспедиции.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, какую энергичную деятельность развил Михаил Николаевич, находясь в Москве, для того чтобы нормализовать положение⁶⁸. В результате экспедиция обследовала несколько районов края по маршруту Владивосток — Уссурийск — Арсеньев — Чугуевка. У населения были обнаружены рукописи, в том числе исторического содержания, и старопечатные книги. Часть материалов была приобретена. Помимо того, участники ознакомились с фондами Государственного архива Приморского края, краеведческого музея, Музея Военно-Морского Флота (г. Владивосток), Государственного архива Хабаровского края, Хабаровского краеведческого музея. Была составлена опись старопечатных книг из фондов музе-

⁶⁵ ФАК, л. 3. Археографическая комиссия сразу же начала организовывать подобные поездки. Так, осенью того же года Институт истории АН СССР по просьбе Археографической комиссии командировал А. А. Преображенского для ознакомления с коллекцией Г. В. Юдина в Красноярском областном архиве (см. А. А. Преображенский. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 267—292).

⁶⁶ ФАК, 1957 г., № 617, лл. 5—7 об.

⁶⁷ Там же, № 633, л. 1.

⁶⁸ Там же, 1958 г., № 692, лл. 1—14.

ев Владивостока и Хабаровска, а также список воспоминаний участников гражданской войны на Дальнем Востоке, хранящихся в музеях и архивах этих городов.

В 1959—1962 гг. Археографическая комиссия провела еще четыре экспедиции: вторую на Дальний Восток и три в Бурятскую АССР. Поиски проходили, главным образом, в районах, населенных старообрядцами. Всеми экспедициями руководил Михаил Николаевич. Результаты этих экспедиций обсуждались на заседаниях Археографической комиссии, материалы их опубликованы в «Археографических ежегодниках». Поэтому, может быть, стоит здесь уделить большее внимание тем основным положениям, которыми руководствовался Михаил Николаевич, организуя археографические экспедиции и направляя их деятельность.

М. Н. Тихомиров полагал, что в случае, когда археографическую экспедицию организует центральное учреждение, она принесет наибольший эффект, если в ней примут участие научные центры тех областей, где производятся поиски. Все экспедиции Археографической комиссии носили совместный характер, причем инициатива в этом вопросе всегда исходила с мест и затем утверждалась Бюро комиссии и Бюро Отделения истории АН СССР. Подобной практикой достигалось сразу несколько целей: общая заинтересованность в экспедициях и ответственность за их проведение, хотя основную материальную нагрузку несла Археографическая комиссия; участие людей, знающих край; взаимный обмен опытом; приобретение сотрудниками местных научных учреждений навыков для самостоятельного проведения экспедиций в дальнейшем и т. д.

При выборе районов для будущих экспедиций Михаил Николаевич наряду с научно обоснованными сведениями о возможности обнаружить там документальные материалы никогда не пренебрегал известиями, кажушимися даже на первый взгляд полуфантастическими и полученными от людей, не связанных с археографией. Он считал, что все такие известия должны тщательно суммироваться и без задержки проверяться, памятуя о достойных примерах из мировой экспедиционной практики. Так, в письме председателю Дальневосточного филиала АН СССР В. Т. Быкову (1959 г.) Михаил Николаевич писал: «В частности, меня особенно беспокоит вопрос о какой-то таинственной пещере с рукописями, о чем говорили В. Б. Павлову-Сильванскому в его первый приезд во Владивосток. Если это только блеф, то этот блеф надо разоблачить и не создавать легенд. Но если учесть, что именно в замурованных пещерах найдены были замечательные рукописи в Палестине, Египте и у нас в Средней Азии, то Филиал не может остаться в стороне... Это особенно важно в связи с теми мероприятиями по линии общественных дисциплин, которые предпринимаются для создания научного центра в Новосибирске»⁶⁹.

Большинство сведений, полученных Археографической комиссией о Дальнем Востоке и Бурятии, были именно такого характера. И почти все они оказались не только заслуживающими доверия, но и перспективными. Н. Н. Покровский рассказал в своем докладе о том, как настаивал Михаил Николаевич, чтобы обратили внимание на подобные же сведения, полученные им о районах, где сейчас ведет поиски Сибирское отделение Археографической комиссии. Результаты этих поисков всем хорошо известны. Уже после кончины Михаила Николаевича на его имя пришло письмо от престарелого жителя Рязани, который писал, что боится умереть и не передать известные ему факты о судьбе некоторых рукописей из Ольгова монастыря. Специалисты по истории Рязани признали эти сведения заслуживающими доверия и имеющими первостепенное значение.

⁶⁹ Там же, 1959 г., № 692, лл. 14—15.

Во время подготовки экспедиций их участники обязательно должны изучить максимум специальной литературы: по краеведению тех мест, где предстояло работать; по истории раскола; опубликованные материалы экспедиций (археографических, филологических, этнографических и т. д.) других учреждений, которые хотя и относились к другим районам, но содержали сведения, полезные в методическом и иных аспектах. Конечно, тогда в Археографической комиссии еще не было той тщательно разработанной методики подготовки участников экспедиций, какую имеет сейчас уже целый ряд научных центров страны. Но Михаил Николаевич подчеркивал необходимость такой методики, всегда сам проверял списки литературы, экзаменовал сотрудников, не давая скидки на отсутствие опыта, времени и т. п. Обязательными были и неоднократные консультации со всеми специалистами, знающими районы поисков, как при подготовке экспедиций, так и в ходе их. Пожалуй, трудно переоценить помощь, оказанную этими людьми участникам экспедиций Археографической комиссии.

Большое значение придавалось содействию работе экспедиций со стороны партийных и государственных органов на местах. Обращения Археографической комиссии к этим органам необычны по форме, их всегда составлял сам Михаил Николаевич. Он требовал, чтобы были известны имена, отчества и фамилии лиц, кому адресовались обращения; коротко и ясно изложены цели экспедиций и значение поисков для науки; указана конкретная помощь, которую экспедиции надеются получить от этих органов. Начальники экспедиций должны были просить вышестоящие партийные и государственные органы дать письменные распоряжения своим низовым организациям о содействии экспедиционной работе. И надо сказать, что это всегда оказывало не меньшее воздействие, чем многие мандаты, привезенные с собой из Москвы.

Всем местным органам и их отдельным работникам, оказавшим ту или иную помощь экспедициям, посылались благодарственные письма от имени Археографической комиссии. Письма эти обычно не оставались без ответов, и, таким образом, между Археографической комиссией и местными органами еще более укреплялись связи, способствовавшие успеху поисков.

При получении отказа в содействии (в практике комиссии можно вспомнить лишь один такой случай) начальнику экспедиции вменялось в обязанность получить визу отказавшего лица. И делалось это не для того, чтобы в прямом смысле «жаловаться», а с тем, чтобы точно знать, на чем застопорилась работа экспедиции, и вести серьезный, документально обоснованный разговор о важности совместных действий партийных, государственных и научных учреждений по спасению исторических материалов.

В задачи экспедиций Археографической комиссии входили поиски у населения древних рукописей и старопечатных книг. Но непременно должно было быть такое же внимание и к документам более поздним, вплоть до современных. По приезде в Москву все сведения о документах новейшего времени сообщались соответствующим научным учреждениям с тем, чтобы их могли учесть специальные археографические экспедиции этих учреждений.

Особое значение придавал Михаил Николаевич археографическим экспедициям разведывательного характера. В составленной им инструкции «Памятной записке участникам археографической экспедиции в Бурятскую АССР, 1959 г.», он писал: «Цель экспедиции разведывательная, поэтому не ставится специальной задачей приобретения рукописей, старопечатных книг и других предметов»⁷⁰. Михаил Николаевич всегда на-

⁷⁰ ФАК, 1957 г., № 617, лл. 10—11

стаивал на более выдержанном, разведывательном этапе экспедиций в каждом районе. Он радовался, когда находки бывали сделаны не путем наскоков, нервных метаний для отчета о количестве приобретенных единиц, а как результат спокойного методичного поиска. Тут сказывалась его забота не только об Археографической комиссии, но и о будущих экспедициях других научных учреждений, в том числе и местных.

Нельзя не упомянуть о требовании Михаила Николаевича, чтобы экспедиции были максимально доброжелательными по отношению к местным жителям, особенно к владельцам рукописей, книг и документов. Участники экспедиций не имели права вступать в какую-либо полемику по религиозным вопросам. Они должны были показать свои знания предмета, терпеливо отвечать на все вопросы, хотя бы это пришлось делать неоднократно, убедить людей в том общем, что существует между экспедицией и ними — любовь к рукописи, книге, понимание их, стремление сохранить. Лишь в крайних случаях, при обнаружении уникальных материалов, особенно если им грозила опасность гибели, рекомендовалось принимать все меры для их спасения, в том числе и предлагать владельцу выехать вместе с участниками экспедиции в Москву для ведения переговоров.

Экспедициям Археографической комиссии было запрещено принимать рукописи и книги в дар от их владельцев. (Когда участники первой экспедиции в Забайкалье по неопытности приняли несколько таких даров, Михаил Николаевич был крайне недоволен этим и велел на следующий год заплатить бывшим владельцам стоимость рукописей и книг.) Трудно сказать, было ли это вообще проявлением отношения Михаила Николаевича к подобным дарам или оно касалось только Археографической комиссии⁷¹. Но поступая так, он имел в виду, что на экспедиции Комиссии отпускались большие средства, позволявшие им приобретать рукописи и книги. Не меньшее значение придавалось и фактору материальной заинтересованности их владельцев, который мог способствовать тому, что они сами захотят встретиться с участниками экспедиций и показать имеющиеся у них предметы. (О том, какие прекрасные внутренние связи существуют в районах старообрядчества, нет нужды говорить.) Но, пожалуй, больше всего в данном случае Михаила Николаевича волновала этическая сторона. Он считал, что рукописи, книги, документы — ценности, принадлежащие семье, отдельному человеку; эти ценности были куплены в свое время предками людей или ими самими; поэтому нельзя пользоваться незнанием владельцами подлинной стоимости тех или иных предметов.

Михаил Николаевич понимал, что при работе в отдаленных районах обычная практика получения при покупке документальных материалов с их владельцев расписок, да еще заверенных печатями местных учреждений, может привести к прекращению экспедиционной деятельности в этих районах. Экспедиции Археографической комиссии никаких расписок за приобретенные материалы не брали. Уже в Москве создавалась специальная комиссия из компетентных ученых, которая, ознакомившись с тем, что было привезено, составляла акт, где констатировала: «Сумы, уплаченные за рукописи и старопечатные книги, соответствуют их стоимости». Такой акт затем утверждался Экспертной комиссией АН СССР по приобретению архивных и музейных материалов и художественных произведений. Но когда в 1960 г. ревизией было указано на неправильность подобной практики, Михаил Николаевич обратился с

⁷¹ Можно полагать, что М. Н. Тихосмиров допускал возможность дарений в научные центры коллекций (отдельных документов) со стороны специалистов-собрателей. Примером служит его дар своего собрания рукописей, старопечатных книг и документов Сибирскому отделению АН СССР.

письмом к вице-президенту АН СССР академику М. Д. Миллионщикovu⁷². Руководство АН СССР рассмотрело этот вопрос, и была изыскана возможность (конечно, в рамках финансовой дисциплины) приобретать материалы без расписок.

Выше говорилось о том, какое значение придавал Михаил Николаевич экспедициям с целью выявления документальных материалов в архивах, музеях, библиотеках. Фактически именно с таких экспедиций, а не с полевой работы начала Археографическая комиссия свою экспедиционную деятельность (поездки А. И. Рогова в Казань, Новгород, Тулу, Улан-Удэ; А. А. Преображенского в Красноярск и др.). Такие поездки проводились и в дальнейшем с привлечением сотрудников не только Археографической комиссии, но и других научных учреждений.

Но Михаил Николаевич считал, что одной из обязательных задач каждой археографической экспедиции является ознакомление с фондами архивов, музеев, библиотек. К этому виду археографических поисков участники экспедиций должны были относиться с таким же вниманием, как и к полевой работе. Экспедиции Археографической комиссии просматривали и фиксировали документы до 1924 г. По приезде в Москву все сведения о фондах передавались соответствующим научным учреждениям.

Очень строго следил Михаил Николаевич за качеством составления экспедиционной документации (переписки, дневников, описаний, отчетов и т. д.), приводя в пример лучшие образцы такого рода документации предшественников Археографической комиссии.

По окончании экспедиций Михаил Николаевич рекомендовал организовывать на местах выставки найденных материалов для научной общественности и представителей партийных и государственных учреждений. Выставки экспедиций Археографической комиссии, (сопровождавшиеся подробными пояснениями А. И. Рогова) не только производили большое впечатление, но и способствовали дальнейшей работе экспедиций в данных районах.

Из всего сказанного можно увидеть, что Михаил Николаевич при организации археографических экспедиций и руководстве ими стремился следовать лучшим традициям классической археографии и развивать их в наших современных условиях.

Несмотря на то, что Михаил Николаевич сам не выезжал в экспедиции Археографической комиссии, его роль как их руководителя нельзя считать в какой-либо мере условной. Он готовил эти экспедиции в московский период своей деятельности; участники экспедиций постоянно писали ему письма-отчеты, поддерживали с ним телеграфную и телефонную связь. Много раз его опыт подсказывал решения там, где положение казалось безвыходным. Особыми были и отношения Михаила Николаевича с участниками экспедиций. Если кто-нибудь из них был в чем-то виноват, Михаил Николаевич мог наложить на него строгое дисциплинарное взыскание (или, что значило не меньше, выразить свое отношение к проступку). Но когда действия участника экспедиции были правильными, Михаил Николаевич употреблял весь свой авторитет, для того чтобы защитить его. Делал он это вовсе не для спасения «чести мундира», а поддерживая в сотрудниках сознание справедливости. Поэтому в экспедициях Археографической комиссии всегда ощущалось не только чувство ответственности, но и спокойствие, что часто решает успех дела.

Для Михаила Николаевича научная работа, деятельность были естественным состоянием каждого человека, связавшего свою судьбу с наукой. И он не считал, что это заслуживает каких-то особых похвал. Вот несколько ответов Михаила Николаевича, относящихся ко времени, когда

⁷² ФАК, 1962 г., № 692, лл. 12—14.

он уже занимал высокое положение в научном мире (в письме к В. И. Малышеву): «Меня поразило то, что Вы уже стали считать меня лицом официальным. Право не стоило писать мне, что Вы будете хорошим собирателем рукописей... Ведь вся соль в Вас, а не во мне, я на положении свадебного генерала, который, впрочем, тоже иногда бывает нужен»⁷³. В другом письме В. И. Малышеву он писал: «Но велика ли заслуга у птицы, если она поет. А для меня лучшие часы моей жизни, когда я работаю»⁷⁴.

Такова в общих чертах деятельность Михаила Николаевича Тихомирова как одного из инициаторов и организаторов археографических экспедиций, деятельность, которая прошла через всю его прекрасную и многотрудную жизнь.

⁷³ Архив АН СССР, ф. 693, оп. 4, д. 30, ч. I, лл. 6, 11 об.

⁷⁴ Там же, ч. II, л. 31.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Э. С. Паина

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (Обзор материалов ЦГИА СССР)

Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России являлось одной из важнейших задач партии, ее местных комитетов и печатных органов.

Изучение этой стороны деятельности партии возможно лишь при рассмотрении различных аспектов данной проблемы: использование легальных и нелегальных возможностей издания ленинских работ, распространение их в широких массах, преследование царским правительством произведений В. И. Ленина и их распространителей. Сюда же можно отнести и изучение характера аннотирования ленинских работ в дореволюционных библиографических справочниках, каталогах крупнейших книжных магазинов и ведомственных библиотек.

В советской историографии этим вопросам посвящены монографии, статьи, публикации и обзоры. Из них прежде всего следует назвать сообщения и публикации о распространении произведений В. И. Ленина в дореволюционной России¹, а также фондовые, тематические обзоры и публикации документов, раскрывающие цензурную политику царского правительства, направленную против распространения ленинских идей в массах².

¹ «Протоколы допроса Владимира Ильича Ленина во время пребывания в Петербургской тюрьме». — «Записки Института Ленина», I. [М.], 1927; «Архивные документы к биографии В. И. Ленина (1887—1914 гг.)». — «Красный архив», 1934, 1(62); «Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.)». — «Красный архив», 1941, 1(104), стр. 3—53 (Хроника, составленная в бывшем ЦГИАМ по делам Департамента полиции и Временной канцелярии Министерства юстиции); Е. К. Барштейн, Г. И. Богатикова. О распространении работ В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и «Новый фабричный закон» (по материалам ЦГИАМ). — «Исторический архив», 1960, № 5, стр. 185—190 и др.

² Л. Полянская. Архивный фонд Главного управления по делам печати. Обзор. — «Литературное наследство», 1935, № 22—24; «Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике». — «Красный архив», 1923, 4, стр. 308—316; Н. Яковлев. Ленин в цензуре. (Архивная справка). — «Красная летопись», 1924, № 2(11), стр. 19—34; «Большевистская печать в тисках царской цензуры. 1910—1914. Газеты «Звезда», «Правда». Сб. документов. Сост. М. Л. Лурье и Л. И. Полянская. [Л.], 1939; Л. Полянская. Из истории первых большевистских легальных газет. (Репрессии царской цензуры против большевистских газет в 1905—1906 гг.). — «Борьба пролетариата». Ученые записки Ленинградского института истории ВКП(б), № 1, 1940, стр. 191; «Царизм в борьбе с революционной печатью». — «Красный архив», 1941, 2(105), стр. 140—155; И. Ф. Ковалев. Преследования произведений В. И. Ленина царской цензурой. (По материалам Центрального государственного исторического архива в Ленинграде). — «История СССР», 1963, № 2, стр. 89—96 (Краткий хронологический обзор документов); И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Борьба царской цензуры с произведениями В. И. Ленина. Обзор документов. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 1, стр. 67—78; И. Ф. Ковалев. Из истории большевистской печати. Обзор документов. — «Советские архивы», 1966, стр. 68—72 и др.

Во многих исследованиях, включающих вопрос о распространении ленинских произведений и их влиянии на массы, использованы архивные документы, хранящиеся в ЦГИА СССР³. Однако еще не исчерпаны все сведения по этому вопросу, содержащиеся в документальных богатствах названного архива. Речь идет, в первую очередь, о комплексе материалов фонда Министерства юстиции (ф. 1405) — «всеподданнейших докладах» министра царю по делам о «государственных преступлениях», представлениях, рапортах, уведомлениях прокуроров о жандармских дознаниях по этим делам и Коллекции вещественных доказательств ко многим из них (ф. 1410).

Бурный рост в 90-х годах XIX в. революционного движения в России и успешное распространение марксизма побудило правительство принять ряд чрезвычайных мер к подавлению этого движения и расправе с его участниками. С 1892 по 1898 г., по отчету министра юстиции Николаю II, количество рассмотренных в Министерстве дознаний по политическим делам взросло в 2½ раза⁴. Учрежденная в 1893 г. при Министерстве юстиции Временная канцелярия по производству «особых уголовных дел» подготавливала доклады царю по политическим делам, разрешаемым административным порядком. На основании присланных с мест жандармских дознаний с вещественными доказательствами и рапортов прокуроров судебных палат составлялись ведомости с перечислением лиц, привлеченных к дознанию по политическим делам. Помимо краткой характеристики их революционной деятельности в ведомости, в большинстве случаев назывались и обнаруженные у них нелегальные и запрещенные издания, а также указывались предложенные прокурорами судебных палат меры административного наказания. Содержание ведомостей довольно подробно отражено в докладах министра царю, которые являлись как бы приговорами по этим делам. (Доклады представлялись на рассмотрение и утверждение царя лишь после согласования их с министром внутренних дел.) Практика разрешения политических дел административным порядком была прекращена в 1904 г.⁵ В дальнейшем доклады редко касались дел политических и носили весьма формальный характер.

После утверждения доклада царем жандармские дознания с вещественными доказательствами возвращались на места. Часть доказательств осталась в Министерстве юстиции и в настоящее время составляет коллекцию, в которой наибольшее значение для исследуемого нами вопроса имеют нелегальные издания ленинских произведений, отобранные жандармами при арестах и обысках.

Сведения о делах, рассмотренных в докладах министра юстиции царю, содержатся и в обзорах «важнейших дознаний», производившихся в жандармских управлениях империи по «государственным преступлениям» с 1895 по 1902 г.⁶, а также в материалах и черновиках к работе по истории социально-революционного движения в России с середины 90-х годов XIX в. до 1904 г. С. С. Татищева (ф. 878). Эту работу С. С. Татищев писал по личному заданию Николая II⁷. Выступая в качестве официального историка, он подробно излагает историю революционного движения конца XIX — начала XX в. с откровенно монархических позиций. Однако очень точно используемое им огромное количество источников, среди которых были редкие издания ленинских произведений, весьма ценно⁸.

Некоторые сведения о распространении произведений В. И. Ленина в дореволюционной России содержатся в копиях судебных документов, хранящихся в фонде известного адвоката А. С. Зарудного (ф. 857).

³ «Документы ЦГИА СССР в Ленинграде в работах советских исследователей». Библиографический указатель [вып. 1], 1917—1957 гг., Л., 1960; вып. 2, 1958—1962 гг. Л., 1966. Мы имеем в виду главным образом работы, включенные в этот указатель.

⁴ Л. С л у х о ц к и й. Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями. — «Историко-революционный сборник», т. III. М.—Л., 1926, стр. 273—274.

⁵ Там же, стр. 270—279; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 539, д. 313, л. 1.

⁶ Библиотека ЦГИА СССР.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 878, оп. 1, д. 27, л. 1.

⁸ Автор руководства для жандармов по истории революционного движения в России А. И. Спиридович («Революционное движение в России», вып. 1. «Российская социал-демократическая рабочая партия». СПб., 1914) также широко привлекал ленинские работы и большевистскую печать, цитировал их, давая при этом свое толкование, и называл их в списке рекомендуемой им литературы.

В документах (отзывах и рапортах цензоров в Главное управление по делам печати и Петербургский цензурный комитет, в журналах заседаний Совета по делам печати, Петербургского цензурного комитета и Центрального комитета цензуры иностранной, а также заверенных копиях обвинительных актов и судебных решений), хранящихся в фондах центральных цензурных учреждений дореволюционной России (ф. 776, 777, 779), отражена не только правительственная политика преследования произведений В. И. Ленина и большевистской печати, но также содержатся сведения о распространении их в массах, чему исследователи до сих пор не уделяли достаточного внимания.

Вопрос отражения произведений В. И. Ленина в дореволюционных справочниках, в частности в каталогах ведомственных библиотек, был нами изучен лишь по изданиям, которые имеются в Библиотеке ЦГИА СССР.

Нашей целью является обзор вышеперечисленных групп документальных материалов и печатных изданий, хранящихся в фондах и Библиотеке ЦГИА СССР, содержащих сведения о распространении произведений В. И. Ленина в виде отдельных изданий и на страницах большевистской печати в дореволюционной России. Вместе с тем следует иметь в виду, что настоящий обзор не может дать полного представления об истинных масштабах распространения ленинских работ в указанное время, так как фиксирует только те случаи, когда эти работы попадали в сферу деятельности вышеперечисленных учреждений⁹.

В первой части обзора рассматривается распространение произведений В. И. Ленина с середины 90-х годов до 1905 г. (главным образом нелегальных изданий) по вышеупомянутым фондам.

В 1894 г. была нелегально отпечатана и распространялась в России первая работа В. И. Ленина в трех выпусках «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Тиражи всех выпусков этой работы быстро разошлись. Поэтому сразу же было предпринято второе издание первого выпуска. В предисловии к нему автор выразил уверенность, что «предлагаемое сочинение послужит к некоторому оживлению нашей социал-демократической пропаганды», и призвал своих единомышленников «содействовать всеми средствами... возможно более широкому распространению как предлагаемого сочинения, так и всех вообще органов марксистской пропаганды»¹⁰.

Первой работой В. И. Ленина, легально изданной в России, была статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (апрель 1895 г.)¹¹. Сборник в количестве 8 экземпляров был представлен в Петербургский цензурный комитет и запрещен цензурой. Основанием для запрета послужил отзыв цензора Петербургского цензурного комитета П. А. Матвеева от 10 мая 1895 г., который предложил применить к этому сборнику циркуляр Главного управления по делам печати от 14 января 1894 г. о воспрещении переиздавать вышедшие на русском языке I и II тома «Капитала» Карла Маркса. Цензор характеризовал авторов сборника как русских марксистов, которые имеют в виду «распространение доктрины, направленной против существующего общественного и государственного порядка», и в своих комментариях и выводах из экономической теории Карла Маркса «заходят далее его самого, очевидно руководствуясь не только его научными критическими исследованиями в области политической экономии, но и агитаторскою деятельностью во главе Интернационального общества рабочих, основанного с целью возбуждения классово-борьбы между представителями труда, рабочими, и представителями капитала, под которыми русские марксисты, как это видно из статьи К. Тулина (псевдоним В. И. Ленина.— Э. Л.), разумеют буржуазию в самом широком смысле, причисляя к органам ее все установленные государством власти»¹².

⁹ Ссылки на ранее опубликованные обзоры и публикации архивных документов по теме даны нами лишь в тех случаях, если их содержание совпадает со сведениями, содержащимися в документах и материалах архива.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 205.

¹¹ См. там же, стр. 347—534.

¹² ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 4, 1895 г., д. 90, л. 12—12 об.; «Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике», стр. 315—316.

Петербургский цензурный комитет представил это дело в Главное управление по делам печати¹³. Министр внутренних дел, найдя вопрос особо важным, внес его на рассмотрение Комитета министров, который 12 марта 1896 г. признал сборник с ленинской статьей «вредным» и «воспретил» выпуск этой книги в свет. 16 марта 1896 г. начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов с удовлетворением заявил: «Наконец, книга «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» запрещена Комитетом министров». При этом он добавил: «Нельзя ли два экземпляра этой книги удержать для меня?»¹⁴ Два экземпляра сборника были направлены из Главного управления по делам печати в секретное отделение императорской Публичной библиотеки¹⁵. 19 марта 1896 г. начальник Главного управления уведомил градоначальника о запрещении выпуска сборника в свет и просил «сделать распоряжение» об уничтожении упомянутой книги¹⁶. Однако часть экземпляров этого сборника, помимо оставленных в цензурных органах и Публичной библиотеке, сохранилась и распространилась среди революционной интеллигенции.

В 90-х годах XIX в., борясь за создание революционной рабочей социал-демократической партии и соединении социализма с рабочим движением, В. И. Ленин и руководимый им «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» не ограничивались только пропагандой марксизма. Они вели экономическую и политическую агитацию; одной из форм этой агитации были листовки. Еще в конце декабря 1894 г. В. И. Ленин вместе с И. В. Бабушкиным написал листовку к рабочим Семяниковского завода, которая до сих пор не разыскана¹⁷. Сведения о ней имеются в протоколе жандармского полковника от 24 ноября 1896 г. о произведенном в Киевском университете в присутствии ректора обыске в лаборатории технической химии. В протоколе указывается, что был обнаружен ряд нелегальных гектографированных революционных изданий (произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова, листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и др.), а также две тетради с рукописью, озаглавленной «Как живут портовые рабочие?», и с отпечатанной на пишущей машинке статьей по поводу «бунта на Семяниковском заводе»¹⁸. Можно предположить, что разыскиваемая ленинская листовка, или ее интерпретация, попала в Киев вместе с петербургскими изданиями «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В середине 90-х годов в Петербурге действовала подпольная типография «Группы народолюбцев» (Ляхтинская), в которой охотно печатали листовки и брошюры «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»¹⁹. Здесь была напечатана листовка «Вопросы о положении рабочего класса в России», написанная, по-видимому, В. И. Лениным, которая, как пишет историк С. С. Татишев, раздавалась рабочим Петербурга и его окрестностей. Вспроснику, замечает С. С. Татишев, предшествовало объяснение, как вписывать стветы в оставленные для них чистые места и вернуть их тому, «от кого они их получали». Таким образом, «руководящий социал-демократический кружок в Петербурге получил подробные и точные сведения о положении рабочих на столичных фабриках, на основании которых они вскоре приступили к организации стачек на тех из них, что представляли для того благоприятную почву»²⁰.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 20, д. 1517, л. 1.

¹⁴ Там же, л. 25.

¹⁵ Там же, лл. 24—29; ф. 878, оп. 1, д. 44, л. 42; «Устав о цензуре и печати». СПб., 1890, стр. 22. В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) хранятся пять экземпляров этого сборника, на одном из которых, по-видимому, цензором П. А. Матвеевым были сделаны многочисленные подчеркивания (ГПБ, ф. Вольной печати, № 6666).

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 20, д. 1517, л. 27—27 об.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 566; Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968, стр. 21.

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 1205, лл. 453—455. Разрядка моя. — Э. П.

¹⁹ Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 446, лл. 355—358. Сношения с этой типографией вела до ареста в мае 1896 г. Л. М. Книпович. С осени 1895 г., получая из типографии «подпольные произведения», она «раздавала таковые другим лицам» (ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 448, л. 241; Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 19).

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 878, оп. 1, д. 30, лл. 30—34; «Революционное движение в России в докладах министра Муравьева». СПб., [1907 г.], стр. 30; «Обзоры важнейших познаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственному преступлению, за 1895 и 1896 гг.» (далее — «Обзоры важнейших познаний... за 1895 и

Несадолго до ареста, в ноябре 1895 г., В. И. Ленин подготовил листовку «К рабочим и работницам фабрики Торнтон»²¹. «Метод агитации на почве повседневных нужд рабочих в нашей партии пустил глубокие корни», — вспоминала Н. К. Крупская по поводу агитационных произведений В. И. Ленина середины 90-х годов²². С. С. Татищев, отметив, что с осени 1895 г. стачки в Петербурге возобновились под руководством социал-демократов, обратил внимание на то, что «из всех петербургских фабрик всего хуже жилось рабочим на фабрике Торнтон»²³. Для написания этой листовки В. И. Ленин тщательно изучил и проверил собранные по его поручению материалы о положении торнтоновских рабочих²⁴. Используя благоприятный момент после того, как в результате забастовки 6 и 7 ноября 1895 г. «директоры пошли на уступки»²⁵, В. И. Ленин обратился к рабочим фабрики Торнтон с призывом продолжить борьбу. «Социал-демократы», — писал по поводу ленинской листовки С. С. Татищев, — спешили использовать свой успех». Подробно изложив ее содержание, историк включил в свою работу почти весь ее текст. При этом С. С. Татищев обратил внимание на те места листовки, которые убеждали рабочих в общности их интересов и одержанной победе над владельцами фабрики, не сумевшими превратить ткачей, как писал В. И. Ленин, «в жалких рабов их бездонного кошелька»²⁶. Листовка была размножена на гектографе и mimeографе и распространялась в Петербурге членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В ночь на 9 декабря 1895 г. листовка была обнаружена у П. Н. Лепешинского, студента университета П. Романенко и у В. А. Шелгунова²⁷. В 1896 г. листовка была опубликована в Женеве, в неперIODическом сборнике «Работник», № 1—2, в котором, помимо этой листовки, был напечатан написанный В. И. Лениным некролог «Фридрих Энгельс». После выхода в свет названного сборника ленинская листовка распространялась в этом издании. Так, в марте 1897 г. в Петербурге во время сходки у рабочего Ивана Добашина полицией были захвачены лежавшие на столе гектографированные листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и «Работник» № 1—2. В октябре того же года сборник был обнаружен в Москве у акушерки Е. И. Бакшеевой и ее сестры А. И. Иноземцевой²⁸.

В Коллекции вещественных доказательств* по делам Министерства юстиции хранятся три экземпляра этого сборника. Один из них был обнаружен в 1898 г. в Киеве (вместе с «Манифестом коммунистической партии» (Женева, 1882) и брошюрой В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах») у С. А. Огореловой. Другой был отобран в том же году в Чернигове, где среди местных ремесленников велась «социально-революционная пропаганда»²⁹.

1896 гг.»). — Библиотека ЦГИА СССР, № 87802, стр. 129. Впервые вопросник был опубликован И. Никитиным в его книге «Петербургский „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“» ([М.], 1950, стр. 29—30) по тексту, включенному С. С. Татищевым в его историческое исследование по социально-революционному движению (ЦГИА СССР, ф. 878, оп. 1, д. 30, лл. 30—34). В 1961 г. этот вопросник был вторично опубликован в сборнике документов «Рабочее движение в России в XIX веке», т. IV, ч. 1. [М.], 1961, стр. 1—2. Однако рукопись вопросника еще не разыскана (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 561).

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 70—74.

²² Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 17.

²³ ЦГИА СССР, ф. 878, оп. 1, д. 30, л. 84.

²⁴ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 21—22.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 878, оп. 1, д. 30, л. 85.

²⁶ Там же, лл. 83—87; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 70.

²⁷ «Обзоры важнейших дознаний... за 1895 и 1896 гг.», стр. 103; «Доклад по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя „социал-демократами“». — «Сборник материалов и статей. Редакция журнала „Исторический архив“», вып. 1. [М.], 1921, стр. 99, 124; «Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.)». — «Красный архив», 1941, 1(104), стр. 7.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 448, лл. 295—297; д. 449, л. 313; «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1897 г.». СПб., 1902 (далее — «Обзор важнейших дознаний... за 1897 г.»), стр. 15.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 24, 31, 319; ф. 1405, оп. 521, д. 451, л. 415—415 об.; д. 450, лл. 182—184.

Почти одновременно с листовкой «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» осенью 1895 г. В. И. Ленин написал упомянутую брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», которая была напечатана (3000 экз.) в конце 1895 г. в Петербурге, в подпольной типографии «Группы народовольцев»³⁰. Брошюра была издана анонимно с указанием вымышленных сведений о цензурном разрешении и месте издания. В приложении II к «Обзорам важнейших дознаний... за 1895—1896 гг.» — «Революционные издания, вышедшие в 1895 г.» — по мимо внешнего описания брошюры раскрыто и ее содержание³¹. Брошюра была очень популярна не только среди питерских рабочих. Она нашла широкое распространение и в других городах России³². Сообщение о выходе брошюры в свет было опубликовано в упомянутом неперидическом издании «Работник» № 1—2. В апреле 1896 г. она была обнаружена у слесаря Киевской железной дороги. В том же году 10 экземпляров брошюры было переслано из Петербурга в Нижний Новгород местному кружку социал-демократов, связанному с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Находившийся на свободе после ареста значительной группы членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Н. Э. Бауман пытался в марте 1897 г. через одного рабочего отправить в Ригу столь необходимую для революционной агитации литературу — «40 преступных воззваний» и 10 экземпляров брошюры «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»³³. Широко использовал брошюру для агитации среди тульских рабочих член «Московского рабочего союза» Н. М. Величкин. Кроме бесед он читал «рабочим разные нелегальные издания, в том числе и «Объяснение закона о штрафах»³⁴.

Брошюра быстро разошлась, и в 1897 г. она была переиздана в Женеве «Союзом русских социал-демократов за границей»³⁵. В дальнейшем распространялись оба издания, но после 1897 г. главным образом женевское. Иногда случалось, что оба издания распространялись одновременно. Так, на экземпляре петербургского издания брошюры 1895 г., хранящемся в Коллекции вещественных доказательств, имеется сургучный оттиск печати Киевского губернского жандармского управления. Этот экземпляр был задержан в 1898 г. в Киеве. В том же году в Чернигове было обнаружено женевское издание, на котором имеется мастичный оттиск печати Киевского комитета РСДРП³⁶. В 1899 г. брошюра была задержана в Петербурге у студента Горного института Я. Завадского. Летом этого же года среди путиловских рабочих вела пропаганду группа студентов и курсисток, среди них П. Е. Щеголев, в будущем известный литератор и историк, редактор журнала «Былое». При обыске у одной из курсисток нашли много листовок, обращенных к путиловским рабочим, а также брошюру «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»³⁷.

Большую работу на фабриках и заводах Москвы вел местный комитет РСДРП, куда входили О. Г. Смидович, М. И. Ульянова, А. В. Шестаков и др. У одного из

³⁰ Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 446, лл. 356 об.—358; «Обзоры важнейших дознаний... за 1895 и 1896 гг.», стр. 139.

³¹ «Обзоры важнейших дознаний... за 1895 и 1896 гг.», стр. 295—296.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 15—60; Е. К. Барштейн, Г. И. Богатикова. О распространении работ В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и «Новый фабричный закон», стр. 185—190; «Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.)», стр. 7—12; «Рабочее движение в России в XIX веке», т. IV, ч. 1, стр. 311, 319—321, 334, 493, 708.

³³ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 446, лл. 246—247; д. 448, л. 38—38 об.; д. 449, лл. 315—316; «Обзоры важнейших дознаний... за 1895 и 1896 гг.», стр. 239; «Обзор важнейших дознаний... за 1897 г.», стр. 15.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 447, лл. 301—333; д. 448, лл. 262—275; «Обзор важнейших дознаний... за 1897 г.», стр. 53—54.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 572. Обычно в полицейских, жандармских, судебных документах не указывались ни место, ни год издания, особенно если речь шла о переизданиях. Поэтому ответить на вопрос, какое из изданий имелось в виду в том или ином документе, с полной достоверностью возможно лишь тогда, когда упоминаемые экземпляры сохранились в Коллекции вещественных доказательств (ЦГИА СССР, ф. 1410).

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 24, 29.

³⁷ Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 450, л. 284; д. 451, лл. 9а, 97—97 об.

членов этой организации, А. В. Борисова, были отобраны 9 экземпляров нелегальных сочинений, среди них «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»³⁸. Весной 1900 г. брошюра распространялась среди фабричного населения посада Клиницы Новозыбковского уезда Черниговской губернии. 10 апреля 1900 г. эта работа В. И. Ленина была обнаружена в Екатеринославе у одного из членов Екатеринославской организации РСДРП, руководимой И. Х. Лалаянцом. В конце 1901 г. брошюру вместе с отдельными номерами «Искры» находили в Иваново-Вознесенске и селе Кожмы Владимирской губернии³⁹.

Весьма различны были и способы распространения этих брошюр. Например, 2 октября 1900 г. в Киеве названная брошюра вместе с другой литературой распространялась во время любительского спектакля, устроенного Киевским комитетом РСДРП. В том же году в Брянском уезде у рабочего Егора Самойлова были отобраны революционные издания, распространявшиеся среди местного населения: «Рабочник», «Рабочее дело» и ленинские работы «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» и «Новый фабричный закон». В конце 1901 — начале 1902 г. в городе Новозыбкове местная организация РСДРП распространяла среди рабочих фабрики Волкова «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Здесь брошюру зачитывали на конспиративных сходках, а портной С. С. Андронов в 1902 г. читал ее знакомым и «в беседах с ремесленниками дерзко порицал существующий в империи государственный строй». В Николаеве в январе 1902 г. брошюра распространялась среди рабочих, сочувствовавших местной организации РСДРП. В том же году она была обнаружена в Киеве вместе с брошюрой «Майские дни в Харькове», предисловие к которой также написал В. И. Ленин, а в 1903 г. — в Перми⁴⁰.

К 1902 г. второе (женевское) издание брошюры также разошлось. Об этом известил комитеты РСДРП «Лига русской революционной социал-демократии» в выпущенном ею в 1902 г. каталоге⁴¹.

Листовка В. И. Ленина «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» и брошюра «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» явились образцом агитационной литературы для остальных членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В ноябре 1896 г. В. И. Ленин написал от имени «Союза борьбы» листовку «Царскому правительству»⁴², разоблачающую политику С. Ю. Витте в рабочем вопросе. Сдержанный С. С. Татищев, назвав ленинскую листовку «дерзким вызовом», включил ее полный текст в свою работу.

Летом 1897 г. В. И. Ленин пишет популярную брошюру «Новый фабричный закон»⁴³, разоблачающую политику правительства в области регламентации рабочего дня. Брошюра была напечатана в 1899 г. в Женеве в типографии «Союза русских социал-демократов» и широко распространялась в России. Как указано в докладах министра юстиции царю, в 1900 г. она дважды была обнаружена в Киеве: в марте в кружке гимназистов, а в октябре у членов местной организации РСДРП; в начале следующего года в Вильно у занимавшегося живописью Г. Д. Земляничина, 9 февраля 1901 г. в рабочем пригороде Иваново-Вознесенска — Ямы — под одеждой у рабочего Ф. В. Поснова, весной того же года брошюра распространялась среди рабочих в Брянском уезде, в октябре в Вятке обнаружена у П. А. Дубова и Е. Н. Макаровой,

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 451, лл. 111—112 об.

³⁹ Там же, л. 228 об.; д. 454, лл. 332—338; д. 455, л. 88 об.

⁴⁰ Там же, д. 452, л. 208; д. 453, л. 220 об.; д. 455, лл. 319—320, 338; д. 457, лл. 262—263; д. 458, лл. 15—16, 195—196.

⁴¹ «Каталог изданий, находящихся в складах Лиги русской революционной социал-демократии» («Catalogue des publications de la Ligue des Socialistes-démocrates Russes et de Iskra»), стр. 3; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 304).

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 111—116; ЦГИА СССР, ф. 878, оп. 1, д. 31, лл. 30—38.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 263—314.

в конце года в Одессе у А. И. Лиса⁴⁴. У рабочего И. П. Преснякова в 1902 г. в деревне Узлонки Масальского уезда Калужской губернии было обнаружено свыше 20 запрещенных изданий, в том числе и брошюра «Новый фабричный закон». Последний раз брошюра упоминается в делах Министерства юстиции как задержанная в июне 1903 г. на границе в количестве 62 экземпляров вместе с первомайской листовкой 1901 г., «Революцией и контрреволюцией в Германии» Ф. Энгельса и газетой «Южный рабочий»⁴⁵.

В 1897 г. В. И. Ленин написал известную брошюру «Задачи русских социал-демократов». Брошюра была издана в 1898 г. анонимно в Женеве группой «Освобождение труда» и засылалась в Россию. В 1899 г. при задержке на границе транспорта с литературой «Союза русских социал-демократов» в количестве 332 экземпляров была обнаружена и ленинская брошюра⁴⁶. Брошюра в том же году распространялась во время забастовки ремесленников в г. Орше Могилевской губернии, весной 1901 г. была обнаружена в Кишиневе вместе с другими подпольными изданиями у «политически неблагонадежного» К. И. Яневича. 1 марта 1902 г. по улицам Харькова было разбросано значительное количество нелегальных изданий — более 4000 экземпляров листовок, газета «Рабочее дело», а также брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Майские дни в Харькове»; в том же году брошюра была задержана у членов «Организационного комитета ярославских семинаристов» в селе Маркваша Сызранского уезда Симбирской губернии вместе с отдельными номерами газеты «Искра», в 1902 г. — в г. Рогачеве Могилевской губернии у портнихи Тамары Малкиной вместе с 23 другими подпольными изданиями⁴⁷. В списке книг для чтения, отобранном в 1902 г. при аресте у члена Московской организации РСДРП В. Е. Петровой, помимо «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Наемного труда и капитала» К. Маркса и «Эрфуртской программы», работы В. И. Ленина «Что делать?» и журнала «Заря» № 4 названа и брошюра «Задачи русских социал-демократов»⁴⁸.

Широкое распространение и популярность брошюры⁴⁹ вызвали необходимость ее переиздания. Это было осуществлено в Женеве в 1902 г. под непосредственным наблюдением В. И. Ленина. На ее обложке была напечатана фамилия автора «Н. Ленин». В последующие годы, по-видимому, одновременно распространялись оба издания. Об этом свидетельствуют хранящиеся в Коллекции вещественных доказательств 4 экземпляра первого издания и 2 — второго⁵⁰, распространявшиеся в России в начале 1900-х годов. В апреле 1903 г. брошюра была обнаружена в Житомире, в том же году — в Гродно⁵¹. Летом 1903 г. на границе близ местечка Кретинген Росненского уезда Ковенской губернии пограничной стражей было задержано 302 экземпляра нелегальных изданий, среди которых была и брошюра «Задачи русских социал-демократов». В той же Ковенской губернии в апреле 1904 г. недалеко от границы были обнаружены два склада нелегальных изданий на литовском (17 000 экз.) и русском (9298 экз.) языках, в каждом из них хранилось по 72 экземпляра ленинских брошюр «Задачи русских социал-демократов» и «К деревенской бедноте»⁵².

⁴⁴ «Каталог изданий...», стр. 4; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 452, л. 125—125 об.; д. 455, лл. 65, 308, 321; д. 451, лл. 371 об.—372 об.; д. 452, л. 208; д. 454, л. 205 об. На экземпляре брошюры, задержанной в 1902 г. на Мотовилихинском заводе у рабочего А. П. Аристова, имеется сургучный отпечаток печати Пермского губернского жандармского управления (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 78).

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 454, лл. 121 об.—122; оп. 530, д. 991, л. 67 об.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 433—470; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 451, л. 66—66 об.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 451, л. 330; д. 453, лл. 167 об.—168; д. 455, л. 273 об.; д. 456, лл. 123—125 об.; оп. 530, д. 991, л. 64.

⁴⁸ Там же, ф. 1410, оп. 2, д. 124, 125.

⁴⁹ «Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.)», стр. 11—40.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 148, 171; оп. 3, д. 401—404.

⁵¹ Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 457, лл. 206—207 об.; ф. 1410, оп. 2, д. 171 (на этом экземпляре брошюры имеется сургучный отпечаток печати помощника начальника Гродненского губернского жандармского управления).

⁵² ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 74, л. 38—38 об.; д. 101, лл. 177—179.

Пребывание В. И. Ленина в ссылке было временем необычайно интенсивного труда и предельно напряженной борьбы с экономистами. В августе 1899 г. В. И. Ленин организует обсуждение «Credo» экономистов и составляет «Протест российских социал-демократов»⁵³, который подписали 17 ссылных марксистов, сторонников В. И. Ленина. 26 сентября 1901 г. работа была обнаружена в Вильно⁵⁴.

В период первой эмиграции — с июля 1900 г. до конца ноября 1905 г. — В. И. Ленин печатает свои произведения за границей. В конце сентября — начале октября 1900 г. выходит «Заявление редакции „Искры“», экземпляр которого хранится в Коллекции вещественных доказательств при министерстве юстиции⁵⁵. До выхода из редакции «Искры» в ноябре 1903 г. В. И. Ленин редактировал эту газету и писал для нее много статей. Некоторые его статьи издавались затем редакцией «Искры» отдельными оттисками (например, «Борьба с голодающими», «Революционный авантюризм»).

Распространение революционной литературы приняло в начале XX в. такой массовый характер, что прокуроры судебных палат отпечатывали специальные формуляры с угловым штампом прокурора палаты и грифом «секретно», где нужно было лишь проставить количество захваченных полицией или жандармами экземпляров нелегальных изданий, дату и место их обнаружения⁵⁶.

Департамент полиции, жандармерия препятствовали распространению социал-демократической агитационной литературы; пропагандисты марксистско-ленинских идей жестоко преследовались и подвергались тягчайшим наказаниям. Сведения об аресте транспортов «Искры» свидетельствуют о количестве отправленных экземпляров газеты в Россию. Так, 27 февраля 1901 г. в Газенпотском уезде Курляндской губернии был задержан доставленный из Пруссии транспорт с 1000 экземплярами первого номера «Искры», предназначенный для Уфы⁵⁷. 23 ноября того же года на станции Граница Варшавско-Венской дороги был задержан при досмотре чемодан с двойным дном, где было спрятано 638 экземпляров «подпольной прессы», в том числе 309 номеров газеты «Искра», 75 оттисков из этой газеты статьи В. И. Ленина «Борьба с голодающими», 70 оттисков статьи И. В. Бабушкина «В защиту иваново-вознесенских рабочих» — приложение к «Искре». В декабре того же года у прибывшего из-за границы в Одессу болгарского подданного, активного агента «Искры» И. Загубанского, в двух чемоданах в «потайных помещениях» было обнаружено 1173 экземпляра подпольной прессы, преимущественно изданные «тайною типографией революционного сообщества «Искра», в том числе 650 номеров газеты «Искра» и 450 экземпляров преступной брошюры «В защиту иваново-вознесенских рабочих». В течение 1902—1903 гг. транспорты «Искры» задерживались на пограничных станциях Вержболово, Александрово, в Россиенском уезде Ковенской губернии⁵⁸.

Несмотря на чинимые правительством всяческие препятствия, ленинская «Искра» доходила до комитетов РСДРП и рядовых членов «искровских» организаций. Так, при обыске, произведенном 1 марта 1901 г. у членов Московской организации РСДРП, в которую в то время входили М. И. Ульянова, М. Т. Елизаров, П. В. Луначарский и др., была обнаружена «Искра»⁵⁹. В том же году «Искра» распространялась среди членов Орехово-Богородской организации РСДРП, в которой состоял И. В. Бабушкин⁶⁰. Летом того же года во время обысков у членов Московского комитета РСДРП, признавших, как докладывал министр юстиции царю, «издаваемую за границей «Лигою русской революционной социал-демократии» газету «Искру» своим руководящим орга-

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 163—176.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 324; оп. 3, д. 591; ф. 1405, оп. 521, д. 454, л. 364—364 об.

⁵⁵ Там же, ф. 1410, оп. 2, д. 326; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 354—360.

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 120, л. 72.

⁵⁷ Там же, оп. 521, д. 453, л. 251—251 об.

⁵⁸ Там же, л. 94 об.; д. 454, лл. 19 об.—20, 226—226 об.; д. 455, лл. 348 об., 438; д. 456, лл. 145—145 об., 313 об.—314, 363—364; оп. 530, д. 74, л. 38—38 об.; о задержке транспортов с «Искрой» см. также: «Обзор важнейших дознаний... за 1901 г.». СПб., 1903; «Обзор важнейших дознаний... за 1902 г.». СПб., 1904.

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 455, л. 200 об.

⁶⁰ Там же, д. 454, лл. 270—271; д. 456, лл. 110 об. — 111.

ном и получивших от Лиги транспорта подпольной литературы», были обнаружены отдельные номера «Искры»⁶¹.

Уже ранней весной 1901 г. «Искра» была также обнаружена в Петербурге. В 1902 г. ленинская газета распространялась в столице группой П. Н. Лепешинского, И. И. Радченко и др.⁶² Рабочий Путиловского завода С. В. Мазин, привлеченный к дознанию по делу о подготовке первомайской демонстрации в 1903 г., на допросе показал, что, «ознакомившись с рабочим вопросом путем чтения газеты «Искра» и других нелегальных изданий, которые разбрасывались по заводу и находились им в его рабочем ящике», он стал на сторону социал-демократов. В кружке путиловских рабочих, куда входил С. В. Мазин, в единоборстве с эсеровской пропагандой одержала победу «Искра»⁶³. «Искру» читали рабочие Баку и Варшавы. В 1901—1902 гг. ее обнаружили вместе с журналом «Заря» у членов Северного союза РСДРП (Ярославль, Кострома, Владимир). В Иваново-Вознесенске и Шуе «Искра» разбрасывалась на фабриках и в рабочих районах этих промышленных городов. В ноябре 1901 г. «Искру» и отдельные оттиски статей из нее находили в Тверском уезде у сельской учительницы Малениной, в 1902 г. в Туле и Костромской губернии⁶⁴.

Большую работу по распространению «Искры» в Киеве проводили члены местного комитета РСДРП «искровского» направления (М. А. Сильвин, Н. Э. Бауман, И. Г. Смидович), которые, как писал министр юстиции Н. В. Муравьев, «в интересах развития... преступной деятельности комитета в качестве эмиссаров «Искры» посетили Петербург, Москву, Харьков, Полтаву, Кременчуг, Воронеж и Задонск, где имели конспиративные совещания с находившимися там агитаторами... Другая часть этого комитета доставляла из-за границы транспорты с литературой». При аресте в Киеве в 1902 г. на улице М. С. Урицкого и Л. Е. Гальперина у них был задержан тюк с литературой, в том числе 439 номеров «Искры». Газета распространялась в Киеве и позднее⁶⁵. «Искру» часто обнаруживали в одном из крупнейших промышленных центров Украины — в Екатеринославе; весной 1901 г. «Искра» читалась рабочим на Щербинновском руднике (Екатеринославская губерния) во время ночной смены⁶⁶. В январе 1902 г. в Харькове был задержан полицией присланный из Киева ящик с 1535 оттисками из «Искры» статьи В. И. Ленина «Начало демонстраций». 1 мая того же года эта газета разбрасывалась на улицах Харькова (вместе с брошюрами В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов» и О. А. Ерманского «Майские дни в Харькове») ⁶⁷. В течение 1901—1903 гг. «Искра» распространялась в Одессе, в Полтаве и Полтавской губернии. В Докладе министра юстиции Николаю II о наказании участников восстания весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях обращено было внимание царя на революционную пропаганду среди крестьян этих губерний слесаря А. Е. Наконечного, у которого при аресте были обнаружены экземпляры «Искры»⁶⁸. Она также распространялась на машиностроительном заводе в Конютопе Черниговской губернии, в Николаеве, Херсоне, Кишиневе⁶⁹. В Нижнем Новгороде «Искру» пропагандировали литейщик В. П. Павлов и другие рабочие. Ленинская газета известна была и в По-

⁶¹ Там же, д. 456, лл. 512—516 об.; ф. 1410, оп. 2, д. 110, 112, 128.

⁶² Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 453, л. 43; д. 454, лл. 36 об.—37 об.; д. 455, л. 246 об.; д. 456, лл. 271—274; д. 458, лл. 59—62, 106—108.

⁶³ Там же, ф. 857, оп. 1, д. 1119, л. 8—8 об.

⁶⁴ Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 453, л. 38 об.; д. 454, лл. 123 об.—124, 191—192 об., 224—225 об., 323—338; д. 455, лл. 50 об., 79, 616—617; д. 456, лл. 18, 43—54, 151 об.; оп. 530, д. 83, л. 49.

⁶⁵ Там же, оп. 521, д. 456, лл. 182 об.—183, 570 об.—571; д. 458, л. 198—198 об. В Коллекции вещественных доказательств хранятся № 25 и 26 «Искры» с мастичным оттиском печати «Киевский комитет РСДРП» (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 326).

⁶⁶ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 454, л. 367 об.; д. 455, л. 262 об.; д. 456, л. 31; д. 457, лл. 65—66; оп. 530, д. 80, л. 27—27 об.; д. 95, лл. 57—68 об.; д. 991, лл. 23, 30—47 об.

⁶⁷ Там же, оп. 521, д. 458, л. 8; оп. 530, д. 991, л. 64.

⁶⁸ Там же, оп. 521, д. 454, лл. 389—391, 437; д. 455, лл. 281, 308 об., 385, 401, 429—430, 459—460 об., 497; д. 456, лл. 230—231; д. 457, лл. 263—265; д. 458, л. 56—56 об.; оп. 530, д. 991, лл. 76 об., 81—82 об.; ф. 733, оп. 151, д. 299, л. 335

⁶⁹ Там же, оп. 521, д. 454, лл. 125 об.—126; д. 456, лл. 299—300; оп. 530, д. 88, л. 104; ф. 1410, оп. 2, д. 173.

волжье, Воронеже, Курске, Рязани, Тамбове, в западных и прибалтийских губерниях⁷⁰. «Искру» читали в Тифлисе, на Кубани и Урале, в Западной и Восточной Сибири⁷¹. В обвинительном акте по делу о тайной типографии Сибирского союза РСДРП в г. Красноярске указывается, что захвачено более 2000 оттисков из «Искры» № 44 и 1460 экземпляров статьи В. И. Ленина «Рабочая партия и крестьянство» («Искра» № 3)⁷².

«Искра» распространялась среди солдат и офицеров⁷³.

Вместе с «Искрой» в России среди членов «искровских» организаций хорошо был известен марксистский научно-политический журнал «Заря», который издавался в Штутгарте в 1901—1902 гг. редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) этого журнала. На его страницах увидел свет ряд ленинских произведений: «Бей, но не до смерти», «Зачем ускорять превратность времен?», «Объективная статистика», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Аграрный вопрос и „критики“ Маркса» (гл. I—IV), «Аграрная программа русской социал-демократии»⁷⁴. Работа В. И. Ленина «Аграрный вопрос и „критики“ Маркса» (в № 2—3 «Зари» она была опубликована под названием «Гг. „критики“ в аграрном вопросе. Очерк первый», за подписью: «Н. Ленин») в 1905 г. была легально издана в Одессе и не встретила особых препятствий к распространению⁷⁵.

Весной 1902 г. в Штутгарте вышла работа В. И. Ленина «Что делать?» Выход в свет «Что делать?» был встречен в России с энтузиазмом. В редакцию «Искры» поступило много откликов. «Что делать?» широко была известна в России⁷⁶.

Одной из первых организаций, среди членов которой распространялась книга «Что делать?», была московская⁷⁷. Ознакомившись с ленинской работой, Московский комитет РСДРП в июне 1902 г. направил в «Искру» письмо с выражением горячей благодарности В. И. Ленину за «Что делать?» и постановление об отчислении в пользу «Искры» 20% всех своих доходов. В ответ на это 24 августа 1902 г. В. И. Ленин обратился к Московскому комитету с письмом, в котором благодарил за выражение сочувствия и солидарности с книгой «Что делать?»⁷⁸ Список этого письма был отобран при аресте в конце 1902 г. у одного из членов комитета С. Л. Вайнштейна. В апреле того же года книга «Что делать?» распространялась членами Северного союза РСДРП, активным деятелем которого была О. А. Варенцова. Конспект работы В. И. Ле-

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 453, лл. 154, 261—262 об.; д. 454, лл. 81 об.—83 об., 150—152 об., 384; д. 455, лл. 386 об.—388, 553, 576; д. 456, лл. 104 об.—105, 118—118 об., 178 об.—179, 377 об.—378 об., 398 об.—399 об.; д. 457, лл. 12—12 об., 198—199, 273—276; д. 458, лл. 53—54, 143—144 об.; оп. 530, д. 101, лл. 177—179; д. 990, лл. 67 об.—68, д. 995, л. 109 об.; ф. 1410, оп. 2, д. 97; ф. 733, оп. 151, д. 281, лл. 85—90.

⁷¹ Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 455, лл. 15, 354 об., 482—484; д. 456, лл. 1—3, 40—41 об.; д. 457, лл. 325—326; оп. 530, д. 76, л. 77—77 об.; ф. 1410, оп. 2, д. 144, 250. В последнем деле номера «Искры» (2, 4, 5, 7, 9—15, 17, 20—23, 28) прошиты и опечатаны сургучной печатью помощника начальника Иркутского губернского жандармского управления; на № 22 «Искры» имеется овальный оттиск печати «Expedition der «Iskra», Zürich IV, Axelrod».

⁷² ЦГИА СССР, ф. 857, оп. 1, д. 1113, л. 1—1 об.

⁷³ Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 454, лл. 360—371; д. 455, л. 181; д. 458, л. 385 об.; оп. 530, д. 76, л. 94—94 об.

⁷⁴ Там же, оп. 521, д. 455, л. 277 об.; д. 456, лл. 43—51 об.; д. 458, лл. 195—196; ф. 1410, оп. 2, д. 97, 102, 328, 329, 330; ф. 1328, оп. 2, д. 58, лл. 153—164; «Каталог изданий...», стр. 21; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 397—428; т. 5, стр. 21—72, 95—268; т. 6, стр. 303—348.

⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, д. 65, л. 214; оп. 16, д. 22, лл. 35 об., 39; д. 30, л. 17; оп. 21, ч. 2, д. 264, л. 3 об.

⁷⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 1—192, 465; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 413; «Каталог изданий...», стр. 6 (здесь дано развернутое содержание книги по главам); «Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.)», стр. 38—45.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 455, лл. 499—505; у члена Московской организации РСДРП В. Е. Петровой был при обыске отобран список книг, по-видимому, намеченных к прочтению, в котором помимо произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова названы работы В. И. Ленина, в том числе и «Что делать?» (ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 124)

⁷⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 221—223.

нина «Что делать?» был задержан в Сибири⁷⁹. По сведениям, содержащимся в документах министра юстиции царю, названная работа В. И. Ленина также распространялась в Белостоке, Витебске, Житомире⁸⁰. Сразу же после выхода в свет книгу «Что делать?» получил чиновник особых поручений при Департаменте полиции Л. А. Ратаев⁸¹. Тщательно охранялись границы империи от проникновения ленинского слова, ленинской мысли. В течение 1902—1903 гг. книга задерживалась на станции Белоостров, в местечке Кретинген и в Шимкайской волости Росиенского уезда Ковенской губернии. Последнее упоминание в документах Министерства юстиции этой ленинской работы свидетельствует о том, что в 1909—1910 гг. она была обнаружена в слободе Яновой Донецкого округа⁸².

Большое значение при подготовке II съезда партии имел разработанный В. И. Лениным в начале 1902 г. «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии». Уже в апреле 1902 г. он был обнаружен полицией у членов Северного Союза РСДРП (Союз имел непосредственные связи с заграничным центром и получал большие партии литературы — «Искру» и другие издания). Осенью 1902 г. «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии» распространялся в далеком Якутске, а в 1903 г. — Ярославле⁸³.

В связи с подготовкой ко II съезду партии следует также рассматривать и «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». Работа была написана в сентябре 1902 г. и в том же году отгеттографирована за границей. В обвинительном акте по делу о тайной типографии Сибирского союза РСДРП указано, что при обыске обнаружены три экземпляра отпечатанной здесь брошюры В. И. Ленина (автор назван в документе) «О революционной работе в организациях Российской социал-демократической рабочей партии. (Письмо к товарищу)». Вместе с отпечатанными брошюрами был задержан оригинал, с которого брошюра набиралась, — «один экземпляр той же брошюры, изготовленный на пишущей машине»⁸⁴. Таким образом, типографским способом это ленинское произведение было впервые напечатано в июне 1903 г. в далекой Сибири, откуда распространялось по всей стране.

Из известных в России накануне II съезда работ В. И. Ленина особенно была популярна брошюра «К деревенской бедноте», изданная в 1903 г. в Женеве (типография Лиги русской революционной социал-демократии)⁸⁵. К брошюре был приложен проект программы, разработанный редакцией «Искры» и «Зари». В ряде изданий названной Лиги помещено было сообщение о предполагаемом выходе в свет упомянутого произведения В. И. Ленина. Брошюра переправлялась в Россию главным образом через западную границу. Ленинские слова проникали также в рабочую и в солдатскую среду⁸⁶.

В 1905 г. в Петербурге вышло в свет переработанное В. И. Лениным легальное издание этой брошюры под названием «Нужды деревни», с которого затем осуществлено было матрицированное переиздание. Оба эти издания приговорены были к аресту спустя два — четыре года после выхода в свет⁸⁷ и, естественно, успели разойтись.

⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 111; д. 247, л. 28а; ф. 1405, оп. 521, д. 456, лл. 43—51 об.

⁸⁰ Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 454, л. 451; д. 455, лл. 250—252.

⁸¹ Там же, ф. 776, оп. 21, д. 547, лл. 98, 139, 234.

⁸² Там же, ф. 1405, оп. 521, д. 455, л. 568 об.; оп. 530, д. 74, л. 38—38 об.; д. 101, лл. 170—171; д. 794, л. 30.

⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 203—210; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 455, л. 623 об.; д. 456, лл. 43—51; оп. 530, д. 83, л. 82а.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 1—25, 448—449; ЦГИА СССР, ф. 857, оп. 1, д. 1113, л. 1—1 об.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 129—203; «Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России (1894—1905 гг.)», стр. 38—48; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 405—410; на одном из экземпляров брошюры этого издания, хранящихся в Коллекции вещественных доказательств, имеется мастичный оттиск печати ЦК РСДРП (д. 405).

⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 140; ф. 1405, оп. 530, д. 74, л. 42—42 об.; д. 370, л. 107; ф. 857, оп. 1, д. 1115, л. 16; ф. 1328, оп. 2, д. 43, лл. 25 об., 26.

⁸⁷ И. Ф. Ковалев, Л. И. Полянская. Борьба царской цензуры с произведениями В. И. Ленина. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 1, стр. 72; в деле Главного комитета по делам печати хранится экземпляр брошюры издания 1905 г. с пометами и подчеркиваниями цензора (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 16, ч. I, д. 16, л. 95).

В сентябре 1903 г. в газете «Студент» была опубликована статья В. И. Ленина «Задачи революционной молодежи», которая была затем издана типографией Центрального Комитета с указанием фамилии автора: «Н. Ленин»⁸⁸.

К ряду брошюр, изданных в женевском издательстве Лиги русской революционной социал-демократии, В. И. Ленин написал предисловия. Некоторые из них также и отредактировал. Одной из таких брошюр является изданная в Женеве в декабре 1901 г. под названием «Документы «объединительного» съезда» (имеется в виду «объединительный» съезд зарубежных организаций РСДРП, состоявшийся 21—22 сентября (4—5 октября) 1901 г.), которую В. И. Ленин отредактировал, снабдил предисловием и включил в нее свои «Вопросы, предложенные «Союзу русских социал-демократов» на «объединительном» съезде». В том же 1901 г. «Искрой» была издана брошюра Н. К. Крупской «Женщина-работница», которую отредактировал В. И. Ленин. Эта брошюра, как и другие женевские издания, также известна была в России⁸⁹.

Широкое распространение имела опубликованная в Женеве в издательстве «Искра» в начале 1901 г. брошюра О. А. Ерманского «Майские дни в Харькове», которую отредактировал В. И. Ленин⁹⁰. В апреле и летом 1901 г. брошюра распространялась в Петербурге, в 1902 г.—накануне празднования 1 Мая экземпляр «Майских дней в Харькове», вместе с «Искрой» и «Зарей» обнаружены были в Риге, Харькове, Киеве и Луганске⁹¹. Известна была в России изданная в Женеве в 1904 г. в количестве 5000 экземпляров брошюра Н. Шахова «Борьба за съезд», в которую были включены документы II съезда РСДРП. Эту брошюру В. И. Ленин также отредактировал и написал к ней предисловие⁹².

В течение 1904 г. распространялись листовки В. И. Ленина: «К русскому пролетариату» (напечатана была в типографии ЦК РСДРП, а затем размножена местными комитетами) и «Первое мая»⁹³. На экземпляре последней листовки, хранящемся в фонде Министерства юстиции, имеется мастичный оттиск печати Полесского комитета РСДРП⁹⁴.

Рассмотренные нами документы и материалы, главным образом Министерства юстиции, несмотря на свою ведомственную ограниченность, дополняют наши представления о широком распространении произведений В. И. Ленина и редактируемой им «Искры» в десятилетие, предшествующее революции 1905—1907 гг.

(Окончание следует).

⁸⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 341—356; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 400.

⁸⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 446; т. 5, стр. 276, 348—351; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 2, д. 91; оп. 3, д. 217—219, 246; «Каталог изданий...», стр. 6.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 446; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 419 (в этом деле два экземпляра брошюры скреплены сургучным оттиском печати помощника начальника Екатеринбургского губернского жандармского управления в Бахмутском уезде); «Каталог изданий...», стр. 6.

⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 521, д. 453, лл. 5—6; д. 454, лл. 177—178; д. 455, лл. 57 об., 386—388; д. 457, лл. 164—165; д. 458, л. 202—202 об.

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 36—37; ЦГИА СССР, ф. 1410, оп. 3, д. 978.

⁹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 170—174, 181—184; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 101, л. 176.

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 106, л. 136.

Л. Н. Меньшиков

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ РУКОПИСНЫЕ ФОНДЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

(Очерк археографических работ)

Институт востоковедения АН СССР обладает огромным собранием восточных рукописей, имеющим мировое значение. В нем хранятся рукописи и документы I—XIX вв. н. э., более или менее полно отражающие письменную культуру восточных народов Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Средней и Центральной Азии, Дальнего Востока.

Эти памятники, написанные на 60 восточных (исчезнувших и сохранившихся) языках, представляют собой первостепенной важности источники для изучения языковой истории Востока, истории развития письма и для изучения того вклада, который внесли народы Востока в мировую цивилизацию.

Коллекция восточных рукописей Института, собиравшаяся поколениями отечественных востоковедов в течение почти 200 лет, до сравнительно недавнего времени была описана только в отдельных обзорах и статьях, касавшихся только некоторых выборочно взятых частей коллекции.

Однако после XX съезда КПСС, когда востоковедению в нашей стране был придан небывалый размах, в Ленинграде на базе сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР было создано Отделение Института востоковедения АН СССР, перед коллективом которого была поставлена ответственная задача в кратчайшие сроки провести научное описание всех фондов рукописного собрания.

Сейчас, через 12 лет после образования Отделения, мы можем сказать, что эта задача в основном выполнена.

Настоящая статья дает представление об археографической работе, проведенной в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ЛЮ ИВ АН СССР) в ходе обработки и изучения рукописей народов Центральной Азии, Дальнего Востока и Индии.

Рукописные фонды на языках народов Дальнего Востока и Центральной Азии имеют свою специфику, определяемую историей культуры этих народов.

Поддавляющее большинство стран этой части Азии (Япония, Корея, Вьетнам, в меньшей степени Монголия и Тибет) принадлежат к культурному региону, где, особенно в древности и в средневековье, очень значительную роль играла китайская культура. При формировании национальных культур этих стран китайский элемент был достаточно важным. При всем национальном своеобразии каждой из этих культур значение для них китайской культуры, которая во времени была первой из развившихся в этом регионе, нельзя недоучитывать. Она играет в этих странах такую же роль, как, скажем, греко-римская культура для Европы и Средиземноморья. Отсюда вытекают и некоторые другие особенности.

Прежде всего все эти страны (за исключением Монголии и Тибета) пользовались более или менее длительное время китайской письменностью. В них есть целые слои

памятников на китайском языке. Это, конечно, не могло остановить развития национальных языков, но наложило определенный отпечаток и на всю литературу этих народов, часто очень значительный.

Из Китая была заимствована не только письменность, но и средства письма (бумага, кисть, тушь), и печатания (ксилография), и формы рукописи, и книги, и т. п. О бумаге следует сказать несколько подробнее. Изобретенная в Китае в начале нашей эры (по традиции — в 101 г., но фактически, как показали археологические находки, несколько ранее) бумага очень скоро вытеснила на всем Дальнем Востоке всякий другой материал для письма (в Индии и странах ее региона дело обстояло иначе, и там долго держались рукописи на пальмовых листьях). Поэтому на Дальнем Востоке уже с начала нашей эры рукописи на шелку — редкое исключение, а на папирусе, пергамене — совершенно отсутствуют. Исключения составляют надписи на сосудах и зеркалах, произведенные либо для практических надобностей, либо как имитация более древних способов письма. Однако этих предметов в нашем хранилище нет, а тексты на дереве, предшествовавшие книгам на бумаге и обнаруженные археологами, у нас единичны.

Народы Дальнего Востока, которые не заимствовали китайской письменности (тангуты, тибетцы, монголы), тем не менее также были тесно связаны с китайской культурой. Особенно значительным оказалось влияние Китая на тангутское государство Си Ся (X—XIII вв.). Однако у тангутов не образовалось своей китайоязычной литературы (в основном у них есть только переиздания ряда китайских текстов и еще несколько переводов на китайский язык буддийских сутр, выполненных во второй половине XII в.). В целом тангуты записывали свои оригинальные произведения с помощью особого тангутского письма, созданного по образцу китайского, но не идентичного ему (схожие письменности в то же время образовались у двух других народов, живших на территории современного Китая — киданей и чжурчженей). Расположение текста (вертикальные строки справа налево) и форма книги у тангутов такие же, как у китайцев. В Монголии и Тибете общее влияние китайской культуры сказалось слабее. Тибет больше связан с культурой буддизма, пришедшего туда из Индии и лишь частично из Китая; Монголия же заимствовала буддизм (особенно сравнительно позднюю его форму — ламаизм) уже из Тибета. Тибетская письменность является вариантом индийского шрифта брахми, а монгольская — одна из письменностей, происходящих от древнеуйгурского вертикального шрифта. Форма тибетской книги (потхи) имитирует древнеиндийские рукописи на пальмовых листьях, монгольской — в большинстве следует этому, но встречаются и книги китайского образца.

Маньчжуры, хотя и заимствовали свою письменность с некоторыми вариантами у монголов, в целом по характеру письменной литературы и культуры вообще наиболее близки к китайцам, особенно после объединения Китая в 1644 г. под властью маньчжурских императоров. Форма маньчжурской рукописи и книги целиком повторяет китайскую.

Китайская культура была посредником между Индией и странами Дальнего Востока в распространении буддизма (меньше в Тибете, Вьетнаме, Монголии). Таким образом, все эти страны связаны — часто через китайский буддизм с иным, чем китайский, культурным регионом, а именно: с индийским. Буддизм вносит своеобразный колорит в культуру этих стран и влияет очень сильно на состав их письменных памятников, но в каждой стране и у каждого народа по-своему. Так, письменные памятники Тибета в подавляющей массе своей — это переводная или местная буддийская литература. Монголия имеет значительное количество преданий, исторических трудов, но и буддийские сочинения занимают в ее литературе видное место. В китайской литературе есть мощный слой буддийских сочинений — как переводов, так и китайских комментариев, исторических сочинений, апокрифов и пр. При всем том буддийская литература Китая по количеству далеко уступает письменным памятникам иных философских и религиозных направлений, прежде всего конфуцианского и даосского толка. И это не говоря уже о китайской художественной литературе (от «простонародной» до «высокой» поэзии и прозы), совершенно неисчислимой. В области буддизма Корея, Япония, отчасти Вьетнам, а также маньчжуры обходились в основном текстами на китайском языке, лишь в XX веке ощущается для японских буддистов и исследователей буддизма необходимость перехода на родной язык — это выразилось в стремлении к переводу на японский

всех китайских буддийских сочинений. Особо обстоит дело с тангутами. В их буддизме уже очень рано (с XII в.) наблюдается тенденция к переводу на тангутский язык буддийских текстов, хотя издание китаезычных сочинений и идет параллельно. Но эта тенденция прерывается монгольским завоеванием и уничтожением сначала государства Си Ся, а потом и тангутского народа.

На Дальнем Востоке гораздо раньше, чем на Западе, было изобретено книгопечатание (в Китае не позже IX в.). С XI в. оно получает бурное развитие сначала в Китае, Корее, Японии, а также у тангутов и чжурчжэней (правда, книги, изданные в чжурчжэньском государстве Цзинь, почти не дошли до нас). Поэтому с XI в. основной формой распространения текстов в этих странах, а позже в Тибете, Монголии и у маньчжуров, становится не рукопись, а ксилограф (книга, отпечатанная с деревянных досок). Правда, в Корее и позднее (до XIX в.) остается значительная рукописная традиция, получает некоторое распространение также печатание подвижным шрифтом. Однако и здесь ксилограф численно и по значению преобладает. Хотя ксилографы и рукописи — явления различного характера, но на Дальнем Востоке ксилография нередко функционально заменяет переписывание текстов от руки. Это обстоятельство, а также тот факт, что от тиражей ксилографов в очень большом количестве случаев сохранились считанные единицы (обычно при ксилографическом воспроизведении не делается большого количества оттисков), а то и просто один уникальный экземпляр, — все это приводит к тому, что ксилографические издания хранятся и описываются наравне с рукописями.

Перечисленные выше факторы повлияли на состав и особенности дальневосточных и отчасти центральноазиатских фондов и соответственно на их каталогизацию и описание.

Среди дальневосточных фондов Ленинградского отделения Института востоковедения первое место по значению и объему занимают китайские фонды, а именно:

1) Дуньхуанский фонд — около 12 000 единиц, рукописи и редкие ксилографы IV—XI вв.

2) Китайская часть коллекции из Хара-Хото (собрание П. К. Козлова) — около 450 единиц, ксилографы и рукописи XI—XIV вв.

3) Новый фонд китайских рукописей XVII—XX вв., рукописи и ксилографы, среди них 370 разобранных, остальные (несколько сот) еще ждут своей очереди.

4) Коллекция китайских эстампажей, снятых с памятников китайской эпиграфики II—XX вв., в количестве 1035 единиц.

5) Фонд китайских ксилографов XVI—XX вв., более 3600 названий.

Перейдем к характеристике изучения и археографической обработки этих фондов.

Дуньхуанский фонд ЛО ИВ АН СССР является частью рукописной библиотеки IV—XI вв., обнаруженной в 1900 г. в буддийских храмах-пещерах Могао, в пещере, замурованной около 1036 г. Всего в ней было около 35—36 тыс. рукописей, из которых (кроме коллекции ЛО ИВ АН СССР) в Национальной библиотеке в Париже хранится около 3000 единиц, в Британском музее в Лондоне — около 10 000 единиц, в Пекинской библиотеке — около 10 000 единиц, остальные — в мелких собраниях в Киото (Япония), Порт-Артуре (Китай) и в некоторых других местах¹. Это единственное крупное собрание китайских рукописей I тысячелетия н. э., дошедшее до наших дней. По значению для науки его можно сравнить с рукописями Мертвого моря. Неудиви-

¹ Наиболее подробные и точные сведения (хотя и не совсем полные) о зарубежных рукописях из Дуньхуана можно найти в кн.: «敦煌遺書綜目索引», 北京, 商務印書館 («Сводный указатель рукописей из Дуньхуана». Пекин, 1962); о лондонском собрании: L. Giles. Descriptive Catalogue of the Chinese Manuscripts from Tunhuang in the British Museum. London, 1957; о японском собрании в Киото: «龍谷大學所藏敦煌古經現存目錄» («Каталог сохранившихся древних книг из Дуньхуана в собрании университета Рюкоку»). — «西域文化研究» («Исследования по культуре Западного края». Сб. статей, т. I. Киото, 1958, стр. 229—234); о пекинской коллекции 陳垣, 敦煌劫餘錄, 北平; (Чэнь Юань. Опись оставшегося после разграбления Дуньхуана. Бэйпин, 1931).

тельно, что изучение Дуньхуанских коллекций вызвало к жизни в разных странах (Китай, Франция, СССР, Чехословакия, Венгрия и особенно Япония) новую отрасль науки — дуньхуановедение и весьма обширную научную литературу (до 2000 названий)².

Дуньхуанский фонд ЛО ИВ АН СССР в подавляющей части состоит из рукописей, привезенных акад. С. Ф. Ольденбургом из Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг.³ Дополняют эту коллекцию немногочисленные рукописи из Центральной Азии, приобретенные в 1909—1910 гг. С. Ф. Ольденбургом, С. Е. Маловым и Н. Н. Кротковым. Начало изучению фонда было положено японским ученым Кано Наоки, опубликовавшим в конце 20-х годов рукопись древней китайской антологии «Вэнь сюань»⁴. В 30-х гг. систематическую обработку фонда начал К. К. Флуг, но смерть его в 1942 г. в блокадном Ленинграде прервала эту работу⁵. С 1957 г. работа над Дуньхуанским фондом ведется под руководством Л. Н. Меньшикова. Выпущены два тома описания, охватывающих около четверти рукописей фонда⁶, и публикации некоторых наиболее интересных для истории китайской литературы текстов, подготовленных И. С. Гуревич и Л. Н. Меньшиковым⁷. Л. И. Чугуевский и М. И. Демидова готовят публикации хозяйственных, официальных, библиотечных и иных документов, обнаруженных среди рукописей фонда.

В части, касающейся бумаги, почерков и других технических данных, описание дуньхуанских рукописей составляется несколько подробнее, чем описания ближневосточ-

² Обширные, хотя и неполные, библиографии по дуньхуановедению изданы в Японии; по японскому дуньхуановедению: «敦煌文獻研究論文目錄» («Библиография исследований по дуньхуанским материалам». Киото, 1959); по европейскому: Juntago Ishihama, Ariyoshi Sapada, Taijun Inokuchi. Bibliography of the Central Asiatic Studies.— «Исследования по культуре Западного края», т. I, стр. 53—87. Наиболее полный обзор работ по дуньхуановедению на русском языке и очерк развития этой отрасли науки: Л. И. Чугуевский. Дуньхуановедение.— «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968». М., 1970, стр. 241—259; библиография, стр. 304—311.

³ Об экспедиции см.: С. Ф. Ольденбург. Пещеры Тысячи будд.— «Восток», вып. II, 1922, стр. 57—66; С. М. Дудин. Архитектурные памятники Китайского Туркестана (Из путевых записок).— «Архитектурно-художественный еженедельник», 1916, № 6, 10, 12, 19, 22, 23, 28, 31; он же. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая.— «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. V, 1917, стр. 21—92.

⁴ 狩野直喜, 唐鈔本文選殘篇跋.— «Синагаку», 1929, № 5(1); в рус. перев.: Н. Кано. О фрагменте старой рукописи «Литературного сборника», 文選, хранящегося в Азиатском музее Академии наук.— «Известия Академии наук СССР», Отд. гуманитарных наук, сер. VII, 1930, № 2, стр. 135—144. Перевод Ю. К. Шуцкого; он же. 景印舊鈔本禮記疏殘卷.— (Старая рукопись комментария на «Ли цзи». Факсимиле и предисловие. Киото, 1928).

⁵ Краткие сведения о результатах: К. К. Флуг. Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения Академии наук СССР.— «Библиография Востока», вып. 7, 1934, стр. 87—92; он же. Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения Академии наук СССР.— «Библиография Востока», вып. 8—9, 1936, стр. 96—115; он же. История печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв., М.—Л., 1959. В этих работах есть также сведения о китайской части собрания из Хара-Хото.

⁶ М. И. Воробьева-Десятовская, И. С. Гуревич и др. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии (далее — «Описание...»), вып. 1. М., 1963; вып. 2. М., 1967. О направлениях работы над фондом см.: Л. Н. Меньшиков. Изучение древнекитайских письменных памятников.— «Вестник Академии наук СССР», 1967, № 5, стр. 59—62.

⁷ «Бяньвэнь о Вэймоцзе, Бяньвэнь «Десять благих знамений»». Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии.— «Памятники литературы народов Востока». Тексты, Малая серия, VIII. М., 1963; «Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы сувэньсюэ».— «Памятники литературы народов Востока». Тексты. Большая серия, XV. М., 1963; И. С. Гуревич. Фрагмент бяньвэнь из цикла «О жизни Будды».— «Краткие сообщения Института народов Азии», 69, 1965, стр. 99—115; Л. Н. Меньшиков. Фрагмент неизвестной лэйшу из Дуньхуана.— Там же, стр. 77—98.

ных фондов. Дело в том, что китайская палеография, папирология, сфрагистика до сих пор находятся в зачаточном состоянии, еще нет сводных справочников, которые позволили бы при определении этих данных ограничиться простой отсылкой, не разработана и специальная терминология в этих областях. Необходимо также параллельно проводить специальные исследования, которые заполняют в той или иной степени эти пробелы⁸. Избранный в Институте востоковедения порядок описания в целом одобрен в ряде рецензий⁹, и за работы, опубликованные в 1963 г., Ленинградскому отделению Института Академия надписей и изящной словесности (Франция) присудила премию Станислава Жюльена за 1964 г.

Китайская часть коллекции из Хара-Хото входит в состав обширного собрания — в основном тангутских текстов, — привезенного П. К. Козловым в 1909 г. из открытого им «мертвого города» Хара-Хото. Китайские тексты были выделены из общей массы письменных памятников Н. А. Невским в начале 30-х годов, но отбор отдельных памятников начали еще с 1911 г. А. И. Иванов и В. М. Алексеев. Первые сведения археографического порядка опубликовал А. И. Иванов, потом французский ученый П. Пеллио и, наконец, в 30-х годах К. К. Флуг, намеревавшийся составить сплошное описание фонда, но не успевший этого сделать¹⁰. С его смертью работа надолго прервалась и была возобновлена только в 1957 г.¹¹ Л. Н. Меньшиков и М. И. Ульман приступили к составлению полного описания этого фонда.

Работа над описанием китайской части коллекции из Хара-Хото выявила совершенно исключительную ее ценность, и прежде всего ее печатных (ксилографических) изданий. Изданий сунского периода (X—XIII вв.) до нас дошло чрезвычайно мало, буквально считанные единицы. А если говорить об изданиях смежных государств: киданьского Ляо, чжурчжэньского Цзинь и тангутского Си Ся, — то они вообще были известны лишь по старинным каталогам. Открытие Хара-Хото дало нам много китайских книг, отпечатанных в государствах Сун, Цзинь и Си Ся, большинство из которых даже не упомянуто в каталогах. Самое раннее из этих изданий, комментариев на буддийскую «Алмазную сутру» (Ваджрачхедика), относится к 1016 г., самое позднее — к началу XIV в., то есть ко времени правления в Китае монгольской династии Юань. Понятно, что эти печатные книги требуют не менее тщательного и подробного описания, чем дуньхуанские рукописи, тем более что их палеографические и иные исследования по

⁸ Изучение дуньхуанской палеографии было начато Л. Джэйлзом: L. Giles. Dated Manuscripts in the Stejn Collection.—BSOS, vol. VII, 1935, pp. 809—836; vol. VIII, 1936, pp. 1—26; vol. IX, 1937, pp. 1023—1046; vol. X, 1940, pp. 317—344; vol. XI, 1943, pp. 148—173; есть также важные работы проф. Фудзиэда Акира: 藤枝晃 敦煌寫經の字 (Формы иероглифов в дуньхуанских рукописях).—«Бокуби», № 97, 1960; он же. 北朝寫經の字 (Формы иероглифов в рукописях периода Лю чао).—«Бокуби», № 119, 1962; по папирологии Дуньхуана: R. H. Clapperton. Paper. An Historical Record. Oxford, 1934, pp. 1—26; по сфрагистике: Chen Tzu-lung. Liste supplementaire des impressions de sceaux officiels sous les Tang et les Cinq dynasties.—«Journal Asiatique», 1963, pp. 257—263. По материалам фонда Института востоковедения: Л. Н. Меньшиков. О датировке рукописей из Дуньхуана.—«Описание...», вып. 2, стр. 567—595. Однако сводной работы, могущей служить пособием по всем фондам, нет.

⁹ См., например: Paul De miéville. Manuscrits chinois de Touen-houang à Leningrad.—«T'oung Pao», vol. LI, livres 4—5, 1964, pp. 355—376; Akira Fujieda. The Tunhuang Manuscripts. A General Description, part I, II.—«Zinbun» (Kyoto) № 9, 1966, pp. 1—32; № 10, 1969, pp. 17—39.

¹⁰ А. И. Иванов. Страница из истории Си Ся.—«Известия императорской Академии наук», сер. VI, т. V, 1911, № 11, стр. 831—836; он же. Документы из города Хара-Хото, I. Китайское частное письмо XIV века.—«Известия императорской Академии наук», сер. VI, т. VII, 1913, № 14, стр. 811—816. Paul Pelliot. Les documents chinois trouvés par la mission Kozlov à Khara-Khoto.—«Journal Asiatique», 1914, mai-juin, p. 1—20 (отд. оттиск). Работы К. К. Флуга, упоминавшиеся выше, включают также ряд сведений о китайской части Хара-Хото. Кроме того, им опубликованы статьи: К. К. Флуг. По поводу китайских текстов, изданных в Си Ся.—«Библиография Востока», вып. 2—4, 1934, стр. 158—163; он же. Из истории книгопечатания в Китае (X—XIII вв.).—«Советское востоковедение», 1940, I, стр. 78—94.

¹¹ Л. Н. Меньшиков. Раннепечатные издания из Хара-Хото.—«Краткие сообщения Института народов Азии», LVII. Памяти Ю. Н. Рериха, 1961, стр. 143—149.

существованию еще не начинались. Из многочисленных текстов китайской части Хара-Хото описаны, а тем более опубликованы лишь немногие. Из них только два: «Чжугундяо о Лю Чжи-юане» и древняя книга «Чжуан цзы» с комментариями известного политического деятеля XI в. Люй Хуй-цина — стали объектами специальных исследований¹². Наша задача — составить описание, достаточное для введения этих уникальных материалов в научный обиход в полном объеме.

Новый фонд китайских рукописей составлен из различных разновременных поступлений, начиная с XVIII в. (рукописи из коллекции И. К. Рассохина) и до последних лет. Все это сравнительно новые рукописи от XVII в. до начала XX в. Особенности этого фонда обусловлены тем, что в это время основным способом распространения книг давно уже стала ксилография, а в начале XX в. литография и наборная печать. Но тем самым определяется и ценность собрания, так как его основу составляют архивные материалы и те сочинения, которые по различным причинам не могли быть напечатаны. Из архивных материалов наиболее интересно собрание документов китайского военного ведомства из Порт-Артура (несколько сот единиц), разборка которого, впрочем, еще только начинается. Из других текстов замечательны большая коллекция произведений тайных сект, которые подвергались в старом Китае жестоким преследованиям, а их литература уничтожалась. Кроме того, есть ряд важных текстов китайской народной драматургии (в значительной части утерянных в самом Китае), рукописи старинных романов, материалы о деятельности христианских миссионеров в Китае, собрание словарей китайского министерства иностранных дел по языкам смежных народов и пр. Особую часть составляют живописные альбомы и каллиграфия.

Систематически Новый фонд еще не изучался. В 30-х годах лишь К. К. Флуг опубликовал описание двух из хранящихся в фонде рукописей¹³. После организации Ленинградского отделения Института Б. Л. Рифтин составил каталог произведений китайской простонародной литературы в библиотеках СССР, где подробно перечислил также и пьесы, романы, народные рассказы из Нового фонда. Из рукописей этого порядка подробно описан лишь очень важный список ранней редакции романа XVIII в. «Сон в красном тереме»¹⁴. В целом же фонд до сих пор еще не описан.

Коллекция китайских эстампов состоит из оттисков, снятых с надписей и рельефов на камне, бронзе или дереве. Надписи и рельефы, на камне особенно, составляют неисчерпаемый фонд китайской эпиграфики. Указатель их до XIV в., изданный в Китае в 1957 г. Ян Дянь-сюнем¹⁵, включает более 41 000 названий, количество же рельефов и стел более позднего времени не учтено даже приблизительно. Основная часть коллекции (около 990 единиц) собрана акад. В. М. Алексеевым во время его экспедиций по Китаю (1907—1909; 1912, 1926 гг.). Остальное — мелкие разновременные поступления от отдельных лиц. Сам В. М. Алексеев составил карточный каталог основной части своей коллекции, продолженный К. К. Флугом и в 50-х годах Е. И. Лубо-

¹² Первое упоминание обоих текстов: Paul Pelliot. Les documents chinois trouvés par la mission Kozlov à Khara-Khoto; публикации первого из них: «劉知遠 (金本諸宮調)» (Лю Чжи-юань. Чжугундяо, изданное при Цзинь). Бэйпин, 1937; «劉知遠諸宮調» (Лю Чжи-юань чжугундяо). Пекин, 1958; наиболее полная библиография исследований этого памятника: Milena Velingerová. The Editions of the Liu Chih-yüan chu-kung-tiao.— «Archiv Orientalní», 1960, № 28, pp. 282—329. Второй из этих текстов издан частично: «宋呂氏莊子義» (Сунский текст «Толкования на Чжуан цзы», составленного Люем), т. 1—2. Чанчжоу, 1934. Тогда же был ряд откликов на это издание.

¹³ К. К. Флуг. Две заметки о новых поступлениях в Рукописный отдел Института востоковедения.— «Библиография Востока», вып. 10, 1936, стр. 131—138.

¹⁴ Б. Л. Рифтин. Дополнения к каталогам китайских литературных жанров. (По данным крупнейших библиотек СССР).— «Народы Азии и Африки», 1966, № 1, стр. 204—222; Л. М. Меньшиков, Б. Л. Рифтин. Неизвестная рукопись романа «Сон в красном тереме».— Там же, 1964, № 5, стр. 121—128; перевод на японский язык в журнале «Мин-Син бунгаку гэнго кэнкюкай кайхо», 1965, № 2, стр. 1—19; рец. Огава Тамаки.— «Дайан», 1965, № 6.

¹⁵ 楊殿珂, 石刻題跋索引 (Ян Дянь-сюнь. Указатель надписей на каменных стелах). Шанхай, 1957.

Лесниченко. Фонд в целом еще не описан (картотека Рукописного отдела насчитывает только 831 карточку), опубликованы из него лишь отдельные памятники¹⁶. Общая характеристика есть в сводном сообщении о китайских коллекциях акад. В. М. Алексеева¹⁷.

Фонд китайских ксилографов ЛО ИВ АН СССР — самый старый из всех китайских фондов. Его собирали в течение более чем 200 лет китаеведы, работавшие в Академии наук и в коллегиях Министерства иностранных дел. Последние поступления относятся к началу 60-х годов нашего века. Ксилографы для китаеведческих исследований так же важны, как рукописи для исследований по средневековой Европе и Ближнему Востоку. Почти все они включают тексты по истории китайской культуры (распространявшиеся в рукописях произведения в Китае скорее исключение, чем правило). В то же время большинство ксилографов бывали отпечатаны в весьма ограниченном количестве экземпляров, и сохранившиеся в одном или нескольких оттисках ксилографы составляют значительную часть китаеведческих библиотек во всех странах мира. По этим причинам ксилографы в ЛО ИВ АН СССР хранятся в рукописном отделе и подлежат описанию наравне с рукописями. Еще в XIX в. в России неоднократно составлялись каталоги китайских ксилографов¹⁸. В секторе восточных рукописей (с 1956 г. Ленинградское отделение) Института предпринимались попытки научного описания фонда ксилографов, опубликованы же лишь некоторые результаты работы¹⁹. С 1960 по 1967 г. над описанием фонда работала группа под руководством Б. Б. Вахтина, в результате был составлен каталог книг ксилографического фонда с приведением всех данных, необходимых для правильного отождествления книг (эта большая работа сейчас находится в издательстве). В то же время было произведено обследование фонда на предмет выяснения наиболее важных его частей, главным образом в области так называемой протонародной литературы²⁰. Некоторые из уникальных текстов намечены сейчас к изданию, в частности Э. С. Стулова готовит исследование «Драгоценного свитка о Пу мине».

К китайским фондам примыкают собрания рукописей и ксилографов на двух мертвых ныне языках: тангутском и маньчжурском. На этих языках были созданы обширные литературы, в части своей оригинальные, в другой же части включающие переводы с ки-

¹⁶ В. М. Алексеев. Артист-каллиграф и поэт о тайнах в искусстве письма. — «Советское востоковедение», IV, 1947, стр. 19—33 (воспроизведение трех эстампажей); Я. Б. Радуль-Затуловский. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.—Л., 1947 (с воспроизведением текста конфуцианской классической книги «Лунь юй», выбитого на камне в 836 г.). — «Труды Института востоковедения», т. XLVII.

¹⁷ Л. Н. Меньшиков. Китайские коллекции академика В. М. Алексеева. (Лубок, эстампаж, почтовая бумага и художественный конверт.) — «Страны и народы Востока», вып. 1. М., 1959, стр. 302—313.

¹⁸ Наиболее известные и полные из этих каталогов: «Каталог китайским и японским книгам, в Библиотеке императорской Академии наук хранящимся, по препоручению президента оной Академии, Сергея Семеновича Уварова, вновь сделанный государственной Коллегией иностранных дел переводчиками, коллежскими ассессорами: Павлом Каменским и Степаном Липовцовым». [СПб., 1818]; M.-F. Grosset. Rapport à l'Académie Impériale des sciences, sur la Bibliothèque chinoise du Musée asiatique. — «Bulletin scientifique», т. VIII, 1841, № 15, col. 225—240.

¹⁹ З. И. Горбачева. Китайские ксилографы и старопечатные книги собрания Института востоковедения Академии наук СССР (общий обзор). М.—Л., 1958, стр. 309—351; она же. Китайские географические сочинения из коллекции рукописей и ксилографов ЛО ИВ АН СССР. — «Страны и народы Востока», вып. 1, стр. 286—294; З. И. Горбачева и Н. А. Петров. Письменные памятники китайской культуры (из коллекции Института востоковедения). — «Вестник Академии наук СССР», 1959, № 9, стр. 90—92; З. И. Горбачева. Китайские медицинские труды в коллекции ЛО ИВ АН СССР. — «Страны и народы Востока», вып. 2. М., 1961, стр. 243—250; Н. А. Петров. Некоторые издания китайского фольклора XIX в. в коллекции ксилографов Ленинградского отделения Института народов Азии Академии наук СССР. — Там же, стр. 267—269.

²⁰ Б. Л. Рифтин. Дополнения к каталогам китайских литературных жанров (По данным крупнейших библиотек СССР); Б. Рифтин, Л. Казакова, Э. Стулова. Ли Шн-юй. Сводный каталог «драгоценных свитков». — «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 216—220.

тайского или же произведения, связанные так или иначе с китайской литературой. Особняком стоит тибетский фонд на тибетском письменном языке (отличающемся от живого тибетского языка), который связан не только с китайской, но и в меньшей степени с индийской культурой.

Тангутский фонд объединяет рукописи и ксилографы на тангутском языке (более 8300 единиц) — это основная часть коллекции П. К. Козлова из «мертвого города» Хара-Хото. Об истории открытия тангутской библиотеки и развитии тангутоведческой науки написано немало²¹. Остановимся лишь на общей характеристике фонда и изучении его в Ленинградском отделении Института востоковедения. Тангутская письменность, изобретенная в XI в., была забыта после гибели государства Си Ся и самого народа тангутов в XIV в. Книги на этом языке были утеряны, и лишь открытие П. К. Козлова вызвало к жизни новую отрасль науки — «тангутоведение», основателем которой были в СССР А. И. Иванов и Н. А. Невский²² (в других странах — Япония, Китай, Франция, ФРГ — развитие этой науки в основном было связано с материалами коллекции П. К. Козлова²³). После почти двадцатилетнего перерыва изучение тангутских памятников возобновилось во второй половине 50-х годов. Группа специалистов под руководством Е. И. Кычанова подготовила целый ряд публикаций — прежде всего каталог имеющихся в собрании сочинений на тангутском языке²⁴. В начале 1968 г. было завершено составление аннотированного каталога (пока остающегося на карточках) тангутских рукописей и ксилографов. Параллельно готовились к публикации наиболее важные памятники тангутской литературы — некоторые из них уже вышли из печати²⁵, другие сданы в печать или же над ними сейчас продолжается работа: тангутские пословицы, памятники тангутского законодательства, военный трактат «Сунь цзы» на тангутском языке, история тангутской книги.

Фонд маньчжурских рукописей и ксилографов ЛО ИВ АН СССР насчитывает до 600 названий и является самым крупным в мире из известных нам. Тем не менее до образования Ленинградского отделения систематическая археографическая обработка его не производилась. Была лишь рукописная картотека на 200 номеров, начатая В. Л. Котвичем и продолженная А. В. Гребенщиковым. После 1956 г. М. П. Волкова начала составление полного описания фонда. В настоящее время завершена работа над рукописями²⁶ и готовится описание ксилографов. Параллельно М. П. Волкова готовит к публикации наиболее важные произведения маньчжурского фольклора и литературы, из которых одно уже вышло из печати²⁷.

Тибетский фонд (ксилографы и рукописи) является если не самым крупным, то одним из крупнейших в мире. По богатству с ним могут спорить только тибетские библиотеки в самом Тибете и, сколько можно судить (полных сведений нет), в Монголии и Улан-Удэ. В фонде насчитывается более 16 тыс. томов (40—50 тыс. названий), до сих пор он обработан лишь частично. Есть инвентари наиболее редких его частей,

²¹ П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М.—Пг., 1923; Е. И. Кычанов. Звучат лишь письмена. М., 1965; Е. И. Лубо-Лесниченко, Т. К. Шифрановская. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

²² Н. А. Невский за двухтомник «Тангутская филология» (М., 1960) был удостоен посмертно Ленинской премии за 1962 г.

²³ Библиографию избранных работ по тангутоведению см. в кн.: «Китайская классика в тангутском переводе. (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин)». Факсимиле текстов.—«Памятники письменности Востока», IV. М., 1966, стр. 136—143.

²⁴ З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов. Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. М., 1963.

²⁵ «Море письмен». Факсимиле тангутских ксилографов, ч. 1 и 2.—«Памятники письменности Востока», XXV. М., 1969. Значительное количество материалов фонда использовано в кн.: Е. И. Кычанов. Очерк истории тангутского государства. М., 1968; он же. Гимн священным предкам тангутов.—«Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1968», стр. 217—231.

²⁶ М. П. Волкова. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965.

²⁷ «Нишань самани битхе» (Предание о нишаньской шаманке).—«Памятники литературы народов Востока». Тексты. Малая серия, VII. М., 1961.

собранных во время экспедиций в Тибет Б. Б. Барадийна и Г. Ц. Цыбикова²⁸, а также некоторых более поздних поступлений, объединенных в фонд под шифром Nova. Основываясь на этих трех коллекциях, А. И. Востриков в 30-х годах составил свое описание тибетских исторических сочинений²⁹. Только в последние годы, когда фонд был полностью подготовлен к обработке, группа под руководством М. И. Воробьевой-Десятовской составила карточный каталог на первые две коллекции, для третьей из этих частей такой каталог составляется в настоящее время³⁰. Предварительная разборка фонда позволила выявить большую группу уникальных и редких текстов. В настоящее время начато исследование некоторых из них. Так, Л. С. Савицкий изучает тибетскую апокрифическую литературу³¹, Е. Д. Огнева — трактаты по теории тибетской иконографии и иконометрии.

Фонды на других дальневосточных языках хотя и гораздо менее обширны, также весьма важны и интересны для науки. Фонды монгольский, корейский и японский, также как и другие дальневосточные фонды, включают рукописи и ксилографы, среди которых есть редкие и уникальные. Кроме того, имеется небольшая группа вьетнамских рукописей (6 единиц) не ранее начала XIX в., являющихся переводами текстов католических псалмов и катехизиса.

Монгольский фонд — один из самых старых в Рукописном отделе Института востоковедения — начал формироваться еще в первой четверти XVIII в.³² В настоящее время фонд насчитывает 3000 единиц монгольских, бурятских и калмыцких рукописей и ксилографов. Самая древняя и ранее не исследованная его часть — это монгольские документы XIII—XIV вв., обнаруженные в Хара-Хото П. К. Козловым. Только в последние годы их начал готовить к публикации Н. Ц. Мункуев. В других, более поздних частях наибольший интерес ученых вызвали монгольские летописи³³. До образования Ленинградского отделения Института монгольский фонд был самым известным из всех дальневосточных фондов. Он привлекал исследователей как своим составом, так и своей полнотой — в нем, например, за редкими исключениями, есть почти все пекинские издания монгольских текстов. Тем не менее ранее были составлены лишь тема-

²⁸ Первые сообщения об этих двух коллекциях см.: Г. Ц. Цыбиков. Список тибетским изданиям, привезенным Гонбожапом Цыбиковым в 1902 г. и пожертвованным музеем Императорским русским географическим обществом. — «Известия императорской Академии наук», сер. V, т. XXI, № 1, 1904, стр. 01—07; Б. Б. Барадийн. Список тибетских рукописей и книг, полученных Б. Б. Барадийным из Амдосского монастыря в Лавране летом 1908 г. (в составе статьи К. Г. Залеман. Новые поступления в Азиатский музей). — «Известия императорской Академии наук», сер. VI, т. II, 1908, № 48, стр. 1310. О более ранних поступлениях: I. Y. Schmidt und O. Böhlingk. Verzeichniss des tibetischen Handschriften und Holzdrücke im Asiatischer Museum. — «Bulletin historique-philologique de l'Académie imperiale de sciences de St. Pétersbourg», 1847, t. IV, N 6, 7, 8, 31.

²⁹ А. И. Востриков. Тибетская историческая литература. М., 1962.

³⁰ Некоторые результаты обработки этих фондов сообщены в статьях: М. И. Воробьева-Десятовская. Тибетские переводы Трипитаки и их издания в собрании ксилографов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР. — «Дальний Восток». Сб. статей. М., 1961, стр. 225—231; она же. Собрание тибетских ксилографов из коллекции Г. Ц. Цыбикова. — «Краткие сообщения Института народов Азии», LVII, 1961, стр. 137—142.

³¹ См. тезисы его докладов в сборниках «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока» (Тезисы докладов на годичных конференциях ЛО ИНА) 1966 и 1967 гг. и «Жанры и стили литератур Дальнего Востока» (М., 1966), статьи «Записи достигнутого» и «Записи прослушанного» и их значение для изучения истории и литературы Тибета. — «История, культура, языки народов Востока». М., 1970, стр. 46—50.

³² Первый каталог был опубликован в конце XVIII в.: Y. Yahrng. Ueber die Mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek. — «Journal von Russland», 1796, Yg. 3, Bd. 2. SS. 122—144, 194—200.

³³ Описание летописей и характеристику их публикаций см.: Ц. Ж. Жамцарано. Монгольские летописи XVII в. М.—Л., 1936. — «Труды Института востоковедения Академии наук СССР», т. 16; Н. П. Шастина. О публикации монгольских летописей. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 63. М., 1963.

тические описания отдельных его частей³⁴. В Ленинградском отделении систематическое описание фонда вел Л. С. Пучковский, участие в этой работе принимала также Н. П. Шастина³⁵. В настоящее время описание фонда продолжает Т. П. Горегляд, и эта работа близится к своему завершению.

Корейский фонд насчитывает 190 единиц хранения и 239 названий сочинений. Хотя он и невелик по объему, но научное значение его трудно переоценить. Он составлен в основном из двух коллекций начала XX в.: русского консула П. А. Дмитриевского и английского консула В. Г. Астона. Оба интересовались литературой Кореи как специалисты и собрали много уникальных и редких изданий и текстов, в том числе значительное количество произведений корейской «простонародной» литературы, нередко ныне утерянных в самой Корее. До начала 50-х годов XX в. эту коллекцию никто не обрабатывал. В 1952 г. О. П. Петрова выделила корейский фонд из описанного выше так называемого Нового фонда, а впоследствии составила полное его описание³⁶. Одновременно Д. Д. Елисеев, а потом и М. И. Никитина, А. Ф. Троцевич и М. Н. Пак начали подготовку к публикации наиболее важных текстов фонда³⁷. В последние годы И. И. Хван исследует по нашим фондам документы национального героя Кореи Ли Сунгина.

Японский фонд, более 730 единиц, как и корейский, был выделен из дальневосточного Нового фонда О. П. Петровой в начале 50-х годов. Однако характер его совсем другой: он составлен из разрозненных разновременных поступлений от XVIII до XX в. Никакой системы в его подборе поэтому нет. В этом он сходен с Новым фондом китайских рукописей. Многие ксилографы и рукописи японского фонда весьма ценны. Так, большую научную литературу вызвали книги первого японца, попавшего в Россию в конце XVIII в., Дайкокуя Кодаю с маргиналиями владельца³⁸; из других опубликованы пока только материалы по истории сношений России и Японии и словари³⁹.

³⁴ Кроме упомянутой статьи Ц. Ж. Жамцарано см.: Б. Я. Владимирцов. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии наук от проф. А. Д. Руднева.— «Известия Российской Академии наук», сер. VI, 1918, т. 12, № 14, стр. 1549—1568; Н. Н. Поппе. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения.— «Записки Института востоковедения Академии наук», 1932, т. 1, стр. 151—200. Единственная сводная характеристика фонда дана в статье Б. Я. Владимирцова «Монгольский фонд» («Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918 гг.»). Краткая памятка. Пб., 1920).

³⁵ Л. С. Пучковский. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР.— «Ученые записки Института востоковедения», 1954, т. 9, стр. 90—127; он же. Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения, вып. I. История. Право. М.—Л., 1957; Н. П. Шастина. Монгольские рукописи и ксилографы.— «Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза». М., 1963, стр. 49—50.

³⁶ О. П. Петрова. Собрание корейских письменных памятников Института востоковедения Академии наук СССР.— «Ученые записки Института востоковедения», 1954, т. 9, стр. 3—29; она же. Описание письменных памятников корейской культуры, вып. I. М.—Л., 1956; вып. II. М., 1963.

³⁷ «Корейские новеллы». М., 1959; Ким Бусик. Самкук саги.— «Памятники литературы народов Востока». Тексты. Большая серия, I. М., 1959; «Пэкрён чхохэ. Антология лирических стихотворений рён-гу с корейским переводом». — «Памятники литературы народов Востока». Тексты. Малая серия, VI. М., 1961; «Ссянъчхон кыйбон» (Удивительное соединение двух браслетов). — Там же, XV. М., 1962; «Чхунхянчжон квонджиган» («Краткая повесть о Чхунхян»). — Сер. «Памятники письменности Востока», XIX. М., 1968.

³⁸ Наиболее значительные из японских работ о словарях, а также о Дайкокуя Кодаю и его библиотеке: 村山七郎. 漂流民の言語 (Мураяма Ситиро. Язык дрейфующих. Токио, 1965); рец. В. Н. Горегляд.— «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, стр. 188—190; 電井高孝. 光太夫の悲戀 (Камэи Токаёси. Страдания Кодаю. Токио, 1967); О. П. Петрова. Коллекция книг Дайкокуя Кодаю и ее значение для истории русско-японских культурных связей.— «История, культура, языки народов Востока», стр. 51—58.

³⁹ Оцуки Сингэтака и Симура Кокё. Канкай ибун (Удивительные сведения об окружающих морях). Тетрадь восьмая. Словарь.— «Памятники литературы народов Востока». Тексты. Большая серия, XVI. М., 1961; «Оросякоку суймудан» (Сны о России).— Там же. Малая серия, XI. М., 1961; «Лексикон русско-японский Андрея Татаринова». М., 1962; О. П. Петрова. Словарь японского языка Николая Резанова. Неучтенный результат экспедиции в Японию в 1803—1805 гг. М., 1963.

До археографической обработки фонда, начатой после его выделения, о фонде были лишь самые общие сведения⁴⁰. Группа под руководством О. П. Петровой, куда входили В. Н. Горегляд, Г. Д. Иванова, З. Д. Ханин, в настоящее время завершила полное описание фонда⁴¹.

Дальневосточные фонды, как уже говорилось, отражают связь культур стран Дальнего Востока с Индией через буддизм. Однако индийский фонд ЛО ИВ АН СССР в подавляющем большинстве не включает буддийских сочинений. Как правило, это произведения иного характера: философские, научные, религиозные (помимо буддизма), памятники литератур на языках различных народов, населявших и населяющих Индию. Есть в фонде также рукописи на языках неиндийских стран, находящихся в сфере влияния индийской культуры. Индийский фонд насчитывает более 600 единиц и чрезвычайно разнообразен по языку. В нем есть рукописи на древних языках: санскрите, пали, старом хинди, на пракритах (джайнамахарашгри, махараштри, шаурасени, магадхи, пайшачи); на современных языках Индии: хинди, панджаби, непали, бенгальском, тамильском; на языках сопредельных стран: невари, бирманском, сингалезском, камбоджийском, сиамском, яванском, батакском. Так же разнообразны и употребляемые в рукописях фонда письменности: деванагари, кайтхи, ланда, гурмуки, кашмири, непальская, ланджа, тибетская, бенгальская, телугу, грантха, тамильская, квадратная галийская, бирманская, камбоджийская, сиамская, яванская, сингалезская. Большинство рукописей переписаны не раньше XVII в. Состав фонда, таким образом, требует знания множества языков и шрифтов. Поэтому, несмотря на то, что учет рукописей индийского фонда (на санскрите) был начат еще в начале прошлого столетия⁴², их полноценного научного описания до сих пор нет. После опубликования известного каталога Н. Д. Миронова, куда было включено две трети рукописей фонда, не только на санскрите, но и на других языках⁴³, археографическая работа индологов надолго прервалась и была возобновлена только в 50-х годах В. С. Воробьевым-Десятовским, который впервые опубликовал сводную характеристику индийской коллекции⁴⁴. В дальнейшем Г. А. Зограф приступил к описанию фонда по языкам. Он выпустил описание рукописей на языках хинди и панджаби⁴⁵ (106 номеров), после чего археографические работы над индийскими рукописями вновь прервались.

Малайскими рукописями (7 единиц) в составе Индийского фонда занималась Е. В. Ревуненкова⁴⁶. М. А. Болдырева составила краткое их описание.

Центральноазиатские фонды. Рукописи из Центральной Азии были собраны в результате ряда археологических экспедиций в современный Синьцзян (в те времена именовавшийся обычно в России Восточным Туркестаном) в конце XIX — начале XX в. Составленный из коллекций М. М. Березовского, Н. Н. Кроткова, Н. Ф. Петровского, С. Ф. Ольденбурга, А. И. Кохановского, С. Е. Малова, В. И. Роборовского, П. К. Козлова Центральноазиатский отдел Рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР был

⁴⁰ С. Г. Елисеев. Японский фонд.— «Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918 гг.». Краткая памятка, стр. 69—73.

⁴¹ Первые пять выпусков вышли из печати: О. П. Петрова, В. Н. Горегляд. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг, вып. I. М., 1963; О. П. Петрова, Г. Д. Иванова, В. Н. Горегляд. То же, вып. II. Филология. М., 1964; О. П. Петрова, В. Н. Горегляд. То же, вып. III. Идеология. М., 1966; они же. То же, вып. IV. М., 1969; В. Н. Горегляд. То же, вып. V, 1971. Последний, шестой, выпуск находится в издательстве.

⁴² См.: R. Lenz. Bericht über eine im Asiatischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg deponierte Sammlung Sanskrit-Manuskripte.— «St. Petersburgischer Zeitung», 1833, № 219—223; П. Петров. Прибавления к Каталогу Санскритских рукописей, находящихся в Азиатском Музее Императорской Санктпетербургской Академии наук.— «Журнал Министерства народного просвещения», октябрь 1836, ч. XII, стр. 194—198.

⁴³ Н. Д. Миронов. Каталог индийских рукописей, вып. I. Пг., 1914.

⁴⁴ В. С. Воробьев-Десятовский. Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР.— «Ученые записки Института востоковедения», 1954, т. 9, стр. 128—145.

⁴⁵ Г. А. Зограф. Описание рукописей хинди и панджаби Института востоковедения. М., 1960.

⁴⁶ Е. В. Ревуненкова. «Седжарах Мелайю» (Малайская история)— историко-культурный памятник малайского средневековья. Л., 1970.

впоследствии по языкам разделен на три части: санскритские, сакские и тохарские рукописи (535 единиц); среднеперсидские и согдийские рукописи (всего около 350 единиц); древнеуйгурские (более 4000 единиц). Кроме того, имеется небольшая коллекция эстампажей с древнетюркских рунических надписей (более 50 единиц), а также древнетамильские рукописи (числом 28) того же происхождения. Народы древней Центральной Азии занимали в первом тысячелетии новой эры место посредника между Китаем и Индией. Через Центральную Азию в I—II столетиях в Китай проник буддизм. Многие буддийские сочинения были впервые переведены на китайский язык с санскрита, пали и с языков Центральной Азии проповедниками, вышедшими из этих областей. Поэтому открытие рукописей на забытых языках древнего Синьцзяна дало возможность изучить как историю самих этих народов, так и пути культурного контакта культур Индии и Китая. Позднее, примерно с IV в., начинается обратное движение из Китая в «Западный край» (как называли в старину в Китае Центральную и Среднюю Азию, Индию). Начиная с этого времени чувствуется интенсивное влияние в Центральной Азии как китайского буддизма, так и достижений китайской книжной культуры (бумага, потом и книгопечатание). Так, если до этого времени встречаются тексты на коже, дереве, бересте, то после — исключительно на бумаге. Находки русских экспедиций позволяют документировать этот процесс, а также историю обратного распространения китайского буддизма.

Центральноазиатские собрания, с одной стороны, изучены может быть больше, чем все другие рукописи перечисленных коллекций. Сразу после их обнаружения последовали публикации С. Ф. Ольденбурга, Н. Д. Миронова, А. Сталь-Гольштейна, К. Г. Залемана, В. В. Радлова, С. Е. Малова⁴⁷. В результате образовались новые отрасли востоковедческой науки: изучение сакского, тохарского, согдийского, древнеуйгурского языков. Мощный толчок получило изучение буддийских текстов в утерянных ранее санскритских оригиналах. С другой стороны, не все еще тексты этих фондов до сих пор имеют каталоги и описания (это касается особенно массы мелких фрагментов, весьма трудных для обработки, например, в древнеуйгурском фонде), в других случаях (согдийский и другие фонды) результаты археографических работ еще не опубликованы.

Санскритские, сакские и тохарские рукописи. Среди рукописей этой коллекции, относящихся к I—IX вв., большинство имеет форму потхи. Есть рукописи на бересте, коже, деревянных планках и позднее на бумаге. Почти все памятники собрания — это буддийские сочинения, ранее известные лишь по китайским и тибетским переводам, а теперь обнаруженные в санскритских оригиналах и ранних сакских и тохарских версиях. Шрифты рукописей: кароштки, брахми и центральноазиатские варианты этого последнего. С. Ф. Ольденбург, Н. Д. Мионов, А. Сталь-Гольштейн в конце прошлого — начале нашего века опубликовали ряд рукописей фонда, впервые вводя в научный обиход санскритские оригиналы и центральноазиатские переводы многих сочинений буддизма школы махаяны. После длительного перерыва, в 50-х годах изучение фонда проводил В. С. Воробьев-Десятовский, составивший инвентарную опись и карточный каталог и опубликовавший несколько ранее не известных текстов⁴⁸. Его работу продолжают М. И. Воробьева-Десятовская, О. Ф. Волкова, Г. М. Бонгард-Левин, Э. Н. Темкин⁴⁹.

⁴⁷ Не имея возможности перечислить здесь все прежние работы и публикации, связанные с этим фондом, отсылаем читателя к работе О. Э. Ливотовой и В. Б. Португала «Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография» (М., 1966), а также к разделу «Археология» в кн.: П. Е. Скачков. Библиография Китая. М., 1960. О работах последних двух десятилетий будет сказано при рассмотрении соответствующих центральноазиатских собраний.

⁴⁸ В. С. Воробьев-Десятовский. Новые листы сакской рукописи «Е». — «Краткие сообщения Института востоковедения», № 16, 1955, стр. 68—71; он же. Вновь найденные листы рукописей Кашьяпариварты. — «Rocznik Orientalistyczny», 1957, XXI, стр. 491—500; он же. Памятники центральноазиатской письменности. — «Ученые записки Института востоковедения», 1958, т. 16, стр. 280—308.

⁴⁹ «Сказание о Бхадре» (Новые листы сакской рукописи «Е»). Факсимиле текста. — «Памятники письменности Востока». I. М., 1965; Г. М. Бонгард-Левин, О. Ф. Волкова. Легенда о Кунале (Kunālavādāna из неопубликованной руко-

Тамильские рукописи, происходящие из Центральной Азии, а также рукописи на языке телугу доныне не изучались, и лишь в последние годы М. И. Воробьева-Десятовская составила их инвентарную опись.

Небольшая коллекция среднеперсидских (более 150, включая и мелкие фрагменты) и согдийских (более 140) рукописей в основном была собрана Н. Н. Кротковым и С. Ф. Ольденбургом; имеются и рукописи из коллекций А. И. Кохановского и В. И. Роборовского. В коллекции основную часть составляют манихейские, христианские и буддийские сочинения, есть также письма, глоссарии. В начале века все связанные среднеперсидские тексты были изданы и исследованы К. Г. Залеманом, согдийские — лишь в небольшой части — Ф. А. Розенбергом⁵⁰. После этого в исследовании коллекции наступил большой перерыв, и лишь в конце 50-х годов А. Н. Рогоза вновь приступила к изучению согдийских рукописей. Ею подготовлена публикация 142 согдийских текстов, сданная ныне в печать.

Фонд эстампажей древнетюркских рунических надписей небольшой, но очень важный. Он состоит из эстампажей, снятых с древнетюркских рунических надписей, обнаруженных в конце XIX—начале XX в. в Северной Монголии, Туве и Минусинской котловине экспедициями В. В. Радлова, Д. А. Клеменца, А. В. Адрианова, Г. Рамстедта, В. Л. Котвича. Надписи дают важнейший материал по истории древних тюрков в Центральной Азии и относятся к VII—IX вв. Большая часть эстампажей была издана В. В. Радловым, Г. Рамстедтом, А. Н. Самойловичем, В. Л. Котвичем, С. Е. Маловым, а в 1964 г. вышло основанное на них большое историческое исследование С. Г. Кляшторного⁵¹. К составлению полного инвентаря эстампажей приступил С. Г. Кляшторный.

Коллекция древнеуйгурских рукописей собрана в результате тех же экспедиций конца XIX—начала XX в., в основном она была приобретена Н. Н. Кротковым (более 3000 единиц) и С. Ф. Ольденбургом (свыше 400 — в этой части множество мелких фрагментов, с трудом поддающихся учету). Рукописи относятся к VIII—X вв. и состоят в большей части из буддийских сочинений. Кроме того, в коллекции есть деловые документы и записи, а также манихейские тексты. В 1910—1914 гг. В. В. Радлов и С. Е. Малов издали около 45 рукописей на древнеуйгурском языке, С. Е. Малов продолжал исследования и позже⁵². Публикации легли в основу изучения неизвестного ранее древнеуйгурского языка и истории древних уйгуров; литература по этому вопросу весьма обширна. В 1952 г. группа под руководством С. Е. Малова (куда входили Э. Р. Тенишев и А. М. Щербак) провела предварительную, неполную и несистематическую, инвентаризацию собрания. Э. Р. Тенишев и Л. В. Дмитриева в 60-х го-

писи *Āśokāvadānamāla*). М., 1963; G. M. Bongard-Levin, E. N. Tyomkin. Fragment of an unknown manuscript of the *Saddharmapundarika* from N. F. Petrovsky Collection. — «Indo-Iranian Journal», 1965, vol. VIII, N 4, p. 268—274; Г. М. Бонгард-Левин, Э. Н. Темкин. Отрывок сакской версии Дхармашарира-сутры (*Dharmasāgira-sūtra*). — «Историко-филологические исследования». Сборник статей к 75-летию академика Н. И. Конрада. М., 1967, стр. 247—252; G. M. Bongard-Levin, M. I. Vorobyeva-Desyatovskaya, E. N. Tyomkin. A fragment of the *Sanskrit Sumukhadhāraṇī*. — «Indo-Iranian Journal», 1967, vol. X, N 2/3, pp. 150—159; G. M. Bongard-Levin, E. N. Tyomkin. New Buddhist text from Central Asia. М., 1967.

⁵⁰ См. соответствующие разделы указанной библиографии О. Э. Ливотовой и В. Б. Португалья.

⁵¹ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники по истории Средней Азии. М., 1964. В гл. II анализируются тексты памятников, к работе приложена исчерпывающая библиография вопроса, в том числе и публикаций эстампажей.

⁵² Дореволюционные публикации в упомянутой библиографии О. Э. Ливотовой и В. Б. Португалья; послереволюционные: С. Е. Малов. Два уйгурских документа. — «В. В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927; W. Radloff. *Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode der Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov hrsg. L.*, 1928; С. Е. Малов. *Sitāpatrādhāraṇī* в уйгурской редакции. — «Доклады Академии наук СССР», сер. В, 1930, стр. 88—94; он же. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследование. М. — Л., 1951.

дах опубликовали некоторые не известные ранее тексты⁵³. В 1965 г. к систематическому описанию фонда приступила Л. Ю. Тугушева. Параллельно она готовит к печати ряд новых текстов.

Таким образом, результаты археографических работ показывают, что инвентаризация, каталогизация и описание богатых дальневосточных и центральноазиатских рукописных собраний Института востоковедения сейчас в основных частях близится к завершению, а по ряду фондов уже полностью закончены. Особенно важно отметить заметный прогресс в этой области, наблюдаемый после организации в 1956 г. Ленинградского отделения Института. Если ранее почти ни один фонд не имел систематических обзоров, сплошных инвентарей и рабочих каталогов — не говоря уже о публикациях этих материалов, — то сейчас археографические работы проводятся систематически и ставят перед собой задачу полного охвата имеющихся рукописных богатств. Организации этих работ весьма способствовало Методическое бюро по описанию рукописей под руководством А. Н. Кононова. Задачей бюро является координация всех археографических работ Отделения. Входят в него ведущие специалисты по различным фондам.

Значительно активизировалась и другая сторона научной деятельности сотрудников Отделения: параллельно с описанием выходит большое количество публикаций и исследований уникальных и редких текстов, обнаруженных в рукописных фондах. Описания рукописей и их публикации вносят немаловажный вклад в изучение истории культуры народов Восточной Азии. В последнее десятилетие очень многие иностранные ученые вступают в оживленную научную переписку с сотрудниками Отделения и стремятся лично ознакомиться с теми фондами, всемирную известность которым принесли работы востоковедов Ленинграда.

⁵³ Л. В. Дмитриева. «Хуастуанифт» (Сводный текст и перевод). — «Тюркологические исследования», I. Л., 1963, стр. 214—232; она же. Лексика ленинградского списка «Хуастуанифт». — «Краткие сообщения Института народов Азии», 69, 1965, стр. 46—59; Э. Р. Тенишев. Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке. — «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965, стр. 37—77.

Г. Г. Мирзоян

ДРЕВНЕРУССКИЕ РУКОПИСИ В г. БАКУ

Рукописи европейского и азиатского средневековья имеют, как известно, очень широкий ареал распространения. Практически они рассеяны по всему миру, хотя у рукописей каждой из стран есть (или были) свои центры сосредоточения и своя периферия.

Общеизвестно, что рукописи Древней Руси также широко распространились, будучи завезены во многие страны. В пределах Советского Союза их ищут и находят не только на Севере и в Прибалтике, но и в Сибири и на Дальнем Востоке. Южная граница распространения древнерусских рукописей по мере расширения археографических обследований отодвигается все дальше и дальше. Небольшие собрания древнерусских рукописей известны в республиках Средней Азии. Из республик Закавказья славянскими и русскими рукописями, притом очень древними, располагает Армения.

В Азербайджане же, который вошел в состав России в начале XIX в., поиски старинных русских рукописей не предпринимались, так как разумелось само собой, что возможность обнаружения их здесь незначительна.

В Азербайджане с успехом можно заниматься собиранием рукописного наследия различных восточных народов. Это естественно и не требует объяснений. Например, недавно, в 1968—1969 гг., автором настоящего сообщения были приобретены в Баку у частных владельцев две древнеармянские рукописи XII—XIV вв. Одна — отрывок пергамента четвероевангелия XII в., другая — лицевое евангелие 1319 г. с миниатюрами и послесловием писца. Обе рукописи были переданы в Ленинград, в Армянское собрание Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где и были датированы.

В Азербайджане, в первую очередь в столице республики — г. Баку, как показал опыт, все же возможны некоторые находки старинных русских рукописей.

Хотя в Баку в настоящее время нет коллекционеров, собирающих древнерусские рукописи, но имеются местные учреждения, куда случайными путями могли попасть интересующие нас материалы. Это, во-первых, библиотеки церквей и, во-вторых, крупные государственные библиотеки научного характера. Именно в них удалось отыскать единичные русские рукописи и старопечатные книги XVII—XVIII вв.

Так, в библиотеке бакинской русской православной церкви (если небольшой заброшенный шкафчик с книгами можно назвать библиотекой) были обнаружены две рукописи и несколько московских старопечатных книг XVII в., в том числе Триодь постная, изданная в 1618 г. печатником Никитой Фофановым, и рукописные октоих и канонник XVII в. (в 8°, без начала и конца, бумага с филигранью — кувшинчик с цветами). Особо интереса эти богослужебные рукописи не представляют, а как они попали в церковь, никто не помнит.

Другие рукописные книги были выявлены в крупнейшем государственном книгохранилище республики — Республиканской публичной библиотеке им. М. Ф. Ахундова. В Отделе редких книг библиотеки есть две русские рукописные книги XVIII — начала

XIX в.: 1) «Краткое руководство к красноречию, книга первая», в 4°, 100 лл., в кожаном переплете. Это список 1766 г., сделанный с издания 1765 г. «Риторики» М. В. Ломоносова, с многочисленными записями писца и владельцев книги, преимущественно украинцев XVIII в. (№ 448003); 2) Октоих крюковой в 4°, 216 лл., в кожаном переплете. На бумаге с филигранью «1806» г. С заставками, выполненными в так называемом поморском стиле (№ 480756).

Самой интересной рукописью, хранящейся в Отделе редких книг той же библиотеки, является подлинное следственное дело 1740 г. об анонимном подметном письме, которое «явилось прибито в городе Суздаде на посаде у двора Суздальской ратуши бургомистра Козмы Дремина» (№ 483095, в 2°, 8 лл.). Так говорится в указе Суздальской провинциальной канцелярии, включенном в дело. Кроме указов и доношений, связанных со следствием, которое в то время провели суздальские власти, в деле содержится и копия подметного письма 1740 г., написанного довольно выразительно и образно от имени неких «трех братьев». «Три брата» угрожают сжечь дом бургомистра, а его самого и его жену убить, если они не сгорят вместе со своим домом: «Аще сими дом твой искореним, а тебя тут не сождем, то от нас ты не жди животу своему продолжения хоша в год или боле, и жеце твоей то ж будет». Заканчивается письмо гротескным описанием внешности бургомистра, который «не знает бедным нужды»: «...На тебе и рожа-то, как у болшей женки ж... а; глазища твоє, яко у быстрой крысы; щеки, яко у кобылы».

Анонимное подметное письмо 1740 г. несомненно относится к источникам по истории классовой борьбы в царствование Анны Иоанновны. Подметных писем в эти годы появлялось немало¹.

Как видим, подбор старых русских рукописей в Баку пестр и случаен. Есть основания предполагать, что указанное следственное дело 1740 г. и перечисленные рукописные книги перешли в Республиканскую библиотеку от специалиста по древнерусской литературе А. В. Багрия (1891—1949), который был учеником академика В. Н. Перетца и после окончания гражданской войны переехал в Баку, где работал и преподавал до своей кончины. В 1920—1930-е гг. А. В. Багрий регулярно приезжал в Москву, покупал рукописи и дублетные экземпляры книг, в частности в тогдашнем Румянцевском музее. А. В. Багрием была куплена часть библиотеки члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, поступившая затем в Фундаментальную библиотеку Бакинского университета. Посещал он и другие города. Устойчивой коллекции старинных русских рукописей у А. В. Багрия, по-видимому, не образовалось. Отдельные покупки и приобретения исследователя с течением времени распределились по разным бакинским библиотекам.

Приложение

Анонимное подметное письмо 1740 г. *

Резолюция и погибель Козьме Дремину.

Прими наше умышление, от троих братьев на тебя уложенное. Вся сия вещи устроим за твоє злонравие и високоумие. И от диавола те данную гордостию за твоє нам

¹ Ср., например: П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII в. М., 1958, стр. 123, 130, 307. Данная копия подметного письма была снята в июне 1740 г. в Спасо-Евфимиевом монастыре, так как власти подозревали кого-то из «братьев» этого монастыря; монастырскому начальству пришлось участвовать в следствии. В описаниях бумаг Спасо-Евфимиева монастыря упоминания об этом деле 1740 г. не встречаются (см.: И. А. Шляпкина. Описание рукописей Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.— «Памятники древней письменности», вып. IV. СПб., 1880; А. В. Селиванов. Опись дел архива Владимирского губернского правления.— «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. 1, 4, 5, 6. Владимир, 1899—1904).

* По списку, хранящемуся в Республиканской публичной библиотеке им. М. Ф. Ахундова в г. Баку.

запрещение¹ конечно мы себя жестоко изнурили, родственное нечто продали, а на твое злочестие сердца наша разыгрались.

Полтора пуда пороху, полведра масла, 10 фунтов серы, полведра дехтю, 10 фунтов воску, крушка деревянная нефти, сала 10 фунтов. НЗНАШЪДГВГС**

Вся сия совершим неложно, и придет в сердце твое, яко стрелы, и кости в тебе все сокрушатся, а дом твой, яко тма, помрачится, и будеши, яко п... а, Пашки сын, или яко пес, поруган.

1. Вложим в куфшин, стоя, масло, серы, дехтю, воску, пороху, сала, нефти, деревяннаго масла и поставим в том куфшине салую свещу, зажехши под некоторым застрехом на гвоздях. Егда догорит свеща, а и в куфшине загорится.

2. Еще и стены дому твоего все тою же здобю вымажем, дабы немедленно загорелось, а тебя бы нам видеть во оном пламени, яко дьявола, и з женою с твоею сатаною.

3. Еще и пот ту храмину тоя же здобы подложим, где сено лежит, а по той стене так же вымажем тою же здобю, дабы зажглось скоро. Како скоро фараона водою погрузило, тако бы тебя, втораго фараона, христиана ненавистника, и гонителя, и терзателя-пса огнем опалило.

4. Еще мы, три брата, удумали наечь труду² и завертеть в бумагу, положить серы горючие, еще в коробенечку скаловую³ положим пороху да нефти и впустим в тот груд огня, дойдет огонь до серы, а от серы до пороху и до нефти. А те шесть коробенечек ставить под застрехами на железных гвоздях.

5. Еще удумали становить воцанные свечи на т...*** чинах под высокие застрехи, где имеются ска...***

6. Аще сими дом твой искореним, а тебя тут не созжем, то от нас ты не жди животу своему продолжения хоша в год или боле, и жене твоей то ж будет. Воспомани первые своя годы, како ты жил, яко голик волочился или германьч⁴. А ныне у тебя тысячи три есть, не знаешь бедным нужды, да станешь опять знать нужду.

Какова ты роду: отец твой был выблядак, а мать твоя в девках двоих родила, а ты разье...екин сын, пес ты, халявей сын ты, дьяволов сын ты. На тебе и рожато, как у болшей женки ж...а; глазища твое, яко у быстрой крысы; щеки, яко у кобылы.

Примечания

¹ «Запрещение... в приказном наречии значит: заказ продавать или закладывать недвижимое какое имение по причине сделанных каких прежде долгов или обязательств» («Словарь Академии Российской», ч. 2. СПб., 1809, стб. 699).

² Труд — березовая губка (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 3. СПб., 1912, стб. 1009).

³ Скаловая — берестовая (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. М., 1956, стр. 191).

⁴ Непонятное слово.

** Так в тексте; очевидно, написано тайнописью.

*** Несколько букв в слове оторвано.

Е. И. Самгина

ОБЗОР ФОНДА САЛТЫКОВЫХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В 1962 г. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ, ОПИ) получил из Литературного музея грудку разрушенных столбцов, попавших туда из Дмитровского краеведческого музея. Только после тщательной реставрации, сделанной в мастерской Исторического музея, можно было прочитать и определить, что столбцы составляют самостоятельный фонд Салтыковых, крайние даты которого 1616—1757 гг. с преобладанием документов второй половины XVII в.

Интересен этот фонд как родовой архив известного сатирика XIX в. М. Е. Салтыкова-Щедрина¹, чьи материалы находятся в нескольких архивохранилищах, но Отдел письменных источников располагает большей частью родовых материалов XVII в.²

Настоящий обзор и посвящен родовым материалам Салтыковых XVII в.

Трудно переоценить значение личных архивных фондов для исторической науки, велико разнообразие содержащихся в них материалов. Естественно, что без документов помещичьих и вотчинных архивов нельзя было бы изучить многие вопросы истории крепостного хозяйства и крестьянства. В архивохранилищах СССР сосредоточено множество личных фондов крупных и средних помещиков, но крайне редки фонды представителей служилого сословия России XVII в., какими являлись Салтыковы.

В сохранившейся родословной Салтыковых-Щедриных³ читаем: «Фамилия Салтыковых произошла от древних благородных дворян, потомки сего рода: Иван Данилович в 1568 г. владел поместьями⁴, Тимофей Иванов, прозванный Курган, написан в 1630 г. в числе дворян и детей боярских с поместным окладом». Салтыковы называют себя всюду дмитровцами, видимо, потому, что еще в XVI в. один из их предков был записан в службу по г. Дмитрову и получил поместье в Дмитровском уезде. В «Списке 100^{го} году»⁵, где дается перечень низших разрядов военного служилого люда для всего государства за 1591—1592 гг., по г. Дмитрову в статье получивших оклад в 350 четвертей зна-

¹ Архив Салтыковых поступил после Великой Октябрьской революции в Дмитровский краеведческий музей из их родового имения с. Спасское Дмитровского уезда. В 1921—1922 гг. сотрудником музея А. Н. Соколовым была составлена подокументная опись на хранящиеся там столбцы (28 связок, около 1600 документов), а в 1924—1926 гг. им же была произведена проверка, о чем свидетельствуют пометки на столбцах. Архив приводился в порядок к 1939 г., когда должна была открыться выставка «50-летие со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина». На эту же тему написана статья сотрудником музея И. А. Смирновым, хранящаяся в фонде музея.

² Центральный государственный архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ), ф. 445 (14 документов XVII в.); Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. 360 (68 документов XVII в.); ГИМ, ОПИ, ф. 502 (около 1500 документов — 60 ед. хр.).

³ ЦГАЛИ, ф. 445, оп. 1, ед. хр. 1.

⁴ Он же записан в писцовой книге Ярославского уезда 1568—1569 гг. как владелец поместья в Игрицкой волости (Центральный государственный архив древних актов, ф. 1209, ед. хр. 582, лл. 72 об.—73).

⁵ «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов в XVI в.». Под ред. А. А. Зимины. М.—Л., 1950, стр. 221.

чится «Салтыков Курган Иванов сын». Салтыковы владели кроме Дмитровского поместьями в Ярославском, Кашинском, Романовском, Ростовском и Вологодском уездах, но большая часть документов относится к их основным — Дмитровским и Ярославским — владениям.

В Отделе письменных источников хранятся документы детей, внуков и правнуков Кургана Иванова сына Салтыкова: Тимофея и Панфилия Тимофеевичей, Степана Тимофеевича, Михаила и Ивана Панфильевичей, а также их родственника Ковригина Игнатия Семеновича, женатого на дочери Тимофея Салтыкова — Устинье.

Фонд Салтыковых систематизирован; он состоит из личных, служебных, земельно-хозяйственных документов и материалов о положении крестьян и сыске беглых.

Личные документы 1619—1686 гг. (3 ед. хр.) представлены шестью сговорными, девятью рядными и двумя духовными записями. Среди них имеются сговоры о женитьбе Панфилия Салтыкова 1619 г., его сыновей Ивана—1672 г. и Михаила—1683 г. Интересен сохранившийся образец (формуляр) сговорной записи этого времени, а также памяти и росписи за 1625—1656 гг. о передаче приданого по рядным записям, дающие интересный материал об обрядах женитьбы, о сговорах, уплатах неустойки в случаях несостоявшейся женитьбы, об оформлении передачи в приданое не только вещей, денег, земель, но и крестьян, дворовых людей (причем в документах отмечается давняя принадлежность дворовых Салтыковым). Сохранилась духовная Панфилия Салтыкова 1655 г., в которой он завещает своим детям наряду с вещами, иконами и крестьян.

Служебные материалы 1645—1689 гг. (4 ед. хр.) Салтыковых и Ковригина состоят из документов двух видов: 1) правительственные документы — грамоты и памяти из Разрядного приказа о назначении окладов, о посылке на службу в полки и на городское дело; 2) челобитные самих служилых людей Салтыковых и Ковригиных с подробным изложением просьб, с упоминанием заслуг своих и отцовских. Наличие таких документов позволяет выяснить служебную биографию трех поколений Салтыковых, проследить их участие во многих событиях внешней и внутренней жизни России XVII в.

Салтыковы служили в разных полках, участвовали во многих войнах и походах, были непосредственными исполнителями воли правящего класса феодалов. Наиболее образно и ярко по имеющимся материалам представляется биография Панфилия Тимофеевича Салтыкова. Он состоял на государевой службе в разных полках около 40 лет, участвовал в сооружении оборонных линий и в строительстве городов, «был в Курске в 155 году и в Цареве-Алексееве городе валовое дело делал...»⁶ Из-за ранения в Смоленской войне он попросил освобождения и поехал в Соловецкий монастырь, дважды подавал челобитные на отпуск от службы в 1655 и 1656 гг. Но не так легко было освободиться от службы; с этой целью было организовано освидетельствование его ран, и только в 1661 г. указом решено «не велеть посылать в службу». Панфилий «по осмотру отпушон в Ярославскую деревню», а в 1666 г. он умер. Из документов известно, что, будучи старым и больным, он пытался послать вместо себя на службу даточного челоуека Якунку Клементьева на коне, с саблею и с карабином⁷.

Интересна биография его брата Степана Салтыкова, который участвовал в 1658—1660 гг. в русско-польской войне в войсках Ю. А. Долгорукова и А. Н. Трубецкого, в осаде Конотопа, в разгроме отрядов изменника Ивана Выговского, был в осаде под «Чюдновым»⁸, где «всякую нужду и голод терпел, побито людишек его 4 человека, и ранили его из полковой пушки, и в полон был взят»⁹. После всего пережитого он просил вернуть его в г. Тотьму на прежнее место (результат этой просьбы неизвестен), но имеющаяся грамота 1677 г. свидетельствует о том, что он был послан описывать г. Переяславль-Залесский.

Сын Панфилия — Михаил Панфильевич — писался «из дворян», в 1666 г. (год смерти отца) бил челом царю и сообщал о своей службе, которую начал в 1654 г. в полку В. Б. Шереметева¹⁰.

⁶ ГИМ, ОПИ, ф. 502, ед. 18, л. 1.

⁷ Там же.

⁸ Имеется в виду осада Чуднова поляками в сентябре — октябре 1660 г.

⁹ ГИМ, ОПИ, ф. 502, ед. хр. 4, л. 11.

¹⁰ Там же, ед. хр. 5, л. 1.

Среди служебных материалов Салтыковых сохранилась «Роспись» — своеобразный перечень служебной деятельности, который является как бы предшественником широко известных позднейших послужных списков. Начинается эта «Роспись»¹¹ с 1654 г. («со ста шестыят второго году был в полкех у бояр и воевод, у князя Микиты Ивановича Одоевского» и т. д.), далее перечислено 14 бояр и воевод, в чьих полках нес службу Михаил Панфилович, которому, думается, принадлежит эта «Роспись». Известно, что участвовал Михаил Панфилович также в осаде Чуднова, был взят «в полон в Крым, и живот свой мучил, в Крыму всякую полонную бедность терпел и в Царьграде был на каторге многие годы»¹². Грамота 1676 г. жалует его головою в полк Плещеева, а в 1692 г. он просил отставки, прослужив в общей сложности свыше 30 лет. Внук Панфилия — Иван Михайлович Салтыков служит по жилецкому списку. Документы дают возможность выяснить, что он участвовал в двух крымских походах 1687 и 1689 гг. под командой В. В. Голицына. Так, на одной из его челобитных помета: «1689 авг. 18. Пожаловали буде он в Крымских походах был, велели его из житья написать в стряпчие»¹³.

В фонде Салтыковых, служивших людей XVII в., не случайно находится и ряд документов, не имеющих прямого отношения к ним.

1) Наказная память 1650 г. дмитровского воеводы И. А. Шишова о готовности дмитровских детей боярских и дворян быть на государевой службе на Украине. В ней сообщается, что «во Пскове воры и всякому дурну заводчики своровали и учили людей побивати и дома их разоряти и воевод государевых ни в каких делах не слушают...»¹⁴. Феодальное правительство, сильно обеспокоенное псковскими событиями (речь идет о Псковском городском восстании 1650 г.), рассылало такого рода указы с желанием предупредить о возможных событиях.

2) Списки сказок и донесений о заговоре Цыклера и Соковнина 1697 г., в раскрытии которого, возможно, участвовали Салтыковы.

3) Списки донесений о походах крымского хана под Конотоп, о действиях, предпринятых против Ивана Выговского, о взятии Бахчисарая. Имеется и донесение из Астрахани Богдана Заварзина, написанное 16 февраля, рассказывающее о землетрясении «в Кизылбашской земле, и в Шамахе, и в Турской, и в Индейской, и в Грузинской землях, 72 города сквозь землю прошли...», «а в Астрахани генваря против пятого числа за полтора часу до свету земля тряслась...»¹⁵ Судя по почерку и водяному знаку, это донесение можно отнести к 40—50-м годам XVII в.

Земельно-хозяйственные материалы за 1610—1757 гг. (12 ед. хр.) представлены документами на право владения землей и крестьянами, в основном по Дмитровскому и Ярославскому уездам, а также по Кашинскому, где было поместье Ковригина; единичные документы сохранились по Ростовскому, Вологодскому, Романовскому и Галицкому уездам.

Наиболее ранней является отдельная выпись 1610 г., данная ярославским губным старостой Панфилию Салтыкову на поместье — село Игиатово Игрицкой волости. Выписи из писцовых книг Ярославского (1621—1677 гг.), Ростовского (1677—1682 гг.) уездов, из переписных книг Кашинского (1645 г.) и Вологодского (1648 г.) уездов, из отказных книг Кашинского, Вологодского, Ростовского уездов за 1653—1667 гг. подтверждают права Салтыковых на владение поместьями, полученными в оклад за службу и перешедшими к ним от родственников. Меновые 1624—1703 гг. по Ярославскому уезду, доступные записи 1650 г. Соломонины Тишининой брату Панфилию Салтыкову на землю в Романовском уезде, доступные 1683 г. Федора Побединского Ивану Салтыкову на четверть деревни Плоскуши в Ярославском уезде свидетельствуют о расширении земельных владений Салтыковых. Об этом же говорят и сохранившиеся отписи за 1624—1651 гг. (31 док.), которые фиксировали получение земель «из порозжих», находившихся, несмотря на заселенность, даже в таких центральных уездах, как Дмитровский и Кашинский. Дмитровские губные старосты отдавали «осельчишки»¹⁶ в этих уездах под распашку пашни и под сенокос на условиях найма, то есть за определенную плату.

¹¹ ГИМ, ОПИ, ф. 502, ед. хр. 5, л. 7.

¹² Там же, л. 18.

¹³ Там же, л. 18 об.

¹⁴ Там же, ед. хр. 57, лл. 1—2.

¹⁵ Там же, л. 3.

¹⁶ «Осёлок» — пустошь, место, покинутое жителями, перелог, обселок или обселье (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1956). Отсюда возможно, происходит слово «осельчишко».

В значительном количестве имеются челобитные Салтыковых и Ковригина с просьбами закрепить за ними прожиточные поместья сестер или поместья, отошедшие к ним в качестве приданого за женами, а также размежевать спорные владения с родственниками или соседями. Им сопутствуют указы Поместного приказа о производстве размежеваний.

Салтыковы не ограничивались расширением своих небольших владений путем обмена и получения земель по наследству или из незаселенных «порозжих». Отмечается стремление этих служилых людей проникнуть в столицу. Среди документов есть купчая 1675 г., по которой Степан Салтыков покупает за 130 руб. двор с землей и огородом в Москве, в Земляном городе, за Никитскими воротами¹⁷. Сохранились отписи за 1684—1710 гг. о сборе мостовых денег с этого двора, находившегося во владении его жены Акулины Салтыковой.

В фонде имеются документы об аренде земли в поместьях Салтыковых, главным образом по Ярославскому уезду. Интересны они для изучения вопроса о вовлечении феодального хозяйства в систему товарного обращения, о роли аренды в феодальном хозяйстве XVII в., так как дают возможность проследить, насколько характерна систематическая сдача земель внаем, на каких условиях она производилась и как часто средних служилый человек с небольшим земельным окладом в 500—700 четвертей занимался арендой.

Аренда на условиях денежной оплаты ярко характеризуется множеством памятей и отписей о сдаче Панфилием Салтыковым в 1624—1702 гг. поместных пустошей внаем крестьянам соседних помещиков. Причем речь идет об одних и тех же выделенных в уезде пустошах. Так, Панфилий Салтыков, видимо, постоянно сдает в Ярославском уезде пустоши Васильево Большое и Васильево Меньшее: «В наем на пять лет пашня пахати и сено косити и лес сечи с 132 (1624) по 137 (1629) году, а давали ему на год найму по 60 алтын на год»¹⁸. Затем эти же пустоши сдаются на 5 лет (с 1631 по 1636 г.) по 2 рубля в год; последние сведения говорят о сдаче их на 14 лет (с 1648 по 1661 г.), «кортомы по 3 рубля». Так с течением времени растут плата и срок аренды. Две трети пустоши Волочилова Ширенской волости Ярославского уезда несколько раз сдаются на ряд лет: 1630—1635, 1641—1650, 1656—1671 гг. Подобное явление наблюдается и по другим пустошам Ярославского уезда, находившимся во владении Панфилия и Степана Салтыковых.

Не всегда аренда сходилась гладко. Естественно, что возникали недоразумения и споры, которые иногда тянулись несколько лет. Имеющиеся в фонде челобитные Панфилия Салтыкова и его сына Михаила содержат жалобы на людей, взявших пустоши внаем и не платящих в срок. Так, Михаил Панфилович Салтыков бьет челом на крестьян князя Шехонского: «Пустошью владеют насильством, денег не платят». Вместе с тем сами Салтыковы и их крестьяне брали у помещиков земли в аренду на урочные годы за плату (15 документов за 1618—1680 гг.).

Таким образом, наличие в фонде Салтыковых довольно большого количества документов о сдаче временно в аренду поместных пустошей на разных условиях дает интересный дополнительный материал историкам для изучения этого вопроса, много раз ставившегося в советской исторической науке.

Для истории податной системы интересна группа денежных документов (общим числом 118): отписи, квитанции в получении разных сборов и податей с владений Салтыковых в Ярославском уезде (с. Игнатово, дер. Крапивкино и др.) за 1629—1735 гг., в Дмитровском уезде (с. Спасское) за 1623—1757 гг. Собирались ямские и полоняничные деньги, стрелецкий хлеб, деньги на жалованье ратным людям, плотникам, а также баный оброк, подворные и подушные деньги и др. Сохранились памяти губного целовальника Ярославской съезжей избы (18 док.) в получении с Салтыковых за 1623—1680 гг. денег на канцелярские расходы: «...на свечи, на бумагу, и на дрова, и на лучину, дьячкам на подмоги, сторожем на сторожу»¹⁹. Такие же сборы взимались и с владений Ковригина, в частности, с села Мышкина Кашинского уезда (1638—1673 гг.).

¹⁷ ГИМ, ОПИ, ф. 502, ед. хр. 19, л. 3.

¹⁸ Там же, ед. хр. 15, лл. 2—4.

¹⁹ Там же, ед. хр. 31, л. 4.

Материал фонда характеризует положение крестьянства и классовую борьбу в 1617—1717 гг. (9 ед. хр.).

Изучению истории крестьянства и классовой борьбы в XVII в. посвящено немало научных работ. Эта тема сложна, многопланова, и выявление новых архивных источников позволит еще глубже и детальнее изучить ее. Имеющиеся в фонде документы о положении крестьян и сыске беглых относятся в основном к Ярославскому, Дмитровскому, Кашинскому и Галицкому владениям Салтыковых и Ковригина. Эти материалы представлены сказками, выписями из переписных книг, росписями крестьян, служилыми кабалами, записями о сыске беглых и челобитными крестьян и их владельцев.

Как правило, сказки составлялись владельцами и старостами: таковы сказки Степана Салтыкова 1677 г. о числе крестьянских и бобыльских дворов в его владениях Дмитровского и Вологодского уездов, Панфилия Салтыкова 1649 и 1654 гг. по владениям Дмитровского уезда, Игнатия Ковригина 1668 г. по владениям Каширского уезда. О числе крестьян, принадлежавших Степану Салтыкову, говорят также выписи из переписных книг 1665 г. по Кашинскому уезду и 1677 г. по Вологодскому уезду.

Интересна своеобразная роспись крестьян Панфилия Салтыкова середины XVII в. «Гнезда крестьяном Панфилия Салтыкова»²⁰, где дается перечень этих гнезд: «гне Архип, гне Семен...» В ранее известных источниках подобного обозначения крестьянских дворов нам не встречалось. На обороте документа написано: «У Панфилия Салтыкова сборщик Постник Андреев сын, по сей росписи дошло денег 11 алтын, да три алтына Архип платил после»²¹. По-видимому, роспись была составлена специально для сборов подворных налогов. В фонде имеются также росписи крестьянских дворов и дворовых людей села Игнатово Ярославского уезда, принадлежавших Панфилию Салтыкову.

Для изучения видов крепостной зависимости представляет интерес группа служилых кабал (25 документов за 1617—1690 гг.), данных Салтыковым за денежную ссуду в 2—3 руб., за которую разные обнищавшие люди, крестьяне, иноземцы, иногда целые семьи обязуются «служить во дворе господина по вся дни» или «по его живот», идут в кабальное холопство. Обращает на себя внимание тот факт, что среди большого количества материалов фонда очень мало документов об отпуске крестьян на волю (всего четыре документа за 1631—1690 гг.) Кому же даются эти отпускные? Панфилий Салтыков отпускает в 1644 г. двух своих крестьян Митьку и Мишку Семеновых «за их увечья»: один «скорбел руками», другой «очми обнищал». Вот этих непригодных к работе больных крестьян и отпускает помещик на волю. Впрочем, иногда помещики отпускали крестьян по духовному завещанию родителей.

Из всех документов о положении крестьянства наибольший интерес представляют 12 челобитных крестьян и старост Галицкой вотчины на имя Игнатия Семеновича Ковригина. Они писались всем миром и подписаны старостой и двумя-тремя выборными. Челобитные не имеют даты, мы относим их к 80—90-м годам XVII в. Крестьяне жалуются своему господину на частую засуху, неурожай, голод, непосильный оброк, который нечем платить. Например, крестьяне деревни Губаново просят: «Все сироты твои, крестьяннишка... многие скитаются..., а государевы подати тяжелые, умиласердися, государь Игнатий Семенович, в своем оброке и в запасе... оброку твоего взять не на чем, что и было скотинишка и та на государевы подати испродана...»; жалуются они и на притеснения старост: «...а мы, сироты твои, скуднеем и беднеем, пить-есть нечево, в мире скитаемся христовым именем, а которые и не бродят и те закабалились великими долгами... не вели старосте нас на правеж становити и без пощады править...»²² Крестьяне деревни Княжева жалуются на старосту, который обманом деньги присвоил: «Всем миром ему помогали, когда он нужду терпел...», а теперь «миром беды платим». В свою очередь, староста Григорий Тавров бьет челом Ковригину по поводу сбора оброка за 1679—1690 гг. с крестьян деревни Княжева, прилагая и росписи, где поименно указаны уплатившие и не уплатившие оброк.

В связи с увеличением повинностей, непосильным феодальным гнетом возрастало число крестьянских побегов. Фонд Салтыковых располагает значительным количеством документов (3 ед. хр. за 1623—1627 гг.), характеризующих борьбу феодалов-крепостни-

²⁰ ГИМ ОПИ, ф. 502, ед. хр. 18, л. 6.

²¹ Там же, л. 6 об.

²² Там же, ед. хр. 26, л. 1.

ков за своих крестьян, за рабочие руки. Разыскивая беглых крестьян, помещики вступали в длительные споры, которые подчас велись десятилетиями; лишь иногда сообщается о заключенных мировых записях по спорным крестьянам.

Сохранились челобитные Степана и Панфилия Салтыковых и Игнатия Ковригина с жалобами на побег крестьян из Ярославских и Галицких владений, на насильственный увоз крестьян. Челобитные относятся в основном к 1625—1675 гг., то есть ко времени, когда отмечаются массовые побеги крестьян от служилых людей. Последние в этот период участвовали в войнах и в подавлении крестьянских и городских восстаний и поэтому мало жили в своих владениях. И. С. Ковригин в своей челобитной пишет: «В прошлом 167 году был я, холоп, на твоей государевой службе в полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубещкого под Конотопом, а без меня бежал старинной мой крестьянин Трофимка Автомонов»²³. Эти выражения «без меня», «когда был на государевой службе» встречаются почти в каждой челобитной. Так, Панфилий Салтыков в 1647 г. жалуется на побег крестьян из Ярославского его поместья, деревни Крапивкиной: «Бежали от меня 136 году, в четверг в ночи... мой крестьянин Сенка Аристов, и был тот сын его мой крестьянин в старостишках и бежал от меня, подломив ларец, и с того ларца, подлома, выбрал людские многие крепости и свою отпускную, как был он отпущен после смерти отца 123 году, и потом бил челом к нему и сел в жеребий на крестьяне; тому, государь, 13 лет...»²⁴. Этот документ еще раз наглядно подтверждает желание крестьян уничтожить ненавистные документы, фиксирующие их крепостную зависимость от помещиков. В данном случае дело о сыске беглого Сенки Аристова тянулось почти 30 лет, так как, уйдя от одного, он попал в зависимость к другому помещику — Василию Ивановичу Стрешневу.

В фонде представлены и редко встречающиеся личные документы крестьян: духовные 1619 и 1648 гг. двух крестьян Панфилия Салтыкова — Михаила Иванова и Бориса Ильина (в них рассказывается о событиях в деревне, о побоях и грабежах, а также содержатся завешания) и челобитная 1680 г. крестьянина Якима Григорьева с просьбой освободить его от должности пятидесятника.

Отдельную группу составляют семейные письма Салтыковых и Ковригина, в которых раскрывается духовная жизнь и взаимоотношения людей, отражается социальный уклад и быт служилого сословия XVII в.²⁵ Язык писем типичен для того времени. Многие из них написаны в Москве и адресованы отцам, детям и женам с просьбой прислать денег, необходимых для пребывания в столице «по поместным делам» или «для сыску беглых». В некоторых описываются важные московские события. Например, в письме 1681 г. на имя Ивана Васильевича содержатся сведения о московском пожаре: «на Москве, подле Петровских ворот, все выгорело..., а двор твой насилу отстояли, а огород и баню разломали, а с чердака кровлю, а запас весь твой и Михаила Салтыкова весь вывозили за город... для того, что пожары изволением божием часты»²⁶.

В фонде Салтыковых содержится ряд документов, относящихся к Борисоглебскому, Даниловскому, Калязинскому и Тольгскому монастырям. Это вкладные грамоты Тимофея и Панфилия Салтыковых 1639 и 1658 гг., документы о посвящении Михаила Салтыкова в монахи Тольгского монастыря (вторая половина XVII в.). Представляет определенный интерес челобитная (черновик) Панфилия Салтыкова архимандриту Ярославского Спасова монастыря с просьбой дать денег на выкуп сына (300 руб.) с каторги из Царьграда.

Небольшое число документов фонда Салтыковых имеет отношение к их родственникам и соседям: Перфильевым, Тургеневым, Теляковским, Побединским, Малыгиным и другим служилым людям, владевшим землями в Дмитровском и Ярославском уездах.

Данный обзор дает лишь общую характеристику наиболее ценных, на наш взгляд, документов из фонда Салтыковых, содержащего многие интересные материалы по различным вопросам отечественной истории.

²³ Там же, ед. хр. 25, л. 1.

²⁴ Там же, ед. хр. 23, л. 1.

²⁵ Опубликовано в сборнике «Грамотки XVII — начала XVIII в.». М., 1969, стр. 50—63.

²⁶ ГИМ, ОПИ, ф. 502, ед. хр. 43, л. 7.

Ю. М. Критский

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ В. И. СЕМЕВСКОГО В АРХИВАХ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА

Переписка одного из крупнейших русских историков Василия Ивановича Семевского (1848—1916 гг.) сосредоточена в его личных фондах, хранящихся в архивах Москвы, а также в ряде личных фондов других лиц в архивах и рукописных собраниях Москвы и Ленинграда¹. Ее изучение и частичная публикация были начаты еще в 1920-х годах², однако и в настоящее время не введены в научный оборот многие письма, представляющие значительный интерес не только для биографии самого ученого, но и для истории общественного движения в России, истории русской журналистики, истории Сибири.

Даже простое перечисление адресатов переписки показывает широту научных и общественных связей Семевского. Среди ученых, с которыми он в различное время (1870-е годы — 1916 г.) переписывался, были историки: М. А. Дьяконов, Н. И. Кареев, В. О. Ключевский, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. П. Павлов-Сильванский, Е. В. Тарле, Н. Н. Фирсов, филолог А. А. Шахматов³; историки литературы: Ал. Н. и Ал-р Н. Веселовские, Н. О. Лернер, Н. К. Пиксанов, А. Н. Пыпин, А. М. Скабичевский⁴, экономист

¹ Архив Академии наук СССР (ААН СССР), Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР), Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), Государственный исторический музей (ГИМ), Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ) — ф. Я. Л. Барскова, В. О. Ключевского, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др., Институт русской литературы АН СССР (ИРЛИ), Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛО ААН СССР) — ф. М. М. Ковалевского, А. А. Куника, А. А. Шахматова и др.

² См. «Неопубликованное письмо Н. Е. Федосеева к В. И. Семевскому». Публ. Б. П. Козьмина — «Пролетарская революция», 1928, № 4 (75), стр. 178—182; П. Парадизов. Очерки историографии декабристов. Л.—М., 1928, стр. 162, 179, 183, 190; Н. Ростовов. Архив В. И. Семевского. — «Литературное наследство», 1933, № 7—8, стр. 418—430; С. И. Волков. В. И. Семевский (К научной биографии). — «История СССР», 1959, № 5, стр. 113—122; он же. Фонд В. И. Семевского. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 251—256.

³ Дьяконов — Семевскому [1915 г.]. — ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 612, л. 1; Кареев — Семевскому, 28 декабря 1910 г. — ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 6, лл. 4, 5; Семевский — Ключевскому, 3 января 1889 г. — ОР ГБЛ, ф. 131, папка 4, ед. хр. 3; Лаппо-Данилевский — Семевскому, 1910—1912 гг. — ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 6, лл. 17, 18; Павлов-Сильванский — Семевскому, 26 мая 1907 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 543, л. 1; Тарле — Семевскому, 1906—1916 гг. — ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 1316, лл. 1—4; ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 18, 19; Фирсов — Семевскому, 1910—1913 гг. — ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 32—52; Шахматов — Семевскому, 5 мая 1909 г. — ЦГАЛИ, ф. 2232, оп. 1, ед. хр. 195, л. 1.

⁴ Семевский — Ал. Н. Веселовскому, 1910—1913 гг. — ЦГАЛИ, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 190, лл. 1—7; Ал-р Н. Веселовский — Семевскому, 1890-е гг. — ЦГАЛИ, ф. 2232, оп. 1, ед. хр. 179, лл. 1, 2; Семевский — Лернеру, 21 октября 1910 г. — ЦГАЛИ, ф. 300, оп. 1, ед. хр. 307; л. 1; Лернер — Семевскому, 23 октября 1910 г. — ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 6, л. 24; Пиксанов — Семевскому, 11 марта 1909 г. — ЦГАЛИ, ф. 2232, оп. 1, ед.

И. И. Янжул⁵, хирург Г. В. Хлопин, физиолог И. П. Павлов⁶. Представляют интерес и письма тогдашней научной молодежи: С. Н. Валка, И. И. Игнатович⁷ и др.

Работы Семевского по истории крестьянства и русской общественной мысли были известны и зарубежным ученым⁸. Из писем известного английского историка и экономиста Д. Мэвора и его ассистента П. П. Николаева видно, что Семевский послал Мэвору свои работы, рекомендовал литературу по истории крестьянской войны 1773—1775 гг., сообщил статистические данные по истории русского крестьянства, а также рецензировал составленные Мэвором таблицы⁹.

Разносторонняя по содержанию переписка Семевского с писателями дает сведения о его деятельности в Литературном фонде и в Союзе взаимопомощи писателей в 1891—1916 гг.¹⁰, о поисках неизвестных или утраченных сочинений, в том числе по истории крестьянского вопроса¹¹, знакомит с общественными и литературными взглядами писателей (например, В. Г. Короленко)¹².

Переписка ученого с библиографами, библиотекарями и археографами позволяет уточнить круг привлеченных или намеченных им для исследования источников, а в отдельных случаях проливает свет и на неосуществленные планы его работ¹³. Письмо В. И. Семевского в Цензурный комитет о публикации «Записок» Д. И. Завалишина характеризует его отношение к источникам по истории русского революционного движения¹⁴. Семевский писал, что до 1904 г. (год издания «Записок» в Мюнхене) он выступал против публикации «потому, что имел основание предполагать в этих записках тенденциозно-неблагоприятные отзывы о декабристах, людях, которыми может только гордиться Россия, которые были одними из первых борцов за основные начала политической свободы»¹⁵. Однако после выхода в свет воспоминаний других декабристов (С. Н. Волконского, Н. А. Бестужева, И. Д. Якушкина) историк полагал, что «Записки»

хр. 191, л. 1; Пыпин — Семевскому, 1890-е гг. — Там же, ед. хр. 193, л. 1; Семевский — Скабичевскому, 9 июня 1900 г. — ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 172, л. 1.

⁵ Янжул — Семевскому, 1891—1903 гг. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 807, лл. 1—7.

⁶ Хлопин — Семевскому, 1886—1916 гг. — Там же, ед. хр. 730, лл. 1—114; Павлов — Семевскому, 1897 г. — ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 6, л. 78.

⁷ Валк — Семевскому, 1912—1916 гг. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 153, лл. 1—35; Игнатович — Семевскому, 1902—1916 гг. — Там же, ед. хр. 305, лл. 1—170.

⁸ А. Бёме-Фром (Германия) — Семевскому [1911 г.] — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 111, л. 1; Е. Оман (Франция) — Семевскому, 1895 г. — Там же, ед. хр. 530, л. 1; Т. Шишманов (Болгария) — Семевскому, 1913—1916 гг. — Там же, ед. хр. 771, л. 1; Ф. Шиман (Германия) — Семевскому, 1902—1909 гг. — Там же, ед. хр. 768; л. 1; ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 7, л. 61.

⁹ Д. Мэвор — Семевскому, 1912—1913 гг. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 499, лл. 1—4; ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 6, л. 33; Николаев — Семевскому, апрель 1915 г. — ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 6, л. 66; Семевский — Д. Мэвору, 7 ноября 1913 г. (Черновик). — ЦГАОР СССР, ф. 801, оп. 1, ед. хр. 140, л. 1. См. также рец. Семевского на книгу Д. Мэвора — «Голод минувшего», 1915, № 9, стр. 303—309.

¹⁰ Г. И. Успенский — Семевскому, 1891 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 711, лл. 1—5; М. Н. Чернышевский (сын Н. Г. Чернышевского) — Семевскому, 1889—1908 гг. — Там же, ед. хр. 749, лл. 1—5; Семевский — Успенскому, февраль 1891 г. — ИРЛИ, ф. 313, оп. 3, ед. хр. 285, лл. 1—5; Семевский — Мамину-Сибиряку, 28 января 1903 г. — ОР ГБЛ, ф. Д. Н. Мамина-Сибиряка, папка III, № 72, л. 1; Семевский — М. Н. Чернышевскому, 1889—1914 гг. — ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 461, лл. 1—8. Из писем видно, что Семевский содействовал назначению Комитетом Литфонда пособий М. Н. Чернышевскому и, по рекомендации Г. И. Успенского, — А. С. Попову (Серафимовичу).

¹¹ Н. С. Лесков — Семевскому, 19 июня 1886 г. — ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 171, л. 1 об.; Семевский — Лескову, 1886 г. — Там же, оп. 4, ед. хр. 50, лл. 1—2. Лесков предоставил в распоряжение Семевского письма и рукопись П. Журавского.

¹² В. Г. Короленко — Семевскому, 1890-е гг. — 1903 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 357, л. 1; ЦГАЛИ, ф. 2232, оп. 1, ед. хр. 183, л. 1. См. также: Н. Н. Митрофанов. В. Г. Короленко и В. И. Семевский. — «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 105—109.

¹³ И. А. Бычков — Семевскому, 1890-е гг. — ИРЛИ, разр. III, оп. 2, ед. хр. 1671, л. 1; Семевский — П. А. Ефремову, 10 апреля 1882 г. — ЦГАЛИ, ф. 191, ед. хр. 339, л. 1; Семевский — В. И. Межову, 16 июня 1886 г. — ИРЛИ, ф. 219, оп. 1, ед. хр. 39, лл. 1, 2. Семевский сообщает Межову «свою программу библиографии крестьянского дела» и одновременно извещает об отказе редактировать это издание.

¹⁴ Семевский — в Цензурный комитет, 1 ноября 1905 г. — ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 21, ед. хр. 756, л. 31—31 об.

¹⁵ Там же, л. 31.

Д. И. Завалишина «могут быть напечатаны, так как его обвинения против товарищей могут быть опровергнуты с помощью других источников»¹⁶.

Значительное место в эпистолярном наследии Семевского занимает переписка с деятелями народничества, в том числе с революционерами-семидесятниками: Д. А. Клеменцем, Г. А. Лопатиным, Н. А. Морозовым, В. С. Панкратовым, Л. Э. Шишко¹⁷ и др. В письме ссыльного Г. Харитонова содержатся сведения о «якутской истории» — расправе жандармов над политическими ссыльными в Якутии 22 марта 1889 г.¹⁸

Семевский собрал огромный фактический материал по истории крестьянства и русской общественной мысли. Большая часть сведений была найдена им в различных архивах, некоторые факты из биографий декабристов, петрашевцев, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова сообщили в письмах Семевскому их родственники и знакомые¹⁹. Они же познакомили историка с подлинниками некоторых документов, отсутствующих в архивах. В процессе поисков неизвестных документов научные и общественные связи ученого нередко значительно расширились. Так, разыскивая письмо М. В. Петрашевского к Н. Н. Освальд, историк обращается к А. М. Горькому, затем, по его рекомендации, к М. И. Чайковскому (брату композитора), Е. В. Бострем и А. А. Бахрушину, который и выслал копию письма²⁰.

Интересны письма сельских учителей, в том числе и выпускниц петербургских курсов, посещавших занятия у Семевского на дому²¹; они обращаются за советом к «доброму, хорошему Василию Ивановичу», чьи лекции «помогали складываться нашим взглядам». В письмах содержатся сведения о положении крестьян, присковых рабочих, сельской интеллигенции, о нуждах сельской и присковой школ²².

Большой научный интерес представляют переписка, отражающая работу В. И. Семевского над книгой «Рабочие на сибирских золотых промыслах», а также письма к историку сибирских ученых, общественных деятелей, работников присков и горного департамента²³. Принимая активное участие в организации помощи присковым рабочим,

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 21, ед. хр. 756, л. 31 об.

¹⁷ Клеменц — Семевскому, 13 января 1906 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 344, лл. 1—3; Семевский — Лопатину, 1907—1916 гг. — ИРЛИ, ф. 534, оп. 1, ед. хр. 55, лл. 1—3; Лопатин — Семевскому, 11 мая 1909 г. — ИРЛИ, разр. III, оп. 2, ед. хр. 1673, л. 1; Морозов — Семевскому, 1913—1916 гг. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 490, лл. 1—12; Панкратов — Семевскому, 1911—1916 гг. — Там же, ед. хр. 718, лл. 1—11; Шишко (П. Батин) — Семевскому, 1906 г. — Там же, ед. хр. 770, лл. 1, 2; ИРЛИ, разр. III, оп. 2, ед. хр. 1681, л. 1. Семевский помогал находившемуся в эмиграции Шишко в работе над книгой «Рассказы из русской истории».

¹⁸ Харитонов — Семевскому, 8 мая 1889 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 726, лл. 1—3.

¹⁹ Н. Д. Ахшарумов — Семевскому, 1910 г. — Там же, ед. хр. 4, лл. 1—6; И. Белокопский (брал уроки у М. В. Петрашевского в Сибири) — Семевскому, 1890-е гг. — 1916 г. — Там же, ед. хр. 128, лл. 1—24; К. И. Дебу — Семевскому, 1916 г. — Там же, ед. хр. 245, лл. 1—3; М. П. Негрескул (дочь П. Л. Лаврова) — Семевскому, 1912—1915 гг. — Там же, ед. хр. 508, лл. 1—9; М. Н. Чернышевский — Семевскому, 1889—1908 гг. — Там же, ед. хр. 749, лл. 1—5; Е. В. Якушкин — Семевскому, 1900-е гг. — Там же, ед. хр. 805, л. 1.

²⁰ Горький — Семевскому, 27 мая 1914 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 227, л. 1 (фотокопия); М. И. Чайковский — Семевскому, 17 июня 1914 г. — ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 53, 54; О. Бострем — Семевскому, 1914 г. — Там же, ед. хр. 5, л. 14; Бахрушин — Семевскому, 29 сентября 1914 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 100, л. 1; Семевский — Бахрушину, 15 октября 1914 г. — Там же, ед. хр. 17, л. 1.

²¹ В 1886 г. по распоряжению министра просвещения Семевский был уволен из Петербургского университета; впоследствии он никогда не преподавал в учебных заведениях, но проводил занятия с молодежью у себя на квартире (см.: С. И. Волков. В. И. Семевский (К научной биографии), стр. 116, 117).

²² В. Васильева (г. Череповед) — Семевскому, 4 сентября 1900 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 158, л. 1; Г. Дубовенко (г. Боровск, Калужской губ.) — Семевскому, 1896 г. — Там же, ед. хр. 257, лл. 1—4; Ерденко (с. Кинильтей, Иркутской губ.) — Семевскому, 1890-е гг. — Там же, ед. хр. 269, лл. 1—4; А. Корбут (г. Иркутск) — Семевскому, 1887—1891 гг. — Там же, ед. хр. 363, лл. 1—6; К. Попова (Успенский прииск) — Семевскому, 1892 г. — Там же, ед. хр. 578, лл. 1—5; А. Филатова — Семевскому, 1890-е гг. — Там же, ед. хр. 719, л. 1.

²³ П. М. Головачев — Семевскому, 1889 г. — ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 218, л. 1; И. Попов — Семевскому, 1900-е гг. — Там же, ед. хр. 576, лл. 1—14; Г. Н. Потанин — Семевскому, 1890-е гг.—1915 г. — Там же, ед. хр. 581, лл. 1—17; Н. М. Ядринцев —

В. И. Семевский привлек к этому делу и ряд других лиц (в том числе, возможно, Н. К. Михайловского)²⁴. Из переписки с Н. А. Денисовым, директором Горного департамента, видно, что Семевский содействовал распространению положения о пособиях на тех рабочих, которые получили увечья до его утверждения²⁵. В 1894 г. Научно-техническая комиссия Общества горных инженеров направила на отзыв Семевскому разработанные инженером П. К. Яворовским «Материалы для записи по вопросу об исследовании положения промышленности в Сибири»²⁶.

Неоднократно обращались к ученому и сибирские краеведы. Хранитель Читинского музея П. М. Толмачев сообщал, что «в Забайкалье может найтись кое-что из писем и вещей декабристов»²⁷, председатель Общества любителей исследования Алтая предложил В. И. Семевскому участвовать в краеведческом сборнике²⁸.

Переписка позволяет получить и более полное представление о редакторской деятельности Семевского, начавшейся еще в 1870-х годах, когда, по просьбе своего брата — редактора «Русской старины» М. И. Семевского, он выполнял в журнале «отдельные поручения редакционного характера»²⁹. В начале 1880-х годов под общей редакцией С. А. Венгерова начал выходить журнал «Устон», в редактировании которого принимал участие и В. И. Семевский. Он привлек к сотрудничеству таких крупных ученых, как Ф. Ф. Эрисман и И. И. Янжул. Последний, соглашаясь на предложение Семевского, писал: «Ваше участие в редактировании этого нового журнала представляет в моих глазах достаточную гарантию его порядочности, а это главное»³⁰. В начале 1890-х годов группой литераторов была предпринята попытка возобновить закрытый в 1888 г. журнал «Дело». Предполагалось, что Семевский будет его редактором. Выражая согласие сотрудничать в журнале, Г. Успенский писал Семевскому: «Если издание журнала «Дело» состоится и если Вы будете его действительным редактором, то я буду работать у Вас с истинным удовольствием и постараюсь не писать нигде в другом месте»³¹. Вскоре выяснилось, что возобновить журнал невозможно. По этому поводу В. И. Семевский писал: «Возобновление «Дела» под моей редакцией не состоится... интересы честной журналистики и моих дорогих товарищей в этом деле заставляют меня искренно пожалеть об этой неудаче... и вынужденное удаление из университета и невозможность попасть на редакционную...³²... все это заставляет меня оставаться на своем посту мужицкого историка и нести эту службу по мере сил и способностей в надежде, что я и подобные мне чернорабочие подготавливают появление историка-художника, кото-

Семевскому, 2 декабря 1886 г.— Там же, ед. хр. 786, л. 4; Семевский — И. М. Сибирякову, 1891—1898 гг.— Там же, ед. хр. 30, лл. 1—18; Семевский — Потанину, 1912—1916 гг.— ЦГАЛИ, ф. 381, оп. 1, ед. хр. 151.

²⁴ Семевский предлагал Михайловскому принять участие в обсуждении проекта правил о помощи прысковым рабочим, однако присутствие Михайловского на обсуждении не установлено (Семевский — Михайловскому, ноябрь 1893 г.— ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 633, л. 12).

²⁵ Семевский — Денисову, 1892—1898 гг.— ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 9, лл. 1—6; Денисов — Семевскому, 1896—1898 гг.— Там же, ед. хр. 246, лл. 1—9.

²⁶ Там же, ед. хр. 821.

²⁷ Толмачев — Семевскому, 7 августа 1910 г.— ГИМ, ф. 154, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 21, 22. Из письма видно, что Семевский был знаком и с хранителями Иркутского музея — М. Овчинниковым и отбывающим ссылку историком Н. А. Рожковым.

²⁸ ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 157.

²⁹ Семевский — Н. А. Белозерской, 2 июля 1886 г.— ЦГАЛИ, ф. 58, оп. 1, ед. хр. 77, л. 4. В 1886 г., на время поездки за границу, М. И. Семевский оставил брату доверенность на заведование журналом (ААН СССР, ф. 489, оп. 2, ед. хр. 31, лл. 1, 2). По второму (более позднему) варианту духовного завещания М. И. Семевского, В. И. Семевский объявлялся «преемником-собственником «Русской старины»». Хотя в печати было сообщено о вступлении Семевского на пост редактора, он отказался редактировать журнал (Завещание М. И. Семевского.— ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 404, л. 3; письма: Семевский — Е. М. Семевской (вдове редактора), 1892 г.— ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 28, л. 18; Семевский — П. Н. Воронову, 29 марта 1892 г.— ИРЛИ, разр. III, оп. 1, ед. хр. 1887).

³⁰ Янжул — Семевскому, 11 декабря 1881 г.— ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 807, л. 3; Эрисман — Семевскому, 1881 г.— Там же, ед. хр. 792, лл. 5—7.

³¹ Успенский — Семевскому, 1891 г.— Там же, ед. хр. 714, л. 1.

³² Далее неразборчиво одно слово; предположительно кафедру.

рый сумеет из собранных нами кирпичей выстроить³³... здание истории русского народа»³⁴.

Переписка Семевского отражает его деятельность на посту председателя Шлиссельбургского комитета (1904—1916 гг.): привлечение писателей и общественных деятелей к работе Комитета и его комиссий³⁵, содействие в облегчении участи арестованных по обвинению в революционной деятельности (в том числе и нешлиссельбуржцев)³⁶. Семевский предложил Павлову-Сильванскому участвовать в сборнике «Галерея шлиссельбургских узников» и получил согласие³⁷, однако по неизвестным причинам его статьи в сборник не вошли. В первом томе этого сборника, изданного под редакцией Н. Ф. Анненского, В. И. Богучарского, В. И. Семевского и П. Ф. Якубовича, был помещен очерк А. И. Ульяновой-Елизаровой об Александре Ульянове³⁸. И хотя в архиве историка не сохранилась его переписка с автором очерка³⁹, можно предполагать, что Семевский содействовал публикации. В пользу этого говорит не только давнее знакомство Ульяновой-Елизаровой и Семевского⁴⁰, но и написанные им черновые варианты предисловия: в числе лиц, которым редакция выражает признательность за предоставление материалов, значится А. И. Елизарова-Ульянова⁴¹. Среди других авторов сборника Г. А. Лопатин; ему Семевский предложил написать статью о народовольце П. С. Поливанове и «какой-либо очерк на выбор»⁴².

В 1913 г. в издательстве «Задруга» стал выходить на паевых началах журнал «Голос минувшего». Хранящийся в ЦГАЛИ фонд С. П. Мельгунова является важнейшим источником по истории журнала и отражает участие Семевского в его редактировании⁴³. Семевский привлек к работе литературоведов и историков, в том числе М. Н. Покровского, которого он считал «одним из самых талантливых наших историков (при всем различии наших взглядов)»⁴⁴. В письме к нему Покровский писал, что «задача дать популярный исторический журнал... как нельзя более современна»⁴⁵. Консультан-

³³ Далее неразборчиво одно слово; предположительно крепкое.

³⁴ Семевский — Успенскому, март 1891 г.— ИРЛИ, ф. 313, оп. 3, ед. хр. 285, л. 1.

³⁵ Семевский — Е. П. Летковой-Султановой, 20 декабря 1905 г.— ЦГАЛИ, ф. 280, оп. 1, ед. хр. 263, л. 1 (упоминается об участии В. Ф. Комиссаржевской в комиссии для устройства лекций и вечеров); Семевский — Е. С. Зарудной-Кавос, 1906—1909 гг.— ИРЛИ, ф. 445, ед. хр. 245, лл. 1—6; В. И. Семевский — В. Г. Богоразу-Тан, 16 октября 1908 г.— ЛО ААН СССР, ф. 250, оп. 4, ед. хр. 292, л. 1.

³⁶ Семевский — П. И. Вейнбергу, 9 и 18 декабря 1904 г.— ИРЛИ, ф. 62, оп. 3, ед. хр. 424, лл. 19, 24; Семевский — И. М. Гревсу, 17 февраля 1908 г.— ЛО ААН СССР, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 226, лл. 1, 2 (сведения об аресте и высылке в Новгород А. С. Писаревой — слушательницы Бестужевских курсов в 1895—1898 гг.).

³⁷ Павлов-Сильванский — Семевскому, 26 мая 1907 г.— ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 543, л. 1 об.

³⁸ «Галерея шлиссельбургских узников», т. 1. СПб., 1907, стр. 200—213.

³⁹ С. И. Волков сообщал, что в письме Семевского к В. Д. Ульриху говорится о книгах, взятых А. И. Ульяновой-Елизаровой для В. И. Ленина (С. И. Волков. В. И. Семевский (К научной биографии), стр. 122). На эти сведения в статье дается глухая и неточная ссылка, в ААН СССР упоминаемое письмо Семевского не обнаружено, и его местонахождение пока неизвестно.

⁴⁰ А. И. Ульянова вместе с братом посещали занятия, которые проводил Семевский у себя на дому (А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. Л.—М., 1931, стр. 90).

⁴¹ ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 42, лл. 1, 2. В опубликованном предисловии «От редакции» все фамилии лиц, представивших материалы, опущены («Галерея шлиссельбургских узников», т. 1, стр. III).

⁴² Семевский — Лопатину, 5 мая 1907 г.— ИРЛИ, ф. 534, ед. хр. 55, л. 1. В сборнике «Галерея шлиссельбургских узников» очерки Лопатина опубликованы не были.

⁴³ В 1913 г. журнал выходил под редакцией А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина, В. И. Семевского, с марта 1914 г. под редакцией С. П. Мельгунова и В. И. Семевского.

⁴⁴ Семевский — Мельгунову, 24 октября 1912 г.— ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 1201, ч. 1, л. 96; Семевский — Мельгунову, 20 октября 1912 г.— Там же, л. 87 (часть фамилий авторов, предложенных Семевским, вычеркнута Мельгуновым).

⁴⁵ Покровский — Семевскому, 2 ноября 1912 г.— ААН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 569, лл. 1, 2. Сохранились также письма М. С. Александрова (Ольминского), 1911 г.— Там же, ед. хр. 68; В. А. Ватина (В. Быстрянского), 1914 г.— Там же, ед. хр. 160.

руясь «по редакционным вопросам» с редакторами и издателями, Семевский особенно выделяет «очень умные советы Горького»⁴⁶.

Семевским была принята и отредактирована большая часть статей и материалов по истории общественной мысли и революционного движения в России. Настаивая перед Мельгуновым на расширении раздела по истории русского революционного движения, он писал: «В настоящее время, время упадка царской власти, когда предводителем ее в важнейших делах является Распутин, носиться ...с этою царскою властью совсем не пристало»⁴⁷. На возражения Мельгунова, полагавшего, что журнал читает «не одна та публика, которая интересуется революцией», Семевский отвечал: «Конечно, журнал наш читает не одна та публика, которая интересуется революцией, но если бы... та публика, которая интересуется революцией, нас вовсе бы не читала, то это было бы таким страшным осуждением журнала, что для нас... мог бы явиться вопрос, стоит ли его издавать»⁴⁸. Переписка с Мельгуновым и авторами статей и заметок позволяет ознакомиться с одной из интереснейших и наименее изученных страниц истории русской журналистики.

Некоторые из писем читателей отражают отношение прогрессивной части русской интеллигенции 1910-х годов к журналу «Голос минувшего» — либерально-народническому изданию. Видя его ценность в том, что он «много дает здоровой духовной пищи»⁴⁹, читатели критиковали помещенные в нем «воспоминания-фантазии», в частности И. П. Белоконского (который «измышляет события, извращает другие, перевирает фамилии...») ⁵⁰

Переписка проливает свет на некоторые взгляды Семевского по истории литературы. При обсуждении содержания первых номеров журнала он настаивал на освещении вопросов современной литературы, в частности, предлагал включить статью о творчестве Б. Шоу⁵¹. Как народнический историк, до последних дней сохранивший демократические идеалы 70-х годов, Семевский особенно ценил писателей «мужичьей доли». Такого писателя видел он и в В. Реймонте: «Это — огромный талант и притом человек народнического направления. От «Мужиков» я в восторге»⁵². Высоко ценя литературное мастерство старейшего русского писателя П. Д. Боборыкина, Семевский характеризовал его высказывания о некоторых писателях (в частности, о Н. С. Лескове) как «лживые гадости»⁵³ и лишь после переделки мемуаров автором согласился на их публикацию⁵⁴.

В период первой мировой войны журнал «Голос минувшего» стал уделять значительно больше внимания вопросам истории и истории литературы Западной Европы. Соглашаясь поместить отдельные статьи «из истории Германии, Австрии и их отношений с Россией и Францией», Семевский одновременно категорически выступал против того, «чтобы исторический журнал давал статьи, которые перед лицом общества могли бы оказаться не имеющими никакой ценности по прекращении войны»⁵⁵.

Демократические идеалы Семевского отразились и в его взглядах на историю искусства. Он возражал против публикации в журнале статей, в которых автор «пока-

⁴⁶ Семевский — Мельгунову, 8 февраля 1916 г. — ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 1201, ч. V, л. 50.

⁴⁷ Семевский — Мельгунову, 15 февраля 1916 г. — Там же, л. 64.

⁴⁸ Там же, л. 11.

⁴⁹ И. Н. Мосяков (г. Мценск, Орловской губ.) — Семевскому, 23 марта 1914 г. — ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 959, л. 1.

⁵⁰ В. М. Крутовский (г. Красноярск) — Семевскому, 6 августа 1914 г. — Там же, ед. хр. 1567, л. 1. Мемуары И. П. Белоконского «Отрывки из воспоминаний» печатались в журнале с 1913 по 1917 г.; в письме говорится, по-видимому, о главах, напечатанных в апреле или июне 1914 г.

⁵¹ П. Н. Сакулин — Семевскому, 14 октября 1912 г. — ЦГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 13, л. 2.

⁵² Семевский — Мельгунову, 16 октября 1912 г. — ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 1201, ч. 1, л. 76. В 1913—1914 гг. в журнале был опубликован перевод повести В. Реймонта «1794 год» («Голос минувшего», 1913, № 8—10, 12; 1914, № 1—2, 4—10, 12).

⁵³ Семевский — Мельгунову, 13 ноября 1912 г. — ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 1201, ч. 1, лл. 131 об. — 132.

⁵⁴ Семевский — Мельгунову, ноябрь — декабрь 1912 г. — Там же, л. 188.

⁵⁵ Семевский — Мельгунову, 26 июля 1914 г. — Там же, ч. III, лл. 307, 308 об. *Разрядка В. И. Семевского.*

зывает на транспаранте отдельные картины и фразисто их описывает», требовал характеристики художников «с точки зрения общественного значения»⁵⁶. Не случайно среди художников, привлеченных к участию в журнале, был крупнейший мастер русского реализма И. Е. Репин, чье сотрудничество Семевский считал «весьма желательным»⁵⁷.

Большинство писем родственников Семевского лишь позволяет уточнить некоторые и ранее известные факты, не имеющие существенного значения для характеристики его взглядов и деятельности. Интерес представляют письма Е. Н. Водовозовой-Семевской к Ф. И. Витязеву, М. И. Кудрявцеву и С. П. Мельгунову. Сведения, содержащиеся в письмах Е. Н. Водовозовой, и примечания в описи архива Семевского показывают, что рукописи работы Семевского о петрашевцах были взяты В. В. Водовозовым⁵⁸. Первая часть книги о петрашевцах была издана в 1922 г., вторая часть подготовлена к печати Водовозовым и передана Витязеву, у которого она оставалась и после эмиграции Водовозова, хотя Е. Н. Водовозова-Семевская просила ее вернуть⁵⁹. Дальнейшая судьба рукописи Семевского о петрашевцах неизвестна: в небольшом фонде издательства «Задруга» (ЦГАЛИ, ф. 608) и в бумагах Витязева (ЦГАЛИ; ОР ГБЛ) она не найдена. Дальнейшее изучение эпистолярного наследия Семевского и писем близких к нему лиц, возможно, поможет в поисках его утраченных рукописей.

Переписка Семевского содержит и ряд других интересных сведений, иногда, однако, весьма неопределенных и отрывочных. Неизвестно, например, какая именно «рукопись о пугачевщине» была предоставлена Семевскому В. П. Масловым⁶⁰. Возможно, вызовут интерес специалистов сведения о судьбе портретов декабристов (работы Н. А. Бестужева), сообщаемые в записке Е. А. Лушниковой-Поповой⁶¹. Для уточнения этих данных необходимо дальнейшее изучение материалов историков, писателей и общественных деятелей по адресам корреспондентов Семевского (в том числе и в фондах, хранящихся в архивах Сибири).

⁵⁶ Семевский — Мельгунову, 20 ноября 1914 г.—ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 1, ед. хр. 1201, ч. III, л. 485. *Разрядка В. И. Семевского.*

⁵⁷ Семевский — Мельгунову, 8 августа 1913 г.— Там же, ч. V, л. 238; Репин — Семевскому, 23 января 1914 г.—ЦГАОР СССР, ф. 801, оп. 1, ед. хр. 195, л. 1.

⁵⁸ ААН СССР, ф. 489, оп. 1, ед. хр. 962, лл. 11, 12; оп. 2, ед. хр. 6, л. 6; ЦГАОР СССР, ф. 801, оп. 1, ед. хр. 136, лл. 1—9. На полях научного завещания В. И. Семевского и описи его архива против названия ряда рукописей (в том числе о петрашевцах) имеется пометка: «ВВ» или «взято ВВ».

⁵⁹ Водовозова-Семевская — Витязеву, 26 сентября 1922 г.—ЦГАЛИ, ф. 106, оп. 1, ед. хр. 26, л. 3; Водовозова-Семевская — Кудрявцеву, 31 августа 1922 г.—ЦГАЛИ, ф. 305, оп. 11, ед. хр. 1196, лл. 8—10; Водовозова-Семевская — Мельгунову, 27 сентября 1922 г.— Там же, оп. 1, ед. хр. 1197, л. 3.

⁶⁰ Семевский — Маслову, 8 сентября 1875 г.—ОР ГБЛ, ф. 418, папка 1, д. 3, л. 1.

⁶¹ ОР ГБЛ, Муз. собр., 9835/10. Записка не датирована. Автор ее, со слов матери (скончавшейся в 1913 г. К. Х. Лушниковой), сообщает, что предназначенная для передачи Семевскому коллекция портретов декабристов не попала к нему, так как была утеряна после смерти А. А. Буховского.

С. В. Чирков

ОБЗОР АРХИВНОГО ФОНДА А. Е. ПРЕСНЯКОВА

Выдающийся русский историк и источниковед Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929 гг.), плодотворная научная деятельность которого не раз привлекала внимание исследователей¹, оставил значительное, хотя и относительно небольшое по объему, рукописное наследие.

К документальным материалам Преснякова обнаружился значительный интерес². Из его архива опубликованы собственно исторические работы³, труды по изучению летописания⁴, историографии⁵. На основании этих документальных материалов стало возможным не только по-новому представить эволюцию исторических взглядов ученого в поздний период его деятельности⁶, но и сделать некоторые новые выводы о развитии советской исторической науки⁷. Обращение к этим материалам позволило выявить некоторые направления творческой и научно-организационной деятельности А. Е. Преснякова⁸. Однако богатое содержание архива историка еще далеко не исчерпано; поэтому представляется своевременным ознакомление читателей с его составом.

Фонд А. Е. Преснякова хранится в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ф. 193) и насчитывает 229 единиц хранения за период с 1894 по 1936 г. Материалы фонда были переданы в архив наследниками историка в 1932—1936 гг. В 1970 г. фонд вновь подвергся научно-технической обработке, причем были составлены три описи фонда.

Документальные материалы А. Е. Преснякова можно разделить на четыре основные группы: 1) рукописи научных и публицистических трудов, лекционные курсы и подготовительные материалы; 2) материалы личного и биографического характера; 3) личная и творческая переписка; 4) документы научно-организационной деятельно-

¹ Библиографию работ о нем см. в кн.: «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография». М., 1965, стр. 360—361.

² На важность обращения к ним специально обратил внимание С. О. Шмидт в статье «О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки». — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 22. М., 1962, стр. 38, 42.

³ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. 1—2. М.—Л., 1938—1939.

⁴ А. Е. Пресняков. Иоасафовская летопись. — «Исторические записки», т. 8. М., 1940, стр. 242—247.

⁵ А. Е. Пресняков. С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии. — «Труды Ленинградского отделения Института истории», вып. 5. Л., 1963, стр. 76—86; он же. Об изучении летописей. — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 419—432.

⁶ А. Л. Шапиро. Русская историография в период империализма. Л., 1962, стр. 87.

⁷ Г. Д. Алексеева. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923 гг.). М., 1968, стр. 276 и след.

⁸ См. С. О. Шмидт. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти. — «Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Материалы юбилейной научной конференции архивистов Ленинграда 13—14 июня 1968 г.». Л., 1970, стр. 33—34; см. также «Археографический ежегодник за 1968 год», стр. 416.

сти А. Е. Преснякова. В данном обзоре рассмотрены материалы трех первых групп, включающих 223 ед. хр.

В архиве сохранились преимущественно рукописи неопубликованных работ А. Е. Преснякова. Как и подготовительные материалы, они сформированы в отдельных единицы хранения, авторские комплексы сохранились лишь в отдельных случаях. Рукописи дошли в виде тетрадей, блокнотов, книжек, а также пачек листов и отдельных листов белой бумаги, вложенных в конверты или папки, исписанных с лицевой (нередко и с оборотной) сторон характерным легко читаемым почерком А. Е. Преснякова. Ранние рукописи писаны чернилами, с начала 900-х годов начинают преобладать карандашные записи, в 20-х годах появляются записи авторучкой. В рукописях обычно имеются многочисленные заметки и подчеркивания, часто цветными карандашами. Записные книжки иногда носят следы возвращения к ним автора после длительных промежутков времени, причем нередко новая запись сделана на последних страницах старой книжки. Подавляющее большинство материалов не имеет дат, и нередко точная их датировка весьма затруднительна.

В архиве сохранилось несколько записных книжек, относящихся к гимназическим годам А. Е. Преснякова. В них выписки и конспекты литературы, прочитанной А. Е. Пресняковым, причем впечатляет широта его интересов: в книжках законспектирована литература по самым различным отраслям знаний. По этим книжкам можно проследить, как постепенно рос интерес к истории у А. Е. Преснякова.

Но книжки гимназической поры любопытны не только тем, что показывают круг чтения и формирование интересов будущего историка. Есть в них и следы первых попыток самостоятельного творчества. Книжка, датированная 1885/86 г., содержит заметки по истории славян и начало «Очерка истории цивилизации России», которому предпослан обширный план, начинающийся с доисторического периода; завершать очерк должна была глава об образовании государства. В «Очерке» написаны две первые подглавки, причем вторая, о варягах, видимо, позднее первой. Другая книжка, датированная тем же годом, имеет пометку «Переработка писанного в 1883/4 г.» и содержит попытку систематизации понятий философии и философских школ, а также начало изложения истории философии, доведенное до Гераклита и Анаксагора.

Среди сохранившихся материалов студенческих лет А. Е. Преснякова (1890—1893 гг.) основное место занимают записи лекций ряда профессоров историко-филологического факультета Петербургского университета. В книжках, иногда в тетрадях, записаны: обязательный курс С. Ф. Платонова по русской истории, его же специальные курсы по историографии и источниковедению русской истории, обязательный курс Н. И. Кареева по европейской истории, лекции И. М. Гревса — по истории Рима, Ф. Ф. Соколова — по истории древней Греции, В. Э. Регеля — по истории Византии, И. А. Шляпкина — по русскому средневековью, В. Г. Васильевского по истории Франции, Г. В. Форстена — по истории Реформации и Ганзы, А. С. Лаппо-Данилевского — по историографии, П. Г. Виноградова по феодализму и ряд других. Записи лекций не отличаются подробностью (за исключением курса В. Г. Васильевского, которого А. Е. Пресняков очень высоко оценивал как лектора; его курс по истории Франции записан в отдельной тетради), они ограничены основными моментами изложения, именами, датами; всегда многочисленна библиография.

Кроме выяснения основных направлений университетского обучения и складывавшихся научных интересов А. Е. Преснякова, записи лекций немало дают для понимания уровня преподавания в университете той поры и отношения А. Е. Преснякова к этому преподаванию. Характерно, что лекционный материал почти вовсе не имеет помет и подчеркиваний — следов последующей работы. А. Е. Пресняков писал впоследствии, что его учителями в собственном смысле были В. Г. Васильевский и философ А. А. Введенский; прочих своих профессоров он лучше знал по их печатным работам⁹.

Наряду с записями лекций в записных книжках студенческой поры содержатся конспекты литературы, выписки из источников и наброски к первой самостоятельной научной работе А. Е. Преснякова¹⁰, рукопись которой не сохранилась. В одной из

⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 2, д. 1. Письмо к матери от 4 декабря 1892 г.

¹⁰ «Царственная книга, ее состав и происхождение». СПб., 1893.

книжеч запись, сделанная, как видно, на семинарском занятии С. Ф. Платонова: сопоставление ряда летописных текстов, натолкнувшее, по-видимому, А. Е. Преснякова на идею его первой научной работы.

Обращает внимание относящаяся к лету после окончания университета рукопись реферата «Московские летописные своды», прочитанного на IX археологическом съезде в Вильне в августе 1893 г., обнаруженная среди писем А. Е. Преснякова к его матери.

Сравнительно обширный комплекс материалов в архиве сохранился от того времени, когда А. Е. Пресняков был оставлен при университете на кафедре русской истории для подготовки к профессуре (1893—1895 гг.). Это, главным образом, конспекты литературы, изученной в ходе подготовки к магистерским экзаменам, а также материалы самостоятельных научных занятий. Сохранились списки тем для магистерских экзаменов, предложенных А. Е. Преснякову.

Часть конспектов свидетельствует о том, что А. Е. Пресняков не замыкался в тесных рамках магистерской программы. Его привлекают литературоведение, искусствознание, философия, методология науки. В большинстве конспектов имеется основательная библиография. В эти годы появляется специальная книжка с библиографией по разной тематике в алфавитном порядке.

В одной из книжек сохранились записи лекций, которые А. Е. Пресняков слушал в ходе магистрантской подготовки: курсы А. С. Лаппо-Данилевского по истории России XVIII в. и методологии истории, специальный курс Г. В. Форстена «Леопольд фон Ранке».

Особый интерес представляют сохранившиеся материалы самостоятельной научной работы А. Е. Преснякова этих лет. Количество их невелико, а содержание отразившейся в них работы разнообразно. Прежде всего нужно отметить черновик законченной к 1896 г. статьи о М. Т. Каченовском для «Русского биографического словаря». Наиболее интересны материалы по изучению летописей. Наряду с сохранившейся рукописью опубликованной статьи «Новые данные для изучения московских летописных сводов» в архиве имеется рукопись реферата «О летописных сводах», написанная, по-видимому, в 1894 г.

Материалы по изучению летописания сохранились в виде копии «Летописи А. Н. Лебедева». Рукопись ее была прислана А. Е. Преснякову владельцем в 1895 г. А. Е. Пресняков первоначально попытался дать параллельные тексты рукописи и «Царственного летописца», однако затем ограничился копированием первой с приведением вариантов второго. К копии приложено незаконченное описание рукописи, вероятно, для издания ее, в котором предполагалось участие А. Е. Преснякова. Результаты архивных разысканий по истории московского летописания, предпринятых в эти же годы, отложились в тетрадях, первая из которых озаглавлена «Московские летописные своды» и датирована 20 сентября 1893 г., а вторая — без даты. Они содержат выписки из летописных списков собраний Публичной библиотеки, Академии наук, Синодальной библиотеки, Московского архива Министерства иностранных дел, Румянцевского музея, краткие описания отдельных списков, заметки о их составе и взаимных отношениях.

В материалах архива сохранились следы первого обращения А. Е. Преснякова к историографии русского летописания: выписки из трудов Каченовского, С. Строева, Арцыбашева и других по изучению летописей.

С 1895 г. начинается самостоятельная научная и преподавательская деятельность А. Е. Преснякова. Интересы его как ученого в это время только складывались, что достаточно ярко отразилось в архивных материалах. Среди них рукопись крупной (114 л.) биографической статьи «Батюшков Константин Николаевич», законченной в 1898 г. для «Русского биографического словаря» и не увидевшей свет. Не новая по сути и любопытная скорее необычной для А. Е. Преснякова темой, статья дает возможность проследить корни его занятий историей XIX в.

Весьма значительная широта культурных и научных интересов А. Е. Преснякова отразилась и в материалах рассматриваемого периода. Наряду с выписками по философии и истории философии появляются конспекты по теории исторического знания. Вероятно, связана с участием в методологическом кружке А. С. Лаппо-Данилевского

и упоминаемой в письме «странной тягой» к математике¹¹ выписка на чешко-польских блокнотных листках по теории бесконечности.

Основной научной работой для А. Е. Преснякова и в эти годы оставались занятия историей летописания. До 1901 г. материалами по ее изучению наполняются еще 5 тетрадей, в которых содержатся выписки примерно из 55 летописных списков и сборников различных хранилищ Петербурга и Москвы, многочисленные заметки о них, сопоставления текстов рукописей. С 1899 г., когда окончательно определилась тема занятий А. Е. Преснякова историей московского летописания и он получил возможность научных занятий, в архивных документах остались многочисленные следы его напряженной работы. Наряду с подготовительными материалами сохранилось несколько рукописей результативного характера. Кроме рукописи статьи «Иоасафовская летопись», видимо, к концу 1900 г. относится описание Типографского летописного списка (15 л.), к началу 1901 г. — описание летописного сборника Воскресенского Ново-иерусалимского монастыря (4 л.), к 1901 г. относится описание новонайденного списка Львовской летописи (18 л.), в конце которого дано сопоставление его текста с опубликованным. Это описание дополнено некоторыми данными уже после 1904 г., очевидно, в связи с издательскими нуждами Археографической комиссии. В ходе этой работы по изучению летописных списков возникли и иного рода материалы: кальки с водяными знаками бумаги и фотографии текстов Софийского временника и Новгородской четвертой летописи.

Очень интересны сохранившиеся заметки, характеризующие отношение А. Е. Преснякова к теоретическим взглядам А. А. Шахматова на развитие летописания и восприятие им шахматовской методологии исследования.

Особое внимание привлекает сохранившийся значительный комплекс материалов по историографии летописания, первым исследователем которой стал А. Е. Пресняков. Были продолжены начатые еще в «магистрантский» период выписки из работ историков, изучавших летописи. Сюда же относится написанный на отдельных листках из блокнота набросок основных положений по историографии летописания (вероятно, конца 1900—начала 1901 г.). Видимо, в 1901—1902 гг. было написано обширное исследование по историографии летописания, в котором обобщались достижения летописеведения и показан его путь к высотам шахматовского метода¹². Из писем А. Е. Преснякова явствует, что это исследование должно было служить введением к магистерской диссертации о московских летописных сводах, которую предполагалось составить из опубликованных статей. Диссертация не была закончена по ряду причин, а работы по историографии летописания завершили первый период творчества А. Е. Преснякова.

От начала второго периода творческой деятельности А. Е. Преснякова, ограниченного 1905—1917 гг., сохранились преимущественно подготовительные материалы, от конца его — много незаконченных работ и следов замыслов. Из числа последних выделяется незаконченная рукопись курса русской истории «Отдел первый. История древней Руси», относящаяся к промежутку 1912—1917 гг. Курс начинается историко-географическим введением о Восточно-Европейской равнине и этнографическим — о восточном славянстве; в нем разобраны проблемы «Русь и варяги», «Образование Русского государства», «Князь и вече» и др.

Примерно к 1913—1915 гг. относится другая сохранившаяся неоконченной рукопись, озаглавленная автором «Образование Всероссийского государства. (Борьба за господство над Восточно-Европейской равниной)» — часть целого комплекса работ по этой тематике. Эта рукопись (87 л.), несомненно, представляет собой начало одного из вариантов будущей докторской диссертации. В ней дана очень интересная трактовка восточнославянской этнологии, последовательно проведена концепция единства исторического процесса.

Заслуживает внимания и рукопись небольшой, относящейся к этому же комплексу статьи «Колонизация Верхнего Поволжья в XII—XVI вв.». В этой статье, оставшейся,

¹¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 193, оп. 2, д. 3. Письмо к матери от 9 апреля 1896 г.

¹² Краткий обзор этого исследования дан в «Археографическом ежегоднике за 1968 год», стр. 417—418.

как видно, неоконченной, кратко рассмотрен ход освоения русскими славянами бассейна Оки и Верхней Волги в дотатарскую эпоху, дана интересная историко-географическая характеристика Северо-Восточной Руси, частично использованная затем в книге «Образование Великорусского государства».

Ряд неопубликованных работ посвящен другой крупной проблеме, занимавшей А. Е. Преснякова в эти годы,—Московскому государству. В большой рукописи «Очерки по истории Московского государства» (133 л.) особое внимание А. Е. Пресняков уделяет характеристике политического и общественного строя Великороссии в период татарского владычества, руководствуясь своим давним стремлением «заполнить темную яму XIII—XV вв. историческим материалом». Важно объяснение тенденции к объединению Великороссии не только нуждами обороны, но и потребностями «глубоких устойчивых экономических связей отдельных земель», к которому приходит автор. Трудно решить, были ли «Очерки» самостоятельным замыслом или ранним вариантом «Московского царства», написанного в начале 1918 г.; надо полагать, они написаны в более раннее время.

Заманчиво было бы отождествить сохранившуюся в архиве рукопись статьи о русском средневековье (53 л.) с подготовительными материалами к книге «Русское средневековье», договор о написании которой А. Е. Пресняков заключил с издательством «Огни» в декабре 1917 г., но которая не была опубликована. После обстоятельного историографического введения в статье рассмотрены проблемы соответствия в Киевской Руси развития производства и культуры, роль христианизации, культурные влияния, а затем дан интересный очерк развития русской средневековой культуры, к сожалению, незаконченный. Датированная февралем 1913 г. рукопись «Трехсотлетие царствующего дома» представляет собой весьма любопытный популярный очерк истории самодержавной власти в России.

В архиве сохранились неопубликованные фрагменты научно-публицистического наследия А. Е. Преснякова: рукописи рецензий на статью Ф. В. Тарановского «Новейшие труды по истории государственного строя Польши» (1907 г.), на книгу В. Н. Бондаренко «Очерки финансовой политики кабинета министров Анны Иоанновны» (1914 г.), а также отзыв о диссертации М. А. Островской «Земельный быт русского Севера в XVI—XVIII вв.» и рукописи речи на ее обсуждении (1913 г.).

Теоретическим и методическим проблемам исторического образования посвящена рукопись «плана для преподавания» «О воспитательном значении гуманитарных наук». Несовершенство порядка подготовки научных работников критикуется в рукописи статьи «О магистрантских испытаниях» (около 1907—1909 гг.).

Сохранились рукописи статей для «Русской энциклопедии», вышедшей в издательстве «Деятель» (А. Е. Пресняков редактировал в ней отдел русской истории): «Бобровский М. К.», «Верьвь», «Киев»; черновики и рукописи газетных статей «Наш церковный вопрос», «Дункан»; публицистический набросок «Великий инквизитор».

Столь же многообразно, часто сходно по тематике с научной работой содержание научно-педагогической деятельности А. Е. Преснякова, следы которой сохранили документы. В архиве находятся рукописи нескольких лекционных курсов, читанных А. Е. Пресняковым в Петербургском университете. Это лекции по истории Киевской Руси — курсы 1907/08 и 1915/16 гг., по истории Западной Руси — курсы 1908—1910 гг. (опубликованы в 1938—1939 гг.). В двух книжках записаны лекции по истории Северо-Восточной Руси (173 л.) — курс 1911/12 г. с позднейшими дополнениями, а в двух других — по истории Московского государства, читанные в 1911—1913 гг. (155 л.). Рукописи эти были подготовлены к печати накануне Великой Отечественной войны.

Очень интересен как обобщенным в нем материалом, так и теоретическими взглядами курс истории русского права, читавшийся в 1908—1910 гг. на Петербургских высших женских курсах, где А. Е. Пресняков был преемником Н. П. Павлова-Сильванского. Курс этот сохранился в двух записях, находящихся в одной книжке карманного формата (92 л.), написан карандашом, причем вторая запись только вносит изменения в первую. Первая подробная запись снабжена датами лекций: курс начался в октябре 1908 г. и окончился в марте 1909 г.

В трех книжках дошла запись лекционного курса по истории XIX в., читанного около 1906—1909 гг. в Женском педагогическом институте. В одной из книжек сохра-

нился отрывок программы лекционного курса 1923/24 г., показывающий, что эта запись использовалась и в более позднее время.

Значителен объем и разнообразен характер подготовительных материалов, сохранившихся из второго периода творческой деятельности А. Е. Преснякова. Среди них — выписки из источников и конспекты литературы не только по истории, но и по языкознанию, правоведению, археологии, этнографии, литературоведению, философии. Конспекты А. Е. Преснякова показывают, что он был в курсе всех европейских достижений в специальных областях науки. (А. Е. Пресняков читал — кроме древних — на немецком, английском, французском, польском, шведском языках.) Интересен, в частности, не опубликованный реферат по теории исторической науки Риккерта (ок. 1907 г.). Любопытны сохранившиеся в одной из записных книжек выписки из арабских и восточных источников в русских и немецких переводах по истории Руси. Четко проявляется в записях другой книжки интерес к сравнительному изучению русского и западного права. Среди немалого числа материалов, образовавшихся в ходе разработки тематики образования национального государства, внимание привлекают книжки с выписками из духовных и договорных грамот русских князей (датирована августом 1917 г.) и с выписками о творчестве В. Н. Татищева, в особенности о том, что касается использования им не дошедших до нас источников. Следует отметить комплекс выписок из источников Национальной библиотеки в Париже по теме «Апанажи французского королевского дома», сохранившийся в двух тетрадах (1911 г.), который наводит на мысль, что предполагалось сравнительное изучение явлений централизации.

Сохранился крупный комплекс документальных выписок по истории Правительствующего сената в XVIII в. Семь тетрадей объемом свыше 700 л. включают выписки из книг и журналов заседаний Сената, дел генерал-прокурора и секретной экспедиции, сделанные в ряде архивохранилищ на протяжении трех лет работы (1908—1911 гг.). Значительно расширив первоначальную тему (история Сената в царствование Елизаветы) хронологически, А. Е. Пресняков, как явствует из собранных материалов, обратился и к истории русской дипломатии и к иным темам.

Вызывают особенный интерес материалы, свидетельствующие об общественной деятельности А. Е. Преснякова в период первой русской революции, о его либеральных взглядах и симпатиях. В записной книжке за 1904—1906 гг. содержатся многочисленные заметки о революционном движении, о земстве, собрана библиография о студенческих организациях, на нескольких страницах — запись речей, видимо, на митинге. В другой книжке — более основательная разработка общественных вопросов, рядом с конспектами книг о Великой французской революции — черновик статьи «Церковный вопрос», тезисы и наброски «Слабость русской сословности», «Интеллектуальный пролетариат», «Самоуправление и государство», заметки о политических событиях в стране.

Для последнего периода научного творчества А. Е. Преснякова, протекавшего в советское время и также представленного обширными архивными материалами, сохранилось очень мало биографических источников, поэтому часто нет возможности точно установить время и обстоятельства появления той или иной рукописи. Однако ясно, что наиболее ранними из сохранившихся материалов научной работы этого периода являются статья о крестьянской реформе 1861 г. и статья «К вопросу о западной границе России». В первой из этих небольших статей А. Е. Пресняков разбирает историографию крестьянской реформы на примере произведений М. Н. Покровского и П. Б. Струве, во второй анализирует исторические судьбы территории между Балтийским и Черным морями.

Научно-педагогическим вопросам, которые продолжали волновать А. Е. Преснякова, посвящена неоконченная рукопись статьи «О преподавании истории в обновленной школе», относящаяся примерно к 1918 г. В ней А. Е. Пресняков обращается к вопросу о «педагогических ценностях историзма» в связи с широкими перспективами, раскрывшимися перед народным образованием. Больше неопубликованных произведений А. Е. Преснякова сохранилось от 20-х годов.

К циклу работ по «доистории» славян, все более привлекавшей А. Е. Преснякова, относится рукопись первоначального варианта доклада в ГАИМК «Опыт синтеза протисторических судеб Восточной Европы», опубликованная с незначительными изменениями; в одной тетради с рукописью сохранились подготовительные материалы доклада.

Выделяется рукопись законченной около 1925 г. статьи «Феодализм в России» (на нее уже обратил внимание А. Л. Шапиро). В статье, весьма показательной для понимания творческой эволюции А. Е. Преснякова, ученый попытался пересмотреть сложившиеся у него под влиянием Н. П. Павлова-Сильванского представления о феодализме.

Еще одна крупная работа о феодализме осталась в виде рукописи и корректуры. Публикация «Боярский феодализм», очевидно, учебного типа, должна была иллюстрировать новую концепцию развития русского феодализма. В хрестоматию предполагалось включить тексты княжеских духовных, договорных, жалованных грамот, хозяйственных документов. Сохранившиеся тексты документов собственноручно переписаны А. Е. Пресняковым.

В связи с пересмотром воззрений на русский феодализм А. Е. Пресняков, видимо, после 1925 г. предпринял попытку написать новый общий курс истории феодальной России. Следы этой работы сохранились в неоконченной рукописи (57 л.), содержащей введение о географических предпосылках образования Древнерусского государства, расселении восточных славян и образовании Киевского государства, а также первую главу «Киевское государство X—XII вв.» (характеристика его состояния во времена Владимира и Ярослава, очерк его международного положения и государственного строя).

Наряду с автографами опубликованных уже после смерти А. Е. Преснякова глав первого тома «Книги для чтения по истории России» сохранилась рукопись главы для второго, неопубликованного тома «Книги...» — «Международные отношения России в XIX в.», а также автограф плана издания первого тома, редактором которого был А. Е. Пресняков, с разметкой тем и указанием авторов глав.

Обширная в эти годы научная публицистика А. Е. Преснякова сохранилась в архиве плохо; дошли только две рукописи неопубликованных рецензий на книги о Г. В. Плеханове С. Я. Вольфсона и О. В. Аптекмана, а также на ряд произведений С. И. Тхоржевского, появившихся в свет в 1923—1924 гг. Научно-педагогические материалы пореволюционного периода представлены рукописями лекционных курсов и отдельных лекций. Курс русской историографии, читавшийся в 1921/22 г. в Археологическом институте, записан карандашом на серой бумаге записной книжки; текст малоразборчив. Почти для всех тем курса записаны только краткие тезисы, шире характеристики отдельных историков: Погодина, Кавелина, Соловьева.

Гораздо подробнее рукопись небольшого лекционного курса по истории государственных учреждений дореволюционной России. Этот курс, читанный в 1924 г. в Ленинградском университете, представляет большой интерес как один из первых в своем роде. А. Е. Пресняков, крупнейший знаток темы, использовал при составлении курса весь свой огромный запас фактических познаний, перерабатывая и углубляя обобщения и концепции, выдвинутые еще до революции.

Рукопись двух, видимо публичных, лекций, относится к середине 20-х годов и посвящена характеристике царствований Елизаветы и Екатерины II. Наряду с обрисовкой бытовых черт обеих «эпох» А. Е. Пресняков делает существенный вывод о более значительном «историческом содержании» царствования Елизаветы в сравнении с «веком Екатерины», завершившим развитие дворянской крепостнической России.

Подготовительные материалы, созданные в научно-исследовательской работе пореволюционных лет, представляются весьма ценными, так как в них особенно ярко отразилась эволюция теоретических взглядов А. Е. Преснякова.

Среди них, в первую очередь, привлекает внимание объемистая тетрадь конспектов и выписок по теории исторической науки, начатая еще в 1906—1908 гг. рефератом о теории исторической науки Риккерта; записи в ней продолжались до последних лет жизни историка. В тетради имеются конспекты немецкой марксистской литературы, посвященной проблеме исторического материализма, сделанные А. Е. Пресняковым в 1920-е годы, так как эти записи по новой орфографии, а она употребляется устойчиво Пресняковым примерно с 1920 г. Особенно привлекают А. Е. Преснякова работы К. Маркса и Ф. Энгельса: в тетради — конспекты и выписки из «Капитала», «Людвига Фейербаха», письма Маркса к Вейдемейеру 1852 г. и др. Любопытна в указанном смысле записная книжка, относящаяся к 1919—1920 гг. (частично цитирована Г. Д. Алексеевой), в которой содержится программа «Изучение русской истории с социологической точки зрения», а также тезисы «История революционного движения в России». Здесь же библиография произведений В. И. Ленина, цитаты из них. В другой книжке—

выписки «положений М. Н. Покровского» из «Русской истории в самом сжатом очерке» с критикой их, иногда очень резкой.

Отдельным историческим темам посвящено большое количество подготовительных материалов, отложившихся, главным образом, в записных книжках и блокнотах и часто сохранивших поэтому очертания авторских комплексов. Наиболее значительны среди них комплексы материалов по истории восстания декабристов и истории Польши XVII—XVIII вв., изучению которой были посвящены последние годы научных занятий А. Е. Преснякова. Сохранилось довольно значительное число выписок на разных языках и заметок по истории международных отношений России XVIII—XIX вв., специально изучавшихся историком. Материалы об экспансионистской политике царизма: о Польше, завоевании Кавказа, по истории Русско-американской компании, а также некоторые сохранившиеся заметки по истории аргарного строя России, видимо, характеризуют неосуществленные научные замыслы А. Е. Преснякова. Сохранившиеся заметки и выписки о гражданской войне и интервенции появились, вероятно, в связи с рецензированием А. Е. Пресняковым в 1921—1926 гг. работ по этим темам; они отражают изменение научных интересов ученого в последний период его творчества.

Личные и биографические документы А. Е. Преснякова собраны в архиве в небольшом количестве. Среди них выделяется очень интересный дневник его за 1889—1890 гг., написанный весьма обстоятельно и изобилующий биографическими данными. Сохранились читательские библиотечные билеты А. Е. Преснякова, делегатский билет II Всесоюзного съезда научных работников СССР. В ряде книжек записаны адреса и телефоны большого числа лиц; записи эти очерчивают круг знакомств историка в тот или иной период его жизни.

В архиве имеются «биографическая справка» об А. Е. Преснякове и список его трудов, составленные, видимо, в связи с выдвижением его кандидатуры на выборах 1929 г. в Академию наук. Имеется также картотека его печатных работ, составленная сыном историка Е. А. Пресняковым. Хранятся оттиски и вырезки из газет со статьями А. Е. Преснякова, экземпляры его некролога, написанного С. Ф. Платоновым.

Опись эпистолярных материалов фонда А. Е. Преснякова насчитывает 46 единиц хранения. Среди них выделяются два крупных комплекса писем А. Е. Преснякова к его матери Марии Пафнутьевне и жене Юлии Петровне. Бережно сохраненное собрание писем к матери (до 500 за 1890—1901 гг.), дает в руки исследователя неоценимый источник для изучения личной и творческой биографии А. Е. Преснякова за этот период. В письмах наряду с личными и семейными темами много места занимают иные: подробно описаны занятия А. Е. Преснякова и его творческие планы, события и впечатления научной жизни, охарактеризованы некоторые историки — современники А. Е. Преснякова и его учителя, их взаимоотношения; есть сведения о политической и общественной жизни; многие страницы писем посвящены описанию новых и выдающихся явлений культуры и искусства; всесторонне раскрывается в письмах личность самого А. Е. Преснякова. Таков же характер писем историка к жене, значительный комплекс которых (до 300) сохранился за 1893—1916 гг., а отдельные письма — с 1916 по 1927 г.; однако их информационная ценность меньше, так как они писались в течение лишь недолгих периодов времени.

Творческая переписка А. Е. Преснякова сохранилась в архиве далеко не полностью и не дает исчерпывающего представления о научных и личных связях историка. Среди его корреспондентов Ф. А. Браун, И. И. Гливенко, М. А. Дьяконов, Н. И. Кареев, И. И. Лапшин, А. Н. Лебедев, Е. Морозов, С. Ф. Платонов, А. Я. Полонский, С. В. Рождественский, К. С. Станиславский, А. А. Шахматов, П. Е. Щеголев. Обширнее круг адресатов А. Е. Преснякова, в архивных фондах которых удалось обнаружить его письма. В их числе, кроме перечисленных, Я. Л. Барсков, М. М. Богословский, Г. С. Габаев, В. Г. Дружинин, П. А. Лавров, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. П. Лихачев, П. Г. Любомиров, В. В. Майков, И. И. Мещанинов, Н. К. Никольский, Н. П. Павлов-Сильванский¹³, М. Н. Сперанский, П. Б. Струве, М. И. Сухомлинов, Ф. И. Успенский, В. Н. Щепкин.

Таков, в кратких чертах, состав архивного фонда А. Е. Преснякова.

¹³ Письма Н. П. Павлова-Сильванского к А. Е. Преснякову были переданы последним в архив Н. П. Павлова-Сильванского (Архив ЛОИИ СССР, ф. 190, д. 11).

Р. Ф. Хохлов

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ КРАЕВЕДОВ-ИСТОРИКОВ В АРХИВНОМ СОБРАНИИ ДМИТРОВСКОГО МУЗЕЯ

В архиве Дмитровского краеведческого музея хранится немало интересных документов, связанных со становлением и развитием исторического краеведения в северном Подмосковье. Особого внимания в этом отношении заслуживают фонды старейших краеведов — организаторов и руководителей краеведения в Дмитрове — М. С. Померанцева, И. А. Смирнова, К. А. Соловьева и М. Н. Тихомирова¹.

В обзоре главное внимание уделяется материалам творческого характера, отложившимся в личных фондах первых трех перечисленных выше краеведов-историков.

Материалы фонда М. С. Померанцева (ф. 145) отложились в 20-х—50-х годах. Михаил Семенович Померанцев (1872—1958 гг.) родился в г. Коломне. После окончания Московского университета преподавал историю в учебных заведениях Москвы и Подмосковья. С 1919 г. постоянно жил и работал в г. Дмитрове. В 1920—1921 гг. принимал активное участие в организации уездного архива, затем работал сотрудником музея — в 1924—1928 гг., заведующим районным архивом — с 1929 по 1933 г. В последующие годы вел внештатную работу в музее и архивах (с 1943 по 1950 г. работал штатным сотрудником музея). М. С. Померанцев опубликовал ряд работ, в основном по истории г. Дмитрова и Дмитровского края.

В фонде М. С. Померанцева хранятся рукописи некоторых опубликованных работ, в том числе очерк «Дмитровский край в его прошлом»². Но гораздо больший интерес представляют рукописи неопубликованных работ — очерков по истории селений Дмитровского края: с. Волдынского с деревнями (2 части, 1942—1950 гг.), Рождественно-Суворова и др. Большое место в фонде занимают рукописные материалы, связанные с обработкой архивных документов по истории края: фонда Борисоглебского монастыря, фонда помещика П. Сабурова, владельца усадьбы Ботово в Дмитровском уезде, и ряда других. На основе архивных материалов М. С. Померанцевым написаны очерки «Дворяне-крепостники Дмитровского уезда Московской губернии». «Петр I в Дмитровском крае» и др. Время Петра, пожалуй, больше всего привлекало М. С. Померанцева как исследователя. Этот интерес нашел отражение в фонде, где хранится подборка копий документов московских и местного архивов по истории края в петровскую эпоху. Здесь же выписки и справки об исторических личностях, связанных с Дмитровским краем, и другие материалы.

Фонд И. А. Смирнова в архиве Дмитровского музея (ф. 113) сложился в 20-х—начале 40-х годов.

Иван Александрович Смирнов (1889—1946 гг.) детство провел в д. Боблово Клинского уезда. Изучением края начал заниматься с 1909 г. под руководством своего

¹ О материалах фонда М. Н. Тихомирова в Дмитрове см.: Р. Ф. Хохлов. М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей. — «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 315—318.

² «Дмитровский уезд Московской губернии». Сб. статей. Дмитров, 1924, стр. 55—98.

родственника академика Я. И. Смирнова. В 1913—1915 гг. учился в Петербургском университете, затем служил в армии. В 1921 г. И. А. Смирнов был назначен учителем Бобловской школы, а с октября 1922 г.—научным сотрудником Музея Дмитровского края, где работал (с перерывами) до последних дней жизни. И. А. Смирнов — автор печатных работ, опубликованных в трудах музея и других краеведческих изданиях.

Среди рукописей фонда большое место занимают работы историко-географического характера: подготовительные материалы и рукописи статьи «К истории территории Дмитровского уезда», опубликованной в 1924 г.³, неопубликованный очерк «Панорама города Дмитрова и характеристика районов его» (1925 г.), очерки, написанные во второй половине 30-х годов: «Южная часть Дмитровского района. Опыт историко-географического изучения», «Два вопроса Дмитровской истории (I. Владения Дмитровских князей. II. Пути сообщения через Дмитровский край)» и др.

Значительную часть рукописных материалов фонда составляют работы, посвященные истории усадьбы Апраксиных «Ольгово», где в 1926—1928 гг. И. А. Смирнов работал в качестве сотрудника и заведующего музея, созданного на базе бывшей усадьбы. К этому времени относятся тезисы лекции об истории усадьбы, своеобразный опыт рукописных методических записок, — «Ольговские листки» (4 выпуска, январь — апрель), выпускавшиеся И. А. Смирновым в 1928 г. В 1934—1935 гг., живя и работая в г. Юрьеве-Польском, И. А. Смирнов возвращается к ольговской теме и создает два больших очерка: «Ольгово» (Материал и методические указания для лекторов и экскурсоводов) и «100 лет по предметам Ольгова» (в 4 выпусках, присланных им тогда же в Дмитровский музей). В какой-то мере приближаются к этой тематике работы по истории крепостного права на территории Дмитровского уезда и особенно по истории XVIII в.: очерки «Дмитровский уезд в XVIII веке», «XVIII век в Дмитровском уезде в четырех биографиях его помещиков (Татищев, Орлов, Веревкин, Чулков)», «Элементы капитализма в Дмитровском уезде XVIII века» и другие материалы фонда.

Представлены в фонде работы И. А. Смирнова по истории различных районов и населенных пунктов Северного Подмосквья: «История Красно-Полянского района», очерки по истории Ильинско-Куровского райсна, очерк «Жуковка» и др. Тематика рукописей фонда довольно разнообразна: работы по истории промыслов и сельского хозяйства в крае («О бортном деле в Дмитровском уезде», «Фрукты и овощи в Дмитровском уезде XVII—XVIII вв.»); работы историко-литературного характера («Материалы для изучения «Войны и мира» Толстого», «К 50-летию смерти Салтыкова (Щедрина)»); очерк «История посуды» и др. Материалы фонда характеризуют и текущую музейно-краеведческую работу И. А. Смирнова (отчеты о работе по краеведению, инструкции и методические разработки, тезисы лекций и бесед по вопросам краеведения, разработки маршрутов походов по краю, планы выставок и экспозиции музея и т. п.). Интересен дневник работ по культурно-историческому отделу музея (февраль 1931 — январь 1933 г.), а также переписка, прежде всего письма И. А. Смирнова сотрудникам Дмитровского музея из г. Юрьева-Польского с методическими указаниями и советами по различным вопросам научной и экспозиционной работы музея.

В состав фонда входит также собрание документов по истории церкви с. Покровского и ее прихода в XVIII—XIX вв., материалы которого использовались И. А. Смирновым в ряде работ. Представление о фонде И. А. Смирнова будет неполным, если не упомянуть о его очерках по истории Клинского края, которые хранятся в народном музее г. Клина, историко-краеведческих очерках о Д. И. Менделееве и связанном с его именем с. Боблове Клинского уезда, предназначенных для кабинета-музея Д. И. Менделеева при Ленинградском университете, о Л. Н. Толстом и С. П. Подъячеве — для Государственного литературного музея.

Материалы личного фонда К. А. Соловьева в архиве Дмитровского музея (ф. 151) относятся, в основном, ко времени его работы в Дмитрове (20-м — началу 30-х годов).

Кирилл Алексеевич Соловьев (1890—1966 гг.) родился в г. Одессе. В 1909 г. переехал в Москву, где в 1913 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. После окончания университета, в 1917 г., он поступил в Институт народного хозяйства, откуда в 1919 г. был призван в армию. После демобилизации, в

³ «Дмитровский уезд Московской губернии», стр. 390—396.

1921 г., работал сначала заведующим музейно-экскурсионной секцией уездного Политпросвета в г. Дмитрове, а с октября этого же года — заведующим Музея Дмитровского края. На этом посту он находился до января 1933 г. Помимо большой руководящей и организаторской работы К. А. Соловьев вел плодотворную научно-исследовательскую работу в области этнографии и методики музейно-краеведческого дела. За эти годы в различных изданиях им опубликовано около 30 статей и монографий. С 1933 г. он жил и работал в Москве. С 1950 г. — доктор искусствоведения, с 1953 г. — профессор⁴.

Материалы, связанные с научной деятельностью К. А. Соловьева, имеются, кроме Дмитровского музея, в личном архиве его вдовы Н. А. Елизаровой-Соловьевой, в Научно-исследовательском институте культуры (рукописи работ по вопросам музейного дела и краеведения), в Останкинском музее и других местах.

Большое место в фонде К. А. Соловьева занимают рукописи работ по этнографии, в основном по промыслам, изучением которых он много занимался в период работы в Дмитрове: очерк «Промыслы Дмитровского края», опубликованный в сокращенном виде⁵, неопубликованное историко-экономическое исследование «Кустарная промышленность» (1930 г.), а также рукописи работ методического характера: «Инструкция по обследованию кустарной промышленности», «Программа обследования кустарных промыслов»⁶ и др. Материалы, связанные с экспедициями, обследованиями и переписями кустарных промыслов в уезде, проводившимися под руководством К. А. Соловьева, хранятся в других фондах архива музея (ф. 16, 18 и 34). Имеются в архиве и материалы обследования крестьянских жилищ края: подворные карты, планы, фотографии и прочее, а также рукописи и корректура монографии К. А. Соловьева по жилищам крестьян (ф. 12—14 и фотоархив), опубликованной в трудах музея⁷.

Следующая группа материалов фонда исследовательской работой К. А. Соловьева в области методики музейного дела и краеведения и, в частности, с обобщением опыта Музея Дмитровского края, который характеризовали в эти годы как «лабораторию краеведно-музейной методологии»⁸. В фонде представлены рукописи как опубликованных («Музей местного края»⁹ и др.), так и неопубликованных («Волостной краеведческий музей») работ по этой тематике. Здесь же наброски, тезисы и конспекты лекций и докладов по вопросам краеведения и другие материалы. К последующему периоду деятельности К. А. Соловьева относится хранящийся в фонде машинописный отчет о командировке его вместе с архитектором В. Н. Гридиным для обследования архитектурных памятников Дмитровского и Коммунистического районов Московской области в 1942 г. Особый интерес представляют в этом отчете написанные К. А. Соловьевым исторические справки о памятниках.

Связь К. А. Соловьева с Дмитровским музеем, не прерывавшаяся до последних дней его жизни, отразилась и в переписке (письма к директору музея В. В. Минину от 20 мая 1955 г. и 23 июня 1957 г.). Переписка дмитровского периода представлена в фонде письмами к К. А. Соловьеву различных лиц — О. Н. Бадера, П. Н. Миллера, С. П. Подъячева — и письмами, связанными с деятельностью Музея Дмитровского края как методического центра, базового музея северной Подмосковья, — из Дома-музея П. И. Чайковского в Клину, музея-усадьбы «Мураново», Загорского историко-художественного музея и др. Музейная переписка хранится не только в личных, но и в других фондах научного архива. Так, в одном из фондов (ф. 32) имеется ряд писем к К. А. Соловьеву от руководителей краеведческой работы в Подмосковье и других лиц — директора Истринского музея Н. А. Шнейерсона, члена Общества изучения Московской губернии Н. А. Дорогущина, директора Талдомского музея Е. В. Сосенковой, учителя-краеведа И. А. Муравьева, писателя С. П. Подъячева.

Таким образом, фонды историков-краеведов собрания Дмитровского музея имеют значение не только в узко краеведческом смысле, но и в плане изучения истории науки и культуры в целом, что еще раз говорит о необходимости их изучения.

⁴ О К. А. Соловьеве см.: «Путь Ильича» (Дмитров), 28 января 1969 г., а также некролог в журнале «Декоративное искусство СССР», 1967, № 2, стр. 47.

⁵ «Дмитровский уезд Московской губернии», стр. 218—252, а также отдельный оттиск трудов Музея Дмитровского края.

⁶ «Листок краеведа Московской губернии». М., № 2, май 1925, стр. 5—11.

⁷ «Жилище крестьян Дмитровского края». Дмитров, 1930.

⁸ «Московский краевед», вып. 5. М., 1928, стр. 67.

⁹ «Книга краеведа». М., 1928, стр. 34—56.

Н. Г. Михайлова

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ФОНДА В. И. ШУНКОВА

Член-корреспондент АН СССР В. И. Шунков (1900—1967) был видным советским историком, библиотековедом, ученым-организатором и педагогом¹.

Материалы архивного фонда В. И. Шункова переданы на хранение в Архив АН СССР в декабре 1967 г. ученым секретарем ФБОН К. П. Алексеевой, которая получила их от вдовы Татьяны Михайловны Шунковой. Попутно с обработкой фонда проводилось его докомплектование: получены рукописи научных трудов, тексты выступлений, отзывы, воспоминания, письма, фотографии от семьи, друзей, коллег, учеников.

Одновременно с Архивом АН СССР сборником материалов о жизни и деятельности В. И. Шункова занимался Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Кроме того, материалы о Шункове отложились в архивах тех учреждений, в работе которых Виктор Иванович принимал деятельное участие. Таким образом, к сожалению, в ААН СССР фонд В. И. Шункова не собран полностью, но Архив располагает значительной частью сохранившегося документального наследия ученого.

Архивный фонд члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова представляет собой комплекс документальных материалов за 1893—1970 гг. в количестве 394 ед. хр. и делится на четыре раздела: 1) Научные труды и материалы к ним; 2) Биографические материалы; 3) Документы научно-организационной деятельности; 4) Переписка.

В фонде В. И. Шункова сохранилось более 80 рукописей научных работ. Лишь 24 из них опубликованы. Такое незначительное количество научных трудов в фонде объясняется тем, что Виктор Иванович очень редко хранил рукописи уже опубликованных работ.

Рукописи, сохранившиеся в фонде, по тематике могут быть разделены на пять групп: 1) История России с древнейших времен до XIX в.; 2) История Сибири; 3) Военная история нашей страны; 4) Вспомогательные исторические дисциплины; 5) Библиотекведение.

В. И. Шунков был разносторонне образованным специалистом. Этим и объясняется широкий диапазон научных интересов ученого.

К первой группе относятся 20 рукописей, в том числе 16 неопубликованных. Среди них общие курсы по истории СССР и небольшие статьи: «Восстание в Пскове в 1650 г.», «Слово о полку Игореве», «Восстание 1648 г.», «Русская Правда», «Соловецкое восстание», «О связях народов Средней Азии и России в XVI—XVIII вв.».

К этой же группе можно отнести ряд докладов и сообщений, написанных для Всемирного конгресса историков в Риме: «Сельское хозяйство России XVII—XVIII вв.» (опбл.), «Крепостное право в России» (опбл.), «Аграрные отношения в феодальной России» (опбл.), «Земские соборы» (опбл.).

¹ О жизни и деятельности В. И. Шункова см.: «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 1—4.

История Сибири во всем многообразии была той темой, которая приковывала к себе внимание исследователя на протяжении всей жизни. Виктор Иванович впервые в советской историографии начал изучение истории Сибири с истории крестьянства, как основной части производителей этого необъятного края. Этой проблеме посвящены две его монографии: «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв.» (опбл.) и «Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.)» (опбл.). К сожалению, в фонде сохранились лишь два очерка последней монографии: «Вопросы хлебоснабжения. Хлебная торговля. Цены на хлеб» и «О феодальном строе сибирской деревни XVII в.».

Когда началась работа по созданию пятитомной «Истории Сибири», Виктор Иванович практически возглавил всю эту работу и выступил как автор отдельных разделов II тома, вышедшего в свет уже после его смерти. В фонде хранятся шесть статей этого тома: «Введение» (совместно с В. А. Александровым и В. Г. Мирзоевым) и «Заключение», «Земледелие, промыслы», «Ремесло, торговля», «Развитие феодальных отношений», «Присоединение и заселение Западной Сибири».

Из работ, посвященных истории Сибири (а их в фонде 29 ед. хр.), лишь 10 опубликованы. Среди неопубликованных работ «Влияние русского народа на развитие производительных сил и культуры Якутии», «Русские земледельцы к востоку от Байкала», «Присоединение Сибири», «Современное состояние и задачи исследования истории Сибири досоветского периода» и ряд других статей, а также спецкурс, прочитанный на истфаке МГУ «История Сибири».

11 рукописей посвящены проблеме военной истории нашей страны. Это в основном работы, касающиеся далекого героического прошлого: «Куликовская битва» (опбл.), «Боевые качества войска Киевской Руси», «Ледовое побоище» и др.

В период войны, когда Виктор Иванович Шунков был откомандирован на работу в Комиссию по истории Отечественной войны, он вновь вернулся к этой проблематике. В 1942 г. им написана большая работа «Русская армия и русское военное искусство в XV—XVII вв.», а в 1943 г. две статьи: «Из истории организации рабочих батальонов в 1941 г.» и «Рабочие батальоны».

В. И. Шунков был одним из первых историков, создавшим самостоятельный курс палеографии. В фонде хранятся стенограмма курса лекций 1940 г. на истфаке МГУ и конспект курса лекций 1946—1947 гг.

Виктор Иванович Шунков уделял большое внимание изучению исторических источников. В фонде хранится текст выступления на X Всемирном конгрессе историков в Риме «Издание исторических источников в СССР» (опбл.), статья «Важное научное издание Археографической комиссии» (опбл.), написанная совместно с В. И. Бугановым и В. И. Корецким.

Семнадцать лет В. И. Шунков бесценно руководил Фундаментальной библиотекой общественных наук (ФБОН). «Виктор Иванович Шунков был не только долголетним руководителем и работником нашей библиотеки, его можно без преувеличения назвать ее душой и разумом, которые помогли ей с честью выйти из многих испытаний, сохранить свои славные традиции, открыть путь к новым успехам и новым перспективам», — писал в стенгазете «Памяти В. И. Шункова» сотрудник библиотеки Е. М. Кан.

Известны статьи и доклады Виктора Ивановича по проблемам развития научных библиотек. К сожалению, в фонде хранятся лишь стенограммы докладов Шункова на заседаниях Ученых советов ФБОН с отчетами о деятельности библиотеки за 1949, 1959—1966 гг.

Очень небольшую часть научного наследия Шункова составляют отзывы о работах других лиц. Их всего 20. Это в основном отзывы о работах по истории Сибири В. А. Александрова «Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край)», М. М. Громько «Западная Сибирь в XVIII в. Очерки русского населения и земледельческого освоения», Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII—XVIII вв.» и др.

Виктор Иванович Шунков придавал огромное значение работе в архивах, работе с источниками. Все его исследования являются ярким свидетельством этого. Но наиболее выукло рисуется тщательность и тонкость исследовательской манеры ученого при знакомстве с архивными выписками и подготовительными материалами к работам.

Их в архиве 20 ед. хр. Это тетради с выписками по истории Сибири, подготовительные материалы к работам об истории рабочих батальонов и др. Большой интерес представляют черновые наброски и подготовительные материалы к изданию «Кабальных книг».

Завершают этот раздел отзывы о трудах В. И. Шункова. Их сохранилось в фонде 18. Среди них отзывы академиков и членов-корреспондентов АН СССР С. В. Бахрушина, С. Б. Веселовского, Ю. В. Готье, С. Д. Сказкина; докторов наук Б. Б. Кафенгауза, А. А. Новосельского, А. Л. Сидорова, Н. В. Устюгова.

Во втором разделе архивного фонда В. И. Шункова собраны биографические материалы. Среди них имеются свидетельство об окончании МГУ, дипломы кандидата и доктора исторических наук, члена-корреспондента АН СССР, удостоверения, справки, свидетельства, Почетная грамота Президиума Верховного Совета Бурятской АССР в ознаменование 300-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства.

Большую часть раздела (40 ед. хр. из 108 ед. хр.) составляют юбилейно-поздравительные материалы: письма, телеграммы и адреса в связи с 50-, 60-летием, с избранием в члены-корреспонденты АН СССР и др.

Иллюстративные материалы (28 ед. хр.) представлены 17 фотографиями Виктора Ивановича за 1917—1964 гг., а также фотографиями В. И. Шункова с родными, друзьями, коллегами, учениками. Имеются фотографии конференций, совещаний, в которых Шунков принимал участие. Здесь же хранятся фотографии отца, матери и братьев Виктора Ивановича.

В этом же разделе находятся материалы мемориального характера: некрологи, воспоминания, стенгазета ФБОН «Памяти В. И. Шункова» и др. Большая часть воспоминаний относится к ранним годам жизни В. И. Шункова. Это воспоминания жены брата Виктора Ивановича А. Ф. Шунковой «О семье В. И. Шункова», Ф. Н. Леонова «О студенческих годах В. И. Шункова», Георгиевской, Маниной, Рубинштейн, Фонаревой «Материалы к биографии Виктора Ивановича Шункова 1930—1938 гг.».

Воспоминания жены Виктора Ивановича Т. М. Шунковой рассказывают о большом периоде жизни В. И. Шункова (1924—1945 и 1962—1967 гг.). Они написаны после смерти Виктора Ивановича и состоят из отдельных пяти частей, неодинаковых по охвату времени и объему: «Знакомство» (1924—1928), «Годы семейной жизни» (1928—1938), «У порога большой войны» (1939—1941), «Война» (1941—1945), «Наши костры» (1962—1967). Воспоминания рассказывают нам о методах работы Виктора Ивановича, привычках, увлечениях, о его отношении к жизни, людям, событиям, искусству и т. п.

Особый интерес представляет часть воспоминаний Т. М. Шунковой «Война». Строго говоря, это не воспоминания. Это подобранная автором переписка военных лет Виктора Ивановича с семьей². О событиях тех уже далеких дней рассказывает он сам, делая в письмах с близкими тем, что волновало его на протяжении этих самых тяжелых лет нашей истории. Тут же приведены выдержки из дневника военных лет³.

15 октября 1941 г. Виктор Иванович ушел на фронт добровольцем-красноармейцем в составе Московской дивизии рабочих. «На улицах у военкоматов стояли столы, и к ним потянулись очереди желающих идти добровольцами. Записался и я»⁴. Так обыденно рассказывает Виктор Иванович о своем патриотическом поступке. Затем «в снежный метельный вечер я на трамвае отправился с Калужской в Фили на сборный пункт добровольцев нашего района. Пришли люди из нашего и других академических институтов. Ночью получали оружие. Началась новая жизнь»⁵. В эти тяжелые дни Виктор Иванович, как и миллионы советских людей, считал, что его место на фронте, независимо от того, кем он был в мирное время: «Историей я занимаюсь совсем в другом смысле, вместо того, чтобы ее писать, я ее делаю. Таких историков у нас теперь много»⁶.

И все же, даже находясь в действующей армии, Виктор Иванович оставался историком, педагогом, воспитателем. Его необыкновенная эрудиция и нечеловеческая работоспособность помогли подготовить в трудных условиях целый курс лекций по истории

² Письма В. И. Шункова хранятся у вдовы Т. М. Шунковой.

³ Дневник хранится у вдовы Т. М. Шунковой.

⁴ Архив Академии наук СССР, ф. 1555, оп. 1, ед. хр. 268, л. 27.

⁵ Там же, л. 73.

⁶ Там же, л. 82.

нашей Родины, а также Венгрии, Румынии, Чехословакии. Он постоянно читал лекции по международному положению, о положении на фронтах отечественной войны. Список тем лекций, прочитанных во время войны, включает 30 названий. «Диапазон моих занятий очень широк: от седых дней появления первых славянских народов до последних событий на нашем фронте и американо-японской войны»⁷, — писал он.



В. И. Шунков в Праге, 1945 г.

Надо сказать, что Виктор Иванович постоянно стремился улучшить написанное, добавить новые яркие факты, которые сильнее бы воздействовали на слушателей. Не удивительно, что лекции В. И. Шункова пользовались неизменным успехом. Различные подразделения запрашивали лектора Шункова, заказывали ему лекции. «Начинаю становиться популярным, — шутит Виктор Иванович. — По дороге встретил 3 дозора, из которых каждый узнал по голосу знакомого лектора»⁸. Из воспоминаний мы видим, в каких тяжелых условиях работал Виктор Иванович над разделами, порученными ему в Комиссии по истории Отечественной войны. Одновременно он выполнял и ряд других научных работ.

Находясь на фронте, он как историк понимал значение происходящих событий и важность сохранения материалов, освещающих их. Он пытается осмыслить и зафиксировать происходящее: «В истории человечества немного таких поворотных моментов, как битва за Москву. Мы, историки, чувствуем это особенно остро»⁹. А в другом письме он писал: «Собираю материал и пишу очерк обороны Москвы в октябре — декабре»¹⁰.

Сохранить для истории, для нового поколения быстроменяющиеся события тех дней — вот мысль, которая волновала В. И. Шункова постоянно. Он пытался хоть кратко, но вести дневник, очевидно предполагая впоследствии обработать эти записи. Но сделать этого он не успел.

В. И. Шунков прошел весь путь до дня победы вместе с 40-й армией 1-го Украинского фронта через Румынию и Венгрию. Закончил он войну в Чехословакии в звании майора. 13 июня 1945 г. он демобилизовался и вернулся к своим привычным занятиям.

В этом же разделе помещены и «Воспоминания о последнем дне, проведенном мною с Виктором Ивановичем Шунковым» Т. Д. Скаловской.

В. И. Шунков вел большую научно-организационную и педагогическую деятельность. К сожалению, документальные материалы фонда ни в коей мере не отражают ее. Этот раздел состоит лишь из 53 ед. хр.

Среди материалов редакционно-издательской деятельности хранятся издательские договоры, переписка с издательствами, материалы обсуждения содержания отдельных номеров журналов «Исторический архив», «История СССР», материалы об издании «Истории Сибири» и т. п.

Много сил и времени отдавал Виктор Иванович Шунков подготовке и работе международных и всесоюзных конгрессов, конференций, совещаний, симпозиумов. В фонде сохранилось 11 ед. хр., отражающих эту деятельность. Среди них программы, справки, постановления, пригласительные билеты и пр.

⁷ Там же, л. 41.

⁸ Там же, л. 69.

⁹ Там же, л. 73.

¹⁰ Там же, л. 49.

Педагогическая деятельность в жизни Виктора Ивановича всегда занимала очень большое место. С нее началась его трудовая деятельность, ею продолжал он заниматься, когда перешел на работу в Институт истории АН СССР и ФБОН. Начальную педагогическую деятельность В. И. Шункова характеризуют его статьи, опубликованные в 1926—1929 гг.: «Работа пятой группы в летней школе», «Школьная экскурсия в Крым» (совместно с Т. М. Поповой-Шунковой) и др.

В течение ряда лет Виктор Иванович Шунков был профессором кафедры истории СССР периода феодализма истфака МГУ, вел занятия в Московском государственном историко-архивном институте и Московском институте международных отношений. Большое внимание уделял он разработке программ и тематики работ для студентов всех курсов. В фонде хранятся программы, списки литературы, тематика работ для семинаров на истфаке МГУ по истории СССР до конца XVIII в., палеографии, по «Русской Правде», по «Истории Русского государства в XVI и в начале XVII в.», программа спецкурса «История Сибири» и др.

В последнем разделе личного фонда В. И. Шункова собрана его переписка или, вернее, то, что от нее сохранилось (66 ед. хр.). Это письма самого Виктора Ивановича (черновики и подлинники, полученные от адресатов) и письма разных лиц В. И. Шункову.

Среди корреспондентов и адресатов Шункова советские историки: Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, А. М. Панкратова, А. П. Окладников и др.; руководители библиотек и международных научных ассоциаций разных стран: Брандес (ГДР), Брюкман (ГДР), Зайдель (ГДР), Клифт (США), Мейриа (Франция), Роберт (Англия), Симонс (Англия), Томпсон (Англия), Чиукулеску (Румыния), Фрост (США) и др.

Большой человеческий интерес представляют письма Виктора Ивановича с фронта к Е. Н. Кушевой и Т. Д. Скаловской.

Архивный фонд В. И. Шункова интересен тем, кто захочет заняться изучением проблем, нашедших отражение в научном наследии ученого. Он дает возможность увидеть В. И. Шункова как ученого-исследователя, ученого-организатора и педагога. «Это, был человек широкой культуры и изящного интеллекта, большого внутреннего такта и личного обаяния и, что важнее всего, подлинного душевного мужества»¹¹.

¹¹ Архив Академии наук СССР, ф. 1555, оп. 1, ед. хр. 253, л. 11.

СПИСОК ТРУДОВ А. Е. ПРЕСНЯКОВА

Предлагаемый вниманию читателей список научных и научно-публицистических трудов А. Е. Преснякова составлен по материалам фонда историка, хранящегося в ЛОИИ СССР АН СССР, с учетом опубликованных перечней его трудов¹; проверен по каталогам ГБЛ, ФБОН, ГПИБ и библиографическим справочникам. Список включает авторизованные произведения А. Е. Преснякова по исторической тематике, но не претендует на полноту: за его пределами остались анонимные и псевдонимные статьи из энциклопедий и периодических изданий («Русская энциклопедия», журналы «Филологическая библиотека», «Мир божий», «Жизнь» и др.), принадлежность которых А. Е. Преснякову не подтверждена документально. Не включены в список многочисленные политико-публицистические, искусствоведческие и театрально-критические статьи и заметки, опубликованные в газетах: «Страна» (1906—1908), «Слово» (1909), «Русская молва» (1912—1913), «Русская воля» (1917), «Красная газета» (1925—1927) под псевдонимами: «А. П.», «А. Пр.», «Ал-др Салазкин», «Сандро» и др.

Произведения в списке расположены в хронологической последовательности; внутри годов с учетом характера работ (монографические исследования; научные статьи, заметки и некрологи; рецензии; редакционные труды) — по алфавиту названий.

С. В. Чирков

1893

Царственная книга, ее состав и происхождение. — «Записки историко-филологического факультета Петербургского университета», ч. 31, вып. 2. СПб., 1893, стр. 1—52; отд. изд. — СПб., 1893, 52 стр.

1894

Рец. на кн.: В. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. 2. СПб., [1893]. — «Филологическая библиотека», т. I. СПб., 1894, стр. 30—32.

Рец. на кн.: А. Веселовский. Боккаччо, его среда и сверстники, т. I. СПб., 1894. — «Филологическая библиотека», т. II. СПб., 1894, стр. 93—94 [Подпись: А. Пр.]

Рец. на ст.: М. А. Дьяконов. К истории крестьянского прикрепления («Журнал Министерства народного просвещения» (далее—ЖМНП), 1893, № 7). — «Филологическая библиотека», т. I, стр. 26—28

Рец. на кн.: М. Любавский. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., [1893]. — «Филологическая библиотека», т. II, стр. 76—78

Рец. на кн.: И. А. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. Исследование. М., [1893]. — «Филологическая библиотека», т. I, стр. 20—22

Рец. на кн.: «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», кн. 9. М., 1894.— ЖМНП, 1894, № 12, стр. 434—438 [Подпись: А. П-в]

Рец. на кн.: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. I и II. СПб., 1893.— «Филологическая библиотека», т. II, стр. 73—76

¹ Список трудов в «Известиях Российской Академии наук» (6 серия, т. 14, № 1—18. Пг., 1920, стр. 153—157) и перечень их в некрологе, написанном С. Ф. Платоновым («Известия АН СССР», VII серия, № 2, М.—Л., 1930, стр. 83—86).

1895

Новые данные для изучения московских летописных сводов (*Рец. на кн.: «Летописец Русский (Московская летопись)»*). Подгот. к изд. А. Н. Лебедев. М., 1895).— ЖМНП, 1895, № 6, стр. 466—475

Новый труд по теории исторической науки (*Рец. на кн.: P. L a s o m b e. De l'histoire considérée comme science. Paris, 1894.*)— ЖМНП, 1895, № 1, стр. 188—210.

Рец. на кн.: A. P a w i ń s k y. Sejmiki Ziemskie. Warszawa, 1895.— ЖМНП, 1895, № 10, 328—353

1896

Рец. на кн.: «Летопись занятий Археографической комиссии» (далее — ЛЗАК), вып. 10. СПб., 1896.— ЖМНП, 1896, № 9, стр. 153—162

Рец. на кн.: «Труды 9-го археологического съезда в Вильне 1—14 августа 1893 г.», т. I. М., 1895.— ЖМНП, 1896, № 2, стр. 446—450

1897

Каченовский Михаил Трофимович.— «Русский биографический словарь», т. «Ибак — Ключаров». СПб., 1897, стр. 577—580 [Без подписи]

Рец. на кн.: В. И. Семевский. Из истории общественных течений в России в XVIII и первой половине XIX в. («Историческое обозрение», т. IX. СПб., 1897).— «Новое слово», 1897, № 3, стр. 112—114

1898

Рец. на кн.: А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I. Древняя письменность. СПб., 1898.— «Мир божий», 1898, № 3, критич. отд., стр. 71—74 [Без подписи]

1899

Рец. на кн.: М. А. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898.— «Жизнь», 1899, № 10, стр. 373—379

Рец. на кн.: Ланглуа и Сеньобос. Введение в изучение истории. СПб., 1899.— «Жизнь», 1899, № 7, стр. 380—382

1900

Московская историческая энциклопедия XVI в.— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук» (далее — «Известия ОРЯС АН»), т. V, кн. 3. СПб., 1900, стр. 824—876

Статьи: «Бестужев-Рюмин гр. Алексей Петрович»; «Бестужев-Рюмин гр. Михаил Петрович»; «Бестужев-Рюмин Петр Михайлович.»— «Русский биографический словарь», т. «Алексинский — Бестужев-Рюмин». СПб., 1900, стр. 770—787, 787—796, 797—799

Рец. на кн.: «Русские древности в памятниках искусства, вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова.» СПб., 1899.— «Жизнь», 1900, № 7, стр. 327—329. [Подпись: А. Пр.]

1901

Заметка о лицевых летописях.— «Известия ОРЯС АН», т. VI, кн. 4. СПб., 1901, стр. 295—304.

Мелкие заметки к Воскресенской летописи.— ЛЗАК, вып. 13. СПб., 1901, стр. 1—10. [Отчет о работе по изучению летописания в 1900 г.] в «Отчете о деятельности ОРЯС за 1900 г.».— «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук» (далее — «Сборник ОРЯС АН»), т. 69. СПб., 1901, стр. 38—42

Первый опыт истории русского самосознания (*Рец. на кн.: П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 3. Национализм и общественное мнение, вып. I.* СПб., 1901).— «Известия ОРЯС АН», т. VI, кн. 3. СПб., 1901, стр. 301—317

1902

Архивский летописец.— «Памяти Л. Н. Майкова». [Сб. статей и материалов]. СПб., 1902, стр. 1—14

21 Записка о Новгородской Четвертой летописи. — ЛЗАК, вып. 14. СПб., 1902, стр. 16—

Записка [об издании Симеоновского летописца, открытого и описанного А. А. Шахматовым]. — Там же, стр. 59—62

[Отчет о работе по изучению летописания в 1901 г.] в «Отчете о деятельности ОРЯС за 1901 г.» — «Сборник ОРЯС АН», т. 71. СПб., 1902, стр. 53—58

1903

Петербургская жизнь при Петре Великом. — «В память 200-летия г. Петербурга». [Сб. статей]. СПб., 1903, стр. 158—189

1904

Московское царство и петровская империя. — «Вестник и библиотека самообразования», 1904, № 21, стб. 813—820; № 22, стб. 851—856

С. М. Соловьев. — «Вестник и библиотека самообразования», 1904, № 41, стб. 1515—1520

1905

Декабристы. — «Полярная звезда», 1905, № 1, стр. 43—57

Служилые люди и благородное шляхетство. — «Вестник и библиотека самообразования», 1905, № 18, стб. 546—552; № 19, стб. 595—600

В. Н. Татищев. — «Вестник и библиотека самообразования», 1905, № 37, стб. 1171—1178

Ред.: «Люди Смутного времени». [Сб. статей]. [СПб., 1905], 54 стр. *Предисловие, статьи:* «Смутное время»; «Прокопий Ляпунов»; «Филарет Никитич, митрополит Ростовский, патриарх всея Руси». — Там же, стр. 3, 5—6, 36—38, 49—53.

1906

В поисках народности. — «Полярная звезда», 1906, № 6, стр. 424—432

Накануне народничества. — «Московский еженедельник», 1906, № 32, стр. 39—47

Революционное народничество. — «Московский еженедельник», 1906, № 27, стр. 38—47

Исход великой революции (*Рец. на кн.*: А. Вандаль. Возвышение Бонапарта, т. I. СПб., 1905). — «Полярная звезда», 1906, № 4, стр. 268—277

Сорель. [Некролог]. — «Страна», 26 июня 1906 г.

Рец. на кн.: П. И. Пестель. «Русская правда». Наказ временному верховному правлению. СПб., 1906. — «Страна», 28 апреля 1906 г. [Подпись: А. Пр.]

1908

В. Б. Антонович. (Некролог). — «Слово», 11 марта 1908 г. [Подпись: А. Пр.]

Кормилец, воевода, тысяцкий. — «Известия ОРЯС АН», т. XIII, кн. I. СПб., 1908, стр. 147—174

Н. П. Павлов-Сильванский. (Род. 1869 г.—ум. 1908 г. Некролог). — ЖМНП, 1908, № 11, отд. 4, стр. 11—17

Рец. на кн.: В. О. Ключевский. Краткое пособие по русской истории. — «Слово», 15 февраля 1908 г. [Подпись: А. Пр.]

Рец. на кн.: С. А. Корф. История русской государственности, т. I. Основные черты древнерусского государства. СПб., 1908. — «Слово», 30 января 1908 г. [Подпись: А. Пр.]

Рец. на кн.: «Сочинения Ф. И. Буслаева», т. I. — «Слово», 21 марта 1908 г. [Подпись: А. Пр.]

Рец. на кн.: «Энциклопедия славянской филологии», вып. 12. Е. Ф. Будде. Очерк истории современного русского литературного языка (XVII—XIX вв.). — «Слово», 25 марта 1908 г. [Подпись: А. Пр.]

1909

Княжое право в древней Руси, Очерки по истории X—XII столетий. — «Записки историко-филологического факультета Петербургского университета», ч. 90. СПб., 1909, стр. XIII+303; отд. изд. СПб., 1909, XIII, 303 стр.

Княжое право в древней Руси. Положения к диссертации. СПб., 1909, 3 стр.

Об издании Московского летописного свода по списку Эрмитажного собрания. — ЛЗАК, вып. 21. СПб., 1909, стр. 18—19

- Памяти Ивана Егоровича Забелина. — «Вестник Европы», 1909, № 2, стр. 805—811
- Памяти Ф. Ф. Соколова. — «Слово», 3 июня 1909 г. [Подпись: А. Пр.]
- Полтавская годовщина. — «Слово», 27 июня 1909 г.
- Рец. на кн.:* А. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II (1855—1881). Исторический очерк. М., 1909. — «Слово», 15 марта 1909 г. [Подпись: А. Пр.]
- Рец. на кн.:* А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права. Пособие к лекциям, ч. I. Юрьев, 1907. — «Журнал Министерства юстиции», 1909, № 2, стр. 293—297

1910

- Статьи:* «Теория семейной общины задружного типа в новейшей обработке»; «Новейшая теория отчинного начала и старейшинства»; «Князь и дружина. Общая характеристика княжеской власти»; «Состав и значение дружины: дружинники в роли советников князя и представителей администрации». — *В кн.:* «Киевская Русь». Сб. статей, изд. 2-е, испр. т. I. М., 1910, стр. 114—128, 369—394, 469—476, 492—496
- Рец. на кн.:* В. И. Веретенников. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. Н. Я. Новомбергский. Слово и дело государевы (материалы), т. II. Томск, 1909. — «Журнал Министерства юстиции», 1910, № 2, стр. 278—280
- Рец. на кн.:* «Книга для чтения по истории нового времени», т. I. М., 1910. — «Вестник Европы», 1910, № 5, стр. 418—420
- Рец. на кн.:* «Памятники русской истории, издаваемые под ред. преподавателей русской истории в Московском университете». М., 1910. — «Современный мир», 1910, № 7, отд. 2, стр. 148—149
- Ред.:* Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в удельной Руси («Сочинения Н. П. Павлова-Сильванского», т. III. СПб., 1910, XVI+506 стр.). *Статьи:* «Н. П. Павлов-Сильванский. Биографические сведения»; «От редактора III тома». — Там же, стр. XI—XIV, XV—XVI

1911

- Аксаков Константин Сергеевич. — «Новый энциклопедический словарь», т. I. СПб., [1911], стб. 736—740
- Иван III на Угре. — «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1911, стр. 280—298
- [Из доклада «Н. П. Павлов-Сильванский». — «Отчет о деятельности учебного отдела Общества распространения технических знаний за 1908 и 1909 гг.». М., 1911, стр. 46—51
- Политические настроения русского общества в XVIII столетии. — «Книга для чтения по истории нового времени», т. II. М., 1911, стр. 665—689
- Правительствующий Сенат в XVIII столетии. — «Журнал Министерства юстиции», 1911, № 3, стр. 4—40
- Правительствующий Сенат в царствование Елисаветы Петровны. — «История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911». СПб., 1911, стр. 3—325
- Статьи:* «Дворянский и крестьянский вопрос в депутатских наказах»; «Дворянский и крестьянский вопрос в Екатерининской комиссии». — *В кн.:* «Великая реформа», т. I. М., 1911, стр. 191—203, 204—217
- Издания Сенатского архива (*Рец. на кн.:*) 1) «Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве», 6 вып., 1909—1911; 2) «Сенатский архив», т. XIII и XIV, 1909—1910. — «Вестник Европы», 1911, № 6, стр. 347—348.
- Ред.:* «Русская энциклопедия». СПб., Отдел истории России, т. 1—11, 1911—1916.
- Статьи:* «Академия наук», «Аксаков И. С.», «Аксаков К. С.», «Аксаков С. Т.», «Алексей Петрович», «Александр II», «Александр III», «Антонович В. Б.». — Там же, т. 1², стр. 145—146, 163—166, 224—225, 211—215, 404—405
- S. F. Platonoff. — «Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte», 1911, Bd. II, Hft. 1, S. 152—157

1912

- Статьи:* «Три столетия», «Московское государство первой половины XVII в.». — *В кн.:* «Три века. Россия от Смуты до нашего времени». Исторический сборник. М., 1912, стр. 1—3, 4—84
- Рец. на кн.:* М. Грушевский. Киевская Русь, т. I. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб., 1912. — «Известия ОРЯС АН», т. XVII, кн. I, СПб., 1912, стр. 291—299

² Кроме того, в первом томе А. Е. Пресняков написал еще 45 мелких статей; для остальных томов данные отсутствуют.

Рец. на кн.: Z. K. Goetz. Das Russische Recht. (Русская правда), I—II Bd. Stuttgart, 1910—1911.—ЖМНП, 1912, № 11, стр. 153—167

1913

Декабристы. (По поводу этюдов П. Е. Щеголева).—«Русская молва», 12 апреля 1913 г. [Подпись: Сандро]

Записка [о новом издании Тверской летописи].—ЛЗАК, вып. 25, стр. 25—26
Московское государство. 1500—1650.—«История нового времени», т. 1. СПб., 1913, стр. 669—740

Новинки исторической науки.—«Русская молва», 10 апреля 1913 г. [Подпись: А. Пр.]

Статьи: «Царь Михаил Федорович»; «Власть и население при царе Алексее».—*В кн.*: «Государи из дома Романовых». М., 1913, стр. 20—61, 92—117

Рец. на кн.: И. И. Гливленко. Витторно Альфьери. Жизнь и произведения, т. 1. СПб., 1912.—«Вестник Европы», 1913, № 1, стр. 383—385 [Подпись: А. Пр.]

Новые издания имп. Археографической комиссии (*Рец. на кн.*): «Научный исторический журнал», т. I, вып. 2. СПб., 1913, стр. 132—133 [Подпись: А. Пр.]

Рец. на кн.: «Памятная книжка Сенатского архива». СПб., 1913.—«Научный исторический журнал», т. I, вып. 2, стр. 133—134 [Подпись: А. Пр.]

Рец. на кн.: Пирлинг. Не умер ли католик Александр I? Историческая загадка. М., 1914.—«Вестник Европы», 1913, № 12, стр. 409—411

Подг. к печ. и ред.: «Симеоновская летопись».—«Полное собрание русских летописей», т. XVIII. СПб., 1913. III+316 стр. Предисловие.—Там же, стр. I—III

1914

Россия в царствование императора Николая I.—«Ежемесячный журнал», 1914, № 5, стр. 99—104; № 6, стр. 87—91

Рец. на кн.: Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914.—«Научный исторический журнал», т. II, вып. 3. СПб., 1914, стр. 135 [Подпись: А. Пр.]

Рец. на кн.: И. П. Козловский. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве, т. 1—2. Варшава, 1913.—«Научный исторический журнал», т. II, вып. 1. СПб., 1914, стр. 108—112

Рец. на кн.: М. Поливктов. Из переписки барона А. И. Остермана. М., 1913.—«Научный исторический журнал», т. II, вып. 3, стр. 135—136. [Без подписи]

Рец. на кн.: Г. Г. Тельберг. Правительствующий Сенат и самодержавная власть в начале XIX века. М., 1914.—«Украина», 1914, № 2, стр. 97—100 [На укр. яз.]

1915

Русская история. (Курс младших классов). М.—Пг., 1915, 162 стр.

1916

Кузьма Минин (К 300-летию кончины).—«Биржевые ведомости», утренний вып. 7 мая 1916 г.

Памяти М. Ф. Владимирского-Буданова.—«День», 30 марта 1916 г.
Статьи: «Древнерусское летописание»; «Летописное дело в XIV—XVI вв.».—*В кн.*: «История русской литературы до XIX века». М., 1916, стр. 148—169, 248—270

1917

Историческое общество при [Петербургском] университете в 1916 г.—«Русский исторический журнал», 1917, № 1—2, стр. 144—146

Рец. на кн.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.—Там же, стр. 227—230

Рец. на кн.: П. Шереметев. Вяземы. Град Святого Петра, 1916.—Там же, стр. 225—226

1918

Московское царство. Общий очерк. Пг., 1918, 139 стр.
Киевская Русь.—«Вестник культуры и политики», 1918, № 7, стб. 13—18
Реформа архивного дела.—«Русский исторический журнал», 1918, № 5, стр. 205—

- Россия и Европа (Заметки историка). — «Вестник культуры и политики», 1918, № 4, стб. 13—19
Украина. — «Вестник культуры и политики», 1918, № 9, стб. 5—11
Рец. на кн.: А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917. — «Русский исторический журнал», 1918, № 5, стр. 270—279
Рец. на кн.: П. Е. Щеголев. Петр Григорьевич Каховский. М., 1919. — Там же, стр. 294—298

1919

- Памяти А. С. Лаппо-Данилевского. — «Исторический архив», кн. 1. Пг., 1919, стр. 521—523 [Без подписи]
Рец. на кн.: «Сборник статей в честь М. К. Любавского». Пг., 1917. — Там же, стр. 531—539

1920

- Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. — ЛЗАК, вып. 30. Пг., 1920, стр. VI+494; отд. изд. Пг., 1918, VI+494 стр.; Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». — ЛЗАК, вып. 30, 10 стр. собств. пагинации; отд. изд. Пг., 1920, 10 стр.
Исторические источники и подлинные документы в научной работе. — «Архивные курсы. Лекции, читанные в 1918 г.», ч. 1. Пг., 1920, стр. 1—7
А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель. — «Русский исторический журнал», 1920, № 6, стр. 82—96
Обзоры пережитого. — «Дела и дни. Исторический журнал», кн. I. Пб., 1920, стр. 346—352
Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории. — «Русский исторический журнал», 1920, № 6, стр. 97—111
Удельное владение в княжом праве Великороссии и власть московских государей. — «Дела и дни. Исторический журнал», кн. I, стр. 6—22
А. А. Шахматов. Некролог. — Там же, стр. 611—614
Рец. на кн.: А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. — Там же, стр. 450—453

1921

- Взгляд А. А. Шахматова на древнейшие судьбы русского племени. — «Русский исторический журнал», 1921, № 7, стр. 114—120
Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. — «Архив истории труда в России», т. I. Пг., 1921, стр. 34—47
Труды М. А. Дьяконова по русской истории. — «Русский исторический журнал», 1921, № 7, стр. 8—25
Рец. на кн.: П. А. Валуйев. Дневник 1877—1884. Пг., 1919. — «Дела и дни», кн. 2. Пб., 1921, стр. 225—229
Рец. на кн.: И. А. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920. С. Юшков. К истории древнерусских юридических сборников (XIII в.). Саратов, 1921. — «Книга и революция», 1921, № 1 (13), стр. 45—47
Ред. (совм. с А. А. Шахматовым): «Типографская летопись». — «Полное собрание русских летописей», т. XXIV. Пг., 1921, III+272 стр.

1922

- Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922, 94 стр.
К. Н. Бестужев-Рюмин (К 25-летию со дня кончины). — «Дела и дни», кн. 3. Пб., 1922, стр. 166—172
Завещание Василия III. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пб., 1922, стр. 71—80
Закрепощение в императорской России. — «Архив истории труда в России», т. 4, ч. 1. Пг., 1922, стр. 14—21
В. О. Ключевский (1911—1921). — «Русский исторический журнал», 1922, № 8, стр. 203—224
А. А. Шахматов в изучении русских летописей. — «Известия ОРЯС РАН», т. XXV. Пг., 1922, стр. 163—171
Эпоха Грозного в общем историческом освещении. — «Анналы», т. 2. Пг., 1922, стр. 188—200

- Идеология Священного союза. — «Анналы», т. 3. Пг., 1923, стр. 72—81
 Из потонувшего мира. — «Русское прошлое», кн. 4. Пг.—М., 1923, стр. 82—83 [Подпись: А. П.]
 Крымское правительство в дни унижения. — Там же, стр. 69—70 [Подпись: А. П.]
 Самодержавие Александра II. — Там же, стр. 3—20
 Самодержавие Николая I. — «Русское прошлое», кн. 2. Пг.—М., 1923, стр. 3—21
 Из научной журналистики. *Рец. на кн.*: 1) «Вестник Социалистической академии», № 1—3. М.—Пг., 1923; 2) «Россия и Запад. Исторический сборник», кн. 1. Пг., 1923.—«Анналы», т. 3, стр. 278—284
Рец. (совм. с С. Ф. Платоновым и Ю. Гессеном); «Русское прошлое». Исторические сборники, кн. 1—5. Пг.—М., 1923
 Historical research in Russia during the revolutionary crisis.—«American Historical Review», 1923, January, vol. XXVIII, N 2, pp. 248—257

1924

- Александр Первый. Пб., 1924, 188 стр.
 Экономика и политика в польском вопросе начала XIX века. — «Борьба классов», кн. 1—2. Пг., 1924, стр. 29—49
 Из научной журналистики. *Рец. на кн.*: «Новый Восток» (Журнал Всероссийской научной ассоциации востоковедения, кн. 2. М., 1922; кн. 3. М., 1923). — «Анналы», т. 4. Пг., 1924, стр. 315—317
Рец. на кн.: Г. Ладоха. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923.—«Красная летопись», 1924, № 2(11), стр. 263—264.
Рец. на кн.: Я. Ник улихин. Как и почему мы победили? На фронте гражданской войны (Очерки и воспоминания). Пг., 1924.—Там же, стр. 262
Рец. на кн.: С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пг., 1923.—«Века», сб. 1. Пг., 1924, стр. 179—182
Рец. на кн.: «Революция в Крыму». Исторический сборник Истпарта Крыма № 1 (3). Симферополь, 1924. — «Красная летопись», 1924, № 2(11), стр. 264—265
Рец.: Ros to v t s e f f. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. Id. Les origines de la Russie Kievienne.—«Revue des etudes slaves», II (1922).—«Века», сб. 1, стр. 175—178
 Znajnowszej historjografji Rosyjskiej. Lwów, 1924, 18 s.

1925

- Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925, 98 стр.
 П. Г. Виноградов.—«Красная газета», вечерний вып. 29 декабря 1925 г.
 Восстание декабристов. — «Былое», 1925, № 5(33), стр. 3—27
 Декабристы. (Накануне столетнего юбилея).—«Вестник знания», 1925, № 2, стб. 98—106
Статьи: «Крепостничество»; «Крестьяне». — «Малая энциклопедия профессионального движения и труда». М.—Л., 1925, стр. 252—254; 254—264 [Без подписи]
 Тайные общества и общественно-политические воззрения декабристов. — «Каторга и ссылка», 1925, № 8(21), стр. 35—64
 1905 год. — «Былое», 1925, № 4(32), стр. 3—35
 14 декабря 1825 года. — «Красная газета», вечерний вып. 23 декабря 1925 г.
Рец. на кн.: «Историко-революционный сборник», вып. 2. Группа «Освобождение труда». Л., 1924 и «Группа освобождения труда», № 1. М., [1924]. — «Красная летопись», 1925, № 1(12), стр. 275—278
Рец. на кн.: В. С. Панкратов. Воспоминания. 1880—1884. М., 1923.—Там же, стр. 278—279
Рец. на кн.: «Шестнадцать дней». Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6—21 июля 1918 г.), Ярославль, 1924; «Из истории ярославского белогвардейского мятежа (6—22 июля 1918 г.)». Ярославль, 1922.—Там же, стр. 282—283
Рец. на кн.: S. A s k e p a z u. Uwagi. Warszawa, 1924.—«Международная жизнь», 1925, № 2, стр. 155—158

1926

- 14 декабря 1825 года. М., 1926, 152 стр.
 Мотивы реальной политики в движении декабристов.—*В кн.*: «Бунт декабристов». Юбилейный сборник. Л., 1926, стр. 29—55
 Об архивном образовании. Сводоклад на заседании I съезда архивных деятелей РСФСР 18 марта 1925 г.—*В кн.*: «Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР». М.—Л., 1926, стр. 233—234

Этюды С. Н. Чернова по истории декабристов.— «Былое», 1926, № 1(35), стр. 195—197

Рец. на кн.: Б. Г р а в е. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.—Л., 1926.— «Каторга и ссылка», 1926, № 5(26), стр. 285—287

Рец. на кн.: «Декабристы». Сборник отрывков из источников. М.—Л., 1926.— «Каторга и ссылка», 1926, № 7—8 (28—29), стр. 339—341

Рец. на кн.: «Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». М.—Л., 1926.— Там же, стр. 342—344

Рец. на кн.: «Переписка Николая и Александры Романовых», т. IV. 1916—1917 гг. М.—Л., 1926.— «Каторга и ссылка», 1926, № 4(25), стр. 277—279

Рец. на кн.: А. Н. Ш е б у н и н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. Л., 1925.— «Былое», 1926, № 1, стр. 192—195

1927

Вотчинный режим и крестьянская крепость. (По поводу книги С. Б. Веселовского. «К вопросу о происхождении вотчинного режима»). — «Летопись занятий Постоянной историко-археологической комиссии», вып. 1(34). Л., 1927, стр. 174—192

Задачи синтеза прогисторических судеб Восточной Европы. — «Яфетический сборник», вып. V. М.—Л., 1927, стр. 1—22

Памяти Н. Д. Чечулина. — «Красная газета», вечерний вып. 18 февраля 1927 г.

Предисловие. — «Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880—1885)». М.—Л., 1927, стр. III—X

Рец. на кн.: М. В. Н е ч к и н а. Общество Соединенных славян. М.—Л., 1927.— «Каторга и ссылка», 1927, № 6(35), стр. 251—253

Рец. на кн.: «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы». Л., 1927.— «Каторга и ссылка», 1927, № 7(36), стр. 221—223

Рец. на кн.: «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V. 1916—1917 гг. М.—Л., 1927.— «Каторга и ссылка», 1927, № 4(33), стр. 216—217

Рец. на кн.: «Письма Победоносцева к Александру III» т. I—II. М.—Л., 1926.— «Каторга и ссылка», 1927, № 8(37), стр. 227—229

Рец. на кн.: L. B i l i n s k i. Wspomnienia i dokumenty. 1896—1922. 2 tomy. Warszawa, 1924; I. D a s z y n s k i. Pamietniki. I—II tomy. Krakow, 1925—1926.— «Историк-марксист», 1927, № 4, стр. 260—263

Рец. на кн.: С. К. W e b s t e r. The foreign policy of Castlereagh. 1815—1822. Britain and the European alliance. London, 1925. Н. T e m p e r l e y. The foreign policy of Canning. 1822—1827. London, 1925.— «Историк-марксист», 1927, № 5, стр. 244—246

1928

Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории. «Памяти В. Томсена. Очерки по истории знаний», т. IV. М.—Л., 1928, стр. 35—51

Предисловие.— «Московский адрес Александру II в 1870 г. (Из переписки К. П. Победоносцева с И. С. Аксаковым)». — «Красный архив», 1928, т. 6(31), стр. 144—146

Рец.: Ю. О к с м а н. Одеське «Гніздо Змови» 1825 року. — «Прапор марксизму», 1928, № 1(2), стр. 165—207.— «Каторга и ссылка», 1928, № 7(44), стр. 196—197

1929

Воспоминания Е. М. Феокистова и их значение. — «Воспоминания Е. М. Феокистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Л., 1929, стр. V—XV

1930

Ред. (совм. с В. Викторовым): «Книга для чтения по истории народов СССР», т. I. Харьков, 1930, 309 стр. *Статьи*: «Московское государство XVI—XVII веков»; «Международные отношения России в XVIII в.» — Там же, стр. 26—54, 251—275

1932

Статьи: «Штейнгель В. И.»; «Щапов А. П.»; «Щербатов М. М.» — «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат», т. 50. М.—Л., 1932, стб. 437—439, 545—546, 571—573

1938

Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, 240 стр. *Статьи:* «Речь перед диспутом при защите магистерской диссертации «Княжое право в древней Руси» 19 апреля 1909 г.»; «Задачи синтеза протоисторических судеб Восточной Европы»; «Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории». — Там же, стр. 241—244, 245—259, 260—268

1939

Лекции по русской истории, т. II. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939, 246 стр.

1940

Иоасафовская летопись.— «Исторические записки», т. 8. М., 1940, стр. 242—247

1963

С. М. Соловьев в его влиянии на развитие русской историографии.— «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». Сб. статей. Л., 1963, стр. 76—86

1970

Об изучении русских летописей.— «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 419—432

Письмо А. А. Шахматову 19—22 сентября 1907 г. Публ.— «Материалы научной студенческой конференции МГИИАИ», вып. II. «Источниковедение историографии». М., 1970, стр. 53—54. Ротапринт.

The formation of the Great Russian state. Chicago, 1970, XLII, 414 pp.

БИБЛИОГРАФИЯ АВТОРЕФЕРАТОВ ДИССЕРТАЦИЙ, ЗАЩИЩЕННЫХ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ

(К 40-летию института)

С 1944 г. Ученому совету МГИАИ предоставлено право принимать к защите диссертации и присваивать ученую степень кандидата исторических наук. В 1945—1949 гг. были защищены диссертации, не имеющие авторефератов: И. П. Козлитин. Из истории советского государственного контроля (1917—1922 гг.).— 1945 г.; Ф. С. Горовой. Волнения временнообязанных крестьян Пермского Предуралья в 60-х годах XIX века.— 1946 г.; В. И. Вяликов. Первая Смоленская операция русских войск в 1812 году (22 июля — 5 августа).— 1947 г.; В. Н. Елисеева. Очерки по истории архивов Рязанской области до образования губернского архивного фонда.— 1947 г.; В. Н. Зеленецкая. Крестьянский вопрос в Западном комитете 1862—1864 годов.— 1947 г.; Ф. А. Александров. Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 году.— 1948 г.; К. С. Василенко. Рабочее и социал-демократическое движение в Москве в 1880—1890 гг.— 1948 г.; А. М. Карпачев. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634 (142) года.— 1948 г.; Н. П. Калистратов. Победа Советской власти в Марийском крае и создание советской автономии марийского народа.— 1949 г.; А. И. Горбков. История города Гомеля в советский период (1917—1948).— 1949 г. Всего за период с 1944 по 1970 г. было принято и защищено 152 диссертации. В 1968 г. впервые в истории института состоялась защита докторской диссертации К. И. Рудельсон «Классификация документальной информации государственного архивного фонда Союза ССР. (Исторнография. Современные проблемы)».

В данной библиографии авторефераты расположены в хронологии их публикации, внутри годов — по алфавиту фамилий диссертантов.

М. С. Книжникова

1949

- Н. В. Волков. Большевики в IV-й Государственной думе
Н. И. Князев. Документальные материалы первых советских переписей
Ю. Ф. Кононов. Из истории бывшего Государственного архива (Российской империи) 1801—1917 гг.
А. А. Кузин. Очерки по истории технических документальных материалов (русского чертежа) в дореволюционной России
Н. И. Павленко. Берг-коллегия 1719—1742 гг. (организация управления металлургической промышленностью в первой половине XVIII в.)
Н. Ф. Славин. Крах парламентского маневра контрреволюции в сентябре—октябре 1917 г. (предпарламент)
В. В. Сорокин. Фонд III отделения как источник по истории стачечного движения 70-х годов XIX в.

1950

- В. Л. Бушueva. Социально-экономические отношения чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII—XVIII вв.

- Г. Н. Вульфсон. Борьба вокруг реформы 1861 г. в Казанской губернии
- Г. А. Дремина. Центральный государственный архив древних актов СССР (очерки по истории образования архива)
- Е. И. Каменцева. Новгородские порядные и ссудные записи XVII в. как источник по истории крестьянского закрепощения
- И. И. Корнева. Очерки деятельности Петербургской археографической комиссии по собиранию и изданию исторических памятников в 30—50-х годах XIX столетия
- Н. В. Мансветов. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР 1917—1924 гг. (Организация, структура, функции)
- Д. О. Медведев. Землевладение и сельское хозяйство в Арзамасском уезде в XVII веке
- Ф. Б. Мешман. Московский Совет рабочих депутатов от Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года до Великой Октябрьской социалистической революции
- К. И. Рудельсон. Предметно-тематический каталог документальных материалов в Центральных государственных исторических архивах СССР
- М. С. Селезнев. Документальные источники о рабочем контроле (октябрь 1917 г.—март 1918 г.) по фонду Центрального Совета фабзавкомов г. Петрограда. (К вопросу отбора документов для печати)
- И. З. Чумаков. Основные принципы организации хранения документальных материалов Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане

1951

- Н. В. Бржостовская. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884—1917 гг.)
- А. Г. Долгополов. Ликвидация помещичьего землевладения и первые шаги по социалистическому переустройству сельского хозяйства в Орловской губернии в 1917—1918 гг.
- М. Я. Косенко. Аграрная реформа Столыпина в Саратовской губернии
- Л. Н. Преображенская. Чиншевая реформа 1886 г. в Белоруссии
- М. Н. Шобухов. Системы и методы описания документальных материалов в архивах дореволюционной России (XIX — нач. XX в.)
- Д. М. Эпштейн. Археографическая деятельность Русского исторического общества в 60—80-х годах XIX в.

1952

- Н. А. Алявдина. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. (Из истории организации и комплектования архива)
- Д. Г. Бажеев. Борьба трудящихся Бурят-Монголии за власть Советов в 1917—1920 гг.
- В. К. Бондаренко. Проекты архивной реформы в России 60—70-х годов XIX века
- Н. А. Ивницкий. Колхозцентр СССР и РСФСР 1927—1932 гг. (Организация, функции, структура)
- М. И. Капустин. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции на Северном фронте
- О. М. Медушевская. Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке (50-е — начало 80-х годов XVIII в.)
- А. А. Мухин. Первые шаги рабочего движения в Вятской губернии 1861—1882 гг.
- В. Е. Савельев. Борьба рабочих Ярославской губернии за восстановление промышленности в 1921—1925 гг.

1953

- М. И. Гноев. Подготовка и проведение коллективизации сельского хозяйства в Северной Осетии (1927—1935 гг.)
- Л. Г. Голованова. Московское общество сельского хозяйства. (Очерки по истории русской общественно-аграрной мысли и сельского хозяйства в I-й половине XIX века)
- Г. А. Гречкин. Год великого перелома в колхозном строительстве Белорусской ССР
- С. П. Григорова-Захарова. Торговля железом Голицыных во второй половине XVIII века и ее экономические условия
- Н. П. Ерочкин. Военно-окружная реформа (1862—1864 гг.)
- Т. В. Ивницкая. Документальные публикации по истории борьбы рабочего класса СССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)
- П. И. Макаров. Московская партийная организация в борьбе за осуществление генерального плана реконструкции столицы в 1946—1950 гг. (Жилищное и гражданское строительство)

- М. Д. Рабинович. Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной русской армии в начале XVIII столетия
- А. А. Ураносов. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления Русского централизованного многонационального государства (XV—XVII вв.)

1954

- Б. Н. Бабин. Астраханская партийная организация в борьбе за подготовку и проведение коллективизации рыболовецких хозяйств Астраханского округа 1927—1931 гг.
- М. Т. Белоусов. Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор самоотверженного труда советского народа на помощь фронту в первый период Великой Отечественной войны (На материалах Московской городской партийной организации)
- В. И. Бочарникова. Массовое движение государственных крестьян Западной Сибири в 20—40-х годах XIX века и проект реформы П. Д. Киселева.
- И. А. Булыгин. Крепостное хозяйство Пензенской губернии в последней трети XVIII в. (На примере владений А. И. Полянского)
- З. Н. Есенина. Столыпинская аграрная реформа и крестьянское движение в годы ее проведения в Тамбовской губернии (1907—1914 гг.)
- Г. М. Исаева. Организация Коммунистической партией разгрома интервентов и бело-гардейцев на советском Севере и участие коммунистов и трудящихся Москвы в борьбе за освобождение Северного края (1918—1920 гг.)
- А. Т. Короткевич. Отмена крепостного права в Витебской губернии
- С. К. Крайко. Социалистическое строительство в области промышленности в Витебской губернии в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны
- Г. А. Кулагина. Рабочие уральских заводов накануне реформы 1861 г.
- Ю. Ф. Куликов. «Молодая Россия». Некоторые вопросы революционной тактики периода первой революционной ситуации в России 1859—1861 гг.
- Я. З. Лившиц. Рабочие-металлисты Москвы в борьбе за выполнение первого пятилетнего плана
- Н. А. Орлова. Организация архивов профсоюзов в РСФСР (1917—1941 гг.)
- А. А. Нелидов. Народный комиссариат продовольствия 1917—1918 гг.
- Е. Н. Ошанина. Очерки по истории помещного землевладения и хозяйства в Симбирском крае во второй половине XVII — начале XVIII в. (По материалам архива Позухиных)
- М. А. Пережогин. Борьба Коммунистической партии за развитие Подмосквовного угольного бассейна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны
- Г. К. Смирнова. Неземледельческий отход крестьян Ярославской губернии в конце XIX—начале XX вв.
- И. Ф. Угаров. Московские большевики во главе борьбы пролетарских масс города в 1905 году

1955

- А. И. Азаров. Архивное дело в БССР
- Б. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV—первой половины XVII в. как исторический источник
- Е. И. Вайнберг. Классовая борьба крестьян против крепостничества на южной окраине Русского государства в первой половине XVII века
- И. Н. Владимирцев. Организация документальных материалов Красной Армии периода иностранной военной интервенции и гражданской войны
- Л. П. Грызлов. Публикации документальных материалов в историческом журнале «Красный архив» по истории международных отношений и внешней политики царского правительства в конце XIX — начале XX веков
- С. С. Ивашкин. Участие рабочих в коллективизации сельского хозяйства Мордовской АССР
- И. И. Коган. Металлургическая промышленность Воронежско-Тамбовского края в XVIII веке
- В. И. Кострикин. Борьба партии большевиков за трудящееся крестьянство в период подготовки Октябрьской революции. (На примере центрально-черноземных губерний)
- И. А. Кудрявцев. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в русской историографии
- И. Н. Кунтиков. Крестьянская реформа 1861 года в Нижегородской губернии
- В. Ф. Кутьев. Документальные материалы московских государственных архивов по истории рабочего класса г. Москвы в 90-е годы XIX века (1890—1898 гг.)
- Ю. А. Миронова. Трудовой подъем рабочих текстильной промышленности Москвы и Московской области в годы 4-й пятилетки (1946—1950 гг.)

- В. П. Михайлов. История организации кинофотодокументальных материалов в государственных архивах СССР (1917—1941 гг.)
- С. В. Мокин. Борьба Коммунистической партии за установление мирных, добрососедских отношений между Советской республикой и странами Прибалтики и Польшей (вторая половина 1919 — март 1921 г.)
- В. Ф. Морозов. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за дальнейший подъем материального благосостояния трудящихся в пятой пятилетке (1951—1955 гг.)
- А. И. Нильеве. Борьба классов и партий по аграрному вопросу во II Государственной думе
- И. Ф. Петровская. Поместно-вотчинные архивные фонды XVIII — первой половины XIX в. (К вопросу о систематизации документов)
- М. Ф. Петровская. Административно-территориальные изменения Московской области и комплектование архивных фондов Советов в 1917—1930 гг.
- Г. И. Слесарчук. Хозяйство и крестьяне Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в первой четверти XVIII века
- В. А. Цикулин. Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов СССР (1932—1936 гг.). Из истории государственных учреждений
- В. А. Черных. Методы передачи текста исторических источников в советской археографии

1956

- С. И. Гуревич. Борьба за Советскую власть на Тереке в 1917—1918 гг.
- И. П. Козлова. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за повышение культурно-политического уровня и политической активности крестьянок в конце восстановительного периода (1924—1925 гг.) (По материалам РСФСР)
- В. Р. Копылов. Национализация земли и первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1917—1918 гг. (Исследование исторических источников по Московской губернии)
- Б. Г. Литвак. Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.
- А. С. Московский. Борьба КПСС за развитие активности и творческой инициативы рабочего класса в период развернутого наступления социализма по всему фронту (1929—1932 гг.). По материалам Московской областной партийной организации
- С. М. Троицкий. Финансы и финансовая политика в России в середине XVIII века

1962

- И. А. Миронова. «Записки» И. Д. Якушкина о движении декабристов

1963

- П. С. Преображенская. Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства

1964

- В. Н. Автократов. Управление вооруженными силами России в начале XVIII в. (По материалам Приказа военных дел)
- М. Д. Амосин. Советские речники в годы борьбы за построение социализма (1933—1937 гг.)
- М. И. Вексельман. Документальные источники по истории установления Советской власти в Узбекистане (март 1917 — июнь 1918 г.)
- Т. П. Коржихина. Создание советской государственности и государственного аппарата в Якутии (1917—1922 гг.)
- Р. Я. Окунева. Источники по истории фабрик и заводов в советской литературе 1930-х годов
- Е. И. Черняк. Советские журналы первой пятилетки как исторический источник

1965

- Л. И. Арапова. Трудовая деятельность ленинградцев в период блокады (1941—1943 гг.). Источники, их анализ и приемы издания
- Г. Я. Голенченко. История белорусского книгопечатания XVI—XVIII вв. (Кирилловского)

- В. А. Дубровский. Тува в период Великой Октябрьской социалистической революции
 Л. Ф. Дьяконицын. Революционное движение в Вологодской губернии в 1894—1921 гг.
 В. Н. Иванова. Аграрные отношения на Дону в период Октябрьской революции и гражданской войны (ноябрь 1917 — март 1921 г.)
 М. П. Когтиков а. Укрепление землепользования колхозов в 1938—1941 гг.
 Р. В. Овчинников. Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева
 А. Д. Степанский. Государственный совет в период революции 1905—1907 гг. (Из истории «второго шага по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию»)
 Н. Г. Филиппов. Русское техническое общество (1886—1905 гг.)

1966

- И. Ф. Астраханцева. Трудовая деятельность шахтеров Кузбасса в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Анализ источников и методов их публикации
 А. И. Комиссаренко. Вятское крестьянство в 20—60-е годы XVII века. (К проблеме «Положения крестьян России в период позднего феодализма»)
 Т. В. Кузнецова. Развитие городского хозяйства Москвы 1917—1925 гг.
 Ю. Я. Рыбаков. Правительственная статистика обрабатывающей промышленности России первой половины XIX века как исторический источник
 Л. Г. Сырченко. Документальные материалы деятелей русской литературы в составе государственного архивного фонда Союза ССР. (Проблемы их собирания и научной организации)
 Б. Я. Томап. Борьба латышских стрелков за Советскую власть в 1918 году
 И. А. Чемерисский. Советская страна в борьбе с трудностями, вызванными неурожаем 1921 года

1967

- З. В. Бармина. Документальные материалы Народного комиссариата земледелия СССР как источник по истории сельского хозяйства в предвоенные годы третьей пятилетки (1938 — июнь 1941 г.)
 К. Т. Газалова. Дробление крестьянских хозяйств в Европейской России 1921—1928 гг.
 К. Б. Гельман-Виноградов. История применения перфокарт в СССР и формирование их как нового вида исторических источников (1917—1941 гг.)
 С. М. Гончарова. Краковско-Поронинский архив В. И. Ленина (Материалы о деятельности ЦК РСДРП в 1912—1914 гг.)
 Л. Г. Дубинская. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (По материалам Мещерского края)
 А. В. Елпатьевский. Управление Московской местной промышленностью в 1921—1932 гг.
 И. Ю. Родзинская. Русско-английские отношения 60—70-х гг. XVIII в. (1762—1775 гг.)
 Л. Г. Хромченко. История развития научно-технической информации в СССР и информационная деятельность государственных архивов (1945—1965 гг.)
 В. Д. Чернышов. Промышленность Нижегородской губернии в период восстановления народного хозяйства СССР (1921—1925 гг.)
 Э. Г. Чумаченко. В. О. Ключевский — источниковед

1968

- А. М. Дзидзигури. История колхозного строительства в Абхазии (1929—1937 гг.)
 С. И. Кузьмин. Документальное наследие В. И. Ленина. Проблемы розыска и научного описания ленинских документов. (По материалам государственных архивов СССР)
 В. С. Листов. Советское документальное кино 1917—1919 гг. как источник для исторического исследования. (От Октября до национализации кинематографа)
 М. Т. Лихачев. Министерство продовольствия Временного правительства
 Л. И. Муравьева. История формирования и развития Иркутско-черемховского промышленного комплекса
 Е. Л. Сонечкина. Деятельность ВОИР по развитию массового научно-технического творчества в машиностроении (1959—1965 гг.). Источники. Методы публикации
 Л. С. Терещенко. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. как исторический источник

1969

- Э. Г. Истомина. Новгородская губерния во второй половине XVIII в. Опыт историко-географического исследования
- В. Г. Ломовцева. Народный комиссариат земледелия РСФСР в 1917—1918 гг.
- В. А. Муравьев. Теория феодализма в России в русской историографии конца XIX—начала XX в.
- Л. И. Сачкова. Из истории атеистического воспитания трудящихся Дальнего Востока (1917—1925 гг.)
- Т. М. Смирнова. Реформа высшей школы РСФСР (1917, октябрь 1922 г.).
- Д. И. Сольский. Движение за научную организацию труда. (К истории НОТ в СССР). 1918—1925 гг.
- В. М. Хевролина. Революционное народничество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1878 гг.

1970

- Т. Г. Архипова. Высшие комитеты России 2-й четверти XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической государственности)
- В. А. Клименко. Борьба с контрреволюцией в Москве (октябрь 1917 — июль 1918 г.)
- П. П. Ковалев. У истоков электрификации Советской страны (1918—1922 гг.)
- Р. И. Пиковская. Деятельность советской секции МОПР в 1922—1932 гг.
- С. И. Понамарев. Развитие советской государственности у коми-пермяцкого народа (1925—1940 гг.)
- В. Н. Самошенко. Мемуары советских военачальников о Великой Отечественной войне как исторический источник
- Ю. Я. Синцов. Основные проблемы коллективизации крестьянских хозяйств в СССР в советской историографии 20-х годов

III. ПУБЛИКАЦИИ

«ДАРЕНИЕ АГЕЛЬТРУДЫ» (Частный акт 907 г. из Италии)

Частные акты раннего западноевропейского средневековья сохранились до наших дней в ограниченном количестве и представляют собой немалую историческую ценность¹. Даже в Италии, стране наиболее развитых канцелярий и нотариата, при неугасавшем со времен античности искусстве письма частных актов VIII—X вв. мало; их ищут, берут на особый учет, тщательно исследуют и нередко издают каждый в отдельности².

Несомненно, редкостью и ценностью является частный акт от 11 декабря 907 г. из Камерино, из монастыря Арабона. Мы предлагаем называть его «Дарением Агельтруды» по имени выступающей в нем дарительницы. Это, по-видимому, наиболее древний (возраст его свыше 1060 лет) в СССР частный акт из Италии.

Ныне этот единственный в своем роде документ хранится в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР. Уникальный лист пергамента был приобретен в конце прошлого или в начале текущего столетия академиком Н. П. Лихачевым для своего музея, содержавшего материалы по истории книги, документа и письма и в 20-х годах нашего века переданного Академии наук СССР самим собирателем.

В первых же строках акта о дарении приводится полное определение дарительницы. Агельтруда — дочь беневентского князя Адельгиза, то есть происходит из знатнейшего лангобардского рода. Она — «бывшая» императрица (*olim imperatrix augusta*), вдова императора Гвидо, мать императора Ламберта — сына Гвидо. В момент составления акта Агельтруда — монахиня в монастыре «Нагамбопа», находящемся в Камерино³.

Какова была историческая обстановка в Италии конца IX — начала X в.⁴ и каким на этом фоне представляется историку образ Агельтруды?

IX—X вв. в Италии отличаются чрезвычайно сложным переплетением политических событий, но они недостаточно, а порой и совсем плохо освещены не слишком мно-

¹ Подчеркиваем, что речь идет именно о частных актах, которые, как материал массового характера, менее старательно сберегались, чем акты публичные.

² См., например: «Archivio Paleografico Italiano», vol. I (Roma, 1882—1897); vol. II (*ibid.*, 1884—1907); vol. III (*ibid.*, 1892—1910); vol. VI (*ibid.*, 1906—1924); vol. VII (*ibid.*, 1906—1929). Транскрипции и разъяснения к некоторым таблицам из вышеуказанного «Archivio...» помещены в «Boellettino dell'Archivio Paleografico Italiano», издающемся с 1908 г.

³ Камерино — город в средней части Апеннин, к востоку от Перуджи. Названием Камерино определяли и всю область Камеринской марки, которая входила в состав Сполетского герцогства.

⁴ История Италии этих веков подробно исследована в трудах Л. М. Хартманна и Дж. Фазоли: Ludo Moritz Hartmann. *Geschichte Italiens im Mittelalter*, III. Bd., 2 Hälft.: «Die Anarchie». Gotha, 1911; Gina Fasoli. *I re d'Italia (888—962)*. Firenze, 1949. Работа Т. Лепораче (T. Leporace. *L'imperatrice Ageltruda*. — «Samnium», fasc. 1—4, 1936), посвященная специально Агельтруде, осталась нам недоступной.

гчисленными источниками. Папство и империя, некоторые могущественные феодальные княжества, такие как Фриуль, Тоскана, Сполето, Беневент и др., значительные городские центры: Павия, Верона, Пьяченца, Милан, Лукка, Неаполь, Рим и др.— все пребывало во взаимодействии или, чаще, в борьбе. Бичом италийцев (*Italienses*) долгое время были набеги на их земли сарацинов с юга и несколько позднее (с конца IX в.) — зенгров с северо-востока. Страна была разорена и жила в постоянном страхе; горожане и сельское население, феодалы и короли не смогли достичь необходимой для спокойного существования сплоченности; прочного государства в Италии и вовсе не было. В течение всего периода между последними Каролингами и первыми Оттонами Италия не выходила из политической неопределенности и неустойчивости.

На таком фоне — он-то преимущественно и получил отражение (хотя и скудное) в источниках — не могло, конечно, прогрессировать экономическое состояние страны. В различных ее районах, особенно после сарацинских или же венгерских набегов, оно нередко приближалось к катастрофе. Один из писателей тех времен Эрхемперт, продолжатель Павла Дьякона, суммируя горестное впечатление от общего положения в стране, применил литературный прием кратких, но выразительных и резко контрастных антитез: он сожалел, что ему приходится показывать «не возвышенную царственность, а падение» (автор имел в виду политическую жизнь); «не благоденствие, а нищету» (автор характеризовал экономику); «не триумф, а гибель» (политическая сторона); «не пруспекция, а ущерб» (экономическая сторона); «не превосходство, а подчинение» (политическая сторона)⁵. Такая картина представляет — что, впрочем, обычно при рассмотрении истории давно минувшего прошлого — далеко не полное содержание исторического периода. Несомненно, что тогда же продолжалось непрерывное развитие ряда итальянских городов и создавался в них фундамент будущих городских коммун; в соперничестве друг с другом укреплялись могущественные феодальные династии и росло крупное землевладение; набирали силы церковные организации, и власть епископов противостояла тяжелой для трудового населения власти феодалов. В трудные IX—X вв. истории Италии, несмотря на все бедствия того времени, накапливались экономические, политические и социальные силы для подъема грядущих XI—XII вв.

В 888 г. умер император Карл III, последний Каролинг, объединявший под своей властью заальпийские владения и Италию. Тогда наступило время «местных» италийских королей, которые короновались в Павии, а некоторые добивались императорской короны в Риме. Первым таким италийским императором стал Гвидо (*Wido, Uuido, Guido*), герцог Сполето и Камерино, один из сильнейших феодалов Средней Италии (впрочем, происходивший из разветвившегося рода Каролингов). 21 февраля 891 г. папа Стефан V увенчал его и жену его Агельтруду императорской короной в Риме. В следующем году был коронован императором сын Гвидо и Агельтруды Ламберт. Создание соправителя свидетельствовало о намерении основать сполетскую династию Гвидонов. Отец и сын правили недолго: Гвидо умер в 894 г., Ламберт в 898 г. После них долгое время оставался королем герцог Фриуля, Беренгарий I, ставший императором лишь в 915 г. (ум. в 924 г.).

Агельтруда, правда в течение недолгого времени, была одной из заметных фигур раннесредневековой истории Италии; она проявила свое влияние в области политики, особенно после смерти Гвидо, в пользу правившего после него Ламберта. Это был период, когда ряд женщин, близких к власти, показали себя выдающимися политиками. Такова была императрица Ангельберга, вдова Людовика II, к которой — пожилой монахиней — приезжали за советом князья и короли; такова была тосканская марк-графиня Берта, мать италийского короля Уго, оказавшая значительное воздействие на события своих дней; такова была римлянка Мароция, умевшая направлять дела папской курии... Можно указать на три случая, когда Агельтруда проявила умение ориентироваться и действовать в окружавшей ее политической обстановке, о чем и остался след в источниках.

Имея много сторонников среди знати и населения Рима, она (в 896 г.) организовала защиту города от явившихся из-за Альп войск короля Арнольфа, претендента на

⁵ Erchemperti *Historia Langobardorum Beneventanorum*, cap. I. — «*Monumenta Germaniae historica*» (далее — *MGH*). *Scriptores rerum Langobardicarum*. Hannoverae, 1878, p. 234—235.

императорскую корону, когда в Италии уже был императором сын Агельтруды, Ламберт; последний спешил со своими полками к Риму с севера. По приказанию его матери были захвачены и заперты все ворота римских городских стен. Арнольф решился на штурм (небывалое дело — силой ворваться в священный город, добываясь коронования в почитаемой базилике св. Петра, собираясь преклониться перед главой западноевропейской церкви!) и венчался императорской короной в соборе св. Петра. Агельтруда ушла из Рима, а Арнольф не был признан главой империи и вскоре умер⁶.

Намереваясь продолжать политику своего мужа, который стремился присоединить княжество Беневент к Сполетскому герцогству, Агельтруда сумела укрепить на беневентском престоле своего брата (в 897 г.) и таким образом добиться полного союза Гвидонов с Беневентом⁷.

И, наконец, очевидно участие Агельтруды в замыслах относительно реформ во внутреннем устройстве государства своего сына. Кое-какие из этих планов были осуществлены (меры по обузданию власти феодалов над городами, некоторая защита населения от феодальных поборов).

Кроме того, имя Агельтруды встречается в королевских и императорских дипломах⁸ за период с 891 по 912 г. Эти документы содержат: а) подтверждения прав Агельтруды на ранее дарованные ей земельные владения; б) дарования ей новых владений — поместий, монастырей; в) ходатайства Агельтруды в поддержку лиц, получающих земли или привилегии; г) выступление Агельтруды в королевском суде.

Упомянутые дипломы (их всего 17) свидетельствуют, что императрица и при жизни мужа и сына и после их смерти была владелицей значительных земель.

Позднее 912 г. среди сохранившихся до нашего времени источников имя Агельтруды более не называется.

По диплому короля Беренгария I, изданному 1 декабря 898 г. после смерти императора Ламберта, Агельтруда получила полное подтверждение прав на всю свою земельную собственность, признанную за ней предшествовавшими государями, и особо на территории в Сполетском герцогстве. Это были, по-видимому, земли из родового наследия Гвидонов. На них, как указано в дипломе⁹, теперь построены два монастыря: один в пределах Камерино (или всей Камеринской марки), прозванный «Арабона», другой в округе Ассизи, прозванный «Флумен» (flumen — река).

Монастырь Агабона (Agambona, Rambona, Nagambona) и есть тот самый монастырь в Камерино, где жила монахиня-императрица Агельтруда и где 11 декабря 907 г. был написан исследуемый нами акт.

Документ 907 г., называемый нами «Дарением Агельтруды», представляет собой лист пергамента трапециевидного очертания: длина его равна 29 см, ширина сверху — 16 см, внизу — 17,5 см. Пергамен не из тонких, был когда-то светлый и гладкий, но со временем, из-за неровности температуры, то сырости, то излишней сухости воздуха, несколько сжался и покрылся сетью мелких складок, выпуклостей и вдавленностей. Вся поверхность листа занята письмом (41 строка), кроме расстояния между подписями свидетелей и подписью писца, которое, быть может, было оставлено для следующих свидетельских подписей; полей нет. Расстояния между строками невелики, строки не прочерчены и не совсем горизонтальны: кое-где они поднимаются (к правому краю пергамента), кое-где изгибаются слабой дугой, к середине выше, к краям ниже. Общий рисунок почерка довольно ровный и аккуратный, слегка наклонный вправо; с первого же взгляда он производит впечатление книжного письма, и только выделяющиеся внизу подписи и промежуток между ними и подписью нотариуса заставляют сразу же отбросить

⁶ «Annales Fuldenses». Ed. Fr. Kurze.— MGH. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum. Hannoverae, 1891, p. 127—128; «Catalogus regum Langobardorum et Italicorum».— MGH. Scriptorum rerum Langobardicarum, p. 512.

⁷ «Catalogus regum Langobardorum et ducum Beneventanorum».— MGH. Scriptorum rerum Langobardicarum, p. 494—495.

⁸ Дипломы Гвидо, Ламберта, Беренгария I изданы Л. Скьяпарелли: Luigi Schiaparelli. Diplomi inediti del secolo IX.—X.— «Bollettino dell'Istituto storico Italiano», N 21. Roma, 1899; i d e m. Il Rotolo dello Archivio capitolare di Novara.— «Archivio storico Lombardo», anno 27, fasc. 25. Milano, 1900; i d e m. I diplomi di Berengario I. Roma, 1903; i d e m. I diplomi di Guido e di Lamberto. Roma, 1906.

⁹ Luigi Schiaparelli. I diplomi di Berengario I, p. 66, doc. XXII.

мысль о листке средневекового кодекса. В начале текста поставлен едва заметный схематический хрисмон с росчерком направо; в конце текста, в левом нижнем углу пергамена, на предпоследней строке изображен нотариальный знак. Чернила побледневшие, рыжевато-коричневого цвета. Левый верхний угол и частично правый край (концы 1—4, 13, 14-й строк) пергамена залиты коричневой прозрачной жидкостью (клей?, чернила?)¹⁰. В разных местах на лицевой поверхности заметны три желтовато-коричневых пятна как бы от прикосновения загрязненных (той же жидкостью) пальцев или от упавших сюда капель. оборот пергамена чистый, кроме нижней левой части, где имеется расплывшееся пятно от той же коричневой жидкости. На оборотной стороне листа видны складки: одна средняя вертикальная сверху донизу и восемь горизонтальных. Судя по этим складкам, документ был сложен восемь раз по горизонталям и затем перегнут один раз пополам. На одной из получившихся небольших поверхностей этого сложенного пакета нанесена слабо различимая надпись из трех слов — ныне это дорсальная надпись на обороте: *imprx dna Ageltruda*, то есть *imperatrix domina Ageltruda*. Почерк дорсальной надписи сходен с почерком текста, только буквы выписаны тщательнее и крупнее.

Таков внешний вид исследуемого документа, каким он рисуется при общем его обозрении (см. рис. 4).

Содержание акта 907 г. состоит в следующем. Императрица Агельтруда, в момент составления акта — монахиня монастыря Арабона в Камерино, обладает всеми необходимыми юридическими основаниями (они выражены в статьях лангобардского закона и в императорских дипломах), соответственно которым ей разрешается распоряжаться своим имуществом. Опираясь на закон своего народа¹¹ и на дипломы мужа и сына, Агельтруда объявляет свою волю: для спасения души — своей и обоих императоров — она отдает монастырю св. Евтихия в Кампли (в лице его аббата Майона и монахов) принадлежащее ей поместье¹², расположенное в Робельяно, в округе города Иези, с церковью, домами и кельями, с полями и виноградниками. Дарительница желает, чтобы при даруемой церкви поселился пресвитер Петр и совершал в ней богослужение, молясь о всех членах императорской семьи — о Гвидо, Ламберте и о самой, еще здравствующей, Агельтруде. Если Петр не согласится на это условие, то дарованные угоды тем не менее останутся во владении (*in potestate*) названного монастыря.

Это содержание изложено на латинском языке с весьма шатким грамматическим строем. Если язык Павла Дьякона (умер около 799 г.), образованного человека своего времени, отличался ясностью и простотой, то этими качествами едва ли мог обладать язык провинциального монаха — составителя акта 907 г. Для одного из монастырей Камеринской марки этот местный нотариус был, конечно, неплох, и мы, спустя более тысячи лет после его работы, вполне способны понять его изложение, однако грамматических несогласованностей и прямых ошибок в его, казалось бы, старательно обработанном тексте много¹³. Мы не присоединимся, однако, к слишком суровому осужде-

¹⁰ На фотографии это пятно густо-черного цвета. На оригинале же сквозь это (коричневое) пятно проступают написанные слова.

¹¹ В тексте акта 907 г. дважды (строки 5—6 и 31—32) упомянут закон лангобардов и, по-видимому, предусматривается глава 204 эдикта Ротари, в которой сказано, что ни одна свободная женщина (*mulier libera*), живущая по закону лангобардов, не может поступать по собственному решению (*in sui potestatem arbitrium, id est seipsum vivere*); она обязана всегда быть под властью мужчин или короля и без их воли не имеет полномочия дарить или отчуждать что-либо из своего имущества, движимого или недвижимого (... *semper sub potestatem virorum aut certe regis debeat permanere, nec aliquid de res mobiles aut immobiles sine voluntate illius, in cuius mundium fuerit, habeat potestatem donandi aut alienandi*)—MGH, Legum, t. IV. *Nannoverae*, 1868: «*Capitula edicti Rothari*», ed. Fr. Bluhme, p. 50.

¹² Про это имущество мимоходом сказано, что оно перешло к Агельтруде по акту (*cartula*) от Даизельгарды; о последней, кроме имени, ничего больше не сообщается. По-видимому, в местах, где было расположено даруемое имение, роль этого лица была понятна. Имя *Daiselgarda* читается полностью на одной из хорошо сохранившихся, неповрежденных строк нашего документа. В документах этого же времени встречается название «*Camplia*» (L. Schiaparelli. *Documenti inediti dell'Archivio capitolare di Piacenza*. Padova, 1901, p. 10—11, a. 892, Jup. 29—30; in casale *Camplia*).

¹³ Не беремся судить специально о том, какие именно отклонения от правильности в языке нотариуса акта 907 г. можно было бы отнести к элементам начинающего народаться из старой латыни нового языка его страны.

нию, высказанному первым издателем текста, полагавшим, что латынь акта погружена «в густой мрак варваризмов»¹⁴, ни к одному из последующих издателей, заявившему, что тексты подобного рода, даже анализируемые по оригиналу, всегда «трудны для интерпретации»¹⁵. Мы просто продемонстрируем для характеристики текста особенности, неточности и некоторые ошибки нашего писца и нотариуса.

У него нередко встречается смешение падежей, неверное их употребление, например (попадающееся и в других документах X в.) соединение именительного с творительным (или дательным): *domnus Guido et Lambertus imperatoribus*¹⁶. Столь же часто наблюдается отсутствие падежного согласования местоимений и прилагательных с существительными. Например: *quem cartula; huius cartula; iamdicti imperatorum*. Попадают случаи неправильного управления глаголов падежами. Например: *habuisse licentia et potestate; fuerunt virum adque filium*. Неправильно ставятся падежи после предлогов. Например: *abbas... cum alii fratres regulariter viventes; ... in potestate de ipso... monasterio vel de ipsos monachos; mihi... per cartula evenit; uti vellet de res suas*. Бывает неясна грамматическая связь между словами. Например, два раза употребляется сочетание слов *edictum* (может быть *edictus*) и *lex* в подобном виде: *sicut (или pro qua) in edicti lex Langobardorum continet pagina*. Предлог *a*, *ab* превращается в *ad*. Например: *rogatus ad suprascripta domna; rogatus ad domna*.

Нарушается форма глагола — при местоимении 1-го лица ед. ч. глагол дается в 3-м лице ед. ч., например *ego... dedit vel iudicavit; ego... tradidit et dedit; manifesta ets me... que fuit relicta... qui modo in domo permapeo*.

В правописании есть такие особенности: добавляется буква «h» перед «o» в словах *oratorium — horatorium, obedientia — hobedientia, orationes — horationes, olim — holim*. Наоборот, иногда буква «h» снимается: *abitus* вместо *habitus*.

В написании мужских имен собственных соблюдаются окончания на гласную (o, u): *Aifredo, Trevuno, Treseiu, Gregorii*. В написании имени *Ageltruda* не употребляется форма *Ageltrudis*; имя отца *Агельтруды* дается в склоняемой форме *Adelgisus*, но не *Adelchis* (несклон.); имя императора *Гвидо* пишется всегда *Guido*, тогда как в других источниках чаще принято *Wido*, или же *Uuido*.

Под влиянием греческого произношения, звучавшего в южной Италии, *Беневент* (*Beneventum*) пишется *Veneventum*¹⁷; глагол *habeat* дан в виде *haveat*.

Каково же письмо документа 907 г.?

Как известно, итальянское письмо VIII—IX вв. не удается ни подвести под один общий тип, ни найти в нем хотя бы некоторые общие типические черты. В соответствии с весьма сложной и переменчивой историей Италии этих столетий здесь проявлялись многие культурные течения, в разных местах преобладали разные культурные тенденции; в области письма возникали разнообразные вкусы, стили, навыки. Один вид письма укоренился в ряде лангобардских городских центров (*Павия, Пьяченца, Верона* и др.); иной, преимущественно книжный, выработался в крупных монастырских скрипториях (*Боббьо, Нонантола, Фарфа, Монте Кассино* и др.); великолепное, специально отработанное письмо отмечалось в продукции папской канцелярии и, параллельно, в канцеляриях королей и императоров. Если к этому добавить возможное влияние со стороны давних византийских городов (*Равенна, Бари* и др.) и некоторое воздействие на Италию арабского мира, то вполне можно согласиться с ярко выраженным выводом *О. А. Добнаш-Рождественской* о том, что в Италии все это разнообразие «вызывало непрерывное культурное возбуждение и перекрестный вихрь пестрых графических потоков»¹⁸. Однако письмо, исследуемое нами, хотя и относится по времени к концу перио-

¹⁴ «...fra una densa caligine de barbarismi». — Это писал Помпео Компаньони в 1661 г.

¹⁵ «...un genere di documenti che, visti anche in originale, son sempre di difficile interpretazione». — Так писал Марко Табарини в 1870 г.

¹⁶ Мы не указываем строк ввиду краткости текста, в котором легко найти любое из указываемых мест.

¹⁷ *Veneventum* фонетически соответствует византийскому Βενεβενδός (см.: *Constantini Porphyrogeniti De administrando imperio*, с. 27, 29). Как известно, в южных частях Италии был довольно широко распространен греческий язык.

¹⁸ *О. А. Добнаш-Рождественская. История письма в средние века. М.—Л., 1936, стр. 123.*

да «перекрестного вихря», уже выпадает из него. Документ 907 г. представляет собой образец того универсального, всегда удобного и ясного¹⁹ письма, которое, заняв господствующие позиции в романо-германской Европе, почти всецело и в Италии заменило собой предыдущие «пестрые графические потоки». Это письмо—карлингский минускул, в данном случае довольно крупный и широкий (иногда слова написаны раздельно по слогам: *cop-fir-ma-vegunt* и др.), с нажимом, с соблюдением исключительно минускульных форм в рисунке букв. Очевидно, Агельтруда располагала в своем монастыре Арабона писцом, изучившим минускульное письмо и писавшим только им; возможно, что акт был составлен и написан обычным в монастырях лицом, а именно — переписчиком книг, которому и поручили написание акта. Этот писец по имени Григорий, именующий себя нотарием, естественно сохранил характер книжности в почерке, которым он написал акт «Дарение Агельтруды». Не исключено также и то, что бывшая императрица, удалившись в монастырь, сохранила часть своей ближайшей свиты, среди членов которой был и нотариус.



Рис. 1. Хрисмон (перед началом текста)

Отметим некоторые заметные черты отдельных букв:

Буква «а» исключительно минускульная, то есть ясной унциальной формы; курсивного открытого «а» нет.

Буква «b» короткая, широкая, без утолщения «дубинки» и без петли вверху вертикали.

Буква «d» либо прямая (курсивная), либо круглая (унциальная).

Буква «g» отличается некоторым разнообразием рисунка, но ее верхний элемент— всегда закрытый кружок.

Буква «i» иногда в виде вытянутой выше строки длинной вертикали.

Буква «l» обычна, но изредка имеет внизу удлинненную горизонталь вправо, что придает букве сходство с капитальной. Наряду с этим встречающегося иногда в минускуле капитального «N» нет.

Буква «г» двух видов: а) с «плечом», иногда значительным по длине, отходящим вправо от верхнего конца вертикали, которая спускается слегка ниже строки, загибаясь в отдельных случаях влево; б) так называемое круглое «г», от основания вертикали которого отходит вправо по строке горизонтальный элемент (род нижнего «плеча»).

Буква «s» только длинная, почти всегда не ниже строки; второй элемент буквы (расщепление ее хвасты наверху) имеет склоняющийся вправо завиток²⁰.

Из дипломатической характеристики нашего частного акта можно отметить следующее:

Перед началом текста поставлен хрисмон, стилизованный в виде длинного «I» с расчерком направо (см. рис. 1). За ним следует словесная инвокация: *In nomine patris et filii et spiritus sancti*.

Хронологическая дата содержит указание на год (*ab incarnatione...*), месяц и число, а также индикт (год 907, день 11 декабря, индикт XI). Византийский индикт, принятый в Италии, начинался с 1 сентября; следовательно, хотя 907 г. сочетался с X индиктом, в течение сентября — декабря этот год сочетался уже с XI индиктом. Локальная дата содержит указание на Камерино (город или вообще Камеринскую марку) и на монастырь Арабону.

¹⁹ «*Littera comunis et legibilis*» («общеупотребительное и удобочитаемое письмо») — так будет названо это письмо в XIII в. в одном из постановлений Фридриха II Гогенштауфена (см. там же, стр. 159).

²⁰ Книжное, как мы указали, письмо писца Агельтруды Григория интересно сравнить — хотя и в самых общих чертах — с рядом образцов письма кодексов, содержащих знаменитое сочинение Павла Дьякона «*Historia Langobardorum*». Эти образцы из восьми рукописей VIII—X веков приведены на четырех таблицах в издании текста Павла Дьякона (MGH. *Scriptores regum Langobardicarum*). Здесь представлено богатое разнообразие италийского каролингского минускула. В общем рисунке письма и в формах отдельных букв наш провинциальный камеринский писец обнаруживает некоторое сходство с третьим образцом на табл. 11, где даны примеры почерков из *Codex Narniensis* (A. K. S. 2158, fol. 50), написанного в Италии.

О содержании и расположении частей акта уже говорилось выше. Своеобразна интитуляция или «superscriptio» дарительницы, в которой она выступает как императрица в прошлом и монахиня в настоящем. Изложение существа дела начинается таким объявлением: «Manifesta est me, Ageltruda, olim imperatrix... relicta veste religionis induta...» Охранительная формула («semper imperpetuum ibi firmum et stabile permaneat») сопровождает решение совершить дарение, причем повторена ссылка на лангобардский закон о праве монахини распоряжаться своим имуществом и на предоставленное ей разрешение со стороны мужа и сына.

В конце акта выясняется его название. Он определен как «cartula testamenti»; здесь слово «testamentum» не значит завещание, а обозначает лишь наличие свидетелей

(testes), подтверждающих решение, выраженное в акте²¹. В одной из новых работ, посвященных анализу раннесредневековых грамот²², имеется исследование мерovingского документа VII в., представляющего собой грамоту о дарении церкви и поместья монастырю, основанному дарительницей, имя которой Евстадиола²³. В этой дарственной грамоте Евстадиолы заметны черты сходства с нашим документом 907 г.; в ней говорится о согласии сына (cum consilio et voluntate unici filii mei) на дарение, совершаемое матерью; зафиксированное актом дарение сопровождается «санкцией» (формулой угрозы ка-

рой, штрафом); текст заключается подписями заказчицы и свидетелей. При этом документ назван epistola concessionis, а в копии он определен как testamentum Eustadiole, то есть его название совпадает по смыслу с названием «Дарения Агельтруды».

Текст акта 907 г. заканчивается объявлением, что призванный (rogatus) Агельтрудой нотариус Григорий написал эту «cartula testamenti» в вышеуказанный год, месяц и индикте. Акт заключается словом «feliciter», то есть сокращенно выраженной формулой, обычно завершающей торжественные тексты королевских и императорских дипломов в таком полном ее виде: «In dei nomine feliciter amen».

Вслед за словом «feliciter» начерчен на строке необычный знак (см. рис. 2), ныне затемненный пятном от коричневой прозрачной жидкости, а за ним написанная тем же почерком, что и весь текст, подпись Агельтруды: «Signum manus domne Ageltrude olim imperatrix, qui hac cartula testamenti fieri rogavit»; за этими словами — «ss» (subscripti) с длинным росчерком. Был ли упомянутый знак подлинным знаком императрицы, утверждать трудно — аналогий мы не имеем и едва ли их можно отыскать. Проще другое объяснение — писец мог начертать эту буквообразную завитушку, чтобы ею закончить текст акта, после чего приступить к подписям сначала заказчицы документа, затем свидетелей. Но и это соображение не безусловно, хотя и обыкновенно. Однако подобные разделительные знаки («параграфы») ²⁴, нередко употребляемые для разбивки текста, не имеют столь сложного рисунка, как этот, предполагаемый нами, но не доказанный как таковой, знак Агельтруды. Она была в свое время весьма видной политической фигурой и могла иметь свой знак, который сохранился за ней, когда она стала монахиней, но всегда оставалась «olim imperatrix».

Далее стоят подписи (собственноручные?) трех свидетелей — Aifredo, Trevuno, Treseiu — с одинаковой формулой после каждого имени: rogatus ad domna Ageltruda imperatrix, manu mea subscripti».

Акт завершается подписью нотариуса Григория с его нотариальным знаком (см. рис. 3).

²¹ Cp. D u s a n g e. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, s. v. testamentum; «Donatio seu potius charta quae in donationis ac largitionis argumentum conscribitur. Charta testium subscriptionibus firmata».

²² K. H. D e b u s. Studien zu merovingischen Urkunden und Briefe. Untersuchungen und Texte.—Archiv für Diplomatik, Schriftgeschichte, Siegel- und Wappenkunde», Bd. 13. Köln — Graz, 1967, S. 1—109.

²³ Ibid., S. 57—66, 98—100.

²⁴ Ср., например, образцы таких «параграфов», которые приведены в словаре латинских и итальянских сокращений, изданном А. Каппелли в серии «Manuali Hoerpli» (Dizionario di abbreviature latine ed italiane. A cura di A. Cappelli. Milano, 1899, p. 366 и повторные издания).

Документ 907 г. из Камерино известен давно. Впервые он был издан в 1661 г. Помпео Компаньони²⁵, описавшим территорию римской области Писепин, соответствующую позднейшей Анконской марке. Автор пишет о том, что в раннесредневековой Италии население жило по законам римскому, лангобардскому, салическому, причем было принято указывать, какому именно праву подчиняется то или иное лицо, участвующее в сделке. Как образец такого указания Компаньони и приводит текст «Дарения Агельтруды»²⁶, в котором говорится о Лангобардском эдикте (или Эдикте короля Ротариса от 643 г.) в связи с тем, что Агельтруда, дочь беневентского правителя, жила по лангобардскому праву. Текст, не интересовавший издателя как исторический источник, прочитан небрежно: название монастыря, быть может уже не существовавшего в XVII в., передано неверно — Natabene; имя Daiselgarda прочтено Daiselgarda, хотя, казалось бы, спутать буквы «г» и «s» трудно; имя отца Агельтруды, Адельгиза, вовсе пропущено, а имена свидетелей искажены.

Следующее издание «Дарения Агельтруды» выпущено Л. А. Муратори в 1741 г.²⁷ Совершенно ясно, что по какой-то случайности крупнейший историк Италии, знаток средневековых текстов и неустанный их публикатор, не уделил внимания документу 907 г. Текст его напечатан более чем небрежно и в таком виде никак не может служить опорой для изучения этого памятника X в. Отметим среди многих других ошибок прочтение названия монастыря — Natabene (как у Компаньони), искажение имени Daiselgarda, которое прочтено — da Irilgarda, искажение имен свидетелей.

После изданий XVII и XVIII вв. появилось еще одно издание 1870 г. в связи с публикацией материалов по истории города Фермо в Анконской марке²⁸. В серии из более чем 600 документов, напечатанных Марко Табарини в этом издании, документ 907 г. занимает первое место, и текст его приведен полностью под названием «Donatio Ageltrude olim imperatricis». Это — единственный документ X в., за ним следует документ 1010 г. Табарини издал текст с ошибками, потому что, по его словам²⁹, он пользовался копией, далекой от совершенства («iua coria, certamente tutt'altro che perfetta»). Когда он прибег к публикациям Компаньони и Муратори, то увидел, что и они не отличаются большой точностью («...con non troppa esattezza»); по-видимому, Табарини пытался кое-что подправить в тексте, заявив, что подобные документы, даже в оригинале, трудны для понимания («...anche in originale son sempre di difficile interpretazione»). Как и предыдущие публикаторы, Табарини прочитал (вернее — повторил) название монастыря как Natabene, а имя Daiselgarda как Damelgarda; к именам Gregogiu и Treseiu добавил конечные «s», имя Aifredo исправил на Alfredo и сделал еще много исправлений (а может быть нашел их в своей копии) мелкого порядка: вместо Langobardorum написал Longobardorum, вместо Hesinato — Hesino, вместо qui, pro, adque, quem — que, per, atque, quat и т. п. О предполагаемом знаке Агельтруды он не упомянул и не указал его в тексте. Однако он отметил, что оригинал документа 907 г. существует в Веллетри в музее семьи Борджа (nel Museo Borgia), хотя съездить туда для исследования интереснейшего текста и для пользы своего издания, очевидно, не имел возможности.

В то самое время, когда Табарини готовил тексты для издания 1870 г., именно в Веллетри некто синьор Корвизьери (ни его имя, ни инициалы не сообщаются), по поручению графини Алькмены Борджа Кумбо, по-видимому, владелицы архива, где хранился документ 907 г., прочитал почти без неточностей текст «Дарения Агельтруды» (до-



Рис. 3. Знак нотария

²⁵ Pompeo Compagnoni, patritio Maceratese. La reggia Picena ovvero de'presidi della Marca. Historia universale... Parte prima. In Macerata, 1661.

²⁶ Ibid., p. 27—28.

²⁷ L. A. Muratori. Antiquitates Italicae medii aevi, t. V. Mediolani, 1741, col. 511.

²⁸ Cronache della città di Fermo, pubbl. per la prima volta dal cav. Gaetano de Minicis ... colla giunta di un sommario cronologico di carte fermane anteriori al sec. XIV con molti documenti intercalati a cura di Marco Tabarini. Volume unico. Firenze, 1870, p. 297—298.

²⁹ Ibid., p. 297, nota 1.

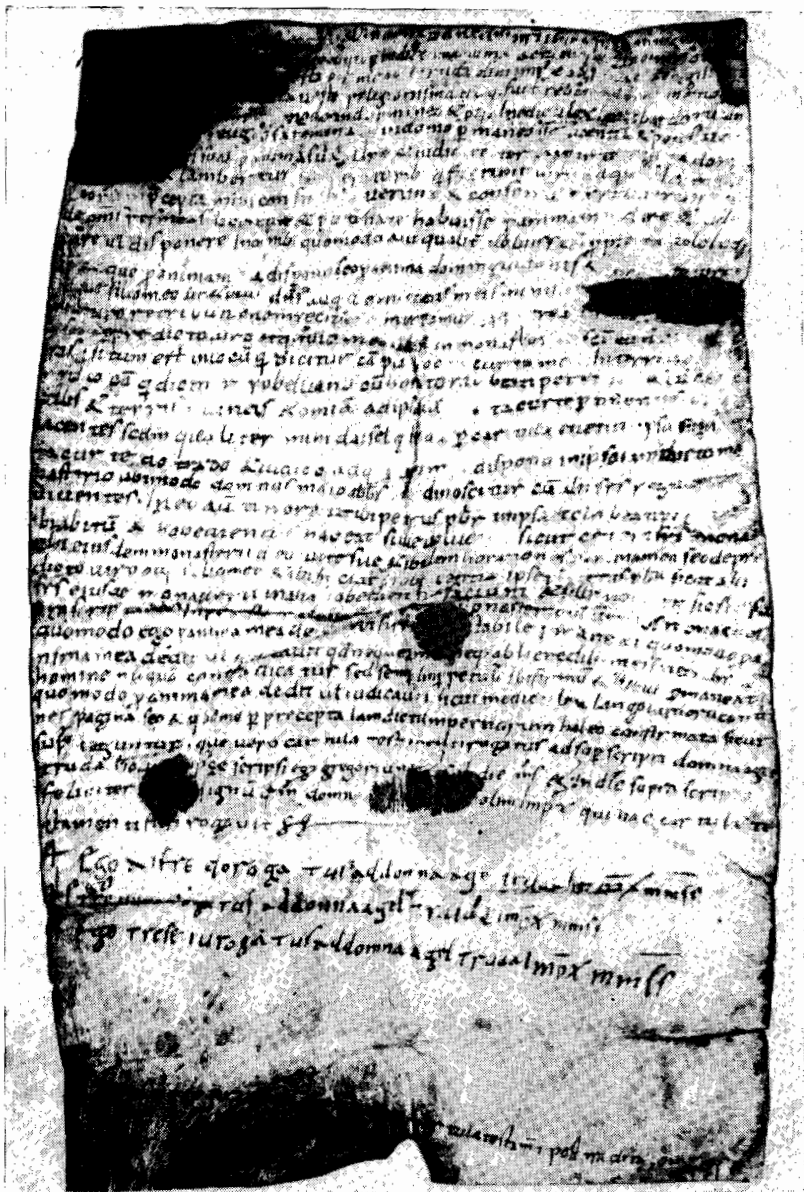


Рис. 4. Дарение Агельтруды 907 г.

кумент был определен им как «Testamento di Geltruda imperatrice»). Корвизьери правильно разобрал локальную дату, а именно название монастыря, где был составлен акт дарения: «in ipso monasterio de Narambone». Это название, как мы показали, подтверждается четким упоминанием его в дипломе короля Беренгария I от 1 декабря 898 г. Кроме того, Корвизьери правильно прочитал имена свидетелей и, за редкими исключениями, не исправлял ни падежных, ни глагольных окончаний, поставленных в оригинальном тексте документа. Однако ему, добившемуся наилучшего результата в раскрытии палеографических и лингвистических особенностей текста, не пришлось довести свою работу до издания на высоком уровне. Транскрипция Корвизьери была напечатана типографским способом (вероятно, в немногих экземплярах, а быть может и в

сдном) на большом листе бумаги; расположенная столбцами, она обрамляла середину листа, куда был приклеен документ «Дарения» — то ли для выставки в таком виде в музее Борджа, то ли для продажи на аукционе. При транскрипции была поставлена дата — 20 июля 1869 г. Этот лист с транскрипцией Корвизьери до сих пор сохраняется при документе 907 г. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР.

Таким образом, в середине XIX в. документ 907 г. находился в составе коллекции рукописей дома Борджа в Веллетри. Это сведение приоткрывает, хотя бы частично, следы странствий документа. Первые столетия своей жизни он, надо полагать, лежал в архиве монастыря св. Евтихия или какого-либо другого, с ним связанного, в пределах областей Камерино или Иези. Но в самом конце XV в. Цезарь Борджа, сын папы Александра VI Борджа (1492—1503) отвоевал Романью, давнее папское владение, у отколовшихся от Рима феодалов и стал герцогом Романьи, а в дальнейшем подчинил своей власти последовательно область Пьембино, затем герцогство Урбино и наконец Камеринскую марку (летом 1502 г.). Архивы городов и монастырей этих мест, естественно, могли стать достоянием рода Борджа (хотя сам Цезарь был убит в Испании в 1507 г.). Отсюда вытекает объяснение, почему документ Агельтруды хранился в музее Борджа в Веллетри (там был и дворец этого знатного рода). Не известно, конечно, в чьих руках находился документ в 70—90-х годах XIX в. и приобрел ли его Н. П. Лихачев (по-видимому, во время своих поездок в Италию в первые годы XX в.) непосредственно из хранилища Борджа или от какого-либо другого, промежуточного владельца.

Остается сказать еще об одной публикации — правда, в виде лишь небольшого отрывка — в книге Л. Скьяпарелли³⁰. В отделе о предположительно утраченных дипломах императоров Гвидо и Ламберта он поместил несколько строк из «Дарения Агельтруды» с упоминанием о «ргесерта» обоих императоров. Вероятно, Скьяпарелли во время подготовки своей книги уже не имел возможности видеть оригинал документа 907 г. В публикуемых им фразах (всего на 6 строках) он допустил ряд неточностей; в примечании он ссылается на издания Компаньони, Муратори и Табарини.

Итак, из всех описанных выше четырех изданий (Компаньони, Муратори, Табарини и Скьяпарелли) исследованного нами документа ни одно, как показало их рассмотрение, не было основано на тексте оригинала. Только Корвизьери прочитал текст по оригиналу из музея Борджа и сделал правильную его транскрипцию, не превратив ее однако — еще сто лет тому назад — в хорошую публикацию.

Источник, которому посвящено это исследование, по нашему глубокому убеждению, интересен и важен для истории скудных памятниками ранних веков европейского средневековья, для истории одной из важнейших стран того времени — Италии. Хотя чаибольшую честь приносит ученому опубликование неизвестного и никогда еще не издававшегося исторического источника, но не меньшее значение имеет и работа над теми памятниками старины, которые были уже давно изданы, но несовершенно, и, находясь на страницах древних и крайне редких, почти вышедших из употребления книг, остаются недоступными. Поэтому мы решаемся предложить историкам, в первую очередь специалистам по истории средневековой Италии, и всем читателям, интересующимся прошлым европейских стран, исследование редкого документа — «Дарения Агельтруды», созданного 11 декабря 907 г. и, следовательно, достигшего к настоящему времени солидного для письменного исторического источника возраста — 1060 с лишним лет.

Е. Ч. Скржинская

³⁰ Luigi Schiaparelli. I diplomi di Guido e di Lamberto. Roma, 1906, p. 110—111 (в отделе «Diplomi perduti», doc. 10).

«Дарение Агельтруды»

1 In nomine patris et filii et spiritus sancti. Ab incarnatione domini nostri
2 Ihesu Xpisti anno nongentesimo*// septimo, die undecima mensis De-
3 cembrio pro indictione undecima. Actum in Camerino, in ipso mona // sterio
de [Haram] bone.

4 Manifesta est me, Ageltruda, olim imperatrix agusta, filia quondam
5 Adelgisi prin // cipis de Venevento, relicta veste religionis induta, que fuit
6 do[mo] ** permaneo et pro qua in edicti lex Langobardorum con // tinens
pagina, ut religiosa femina, que in domo permaneosisse ***, licentia et po-
7 testate // [uti] vellet de res suas pro anima sua dare et iulicare tertia parte
8 et pro [qu]a dom//nus Guido et ****. Lambertus imperatoribus — qui fuerunt
9 virum adque filium meum // per eorum precepta mihi confirmaverunt et con-
10 sensum prebuerunt, ut // de omnes res meas licentia et potestate habuisse
11 pro anima mea dare et [iudi] // care vel disponere in omnibus, quomodo aut
qualiter voluisset.

12 Propterea volo, iudi // co adque pro anima mea dispono, seo pro anima
13 domni Guidonis et Lam[ber]ti, viro // adque filio meo, ut et pius dominus
14 aliquid de peccatis meis minuare dignetur et // in futuro retributionem reci-
pere mereamur.

15 Propterea iudico pro anima me // a seo [de]predicto viro atque filio meo,
16 id est in monasterio sancti Euticii [confesso] // ris, quod situm est in locum,
17 qui dicitur Campli, hoc est curte mea in territorio Hesi // nato, locum qui
18 dicitur Robelliano, cum horatorio beati Petri apostoli et cum ca[sis et] // cel-
lis, et terris, et vineis, et omnia ad ipsa iamdicta curte pertinentes vel
19 [sub] // iacentes, secundum qualiter mihi Daiselgarda per cartula eve-
20 nit, — ipsa suprascripta // ta curte do, trado et iudico adque pro animea *****
21 dispono in ipso iamdicto ***** mo // nasterio, ubi modo domnus Maio abbas
22 esse dinoscitur cum alii fratres regulariter // viventes.

In eo autem tenore, ut ibi Petrus presbiter in ipsa ecclesia beati Petri
23 ap[ostoli] // ibi abitum et hobedientia habeat, si ille voluerit, sicut ceteri
24 fratres mona // chi eiusdem monasterii, diebus vite sue, et ibidem horationes
25 pro anima mea seo de pre // dicto viro atque filio meo, et ibi faciat hobedien-
26 tia ipse prefatus presbiter, sicut alii // fratres eiusdem monasterii in alia
27 hobedientia faciunt; et si ille noluerit, sic sit su // prascripta res in potestate
de ipso iamdicto monasterio vel de ipsos monachos.//

28 Quomodo ego pro anima decrevi, ibi firmum et stabile permaneat,
29 quomodo pro a // nima mea dedit vel iudicavit; quod neque a me, neque ab
30 heredibus meis, neque ab ullo // homine nunquam contradicatur, sed semper
31 imperpetuum ibi firmum et stabile permaneat; // quomodo pro anima mea
32 dedit vel iudicavit, sicut in edicti lex Langobardorum conti // net pagina seo
et quomodo per precepta iamdicti imperatorum habeo confirmata, sicut //
33 supra leguntur.

34 Quem vero cartula testamenti rogatus ad suprascripta domna Agel // tru-
da, holim imperatrice, scripsi ego, Gregoriu notarius, sub die, mense et indi-
35 ctione suprascripta // feliciter.

* Написано nongesimo.

** Написан только первый слог do.

*** Сначала было написано permaneo и тут же этот глагол в 1-м лице ед. ч. был переделан в форму неопределенного наклонения (infinitivus perfecti activi) путем добавления окончания -sisse; окончание -eo по недосмотру осталось получилось слово permaneosisse.

**** Верхний левый угол пергамента залит коричневой жидкостью (клей?, чернила?); пятно кончается на начале восьмой строки.

***** Писец стянул в одно слово animea два слова anima mea.

***** После слова iam писец вторично написал ia и поверх этих букв с нажимом начертал букву d — начальную в следующем слове dicto.

[Знак см. рис. 2] Signum manus domne Ageltrude holim imperatrix,
qui hac cartula te // stamenti fieri rogavit, subscripsi.// 36

† Ego Aifredo, rogatus ad donna Ageltruda imperatrix, manu mea 37
subscripsi.//

† Ego Trevuno, rogatus ad donna Ageltruda imperatrix, manu mea 38
subscripsi.//

† Ego Treseiu, rogatus ad donna Ageltruda imperatrix, manu mea 39
subscripsi.//

[Знак см. рис. 3) Ego, qui supra, Gregoriu notarius, scriptor huius 40
cartula testamenti, post [transacta omnia complevit] * // tradidit et 41
dedit.

* Слова transacta omnia complevit почти стерты и едва читаются.

ПОРУЧИТЕЛЬСТВО ИЗ ПЬЯЧЕНЦЫ (Частный акт 938 г.)

В западноевропейской секции архива Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР под шифром 1/162 хранится документ X в. — один из самых древних документов по истории Италии среди имеющихся в этом архиве.

Каким образом наш документ поступил в архив ЛОИИ СССР АН СССР, остается неясным как и в отношении большинства грамот архива ЛОИИ СССР. Никаких материалов, позволяющих выяснить историю их приобретения, не имеется. Вероятнее всего, наш документ был приобретен в первые годы XX в. во время одной из поездок по Италии неутомимого собирателя этого архива академика Н. П. Лихачева.

Известно, что документов X в. до нашего времени сохранилось весьма мало¹, и именно дата создания нашего документа особенно повышает его ценность.

Документ представляет собой частный акт из города Пьяченцы. В тексте он назван терминами «breve» и «epistola», что в данном случае имеет значение термина «акт»².

Наш акт, как и все документы того времени, датирован годами царствования правивших в то время государей — 12-м годом правления короля Уго и 7-м годом правления его сына Лотария: «...anno regni domini Hugoni, deo propicio, duodecimo, Lothari vero, filio eius, septimo...» Уго начал правление 21 июля 926 г., а с мая 931 г. с ним совместно правил его сын Лотарий. Следовательно, наш документ датируется 938 г. День 14 марта указан в самом документе.

Со смертью Карла III (888 г.), завершившего последовательное чередование каролингских императоров, в Италии стали появляться местные итальянские короли, короновавшиеся в Павии. Среди них самой значительной фигурой был граф провансальский Уго — сын Берты Тосканской и ее первого мужа Теобальда графа Арльского.

Правление короля Уго (926—945 гг.) было не только длительным, но и относительно спокойным. Он был хорошим дипломатом и всегда пытался избегать открытых военных действий, прибегая к интригам и дипломатии³. История Итальянского королевства времени местных итальянских королей, особенно короля Уго, отражена в почти единственном для того времени североитальянском источнике — в труде Кремонского епископа и дипломата Лиутпранда. Из III—V книг его сочинения, называющегося *Antapodosis*⁴, видно, что при дворе Уго были образованные люди, знакомые с античными авторами и владевшие пером. Но, конечно, культурный слой был в те времена в Италии незначителен, образованные люди встречались редко. Общим для письменного выражения мысли, особенно в случаях делового общения, был тот «варварский», неточный и даже неясный

¹ L. A. Muratori. *Antiquitates Italicae medii aevi*, t. 1—7. Mediolani, 1788; L. Schiaparelli. *Documenti inediti dell'Archivio Capitolare di Piacenza*. — «Archivio Storico per le provincie Parmensi», vol. VII, 1898. Parma, 1901.

² В словаре Дюканжа «breve» определено как нотариальный акт (Ducange. *Glossarium mediae et infimae latinitatis* s. v. «breve» — *epistola mandatum, acta notariorum*).

³ Gina Fasoli. *Il re d'Italia (888—962)*. Firenze, 1949 (Biblioteca storica Sansoni, vol. XV).

⁴ Liutprand. *Antapodosis*, I, III—V, ed. E. Dümmler. Hannoverae, 1887.

искаженный латинский язык, образцом которого является текст нашего редкостного документа от 14 марта 938 г. из Пьяченцы.

В документе говорится о том, что некто Адеральд, сын Теофреда из рода франков⁵, дал поручительство, гарантию (*guadium dedit*) священникам Пьяченцской церкви в том, что он совместно с Гизебертом, судьей обеих королей и адвокатом пьяченцкого епископа, или же с миссом этих королей явится для устройства дел, связанных с недвижимым имуществом, состоящим из земель и домов, находящихся в месте (*locus*), которое называется Зена⁶ и принадлежит этим священникам. Вместо имущества в Зене Адеральд обязуется предоставить (*emittere*—высвободить, отпустить) священникам другую землю (равную третьей части имущества в Зене), находящуюся в месте (*locus*) Мокомерия или же в любом другом месте во владениях Адеральда.

Адеральд обязуется, что в случае невыполнения оговоренных условий он должен будет уплатить священникам штраф размером в 200 солидов серебром и 3 унции золота. Обе стороны установили срок выполнения договора — 15 дней после заключения сделки об обмене и написания настоящего документа о гвადии и назначили поручителя (*fidei-issor*) по имени Радина, сына Адельберта, согласившегося обеспечить исполнение договора.

Текст документа заканчивается семью подписями, пять из которых являются личными, с заметными индивидуальными чертами почерка, а 6-я и 7-я подписи сделаны рукой нотариуса. Первая подпись принадлежит Адеральду, который заказал документ. Такая подпись обычно ставилась на первом месте, перед подписями поручителя и свидетелей. Вторая подпись принадлежит поручителю Радину, обеспечивавшему гвацию (*qui... uadia (sic) liberavit*). За ней следуют подписи пяти свидетелей: Теофульса, Герарда, Теодальда, Эрмерила, Петрона; Теодальд называет себя вассалом Адеральда. Текст скрепляется знаком и подписью нотариуса Передея (*Pegedeus*).

Необходимо отметить, что изложенное нами содержание акта выражено в нем настолько неправильным, «варварским» латинским языком⁷, в большинстве случаев личным сколько-нибудь последовательной грамматической связи, что точный перевод его представляется совершенно невозможным и удается передать его содержание только в общих чертах. Впрочем, в латыни X в. филологи усматривают уже начало формирования национального языка. С этой точки зрения все грамматические неправильности расцениваются ими как очень ценные зачатки национального языка.

Достаточно сказать, к примеру, что при упоминании о действующих лицах, а именно, о священниках, вместо нужного именительного падежа «*sacerdotes*», они неизменно называются «*sacerdotibus*»⁸. Слово среднего рода *pignus* (множественное число — *pignora*) склоняется как слово женского рода с окончанием «а», и отсюда в винительном падеже множественного числа мы имеем «*suas pignoras*» вместо «*sua pignora*».

⁵ Как известно, в результате походов каролингских императоров и других пришельцев из-за Альп (такими были в конце IX в. Арнольф Коринтийский и Рудольф II Бургундский в X в.) в Италию проникло много феодалов франкских, бургундских, германских, которые надолго оседали в Италии, оставаясь чужаками в этой стране. В их документах постоянно отмечался закон, по которому они жили (*lege vivere salica* и др.) (Г. Нейберт. Земельные собственники и землевладельцы «франкского», «алеманского», «бургундского» и «баварского» происхождения в Италии (774—1000 гг.). СВ, 30, стр. 211—227).

⁶ Зена (*villa Zena* и *villis Zena*) находится в нескольких десятках километрах к юго-западу от Пьяченцы, южнее линии римской Эмилиевей дороги (ныне железная дорога на Парму, Реджо, Модену к Римини на Адриатическом море). Это название встречается в тексте «*Annales Placentini Guelfi*» под 1216 г. («*Monumenta Germaniae historica*», SS, t. 18, 1863, p. 433).

⁷ Подобным же образом обычно характеризуется «варварская» латынь источников IX—X вв. учеными издателями «*Monumenta Germaniae historica*». Например, Георг Вайтц пишет об одном из авторов IX—X вв.: «Он пользовался варварским языком, примеры которого, впрочем, дают «почти все памятники Италии этого времени» (MGN, *Scriptores rerum Langobardicarum*, p. 220). Даже о Павле Дьяконе Вайтц написал, что для него не было редкостью «грешить против грамматических правил» (*Ibid.*, p. 27).

⁸ Замечательный пример, подобный «*sacerdotibus*»—употребление творительного падежа в качестве именительного падежа, имеется в тексте одной из кремонских грамот X в.: «*ipsi rebus in comutationem dati fuerunt*» («Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР». М.—Л., 1937, стр. 66, док. № 1, 960 г.).

Вместо нужного винительного падежа в слове «*vadia*» (*vadium dedit*) стоит именительный падеж (*vadia dedit*). В глаголе «*obligare*» вместо «*g*» пишется «*s*» (*obligare*). Без достаточного смысла очень часто употребляются слова «*iste*» и «*ipsus*».

Судя по содержанию акта, он должен был служить продолжением или дополнением основного акта, в данном случае, по-видимому, акта обмена земель между пьяченцкими священниками и неким Адеральдом. Подтверждением этого являются, правда более поздние, относящиеся к XII в. акты из Кремоны⁹, содержащие оговорку о «*guadia*».

Лучше других объясняет наш документ кремонский акт 1145 г.¹⁰ Здесь в конце акта продажи продавец Финиберт, о котором сказано, что он живет по лангобардскому закону (*lege vivere longobardorum*), дал гвадию (*dedit guadium*), то есть гарантию исполнения всех условий сделки, и назначил поручителя Пингерола, который обязался в течение 5 лет обеспечивать эту гвадию своими средствами.

Обратимся непосредственно к рассмотрению внешнего вида самого документа.

Текст документа написан на пергамене неправильной формы. Внизу слева имеется полукруглая выемка естественного происхождения (по очертаниям формы шкуры животного), поэтому размер пергамена сверху 17,8 см, внизу 13,1 см × 24,1 см. В целом пергамен хорошей сохранности, если учесть его более чем тысячелетнюю давность. Лишь в двух местах — в верхнем правом углу и в левом углу, — расплываясь к середине, видны следы сырости. В середине левого края документа вырван небольшой кусок пергамена величиной 1,5 × 2 см.

Текст расположен на 19 строках, ниже него на 8 строках идут подписи свидетелей и нотариа.

Документ написан светло-коричневыми и довольно яркими чернилами, что значительно облегчает его прочтение.

Письмо акта можно охарактеризовать как канцелярский североитальянский курсив X в., идущий от римского курсива.

Отметим особенности отдельных букв:

1) унциальная форма «*a*», усвоенная минускулом, иногда перемежается с курсивным (открытым) «*a*»;

2) буквы *b*, *l*, *d*, *h* характерны для X в. — хвоста этих букв пишется без петли с легким утолщением на ее месте; «*d*» всегда прямое, курсивной формы;

3) «*f*» в виде одной линии, со слегка изгибающейся хвостой, перечеркнутой или с небольшой перемычкой справа; в нескольких случаях «*f*» состоит из двух сходящихся дуг (в подписи нотариа);

4) «*g*» с закрытой головкой; спускающаяся вниз петля прогнута вправо;

5) «*s*» с изломом посередине поднимается над строкой; более редки случаи, когда «*s*» не возвышается над строкой;

6) «*e*» поднимается над строкой и напоминает восьмерку с росчерком вправо;

7) «*i*» — хвоста возвышается над строкой;

8) «*t*» всегда опускается под строку своей заостряющейся осью и иногда имеет длинное, отходящее вправо плечо (в редких случаях ось не опускается);

9) «*s*» всегда длинное;

10) «*t*» в отличие от своего обычного написания имеет две ножки с покрытием, при небрежном написании эта буква сближается с «*a*»; форма буквы «*t*» — «на двух ножках» — идет из дипломатического минускула в дипломах итальянских королей¹¹; получилось оно из низко начинаемого горизонтального покрытия «*t*», идущего из римского курсива.

В лигатурах *ci*, *gi*, *ti* буква «*i*» лигирована с предыдущей буквой и спускается ниже строки.

Аббревиатур в тексте мало. Есть обычные сокращения «*r*» в конце и начале слова «*r*» = *per*; «*p*» = *per*.

⁹ «Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР», док. № 24, 29, 34.

¹⁰ Там же, док. № 24, стр. 108; то же самое читаем в док. № 29 от 20 ноября 1152 г. и в док. № 34 от 3 января 1165 г.

¹¹ См. диплом Беренгария I — а. 912, Iul. 23 из Павии (Fr. Steffens. Lateinische Paläographie. Supplement zur ersten Auflage. Trier, 1909, Taf. 30).

Окончание «bus» в виде перечеркнутого «b».

Окончание «is» в виде перечеркнутого «s» и знак в виде «4» в конце слова означает гит.

На пьяченцском документе 938 г. имеются три дорсальные надписи, сделанные в разное время. Наиболее ранняя надпись — краткое указание на место, где находились обмениваемые, как мы предполагаем, земли. Надпись эта состоит всего из двух слов «de Zena»¹², написанных рукой XII—XIII вв. рыжеватыми чернилами и расположенных посередине оборотной стороны документа.

Вторая надпись, почти стертая, расположенная у верхнего края документа, указывает на его дату: «938, die 14...»

Третья надпись, по-видимому, XVI в., более длинная, состоящая из шести строк, сделана поверх двух первых темно-коричневыми чернилами на итальянском языке небрежным гуманистическим курсивом. Надпись передает дату, содержание документа и указание на место, о котором идет речь в акте: «938, o 939 circa, 14 marzo. Di Ugo re d'Italia anni XII e di Lottario, di lui figlio, anni VII, indizione 11^a, donazione, fatta da Gariberto arciprete, della terza parte de suoi beni, posti in loco Zena et Macomerio ai prati della chiesa Piacentina».

Слово «donazione» в приведенной дорсальной надписи представляет собой позднейшую поправку; название сделки (обмен, как мы думаем, или же только гвядия к нему) соскоблено и поверх позднейшим почерком написано черными чернилами слово «donazione».

Той же рукой, что дорсальная надпись, отдельно отмечено имя нотариуса «Peredeus».

В таком виде мы представляем себе анализ этой весьма древней грамоты, насчитывающей сейчас уже 1030 лет исторической жизни.

Наш документ не ускользнул от внимания палеографов 20-х годов. Н. П. Лихачев указал на этот документ О. А. Добиаш-Рождественской, которая предложила изучить его одному из своих лучших учеников В. В. Бахтину. До этого документ не был издан. Прочитав и разобрав документ, В. В. Бахтин написал статью «Северноитальянская грамота X века в Музее палеографии»¹³.

Несмотря на это издание документа, мы берем на себя смелость предложить вниманию историков и наше исследование. Нам удалось сделать более точную транскрипцию, которая в нынешнем виде несколько меняет смысл документа. На строке 15-й В. В. Бахтин, прочтя слово «epistola» как «episcopus», считает, что это позволяет уточнить «в одном частном пункте наши сведения по истории «Пьяченцы»¹⁴, а именно год смерти епископа Пьяченцы Гвидона и поставления нового епископа Бозона. И то и другое событие обычно относилось к 940 г. На основании же своего прочтения В. В. Бахтин относит его к началу 938 г.

Мы не видим здесь никаких новых черт в истории пьяченцской церкви и ее епископов. Прежде всего о возможности самого слова «episcopus» в тексте нашего документа (строка 15-я). Сокращение из двух букв («ep») с добавлением над второй из них крючкособразного знака аббревиатуры раскрывается как слово «epistola», а не «episcopus», как прочитал Бахтин (episcopus сокращается иначе: esp и др.). Невозможным представлялось бы упоминание об епископе без указания его имени или обычного указания его города (episcopus Cremonensis, episcopus Placentinus и др.). Глагол же ordinare, помимо своего специфического значения в отношении духовных лиц, может относиться и к документу (например: carta ordinationis seu iudicati)¹⁵. Таким образом, речь идет не об епископе, а о документе.

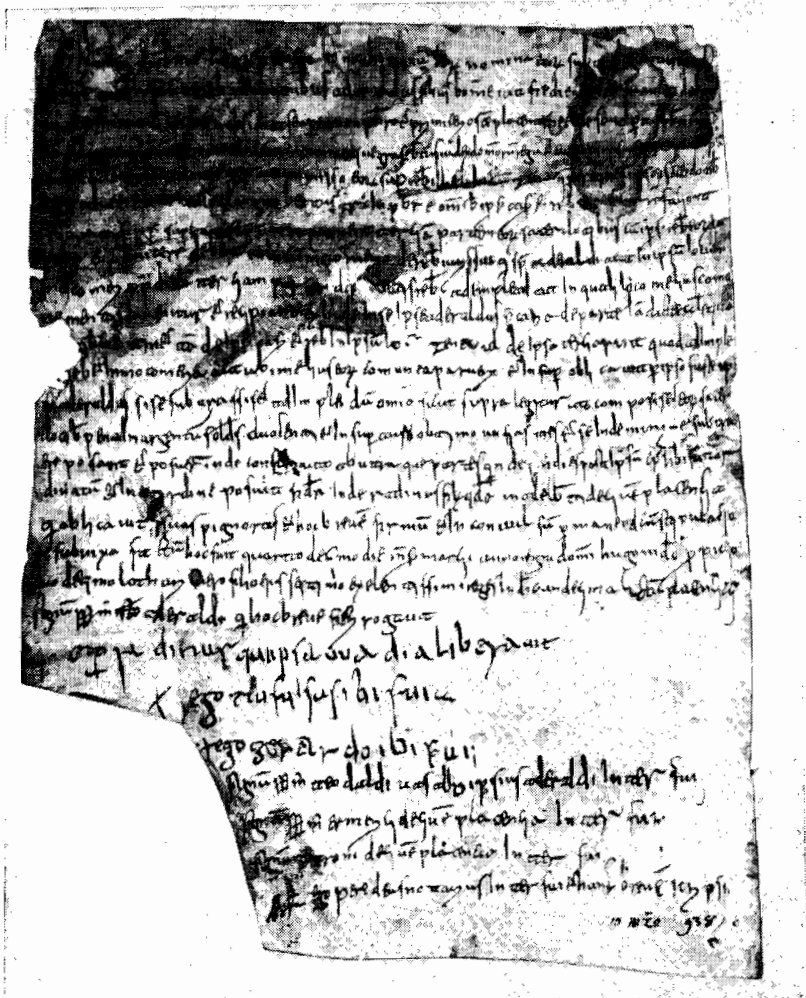
Из других, более существенных возражений по прочтению и толкованию документа следует отметить следующие.

¹² Аналогией могут служить подобные краткие надписи в актах Кремоны, например «de Crota».

¹³ Статья помещена в «Известиях Академии наук СССР, серия 7. Отделение гуманитарных наук», № 2, 1928, стр. 141—146.

¹⁴ В. В. Бахтин. Северноитальянская грамота X века в Музее палеографии.— Там же, стр. 143.

¹⁵ «Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР», док. № 4, стр. 77, 990 г.



Поручительство из Пьяченцы 938 г.

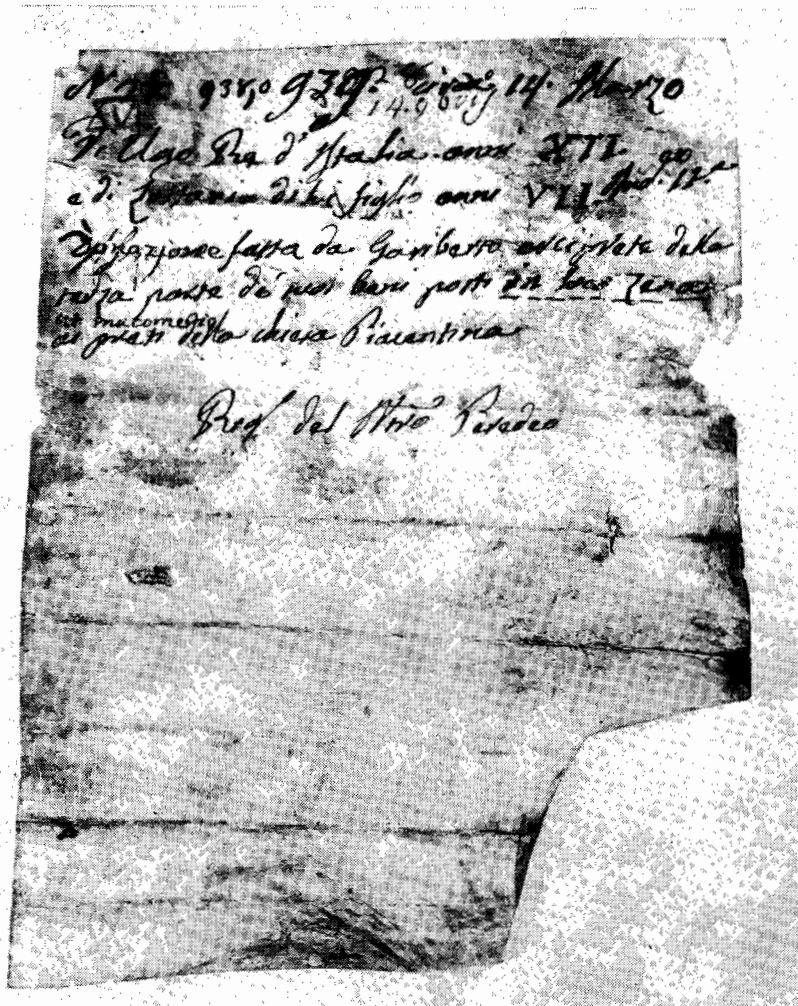
Как уже было сказано, документ должен был служить продолжением или дополнением основного акта — акта обмена земель, а В. В. Бахтин считает, что документ выражает целые три акта: «Договор является соединением трех, связанных друг с другом сделок: дарения, прекарии и обмена земельными участками»¹⁶.

Далее, рассматривая подписи свидетелей, В. В. Бахтин считает, что они сделаны двумя людьми: 2, 3, 4-я «кем-то из свидетелей, а остальные самим нотарием»¹⁷. Мы считаем, что только 6-я и 7-я подписи сделаны нотарием, остальные 1, 2, 3, 4 и 5-я представляют собой личные подписи Адеральда, Радина, Теафульса, Герарда и Теодальда. Это подтверждает и детальный анализ отдельных букв. Очень индивидуальны во всех подписях буквы «b», «t», «a», «g». Написание их никак нельзя отнести к одной руке.

Следует, на наш взгляд, изменить прочтение и некоторых слов: в строке 1-й следует читать *quolibet*, а не *qualiter*; в строке 2-й — *Teofredi*, а не *Tetfredi*; в строке 4-й — *episcopi*, а не *episcopie*; в строке 16-й — *Adelberti*, а не *Madelberti*.

¹⁶ В. В. Бахтин. Североитальянская грамота X века в Музее палеографии, стр. 143

¹⁷ Там же, стр. 144.



Дорсальная надпись

То, что наш акт относится к периоду крупных политических неурядиц, весьма бедному в отношении дошедших до нас документов, заставляет обратить на документ 938 г. особое внимание. Нам думается, что посвящение этому древнему средневековому акту двух небольших исследований отнюдь не является излишеством.

А. М. Кононенко

Поручительство из Пьяченцы 938 г.

In nomine domini breve. In eorum presentia bonorum hominum, eorum nomina eorum subter leguntur, quolibet // fuste, quod in suum tenebat manibus, Aderaldus, filius bone memorie Teafredi, ex genere francorum, dedit // vuadia in manibus Andree archidiacono seu Petrono, presbitero et primicerio sancte Placentine ecclesie, seu Alpertus, presbitero et vice // domno, et Dageverti, item presbitero de ecclesia sancti Antonini, adque Gasebertus, iudex dominorum regum et avocato ipsius episcopi sancte Pla // centine ecclesie, ut hacedat cum ipso aut cum misso eorum super rebus illis in locum Zena — qui pertinet ipsorum sacerdotibus // et eorum advenrunt de

quidem Garibertus archipresbiter — et omnibus ipsis casis et rebus admini-
7 strare faciant. // Et quantis ipsis super totis ipsis rebus aparuerit terciam par-
8 tem eorum sacerdotibus cum ipsis rebus eorum in // Zena, eorum emitere
debet in locum Mocomeria de rebus iuris sui, qui semper Aderaldi, aut in
9 ipsum locum // Mocomerie predicta terciam partem de predictis rebus adim-
10 plead aut in quali loco melius comu // ne mentis invenitur; et recipiant exin-
11 de in se ipse Aderaldus precaris de parte iamdicte ecclesie, qua // [...] *
quibus continet tantum de ipsis casibus et rebus in ipsum locum Zena vel
12 de ipsa tercia parte quod adimple- // [ri] * debet in Mocomeria, aut ubi
melius eorum comune aparuerit.

13 Et insuper oblicavit per inso fuste ip // se Aderaldus si se subtrassisset ad
14 implendum omnia, sicut supra legitur, ut composisset eorum sacer // doctibus
pena in argentum solidos duocenti et insuper auro obtimo uncias tres.
15 Et se inde minime subtra // ere, posant et posuerunt inde, consignato ab
16 utraque partes quindecim dies post ipsum epistolam sibi fuit or // dinatum et
in eorum ordine, posuit fideiussorem inde Radinus, filius quondam Adelberti
17 de civitate Placencia, qui // oblicavit suas pignoras.

18 Et hoc breve firmum et inconvulsum permanead cum stipulaci // one
subnixa.

Factum hoc fuit quartodecimo die mensis Marcii, anno regni domini
19 Hugoni, deo propicio, // duodecimo. Lothari vero, filio eius, septimo excelen-
tissimi reges, indictione undecima.

Actum Placentie.

20 Signum † manus isto Aderalde, qui hoc breve scribi rogavit.

21 † Ego Radinus, qui ipsa vuadia liberavit.

22 † Ego Teafulsus ibi fui.

23 † Ego Gerardo ibi fui.

24 Signum † manus Teodaldi vasallo ipsius Aderaldi interfui.

25 Signum † manus Ermerili de civitate Placentia interfui.

26 Signum † Petroni de civitate Placentia interfui.

27 SN Ego Peredeus notarius interfui et hunc brevem scripsi.

* *Край оторван.*

БИБЛИОТЕКА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XVI в.

Библиотека Соловецкого монастыря принадлежит к числу старейших и крупнейших монастырских книжных собраний нашей страны¹. Рукописи этого богатого собрания², в котором представлено большинство известных в науке древнерусских памятников, широко используются исследователями. В целом, однако, библиотека Соловецкого монастыря изучена недостаточно³, ибо ее исследование после А. И. Лилова шло в основном без привлечения новых архивных материалов. Целью настоящей статьи является рассмотрение на основании сохранившихся книжных описей путей комплектования собрания, выявление вкладчиков и создателей книги, последовательного роста и изменения состава древнерусских памятников письменности в монастырской библиотеке на протяжении XVI в. В отдельных случаях возможно отождествление записей в книжных описях с рукописным наличием в настоящее время, что позволит датировать время поступления конкретных книг в Соловецкую библиотеку. У нас имеются всего 17 описей⁴ Соловецкой библиотеки, из которых лишь одна — 1676 г. — была опубли-

¹ По количеству книг Соловецкую библиотеку возможно сравнить лишь с тремя другими старейшими монастырскими библиотеками: Троице-Сергиевой, Кирилло-Белозерской и Иосифо-Волоколамской.

² Основная часть рукописей Соловецкой библиотеки хранится в настоящее время в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) в числе 1482 единиц; 11 рукописей находятся в Библиотеке Академии наук СССР (БАН СССР) остальные в Музее истории религии и в Государственном историческом музее.

³ Специально библиотеке Соловецкого монастыря посвящены три статьи: А. И. Лилова. Библиотека Соловецкого монастыря.— «Православный собеседник», 1859, ч. I, стр. 24—39, 199—221; ч. II, стр. 67—85; Г. Я. Порфирьев. О соловецкой библиотеке, находящейся ныне в Казанской духовной академии.— В кн. «Труды IV Археологического съезда», т. II. Казань, 1891, отд. VI, стр. 1—20; Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей.— «Труды отдела древнерусской литературы» (далее — ТОДРЛ), т. XVIII. М.— Л., 1962, стр. 294—304.

⁴ Эти описи представляют собой машинописные копии, снятые в 30-х годах Н. Н. Зарубиным без указания местонахождения оригинала с монастырских переписных и отводных книг и хранившиеся в двух безымянных папках в Рукописном отделе БАН СССР. Нам удалось установить, что подлинники 14 описей находятся в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Подлинники же в виде столбцов трех самых ранних описей были, видимо, утрачены до поступления архива монастыря в Ленинград. Об этом можно судить на основании сохранившейся рукописной заметки Н. К. Никольского в его картотеке. Он пишет, что в 1900 г., будучи в монастыре, за недостатком времени снял копии с описей «только в извлечениях, касающихся состава библиотеки. Несколько времени спустя благодаря любезности б. студента Петрогр. Дух. Академии Елеазаровского, Архангельского уроженца, мне удалось,— пишет Н. К. Никольский,— получить полные копии трех описей, снятых им». Однако в сопроводительном письме Елеазаровский сообщал, «что ему только после долгих усилий удалось отыскать оригиналы, так как описи оказались в корзине с бумагами, предназначавшимися к уничтожению. Вероятно,— добавляет Никольский,— в монастыре продолжалась очистка архива от сомнительных материалов и после моего отъезда из него. Сохранились ли они до наст. времени — ответ на это можно будет получить только после прибытия Солов. архива в П-д, если эта перевозка состоится» (БАН РО, карт. Никольского, ящик 139, лл. 75—77). Перевозка

ликована⁵. По векам описи разбиваются таким образом: 5 относятся к XVI в., 11 — к XVII в. и 1 — к началу XVIII в.

Дошедшие до нас описи XVI в. последовательно датируются 1514, 1549, 1570, 1582 и 1597 гг. Они представляют собой подробное описание всего монастырского имущества, производившееся при передаче (отводе) монастыря от одного игумена другому в переписных или отводных книгах. Опись архива Соловецкого монастыря 1733 г.⁶ позволяет предположить, что только три описи XVI в. из-за отсутствия их в настоящее время не могут быть учтены нами при исследовании. Это описи 1518, 1526 и 1534 гг. Из той же архивной описи XVIII в. ясно, что первые из дошедших до нас Описная и Отводная книги Соловецкого монастыря 1514 и 1549 гг. были написаны в виде столбцов. Третья опись, 1570 г., была составлена в трех экземплярах, один из которых, видимо, подлинник используемой нами копии, также был в виде столбца. В Архиве ЛОИИ СССР находится и черновой экземпляр переписной книги 1570 г.⁷, отличающийся от нашей копии в некоторых случаях лишь орфографией.

Публикуемая ниже опись 1514 г. является не только самой древней Соловецкой описью, но и одной из самых ранних известных монастырских описей типа инвентаря вообще. Старше ее лишь опись, составленная архимандритом Иосифом, епископом Смоленским, при сдаче в 1494 г. имущества, среди которого были книги Слуцкого Троицкого монастыря⁸. Опись 1514 г., которую в подлиннике помимо Н. К. Никольского⁹ видел также арх. Досифей¹⁰, была составлена 11 января по грамоте вел. кн. Василия Ивановича, «по списку по указному описали Спаского монастыря на Соловке Фадее Дворянкин да Елка Офонасеев». В приписке, сделанной на обороте столбца, сказано, что Дворянкин и Офонасеев описывали монастырь «с игуменом с Ефимьем, да с лучшими старцы: з бывшим игуменом з Достоефеем да священником з Галасеею, да старцом Офонасеем, да с келарем с Иевым, да с казначеем с Романом». По этой описи были описаны три церкви: Спасо-Преображенская, Успенская и Николая-чудотворца, а также монастырская казна. Во всех трех церквях опись зафиксировала только четыре книги — евангелия, из которых одно на пергамене — апракос и три — театр на бумаге. В монастырской же казне насчитывалось 122 книги¹¹; судя по описанию, 8 книг остались в казне среди личной «рухляди», видимо, умерших старцев. В коробье старца Глисеева, например, были три книги: «Псалтыря с следованьем в полдесть, да часословец писан в полдесть следованьем, да книга чегья в полдесть». В коробье старца Варламова была «псалтырь следованьем в десть. Да часословец следованьем в полдесть, не переплетены».

123 книги, принадлежавшие казне, разбиты в описи на три группы: первую составляют 7 названий, включающие в себя 14 книг: два евангелия толковых, пять апостолов

Соловецкого архива, как известно, состоялась в 1920-х годах, но среди переписных и описных книг монастыря трех самых ранних описей не оказалось. В фондах Соловецкого монастыря, находящихся в ЦГАДА и ЦГИА СССР, нам также не удалось их обнаружить. Однако в архиве Н. Н. Зарубина, хранящемся у его вдовы З. В. Зарубиной дома, нами были обнаружены копии, снятые рукой Н. К. Никольского с описей 1514 и 1459 гг. в извлечениях, касающихся только монастырских книг, и полные копии тех же описей, сделанные, видимо, Елеазаровским. С этих рукописных копий начала XX в. нами и производится публикация описей в приложении.

⁵ С. А. Белокуров. Материалы для русской истории. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 года) по современным описям.— «Чтения общества истории и древностей российских». М., 1887, кн. 1, стр. 1—80.

⁶ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 149, лл. 520—521.

⁷ Там же, № 131.

⁸ Иосиф, архимандрит. Опись Слуцкого Троицкого монастыря архимандрита Иосифа, нареченного епископа смоленского при сдаче его имущества.— В кн.: «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1846, № 115.

⁹ Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности.— «Памятники древней письменности», СХLVII. М., 1902, стр. 19.

¹⁰ См. также нашу сноску 4; Досифей, архимандрит. Топографическое и историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1834, стр. 68.

¹¹ Одна книга — 123-я по счету в казне или 127-я, если учитывать церковные евангелия, — прибыла в монастырь после описи, как сказано в приписке на обороте столбца, — это «Григорий Богослов в полдесть».

чтр в полдествъ, Никонское послание в дествъ, апостол толковый в дествъ, три пролога в дествъ, Лавсаик в дествъ и Феодорит.

Далее в описи под заголовком «А се Досефеева данья книг, игумена бывшаго» следует описание 40 книг, из которых 36 игумен Досифей «дал» в монастырь, а 4 «нарядил», то есть, по всей вероятности, сделал переплет для них. Описание книг «Досефеева данья» завершает итог: «А всех книг ... пятьдесят без четырех», то есть 46. Таким образом, либо в опись не вошли шесть книг Досифея, либо писец ошибся при подсчете итога, вычтя четыре книги, которые по приказу Досифея были переплетены, не из сорока книг, а из пятидесяти.

За книгами Досифея в описи следует вновь описание монастырских книг, которых всего 69.

Записи, характеризующие отдельные книги в данной описи, очень кратки, и в них не всегда соблюдается единообразие. Помимо названия инвентарная запись включает чаще всего указание на размер книги либо имя вкладчика, иногда книга определена по имени писца, ее создателя. Благодаря тому, что опись ранняя и, следовательно, может включать книги, написанные до 1514 г., которых в Соловецком собрании сохранилось не слишком много, многие записи из нее возможно отождествлять с реальными книгами.

Легче всего поддаются отождествлению рукописи, поступившие от игумена Досифея, которые были уже предметом специального изучения. На книгах, принадлежащих Досифею, имеется опознавательный знак, названный Н. Н. Розовым «первым в истории русским экслибрисом»¹². Будучи в Новгороде, игумен Досифей смог организовать переписку нужных ему для монастыря книг. Кроме того, на двух рукописях, помеченных экслибрисом Досифея, сохранились два списка книг, переписанных «повелением многогрешнаго и недостойнаго и худаго в инощех священноинокка Досефея», посланных им в 1493 и 1494 г. в монастырь. В списке 1493 г. перечислены 17 книг, которые были отправлены Досифеем «в дом святому Спасу на Соловки». В списке следующего 1494 г. упомянуты на Соловках уже три церкви: Спасителя, Успенской и чудотворца Николы и помимо названных в первом списке 17 книг добавлены еще 3 новые рукописи, а также сказано, что 4 книги были только в 1494 г. заказаны, то есть всего 24 книги¹³. Опись 1514 г. свидетельствует, что книг «Досефеева данья» было значительно больше, определенно свыше 36.

От времени составления списка 1494 г. до составления первой инвентарной описи прошло 20 лет, и неудивительно, что количество книг, поступивших за это время в библиотеку Соловецкого монастыря, благодаря заботам большого книголюбца игумена Досифея увеличилось почти вдвое. В описи 1514 г. дополнительно по сравнению со списком 1494 г. названы следующие книги, которые «дал» Досифей: декабрьская минея «на харатьи»¹⁴, книга бытия в полдествъ¹⁵, шесть октоихов, синоксарь¹⁶, измарагд¹⁷, торжественник¹⁸, Ефрем Сирий — все в дествъ и два евангелиста толкованных.

Вместе с тем в описи 1514 г. не упомянуты некоторые книги, несомненно принадлежавшие Досифею. Например, в Соловецком собрании имеются две кормчие с экслибрисом Досифея¹⁹, в описи же кормчая всего одна. Отсутствует в описи и минея новым чудотворцам²⁰, хотя она упомянута в списке 1494 г. В описи значится одна книга Афанасия Александрийского, однако нам известны две рукописи, связанные с именем этого богослова, имеющие экслибрисы Досифея. Это его житие и слова, а также толкования

¹² Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей, стр. 296.

¹³ Там же, стр. 297—298.

¹⁴ ГПБ, Сол. 519(538).

¹⁵ ГПБ, Сол. 3(75). В связи с повторным изменением шифров в Соловецком собрании мы даем ссылки на шифры по печатному описанию («Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии», ч. I—III. Казань, 1881—1891). Рукописи, не включенные в печатное описание, указаны по действующим в ГПБ шифрам.

¹⁶ ГПБ, Сол. 497(800).

¹⁷ Вероятно, ГПБ, Сол. 359(270), хотя на рукописи и нет экслибриса Досифея.

¹⁸ ГПБ, Сол. 169 (Анз. ск. 83).

¹⁹ ГПБ, Сол. 412(858), Сол. 413(1056).

²⁰ ГПБ, Сол. 616(518).

на псалтырь²¹. Следовательно, правильнее будет предположение, что опись 1514 г. не зафиксировала всех книг Досифея, но писец, возможно, точно назвал общую их цифру — 46.

Встает вопрос, был ли Досифей основателем Соловецкой библиотеки или в монастыре книги-четыре были и до него? Как уже говорилось, в описи 1514 г. до перечисления книг Досифея упомянуты 14 рукописей, из которых «Лапсаик в десь писаный», без сомнения, принадлежал одному из основателей монастыря Зосиме. Эта книга хранится в Соловецком собрании Рукописного отдела БАН под № 7, и на ее переплетном листе запись почерком XVI в.: «Книга чудотворца Зосимы лавсай старой».

Можно предполагать, что апостол, принадлежавший игумену Феодосию²², входил в число пяти «апостолов тетров в поддествь», упомянутых среди 14 первых книг описи 1514 г. Несомненно, также среди этих книг отражены два пролога и Феодорит²³, схожие между собой по палеографическим данным. Все эти книги в лист, на бумаге с одинаковыми филигранями, написаны в два столбца полууставом, украшены простым геометрическим орнаментом, переплетены в пятку. На этих рукописях, впрочем как и на тех, которые в описи названы монастырскими, имеется помета XVI в.: «Книга ... монастырская старая». Однако, по палеографическим данным, последние три рукописи Феодорит и прологи можно датировать не ранее последней четверти XV в., то есть тоже временем Досифея. Таким образом, у нас нет твердых доказательств, что опись зафиксировала рукописи в хронологии их поступления в монастырь: до Досифея, при Досифее, после Досифея. Обычно при переписи книг писцы исходили из порядка их хранения.

Вместе с тем несомненно, что и другие игумены до Досифея или в то время, когда он жил в монастыре, будучи «бывшим игуменом», заботились о создании библиотеки, в которую наряду с богослужебными книгами собирались книги-четыре. В Соловецком собрании, например, помимо лавсаика и апостола Феодосия имеется патерик скитский²⁴, принадлежавший, судя по записи на нем, правда, позднее, основателям монастыря. В описях XVI в. упоминается также псалтырь Зосимы²⁵. Наконец четыре книги (включая упомянутый патерик скитский), которые «нарядил» Досифей, находились в монастырской библиотеке, очевидно, до него. Из этих четырех книг лишь одна псалтырь богослужебная, остальные — четыри: патерик египетский и книга Онтюха Семена Нового²⁶. Незначительное число книг в библиотеке Соловецкого монастыря, дошедших от середины XV в. и более раннего времени, может быть объяснено гибелью рукописей во время пожара 1485 г. После пожара, как это обычно бывало в монастырях, стали активно восполнять сгоревшее имущество. Поэтому книг конца XV — начала XVI в. уже значительно больше в Соловецком собрании, и из них книги Досифея составляют лишь третью часть. Вряд ли поэтому правильно считать Досифея основателем Соловецкой библиотеки, как предполагал в свое время Лиллов²⁷ и утверждает Розов²⁸.

Анализируя опись 1514 г., следует согласиться с предшествующими исследователями в том, что период игуменства Досифея был временем активного пополнения Соловецкой библиотеки книгами, преимущественно четырями, которые отличаются внешним оформлением, четким письмом и по тексту являются списками, сделанными с лучших подлинников. На одной из рукописей — беседа Козьмы пресвитера на богимилы, принадлежавшей Досифею, в записи говорится: «Книгу сию взял на список Владыкы — беседа на новоявившуюся ересь, а писана на харатии и есть ей за пятьсот лет»²⁹.

²¹ ГБЛ, собр. Овчинникова (ф. 209), № 791; ГПБ, Сол. 124 (1934). На сборнике ГПБ Сол. 802/912 также имеется экслибрис Досифея, хотя он датируется 1460 г.

²² ГПБ, Сол. 83/(26).

²³ Прологи: ГПБ, Сол. 484(696), 490(702). С последней рукописью по палеографическим особенностям схожа третья рукопись пролога Сол. 485(703), которая в XVII в., судя по записи на ней, была в селении «Сорока». Феодорит: ГПБ, Сол. 1132/1242.

²⁴ ГПБ, Сол. 458(635).

²⁵ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, л. 96 об.

²⁶ Вероятно, рукопись ГПБ, Сол. 271(793).

²⁷ А. И. Л и л о в. Библиотека Соловецкого монастыря, ч. 1, стр. 30.

²⁸ Н. Н. Р о з о в. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей, стр. 294—304.

²⁹ ГПБ, Сол. 320(856), л. 4 об.; Н. Н. Р о з о в. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей, стр. 300.

Как уже говорилось, за описанием книг Досифея в описи 1514 г. следует описание 69 книг монастырских. В шести случаях указан источник их поступления: псалтырь в полдесть дал Павел Вяжицкий, две книги также в полдесть «патерик печерской да лэпсаик писма Асафа да Васъхи Леина» привез Яким³⁰ (?). Игумен Яким Повважлевский прислал две книги в десть: потребник да криницу. Упомянуты еще с указанием имени вкладчика Василия Недоброво торжественник, а также ряд псалтырей Ефимьевская, Изосимовская, Савинская, Хутынская, Осифовская, получившие эти нарицательные названия либо по имени бывшего владельца, либо по имени писца. Имеется еще псалтырь игуменская, сборник Исаина писания (возможно, игумена Исаии 1481 г.), а также Касьяновский служебник и его же каноны с зеркалом.

Попробуем охарактеризовать состав Соловецкой библиотеки к 1514 г. по содержанию книг. Прежде всего следует отметить, что к началу XVI в. в библиотеке монастыря было всего три пергаменных рукописи: декабрьская минея из книг Досифея и две книги монастырские — Ефрем Сирийский и апостольские деяния.

Анализ описи 1514 г. по содержанию книг каждой группы позволяет понять, какими целями определялось комплектование библиотеки, и наметить тенденцию ее развития в целом.

Первоначальное ядро библиотеки составляли 14 книг (и 4 книги, которые «нарядил» Досифей), распадающиеся приблизительно на две равные части: 1) богослужебные книги, 2) богословие и церковно-назидательная литература, то есть книги для соборного и келейного чтения.

При игумене Досифее число книг в библиотеке увеличилось на 42 единицы, из них только 14 книг, или $\frac{1}{3}$, можно считать богослужебными. Это евангелия, псалтырь, церковный устав, несколько октоихов, минен.

Остальные книги представляют собой патристическую литературу, то есть сочинения отцов церкви: Василия Кесарийского, Иоанна Дамаскина, Иоанна Экзарха, Ефрема Сирина, Феодора Студита, Дионисия Ареопагита, Афанасия Александрийского, а также сборники особого состава: «Пчела», «Измарагд», «Маргарит». Лишь одну книгу — «Палею толковую» можно рассматривать как памятник светской литературы.

Наконец, из 69 книг, названных в описи монастырскими, 50 книг, или более $\frac{2}{3}$ от общего числа, составляют книги богослужебные и лишь $\frac{1}{3}$ — книги-четы. Среди последних — списки произведений отцов церкви, отсутствовавшие среди книг Досифея, Григорья Беседовника и Григория Богослова, Феодора Едесского, Исаака Сирина, Якова Жидовина, аввы Дорофея. В монастырь был привезен ранний русский житийный памятник — патерик Киево-Печерский, среди монастырских книг был также список жития Варлаама да Асафа с Федором Едесским (Сол. 512/207) и всего одна рукопись светского содержания — летописец, писанный в полдесть.

Таким образом, рассмотрение последовательного пополнения Соловецкой библиотеки в начале ее создания позволяет сделать следующие наблюдения. С ростом монастыря, увеличением числа монахов в нем растет и книжный фонд библиотеки, и прежде всего за счет богослужебных книг, которые были необходимы для выполнения повседневных религиозных обрядов. Такая книга, как псалтырь, была, по всей вероятности, личной собственностью каждого монаха. Из 50 богослужебных монастырских книг третьей группы 17 были псалтырями. Псалтыри находились почти в каждом коробе умершего старца. Следующими по количеству можно назвать служебные минеи, которых было 12 соответственно числу месяцев в году и две книги дублетных экземпляров. В коробьях старцев находились чаще всего часословцы, ирмологии, стихиры, изредка книги-четы. Наряду с книгами среди рухляди у старцев были запасы определенного количества бумаги, иногда значительные, что может быть свидетельством их занятий книгописной деятельностью. Например, у Варлаама в коробе оказалось «пол 6 дести бу[ма]ги. До 70 тотратей ... в полдесть да в четверть», и принадлежавшие ему книги были не переплетены. В другом коробе было 9 дестей бумаги. Несомненно, что оба умерших монаха занимались перепиской книг.

³⁰ На рукописи Екклзиаст XV в. на л. 434 об. имеется также помета: «Якимову привозу» (ГПБ, Сол. 807(917)).

Исследование последующих описей позволяет проследить тенденцию развития библиотеки в дальнейшем. Выше говорилось, что описание монастыря производилось в 1518, 1526 и 1534 гг.— эти описи до нас не дошли.

Опись 1549 г., составленная также в виде столбца, дефектна и не имеет начала. Однако из описи Соловецкого архива 1733 г. известно, что она была «отводной за игумена Филиппа Колычева»³¹. Описание имущества при ее составлении производилось также по церквам, но теперь их уже было четыре. Четвертая церковь во имя апостолов Петра и Павла была построена на берегу реки Вирмы. Обращает на себя внимание тот факт, что книги согласно этой описи хранились в церквах, а не в казне. Опись составлялась через 11 лет, после опустошительного для монастыря пожара, происшедшего в 1538 г., и все-таки за 35 лет библиотека монастыря увеличилась на 152 книги. Всего в описи 1549 г. перечислена 281 книга. В двух случаях книги описаны суммарно. В одном случае после обычной записи книги по названию говорится: «Да пятьдесят книг с книгою четьи в полдесть». В другом месте в конце описания основной группы книг сказано: «Да дватцать и две книги старые, говорити по них немочно, отложены в казну». Следовательно, к середине века в казну передавались только те книги, которыми не пользовались. Судя по тому, что все книги-четьи по описи 1514 г. вошли в опись 1549 г., отложенные в казну старые книги были богослужебные, так же, впрочем, как и упомянутые выше суммарно 51 книга. Богослужебные книги быстрее устаревали, разрушались от постоянного их использования, но активнее и создавались силами самих монахов в монастыре.

В описи 1549 г. книги перечисляются без разделения их на группы. Описание Соловецкого собрания начинается с богослужебных книг, объединенных по названиям, если они идентичны, одной записью. За 35 лет экзemplярность евангелий, апостолов, октоихов увеличилась вдвое. Так, например, по описи 1549 г. в Соловецком монастыре было псалтырей 39 вместо 19 в 1514 г., евангелий 19 вместо 8, апостолов 14 вместо 7, готребников 7, тогда как в начале века было 2. Всего число богослужебных книг достигло 121 единицы без учета книг, списанных в казну по ветхости или описанных суммарно. За 35 лет число культовых рукописей увеличилось на 45 единиц, книг-четьи — на 34. По-прежнему из светских книг в монастыре были лишь одна палея и один летописец. Зато были переписаны или приобретены книги Исаака Сирина в трех экзemplярах, житие Златоуста, на шесть списков увеличилось число лестниц.

Опись дает сведения о новых книгах. В ней зафиксированы две рукописи жития «преподобных» Зосимы и Савватия, житие Кирилла Белозерского в соединении с житием Паисия Великого и «книга Сергия преподобнаго», видимо, Сергия Радонежского. Из церковной публицистики появилась «Книга соборник избранные Иосифа Волоцкого»; из географических — два списка «Страника» Стефана Новгородца.

Последующие три описи Соловецкого монастыря относятся к концу третьей и четвертой четвертям XVI в. Из этих описей наиболее интересными являются описи 1570 и 1597 гг., так как они отражают, судя по числу книг, книжный фонд монастыря в полном его составе. Опись же 1582 г., по всей вероятности, неполная. В ней зафиксировано всего 212 книг, хотя уже в 1549 г. в монастыре их было значительно больше. В описи 1570 г. описано 329 книг, а в 1597 г. в библиотеке монастыря насчитывалось уже 519 книг.

Опись 1570 г. была составлена 21 сентября по грамоте великого князя Ивана Васильевича Грозного и по наказу царских дьяков «Стефан Калитин да Скорята Дмитриев описали на Соловках монастыре игумену Варламу, да строителю Меркурию, да с ними лугчим старцом»³².

Опись 1582 г. составлялась при передаче монастыря новому игумену Иакову также по грамоте Ивана Грозного. Новый игумен Иаков вместе с рязанским епископом Филофеем и соборными старцами «созрили в церквах образы и сосуды, и у образов кузнь, и ризы, и свечи, и книги...»³³ Наконец, опись 1597 г. была произведена в мае по грамоте вел. кн. Федора Ивановича при передаче монастыря новому игумену Исидору. В эти годы келарем в монастыре был старец Исаак, а казначеем старец Архип.

³¹ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 149, л. 520.

³² Там же, № 121, л. 1.

³³ Там же, № 124, л. 2 об.

В их присутствии, а также с соборными старцами «было описано все монастырское имущество и строение»³⁴.

В двух описях 1570 и 1582 гг. книги описаны без указания места их хранения, в третьей описи сказано: «...да у Спаса же в церкви...» — и перечислены 22 евангелия. Затем, также без уточнения места хранения,— все остальные книги. Правда, в двух записях 1582 и 1597 гг. уточнено: «Да осмь еуангелеи в полдесть, что по кельям держат»³⁵. Во всех описях весьма часто отдельные названия книг, многоэкземплярные и идентичные по размеру, указываются суммарно. Например, в описи 1570 г. говорится: «А книг еуангелеи толковых воскресных пять»³⁶. Чаще всего суммарно описаны псалтыри. В описи 1582 г. в одной записи объединены «дватцать шесть псалтыр с следованием в полдесть»³⁷. В описи 1597 г. записаны «шестнадцать псалтырь с следованием в полдесть», «да одинатцатеры псалмы в полдесть»³⁸ и др. Суммарно упоминаются и некоторые богословские сочинения. Например, из описи в опись начиная с 1549 г. повторяется описание четырех книг Исаака Сирина. Во всех пяти описях последовательно упомянуты «два Дорофея» или «две книги Дорофей»³⁹. В описи 1570 г. уточнен размер книги: «да два Дорофея в полдесть»⁴⁰,— та же запись в описи 1582 г. и, наконец, в описи 1597 г. описание дано стилистически более правильно: «...да две книги Дорофея в полдесть»⁴¹. Суммарные записи иногда бывают с разграничением размера книг. Например, упомянуты «девять лествиц: осмь в полдесть, а девятая в четверть»⁴² или «да двои правила в десть, а трети в полдесть»⁴³, «да три уставы: один в десть, а два в полдесть»⁴⁴.

Все описи грешат отсутствием единообразия. Иногда писцы перечисляли ряд книг, а затем делали общее указание, что «все те девять книг в десть» или «обе в десть». Лишь в одном случае в описи 1597 г. указан размер «в восмину», то есть в восьмую долю листа, книга-четья⁴⁵.

Начиная с описи 1549 г. книги игумена Досифея, выделенные в самостоятельный раздел в 1514 г., слились с другими монастырскими книгами, и в описях они уже никак не выделены. Однако по названиям книги Досифея возможно проследить во всех последующих описях. Каждая опись начинается обычно с описания евангелий. Евангелия, в особенности престольные, поступали в монастырь чаще всего в виде дара и, как правило, имели богатые переплеты, украшенные драгоценными камнями, изображениями Христа и святых, выполненными из серебра с использованием золота. В описи 1597 г. из 22 евангелий, находившихся в церкви Спасителя, одно — пергаменное. «Да еуангелие апракос в десть писано на хараты, поволочено бархатом черчатым, а верхняя цка обложена серебром, золочена, а не ней Спас на престоле, да четыре еуангелисты серебряны же золочены»⁴⁶. Не менее богат был переплет и другого евангелия «апракос в десть писано на бумаги; а верхняя цка обложена серебром золочена, а на ней распятие Господне, да Пречистая, да Иван Предтеча, да по сторон Зосима и Саватен на серебре ж, писаны чернью, да четыре еуангелисты, да херувими, да Герман на серебре ж писаны чернилы, да осмь камышков, застешки и жучки серебряны; а покрыто камкою черчятою; прокладки шолк з золотом и серебром ткан»⁴⁷.

С появлением печатных книг и до Никоновских реформ монастыри охотно стали заменять богослужебную рукописную книгу печатной. Неудивительно поэтому, что за 15 лет с 1582 г. в монастыре появилось 38 печатных книг, из которых 9 были изданы

³⁴ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, л. 2 об.

³⁵ Там же, № 124, л. 50; № 127, л. 69, об.

³⁶ Там же, № 121, л. 25.

³⁷ Там же, № 124, л. 63.

³⁸ Там же, № 127, л. 97.

³⁹ БАН, РО, Собр. авт. мат., № 46, 1549 г., л. 19.

⁴⁰ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 124, 1582 г., л. 26 об.

⁴¹ Там же, № 127, 1597 г., л. 96.

⁴² Там же, № 121, 1570 г., л. 26 об.

⁴³ Там же, л. 26.

⁴⁴ Там же, л. 25.

⁴⁵ Там же, № 127, 1597 г., л. 102.

⁴⁶ Там же, л. 67 об.

⁴⁷ Там же, л. 68 об.— 69.

в Литве. В описях XVI в. печатные книги описывались по примеру рукописных без указания года издания. Однако, зная название книги и учитывая тот факт, что в XVI в. эта книга печаталась один раз, можно предположить, какие именно издания находились в Соловецкой библиотеке. Это, несомненно, могли быть псалтырь только 1568 г., триоди постная и цветная 1589 и 1591 гг. и октоихи 1594 г.

Последняя опись XVI в. особенно важна в источниковедческом плане. После описи 1514 г. она дает наибольшее количество сведений об источниках поступления книг в библиотеку, в ней указываются имена владельцев — вкладчиков, иногда даются конкретные палеографические сведения о типе письма и писцах.

Например, в описи следом одна за другой перечислены десять псалтырей с указанием владельцев или вкладчиков, из них семь в полдесть и три в четверть. Владельцами псалтырей были: одной — чудотворец Зосима, другой — митрополит Филипп⁴⁸. Третья книга поступила как «государево жалование» и три «данье» последовательно старца Селивестра Благовещенского⁴⁹, игумена Ефимия, Ионы Шамина⁵⁰. Наконец, четыре псалтыри имеют нарицательные имена: одна в полдесть — Кашинская⁵¹ и три в четверть: «Гуревская, да Паламоновская да Нектарьевская»⁵².

Эти псалтыри перечислены после описания монастырских старых книг, куда включены и книги Досифея. Таких книг в описи 1597 г. всего 348, то есть на 20 рукописей больше, чем в описи 1570 г. Далее по описи возможно проследить имена 41 вкладчика 77 последующих рукописей. Назовем наиболее известных в истории лиц или тех вкладчиков, книги которых чем-либо примечательны и могут быть отождествлены с реально существующими рукописями Соловецкого собрания. Филипп Колычев — игумен Соловецкого монастыря, впоследствии московский митрополит, отдал в монастырь помимо упомянутой выше псалтыри еще 6 рукописей⁵³, священник Арсений Бобров подарил в монастырь 10 книг⁵⁴, священник Иев⁵⁵ — 3 рукописи, старец Исаак Шахов пожертвовал 4 рукописи⁵⁶ и 2 печатные книги, старец Феодосий игумен Вяжицкий — 2 книги, старец Вениамин Топорков — 3 книги, старец Исаия устюжанин⁵⁷ — 1 рукопись, старец Шестерни дал в монастырь 3 рукописи⁵⁸, каноны и псалтыри, видимо, его же письма, так как в тетрадиях, дьяк Богдан Дементьев пожертвовал 11 рукописей⁵⁹ и т. д.

Эти рукописи поступили в монастырь до 1582 г. — года вступления на игуменство Иакова.

Последний раздел описи 1597 г. включает «книги новоприбыльные, что при игумеч Иякове прибыли, государево жалование и христоробцов дание, и монастырское писмо»⁶⁰.

⁴⁸ ГПБ, Сол. 828(711).

⁴⁹ Там же, 829(761). См. также: Н. Н. Розов. Библиотека Сильвестра (XVI век). — «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., 1966, стр. 193.

⁵⁰ ГПБ, Сол. 830(766).

⁵¹ Там же, 833(765).

⁵² Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., лл. 96 об. — 97.

⁵³ Там же, л. 99 об. Из книг Филиппа Колычева два евангелия в ГПБ: Сол. 49(120) и Сол. 51 (122), там же псалмы Давидовы — Сол. 7 (109) и часословец — Сол. 792 (1146); апостол — в БАН, РО, Сол. собр. 5; житие Зосимы и Савватия — в ГИМ, Епарх. 388. Кроме перечисленных в описи 1597 г. книг в БАН РО (Сол. собр. 3) имеется евангелие, также принадлежавшее Филиппу Колычеву.

⁵⁴ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., лл. 99 об. — 100. Три книги Арсения Боброва в ГПБ: апостол — Сол. 96 (36), потребник — Сол. 1090(1199), лествица — Сол. 205(283).

⁵⁵ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 100. Две книги священника Иева в ГПБ: евангелие — Сол. 64(134), потребник — Сол. 728(1088).

⁵⁶ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 100. Две книги Исаака Шахова в ГПБ: евангелие — Сол. 60(131), псалтырь — Сол. 23(735).

⁵⁷ Эта рукопись — псалтырь 1538 г. была куплена в 1573 г. Исаем Юрьевым сыном Мелчяковым у Федора Салтыкова (ГПБ, Сол. 125(1045)).

⁵⁸ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 101 об. Одна рукопись старца Шестерни в ГПБ: часословец — Сол. 1153 (1263).

⁵⁹ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 102. Четыре книги Богдана Дементьева в ГПБ: книга бытия — Сол. 1(75), псалтырь — Сол. 835(779), Максим Грек — Сол. 307(494), Диоптра, или Зерцало Филиппа Пустынника — Сол. 340(249).

⁶⁰ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 102 об. — 103.

В эти годы в Соловецкий монастырь от Ивана Грозного поступили три рукописи⁶¹: «книга Иосифа Маттафея Евреянина в полдесть»⁶², «Сава сербский в десть» и сборник в десть⁶³.

Крупный вклад книгами сделал старец Созонт: 5 рукописей⁶⁴ и 2 печатные книги, причем из рукописей одна была Хронограф. Старец Ефтихий вложил 4 рукописи, 8 рукописей и 1 печатную книгу подарил в монастырь старец Венедикт. В числе этих книг был Летописец степенной и книга Максим Грек. 7 книг рукописных и 10 печатных поступили от бывшего рязанского владыки Филофея⁶⁵. Наконец, самым значительным было поступление от «бывшего игумена Иякова данья книг» — всего 27, но почти все богослужебные⁶⁶. Подражая Досифею, Иаков свои книги метил знаком⁶⁷, который по внешней форме имитирует экслибрис Досифея.

Указания палеографического характера, помимо формата, при описании отдельных книг во всех описях встречаются весьма редко и бессистемно. В описи 1514 г. были упомянуты, как говорилось выше, три пергаменные рукописи: декабрьская минея, апостольские деяния и Ефрем Сирийский; в трех последних описях названы писанными «на харатьи» лишь две другие рукописи: евангелие и служебник, — хотя несомненно, дошедшая до наших дней пергаменная минея учтена в последней описи. В описи 1514 г. упомянут «сборник Исаина писания»⁶⁸, в описях второй половины века он не поддается определению, ибо в них не указан писец. Но во всех описях второй половины XVI в. названы «три трефолая в полдесть» и «три минеи новых» — те и другие «Спиридонова письма»⁶⁹.

В описях 1582 и 1597 гг. сказано, что книга «псалмы Давидовы, тростью писаны»⁷⁰. Как отмечает Е. Ф. Карский⁷¹, использование на Руси в качестве орудий письма трости — было явлением редким и в данном случае может быть объяснено тем, что рукопись писал грек. На первом листе этой рукописи, которая хранится в ГПБ — Сол. 23 (735), сделана запись: «Сию книгу, глаголемую псалтырь блаженнаго пророка и царя Давида, писал грек тростию, с древних добрых преводов».

Среди книг в описи 1597 г. упомянута книга Максима Грека — «скорописная в кожицы переплетена»⁷². Видимо такого указания в описи на тип письма и переплет было достаточно, чтобы отличить в библиотеке конкретную рукопись от других книг с сочинениями Максима Грека.

Наиболее часто в описях второй половины XVI в. отмечается вид переплета: «в кожи сплетено», «в затылок плетена», «в красной коже», «поволочено камкою зеленою», «поволочено бархатом червьчатым, золотым» и т. д. Об одной из рукописей, по-

⁶¹ Всего же Иван Грозный «пожаловал» в Соловецкий монастырь 24 книги (Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 152, л. 1).

⁶² БАН, РО, Сол. собр. 8; В. Ф. Покровская. Из истории создания лицевого летописного свода второй половины XVI в. — В кн.: «Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги БАН СССР». Под редакцией А. И. Копанева. М.—Л., 1966, стр. 8.

⁶³ ГПБ, Сол. 365(1051).

⁶⁴ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 104. Две книги Созонта в ГПБ: Сол. 577(219), сборник — Сол. 803(913).

⁶⁵ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 104 об. В ГПБ, например, находятся сборник Ефтихия — Сол. 813(923), патерик печерский старца Венедикта — Сол. 480(629), псалтырь рязанского епископа Филофея — Сол. 21(721). Стоглав старца Венедикта хранится в ГИМ, собр. Уварова, № 696.

⁶⁶ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 105 об. Из книг Иякова в ГПБ имеются шесть: евангелие — Сол. 59(135), требник — Сол. 733(1104), лествица — Сол. 203(281), псалтырь — Сол. 832(764), Григорий Богослов — Сол. 174(90), номоканон Зонары — Сол. 417(685).

⁶⁷ Воспроизведение этого знака см.: Н. Н. Розов. Когда появился в России книжный знак? — «Археографический ежегодник за 1952 год». М., 1963, стр. 90.

⁶⁸ См. настоящий том, стр. 369.

⁶⁹ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 97 об.

⁷⁰ Там же, л. 100 об.

⁷¹ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 129.

⁷² Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 127, 1597 г., л. 103 об.

Состав библиотеки Соловецкого монастыря в XVI в.

Название рукописных книг	Опись 1514 г.	Опись 1549 г.	Опись 1570 г.	Опись 1582 г.	Опись 1597 г.
<i>Книги светского содержания</i>	3	5	3	3	6
1) Летописцы	1	1	—	—	—
2) Хронографы	—	—	—	—	2
3) Степенная книга	—	—	—	—	1
4) Палея толковая	1	1	1	1	1
5) Литературные произведения (Повесть Варлаам и Иосаф)	1	1	1	1	1
6) Географические произведения, включая Космографию	—	2	1	1	1
<i>Церковное право</i> (кормчие, уставы)	5	5	18	5	16
<i>Русская церковная публицистика</i>	—	—	3	1	7
<i>Житийная литература</i>	11	20	27	19	44
1) Патерики и лавсаики	5	6	6	1	9
2) Прологи и синоксары	4	8	9	6	7
3) Четьи-Миней	1	1	6	11	19
4) Жития Зосимы и Савватия	—	1	3	1	3
5) Жития русских и греческих святых	1	4	3	—	5
6) Свящцы	—	—	—	—	1
<i>Сборники церковно-назидательного со- держания</i> («Пчела», «Измарагд», «Маргарит», «Сборники»)	9	12	19	9	27
<i>Патристическая литература</i>	23	45	57	35	72
<i>в том числе</i>					
Лестницы	2	8	11	10	12
<i>Богослужбные книги</i>	76	121	202	139	309
1) Евангелия	8	19	31	30	55
2) Апостолы	7	14	18	17	27
3) Псалтыри	19	39	49	49	70
4) Служебные минеи	17	2	34	—	33
5) Ирмологии	3	5	14	14	18
6) Потребники	2	7	11	1	8
7) Триоди	2	5	7	9	12
8) Часословцы и чиновники	2	3	15	—	21
9) Служебники	1	6	7	—	9
10) Другие богослужбные книги	15	21	16	19	56
Итого:	127	208+73*	329	211 рукописей + 1 печатная книга	481 рукопись + 38 печатных книг

* 51 рукописная книга упомянута в одной суммарной записи и 22 рукописные книги описаны в каталоге.

ступивших от Исаака Шахова, в описи 1597 г. сказано: «...а у еуангеля застешки серебряные, а на застешках вырезано имя Исаково»⁷³.

Изредка в поздних описях встречаются указания на книги непереpletенные, в тетрадах. Все они богослужбные. В одном случае упомянут даже «апостол в полдесть недописан в тетратех»⁷⁴. Все это свидетельствует о существовании развитого книгописания в XVI в. в Соловецком монастыре.

⁷³ Там же, л. 100. Рукопись ГПБ, Сол. 60(131). Н. Н. Розов ошибочно предположил, что на утерянной застешке было выгравировано: «Иакова Соловецкого», то есть имя игумена (Н. Н. Розов. Когда появился в России книжный знак?, стр. 91).

⁷⁴ Архив ЛОИИ СССР, Колл. акт. кн. 2, № 124, 1582 г., л. 62.

Рост Соловецкой библиотеки на протяжении XVI в. и тенденцию ее развития по содержанию книг позволяет проследить таблица, составленная по всем имеющимся спискам.

За 83 года библиотека Соловецкого монастыря, несмотря на опустошительные пожары и вражеские нашествия на монастырь, выросла в 4 раза. Рост библиотеки шел в основном за счет богослужебных книг, которые поступали либо в качестве дара, либо в результате переписки их в монастыре. Из богослужебных книг активнее всего переписывались, как отмечалось это и для первой половины XVI в., псалтыри, евангелия, апостолы, служебные минеи. Следом за богослужебными книгами в библиотеке рос раздел патристической литературы, то есть произведений отцов церкви. Затем интенсивно пополнялась житийная литература, которая, как и патристическая, предназначалась, главным образом, для соборного чтения. Наконец, на третье место по количеству книг в библиотеке можно поставить церковно-назидательные сборники. Они предназначались, по градации Н. К. Никольского⁷⁵, для келейного круга чтения. Видимо, для келейного чтения предназначались и книги светского содержания. Однако этот раздел в Соловецкой библиотеке был особенно беден. Всего шесть памятников было в 1597 г., половина из которых поступила в результате дара. Таким образом, если в начале XVI в. книги светского содержания в Соловецкой библиотеке составляли 2%, то в 1597 г. в связи с ростом других разделов библиотеки их число в общей массе сократилось до 1%. Этот процент значительно меньше процента, определяющего количество рукописей со статьями светского содержания в трех других крупных монастырях: Кирилло-Белозерском, Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом. В этих монастырях в XVI в. было последовательно книг в каждом: 780, 2000, 469,— а процент среди них рукописей со статьями светского содержания изменялся на протяжении века таким образом: в Кирилло-Белозерском — от 11 до 4,3%, в Иосифо-Волоколамском — от 3,7 до 5,8% и в Троице-Сергиевой лавре — от 9 до 5,5%⁷⁶. Следует, правда, учесть, что мы в своих наблюдениях исходили из определений описи, не исследуя дошедшие до нас сборники XV—XVI вв. *de visu*, как это сделала Р. П. Дмитриева, изучив состав сборных рукописей со статьями светского содержания. Второй момент, который позволяет объяснить незначительное число светских памятников в Соловецкой библиотеке, — это удаленность монастыря от других культурных центров, где могли создаваться и переписываться новые произведения, отсутствие постоянных связей с ними. Даже первые печатные книги попали в Соловецкий монастырь сравнительно поздно и отражены лишь в описях после 1582 г.

Таким образом, источниковедческий анализ описей XVI в. показывает, что они важны не только для изучения библиотечной практики в Древней Руси. Описи дают ценные, хотя и отрывочные, сведения для палеографического изучения рукописей, а также могут служить, как предполагал еще акад. Н. К. Никольский, источником наших знаний о судьбе отдельных литературных и исторических памятников, о степени их распространения и о культурных связях в XVI в. вообще.

Ниже мы публикуем полностью по копии, снятой студентом Петроградской духовной академии Елеазаровским для Н. К. Никольского, а частично самим Никольским, опись Соловецкого монастыря 1514 г. Остальные описи в хронологической последовательности (полностью 1549 г. и в извлечениях, касающихся описания книг, — 1570, 1582 и 1597 гг.) будут опубликованы в следующем номере «Археографического ежегодника».

Описи публикуются в соответствии с правилами издания исторических документов XVI в.

М. В. Кукушкина

⁷⁵ Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — «Памятники древнерусской письменности», СХLVII, стр. 7.

⁷⁶ Р. П. Дмитриева. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, стр. 166.

Опись Соловецкого монастыря 1514 г.

Лета 7022-го месяца енваря 11 день по великого князя грамоте Василия Ивановича всея Руси по списку по указному описали Спаского монастыря на Соловке Фадеи Дворянкин да Елка Офонасеев.

Церковь Спас велики Преображенъе. А в церкве икон местных: Спас велики на золоте семи пядей да образ Пречистые *... на золоте семи пядей, да образ Николин з деяньем писан на золоте семи пядей, да Пречисты образ Облачная писана на золоте четырех пядей, да икона образ лествица писана на золоте семи пядей. Да двери царские резаны на золоте. Да кресть местной резан рыбой зуб. Деисус с празники и с пророки осми пядей. Да икона выносная писано Деисус да празники святители на золоте с обе стороны пядница. Да Деисус большой писано на золоте шестынацати пядей, а икон тринацат. Да пророцы писаны на золоте пяти пядей на золоте, а их тринацат. Да други Деисус писан на золоте семь пядей, а икон одинацат. Да Деисус резан мамонтова кость с празники с пророки пядница. Да двери северския. Да пророк на красках венец золот. Да в олtare кресть вздвизална серебром обложен, позолочен, жемчюги, да с каменъем, жемчюгов трицат без трех да семи каменев достаканов. Да другой кресть вздвизалной силолоен, по углом серебром обложен, позолочен, на нем вырезано распятие Христова рыбой зуб; да в нем восемь каменей достаканов с розовыми цветы. Да икона Спасов образ серебрена позолочена с жемчужиною да с мощми. Да икона образ Пречистые писан на золоте трех пядей. Да крест пьсан на краске местной. Да образ Пречистые Одегитрее писан на золоте пядница. Да икона образ Николин да Ондрей Критской писаны на золоте пядница. Да икона писан Кирилов образ Белозерьсково писан на красках пядница. Да икона трею святителю, а писана на золоте пядница.

Да на престоле евангелие опракос писано на харатье в десть, а поволочено бархатом багровым да обложена серебром и позолочено; четьре евангелисты по *... да Пречистыя, да Иван Боусллов, да десят каменей и достаканов. Да другое евангелие в театр писано на бумаги в десть, а обложона *... серебром; по углом четьре евангелисты да роспятие Христова, да Пречистая, да Иван Богоусллов позолочено; а застешки серебряны и поволочено бархатом синем.

А престол поволочен камочкою пестрою, покрыто тесамочкою черною с узоры. Да сосуды серебряны церковные: потыр да лошка, да блюдо, да сень. Да ризы игуменьски камчаты: камка белая, ожорелье у риз камочька золото узорчата, да крест на ризах жемчюгом сажан мелким. Да стихар полотнян. Да патрахел тафта червьчята, а по ней шиты святители шесть, шолком шиты да золотом, а веньци у них жемчюгом сажены мелким; да пугвицы серебряны позолочены, а их трицат. Да поручи тафта червьчята, а по ней шиты святители золотом да серебром; а пугвицы серебряны позолочены, а пугвиц четьрынацат. Да пояс шолк с кистми. Да ширинка низовка бумажная. Да ризы постные — камка черная узорчата, а ожорелье у риз бархат лазорев; на ризах Пречистая меденая позолочена. Да стихар крашенина багрова. Да *... Да поручи камчаты на черне земле червьчат шолк. Да двои ризы полотняны, ожерелея у них барохат *... крест у них медян. Да потрахел бархат черныи, а пугвицы медяны их. Да два патрахеля низовския пестряди бамажныи, а пугвицы меденые. Да двои поручи — одни бархатныя, а други камчаты; пугвицы у них медяные. Да ширинка низовская. Да пояс нитян, а кисти шолк зеленои. Да стихар полотнян дяконьскои, ожерелье бархат синь, а крест на стихаре медян. Да стихарь полотнян. Да ширинка низовка.

* Далее в копии пропуск текста, обозначенный отточием.

Да другая церковь теплая Успенье Пречистые. А икон в церкви местных: икона Пречистый Успенье на золоте семи пядей, да образ Спасов Преображенье писано на золоте семи пядей, да икона образ Пречистые Одегитрее писана на золоте пяти пядей. Да дверь царский на золоте. Да Деисус писан на золоте пяти пядей, икон в нем пятнацат. Да празники писаны на золоте местныи на весь год пядница, а их трицат без трех. Да понагея болшая серебряна, а пречистые воздвизают хлеб. Да икона образ Пречистый Одегитрее писана на золоте пядница. Да Деисус пысан на золоте пядница. Да икона образ Зосима да Савати писаны на золоте пядница. Да крест здвизалной на золоте писан.

Да на престоле евангелъе тетр писано на бумаге в десть, да четыре евангелисты медены.

А престол оболочен камочкою пестрою, а престол поволочен камочкою червьчятою. Да сосуды серебряны двои. Да два попытыря. Да два блюда. Да две лошки. Да две сени серебряны. Да катило серебряно. Да ризы свезьныи с камкою. Да ризы полотняны с камкою. Да ризы полотняныи с камкою. Да подрахел. Да поручи камчаты — камка соломенка. Да пояса нитен, кисти шьлковы. Да ширинка низовка. Да стихар полотнян. Да площаница на бумаге. Да два блюда медяные. Да два кадила медяны. Да в трапезе икон: Деисус писан на красках пяти пядей, а икон в нем девят, да икона образ Спасов на золоте пядница, да Пречистые образ писан на золоте пядница, да Деисус писан на золоте пядница, а икон в нем пядня; да икона пра*... на красках пяти пядей, да икона образ Николин писана на золоте четырех пядей. Да грамота монастырская великого князя Васильева жаловалная, а печат в ней серебряна золочена. Да на Сумлян у них грамота правая*...

Да третья церковь Никола чудотворец. А икон в церкви местных: Николай чудотворец писан на золоте пяти пядей, да икона образ Пречистый Одегитрее писана на золоте пяти пядей. Да двери царскъ писаны на золоте. Да Деисус писан на беле краске, венци золоты, пяти пядей, а их девят. Да празники писаны на золоте пядница, а икон пятнацат. Да икона образ Пречистый Успенье писано на золоте пядница. Да икона писан образ акафист на золоте пядница. Да на престоле крест здвзварвной медян.

Да евангилье тетр писано на бумаге в полдесть, да на евангилье крест серебрян.

Да сосуды церковные: оловянный погыр, да блюдо, да лошка, да ковш. Да икона образ Саватей да Василей писаны на золоте трех пядей. Да и у Зосимова гробу стоит икона Деисус писан на золоте пядница, икон в нем одинацат. Да икона образ на золоте Пречистый Одегитрее пядница, да у нее приложоны четыре гривны, серебряны, две позолочены. Да икона образ Пречистый писан на золоте пядница. Да икона образ писан на красках, венець золот на его*... семи пядей. А нагробница оболочена камочкою. А покров на нем отлас полосат. Да Деисус с празники резан рыбой зуб пядница. Да икона писа празники пядница. Да образ Спасов на красках пяти пядей.

Да на воротех писан Деисус со обе стороны на красках, а венци золоты. Да два паникадила медяны, да четыре паникадила железо немецкое. Да трои двери слюдяные*... Да четыре окон слюдень. Да окончина стекло чста. Да четыре колоколы болших. Да колокол часовой. Да часы. Да клепало железно. Да шестой колокол розе**.

Да в казне книг. Два евангильеа толковых в десть. Да пят апостолов тетров в полдесть. Никонское посланье в десть. А да опустол толковой

* Далее в копии пропуск текста, обозначенный отточием.

** Далее печатается по копии Н. К. Никольского.

в дeсть. Три прилоги в дeсть. Да лапсаик в дeсть писаныи. Да Феодорит писан в дeсть.

А се Досефеева даңья книг, игумена бывшаго: перьвую дал книгу устав церковный, да книгу правило святых отець, дал книгу декабрьскую менею на харатъй, дал две минеи четых октябрьская да сентябрьскую, да книга бытъя в подeсть, да нарядил книгу псалтырь в дeсть, дал два охтайка в дeсть, да дал два охтайка четыре книги писаныи, да нарядил книгу Онтиоха Семена Новаго, да книгу марярдъ * в дeсть, дал книгу Селиверста, дал книгу пчелу, дал книгу Кузмю Прозвутера, дал книгу синоксарь, да нарядил книгу патерик скитцкый, да нарядил книгу патерик египетский, дал книгу апакалипсиа да Ивана Богослова, да книгу Фодора Студита, дал книгу Василия Кисариска, дал книгу Ивана Дамаскина, дал книгу Ивана Эксаррха, да книгу палею толковую, дал книгу измарахгд в дeсть, дал книгу Дионисия Ареопагита в дeсть, дал книгу житие Ивана Златоустаго в полдeсть, да книгу торжественник посной в дeсть, дал книгу пророчества, да книгну ** Кирила Ерусалимскаго, дал книгу Настасия преподобнаво, дал книги два евангелиста толкованных, да книга Ондрея Уродоваго, да книга Офонассья Александреискаго, да книга торжественник в дeсть праздничная на весь год, да книга псалтырь толковая в полдeсть, да книгу Ефрема Сирина в дeсть. А всех книг Досефеева дань пятьдесят без четырех.

А се книги монастырьския: Псалтырь в полдeсть Ефимьевская следованьем. Да псалтыря в полдeсть, дал Павел Вежиской. Псалтыря в полдeсть Симонвсая. Да псалтырь следован[ем]. Псалтыря Изосимовская следованьем. Псалтыря Савинская следованьем. Псалтыря в четверть следованьем. Две псалтыри простыи. Две треоди в дeсть. Псалтыря Хутыньская в полдeсть. Псалтыря топалья ** в полдeсть. Трефолои в дeсть. Григор[ия] Бесодовника с Федором с Едеским. Варлам да Асаф с Федором с Едеским. Пакалипси Ивана Богослова. Два Дорофея. Ефрем Сирий в полдeсть. Друг харатеинои в дeсть. Две книги Якимова привоженья в полдeсть: патерик печерьской да лапсаик писма Асафава да Васьхи Лейна в полдeсть. Да измарахгд в полдeсть. Да летописец в полдeсть. Частословец в полдeсть. Исак Сириянин в полдeсть. Яков Жидовин. Стихарал. Ирмы. Книга Касьяновская каныны зерьцалом. Псалтры Осифовская следованием. Устав церковной. Потребник. Служебник Касьяновской. Псалтры простая в пол[дeсть]. Петр Дамаскин Николски деянья на хара[тъе]. Да двенацат менеи, и в тех книгах в одной два месеца. Да две минеи пол *** сентябрьская да декабрьская. Да стихарал в четверть. Да ермолой в полдeсть. Да сборник Исаина писания. Да торжественник Василия Недоброво. Яким повважлевский игумен прислал две книги в дeсть: потребник. Да криницу. Псалтыря игуменская следованьем. Да лествица — книга в полдeсть ****.

Да в казне монастырьской у казначея у старца у Романа. Образ Спасов написан на золоте пядница. Да икона образ Емануил на золоте пядница. Да двери царские на золоте. Да икона образ Пречистыя на камени серебром обложена, да в головке на камени беруза. Да понагея серебряна позолочена с мощьми; да у ней три жемчюги силолон резан. Десус да празники и с обе стороны в четверть. Да коробья с красками с разными: с копорьею, да празелен, да лазорь, да желт. Да ларчик с красками да с образци с ыконны. Да пят оловянцов по ведру, да пят оловяников до полуведра. Да сковорода медена с рукояд. Да десят ровдуг красных лопских. Да шесть кожь деланых. Десят скатертей браных и шитых. Да четырнадцат скатертей задеинных да простых. Да тринадцат шат-

* Так в копии.

** Так в копии с пометой (sic).

*** В копии подъх (?)

**** Здесь обрывается копия Н. К. Никольского.

ров. Да шатер браной. Да восемь пругов воску — тринацат пудов. Да цреного железа полтараста полиць. Да три парусы карьбасные. Да наугородского лну пятнацат пятков. Да седло чарькоское шито белыми нити снастью. Да седло лядцкое снастью. Да лубье сагадачное, белью шито без стрел и без лука. Да трой железа на веретене.

Да у келаря у старьца у Иева казны. Лодья двинская с якори да с парусом, да две шеимы нитены. Да другая лодья двинская с якори да с парусом. Да две шеимы нитены. Да лодья онежская с якори да шеима, да парус. Да лодья с якорем с шеима, да парус. Да лодья с якорем, да парус, да шеима. Да шестнадцать запрудник меди по полутора ведра. Да шесть котлов малых запрудные меди по полуведра. Да треног меден ведро. Да две сковороды медные рукоядные. Да сковорода железна рукоядна. Да три сковороды блиные железны. Да два котла красные меди по семи ведер. Да два котла красные меди по пяти ведер. Да котел красные меди три ведра. Да котел красные меди полтора ведра. Да котлець мал запрудная мед полведра. Да четыре чеши железные в поварне на таганы. Да котел красной меди двенацат ведер. Да котел запрудная мед полтора ведра. Да два котла красные меди полтрицати ведер.

Да в киларской два звонки мед запрудная. Да тринацат солоник оловяных. Да двацат скатертей шитых и браных, и простых. Да пят шандамов немецких красные меди. Да рукомоник меден. Да лоханя медена. Да лоханка медена полужена. Да яньдова медная ведро. Да у варниц котел железен трицат ведер. Да котел красные меди восемь ведер. Да котел красные меди пят ведер. Да котел красные меди четыре ведра. Да котел запрудные меди ведро. Да четыре котлики малых по полуведра.

Да у коровници в Муксоне горшок меден в три ведра. Да треног мед запрудная в полведра. Да котел мед запрудная ведро.

Да у варниц три црены кипят, а четвертой црен не кипит, везчан.

Да две мелници у монастыря. Да пятсот коробей в житницах ржи. Да трицат лошадей да двое. Да сорок коров. Да двацат молодых быков да и телеи.

Да в казне коробья старца Елесеева. А в ней образ Спасов писан на красках венць золот пядница. Да икона образ Пречистые писан на красках, венец золот пядница. Да икона образ Николин писан на красках, венец золот пядница.

Да псалтыря с следованьем в полдесть. Да часословець писан в полдесть следованьем. Да книга четья в полдесть.

Да 30 свечь витых и простых без трех. Да пятнацат утиралников. Да две ширинки шиты шолком, одна безинна. Да два ковша выносные вязовы. Да ковшь белой выносной. Да чярка вязова с венцом. Да два ковшика питых. Да три ковшик питы медяны. Да семь крестиков маленких. Голеи коробья. Да два колачика. Да ущина. Да топор *... рухляди: шюба белья червьчята нова да шюба баранья нова, да двои сапоги новы, да рязка.

Да в другой коробье. Образ на золоте Спасов пядница. Да образ Пречистыи на золоте пядница Одеитрей. Да образ Пречистая оболченая на золоте пядница. Да икона складная шестеднев на золоте в четверть. Да икона образ Пречистая, да икона образ Николин — писаны на золоте в четверть с пеленою на золоте. Да крест немецкое железо пречистыи образ.

Да в третье коробье. Шатер трех ловниць да намет 4 полотнища, да 8 локот полотна. Да 2 скатерти простыи.

Да в четвертой коробье псалтыря следованьем, да мелки рухляди на десят на наугоцкую.

* Далее в копии пропуск текста, обозначенный отточием.

Да в казне жо Варламова коробья старьцова. А в ней рухлядь. Псалтырь следованьем в десть. Да частословец следованьем в полдесть, не переплетены.

Да пол 6 дести бумаги. Да 70 тотратей *... в полдесть да в четверть.

Да налои; а в нем рухляди — краски разны, иконы, две снасти золотых иконных.

Да коробья; а в ней ставцов з блюды — десять блюды да три ставцы слускин **.

Да коробья, а в ней рухляди. Икона Пречистая Одеитрей писана на красках дву пядей. Да образ Спасов писан на красках венець золот дву пядей. Да образ Ондрей Стратилат да Микита мученик, да Егореи мученик писаны на красках, веньци золоты пядница. Да крест распятие на железе на немецком. Да кресты святая святых на немецком железе складной. Да крест на железе жо на немецком. Да крест резан на дереве роспятье. Да блюдо да два ковшика ореховая. Да яндовка. Да топор болшой псковской лагир.

Да в казне жо Савы иконика сторццова коробья. А в ней рухляди Образ Спасов на золоте пядница. Да образ Пречистый Умиление на золоте пядница. Да образ Николин на золоте пядница. Да образ Михаила Страга на золоте пядница. Да 9 дестей бумаги.

Да ермолой писан знамен в четверть.

Да ларец. А в нем рухляди. Икона образ писано второе пришествие на золоте. Да Пречистая на золоте писано Одеитрей пядница. Да Деисус писан на золоте пядница, а икон в нем. Да образ Спасов да Пречистый писаны на красках, веньци золоты, четверть.

Да книга лествица ***.

По великого князя грамоте по списку по указному Фадеи Дворянкин да Елка Офонасеев описали Спаской монастырь Соловки с игуменом с Ефимьем да с лудчими старцы: з бывшим игуменом з Достоефеем да священком з Галасеею, да старцом Офонасьем, да с келарем с Ёевым, да с казначеем с Романом. Да и приказал Фадеи Дворянкин, да Елька Офонасьев сын по великого князя списку по указному, ведать монастырь Спаской и весь доход монастырьской священнику Галасеи, да старцу Офонасью, да с ними келарю Иеву, да казначею Роману монастырь ведать и братью берьчи, да и варници, да и детей дотоля, докудова им князь велыки игумна держит или тово жо даст. А вы б святая братья слушали по великого князя слову; оне вас берегуд до игумна ****.

Да опосле описи Фадея Дворянък да Елки Офонасьева прибил празник во Спаси на золоте семи пядей, а икон четырнадцат, да образ Пречистый Одигетрей, писан на бели краски пяти пядей, да книга Григорей Богослов в полдесть, да якорь лоденна.

БАН, РО, Собр. авт. мат., № 46.

* Далее в копии пропуск текста, обозначенный отточием.

** Так в копии со знаком вопроса.

*** Конец столбца утрачен, далее печатается приписка на обороте.

**** Далее следует вторая приписка на обороте столбца.

ПИСЬМО П. Ф. ЯКУБОВИЧА В. И. СЕМЕВСКОМУ О ВСТРЕЧЕ С А. И. УЛЬЯНОВОЙ

В фонде Василия Ивановича Семевского в Архиве АН СССР хранятся 29 писем и открыток к нему Петра Филипповича Якубовича 1900—1909 гг.¹, 20 из которых были посланы между 24 октября 1906 г. и 23 января 1907 г. Эта основная часть переписки касается исключительно вопросов издания первого тома «Галереи шлиссельбургских узников», который в это время формировал по мере поступления корректуры и рукописей П. Ф. Якубович². Следует отметить, что его письма являются наиболее подробным и компактным источником по истории создания упомянутого сборника историко-биографических портретов³, горячо встреченного научной и литературной общественностью⁴. М. С. Ольминский в рецензии на книгу писал: «...Для того, чтобы перестал, наконец, существовать строй, неспособный дать ничего, кроме бесчисленных шлиссельбургов, нужно пожелать самого широкого распространения „Галереи“»⁵.

В числе произведений, снискавших сборнику репутацию столь замечательного труда, находился очерк об Александре Ильиче Ульянове, написанный его сестрой Анной Ильиничной Елизаровой-Ульяновой⁶. Первый опыт ее работы в области историко-революционной тематики был отмечен несомненными достоинствами. Решая в рамках мемуарного жанра сложные вопросы развития взглядов революционера, автор сообщал множество неизвестных фактических данных. Впервые А. И. Елизарова-Ульянова рассказывала о детских и юношеских годах Александра Ильича, о его интересах и занятиях в бытность студентом Петербургского университета, приводила ценнейшие сведения о его ближайшем окружении и обстановке, предшествовавшей аресту.

Строки короткого письма П. Ф. Якубовича В. И. Семевскому от 2 декабря 1906 г. подчеркивают факт непосредственного участия крупных общественных деятелей России (революционного поэта и историка) в судьбе очерка об А. И. Ульянове. Письмо еще раз свидетельствует и о продолжении давних близких связей молодого поколения Ульяновых с В. И. Семевским. В середине 80-х годов «усердное» посещение его лекций по истории крестьянства было одним из любимых занятий Александра Ильича и Анны Ильиничны Ульяновых, намечавших ряд рефератов по изучению, главным образом,

¹ Указания на эти автографы приведены в обзорах фонда В. И. Семевского, сделанных Н. Ростовым («Литературное наследство», т. 7—8. М., 1933, стр. 423), С. И. Волковым («Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 255), а также в кн.: Б. Н. Двинянин о в. Меч и лира. М., 1969, стр. 111.

² «Галерея шлиссельбургских узников». Под ред. Н. Ф. Анненского, В. Я. Богучарского, В. И. Семевского и П. Ф. Якубовича, ч. I—XIV. СПб., 1907, 298 стр., 29 л. портр. В числе авторов В. Я. Богучарский, С. А. Венгеров, С. Я. Елпатьевский, М. Н. Новорусский, В. И. Семевский, Е. В. Тарле, В. Н. Фигнер и др.

³ См. также «Дон», 1957, № 9, стр. 170—171; «Советские архивы», 1968, № 6, стр. 106—109.

⁴ «Русское богатство», 1907, № 4, отд. 3, стр. 119—123; «Былое», 1907, № 4, стр. 313—315 (В. Водовозов); «Современный мир», 1907, № 4, отд. 2, стр. 81—83 (Ник. Дубровский); «Вестник Европы», 1907, № 5, стр. 368—370 (М. О. Гершензон); «Русская мысль», 1907, № 6, отд. 3, стр. 107—109 (А. Кизеветтер) и др.

⁵ «Образование», 1970, № 7, отд. 3, стр. 134.

⁶ «Галерея шлиссельбургских узников», стр. 200—213.

экономической стороны истории крестьянства⁷. В январе 1886 г. А. И. Ульянов написал адрес В. И. Семевскому с протестом против удаления его из Петербургского университета; в 1899 г. адрес, преподнесенный Семевскому в честь 25-летия его научной деятельности, был подписан А. И. Елизаровой-Ульяновой. Известно, что она передавала В. И. Ленину книги от В. И. Семевского⁸.

В конце лета 1906 г. до декабря 1907 г. (с перерывами) В. И. Ленин, как известно, жил в Куоккалла (Финляндия) на даче «Ваза», нелегально выезжая в Петербург⁹. Можно предположить, что он знал о сотрудничестве сестры в сборнике «Галерея шлиссельбургских узников». Книга «Галерея шлиссельбургских узников» была в библиотеке Владимира Ильича в Кремле¹⁰. Не причастен ли В. И. Ленин к этой работе? Было бы чрезвычайно заманчиво получить какие-либо данные, подтверждающие это предположение.

Текст письма, печатается согласно «Правилам издания исторических документов».

Н. Н. Митрофанов

Дорогой Василий Иванович!

Анна Ильинична была сейчас у меня. Дело объясняется просто: она совсем не получила корректуры до вчер[ашнего] дня, когда Вы ей прислали ее¹. С нашими исключениями всего, что касается Шев[ырева]² и Говор[ухина]³, она безусловно согласна, — и даже больше: сама просит выбросить в 5 полосе намек на Лукашевича⁴ (мы-то не знаем этого): «которую из-за лязга железа, привлекающего внимание соседей, отклонил от себя другой участник»⁵.

Остальные поправки А[нны] И[льиничны] так незначительны, что я приму их во внимание при чтении верстки.

Итак, прикажите верстать по поправ[ленной] мною корректуре и продолжать высылать мне листы.

19^{XII}/₂06

Ваш П. Якубович

Р. С. А[нна] И[льинична] извиняется, что не имеет времени зайти к Вам, как Вы ее просили, — ей очень хотелось поговорить со мной. Оказывается, она уже была у меня, но не нашла квартиры.

Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 803, л. 13

Примечания. ¹Как свидетельствует письмо П. Ф. Якубовича В. И. Семевскому от 19 ноября 1906 г. (Архив АН СССР, ф. 489, оп. 3, ед. хр. 803, л. 12), корректуру от А. И. Елизаровой-Ульяновой ожидали получить уже в середине ноября.² Шевырев П. Я. (1863—1887) — один из инициаторов и организаторов покушения на Александра III 1 марта 1887 г. Казнен в Шлиссельбургской крепости вместе с А. И. Ульяновым.³ Говорухин О. М. (1864—1936) — один из инициаторов покушения на Александра III. 20 февраля 1887 г. при помощи А. И. Ульянова скрылся из Петербурга за границу. Вернулся из-за рубежа в 1925 г. (см. «Деятели революционного движения в России». Библиографический словарь, т. 3, вып. II. М., 1934, стб. 832—834). При написании очерка о брате А. И. Елизарова-Ульянова располагала выписками из текста реферата Говорухина об участниках заговора, прочитанного им перед эмигрантами в Женеве в 1888 г. Эти выписки были сделаны ею самой и впоследствии опубликованы: «А. И. Ульянов и П. Я. Шевырев по воспоминаниям Говорухина». С предисл. А. Елизаровой. — «Пролетарская революция», 1925, № 7 (42), стр. 112—133; «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.». М.—Л., 1927, стр. 211—233. ⁴Лукашевич И. Д. (1863—1928) — активный участник подготовки покушения. Был приговорен к бессрочной каторге, пробыл в Шлиссельбурге более 18 лет. ⁵ По-видимому, эта фраза гримыкала к следующему отрывку, соответствующему пятой полосе корректуры очерка А. И. Елизаровой-Ульяновой: «...Многие советовали ему [А. И. Ульянову.— Н. М.] сменить квартиру, и он сам собирался сделать это, но за массой дел не мог собраться. И тем не менее, в его квартире производились такие рискованные части работы, как резка железа для снарядов или набивка трубок динамитом» («Галерея шлиссельбургских узников», стр. 209).

⁷ «Галерея шлиссельбургских узников», стр. 207.

⁸ С. И. Волков. В. И. Семевский (к научной биографии). — «История СССР», 1959, № 5, стр. 116, 122.

⁹ «Владимир Ильич Ленин». Биография. Изд. 2. М., 1963, стр. 146.

¹⁰ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961, стр. 203 (№ 1882).

«СПРАВКА» В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА А. А. ШАХМАТОВА

Публикуемый документ находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в обширном архивном фонде старого большевика и ученого Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича (ф. 369, картон 224, ед. хр. 30). «Справка» написана в связи с ходатайством о пенсии вдове Алексея Александровича Шахматова. Это машинописный отпуск (лл. 1—1 об.), подписанный В. Д. Бонч-Бруевичем.

В. Д. Бонч-Бруевич переписывался с А. А. Шахматовым с 1901 г. В 1905 г. познакомился с ним, затем выполнял по заданию Академии наук работу по изучению современного сектантства, по подготовке к изданию памятников общественной мысли (в том числе сочинений Г. Сковороды) и регулярно занимался в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук. Материалы, свидетельствующие об этом, сохранились не только в фонде В. Д. Бонч-Бруевича, но и в фондах А. А. Шахматова, его помощника по Рукописному отделению Всеволода Измайловича Срезневского, в фондах академических учреждений.

В. Д. Бонч-Бруевич не раз писал о собирании в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук материалов революционного содержания — архивов и нелегальных изданий революционных партий, а также о помощи, которую А. А. Шахматов оказывал революционно настроенным интеллигентам. Впервые В. Д. Бонч-Бруевич упомянул об этом в статье «Памяти русского ученого А. А. Шахматова», напечатанной в газете «Известия» от 12 октября 1920 г. Значительно пространнее охарактеризована эта деятельность А. А. Шахматова в статье «Нелегальный отдел Библиотеки Академии наук (По личным воспоминаниям)», опубликованной в той же газете 6 сентября 1925 г. в связи с празднованием 200-летия Академии наук. Эта газетная статья легла в основу статьи «В. И. Ленин и Библиотека Академии наук», опубликованной в журнале «Новый мир» (1945, № 8), откуда она была перепечатана в 1961 г. во II томе избранных сочинений В. Д. Бонч-Бруевича («Статьи. Воспоминания. Письма 1895—1914 гг.», стр. 453—460) и в 1969 г. в сборнике документов «Ленин и Академия наук» (стр. 276—283). О собирании революционной литературы в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук В. Д. Бонч-Бруевич упоминал и в других своих статьях, в частности в статье «Об архивных фондах литературных деятелей» («Архивное дело», 1939, № 2, стр. 16)¹ и в устных выступлениях. Он сам писал об этом в письме к В. И. Срезневскому от 20 ноября 1929 г.: «...Я знаю, как Вы всегда были отзывчивы на сохранение всех нелегальных документов в самое опасное царское время, когда за какой-нибудь латышский архив², если бы он у Вас был обнаружен, Вы пошли бы на каторжные работы. Об этих Ваших прекрасных делах 1905-6 гг. и следующих годов я постоянно рассказываю решительно везде, так как всегда помню, как Вы вместе с А. А. Шахма-

¹ В. Т. Пашуто в статье «А. А. Шахматов — буржуазный источниковед» («Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 49—52), к сожалению, прошел мимо этих давно опубликованных данных и односторонне изобразил общественную деятельность и нравственный облик ученого.

² Речь идет об архиве латышских социал-демократов, который, по рекомендации В. Д. Бонч-Бруевича, согласился взять на хранение в Библиотеку Академии наук.

товым спасли мой архив с письмами Ленина, Плеханова, Аксельрода и др., мою библиотеку, сохранили архив латышей и т. д.»³.

«Справка» интересна прежде всего тем, что это документ официального характера, написанный с чисто практическими, а не с повествовательными целями.

Сведения «Справки» подтверждаются данными других источников⁴. Летом 1910 г. был произведен обыск и в Рукописном отделении и дома у Срезневского. Это отражено в изученной М. А. Робинсоном переписке Шахматова, находившегося тогда в своем имении в Саратовской губернии, с С. Ф. Ольденбургом, В. И. Срезневским, Ф. Ф. Фортунатовым. В письме к своему учителю и другу академику Ф. Ф. Фортунатову от 6 июля 1910 г. Шахматов писал: «...Ведь у нас собрано очень много нелегальной литературы... Не могу понять, как случилось то, что при обыске не найдено ничего предосудительного⁵, когда у нас редчайшие и важнейшие рукописные материалы»⁶. В связи с выступлением об этом В. Д. Бонч-Бруевича на одном из заседаний в 1929 г. В. И. Невский заметил, что в 1906—1908 гг. в Рукописное отделение передавались материалы Петербургского комитета РСДРП. В. В. Максаков отмечал, что даже такая «территориально далекая» партийная организация, как Сибирская, считала своим долгом посылать в Рукописное отделение Академии один-два экземпляра выходящей литературы, а Ю. М. Стеклов напомнил о том, что он бывал в те годы в Рукописном отделении⁷.

Известно и то, что А. А. Шахматов старался облегчить участь арестованных студентов⁸. Сохранились документы (з фонде А. А. Шахматова в Ленинградском отделении Архива АН СССР, в фонде В. Д. Бонч-Бруевича и его жены В. М. Величкиной), свидетельствующие о больших усилиях, предпринятых Шахматовым к освобождению арестованного (в 1906 и 1911 гг.) Бонч-Бруевича. Было бы, конечно, ошибкой на основании этих и подобных материалов характеризовать Шахматова как революционера. Он был либералом кадетского толка, верившим в силу правительственных преобразований. Но Шахматов презирал царя и его окружение, с уважением и заинтересованностью относился к революционно настроенной интеллигенции и понимал большое общественное и историко-культурное значение документов революционного движения.

«Справка» публикуется полностью в соответствии с современными правилами издания документов.

С. О. Шмидт

Справка¹

Сим подтверждаю, что очень хорошо мне известный, ныне покойный Алексей Александрович Шахматов, находясь в должности директора Рукописного Отделения Академии Наук, всегда оказывал многообразные и всяческие содействия политическим ссыльным и заключенным, в том числе и нашим товарищам — социал-демократам большевикам. Эта его замечательная деятельность мне очень хорошо известна начиная с 1905 г., когда был арестован Совет Рабочих Депутатов и когда Алексей Александрович деятельно хлопотал за целый ряд наших товарищей, сидевших в «Крестах», причем эти хлопоты увенчались большим успехом. С тех пор мне приходилось наблюдать эту общественно полезную и ценную деятельность покойного академика вплоть до Февральской революции 1917 г. Я не знаю ни одного случая, когда Алексей Александрович отказался бы хлопотать за того или другого нашего товарища, томивше-

³ Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 3038, л. 56 об. За это указание признателен В. А. Черныху.

⁴ См. «История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964». М., 1964, гл. VII, 1910—1917 гг. (автор А. И. Копанев).

⁵ В. Д. Бонч-Бруевич впоследствии объяснял это тем обстоятельством, что подобные материалы в Рукописном отделении переплетались в книги с надписью «Разнь», которые помещали между рукописями XVIII в. в искусно замаскированных шкафах.

⁶ Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 90, оп. 3, № 99, лл. 61—62.

⁷ Архив АН СССР, ф. 377, оп. 1, д. 556, л. 8.

⁸ См. об этом: М. А. Робинсон. А. А. Шахматов и студенческое движение. — «Известия АН СССР». Серия литературы и языка. т. XXX, вып. 2. М., 1971.

гося в тюрьме или находившегося в ссылке. Кроме того, в самом Рукописном Отделе Академии Наук Алексей Александрович разрешил сосредоточить в то страшное реакционное столыпинское время архивы и нелегальную литературу всех партий и политических групп и в том числе нашу большевистскую литературу. Покойный Владимир Ильич Ленин, зная от меня это разрешение директора Рукописного Отделения, распорядился дать знать по всем нашим легальным заграничным и нелегальным российским организациям, с которыми он находился в связи, и предложил высылать в Академию всю нашу печатную и рукописную литературу. Благодаря этому скоплению там нашей литературы мы во все время столыпинской реакции могли пользоваться этой замечательной коллекцией для наших литературных работ и занятий. Целый ряд больших исследований того времени были написаны в залах Рукописного Отделения на основании громадных материалов, которые там находились. Алексей Александрович распорядился принять на временное хранение мою нелегальную библиотеку, которая выслана была мной из-за границы вместе с двумя чемоданами, наполненными книгами и рукописями, принадлежащими нашему тов. Теодоровичу², несмотря на то, что жандармы и Охранное отделение ни в коем случае не хотели пропускать этот ценный для них груз и хотя его арестовали на Финляндском вокзале, придравшись к тому обстоятельству, что в одном из чемоданов т. Теодоровича был обнаружен револьвер, Алексей Александрович употребил всю силу своего авторитета и настоял перед властями, чтобы вся эта библиотека и книги, принадлежащие т. Теодоровичу, были доставлены в Рукописное Отделение Академии Наук, где эта обширная библиотека бережно сохранялась до самого последнего времени.

Вся эта общественно-политическая полезная деятельность покойного академика Алексея Александровича Шахматова, конечно, должна заслуживать самого большого внимания со стороны нашей Советской власти, и после его смерти необходимо позаботиться и обеспечить его семью, крайне нуждающуюся в средствах, той вполне заслуженной им персональной пенсией, которую я полагал бы необходимым выдать его жене немедленно.

Я не касаюсь здесь замечательных научных трудов и исследований в области истории, где Алексей Александрович занимал вполне заслуженное первоклассное мировое имя, будучи признан всем научным миром как один из самых выдающихся исследователей и истории и языка конца XIX и начала XX вв.

С коммунистическим приветом Влад. Бонч-Бруевич

Примечания:¹ Сбоку слева дата: «января 17 З». Это не может быть 1923 год, так как В. И. Ленин был тогда жив. Возможно, следует читать: «января 17 [19] З [1 г.]», — как раз в это время, судя по сохранившейся переписке, В. Д. Бонч-Бруевич хлопотал об увеличении пенсии вдове Шахматова.² Очевидно, И. А. Теодорович (1875—1940) — профессиональный революционер, большевик, в 1930-е годы — ответственный редактор журнала «Каторга и ссылка».

IV. ХРОНИКА

ЗАСЕДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1970 г.

25 февраля 1970 г. состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Группы по изданию Полного собрания русских летописей. С докладом «Даниил Заточник и летописание»¹ выступил академик Б. А. Рыбаков.

В прениях по докладу выступили:

Доктор исторических наук Н. Н. Воронин (Ин-т археологии АН СССР) отметил, что докладчик поставил перед собой очень сложную задачу — доказать участие Даниила Заточника в составлении летописей конца XII в. Однако докладчик не останавливает своего внимания на различии в политической направленности «Слова» и «Моления». Если в «Слове» вассалы выступают очень робко, просят милости у князя, то в «Молении» они намекают на то, что им пора обладать городами. Поэтому необходимо объяснить такую метаморфозу автора этих произведений — Даниила Заточника, если считать, что автором их выступал только Даниил Заточник, а не группа лиц.

Н. Н. Ворониң отметил также, что фигура князя как адресата является условной — «скользящей», которая выступает в произведениях в зависимости от того, где и когда это необходимо, а также, что не всегда можно связать имя князя Ярослава Владимировича с Новгородом.

Далее Н. Н. Воронин сказал, что система цитат, используемая идентично как в «Слове», так и в летописях, не может служить сильным аргументом в пользу участия Даниила Заточника в летописании, так как использование церковных цитат в произведениях, в том числе и летописях древней Руси, — явление обычное.

Доктор исторических наук О. И. Подобедова (Ин-т истории искусств) подчеркнула, что для доказательства участия Даниила Заточника в летописании нужно проводить конкретный словарно-текстологический анализ рассматриваемых источников. Возможно, что авторы использовали цитаты какого-либо распространенного в то время церковного произведения, чрезвычайно популярного, который был и в речевом обиходе. Интересно, что наряду с библейскими цитатами в рассматриваемых произведениях встречаются цитаты из богослужебных книг, в частности цитаты из службы «Великой субботы». Этими цитатами выражались мысли и надежды авторов. О. И. Подобедова отметила перспективность работы по анализу цитатных пластов, встречающихся в памятниках древнерусской письменности.

В заключение председательствующая З. В. Удальцова сказала, что докладчик по-новому оценил литературную деятельность Даниила Заточника и привел веские доказательства его участия в составлении летописей.

23 октября состоялось заседание, на котором был заслушан доклад С. В. Житомирской «Некоторые проблемы собирания и использования письменных источников»².

По докладу развернулись оживленные прения.

А. Л. Станиславский (Архив АН СССР) сказал, что давний спор архивистов о методах и критериях отбора документов на хранение имеет прежде всего практическое значение. Практика работы Архива АН СССР по комплектованию личных фондов показывает, что первостепенной задачей архивистов является розыск документов, а не отбор их для хранения, так как количество личных фондов уменьшается. Рядовые советские люди (рабочие, колхозники) не хранят своих архивов. Их дневники, письма, воспоминания надо собирать и хранить, ибо для будущих поколений историков все это станет первостепенным источником. А. Л. Станиславский отметил также, что практика собирания материалов предполагает ориентироваться не на оценочные критерии, а на определенный комплекс взаимосвязанных документов, то есть на объем всех материалов, который возможно собрать.

¹ См. настоящий том, стр. 43—89.

² См. настоящий том, стр. 28—42.

А. В. Елпатьевский (ВНИИДАД) отметил, что при отборе материалов на хранение нельзя пользоваться одними статистическими методами. Оценочные критерии отбора, конечно, играют свою роль. Репрезентативный метод отбора документов предполагает комбинированный отбор, а не формально-математический. В последнее время при отборе информации принята теоретическая установка, которая определяет роль и значение учреждений в экономической, научной и культурной жизни советского общества. Эта установка дает наименьшее количество ошибок при отборе. Сейчас архивы располагают комплексами источников, которые репрезентативно представляют наше советское общество. Далее А. В. Елпатьевский поддержал тезис доклада о необходимости расширения и углубления информации о государственном архивном фонде путем издания сводных справочников и путеводителей.

В. А. Черных (ЦГАЛИ) подчеркнул, что современное положение информации об архивных фондах не совсем удовлетворительно. Например, местные хранилища почти не информируют научную общественность о составе своих архивных фондов. В этой связи В. А. Черных остановился на практике ЦГАЛИ по изданию путеводителей, которые дают всеобъемлющую информацию о фондах архива. Выступающий также высказался за то, чтобы разработать методику по изданию справочников, отражающих наличие рукописного и документального материала в хранилищах Союза, и предложил, чтобы этим вопросом занялась Археографическая комиссия. В. А. Черных также остановился на вопросе о критериях отбора материала на хранение. Он считает, что главным критерием при этом должен быть критерий ценности материала. А что представляется ценным для русской истории, культуры и науки, должен знать каждый архивист.

Н. С. Кобленц (Москва) подчеркнул, что вопрос об оценочных критериях документальных материалов очень старый и сложный. Речь прежде всего идет о выборе объекта архивной регистрации. На примере читательского формуляра В. И. Ленина он показал, что такое объект архивной регистрации и какие последствия имело уничтожение всех читательских формуляров в библиотеках, в том числе и формуляра В. И. Ленина. Далее Н. С. Кобленц отметил, что важно также знать, какие материалы не включены в объект архивной регистрации, чтобы представлять объем и характер первичного материала. Недооценка значимости некоторых видов документации может привести к печальным последствиям, которые еще не осознаны современниками.

Б. И. Мусатов (Москва) сказал, что задача архивистов — подготовить архивный материал для будущих поколений. Старые критерии отбора материала на хранение становятся неприемлемыми. Все увеличивающийся поток информации заставляет искать новые методы отбора. Однако нет еще идеального метода — его надо выработать. К Международному конгрессу архивистов советские архивисты должны прийти с конкретными предложениями по этому важному вопросу. Сейчас же надо объединить усилия всех организаций (ГАУ, ВНИИДАД, МГИАИ) и выработать эти предложения.

И. С. Назин (ГАУ) отметил важность поставленных в докладе вопросов и высказался за то, чтобы экспертиза архивной документации осуществлялась архивистами совместно с историками. У истоков научной теории экспертизы документальных материалов стояли крупные ученые-историки, и надо принимать все меры, чтобы союз историков и архивистов постоянно укреплялся. Всю массу документов хранить невозможно, поэтому необходим наилучший метод отбора, но его надо найти. И в этом историки должны помочь архивистам.

В. М. Жигунов (ВНИИДАД) сказал, что возросшая роль архивиста при отборе документов на хранение предполагает активное его вмешательство в этот процесс в плане жесткого лимитирования количества информации, отлагающегося на хранение. В сложившейся практике делопроизводства советских учреждений каждое событие, каждый факт документирован не один раз, а несколько — по разным линиям и каналам. При экспертизе документов это необходимо учитывать. Далее В. М. Жигунов рассказал об опыте ВНИИДАД по изучению использования архивных материалов крупнейших и местных архивов СССР советскими исследователями. Оказалось, что исследователи могут лишь за 50—100 лет переработать имеющуюся информацию наших архивов только по одной отрасли народного хозяйства — черной металлургии, где сейчас хранится около 50 тыс. дел, а исследователи за последние 10—15 лет использовали лишь 2,5 тыс. дел. Ясно, что претензии историков на недостаточность информации, заключающейся в архивных материалах, несостоятельны.

М. И. Черноморский (МГИАИ) остановился на вопросах архивной терминологии, в частности на невозможности употребленного докладчиком термина «репрезентативность». Этот термин скорее всего статистический, а метод статистического отбора хорош лишь при обработке однородных источников. М. И. Черноморский возражает против такого критерия отбора, когда берется соотношение используемых материалов с объемом хранимого материала в архиве, так как мы не можем предугадать, какие темы будут разрабатывать будущие историки.

Р. Ф. Хохлов (Дмитровский музей) остановился на положении архивных материалов в местных краеведческих музеях, где есть интересные документы, но о них никто не знает и с ними никто не работает. Местные музеи не знают, какие документы брать на хранение, как их описывать и хранить. В этом плане необходимо оказать методическую и практическую помощь сотрудникам местных музеев. Необходимо также

разработать специальную инструкцию по методике отбора, обработки и хранения архивного материала для музеев страны.

В. М. Суринов (Археографическая комиссия) высказал мысль, что выбором субъективных критериев отбора документов на хранение нельзя решить проблему экспертизы архивного материала, так как только объективные критерии, всесторонне отражающие потоки документальной информации, могут привести к положительным результатам. Но в практике работы архивистов эти объективные критерии не выдерживаются. Возьмем, например, такой вид документа, как заявления трудящихся. Если при отборе документов руководствоваться общенсторическими критериями, то заявления трудящихся представляются малоценными. Но если к ним подходить с точки зрения лингвистики или истории быта, то этот вид документа является уникальным.

В заключение председательствующий С. О. Шмидт отметил своевременность постановки вопроса о разработке теоретического принципа отбора документов на архивное хранение. Назрела необходимость подготовить обзор архивных собраний малых форм, разработать рекомендации для сохранения и описания архивных материалов различного типа, а также обратить особое внимание на подготовку кадров молодых архивистов.

23 декабря 1970 г. состоялось пленарное заседание Археографической комиссии, на котором был заслушан доклад Г. П. Лебедева «Научные основы Правил издания исторических документов в СССР». Докладчик отметил, что с 1955 г., когда вышли «Правила издания исторических документов», успешно развивалась публикаторская деятельность советских научных учреждений, разрабатывались актуальные вопросы теории и практики археографии, повышался научный уровень документальных изданий, к делу публикации уникальных материалов привлекались видные ученые — историки и археологи.

Только за эти годы было издано более 700 различных сборников документов. Характерной особенностью этих изданий явилось расширение хронологических рамок используемых для изданий документов и введение в научный оборот новых категорий архивных документов, а также издание видовых и фондовых публикаций.

В теоретическом плане проводилась работа по изучению отдельных вопросов археографии, таких как классификация документальных материалов, методика публикаций различных видов источников, выявление и отбор документов для печати, передача текста, археографическое оформление, научно-справочный аппарат и др. Большую роль в развитии теории археографии сыграли теоретические научные конференции и дискуссии на страницах журналов, посвященные указанному вопросу. В процессе творческой работы советских археологов появилась острая необходимость в создании новых «Правил издания исторических документов».

Эта работа выполнялась большим коллективом специалистов — сотрудниками целого ряда научных учреждений, имеющих наиболее непосредственное отношение к изданию исторических документов.

При составлении «Правил» были учтены мнения, предложения и советы более 200 учреждений страны, участвующих в работе по подготовке к изданию сборников документов. Очень важной особенностью новых «Правил» является то, что они изданы научными учреждениями совместно с Комитетом по делам печати и являются руководством не только для составителей, но и для издателей.

Основной задачей «Правил» было способствовать публикации документальных материалов для научной разработки истории нашей страны. Поэтому «Правила» уделили большое внимание узловым вопросам археографии, таким как научная классификация документальных изданий, основные принципы отбора документов, методы сокращенной передачи текста документов, способы отражения в научно-справочном аппарате документальных изданий содержания не публикуемых документов, приемы и методы передачи текста и археографическое оформление документов.

По всем этим вопросам археографической работы при подготовке документов к изданию новые «Правила» дают четкие и ясные рекомендации. Так, например «Правилами» была строго сформулирована классификация документальных материалов по их типам, видам и формам. В качестве основного признака классификации изданий явилось их целевое назначение, в зависимости от которого определялись все остальные его признаки. В настоящее время существуют три типа издания: 1) научный, 2) научно-популярный, 3) учебный.

Классификация же документальных изданий по видам производится в зависимости от состава и авторской принадлежности источников (издания пофондовые, тематические, одного лица и др.). Впервые в «Правилах», помимо группировки изданий по их форме (серийные, отдельные сборники, публикации в периодической печати), проведена группировка изданий по способу воспроизведения документов в зависимости от материала — носителя зафиксированной информации — на бумажной и небумажной основе.

По вопросам выявления и отбора документов для печати «Правила» подтвердили основные принципы советской археографии о том, что документы должны быть представлены как можно полнее и объективнее, и впервые сформулировали приемы отбора документов применительно к типам и видам изданий. В них закреплена удачная практика отбора документов для тематических изданий, отражающих последовательность

и завершенность исторических явлений. В «Правилах» также даны практические рекомендации по отбору для печати источников статистического характера и ранее опубликованных документов применительно к типам публикаций.

В «Правилах» отмечается, что с вопросом отбора документальных источников тесно связан такой важный вопрос, как сокращенная передача содержания источника. Сокращенная передача содержания документов позволяет дать полное и объемное представление об архивном материале определенного фонда, темы. Новые «Правила» рекомендуют для этой цели применять регесты и таблицы.

Много внимания уделено «Правилами» методам использования научно-справочного аппарата, который должен помочь читателю легко ориентироваться среди изданных документов и, что очень важно, дать читателю представление о невошедших в издание источниках. Для этих целей «Правила» рекомендуют использовать примечания, комментарии, различные указатели и др.

По вопросу передачи текста в «Правилах» сформулированы три известные приема воспроизведения текста: 1) факсимильный, 2) дипломатический, 3) научно-критический, которые применяются в зависимости от конкретных задач издания (исторического, источниковедческого, палеографического, лингвистического и др.).

В заключение докладчик подчеркнул, что все эти перечисленные рекомендации по археографической работе с документами должны повысить научный уровень публикации документальных источников.

В практике публикаторской деятельности советских археографов имеется такая форма работы, как совместная подготовка публикаций с учеными зарубежных стран. Новые «Правила» окажут помощь в подготовке изданий и иностранным археографам.

По мнению докладчика, важнейшее значение при подготовке документов к изданию имеет координация публикационной работы всех научно-исследовательских учреждений и ведомств СССР. Для этой цели докладчик предложил образовать межведомственный орган из представителей всех заинтересованных организаций.

По докладу развернулись оживленные прения.

Г. Т. Хорошилов (Ин-т военной истории МО СССР) отметил, что новые «Правила издания исторических документов в СССР» — шаг вперед в советской археографии. Но военных археографов они не совсем удовлетворяют, так как специфика документов вооруженной борьбы не была учтена составителями «Правил». Далее, Г. Т. Хорошилов сделал ряд конкретных замечаний по тексту «Правил». В заключение он сказал, что в целом «Правила» помогают археографам и широко используются в работе.

О. И. Подобедова (Ин-т истории искусств) предложила ввести в «Правила» раздел, который бы предусматривал включение иллюстративного материала (рисунки, схем, карт), отражающих происходящие события (военные, трудовые и др.). Например, в фондах Русского музея хранятся материалы художников (дневники, рисунки, схемы, планы), которые точно фиксировали события Великой Отечественной войны.

Н. А. Халтин (Ин-т востоковедения АН СССР) выразил сожаление, что «Правила» не учитывают специфику издания документов на восточных языках. В Институте проводятся работы по публикации источников на восточных языках. Например, группа Средней Азии института совместно с Министерством культуры Азербайджанской ССР готовит публикации материалов по истории Бухары и Афганистана. «Правила» должны учитывать специфику восточных источников. Н. А. Халтин поддержал тезис докладчика о создании координирующего центра по публикации источников в масштабе Союза. Эта работа имеет важное государственное значение.

А. С. Тверитинова (Ин-т востоковедения АН СССР) сказала, что «Правила» должны служить основой и для издания документов на восточных языках, но пока они не предусматривают этого. Между тем в хранилищах Союза находятся источники на восточных языках, которые не только не введены в научный оборот, но и не описаны. Практика работы с восточными документами показала, что возможны подлинные научные открытия в этой области. Надо только, чтобы больше ученых-востоковедов занимались поисками и описанием восточных источников. Надо, чтобы ГАУ настойчиво требовало от востоковедов планомерной работы в этом плане. А. С. Тверитинова поставила вопрос о создании технической (издательской) базы для публикации документов на языках Востока и о создании координирующего центра по публикации документов.

И. А. Булыгин (Ин-т истории СССР АН СССР) поддержал тезис о том, что «Правила» — шаг вперед в советской археографии, и отметил следующие положительные моменты «Правил»: 1) в них утверждается мысль, что не может быть правил, годных для всех типов изданий; 2) что в изданиях научного характера (академических) документы должны быть представлены как можно полнее и шире; 3) что передаваемый текст источника должен быть сохранен без изменений. Далее И. А. Булыгин остановился на вопросе принципов и методов передачи текста источников в разных типах изданий и отметил положительный вклад, сделанный «Правилами» в разработку спорных проблем советской археографии.

Н. А. Ивницкий (Ин-т истории СССР АН СССР) отметил, что настоящие «Правила» имеют крен в сторону внимания к документам советского общества. Источникам периода феодализма и капитализма отведено меньше внимания. Он предложил в бу-

дущем при работе над «Правилами» учесть, что все типы издания должны иметь единый принцип воспроизведения текста источника. Нельзя допускать, чтобы в академических изданиях текст воспроизводился полностью, а в учебных — исправлялся и искажался составителями. Н. А. Ивницкий высказался против применения регест и таблиц при передаче текста источника. Он считает, что регесты — это творчество составителя, а не сам источник.

К. И. Рудельсон (МГИАИ) сказала, что археография имеет много общего в методическом вопросе с такой бурно развивающейся сейчас дисциплиной, как информатика. Целью археографии и информатики является как можно полнее и быстрее довести определенную информацию до исследователя. Поэтому приобретают большую важность новые способы передачи текста (фототипические, регесты, таблицы). Далее К. И. Рудельсон обратила внимание на роль системы указателей, как сводных тематических, так и других (указатели ссылок, библиографий, публикаций и т. д.) в работе археографов.

В. А. Черных (ЦГАЛИ СССР) поддержал мнение о том, что «Правила» — шаг вперед в советской археографии. «Правила» четко показали, что не может быть единого стандарта издания документов. Достоинством «Правил» является требование точности передачи текста. В. А. Черных выдвинул предложение, чтобы огромная подготовительная работа по выработке «Правил» была отражена в печати для привлечения к этому делу специалистов-археографов, и пожелал, чтобы текстологи и археографы работали в более тесном контакте.

Т. В. Батаева (МГИАИ) выразила мнение, что создание и обсуждение «Правил» является итогом большой работы, но вместе с тем и развитием этой работы. Необходимо разработать еще методику публикаций фото, звукозаписи и других источников, при воспроизводстве полнее учитывать специфику исторических и литературных текстов, разнообразнее пользоваться средствами информатики (указателями, регестами) и др. Остановившись на классификации типов изданий (академические, популярные и учебные), Т. В. Батаева отметила, что необходимо резче проводить размежевание между ними как по приемам подготовки изданий, так и по целям и задачам изданий.

С. В. Житомирская (ОР ГБЛ) предложила распространить «Правила» не только на исторические документы, но и на другие материалы письменности и новые источники и озаглавить работу: «Правила издания документов и текстов в СССР». Далее С. В. Житомирская поддержала предложение А. С. Тверитиновой об усилении внимания к работе над источниками на восточных языках. Еще много документов восточного происхождения, находящихся в различных хранилищах Союза, не описаны. Д. А. Чугаев (Ин-т истории СССР АН СССР) рассказал о работе коллектива по созданию «Правил», о трудностях, возникших в процессе этой работы. Около 200 специалистов-археографов прислали свои отзывы на «Правила», которые были учтены. Но, несмотря на большую подготовительную работу авторского коллектива над «Правилами», все же не удалось удовлетворить некоторые группы археографов (военных археографов, археографов МИДа, востоковедов, лингвистов). Недостаточно учтена составителями специфика разнообразных источников. Также недостаточно разработана методика и практика изданий небумажных публикаций (микрофильмы, факсимиле, звукозаписи). Все замечания по этим недостаточно разработанным вопросам будут учтены в дальнейшей работе над «Правилами». Д. А. Чугаев высказался за возможность применения регестов и таблиц, отметил перспективность таких методов публикаций и их право на существование. Указав, что «Правила» имеют рекомендательный характер, а не законодательный, А. Д. Чугаев высказался за то, чтобы «Правила» получили силу закона.

В заключение председательствующий С. О. Шмидт подвел краткие итоги обсуждения доклада и подчеркнул важность всех вопросов, поднятых в докладе и в прениях.

Сделав ряд конкретных замечаний по некоторым положениям «Правил» (при издании фонда одного лица необходимо публиковать комплекс документов, относящихся к его деятельности; о необходимости публиковать списки утраченных документов; о структуре перечней и научно-справочного аппарата, о правомочности применения регестов в археографии, о возможности стыковки археографии с текстологией и др.), С. О. Шмидт предложил развернуть работу по подготовке научных статей о «Правилах» издания документов. Эти статьи могут быть изданы отдельным сборником к конгрессу архивистов в 1972 г.

В 1970 г. Археографическая комиссия выпустила в свет «Археографический ежегодник за 1968 год» (М. 1970), «Тихомировские чтения 1970 г. Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР» (М., 1970, роталпринт).

М. Б. Булгаков

ОРГАНИЗАЦИЯ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Постановлением Бюро Отделения истории АН СССР от 22 сентября 1970 г. организовано Уральское отделение Археографической комиссии в г. Перми под председательством доктора исторических наук Ф. С. Горового. Заместителем председателя утвержден профессор В. Ф. Кривоногов, секретарь отделения Е. Н. Лукьянова.

«МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР. СЕВЕРНЫЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК»

Северное отделение Археографической комиссии совместно с Вологодским педагогическим институтом выпустило в свет «Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный Археографический сборник», вып. 1. Труды Вологодской научной конференции по историографии и источниковедению (декабрь 1969 г.) (Вологда, 1970) следующего содержания:

Постановление Бюро Отделения истории Академии наук СССР.
Состав Северного отделения Археографической комиссии АН СССР.
С. О. Шмидт. Основные направления работы Археографической комиссии и ее филиалов

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

- А. С. Блакк, В. А. Сазонова. Ленинское наследие и некоторые вопросы истории Вологодчины
Н. В. Лебедев. Документы о пребывании в вологодской ссылке М. И. Ульяновой
Т. И. Кирсанова. Статистический материал как источник по изучению крестьянства Севера в первые годы Советской власти
Г. Н. Лохтева. Письма крестьян как источник изучения интернациональной солидарности крестьянства СССР с трудящимися зарубежных стран
А. А. Угрюмов. К вопросу о становлении Советской власти в Кокшеньге
В. М. Кабузан. Движение населения Северного района в XVIII—первой половине XIX в.
В. П. Червяков. Миграция населения в Русском государстве в XVII—I четверти XVIII в.
И. В. Власова. Материалы переписей населения XVIII—первой четверти XX в. как источник для изучения сельского населения
У. М. Полякова. Городовая обывательская книга Архангельска 1786—1788 гг.
Н. Ф. Демидова. Памятник местной статистики о крестьянских отходах в XVIII в.
Е. Н. Бакланова. Переписная книга 1717 г. как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде.
П. А. Колесников. Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграции Поморского населения в XVI—начале XVIII в.
О. В. Овсянников. Холмогорский и Архангельский посады по писцовым и переписным книгам XVII в.
Н. П. Воскобойникова. Писцовые и переписные книги Яренского уезда конца XVI—XVII в. как исторический источник
Я. Е. Водарский. Сводные источники о земельных угодьях Вологодского уезда в первой половине XVII в.
В. Г. Миронова. Проблема хронологии некоторых двинских актов
В. Л. Янин. К датировке двинских грамот Мухановского собрания

II. ПУБЛИКАЦИИ

- Н. Н. Парфенов. Листовки VI армии
Л. С. Скепнер. Новые документы о Ф. С. Чумбарове-Лучинском
Б. Г. Михайлов. Документы о пребывании в вологодской ссылке П. Л. Лаврова
Г. Ф. Фруменков. Архангельский «Колокольчик»
Ф. И. Резников. К истории земледелия Архангельской, Вологодской и Олонечкой губерний второй трети XIX в.
С. М. Троицкий. Переписная книга Леденгского усолья князя А. Д. Меншикова
П. А. Колесников. Миграция северного крестьянства в XVI—начале XVIII в.

- З. А. Огризко. Данные о крестьянском движении в 70—80-х годах XVII в.
 Ю. С. Васильев. Кодимская волость Важского уезда в середине XVI в.
 А. И. Копанев. Куростровские столбцы XVI в.
 А. А. Зимин, А. И. Копанев. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в.

III. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

- Е. И. Индова. Источники по истории Европейского Севера в собрании ГИМа
 Л. Г. Дубинская. Материалы Устюжской четверти 1675—1700 гг. по истории северных уездов
 Л. С. Прокофьева. Обзор материалов Архива ЛОИИ АН СССР по аграрной истории Европейского Севера СССР
 Е. А. Соболева. Редкие книги в фондах Вологодской областной библиотеки
 В. В. Печенская. Семья Ульяновых в Вологде (список литературы)
 М. Н. Шерстнякова. Архангельская область в годы Великой Отечественной войны (библиография)
 Г. М. Карасева. Вологжане — участники Великой Отечественной войны (библиография)
 Д. Д. Томова. Коми АССР в Великой Отечественной войне (библиография).

«ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ СИНОДАЛЬНОГО СОБРАНИЯ»

Совместно с Главным архивным управлением при Совете Министров СССР и Государственным историческим музеем Археографическая комиссия выпустила в свет «Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)». Составитель Т. В. Протасьева, ч. 1, № 577—819. М., 1970 (рота-принт). Это издание представляет собой продолжение широко известного классического научного описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, составленного учеными-археографами А. В. Горским и К. И. Невоструевым.

Работу по продолжению описания рукописей горячо поддержал и одобрил академик М. Н. Тихомиров, который сам много работал над неописанными рукописями Синодального собрания и первый положил начало его описанию, дав подробный обзор летописных памятников данного собрания¹.

Настоящим описанием охвачено 272 рукописи из 477 неописанных рукописей, в основном исторического содержания. Описание снабжено четырьмя указателями, иллюстрациями и списком сокращений.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЧУВАШИИ

История Чувашии, ставшая объектом специального изучения лишь в советское время, исследуется преимущественно местными историками. Это естественно, так как важнейшие источники по истории Чувашии сосредоточены в Центральном государственном архиве Чувашской АССР (ЦГА ЧАССР), основанном в 1923 г., Партийном архиве Чувашского обкома КПСС (ПАЧО), образованном в 1935 г., научном архиве Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (ЧНИИ), основанного в 1928 г., отделе рукописей Краеведческого музея Чувашской АССР, открытого в 1921 г.

Археографические работы в республике ведутся ЧНИИ и архивами, которыми осуществлено несколько публикаций документальных материалов.

Первым чувашским археографическим изданием, не принимая во внимание отдельные публикации исторических источников в местных газетах и журналах, следует признать сборник документов о революционном движении в национальных районах России в 1905—1907 гг., подготовленный ЧНИИ^{1а}. В нем опубликованы извлечения из фонда департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи о революционном движении на Алтае, в Бурятии, Якутии, Калмыкии, Башкирии, Татарии, Чувашии, Марийском крае, Удмуртии, на Северном Кавказе в период первой народной революции. Сборник, представлявший собой первую публикацию подобного рода документов, был встречен советскими историками с большим интересом. Поскольку в 30-х

¹ М. Н. Тихомиров. Летописные памятники Синодального (бывш. Патриаршего) собрания. — «Исторические записки», т. 13. М., 1942, стр. 256—283.

^{1а} «Национальные движения в период первой революции в России». Сост. И. Д. Кузнецов. Чебоксары, 1935, 398 стр.

годах не существовало единых правил издания исторических источников, составитель придерживался своеобразных принципов археографического оформления публикуемых материалов: документы не нумеровались; в заголовке последовательно указывался автор, адресат, дата, делопроизводственный номер документа, но отсутствовала краткая характеристика его содержания; под заголовком в скобках приводился архивный шифр; легенд не было; пометы, сведения о прежних публикациях документа и использовании его в исследованиях, текстуальные и реальные примечания давались постранично в сносках; в начале каждого раздела, назывными предложениями, давалась краткая характеристика содержания документов, которая повторялась полностью и в оглавлении. Сборник снабжен именным и географическим указателями. Оформление этого сборника несколько отставало от уровня развития советской археографии 30-х годов.

Архивным отделом НКВД ЧАССР в 1941 г. был подготовлен и издан в следующем, 1942 г. сборник документов, посвященный восстанию чувашского и марийского крестьянства в 1842 г.² В сборник включены документы архивов Москвы, Ленинграда и Казани. Первая группа документов, охватывающих период с 1800 по 1836 г. (№ 1—13), освещает социально-экономическое и политическое положение чувашских и марийских крестьян; вторая группа представлена донесениями и рапортами военных чинов и должностных лиц с конца 1841 г. по март 1843 г. о назревании и ходе крестьянского восстания (№ 14—94); третью группу составляют следственные дела с июня 1842 г. по 1850 г. (№ 95—114). Публикацию замыкает запись воспоминаний чувашских крестьян об указанном восстании, сделанная этнографом В. К. Магницким в 1883 г. Существенным недостатком сборника надо считать отсутствие документов за 1837—1841 гг., связанных с проведением реформы П. Д. Киселева. Ведь восстание 1842 г. представляло собой реакцию чувашских и марийских государственных крестьян на эту реформу. Археографически сборник составлен не вполне удовлетворительно: легенды не даны, архивные шифры документов приведены в подстрочных примечаниях, комментарии и весь остальной справочный аппарат вовсе отсутствуют. Вопреки установившейся в советской археографии практике, документы опубликованы с сохранением пунктуации оригиналов.

В 1944 г. был издан сборник о помощи трудящихся Чувашии фронту, подготовленный Чувашской республиканской комиссией по сбору материалов о Великой Отечественной войне³. Материал взят в основном из местной периодической печати. Книга состоит из 12 разделов, освещающих различные виды помощи фронту.

С середины 50-х годов в археографической работе в Чувашии наметились качественные сдвиги: историки и архивисты, руководствуясь в публикаторской работе правилами издания исторических документов и документов советского периода, вышедшими в свет в 1955 и 1960 гг., стали выпускать сборники документов, приближающиеся к уровню развития современной археографической культуры.

В связи с 50-летием первой народной революции в России был издан сборник документов и материалов о революционном движении в Чувашии в 1905—1907 гг., составленный сотрудниками ЧНИИ и ЦГА ЧАССР⁴. В него включены отрывки из произведений В. И. Ленина и более 240 документов, выявленных в архивах Москвы, Чебоксар, Казани и Ульяновска. Материалы сборника освещают все основные революционные события в Чувашии 1905—1907 гг.

К 40-летию Советской власти ЧНИИ и ЦГА ЧАССР выпустили сборник документов о событиях Великой Октябрьской социалистической революции и установлении Советской власти в Чувашии⁵. В нем представлены 347 документов из архивов Москвы, Чебоксар, Казани и Ульяновска, а также периодической печати, входящих в два раздела: 1) Революционное движение в Чувашии в период подготовки Октябрьской революции (март—октябрь 1917 г.); 2) Борьба за установление Советской власти в Чувашии (октябрь 1917 г.—декабрь 1918 г.). Большой интерес представляют документы о деятельности Чебоксарского Совета рабочих и солдатских депутатов большевистского направления в марте—июле 1917 г., о крестьянском движении в крае осенью 1917 г., об установлении Советской власти в уездных и волостных центрах и селениях Чувашии, о проведении ее мероприятий в чувашской деревне во второй половине 1918 г.

В 1960 г. ЧНИИ, ЦГА ЧАССР и ПАЧО выпустили сборник документов по истории Чувашии периода гражданской войны⁶, который состоит из трех разделов: 1) Чувашия

² «Восстание чувашского крестьянства в 1842 г.». Сост. П. Г. Григорьев и Р. С. Семенов. Чебоксары, 1942, 284 стр.

³ «Чувашский народ в помощь фронту». Сост. П. Г. Григорьев, Р. С. Семенов. Чебоксары, 1944, 152 стр.

⁴ «Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Чебоксары, 1956, 320 стр.

⁵ «Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии». Сост. В. П. Климова и В. Л. Кузьмин. Чебоксары, 1957, 426 стр.

⁶ «Чувашия в годы гражданской войны. Образование Чувашской автономной области». Сост. В. П. Климова, В. Л. Кузьмин, А. М. Мурышкина, Н. П. Рукавишникова. Чебоксары, 1960, 720 стр.

в начальный период гражданской войны (июнь 1918 г.—февраль 1919 г.); 2) Чувашия в период разгрома первого и второго походов Антанты (март—декабрь 1919 г.); 3) Образование Чувашской автономной области. Конец интервенции и гражданской войны (январь—декабрь 1920 г.). 449 документов сборника, извлеченных из центральных и местных архивов, газет и журналов, свидетельствуют о серьезном вкладе чувашских трудящихся в дело победы над интервенцией и внутренней контрреволюцией, показывают осуществление в Чувашии ленинской национальной политики, раскрывают историю образования Чувашской автономной области.

ЦГА ЧАССР и ПАЧО опубликовали в двух книгах документальные материалы по истории культурного строительства в Советской Чувашии⁷. Первая книга, содержащая 160 документов, делится на разделы по периодам: 1) Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.); 2) восстановления народного хозяйства (1921—1927 гг.) и 3) развернутого строительства социализма (1928—1937 гг.). Во второй книге, состоящей из 141 документа, охватываются периоды: 1) дальнейшего упрочения и развития социалистического общества (1938—июнь 1941 гг.); 2) Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945 г.); 3) завершения строительства социализма (1945—1958 гг.); 4) развертывания строительства коммунизма (1959—1967 гг.). Материалы сборника характеризуют борьбу трудящихся Чувашии под руководством Коммунистической партии за осуществление культурной революции и ее дальнейшее развитие, ликвидацию неграмотности, развитие просвещения, среднего специального и высшего образования, политпросветработы, периодической печати, издательского дела, кино, радио, телевидения, науки, литературы, искусства, здравоохранения, физкультуры и спорта.

В перечисленных сборниках, вышедших в свет в 1956—1968 гг., принят хронологический принцип расположения документов; заголовки и легенды, исторические и археграфические предисловия, текстуальные и реальные примечания составлены в соответствии с требованиями правил публикации документов. Сборники снабжены хрониками событий, именными, географическими и предметно-тематическими указателями, списками сокращений, перечнями документов и иллюстраций.

Изданы и другие, оригинальные источники. Большой интерес представляют сборник публицистических и литературных произведений, напечатанных в первой чувашской газете «Хыпар» («Весть») 1906—1907 гг.⁸; сборник очерков, статей и документов об участии чувашской молодежи в освоении целины в 1954—1963 гг., куда включены материалы архивов и периодической печати Чувашской АССР, Алтайского края, Северо-Казахстанской и Павлодарской областей Казахской ССР⁹; сборники воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине¹⁰ и просветителе чувашского народа И. Я. Яковлеве¹¹.

Подарком чувашских археографов к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина явился сборник «Ленин и трудящиеся Чувашии»¹², включающий отрывки из произведений В. И. Ленина, письма, телеграммы, приветствия трудящихся Чувашии вождю, воспоминания о Ленине и материалы, освещающие претворение ленинского учения в жизнь в Советской Чувашии, — всего 195 документов. Сборник хорошо оформлен, снабжен примечаниями, именным и географическим указателями, перечнем использованных источников, списком сокращений, иллюстрирован.

Издание источников по истории Чувашии периода феодализма пока что не привлекло к себе должного внимания чувашских историков. За последние два десятилетия лишь на страницах «Ученых записок» ЧНИИ появились небольшие публикации, подготовленные Н. Р. Романовым¹³ и автором этих строк¹⁴, являющиеся по сути приложениями к предпосланным им статьям исследовательского характера.

⁷ «Культурное строительство в Чувашской АССР». Чебоксары, кн. 1. Сост.: В. В. Катагощин, В. Л. Кузьмин, А. М. Мурышкина, Н. П. Рукавишников. 1965, 400 стр.; кн. 2. Сост. В. В. Катагощин, В. Л. Кузьмин, А. М. Мурышкина, В. И. Шевнина, 1968, 420 стр.

⁸ «Вестники» (на чуваш. яз.). Сост. П. В. Денисов. Чебоксары, 1961, 272 стр.

⁹ «Молодежь Чувашии на целине». Сост. В. Л. Кузьмин и Н. М. Неяскин. Чебоксары, 1966, 204 стр.

¹⁰ «Мы видели Ильича» (на чуваш. яз.). Сост. В. А. Долгов. Чебоксары, 1970, 128 стр.

¹¹ «И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников». Подгот. текста и коммент. В. Я. Канюкова. Чебоксары, 1968, 152 стр.

¹² «Ленин и трудящиеся Чувашии». Документы, материалы и воспоминания. Сост. И. Д. Кузнецов, В. Л. Кузьмин, А. М. Мурышкина, Н. М. Семенов, В. И. Шевнина. Чебоксары, 1970, 360 стр.

¹³ «Новый документ XVII века о вооруженном выступлении чувашских крестьян против захвата земли монастырем». — «Записки ЧНИИ», вып. VI. Чебоксары, 1952, стр. 109—119; «Выпись из переписной книги Чебоксарского уезда 1649—1650 гг.». — «Ученые записки ЧНИИ», вып. XIV. Чебоксары, 1956, стр. 219—235.

¹⁴ «К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии». — «Ученые записки ЧНИИ», вып. XIV, стр. 199—218; «Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века». — «Ученые записки ЧНИИ», вып. XIX. Чебоксары, 1960, стр. 270—302; «Новые материалы о Н. Я. Бичурине, выявленные в архивах Чебоксар и Казани». — Там же, стр. 320—342; «Документы по истории горс.

ЧНИИ запланировал составление многотомной серии «Документы и материалы по истории Чувашской АССР». В 1970 г. сдан в печать первый том этой серии «Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева на территории Чувашии» (объем 32 печ. л.), включающий почти все сохранившиеся документы по данной теме. ЧНИИ готовит также к изданию собрание сочинений, писем, мемуаров и документов просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева в шести томах. Завершено составление первого тома «Письма Н. И. Ильминскому, А. В. Рекееву и А. И. Яковлеву».

ЧНИИ, ЦГА ЧАССР и ПАЧО работают над составлением сборника документов «Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны» и планируют подготовить в ближайшие годы публикации источников по восстановительному периоду, коллективизации сельского хозяйства и индустриализации Советской Чувашии.

Если делопроизводственные материалы учреждений, предприятий и организаций, представляющие историческую ценность, почти полностью поступают в состав государственного и партийного архивных фондов, то менее утешительна судьба документальных и нарративных источников, хранящихся у частных лиц. Значительная часть таких материалов погибает. Чувашские историки еще в 20-х годах приступили к собиранию подобных источников. До конца 20-х годов оригиналы многих документов XVII—начала XX в., собранные историками или доставленные любителями-краеведами, поступали в Отдел рукописей Краеведческого музея Чувашской АССР. В те годы большую работу по собиранию документальных материалов проводил сотрудник музея историк М. П. Петров. С начала 30-х годов исторические источники, обнаруживаемые у частных лиц, личные архивы чувашских ученых, писателей, композиторов, художников, государственных и общественных деятелей сосредотачиваются в научном архиве ЧНИИ. Для собирания документальных материалов у частных лиц использовались экспедиционные и командировочные выезды научных сотрудников института в города и селения Чувашии, соседние республики и области. Особенно много сил к комплектованию научного архива приложил кандидат исторических наук П. Г. Григорьев. Ныне научный архив располагает собраниями оригиналов и копий ценнейших документов по истории Чувашии XVII—XX вв., частью архива просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева, личными фондами члена-корреспондента АН СССР Н. И. Ашмарина, доктора исторических наук Н. В. Никольского, историков Н. Р. Романова, П. Г. Григорьева, М. П. Петрова, этнографа Г. И. Комиссарова, краеведа И. Д. Никитина-Юрки, писателей И. Н. Юркина, Г. В. Тал-Мрзы, И. Е. Ефимова-Тхти, Н. И. Полоруссова-Шелеби, С. Ф. Фомина, М. Д. Трубиной, В. В. Бараева, М. Г. Хури, М. Д. Шумилова-Уйпа, С. В. Эльгера, композитора В. П. Воробьева и др.

Чувашские археографы придают важное значение информации об источниках. Опубликованы обзоры документальных материалов ЦГА ЧАССР¹⁵ и научного архива ЧНИИ¹⁶, в 1970 г. сдан в печать путеводитель «Центральный государственный архив Чувашской АССР».

Публикация важнейших документальных материалов по вопросам классовой борьбы и революционного движения, победы Советской власти и строительства социализма в Чувашии положительно характеризует работу археографов республики. Однако издана пока лишь незначительная часть основных источников по истории Чувашии. Перед археографами стоят большие задачи в области публикации документов, повышения качества изданий. Должна быть проявлена забота о подготовке кадров квалифицированных археографов, малочисленность которых в прошлом серьезно препятствовала развертыванию публикаторской работы.

В. Д. Дмитриев

да Чебоксар XVII—XVIII вв.».— «Ученые записки ЧНИИ», вып. XXI. Чебоксары, 1962, стр. 282—318; «Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI—начала XVII в.».— «Ученые записки ЧНИИ», вып. XXII. Чебоксары, 1963, стр. 106—136; «Земельный документ времен казанского хана Сафа-Гирея».— «Ученые записки ЧНИИ», вып. XXXI. Чебоксары, 1966, стр. 266—277; «Документы об издании книги „Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка“».— «Ученые записки ЧНИИ», вып. XXXIV. Чебоксары, 1967, стр. 153—162.

¹⁵ П. Ф. Ермолаев. Краткий обзор архивных материалов Отдела дореволюционных фондов Центрального государственного архива Чувашской АССР.— «Ученые записки ЧНИИ», вып. XIX, стр. 256—269; он же. Краткий обзор материалов отдела фондов Октябрьской революции и социалистического строительства Центрального государственного архива Чувашской АССР.— «Ученые записки ЧНИИ», вып. XIV, стр. 143—160; он же. Архивные фонды личного происхождения, хранящиеся в Центральном государственном архиве Чувашской АССР.— «Ученые записки ЧНИИ», вып. XXXVI. Чебоксары, 1967, стр. 261—262; он же. Архивы — на службу науке.— «Ученые записки ЧНИИ», вып. 47. Чебоксары, 1969, стр. 211—216.

¹⁶ Е. С. Сидорова. Научный архив Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР.— «Ученые записки ЧНИИ», вып. 47. Чебоксары, 1969, стр. 216—225.

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ О М. И. КУТУЗОВЕ¹

В Рукописном отделе Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина нами обнаружена рукопись, которая представляет серьезный интерес для биографов М. И. Кутузова.

Это — небольшого формата (в 1/16 листа) книга в темно-коричневом сафьяновом переплете. Она содержит 177 листов, исписанных с обеих сторон четким круглым почерком. Текст рукописи сохранился прекрасно. Титульный лист отсутствует. Каких-либо указаний на время ее написания не имеется.

Автора пока установить не удалось. На основании текста рукописи можно заключить, что это был широко образованный человек, хорошо знавший свою эпоху, глубоко уважавший М. И. Кутузова. По словам автора, он находился, «при светлейшем неотлучно» свыше 20 лет. У Кутузова он пользовался большим доверием. Ограничимся двумя примерами. О содержании переговоров главнокомандующего русской армией с наполеоновским послом Ларистоном 23 сентября 1812 г. знал очень ограниченный круг лиц. В их число входил и автор записок. Весьма интересен другой факт. В период Отечественной войны 1812 г. автор рукописи принимал участие в составлении прокламаций, которые издавались походной типографией для войск противника и населения России. Как известно, к пропагандистской деятельности, которая велась в обстановке большой секретности, привлекались наиболее подготовленные офицеры, пользовавшиеся у главнокомандующего особым расположением. Эти и многие другие факты дают основание предполагать, что автор рукописи — один из адъютантов М. И. Кутузова.

В рукописи отражены основные этапы жизни Михаила Илларионовича. Автор проявляет хорошую осведомленность о его родословной, его служебной деятельности, приводит ряд неизвестных фактов и деталей из его биографии.

Центральное место (свыше 80 листов) отведено описанию Отечественной войны 1812 г. Главнейшие ее эпизоды — Бородинское сражение. Тарутинский марш-маневр и др. — изображены автором в духе военно-политической концепции М. И. Кутузова, которая, как известно, во многом расходилась с официальной точкой зрения. Многие фразы рукописи перекликаются с высказываниями главнокомандующего. «Не побеждать, а истреблять неприятелей хотел Кутузов», — пишет автор, и в памяти всплывают знаменитые строки кутузовских приказов и донесений. Автор цитирует исторические документы, многие из которых не были опубликованы.

Б. С. Абалихин

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ В. И. ШУНКОВА

В апреле 1970 г. исполнилось 70 лет со дня рождения замечательного историка, крупнейшего библиографа, председателя Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР и Археографической комиссии, директора Фундаментальной библиотеки общественных наук им. В. П. Волгина, организатора ряда крупнейших научно-исследовательских учреждений и коллективов члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова.

За три года, прошедших с того времени, когда от нас ушел В. И. Шунков, проведена значительная работа по приведению в известность и творческому освоению его научного наследия.

Важную роль в этом деле сыграло решение Бюро Отделения истории АН СССР от 26 декабря 1967 г. Им определялась необходимость публикации избранных трудов В. И. Шункова (общим объемом в 60 п. л.) и сборника статей, посвященных его памяти. Тогда же были утверждены: главный редактор (академик А. П. Окладников), заместитель главного редактора (доктор исторических наук В. А. Александров) и редакция, в обязанности которых входила практическая работа по подготовке замеченных к печати изданий. Предусмотрено было также комплектование в Архиве АН СССР личного фонда ученого. В числе других мер по увековечению памяти ученого предполагалось возбуждение ходатайств об установлении мемориальной доски на здании Томского университета, где он учился, и о присвоении его имени одной из улиц в городе Кузнецке, где В. И. Шунков родился.

Во исполнение этого постановления состоялись объединенные заседания научно-исследовательских учреждений и советов, авторитетных собраний историков и библиографов, на которых академики Б. А. Рыбаков, А. П. Окладников и другие выступавшие осветили особенности и результаты научно-исследовательской и организаторской

¹ Сообщения на эту тему были сделаны автором в Волгоградском педагогическом институте в 1968 и 1971 гг.

деятельности ученого, наметили пути исследования его творчества¹. Вклад ученого в развитие общественных наук, его качества как научного руководителя и организатора были охарактеризованы в ряде некрологов, опубликованных на страницах периодической печати и в сборниках².

В 1968 г. в г. Вологде вышел сборник по аграрной истории Севера Европейской России, явившийся первым результатом регионального изучения аграрной истории, инициатором которого выступил В. И. Шунков. В сборнике помещен некролог, написанный Б. Быковым, в котором, в частности, показана роль В. И. Шункова в формировании объединения историков-аграрников в г. Вологде³.

Важное значение для понимания места В. И. Шункова в развитии отечественного сибиреведения имеют опубликованные в Новосибирске материалы Объединенного ученого совета по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР, посвященного семидесятилетию со дня рождения ученого. В «Слове о Викторе Ивановиче Шункове»⁴ академик А. П. Окладников ярко охарактеризовал ученого, подчеркнув, что В. И. Шунков, осознанно владея марксистской методологией, сумел показать действительную роль в истории Сибири крестьянских масс, тех, кто тяжким трудом поднимал целину, чья посконная рубаха под жарким и беспощадным солнцем покрывалась соленой коркой. Много внимания А. П. Окладников уделил методике исследования В. И. Шункова, его работе с источниками. «емкости... документального содержания» трудов ученого. В выступлении было четко обозначено место исследований, проведенных В. И. Шунковым, в понимании всемирно-исторического процесса. Его работами было установлено, что взаимоотношения русского населения с коренными народами складывались на иной основе, чем взаимоотношения между испанскими и англосаксонскими колонизаторами, с одной стороны, и аборигенным населением Америки и Австралии, с другой. Освоение Сибири российским крестьянством явилось импульсом для прогрессивного развития малых народов Зауралья.

В заключительной части выступления А. П. Окладникова была показана выдающаяся роль В. И. Шункова в руководстве научными коллективами, созданными для исследования прошлого Сибири, в подготовке издания ее монументальной истории.

В «Материалах...» опубликованы также доклады О. Н. Вилкова «Жизненный и творческий путь Виктора Ивановича Шункова» и А. Н. Копылова «Роль Виктора Ивановича Шункова в развитии исторической науки Сибири», в которых на основании использования ранее неизвестных материалов приводится ряд интересных фактов из творческой биографии ученого⁵.

Много нового для понимания значимости трудов В. И. Шункова, их влияния на последующее формирование основных направлений в исследовании истории государственных крестьян и исторического сибиреведения дает подготовленный в настоящее время сборник статей, посвященный памяти В. И. Шункова. В нем приняли участие 28 ученых — историков и этнографов Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Омска, Якутска, Усть-Каменогорска, Томска и других городов. Тема сборника — «История Поморья и Сибири в феодальный период». Проблематика статей разнообразна, в целом охватывает все основные аспекты культурной и социально-экономической жизни этих районов. Первые три статьи (академика А. П. Окладникова, докторов исторических наук В. А. Александрова и З. Я. Бляшшиновой) посвящены исследованию отдельных сторон творчества В. И. Шункова. Многие из статей сборника по своему содержанию являются как бы логическим продолжением тех направлений в исследовании сибирской деревни, которые были намечены еще В. И. Шунковым.

Большое место в сборнике занимают материалы, посвященные изучению демографических процессов (статьи А. Д. Колесникова, Я. Е. Водарского, В. М. Кабузана и С. М. Троицкого, А. А. Кондрашенкова, И. В. Власовой, В. И. Корецкого и др.). Взаимодействие русского населения с местным освещается в работах Н. Н. Степанова, Л. П. Потапова и др. Складывание отдельных «бытовых» групп в среде сибирского крестьянства и «служилых людей» рассматривается Н. Н. Покровским и Н. А. Миненко. Важной и до настоящего времени все еще в недостаточной степени разработанной проблеме изучения уровня развития производительных сил земледелия Зауралья посвящены работы Л. М. Русаковой, Ф. Г. Софронова и др.; формированию монастырского землевладения — статья Л. П. Шорохова; промышленной и торговой деятельности сибирского населения и администрации — исследования А. Н. Копылова, О. Н. Вилко-

¹ «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 345—364.

² «Вопросы истории», 1967, № 2, стр. 210—212; «История СССР», 1968, № 2, стр. 232—236; «Вестник МГУ», серия 9, история, 1968, № 2, стр. 92—94; «Советские архивы», 1967, № 6, стр. 121; «Советская библиография», 1967, № 6, стр. 70—71; «Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР и АН союзных республик», 1968, № 1, стр. 155—156; «Библиотекарь», 1968, № 1, стр. 69.

³ «Вопросы аграрной истории». Сб. статей. Вологда, 1968, стр. 501.

⁴ «Материалы Объединенного ученого совета по историко-филологическим и философским наукам СО АН СССР (посвящается 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова)». Новосибирск, 1970, стр. 5—14.

⁵ Там же, стр. 15—32, 33—37.

ва, В. И. Сергеева; вопросы, связанные с организацией системы управления в Сибири, рассмотрены в работах М. М. Громыко и Л. С. Рафненко. Классовым выступлением народных масс против феодального угнетения посвящены статьи В. А. Александрова, Е. В. Чистяковой, Г. А. Леонтьевой. Сибирская историография в сборнике представлена исследованиями Л. А. Гольденберга о С. У. Ремезове и З. Н. Трусовой о П. А. Словоцове.

Большая работа также ведется по приведению в известность и публикации трудов В. И. Шункова. В серии «Материалы к библиографии ученых СССР» под редакцией и с предисловием доктора исторических наук С. О. Шмидта подготовлена библиография трудов В. И. Шункова. Она значительно расширяет наше представление об опубликованных работах В. И. Шункова⁶. О неизданных трудах ученого, характере его эпистолярного наследия дает представление обзор личного фонда, подготовленный Н. Г. Михайловой⁷.

Важную роль в популяризации творческих идей ученого должно сыграть издание уже подготовленного первого тома его трудов. В том вошли 33 работы ученого общим объемом 30 п. л. Это статьи, выступления и отзывы В. И. Шункова (1929—1965), как опубликованные, так и неизданные, хранящиеся в личном фонде ученого, а также монография «Очерки по истории колонизации Западной Сибири XVII в.», изданная четверть века назад. Основное место в этих работах уделяется коренным вопросам истории России феодального времени и в особенности истории сельского хозяйства и крестьянства Зауралья XVII в. В сборник включены и исследования В. И. Шункова, посвященные анализу творческого пути выдающихся советских ученых: Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова, А. П. Окладникова. Впервые публикуются на русском языке выступления В. И. Шункова на Международном конгрессе историков в Риме (1955). В книге будет также помещена его неопубликованная рецензия на исследование Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав населения Сибири». Составители первого тома избранных трудов В. И. Шункова стремились так подобрать материал, чтобы он свидетельствовал не только о вкладе ученого в историческое исследование, но и отражал процесс становления его взглядов, методов исследования.

Параллельно с работой над первым томом в Новосибирске ведется подготовка к изданию второго тома избранных сочинений В. И. Шункова, основную часть которого составит монография «Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.)», туда же включены статьи, тематически связанные с этим исследованием. Предполагается издание подготовленной В. И. Шунковым публикации кабальных книг, которая расширит наше представление о значимости его вклада в развитие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

Продоланная работа по изучению богатого научного наследия В. И. Шункова дает возможность всесторонне оценить творческую индивидуальность ученого, исключительную плодотворность его организаторской деятельности, показать влияние его идей на разработку основных проблем отечественной истории. Все это создает серьезные предпосылки для дальнейшего осмысливания заслуг В. И. Шункова в изучении прошлого нашей Родины.

В. М. Суринов

СОВЕЩАНИЕ В ИНСТИТУТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ АН СССР, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ А. А. ШАХМАТОВА (к 50-летию со дня смерти)

Памяти академика Алексея Александровича Шахматова было посвящено совещание, состоявшееся 7—8 октября 1970 г. в Ленинграде. Оно было организовано Отделением литературы и языка АН СССР, Институтом русской литературы (Пушкинским домом), Институтом русского языка и Комиссией по истории филологической науки АН СССР.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

Более пятидесяти лет назад — 16 августа 1920 г. — скончался крупнейший русский филолог А. А. Шахматов. Дело его жизни было настолько обширно, что его трудно охватить на двухдневной сессии.

Поэтому в своем вступительном слове мне хотелось бы только напомнить о тех областях, в которых работал А. А. Шахматов и как ученый и как организатор наук. Научная сторона деятельности А. А. Шахматова освещена значительно лучше, чем

⁶ «Материалы к библиографии ученых СССР. В. И. Шунков». М., 1971.

⁷ См. настоящий том, стр. 318—322.

научно-организационная. Поэтому на собственно научной стороне я остановлюсь совсем кратко.

Редко случается так, что значение ученого бывает верно оценено сразу же после его смерти. Обычно должно пройти несколько десятков лет, чтобы место ученого в истории науки и оценка сделанного им были правильно определены.

Не так было с Алексеем Александровичем Шахматовым. Его место в науке было как-то сразу осознано. Именно поэтому в 1894 г. 30 лет от роду он был вызван из саратовской глуши, куда он добровольно отправился помогать крестьянству, и избран адъюнктом Академии наук, в 1897 г. — экстраординарным, а в 1899 г. — ординарным академиком. В числе пригласивших Шахматова были такие ученые, как В. Ягич и А. Ф. Бычков. Читая сейчас обширный (488 стр.) том «Известий Отделения русского языка и словесности», посвященный откликам ученых на преждевременную кончину Шахматова (он умер 56 лет), поражаешься тому, как верно оценивали современники личность Шахматова-ученого, его труд и его место в науке.

Три темы больше всего интересовали А. А. Шахматова: история русского языка, история русского летописания и древнейшие судьбы русского народа. Это были для него те «три кита», на которых основывались и которыми дополнялись все остальные его работы, касавшиеся вопросов изучения тех или иных литературных памятников, народного творчества или вопросов языковедческих, этнографических, археографических и т. д. Но, в сущности, все темы были для А. А. Шахматова самостоятельны, обладали собственной ценностью. Он занимался историей русского летописания не в узкоутилитарных целях, не для того, чтобы проверить достоверность того или иного известия летописи, а потому, что история летописных сводов имеет глубоко самостоятельное значение, как часть истории культуры русского народа. Вот почему Шахматов никогда не называл свои работы источниковедческими, а себя источниковедом. Для него летопись была достойна изучения сама по себе. Однако работы Шахматова по летописанию постоянно служили опорой для других работ, для историко-литературных и исторических построений, и в этом смысле они могут быть названы и вспомогательными и источниковедческими.

К его работам по истории русского языка мы постоянно возвращаемся, и в последнее время больше, чем когда-либо.

Его работы сохраняют свое исключительное стимулирующее и самостоятельное значение до сих пор. Он наш современник. Он не отошел в прошлое. И полвека со дня его смерти — это не преграда, не заслон, а магистральная дорога нашей науки. Его работы удивительно живы и продолжают обогащать нашу науку, нашу мысль.

Вся научно-организационная деятельность А. А. Шахматова носила ярко патристический характер. Он был пренеполнен чувства гражданского долга и любви к русскому народу, к делу просвещения народа, к русскому языку, к его памятникам, к его культурному наследию.

Высокое чувство патриотизма сочеталось в Шахматове с острым чувством гражданской ответственности.

Напомню о следующем факте. Шахматов был членом Государственного совета от академической курии. Он был туда избран. Но когда министр Л. А. Кассо начал свои репрессии против негодных ему профессоров, стал их увольнять и готовить за границей благонадёжную смену, Шахматов демонстративно сложил с себя звание члена Государственного совета и подписал знаменитый протест 342-х Романову, а затем написал свое письмо президенту Академии наук — вел. кн. Константину Константиновичу.

Патриотизм Шахматова, его любовь к русскому народу органически сочетались в нем с защитой прав народов на культурное самоопределение. Он был принципиальным врагом «обрусения». Известно, сколько он сделал для культуры Украины, Мордовии, Латвии и Литвы, а также Белоруссии. Я напомню, например, тот знаменательный факт, когда Шахматов выступил в защиту издания-перевода на украинский язык Библии.

Благодаря всем своим научным, организаторским и связанным с ними гражданским и этическим достоинствам Шахматов смог превратить руководимое им Отделение русского языка и словесности в центр русской национальной культуры, высоко авторитетный и очень продуктивный.

Шахматов не только возобновил в 1896 г. издание «Известий ОРЯС», но он превратил этот журнал в один из лучших филологических журналов мира. И сейчас номера этого журнала не утратили своего научного значения. Не случайно они фототипически переизданы на Западе. За 25 лет своего существования журнал объединил огромный коллектив авторов — русских и иностранных.

Любопытно, что журнал этот велся немногими лицами: самим Шахматовым, сперва совместно с А. Ф. Бычковым, потом с А. Н. Пыпиным, а затем им одним и так называемым ученым корректором, который технически оформлял материалы перед отправкой их в типографию.

Такая экономия людских сил достигалась очень легко: Шахматов привлекал к журналу тех авторов, которым доверял как ученым, и не считал для себя возможным вносить в их статьи мелочную правку. Раз одобрил статью, он больше к ней не возвращался.

Шахматов был инициатором «Энциклопедии славянской филологии». Для обсуж-

дения проекта этого большого издания был созван Академией наук в 1904 г. в Петербурге первый съезд славистов.

В «Энциклопедии славянской филологии» вышли такие замечательные труды, как «История славянской филологии» Ягича, «Физиология славянской речи» Брока, «Юго-славянская палеография» Лаврова, первый том «Истории русского языка», «Очерк древнейшего периода истории русского языка» самого Шахматова.

Организатор крупного масштаба, Шахматов отлично понимал необходимость объединения усилий не только отдельных ученых, но и различных учреждений: научных библиотек, исследовательских центров, университетов. Он стремился к объединению всех славянских академий. Незадолго до первой мировой войны в Петербурге был созван учредительный съезд для этого объединения. Только война помешала осуществлению этого замысла. И сейчас следовало бы встречаться, чтобы объединить наши научные усилия. Хочу напомнить и о таких важных начинаниях Шахматова, как орфографическая реформа и Словарь русского языка.

11 мая 1917 г. в малом конференц-зале Академии наук под председательством А. А. Шахматова состоялось то историческое совещание Орфографической комиссии (членами этой комиссии были академики Е. Ф. Карский, Н. К. Никольский, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Петец), членов Отделения русского языка и словесности и Разряда изящной словесности, представителей учреждений и некоторых лиц вроде товарища министра народного просвещения О. П. Герасимова, на котором были приняты новые правила орфографии. Впоследствии они были объявлены в циркуляре министра А. А. Мануйлова и затем утверждены в специальном декрете Советской власти.

При А. А. Шахматове по его инициативе широко развернулась издательская работа Отделения русского языка и словесности. При этом Шахматов безвозмездно рассылал экземпляры изданных книг молодым ученым, иногда в провинцию, иногда на Запад, иногда ученым в Петербург.

Благодаря помощи Шахматова ученые систематически и на большие сроки командировались за границу для занятия в библиотеках, архивах и для сбора материалов не только по языкам, но и по этнографии, искусству, народному творчеству.

При А. А. Шахматове же началось издание академических собраний русских классиков. Трудно переоценить значение этого начинания. Как утверждает П. Н. Сакулин, «в конце 1906 г., по мысли И. А. Кубасова, Академия решила приступить к изданию библиотеки русских классиков. Шахматов много души вложил и в это дело...»¹

Шахматов поддержал грандиозное предприятие — издание академического Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого — гордость русской филологической науки. По инициативе Шахматова Академия взяла это дело в свои руки, и Шахматов стал членом редакционного комитета.

Далеко не второстепенным делом была деятельность Шахматова как директора Библиотеки Академии наук. Став директором БАН в 1899 г., он сделал БАН не только второй по своему значению научной библиотекой России, но и превратил ее в важный центр научной работы по вопросам собирания и изучения рукописей, библиографии и библиотековедения. Шахматов ценил «самодеятельность библиотечного персонала», поощрял его научную и библиотечную инициативу. При нем расцвело Рукописное отделение БАН. Он оказывал всяческое содействие экспедициям за рукописями, в первую очередь В. И. Срезневского. Он расширил Славянское отделение библиотеки и стал пополнять его литовскими и латышскими книгами, что раньше не делалось. Благодаря энергичной поддержке Шахматова вышло в свет важнейшее библиографическое пособие «Список русских повременных изданий с 1703 по 1899 год с сведениями об экземплярах, принадлежащих Библиотеке императорской Академии наук» (Труд В. И. Срезневского. СПб., 1907).

А. А. Шахматов способствовал созданию списка указателей русских периодических изданий, предпринятого Н. А. Вукотич. Он предполагал также продолжить «Список русских повременных изданий» с 1899 г. до современности.

Помогал он и другой важной работе — составлению сводного каталога иностранных периодических изданий в библиотеках Петрограда.

Он хотел создать в Петербурге-Петрограде библиотечно-справочный рабочий аппарат, который объединил бы все его научные библиотеки.

Шахматов ясно осознавал, что для наиболее совершенной и экономной организации научных библиотек нужно их объединение. Это в первую очередь дало бы возможность полнее и экономнее выписывать всю иностранную литературу, согласованнее работать.

Он ясно осознал, что разделение Библиотеки Академии наук на два академических книгохранилища наносит вред библиотечному делу, и предложил объединить их под своим руководством. Это и было сделано, и благими результатами этого объединения мы пользуемся до сих пор.

Принципиально важно и другое: Шахматов видел в академической библиотеке научное учреждение, ясно понимая, что нельзя просто хранить книги без их изуче-

¹ П. Н. Сакулин. Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова. — «Известия Отделения русского языка и словесности» (далее — «Известия ОРЯС»), т. XXV. Пг., 1922, стр. 305.

ния, без их основанного на научных данных пополнения, без хорошо организованной научной библиографии.

Интересен ряд специальных реформ библиотечного дела, предпринятых Шахматовым в целях экономии места. В частности, такие, как расстановка книг по пяти форматам с делением каждого формата на серии.

Хорошо известна история с революционными и, в частности, большевистскими изданиями (книгами и листовками), которым Шахматов дал приют в БАН, сохранив их для истории революционного движения.

Я не хочу сказать, что деятельность Шахматова как директора Библиотеки всегда была только правильной и что в ней не было недостатков. Так, например, Шахматов категорически отказался приобрести для Библиотеки Академии наук ценнейшее собрание лубочных картинок XVIII—XIX вв., что, конечно, было его ошибкой.

Наконец, следует отметить, что по инициативе Шахматова Библиотека стала переезжать в новое хорошее помещение, в котором находится и сейчас.

В своей педагогической деятельности Шахматов никогда не спускался до уровня аудитории, а стремился поднять аудиторию до себя. Иногда его слушали всего три-четыре человека, но это его не смущало, так как он видел (и был прав) в своих слушателях будущих ученых, которым на лекциях не надо развлечений².

Удивительно разнообразен был круг предметов, по которым он читал курсы, вел семинары и просеминары: история русского языка, церковно-славянский язык, русская диалектология, история летописания, «Слово о полку Игореве» (факт этот, между прочим, не был отмечен ни В. В. Виноградовым, ни Н. К. Гудзием в их споре — признавал ли Шахматов «Слово» памятником XII в.), памятники древнерусской литературы и пр.

Как член Русского географического общества А. А. Шахматов был товарищем председателствующего, а затем и председателствующим Отделения этнографии; он работал в трех комиссиях (языка, одежды и украшений), принимал самое активное участие в собирании материалов для этнографических карт. Вместе с С. Ф. Ольденбургем он возглавлял Сказочную комиссию. Он поддерживал братьев Б. и Ю. Соколовых, Д. К. Зеленина и других фольклористов. Я не перечисляю всех заслуг А. А. Шахматова в области фольклористики: этому будет посвящен особый доклад. Множество начинаний либо принадлежало Шахматову, либо было им поддержано.

Авторитет русской филологической науки и авторитет Отделения русского языка и словесности никогда раньше не стоял так высоко, как именно при А. А. Шахматове.

Мы в Пушкинском доме должны быть особенно благодарны Шахматову как деятельному покровителю Б. Л. Модзалевского во всех его мероприятиях по собиранию архивных материалов, особенно в первые годы революции, когда старое дворянство, покидая Петроград и уезжая в эмиграцию, бросало на произвол судьбы свои архивы

В. И. Срезневский вспоминает: «Каждый листок, каждый обрывок, носящий признаки старины, вызывали его заботу о сохранности. Помню его ужас, когда во дворе дома Воронцовых, куда в 1920 г. переселился какой-то военный госпиталь, служители Академии наук нашли в куче мусора столбцы XVI—XVII вв.; помню, как он хлопотал, извлекая из-под груды битой посуды, тряпок и рваной бумаги эти ветхие, исписанные тщательной скорписью листки, выброшенные из домовой канторы...»³

Шахматов потому смог стать организатором науки, центром, к которому сходились все, авторитетом, который решал сложнейшие вопросы и к которому прислушивались, с мнением которого считались, что он обладал удивительным нравственным авторитетом. Свой нравственный авторитет он завоевал прежде всего благодаря своей исключительной скромности. Приведу только некоторые примеры.

Как директор Библиотеки Академии наук он отказался от своего кабинета, так как библиотеке не хватало помещений. По всем делам, которые требовали конфиденциального разговора, он приглашал посетителя пойти поговорить между шкапами и стеллажами книг; в Рукописном отделении, которым он заведовал, он не имел собственного стола, а работал за столом Срезневского. Он был душевно деликатен и вместе с тем всегда прямо выражал свое мнение. С. Ф. Ольденбург свидетельствует: «...Он [Шахматов] всегда высказывает откровенно свое мнение, делает поправки, исправляет ошибки и делает это удивительно просто и внимательно... Ал. А. считал, что важно указать на ошибку и незачем произносить приговоры. В одном из писем он пишет о неприятно поразившей его рецензии и спрашивает: „неужели нельзя соблюдать вежливость?“»⁴

С. Ф. Ольденбург отмечает в Шахматове удивительную простоту, отсутствие напускной важности и надменности. Это было следствием не только хорошего воспита-

² Д. К. Петров. А. А. Шахматов как университетский деятель. — «Известия ОРЯС», т. XXV, стр. 143.

³ В. И. Срезневский. Из воспоминаний об А. А. Шахматове в Академической библиотеке. — «Известия ОРЯС», т. XXV, стр. 245.

⁴ «А. А. Шахматов как человек и деятель». — «Известия ОРЯС», т. XXV, стр. 66—67.

ция, умения себя держать, но результатом личной скромности. От этого простота Шахматова приобретала исключительное обаяние. Нравственные достоинства Шахматова притягивали к нему ученых и молодежь, делали его центром ученого мира.

Шахматов обладал «талантом личности» — тем неуловимым обаянием крупного и скромного человека, который необходим организатору науки не в меньшей мере, чем и другие социальные черты.

Он без усилий привлекал и объединял людей. По воскресеньям его скромный кабинет (сейчас в нем находится бухгалтерия ЛАХУ) наполнялся учеными, приезжавшими к нему со всей России и из-за границы, главным образом из славянских стран.

Шахматов считал своим долгом отвечать на каждое письмо. Его переписка представляет огромный интерес для науки.

Я бы хотел заключить свою характеристику Шахматова оставленным нам В. Н. Щепкиным описанием наружности Шахматова и его манеры себя держать. Это описание сделано далеко не трафаретно: «Его длинная светлая голова с продолговатым, несколько прямоугольным лицом лежала на очень небольшом, но пропорциональном теле. Она казалась сдержанно кротким выражением серых глаз и несколько сжатых уст. Взгляд отличался содержательностью: он словно имел сказать что-то. Подходящий чувствовал в Шахматове убежденную общественную личность, направленную к непрестанному полезному труду, проникнутую интересом и спокойным уважением к человеку. Та социальная организация ученых сил, которой так владел Шахматов, давалась ему совершенно естественно и как-то умно и кротко: он вовлекал собеседника в здоровую атмосферу общественного труда, в котором на счету каждая личность, при этом сразу чувствовался и общий принцип или знамя и то, что практически исполнимо и стоит на очереди. В выборе средств, программ, людей, в умении открыть способности, направить и использовать он обнаруживал такую веру в человека, такую рассудительную находчивость и столько бесспорного, словно он объяснял людям, для какого труда они созданы и что они могут сделать сейчас»⁵.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

С докладом «А. А. Шахматов и проблемы происхождения восточнославянских языков» выступил член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин (Москва). Он показал, что научное наследие академика по данному вопросу огромно, его труды впервые позволили представить общую картину истории языков восточных славян от праславянской общности до их современного состояния. Шахматовым были восстановлены этапы эволюции русского языка от формы «прарусского» вплоть до XIV в.

Были заслушаны доклады доктора филологических наук В. В. Колосова (Ленинград) «А. А. Шахматов и вопросы славянского языкознания» и доктора филологических наук Л. С. Костун (Ленинград) «Основная идея шахматовской лексикографии» (об этом см. подробно в журнале «Вопросы языкознания», 1971, № 2).

С докладом «Фольклорные записи А. А. Шахматова» выступила доктор филологических наук А. П. Евгеньева (Ленинград). Сам ученый не считал себя фольклористом, однако во время своих экспедиций в Олонекскую, Калужскую, Саратовскую и Минскую губернии, где он исследовал местные говоры с точки зрения изменений в русской фонетике, Шахматов собирал и образцы фольклора, изучал этнографические данные. Его записи отличаются большой диалектологической тщательностью, но многие былины, сказки, песни до сих пор не опубликованы. Этот широкий фольклорный материал он использовал в своем «Словаре», иллюстрируя историю языка путем привлечения современных диалектных примеров. Здесь нашло отражение органическое единство языка, проявляющееся в письменных памятниках и в элементах живой речи.

С докладом «А. А. Шахматов и проблема реконструкции древнейшего летописания» выступил кандидат исторических наук В. А. Кучкин (Москва).

Исследования А. А. Шахматовым древнерусских летописей — одна из наиболее ярких и плодотворных сторон его многогранной деятельности. Всем известен его поистине грандиозный труд — реконструкция «Повести временных лет». Доскладчик остановился на некоторых новых материалах, могущих быть использованными для реконструкции «Повести». Речь шла, в частности, о летописном своде, открытом еще в начале нынешнего столетия самим Шахматовым. Этот памятник составлен экономом Киево-Печерского монастыря Пантелеймоном Кохановским в 1680—1682 гг. Анализ этого свода показал, что его протооригиналом был Хлебниковский список Ипатьевской летописи, прокорректированный по неизвестному своду с более древним текстом. В результате выявления остатков этого древнего свода может быть предложен целый ряд поправок к реконструкции А. А. Шахматова.

Доктор филологических наук Я. С. Лурье (Ленинград) выступил с докладом «Шахматов и летописание XV века». Именно А. А. Шахматов открыл русское летописание XV в., и современные исследования доказывают правильность основных положений

⁵ В. Н. Щепкин. Академик А. А. Шахматов. — «Известия ОРЯС», т. XXV, стр. 316.

Шахматова. Однако новые археографические открытия требуют в ряде случаев пересмотра шахматовской системы. Я. С. Лурье высказал ряд предложений о генеалогии летописания XV в., в которых были намечены дополнения и изменения к схеме А. А. Шахматова. Речь идет, в частности, об отказе от гипотезы о Полихроне 1418—1423 г. как особом посредствующем звене между сводом 1408 г. (Троицкая летопись) и сводом 1448 г. и о более конкретном определении двух памятников: великокняжеского свода, предшествующего своду 1479 г., и общего источника Ермолинской летописи, сокращенных сводов конца XV в. и Устюжского летописца (Кирилло-Белозерский летописный свод). Докладчик отметил, что новые поправки и уточнения исходят прежде всего из того метода сравнительно-исторического исследования летописных текстов, который был разработан Шахматовым.

В докладе кандидата математических наук Б. М. Клосса (Москва) «А. А. Шахматов и хронографическая основа летописания» был рассмотрен вопрос о времени создания русского Хронографа и его взаимоотношениях с русскими летописями. Эта тема чрезвычайно интересовала академика Шахматова на протяжении многих лет. В докладе была выдвинута убедительно аргументированная гипотеза, согласно которой известия Хронографа о истории Руси восходят к Сокращенному летописному своду (близкому к своду 1495 г.), к летописи, близкой к Симеоновской. На основании датировки Сокращенного свода, расчета лет, имеющегося во вводной статье Хронографа, и статей, следующих за его основным текстом, Б. М. Клосс определяет, что русский Хронограф написан в 1488—1494 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре.

В докладе кандидата исторических наук М. В. Кухушкиной (Ленинград) была освещена деятельность А. А. Шахматова как директора Библиотеки Академии наук, которой он уделял огромное внимание, став в 1899 г. директором I Русского отделения Библиотеки. Им был создан рукописный отдел, книжный фонд достиг полутера миллионов томов. После революции значительно расширился контингент читателей, был облегчен доступ к материалам для ученых и студентов. По инициативе директора, Библиотека продолжала комплектование фондов и в годы революции. В тяжелых условиях голода и разрухи фонды пополнялись реквизируемыми частными библиотеками и новыми советскими изданиями.

С докладом «А. А. Шахматов и собирание архивов по истории революционного движения» выступил доктор исторических наук С. О. Шмидт (Москва). В докладе сообщалось много интересных данных, характеризующих академика Шахматова как человека, не только глубоко преданного науке, но и достойного гражданина своей родины, человека большого душевного благородства и мужества. Так, в предреволюционные годы Шахматов, подвергая себя большому риску, хранил в Библиотеке Академии наук материалы, документы и письма виднейших деятелей РСДРП, рукописи Владимира Ильича Ленина; он принимал и большое участие в судьбе В. Д. Бонч-Бруевича, которого неоднократно выручал из рук охранного отделения. С. О. Шмидт отметил, как высоко ценил В. И. Ленин деятельность А. А. Шахматова.

Доклад студента Московского государственного историко-архивного института (МГИИ) М. А. Робинсона был посвящен отношению А. А. Шахматова к волнениям русского студенчества. Он неоднократно выступал за сохранение независимости университетов, с глубоким сочувствием относился к студенческому движению. В 1911 г. он активно выступил в защиту репрессированных студентов Петербургского университета, ходатайствовал об облегчении их участи, признавая несправедливыми правительственные антистуденческие меры, в знак протеста отказался от чтения лекций. Шахматов сознавал и консервативное отношение царской власти к прогрессивному развитию науки и просвещения. В вопросе о студенческом движении он занимал радикальную позицию, приближаясь по взглядам к передовой русской интеллигенции.

О взаимоотношениях двух ученых — А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова — рассказал в своем докладе студент МГИИ С. В. Чирков. Их научное общение, плодотворное сотрудничество в области изучения летописей важно и интересно не только в гносеологическом плане, но и тем этическим элементом в науке, выразившимся в традиции обмена мыслями ученых неравного положения, не всегда сходящихся в специальных вопросах, но умевших сохранить крайнюю доброжелательность и сердечность в отношениях. Они дали достойный пример для подражания, представляющий значительное и заслуживающее изучения культурно-историческое явление.

Совещание, посвященное памяти академика А. А. Шахматова, внесло свой вклад в разработку огромного научного наследия замечательного русского ученого.

С заключительным словом выступил Д. С. Лихачев. Он подчеркнул деловой, рабочий характер научной сессии и предложил решение, в котором, в частности, говорилось о необходимости издать сборник документов о научно-организационной деятельности А. А. Шахматова и выражалось пожелание подготовить полное издание труда А. А. Шахматова «Обзорные русских летописных сводов XIV—XVI вв.». Д. С. Лихачев отметил, что еще А. А. Шахматов поднимал вопрос о создании Совета по комплексному изучению древнерусской культуры, поэтому вполне уместно обратить внимание вышестоящих организаций на необходимость создания такого Совета.

9 октября на Волковом кладбище состоялось возложение венка на могилу А. А. Шахматова.

Г. В. Маркелов

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Н. ПЕРЕЦА

28 и 29 октября 1970 г. сектором древнерусской литературы Пушкинского дома АН СССР проводилась научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Владимира Николаевича Перетца. Кроме ленинградских ученых в ней приняли участие ученые Москвы и Киева.

Во вступительном слове академик Д. С. Лихачев кратко охарактеризовал основные направления научной деятельности В. Н. Перетца. Он отметил, что В. Н. Перетц не делал различий между источниковедческими, текстологическими разысканиями и теоретическими построениями, которые должны основываться на реальных данных. Он всегда придерживался требования полного, исчерпывающего ознакомления с материалами изучаемого вопроса, и в понятие литературной истории памятника им включалась вся история произведения — и творческая и «нетворческая». Владимиру Николаевичу был присущ интерес к рядовым явлениям литературы, как ученого его отличал строго исторический подход к фактам древней литературы, изучению социальных условий существования произведения, условий его распространения в определенной среде. Русский филолог-славист, много лет занимавшийся помимо истории русской литературы историей украинской литературы, требовавший всегда строгой проверки всех фактов, В. Н. Перетц в известной мере предвосхитил некоторые приемы, характерные для методики советского литературоведения. В. Н. Перетц провел четкую границу между литературной критикой и литературоведческой наукой — эта важная мысль Д. С. Лихачева звучала почти в каждом докладе участников конференции и, в частности, в докладах кандидатов филологических наук А. С. Демина (Москва) по истории русского театра и А. М. Панченко (Ленинград) по истории русского стихотворства.

А. М. Панченко отметил не ослабевающий с годами интерес В. Н. Перетца к одному из самых сложных явлений — к возникновению и истории русского стихотворства. Докладчик показал, как в круг научных интересов В. Н. Перетца вошла тема «Восточнославянская книжная поэзия XVII—XVIII вв.». Силлабические стихи были известны и до В. Н. Перетца, однако он один ввел в научный оборот больше материала, чем все его предшественники, вместе взятые. А. М. Панченко заметил, что занятия «поэтической археологией», по выражению самого В. Н. Перетца, позволили ему «свести отдельные фрагменты в картину, создать схему возникновения и движения искусственной поэзии — схему, которой без существенных изменений и дополнений мы пользуемся по сию пору». А. М. Панченко назвал В. Н. Перетца первооткрывателем многих тем и явлений, примером чему может служить жанр покаянных стихов, на который обратил внимание В. Н. Перетц и который ждет еще своего исследователя. Современные работы в области древнерусской поэзии так или иначе основываются на разысканиях В. Н. Перетца, заключил А. М. Панченко, и это лучше всего доказывает огромную весомость вклада, который он внес в филологию.

А. С. Демина посвятил свой доклад характеристике того периода изучения раннего русского театра и драматургии, который он назвал «перетцевским» в отличие от предыдущего, «тихонравовского», периода. Сопоставляя работы В. Н. Перетца по русскому театру с исследованиями других ученых, А. С. Демина показал, какую роль в формировании В. Н. Перетца как историка литературы сыграла известная дискуссия о задачах литературоведческих изысканий, развернувшаяся в самом начале XX в., как работа В. Н. Перетца по изучению театра привела его к серьезным занятиям народным театром и как широкая эрудиция и знание рукописного материала позволили В. Н. Перетцу прокомментировать почти весь репертуар русского театра конца XVII—начала XVIII в. В. Н. Перетцем впервые был поставлен вопрос об эстетике старинного русского театра.

О трудах В. Н. Перетца по истории других славянских литератур, в частности по украинской литературе, рассказал в своем докладе доктор исторических наук Л. Е. Махновец (Киев). С первых лет приезда на Украину в 1903 г. В. Н. Перетца не покидает глубокий интерес к культурной и общественной жизни Киева и всей Украины. Человек широко демократических взглядов, В. Н. Перетц откликнулся на все актуальные вопросы общественной жизни. В область научных занятий В. Н. Перетца входит в это время украинское стихосложение, записи виршей и песен, украинский театр. Он разыскивает и публикует множество неизвестных до тех пор материалов по староукраинской литературе. Благодаря неутомимой работе и бескорыстному энтузиазму таких ученых, как В. Н. Перетц, древняя украинская литература обрела «плоть и кровь», мы слышим ее живой голос из глубины веков.

О своих встречах с В. Н. Перетцем рассказали академики: М. П. Алексеев (Ленинград), В. М. Жирмунский (Ленинград) и доктор филологических наук, профессор Г. А. Бялый (Ленинград).

М. П. Алексеев говорил о том впечатлении, какое производило имя В. Н. Перетца на них, киевских гимназистов, о том, как на историко-филологическом факультете Киевского университета, куда поступил позже М. П. Алексеев, все жило воспоминания-

ми и рассказами о замечательном ученом-педагоге, только что переехавшем в Петербург, о его семинарии, который вырастил многих крупных филологов наших дней.

В. М. Жирмунский встретился с В. Н. Перетцем еще студентом. Научное мировоззрение В. Н. Перетца, заметил В. М. Жирмунский, складывалось из двух компонентов — защиты филологического метода изучения литературы и интереса к вопросам стиля. Это сближало В. Н. Перетца, по мнению В. М. Жирмунского, с устремлениями молодых литературоведов 20-х годов. В. М. Жирмунский вспомнил о периоде жизни В. Н. Перетца, связанном с его преподаванием в Петроградском институте истории искусств.

«В. Н. Перетц — это наша молодость, наши первые шаги в литературоведческой науке», — сказал Г. А. Бялый, занимавшийся в 20-е годы в знаменитом семинарии В. Н. Перетца в «петроградский» период деятельности этого семинария. Г. А. Бялый выделил четыре периода существования семинария: киевский (1904—1914 гг.), петербургский (1914—1917 гг.), самарский (1917—1921 гг.), петроградский (1921—1927 гг.). В воспоминаниях Г. А. Бялого возникла перед слушателями характерная для семинария атмосфера подлинной научной увлеченности, высокой принципиальности, равенства между начинающими свой научный путь студентами и уже известными учеными, равенства, основанного на уважении к результатам научного труда. Г. А. Бялый охарактеризовал строгий отбор кандидатов в семинарии: быть его слушателем мог только действительно увлеченный и преданный науке человек.

Второй день сессии открылся выступлением кандидата филологических наук Л. А. Дмитриева (Ленинград), в котором он рассказал о трудах В. Н. Перетца по «Слову о полку Игореве». Интерес к «Слову» возник у В. Н. Перетца еще в студенческие годы, когда академик А. И. Соболевский читал свой спецкурс по «Слову». В 1926 г. вышло известное исследование В. Н. Перетца «Слово о полку Игореве. Памятка феодальной Украины — Руси XX в.». Текстологическое исследование памятника, связь его с устным народным творчеством и древнерусской письменностью, поэтика «Слова» — вот центральные вопросы книги В. Н. Перетца. Большой интерес представляет публикация текста памятника. Параллельно с текстом, основанным на тексте первого издания с внесенными в него исправлениями и конъектурами, печатается гипотетический древнерусский текст «Слова» начала XV в., тот, который мог читаться в сгоревшей рукописи. Этот гипотетический текст основан на строго научных данных лингвистики, палеографии, текстологии. В. Н. Перетц в разделе комментариев привел многочисленные стилистические и языковые параллели к тексту «Слова» из переводных и оригинальных памятников древней Руси и фольклорных текстов. Эти параллели убедительно показали, что целый ряд поэтических образов «Слова», имея самостоятельное значение, входят в поэтическую систему своей эпохи, что свидетельствует о древности и подлинности памятника. Эти материалы, собранные В. Н. Перетцем, не потеряли своего значения до сих пор. Ученого волновала также тема «„Слово о полку Игореве“ и фольклор», отражение язычества в «Слове», вопрос о подлинности «Слова». Со времени издания последней работы В. Н. Перетца по «Слову» прошло 40 лет, отметил докладчик, и за это время накопились новые материалы, разработаны новые проблемы, но работы В. Н. Перетца и сейчас побуждают исследователей к поискам, заставляют пересмотреть целый ряд казалось бы окончательно решенных положений.

В докладе члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц¹ облик В. Н. Перетца-ученого раскрывается еще с одной стороны. Живая любовь к древнерусской литературе, к прошлому России побуждала В. Н. Перетца вновь и вновь обращаться к рукописному материалу. Вот почему В. Н. Перетц был одним из организаторов и деятельным участником археографической работы с памятниками древней литературы. Источниковедение В. Н. Перетц считал неотъемлемой частью всякого филологического изыскания. В. Н. Перетц едет в Новгород, Самару, Псков, Москву, Саратов, разыскивает и издает многочисленные первоклассные древнерусские и староукраинские сочинения, описывает целые рукописные собрания, ранее неизвестные науке, выявляет в них украинские и белорусские рукописи.

В Пушкинском доме хранится и толковая картотека древнерусской литературы, составленная В. Н. Перетцем и его учениками В. П. Адриановой-Перетц, С. Балухатым, И. П. Ереминым, С. А. Щегловой и др. О работе ученого над этой картотеккой рассказала кандидат филологических наук И. Ф. Дробленкова (Ленинград). Эта работа велась с 1912 по 1934 г., когда материалы были переданы В. Н. Перетцем в сектор древнерусской литературы Пушкинского дома. Сейчас картотека насчитывает 24 427 карточек. В них в алфавитном порядке представлены имена, произведения, жанры. Работа над картотеккой не была закончена. В 30-е годы пополнение картотеки вел доктор филологических наук В. И. Малышев. На материалах этой картотеки основаны издания серии библиографии древнерусской литературы.

¹ В основе доклада статья В. П. Адриановой-Перетц. «Археографические и источниковедческие труды В. Н. Перетца» («Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 275).

Кандидат филологических наук Н. Н. Розов (Ленинград) обратился к экспедиционной деятельности В. Н. Перетца и его семинария. Семинарием было проведено свыше 10 филологических поездок в Полтаву, Екатеринодар, Житомир, Нежин, Петербург, Москву, Киев. Эти поездки учили молодых исследователей непосредственной работе с рукописями, умению обращаться с архивными материалами. Это были не только познавательные экспедиции. Участники перетцевского семинария выступали с докладами и сообщениями в ученых кругах различных городов, и тематический диапазон их докладов был необычайно широк — от творчества митрополита Иларiona до поэзии К. Ф. Рылеева. Члены семинария во время этих поездок приводили в порядок и описывали многие рукописные собрания, выявляли неизвестные ранее памятники.

В. Н. Перетц был собирателем старинных рукописей, и его богатейшая коллекция положила начало рукописному собранию Пушкинского дома.

Доклад О. Н. Сенник (Львовская обл.) был посвящен украинским рукописям в собрании В. Н. Перетца (в Пушкинском доме), составляющим почти треть всей коллекции В. Н. Перетца. Среди них сборник второй половины XVIII в., содержащий рифмованную повесть на украинском языке, авторство которой еще не определено, сборник стихотворений на русском и украинском языках, повесть о царе Агее.

Студент Академии художеств И. И. Гумницкий (Ленинград) обратился к Лицевому евангелию XVI в. из собрания В. Н. Перетца. Подробно рассматривая характер заставок, заглавных букв текста, миниатюр с изображениями евангелистов, сопровождая свой доклад красочными диапозитивными иллюстрациями, И. И. Гумницкий предположительно отнес этот памятник к новгородской школе.

В заключительном слове Л. А. Дмитриев сказал о том огромном влиянии, которое труды В. Н. Перетца продолжают и сегодня оказывать на филологов разных специализаций и поколений, и научная сессия в честь В. Н. Перетца — лучшее тому доказательство.

М. В. Рождественская

В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-АРХИВНОМ ИНСТИТУТЕ

(Деятельность научного студенческого кружка источниковедения истории СССР)

20 мая 1970 г. в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) состоялось расширенное заседание, посвященное юбилею старейшего научного студенческого объединения института — кружка источниковедения истории СССР¹. Наряду со студентами в работе кружка принимают участие и выпускники МГИАИ. Вступительным словом открыл заседание бессменный научный руководитель кружка С. О. Шмидт. С отчетным докладом о работе за 1966—1970 гг. выступил староста кружка С. В. Чирков. Кружковец первого поколения, ныне доктор исторических наук С. М. Каштанов в докладе «20 лет спустя» дал обстоятельный анализ направлений в работе кружка за два десятилетия, подчеркнув, что, несмотря на смену поколений, кружок остается сплоченным и деятельным коллективом. 17 кружковцев — доктора и кандидаты наук, некоторые из них продолжают до сих пор принимать деятельное участие в заседаниях. С приветствиями и поздравлениями от имени ректората, кафедр и общественных организаций института к собравшимся обратились М. С. Селезнев, И. А. Миронова, Ф. А. Коган-Бернштейн, Е. А. Луцкий. Выступили также ветераны кружка: А. А. Курносков, Н. С. Лебедева и студенты. Были зачитаны приветствия и поздравления от редакции газеты «Комсомольская правда», академика Н. М. Дружинина, С. Н. Валка, И. Л. Андроникова, К. Н. Тарновского, Э. С. Паиной, археографов Новосибирска, ветеранов кружка, работающих в настоящее время в разных городах страны и за рубежом².

Работы членов кружка публиковались в «Трудах Московского государственного историко-архивного института», изданиях АН СССР, ГАУ при СМ СССР и др. При

¹ В связи с 10-летним и 15-летним юбилеями кружка были опубликованы следующие материалы: С. Каштанов, Е. Шингарева. Кружок источниковедения истории СССР. — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 16. М., 1961, стр. 489—497; С. М. Каштанов. 15-летие студенческого источниковедческого кружка. — «История СССР», 1965, № 5, стр. 214—215; В. А. Муравьев. Кружку источниковедения истории СССР — 15 лет. — «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 24. М., 1966, стр. 267—277.

² Информацию о 20-летию кружка поместили на своих страницах журналы: «Вопросы истории», 1970, № 8, стр. 174; «История СССР», 1970, № 5, стр. 230—231; «Советские архивы», 1970, № 6, стр. 117.

участии членов кружка в 1957 г. был издан сборник работ студентов — членов научного студенческого общества («Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 10. М., 1957). Из работ кружковцев полностью состоит т. 16 «Трудов...» К юбилею подготовлен и издан ротационным способом специальный сборник «Материалы научной студенческой конференции. Май 1970 г.» в двух выпусках, статьи которого написаны студентами института под руководством А. А. Зимины, А. И. Комиссаренко, Е. А. Луцкого, О. М. Медушевской, Ю. Я. Рыбакова, М. С. Селезнева, Е. В. Чистяковой, С. О. Шмидта.

Содержание I выпуска «Источниковедение истории СССР»: Р. Е. Щеголькова. Речь В. И. Ленина по аграрному вопросу на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов 22 мая 1917 г. (Текстологический анализ стенографической записи); Б. С. Илизаров. Статья В. И. Ленина «Помещики снюхались с кадетами». (Опыт источниковедческого анализа); Г. П. Присенко. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва как исторический источник; Э. Х. Чубинидзе. О роли устной информации в ленинской лаборатории исследования советского общества; В. Е. Туманов. Малоизвестный дневник очевидца ленинских траурных дней января 1924 г.; В. В. Крылов. Публикация произведений В. И. Ленина в журнале «Пролетарская революция»; С. Д. Мякушев. Из истории советских наград. (Ордена Трудового Красного Знамени советских республик); А. А. Лазарев. Материалы Чрезвычайной государственной комиссии об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками ленинградским учреждениям Академии наук СССР; А. П. Финадеев. Из опыта школьной краеведческой работы г. Челябинска; А. С. Красавин. Протоколы кружка «Беседа» как источник по истории земско-либерального движения; С. А. Емельянов. Малоизвестные данные о народовольцах. (По воспоминаниям А. О. Бонч-Осмоловского); М. Ф. Прохоров. Краткий обзор документов фондов московских департаментов Сената (1763—1805 гг.) и их значение для истории классовой борьбы крестьян; А. В. Латушкин. Межевые книги как источник по исторической географии. (Опыт использования межевых книг для составления экономической карты волости Нерехта Костромского уезда XVII в.); В. И. Гальцов. О составителях описи-архива Посольского приказа 1626—1627 гг.; Ю. Б. Рябошапко. Из внешней критики подлинника Тявзинского мирного договора 1595 г.; В. А. Коляда. Заметки о статейных списках русских посольств в Англии XVI — начала XVII в.; Ю. Н. Мельников. О Русском временнике.

Содержание выпуска II «Источниковедение историографии»: Ю. Д. Рыков. Владельцы и читатели «Истории» князя А. М. Курбского; Е. М. Добрушкин. О нескольких сообщениях «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1185 г.; Е. Б. Бешенковский. А. И. Богданов и «Краткий российский летописец»; М. В. Ломоносова; А. И. Аксенов. А. И. Мусин-Пушкин и русские летописи; В. П. Козлов. К. Ф. Калайдович — издатель произведений Кирилла Туровского; А. А. Амосов. Краткие заметки о Двинской летописи; В. Ю. Афиаци. Письма Ф. И. Буслаева в московских архивах; С. П. Бутько. Дневниковые записи И. Е. Забелина; В. В. Галахов. Историографические материалы в фондах Ю. В. Готье; С. В. Чирков. Письмо А. Е. Преснякова А. А. Шахматову. (К характеристике преподавательской деятельности А. Е. Преснякова); М. А. Робинсон. Документы из архива А. А. Шахматова. (А. А. Шахматов и В. В. Виноградов); С. Б. Филимонов. Топонимика на службе краеведения. (По материалам фонда историка-краеведа М. И. Смирнова); М. П. Лукичев. Древнерусская миниатюра как палеографический признак. (Историография вопроса); Н. И. Ходаковский. К вопросу о взаимосвязи информатики и источниковедения; С. М. Каштанов, доктор исторических наук. 20 лет спустя. (Юбилей научного студенческого кружка); А. А. Амосов. Кружок источниковедения истории СССР в 1966—1970 гг.; Список работ членов кружка источниковедения истории СССР, опубликованных в 1966—1970 гг.

А. А. Амосов



НИНА ВИКТОРОВНА ПИГУЛЕВСКАЯ
(1894—1970)

17 февраля 1970 г. в Ленинграде скоропостижно скончалась член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Ленинградского государственного университета, член Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР Нина Викторовна Пигулевская.

В лице покойной советская наука понесла огромную, незаменимую потерю, так как Нина Викторовна была ученым в лучшем смысле этого слова, ученым широкого профиля и обладала незаурядным талантом организатора и педагога. Круг ее интересов был на редкость широким; список трудов, опубликованный к 70-летию покойной, включает 141 название, из которых 8 — монографии¹.

Наибольшее число работ Н. В. Пигулевской посвящено истории, филологии и культуре Сирии и Южной Аравии, народам Ближнего Востока в эллинистический период (включая причерноморские земли). История Ирана и Византийской империи также неизменно привлекала внимание Нины Викторовны.

¹ «Краткие сообщения Института народов Азии», вып. 86. «История и филология Ближнего Востока». М., 1965, стр. 10—15. Дополнения к списку см.: «Эллинистический Ближний Восток. Византия и Иран. История и филология». Сборник в честь 70-летия члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 5—6. В настоящее время готовится к печати почти законченная монография покойной, посвященная культуре средневековой Сирии. Две монографии в переводах изданы за рубежом: N. Pigulevskaja. *Les villes de l'état iranien aux époque Parthe et Sassanide*. Paris, 1963; она же. *Byzanz auf der Wegen nach Indien*. Berlin, Akademie Verlag, 1969. Полный список трудов будет помещен в мемориальном сборнике, который готовится к печати.

Огромная эрудиция, талант исследователя и удивительное трудолюбие дали Нине Викторовне возможность плодотворно работать в столь разнообразных областях, что в одном некрологе трудно сколько-нибудь полно охарактеризовать ее научную деятельность. Труды по востоковедению и по византиноведению, несомненно, будут освещены в специальных изданиях. Мы же постараемся, в соответствии с профилем «Археографического ежегодника», дать представление о занятиях вспомогательными историческими дисциплинами, то есть источниковедением, палеографией, филигранологией, историографией и др.

Нина Викторовна Пигулевская (Стебницкая) родилась в Петербурге 14 января 1894 г. Окончив в 1912 г. гимназию, она поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, известных под названием «Бестужевских курсов». В те годы на курсах преподавали видные ученые, многие из которых специально интересовались вспомогательными дисциплинами, как, например, А. А. Васильев (источниковедение истории Византии), О. А. Добиаш-Рождественская (латинская палеография), И. И. Толстой (сигиллография), С. Ф. Платонов (русское источниковедение, летописание), С. А. Венгеров (библиография), Д. И. Абрамович (библиография, палеография), Г. Ф. Церетели (папирология, греческая палеография) и др.

После окончания курсов (январь 1918 г.) Нина Викторовна была оставлена при курсах для специализации по истории Византийской империи; одновременно она посещала занятия по семитским языкам в Петроградском университете, где особенно прилежно изучала сирийский язык у академика П. К. Коковцова, чье имя она в продолжение всей своей жизни особенно почитала².

Уже в годы учения Нина Викторовна под руководством своих учителей и наставников, приобрела вкус к вспомогательным историческим и филологическим студиям. Одна из ее самых первых печатных работ представляет собой исследование о знаменитой рукописи Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, содержащей сирийский перевод «Церковной истории» Евсевия и написанной в 462 г.³

Первая монография Н. В. Пигулевской является глубоким источниковедческим трудом, посвященным сирийской хронике Иешу Стилита⁴; в книге разобрано значение этой хроники для истории Сирии и Византии V—VI вв., а также помещен перевод хроники на русский язык, впервые выполненный автором.

Вслед за этой книгой последовал целый ряд исследований и переводов сирийских текстов, касающихся истории народов СССР, арабов и т. д.⁵

В монографиях Н. В. Пигулевской обязательно имеются специальные главы или разделы, трактующие об использованных автором источниках, а в приложениях, как правило, бывает напечатан русский перевод какого-либо малоизвестного текста⁶.

Большой интерес представляет перевод на русский язык сирийского источника XIII в. под названием «История мар Ябалахи III и раббан Саумы», которая мало использовалась историками и географами⁷. Во введении к переводу Нина Викторовна отмечает, что этот памятник «содержит богатый материал о политических событиях и жизни на Ближнем Востоке в конце XIII—начале XIV века», а также «значительно дополняет сведения о Китае и о путях, которые соединили Восток с Западом», заключающиеся в записках западноевропейских путешественников — Марко Поло, Плано Карпини и Рубруквиса (Рубрука).

Палеографические исследования Нины Викторовны, подобно ее источниковедческим занятиям, имеют разнообразный и широкий характер. Наиболее крупной и выдающейся из этих работ нам представляется описание сирийских рукописей, находя-

² См.: «Павел Константинович Коковцов». Некролог.—«Вестник Академии наук СССР». Казань, 1942, № 4, стр. 103—107; «Академик Павел Константинович Коковцов и его школа».—«Вестник Ленинградского университета», 1947, № 5, стр. 106—118.

³ Н. В. Пигулевская. О сирийской рукописи «Церковной истории» Евсевия Кесарийского 462 г. в Российской Публичной Библиотеке.— В кн.: «Восточный сборник Государственной публичной библиотеки», 1. Л., 1926, стр. 115—122.

⁴ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. нашей эры. М.—Л., 1940.

⁵ См., например, следующие работы: «Сирийский источник VI века о народах Кавказа».—«Вестник древней истории», 1939, № 1, стр. 107—115; «Сирийские источники по истории народов СССР». М.—Л., 1941; «Арабы VI в. по сирийским источникам».—«Труды Института востоковедения», 1941, т. XXXVI, стр. 49—70.

⁶ См., например, в след. книгах Н. В. Пигулевской: «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.». М.—Л., 1946, стр. 7—56, 252—289, «Византия на путях в Индию». М.—Л., 1951, стр. 33—40, 115—161, 242—257, приложение; «Города Ирана в раннем средневековье». М.—Л., 1956, стр. 109—149, 334—338; «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.». М.—Л., 1964, стр. 6—18, 291—312. Используются источники на арабском, греческом, латинском, сирийском языках.

⁷ История мар Ябалахи III и раббан Саумы. Исследование, перевод с сирийского и примечания Н. В. Пигулевской. М., 1958; см. также статью: «История мар Ябалахи и Саумы».—«Палестинский сборник», № 2(64—65). М.—Л., 1956, стр. 97—108.

щихся в Ленинграде. Это описание было составлено Ниной Викторовой в конце 20-х — в первой половине 30-х годов, в годы ее работы в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, по предложению директора Библиотеки академика Н. Я. Марра, но увидело свет лишь в 1960 г.⁸

Хотя каталог вышел в свет лишь в 1960 г., Нина Викторова в течение многих лет подбирала для него материал, публиковала исследования об отдельных рукописях. Так, ею впервые были прочтены уникальные фрагменты сирийских и сиротюркских рукописей, найденные в развалинах мертвого города Хара-Хото⁹. В каталоге описано 78 рукописей, причем многие из них (например, сиротюркские фрагменты из Хара-Хото) были выявлены и описаны впервые самим составителем каталога. Описание отдельных кодексов или фрагментов отличается полнотой, содержание раскрывается подробно. Прекрасный знаток мирового фонда сирийских рукописей, Нина Викторова привлекала для описания некоторых рукописей сведения о сирийских рукописях зарубежных собраний.

Так, она установила, что два пергаменных листка из сочинений сирийского писателя VII в. Сахдоны Мартириуса, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке, представляют собой фрагмент из рукописи, хранящейся в Страсбурге¹⁰.

Тут же описано Евангелие XVI в. (хранится в Институте народов Азии), «родная сестра» которого была найдена Ниной Викторовой в Берлине; оба кодекса написаны одним писцом — монахом Иоанном.

Описания рукописей в этом каталоге построены таким образом, что он может служить важным справочным пособием по христианской письменности народов византийского культурного круга — названия отдельных сочинений переведены на русский язык, всюду даны указания на издания греческого и сирийского текстов¹¹.

Приложением к каталогу (стр. 197—213) служит исследование о филигранях сирийских рукописей¹².

В рецензии на это исследование было подчеркнуто, что «исключительной заслугой автора следует считать распространение метода датировки рукописей по водяным знакам на восточные рукописи, чего не сделали крупнейшие западноевропейские ученые, описывавшие сирийские (Райт, Эстенберг, Захау), арабские и персидские (Райт, Альварт, Перч, Блоше и др.) рукописи». По мнению рецензента, «список датированных филиграней (стр. 210—211) выходит за рамки собственно сирийской палеографии и приобретает более широкое значение пособия для всех, кто описывает восточные рукописи вообще»¹³.

Из других работ Нины Викторовой, посвященных рукописям, отметим ее статью о полиглотте, находящейся в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве¹⁴. Рукопись эта является фрагментом псалтыри, текст которой написан в три столбца на трех языках.

Нина Викторова Пигулевская обладала драгоценными для ученого свойствами организатора и педагога. Ведя занятия, помогая начинающим специалистам выбрать тему исследования, она неизменно обращала их внимание на важность источниковедческих и палеографических знаний, напоминала о том, насколько эти *instrumenta studiorum* необходимы для историка, лингвиста или филолога.

На конференциях, съездах или заседаниях, где Нина Викторова была организатором, обязательно в программу включались доклады по специальным дисциплинам. Так было на многих заседаниях Палестинского общества и на заседаниях Ленинградской межинститутской группы византистов, где председателем была Нина Викторова. Возможность поставить доклад на этих заседаниях многим облегчила трудности в работе — одним обсуждение в присутствии и при живом участии Нины Викторовой указывало новые пути в разработке избранной темы, другим ее авторитет и поддержка помогали отстаивать возможность заниматься интересующей их

⁸ Н. В. Пигулевская. Каталог сирийских рукописей Ленинграда. — «Палестинский сборник», № 6 (69). М.—Л., 1960, 230 стр., 10 таблиц и 9 рис. в тексте.

⁹ См. Н. В. Пигулевская. Сирийский и сиротюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. — «Советское востоковедение», 1. Л., 1940, стр. 212—234, табл. I—III. То же на франц. языке: N. Pigoulewskaya. Fragments syriaques et syro-turc de Hara-Hoto et de Turfan. — «Revue de l'Orient chrétien». 3-e série, t. X (XXX), № 1—2, 1938, стр. 3—46.

¹⁰ См. статьи: «Das Ende der Strassburger Sahdona — Handschrift». — «Oriens Christianus». Ser. III, 1927, Bd. I, S. 293—309 «Жизнь Сахдоны (из истории несторианства VII века)». — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», 1928, III, стр. 91—108.

¹¹ См., например, описания рукописей под номерами XXV, L и др.

¹² Впервые эта работа была напечатана в сб. «Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей. М.—Л., 1937, стр. 419—434.

¹³ См. рецензию Ю. Н. Завадовского в журнале «Народы Азии и Африки», 1961, № 6, стр. 195.

¹⁴ «Греко-сиро-арабская рукопись IX в.». — «Палестинский сборник», вып. 1 (63). М.—Л., 1954, стр. 59—90 (с илл.).

проблемой. При этом широко понимая научные задачи Общества, Н. В. Пигулевская назначала доклады по византиноведению, востоковедению, славяноведению, по истории искусства и т. д.

Будучи ответственным редактором «Палестинского сборника» (его издание после некоторого перерыва было возобновлено в 1954 г.), Нина Викторовна неизменно заботилась о том, чтобы на его страницах были представлены вспомогательные дисциплины, как в статьях, так и в монографиях. Например, под редакцией Н. В. Пигулевской вышли следующие работы: А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI веке.— «Палестинский сборник», вып. 8(71). Л., 1961 (исследование основано преимущественно на эпиграфических памятниках); И. Н. Лебедева. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы.— Там же, вып. 18(81). Л., 1968; А. И. Еланская. Коптские рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Там же, вып. 20(83). Л., 1969.

Показательной в смысле интереса Нины Викторовны к специальным дисциплинам и в смысле ее неослабевающего внимания к росту молодых ученых кадров была конференция молодых специалистов, посвященная изучению славянского и греческого рукописного наследия (текстологии, палеографии, кодикологии, источниковедению). Конференция эта была организована Ленинградским отделением Института народов Азии Академии наук СССР и Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук СССР и состоялась 29—31 мая 1967 г. в Ленинграде¹⁵. Нина Викторовна выступила по ряду докладов (например, по докладам Э. М. Шусторович, Л. Р. Қаджана, Б. Л. Фонкича), чем заслужила глубокую признательность участников конференции.

На совещаниях, конференциях, международных съездах Нина Викторовна сама выступала с сообщениями касательно источниковедения и палеографии, а также поддерживала других участников, желающих выступить с докладами по специальным дисциплинам.

Так, на заседаниях пятой византиноведческой секции XXV Международного конгресса ориенталистов 9—16 августа 1960 г. в Москве, которую возглавляла Н. В. Пигулевская, были поставлены доклады по источниковедению (Д. Моравчик, Р. М. Бартикян, Г. Л. Курбатов и др.), по палеографии (А. Белиг, Е. Э. Гранстрем, К. Кларк), по эпиграфическим памятникам Южной Аравии (А. Кавар, А. Г. Лундин) и т. д.¹⁶

В работе Археографической комиссии Нина Викторовна принимала самое деятельное участие — она активно помогала в проведении ее сессий, выступала с сообщениями, привлекала других к работе.

Нина Викторовна была одним из инициаторов состоявшейся в ноябре 1969 г. в Тбилиси конференции, организованной Институтом рукописей им. К. С. Кекелидзе Академии наук Грузинской ССР и Археографической комиссией, посвященной изучению древних рукописей. Но, к сожалению, она сама не смогла принять участие в конференции, так как в это время должна была читать лекции во Франции.

Последние выступления Н. В. Пигулевской на совещаниях Археографической комиссии («Тихомирских чтениях» в июне 1969 г. в Ленинграде и заседании Археографической комиссии 24 марта 1969 г. в Москве) раскрывали опыт ее работы по изучению и описанию рукописных памятников.

Последняя лекция в жизни Нины Викторовны была прочитана ею студентам Сорбонны в Париже, куда она ездила совсем незадолго до смерти, в декабре 1969 г., по приглашению Французской академии наук (Collège de France). Лекция эта была посвящена методике работы с рукописями, поискам затерянных рукописей, методам их определения, то есть той тематике, которой Н. В. Пигулевская посвятила столько работ и которую она особенно любила.

Имя Нины Викторовны Пигулевской не будет забыто; оно принадлежит к числу тех имен, которые составляют гордость советской науки. Ее деятельность, ее работы помогли сохранить, продолжить и развить традиции русского востоковедения и византиноведения, русской исторической науки.

Мы, ее ученики и друзья, ее современники, всегда будем ее помнить. Горечь утраты велика и вряд ли смягчится с годами, а благодарность сохранится неизменной.

Е. Э. Гранстрем

¹⁵ Об этой конференции см.: Е. Гранстрем, Н. Дворецкая. Конференция молодых специалистов.—«Вопросы изучения славянского и греческого рукописного наследия».—«Византийский временник», т. XXVIII, 1968, стр. 314—318.

¹⁶ Г. Л. Курбатов, И. Ф. Фихман. О работе секции византиноведения и смежных дисциплин на XXV международном конгрессе востоковедов.—«Византийский временник», т. XX. М., 1961, стр. 315—335.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>М. С. Веселина.</i> О мандатах, удостоверениях, полномочиях, подписанных В. И. Лениным (К составлению сводного списка неразысканных работ и документов В. И. Ленина)	5
<i>Е. А. Луцкий.</i> Первый советский тематический сборник произведений В. И. Ленина	13
<i>С. В. Житомирская.</i> Некоторые проблемы собирания и использования письменных источников	28
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в.	43
<i>А. Г. Кузьмин.</i> К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской Первой летописи	90
<i>Г. В. Попов.</i> Позднетверская рукописная орнаментика. (Четвероевангелие конца XV — начала XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря)	92
<i>Б. Н. Флоря.</i> Кормленые грамоты XV—XVI вв. как исторический источник	109
<i>В. И. Гальцов.</i> О черновых вариантах архивных описей Посольского приказа XVII в.	127
<i>Ю. Д. Рыков.</i> Редакции «Истории» князя Курбского	129
<i>Я. Е. Водарский.</i> Опись владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVII в.	138
<i>Л. А. Гольденберг, С. М. Троицкий.</i> О занятиях И. К. Кирилова русской историей (Материалы к биографии И. К. Кирилова и В. Н. Татищева)	145
<i>Г. С. Шарадзе (Тбилиси).</i> Библиотека и архив Теймураза Багратиони и их судьба	158
<i>Л. Е. Шепелев. (Ленинград).</i> К вопросу о методах и источниках изучения истории государственных учреждений России XIX — начала XX в.	161
<i>А. И. Нильве. (Одесса).</i> К методике изучения приговоров и наказов крестьян, посланных во II Государственную думу	174
<i>М. П. Ирошников. (Ленинград).</i> К начальной истории советского делопроизводства	181
<i>А. П. Лисовина. (Кишинев).</i> О значении и особенностях критического анализа годовых отчетов промышленных предприятий как исторического источника	185
<i>Л. В. Черепнин.</i> Б. Б. Кафенгауз — историк и источниковед	195
<i>В. И. Мендельсон.</i> А. Л. Попов и его археографическое наследство	202
<i>В. М. Суринов.</i> Публикаторская деятельность Н. И. Вавилова	219

Тихомировские чтения 1970 года

<i>И. Л. Андроников.</i> О современных коммуникациях в сфере археографических поисков	232
<i>В. Б. Павлов-Сильванский.</i> М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций	244

II. Обзоры, списания, библиография

<i>Э. С. Паина. (Ленинград).</i> Распространение произведений В. И. Ленина в дореволюционной России. (Обзор материалов ЦГИА СССР)	264
---	-----

<i>Л. Н. Меньшиков. (Ленинград). Дальневосточные и центральноазиатские рукописные фонды Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. (Очерк археографических работ)</i>	277
<i>Г. Г. Мирзоян. (Баку). Древнерусские рукописи в г. Баку</i>	291
<i>Е. И. Самгина. Обзор фонда Салтыковых в Государственном историческом музее</i>	294
<i>Ю. М. Критский. (Томск). Эпистолярное наследие В. И. Семевского в архивах Москвы и Ленинграда</i>	300
<i>С. В. Чирков. Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова</i>	307
<i>Р. Ф. Хохлов. (Дмитров). Личные фонды краеведов-историков в архивном собрании Дмитровского музея</i>	315
<i>Н. Г. Михайлова. Обзор документальных материалов фонда В. И. Шункова</i>	318
<i>Список трудов А. Е. Преснякова (подготовил С. В. Чирков)</i>	323
<i>Библиография авторефератов диссертаций, защищенных в Московском государственном историко-архивном институте. (К 40-летию института) (подготовила М. С. Книжникова)</i>	332

III. Публикации

<i>«Дарение Агельтруды» (Частный акт 907 г. из Италии) (подготовила Е. Ч. Скржинская (Ленинград))</i>	338
<i>Поручительство из Пьяченцы (Частный акт 938 г.) (подготовила А. М. Кононенко (Ленинград))</i>	350
<i>Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. (подготовила М. В. Кукушкина (Ленинград))</i>	357
<i>Письмо П. Ф. Якубовича В. И. Семевскому о встрече с А. И. Ульяновой (подготовил Н. Н. Митрофанов)</i>	373
<i>«Справка» В. Д. Бонч-Бруевича о деятельности академика А. А. Шахматова (подготовил С. О. Шмидт)</i>	375

IV. Хроника

<i>М. Б. Булгаков. Заседания Археографической комиссии в 1970 г.</i>	378
<i>Организация Уральского отделения Археографической комиссии</i>	383
<i>«Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник»</i>	383
<i>«Описание рукописей Синодального собрания»</i>	384
<i>В. Д. Дмитриев (Чебоксары). Археографические работы в Чувашии</i>	384
<i>Б. С. Абалихин. (Волгоград). Неизвестная рукопись о М. И. Кутузове</i>	388
<i>В. М. Суринов. К семидесятилетию В. И. Шункова</i>	388
<i>Г. В. Маркелов. Совещание в Институте русской литературы АН СССР, посвященное памяти А. А. Шахматова (Вступительное слово академика Д. С. Лихачева. Хроника заседания)</i>	390
<i>М. В. Рождественская. Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В. Н. Перетца</i>	396
<i>А. А. Амосов. В Московском государственном историко-архивном институте. (Деятельность научного студенческого кружка источниковедения истории СССР)</i>	398
<i>Е. Э. Гранстрем. Нина Викторовна Пигулевская (1894—1970)</i>	400

**Археографический ежегодник
за 1970 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
Отделения истории Академии наук СССР*

Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Редактор издательства *Р. И. Коробейникова*
Технический редактор *Л. И. Курпянова*

Сдано в набор 6/VII-1971 г. Подписано к печати 29/X-1971 г.
Формат 70×108^{1/16} Усл. печ. л. 35,7 Уч.-изд. л. 37,6.
Тираж 1850 экз. Т-17241. Бумага № 2. Тип. зак. 4663

Цена 2 р. 64 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
253	19 св.	и ей	я ей
302	10 сн.	Череповед	Череповец

Археографический ежегодник за 1970 г.

25643

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК



ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

1970